Весь

КЛАРК

СВИДАНИЕ С РАМОЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

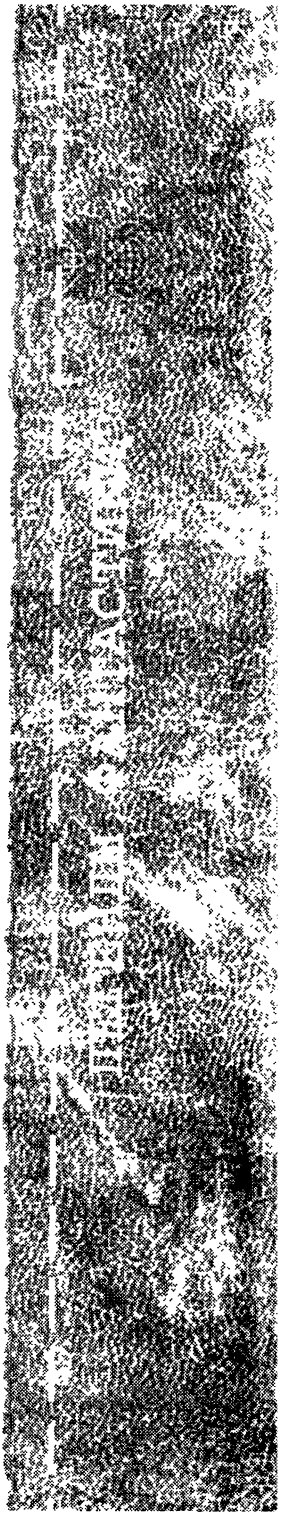
Весь

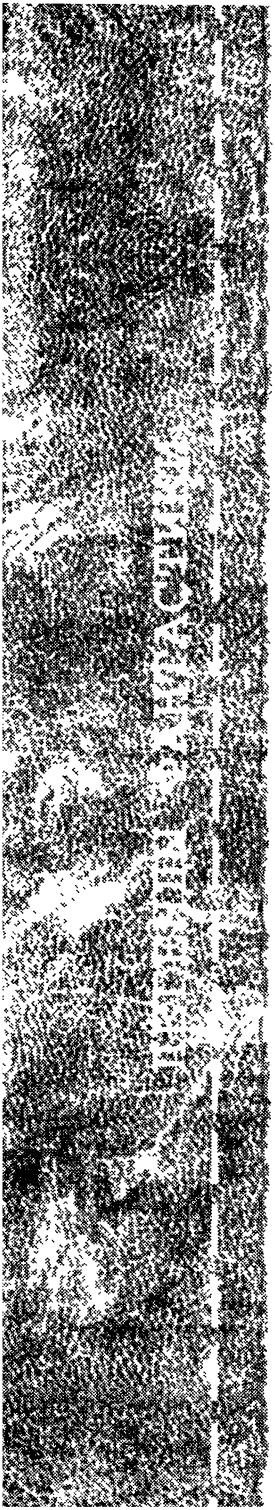
КЛАРК

Весь

КЛАРК

ПЕСКИ МАРСА
ГОРОД И ЗВЕЗДЫ
СВИДАНИЕ С РАМОЙ

Артур

КЛАРК

СВИДАНИЕ С РАМОЙ

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
К 47

Arthur C. Clarke

A FALL OF MOONDUST

© 1961 by Arthur C. Clarke

DOLPHIN ISLAND

© 1963 by Arthur C. Clarke

RENDEZVOUS WITH RAMA

© 1972 by Arthur C. Clarke

This edition published by arrangement with David Higham Associates Ltd and Synopsis Literary Agency

Составитель *А. Жикаренцев*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Кларк А.

К 47 Свидание с Рамой / Артур Кларк. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 688 с. — (Весь Кларк).

ISBN 978-5-699-40571-8

Артур Кларк — не только знаменитый ученый, изобретатель и футуролог, но и один из самых издаваемых на русском языке западных писателей. В этот сборник вошли три жемчужины фантастики 60-х и 70-х годов. «Лунная пыль» — о заре космического туризма и о сопутствующих ему опасностях. «Остров дельфинов» — о том, как пытливому человеческому уму открылись тайны «морского народа». И, наконец, награжденное пятью главными жанровыми премиями «Свидание с Рамой» — о том, что наше одиночество во Вселенной продлится всего лишь до 2130 года.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-40571-8

© Жданов Л., Голант В., Битов О., перевод с англ., 2010
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

Пату Харрису нравилась его должность: еще бы — капитан единственного судна на Луне! Глядя на пассажиров, которые, поднявшись на борт «Селены», спешили занять места у окон, он спрашивал себя, как пройдет сегодняшний рейс.

В зеркальце заднего обзора виднелась мисс Уилкинз. Очень эффектная в голубой форме сотрудницы «Лунтуриста», она добросовестно исполняла этюд «Добро пожаловать». На работе Пат Харрис всегда старался думать о ней как о мисс Уилкинз, а не как о Сью; это помогало не отвлекаться от дела. Что она думает о нем, он еще не выяснил.

Ни одного знакомого лица, все новички, и все предвкушают свое первое плавание. Большинство, так сказать, типичные туристы — пожилые люди, привлеченные миром, который в дни их молодости был символом недосягаемого. Лишь четверо или пятеро моложе тридцати лет; скорее всего, работники одной из лунных баз решили использовать свободный день. Пат уже приметил: почти как правило, пожилые туристы — значит, с Земли, молодые — жители Луны. Так или иначе, Море Жажды любого из них поразит... Вот оно, за иллюминатором, до самых звезд простерлась его мрачная, серая гладь. А в небе над Морем неподвижно висит, не первый миллиард лет, Земля. Ее голубовато-зеленый убывающий серп заливал лунные пейзажи холодным светом. Да,

---

© Перевод Л. Жданова.

здесь холодно... На поверхности Моря, наверное, около ста шестидесяти градусов ниже нуля.

Поглядеть на него — ни за что не скажешь, жидкое оно или твердое. Ровная, непрерывная гладь, а ведь трещины и расселины избороздили весь лик этого мертвого мира. Ни бугра, ни валуна, ни камешка; ничто не нарушает однообразия. На всей Земле не найти ни одного моря — да что там, пруда! — с такой спокойной поверхностью.

Море Жажды заполнено не водой, а пылью. Вот почему оно кажется людям таким необычным, так привлекает и завораживает. Мелкая, как тальк, суше, чем прокаленные пески Сахары, лунная пыль ведет себя в здешнем вакууме, словно самая текучая жидкость. Урони тяжелый предмет, он тотчас исчезнет — ни следа, ни всплеска... Передвигаться по этой коварной поверхности нельзя, разве что на двухместных пылекатах, специально созданных для этого. И конечно, на «Селене», удивительной помеси саней и автобуса, во многом похожей на вездеходы, которые десятки лет назад позволили освоить Антарктиду.

Техническое наименование «Селены» — П-1, то есть пылеход, первый образец (насколько было известно Пату, второго образца не существовало даже в проекте). Ее называли «кораблем», «судном», «лунобусом», кому как нравилось. Пат предпочитал говорить «судно», это исключало путаницу. Так никто не примет его за капитана космического корабля — звание, которым давно уже никого не удивишь.

— Добро пожаловать на борт «Селены»,— сказала мисс Уилкинз, когда все наконец расселись.— Капитан Харрис и я очень рады вам. Наше путешествие продлится четыре часа, первая достопримечательность — Кратерное Озеро, в ста километрах на восток отсюда, в Горах Недоступности.

Пат не слушал знакомых фраз, он готовил машину к пуску. «Селена» была, в сущности, наземной разновидностью космического корабля; это и естественно, ведь она ходила в

пустоте и ее уязвимый груз нуждался в надежной защите от враждебной всему живому среды. Хотя «Селена» никогда не взлетала с поверхности Луны и приводилась в движение не ракетными двигателями, а электромоторами, все ее основное оборудование повторяло оснастку настоящей ракеты — и все полагалось проверять перед стартом.

Кислород — порядок. Двигатель — порядок. Радио — порядок. («Алло, Радуга, я "Селена", проверка. Принимаете мой маяк?») Стрелка инерциальной системы — на нуле. Камера перепада закрыта. Детектор утечек — порядок. Внутреннее освещение — порядок. Посадочный переход — отсоединен. И так далее, в общем больше полусотни узлов, каждый из которых при неисправности автоматически сам подал бы сигнал. Но Пат Харрис, как и все работники космических служб, мечтавшие дожить до глубокой старости, никогда не полагался на автоматическую сигнализацию, если можно проверить лично.

Наконец все готово. Заработали почти бесшумные моторы, но гребные винты были еще в холостом положении, и сдерживаемая швартовами «Селена» только чуть подрагивала. Пат слегка повернул лопасти левого винта; судно стало медленно разворачиваться вправо. Отойдя от здания вокзала, он лег на заданный курс и дал полный ход.

Судно отлично слушалось, несмотря на совсем новую конструкцию. Здесь нельзя было опереться на тысячелетний опыт, который человек начал копить еще в каменном веке, когда впервые спустил на воду бревно. «Селена» не знала никаких предшественников, она родилась в мозгу нескольких инженеров, которые, сев за чертежный стол, задались вопросом: «Какой должна быть машина, чтобы на ней можно было скользить по поверхности пылевого моря?»

Кто-то, вспомнив старину, предложил установить колеса на корме; потом отдали предпочтение более эффективным винтам. Они ввинчивались в пыль, толкая «Селену» впе-

ред, и кильватерная струя напоминала след небывало проворного крота, но она тотчас исчезала — и снова ровная гладь, никаких признаков того, что здесь прошло судно.

Приземистые герметические купола Порт-Рориса быстро уходили за горизонт. Меньше чем через десять минут они скрылись из виду, и «Селена» оказалась одна. Одна посреди чего-то такого, для чего ни в одном языке Земли еще не было настоящего имени.

Пат выключил моторы, дал судну остановиться и подождал, пока не воцарилась тишина. Он уже привык: пассажирам нужно какое-то время, чтобы осмыслить всю необычность того, что простерлось за иллюминаторами. Они пролетели сквозь космос, видя со всех сторон звезды, глядели вверх (или вниз?) на сияющий диск Земли, но это... это нечто совсем иное. Не суша и не море, не воздух и не космос — всего понемногу.

Прежде чем тишина стала гнетущей (пересаливать тоже нельзя, кто-нибудь может испугаться), Пат поднялся на ноги и обратился к пассажирам.

— Добрый вечер, леди и джентльмены,— заговорил он.— Надеюсь, мисс Уилкинз позаботилась, чтобы всем было удобно. Мы остановились потому, что это место очень подходит для первого знакомства с Морем. Тут можно, так сказать, почувствовать его.

Пат Харрис указал на иллюминаторы и призрачное серое поле за ними.

— Как вы думаете,— тихо спросил он,— сколько здесь до горизонта? Или: каким показался бы вам человек, если бы он стоял вон там, где звезды как будто встречаются с лунной поверхностью?

Полагаясь только на зрение, невозможно было точно ответить на его вопрос. Логика подсказывала: Луна очень мала, горизонт должен быть совсем близко. Но чувства спорили. «Этот мир,— говорили они,— совершенно плоский и прости-

рается в бесконечность. Он рассек всю Вселенную надвое, и нет ему ни конца ни края...»

Иллюзия не пропадала, даже когда человек узнавал ее причину. Глаз не может судить о расстоянии, если не на чем остановить взгляд, если он беспомощно скользит по унылой поверхности пылевого океана. Здесь не было даже того, что всегда есть на Земле,— атмосферы, легкой дымки, которая помогла бы определить, что ближе, а что дальше. И звезды — немигающие точечки света — были одинаково ярки над головой и у горизонта.

— Хотите — верьте, хотите — нет,— продолжал Пат,— вы видите всего на три километра — или около двух миль, если кто-нибудь из вас еще не привык к метрическим мерам. Я знаю, кажется, что до горизонта несколько световых лет, но вы могли бы дойти туда за двадцать минут, если бы только по этой пыли можно было ходить.

Он снова сел и пустил моторы.

— Теперь следующие шестьдесят километров ничего особенного не увидишь,— сказал он, не оборачиваясь,— так что поедем быстро.

«Селена» рванулась вперед. Впервые пассажиры по-настоящему ощутили скорость. Лопасти яростно взбивали пыль, кильватерная струя становилась длиннее, длиннее, и вот уже за кормой с обеих сторон выросли огромные призрачные шлейфы. Издали «Селена» могла бы показаться снежным плугом, который вспарывал залитый лунным светом зимний ландшафт. Но серые, плавно оседающие параболы были не снегом — а озаряющее их светило была планета Земля.

Пассажиры отдыхали, наслаждаясь ровным, почти неслышным движением. Каждому из них доводилось мчаться в сотни раз быстрее, когда они летели на Луну. Но в космосе скорость не чувствуется, вот почему стремительное скольжение по пыли захватывало куда больше.

Пат заложил крутой вираж, «Селена» описала круг и едва не догнала невесомый шлейф, вскинутый к небу вращающи-

мися лопастями. Казалось неестественным, что эта пудра взлетает и падает, не рассеиваясь, что сопротивление воздуха не сокрушает эти безупречные дуги. На Земле она висела бы в воздухе часами, а то и днями.

Как только судно легло на прямой курс и опять стало не на что глядеть, кроме пустынной равнины, пассажиры занялись предусмотрительно припасенной для них литературой. Всем были розданы фотопроспекты, карты, сувениры («Настоящим удостоверяется, что мистер [миссис, мисс]... ходили по Морям Луны на борту пылехода "Селена"») и информационные брошюры. Здесь пассажиры могли найти все, что им хотелось знать о Море Жажды, пожалуй, даже немножко больше.

Они прочли, что почти вся Луна покрыта тонким, в несколько миллиметров, слоем пыли. Тут и «звездный прах» — обломки метеоритов, выпавших на незащищенный лик Луны по меньшей мере за пять миллиардов лет,— и чешуйки лунных гор, которые ночью сжимаются, днем расширяются от резкой смены температур. Что бы ее ни рождало, пыль эта настолько мелка, что даже при здешнем незначительном тяготении струится, точно влага.

Тысячелетиями она стекала с гор на равнины, собираясь в лужи и озера. Первые исследователи Луны предвидели это явление и были к нему подготовлены. Но Море Жажды всех поразило: никто не ожидал найти чашу пыли более ста километров в поперечнике.

В сравнении с лунными морями она была очень мала, и астрономы никогда официально не признавали ее названия, подчеркивая, что она лишь часть Синус Рорис — залива Росы. Разве можно, говорили они, называть морем часть залива?! И все-таки, несмотря на все их возражения, имя, придуманное кем-то из рекламного отдела «Лунтуриста», привилось. Кстати, оно было ничуть не хуже названий других морей — Моря Облаков, Моря Дождей, Моря Спокойствия. Не говоря уже о Море Нектара.

Брошюра содержала также сведения успокоительные, чтобы развеять страхи наиболее нервных путешественников и доказать, что «Лунтурист» все предусмотрел. «Сделано все, чтобы обеспечить вашу безопасность,— говорилось в ней.— Запаса кислорода на "Селене" хватит больше чем на неделю, все важные системы дублированы. Автоматический радиомаяк регулярно сообщает на базу, где вы находитесь, и, если даже совсем выйдет из строя силовая установка, вас быстро доставит обратно пылекат из Порт-Рориса. А главное, вам не надо бояться бурной погоды. Каким бы скверным моряком вы ни были, на Луне вам морская болезнь не грозит. Море Жажды не знает штормов, оно всегда спокойно».

Тот, кто написал эти слова, ничуть не покривил душой: можно ли было подозревать, что они вскоре будут опровергнуты?..

Пока «Селена» бесшумно скользила в ночи, жизнь Луны шла своим чередом. Кипучая деятельность сменила миллионы лет спячки, и за последние полвека на Луне произошло больше событий, чем за предшествующие пять миллиардов. А что будет завтра?..

В первом парке первого города, который человек построил за пределами своей родной планеты, ходил по дорожкам главный администратор Ульсен. Как и все двадцать пять тысяч обитателей города Клавия, он очень гордился своим парком. Конечно, парк маленький, но уж не такой, каким его изобразил один болтун из телевидения — мол, это «оконный ящик, страдающий манией величия». И во всяком случае, на Земле ни в одном парке, саду и огороде нет подсолнухов высотой в десять метров! Высоко над головой плыли легкие облачка-барашки — вернее, так казалось. На самом деле это было всего лишь изображение, проектируемое изнутри на свод купола, но до того похожее на правду, что иногда главного администратора одолевала тоска по дому. По дому? Он поправил себя: его дом — здесь.

И все же в глубине души Ульсен знал, что это не так. Может быть, для его детей будет иначе; они настоящие лунные жители, появились на свет в Клавии. Он же родился в Стокгольме, на Земле, и связан с ней узами, которые с годами могут ослабнуть, но никогда не порвутся совсем.

Менее чем в километре от него, по соседству с главным куполом, начальник Управления лунного туризма Девис подвел итог последним поступлениям. Что ж, неплохо. Новый сезон принес рост доходов. Разумеется, на Луне нет времен года, но отмечено, что туристов становится больше, когда в Северном полушарии Земли наступает зима.

Как закрепить успех? Вечная проблема... Нельзя все время показывать одно и то же, туристам подавай разнообразие. Необычный ландшафт, слабое тяготение, вид на Землю, загадки Фарсайда, великолепное звездное небо, первые поселения (где, впрочем, далеко не всегда рады туристам) — что еще может предложить Луна? Как жаль, что нет на ней «туземцев»-селенитов со странными обычаями и еще более странной внешностью, которых гости могли бы фотографировать. Увы, самый крупный представитель органического мира, обнаруженный на Луне, виден только в микроскоп, да и то его предки попали сюда с «Лунником-2», всего на десять лет раньше человека.

Начальник «Лунтуриста» мысленно перелистал последние письма, полученные по телефаксу: может быть, из них можно что-нибудь почерпнуть? Итак: очередной запрос какой-то телевизионной компании — горят желанием снять новый документальный фильм о Луне, при условии, что «Лунтурист» возьмет на себя все расходы. Ответ будет отрицательным: если принимать все любезные предложения такого рода, можно быстро прогореть.

Дальше — многословное послание коллеги из туристской компании Большого Нью-Орлеана. Предлагает обмен сотрудниками. Неизвестно, будет ли от этого толк Луне или

Нью-Орлеану, но хоть расходов никаких и полезно для репутации «Лунтуриста».

А вот следующее письмо действительно интересно: чемпион Австралии по водным лыжам спрашивает, пробовал ли кто-нибудь кататься по Морю Жажды.

А что, это идея! Как только никто до сих пор не додумался! Может быть, уже пробовали, цеплялись к «Селене» или пылекатам?.. Над этим стоит поразмыслить. Девис всегда старался придумать новые развлечения на Луне, и прогулка по Морю Жажды была его любимым детищем.

Он не знал, сколько мук принесет ему через несколько часов это детище.

Линия горизонта, к которому мчалась «Селена», изменилась: где была безупречно ровная дуга, выросла зубчатая цепь гор. Казалось, они медленно поднимаются к небу, точно на могучем лифте.

— Горы Недоступности,— объявила мисс Уилкинз.— Названы так потому, что окружены со всех сторон Морем. И к тому же они намного круче большинства лунных гор.

Она не стала развивать эту тему; ведь лунные пики в основном разочаровывают, когда видишь их вблизи. Огромные кратеры, такие внушительные на фотографиях, снятых с Земли, оказываются пологими холмами. Вечерние и утренние тени сильно искажают рельеф. На всей Луне нет ни одного кратера, склоны которого могли бы крутизной сравниться с улицами Сан-Франциско, их можно одолеть даже на велосипеде. Но из брошюр «Лунтуриста» об этом не узнаешь, в них показаны только наиболее эффектные скалы и каньоны, умело снятые.

— Горы эти еще по-настоящему не исследованы,— продолжала мисс Уилкинз.— В прошлом году мы забросили туда отряд геологов. Высадили их как раз на том мысу, но им удалось пройти всего несколько километров. Там может быть все, что угодно, мы пока просто ничего не знаем.

«Молодец,— подумал Пат.— Хороший гид, понимает, что объяснять подробно, а где оставить простор для воображения...»

Сью говорила спокойно, непринужденно, ничего похожего на унылый речитатив — профессиональный порок большинства гидов. И она хорошо знала свой предмет, могла ответить почти на любой вопрос. Словом, незаурядная молодая особа; и, хотя мисс Уилкинз очень нравилась Пату, в глубине души он чуточку побаивался ее.

Приближающиеся горы приковали к себе взгляды восхищенных пассажиров. Таинственный уголок все еще таинственной Луны... Посреди необычного моря вздымался остров, заманчивый орешек для следующего поколения исследователей. Вопреки названию, добраться до Гор Недоступности теперь было не так уж трудно, но, пока не изучены миллионы квадратных километров местности, которую нужно освоить в первую очередь, им придется подождать.

Еще немного, и «Селена» войдет в тень... Прежде чем пассажиры успели понять, что происходит, Земля скрылась за горами. Ее свет серебрил высокие вершины, но внизу царила кромешная тьма.

— Сейчас я выключу внутреннее освещение,— сказала стюардесса.— Тогда вам будет лучше видно.

И едва погас тусклый красноватый свет, каждый почувствовал себя так, словно он один в лунной ночи. Даже отблеск на вершинах пропал, когда пылеход еще больше углубился в тень. Остались только звезды — холодные немеркнущие огоньки, окруженные тьмой такой непроглядной, что делалось не по себе.

Среди россыпи звезд трудно было отличить знакомые созвездия. Глаз путался в узорах, которые нельзя увидеть с Земли, терялся в сверкающем хаосе скоплений и туманностей. В этой блистательной панораме был только один безошибочный ориентир — яркий маяк Венеры, которая затмевала все остальные небесные тела, возвещая близость рассвета.

Прошло несколько минут, прежде чем путешественники заметили, что не только в небесах есть на что подивиться. За мчащимся пылеходом тянулась длинная фосфорес-

цирующая кильватерная струя, словно какой-нибудь волшебник пальцем провел светящуюся черту на мрачной и пыльной поверхности Луны. «Селена» отрастила себе кометный хвост, совсем как ночной корабль в тропическом океане на Земле.

Но здесь не было никаких микроорганизмов, и не они озаряли безжизненное Море своими крохотными светильниками, а разряжающиеся пылинки, в которых стремительная «Селена» вызывала статический заряд. Очень просто — и удивительно красиво; в ночном мраке за кормой корабля непрерывно разматывалась сверкающая лента, будто Млечный Путь отразился в глади Моря.

Вдруг огненная струя растворилась в потоке света: Пат включил прожектор. За иллюминаторами, в опасной близости скользила назад каменная стена. Здесь склон горы вздымался почти отвесно из пылевого моря, и не угадаешь, высоко ли, видя только овал, выхваченный прожектором из кромешной тьмы.

Кавказ, Скалистые горы и Альпы — карлики перед этими горами. На Земле эрозия точит хребты с первого дня их возникновения, несколько миллионов лет — и от былой громады одна тень остается. А на Луне — ни дождей, ни ветров; ничто не разрушает скалы, если не считать ночного холода, от которого даже камень трескается, невыразимо медленно отслаивая мельчайшие пылинки. Лунные горы такие же древние, как породивший их мир...

Пат гордился своим умением «показать» Луну. Следующий номер он готовил особенно тщательно. Очень рискованно на первый взгляд, на деле же никакой опасности, ведь «Селена» проходила тут десятки раз, и электронная память системы управления знала путь лучше любого штурмана. Он внезапно выключил прожектор, и тут пассажиры увидели, что под покровом мрака с другой стороны тоже вплотную подступили горы.

В почти полной тьме «Селена» мчалась по узкому каньону, мчалась не прямо, а непрерывно лавируя между незримыми преградами. Честно говоря, некоторых преград вообще не существовало; днем, на минимальной скорости, Пат запрограммировал маршрут так, чтобы ночью дух захватывало. Крики испуга и восторга за его спиной подтверждали, что аттракцион удался.

Теперь была видна лишь узенькая полоса звезд далеко вверху; она извивалась сумасшедшими петлями, повторяя замысловатый бег пылехода. Пробег по «Ночной аллее», как про себя называл Пат эту часть маршрута, длился всего около пяти минут, но эти минуты казались часами. И когда капитан снова включил прожекторы, так что «Селена» очутилась в середине светового круга, у пассажиров вырвался вздох облегчения, смешанного с разочарованием. Да, не скоро они забудут «Ночную аллею»!..

В свете прожекторов стало видно, что стены постепенно раздвигаются, и вот уже каньон сменился почти овальным амфитеатром шириной около трех километров — сердце вулкана, которое разорвалось в незапамятные времена, когда даже древняя Луна была молодой.

Кратер был очень мал по лунным меркам, но весьма примечателен. Вездесущая пыль тысячелетиями текла в него по каньону, и туристы с Земли могли удобно путешествовать в котле, где некогда бушевало адское пламя. Это пламя угасло задолго до зарождения земной жизни и никогда не вспыхнет вновь, но были на Луне другие силы — они не умерли и только выжидали своего часа...

Когда «Селена» медленно пошла по кругу вдоль скал, не один пассажир невольно вспомнил катание на горных озерах на Земле. Та же чуткая тишина, то же ощущение бездонной глубины внизу. На Земле много кратерных озер; на Луне только одно, хотя здесь несравненно больше кратеров.

Пат не торопился, сделал два полных круга. Сейчас только и полюбоваться озером. Днем, в яростных лучах ослепи-

тельного солнца, оно сильно проигрывало; теперь же казалось порождением лихорадочной фантазии Эдгара По. Там, где кончалась световая полоса, глазу чудились странные движущиеся фигуры. Разумеется, воображение: в этом краю ничто не движется, кроме теней, рожденных Солнцем и Землей. Не может быть привидений в мире, который никогда не знал жизни.

Но пора поворачивать обратно, выходить через каньон в открытое Море.

Пат нацелил тупой нос «Селены» на узкие ворота в горах, и снова их обступили высокие кручи. Теперь капитан не выключал прожекторов — пусть пассажиры видят путь; к тому же второй раз аттракцион не произведет столь сильного впечатления.

Далеко впереди родился свет, который мягко озарял скалы и утесы. Даже в последней четверти Земля ярче десяти полных лун, и, как только пылеход вынырнул из тени гор, она снова стала главным светилом. Двадцать два пассажира «Селены» восхищенно смотрели на красивый и яркий голубовато-зеленый полукруг. Удивительно, когда глядишь издалека,— родные поля, озера, леса излучают такое волшебное сияние! Пожалуй, в этом заключен мудрый урок: чтобы оценить свой собственный мир, нужно увидеть его из космоса...

А сколько глаз устремлено сейчас с Земли на прибывающую Луну, вечную спутницу, которая теперь важна людям как никогда? И не исключено, что кто-то в этот самый миг всматривается через мощный телескоп в крохотную искорку скользящей в лунной ночи «Селены». Но когда искорка погаснет, ее исчезновение ничего не скажет земному наблюдателю.

Миллионы лет в глубинах у подножия гор, словно исполинский нарыв, рос этот пузырь. Сколько длится история человечества, из живых еще лунных недр сочился по трещинам газ и накапливался в пустотах, в сотнях метров от по-

верхности. На Земле один за другим сменялись ледниковые периоды, а здесь пустоты разрастались вширь, ввысь, сливались между собой. И настала пора нарыву прорваться.

Капитан Харрис, передав управление автопилоту, разговаривал с пассажирами, когда судно тряхнул первый толчок. «Должно быть, винт что-то задел»,— успел он подумать. В следующий миг у него буквально почва ушла из-под ног.

Это происходило медленно — на Луне все падает медленно. Впереди «Селены» на площади в много акров над гладкой равниной вздулся бугор, и Море ожило, заколыхалось под действием сил, которые пробудили его от тысячелетнего сна. Посреди бугра открылась воронка — словно в пылевой толще возник гигантский водоворот. И каждая подробность этого кошмара была отчетливо видна в свете Земли, пока кратер не углубился настолько, что его противоположная стенка окуталась густой тенью. Казалось, «Селена» сейчас врежется в черный полумесяц и разобьется вдребезги.

Действительность была немногим лучше. Когда Пат схватился за рычаги, судно уже катилось и скользило вниз по коварному откосу. Собственная инерция и ускоряющийся поток пыли увлекали его в пучину. Оставалось только всеми силами удерживать «Селену» на ровном киле и надеяться, что она с ходу выскочит вверх по противоположному склону раньше, чем провалится дно кратера.

Возможно, пассажиры кричали — Пат ничего не слышал. Все его внимание сосредоточилось на этом зловещем склоне и на том, как не дать судну опрокинуться. И еще: пока он лихорадочно маневрировал, форсируя то один, то другой двигатель, его преследовало смутное воспоминание... Где-то, когда-то он уже видел такую же катастрофу.

Конечно, вздор, но почему он никак не может отделаться от этой мысли?.. И лишь когда Пат очутился на дне и увидел бесконечную пылевую лавину, которая начиналась от обрамленного звездами края воронки, на миг разорвалась завеса.

...Летний день, он — маленький мальчик — играет в горячем песке. Увидел ровную ямку с гладкими стенками, в глубине ее что-то шевелилось, зарывшись в песок так, что только челюсти торчали. Что это такое? Мальчик смотрел и ждал, словно угадывая, что скоро на этой крохотной сцене разыграется драма. Откуда ни возьмись, муравей, поглощенный своими муравьиными делами. Подбежал к краю ямки... поскользнулся — и поехал по стенке вниз!..

Конечно, муравей легко одолел бы подъем, но, едва первые песчинки скатились на дно ямки, злобное чудовище вышло из засады. Оно обрушило фонтан песка на жертву, и муравей вместе с песчаной лавиной съехал в кратер.

В точности, как сейчас «Селена»... Конечно, не муравьиный лев вырыл яму на поверхности Луны, но Пат чувствовал себя таким же беспомощным, как тот муравей. Он тоже карабкался вверх, вверх к спасительному краю, борясь с потоком пыли, который нес его навстречу смерти. Муравья ждала смерть скорая, Пата и его спутников — долгая.

Напрягая всю мощь, моторы толкали судно вперед, но слишком медленно. Пылевая лавина набирала скорость, и что хуже всего — пыль поднималась вверх вдоль бортов «Селены». Достигла иллюминаторов... выше... выше... совсем закрыла! В тот самый миг, когда Пат выключил моторы, чтобы те не сгорели от непосильного напряжения, пыль скрыла последний отсвет убывающей Земли. Окруженные мраком и безмолвием, они погружались в недра Луны.

На радиопульте диспетчерской Эртсайд-Север беспокойно стрекотала одна из секций электронной памяти. Двадцать часов одна секунда по гринвичскому времени; серия импульсов, которая должна автоматически поступать на пульт каждый час, не пришла.

С быстротой, недоступной человеческому разуму, горсточка ячеек и микроскопических реле «перелистала» свои инструкции. «Ждать пять секунд,— гласил кодированный приказ.— Если ничего не изменится, включить цепь 10011001».

Крохотная секция электронного диспетчера терпеливо выждала этот огромный промежуток времени, за который можно было сложить сто миллионов двадцатизначных чисел или перепечатать содержание почти всех книг Библиотеки конгресса США. Затем она включила цепь 10011001.

Высоко над поверхностью Луны, с антенны, которая была нацелена на земной диск, улетел в космос радиоимпульс. За одну шестую секунды он прошел пятьдесят тысяч километров до спутника связи «Лагранж-2», как бы подвешенного между Луной и Землей. Еще через одну шестую секунды многократно усиленный импульс вернулся, обдав потоком электронов Северное полушарие Эртсайда (так на Луне называли видимую с Земли сторону, обратная называлась Фарсайд).

Если перевести на человеческую речь, он нес очень простое сообщение: «Алло, "Селена", не слышу вашего сигнала. Прошу тотчас ответить».

Диспетчер подождал еще пять секунд, потом опять послал импульс. И еще раз. В электронном мире проходили геологические эпохи, но терпение машины было беспредельно.

Диспетчер вновь обратился к инструкциям. Последовал новый приказ: «Включить цепь 10101010». Машина подчинилась, и одна из зеленых лампочек в диспетчерской внезапно сменилась красной, одновременно зуммер принялся распиливать воздух сигналом тревоги. Только теперь и люди тоже узнали, что где-то на Луне случилась беда.

Поначалу новость распространялась медленно: главный администратор не одобрял беспричинной паники. Еще меньше ее одобрял начальник «Лунтуриста» Девис; аварии и тревоги только все дело портят, даже если — как это бывало в девяти случаях из десяти — оказывалось, что повинны перегоревшие предохранители, неисправные выключатели или чрезмерно чувствительные сигнализаторы. Но на Луне полагалось ежеминутно быть настороже. Лучше отозваться на воображаемую опасность, чем прозевать действительную.

Наконец Девис неохотно признал, что на этот раз опасность не воображаемая. Был и раньше случай, когда автоматический маяк «Селены» не сработал, но Пат Харрис ответил, как только его вызвали на волне пылехода. Теперь же судно молчит. «Селена» не отозвалась даже на аварийной волне, которой пользовались только при крайней надобности. Узнав об этом, Девис поспешно покинул вышку «Лунтуриста» и по крытому ходу прошел в Клавий.

У входа в диспетчерскую он встретил главного инженера Лоуренса. Скверный признак: значит, кто-то предполагает, что понадобится спасательная операция. Они озабоченно поглядели друг на друга, думая одно и то же.

— Надеюсь, вам не нужна моя помощь? — сказал Лоуренс.— В чем дело? Я знаю только, что послан вызов на аварийной волне. Какой корабль?

— Не корабль... «Селена» не отвечает, она в Море Жажды.

— В Море Жажды?! Если с ней там что-нибудь случилось, мы можем добраться туда только на пылекатах. Сколько раз я говорил: прежде чем возить туристов, нужно ввести в строй второй пылеход.

— Я говорил то же самое, но Финансовое управление наложило вето. Дескать, второго не будет, пока «Селена» не докажет, что способна дать прибыль.

— Как бы она вместо этого не дала материал газетам,— мрачно отозвался Лоуренс.— Вы знаете мое отношение к туризму на Луне.

Девис знал, отлично знал; они уже давно грызлись по этому поводу. Но впервые ему пришло в голову, что главный инженер, возможно, не так уж и не прав.

В диспетчерской, как всегда, было очень тихо. На больших стенных картах мелькали зеленые и желтые огоньки, обыденные и мало примечательные рядом с тревожным красным сигналом. За пультами «Воздух», «Энергетика», «Радиация», подобно ангелам-хранителям, сидели дежурные инженеры, ответственные за безопасность на одной четверти Луны.

— Ничего нового,— доложил дежурный по НТ (наземному транспорту).— Мы все еще в полном неведении. Знаем только, что они где-то на Море.— Он начертил круг на крупномасштабной карте.— Если не сбились безнадежно с курса, должны быть где-то в этом районе. В момент контроля в девятнадцать ноль-ноль судно находилось на своем маршруте, отклонение не больше километра. В двадцать ноль-ноль сигнал не поступил; значит, авария произошла за эти шестьдесят минут.

— Сколько может «Селена» пройти за час? — спросил кто-то.

— Максимальная скорость — сто двадцать километров,— ответил Девис.— Но обычно она делает меньше ста. Экскурсия, зачем спешить...

Он упорно смотрел на карту, точно надеясь пристальным взглядом вырвать у нее ответ.

— Если они в Море, найти их недолго. Вы уже послали пылекаты?

— Нет, я ждал распоряжения.

Девис поглядел на главного инженера, который на этой стороне Луны был старшим начальником после администратора Ульсена. Лоуренс медленно кивнул.

— Высылайте,— сказал он.— Но не надейтесь на скорый ответ! Нужно немало времени, чтобы обследовать несколько тысяч квадратных километров, тем более ночью. Прикажите им идти вдоль маршрута, начиная с последней известной позиции. И пусть захватят возможно более широкую полосу.

Как только распоряжение было передано, Девис тревожно спросил:

— Что, по-вашему, могло случиться?

— Выбор невелик. Судя по тому, что они ничего не успели сообщить, авария была внезапной. Значит, скорее всего — взрыв.

Девис побледнел. Вероятность диверсий не исключена, и неизвестно, что тут делать. Космические средства передвижения уязвимы; поэтому они, как это прежде было с самолетами, неудержимо привлекают некоторых преступников. Он вспомнил корабль «Арго» — летел на Венеру и был уничтожен каким-то маньяком, задумавшим свести счеты с одним из пассажиров, который его и не знал-то как следует. Погибли двести человек, в том числе женщины и дети.

— Может быть и столкновение,— продолжал главный.— Судно могло на что-нибудь наскочить.

— Харрис очень осторожный капитан,— возразил Девис.— Он десятки раз ходил этим маршрутом.

— Никто не застрахован от ошибок... При земном свете легко просчитаться, определяя расстояние.

Девис уже не слушал его, он думал о том, что обязан предпринять, если дело обернется совсем плохо. Надо, не откладывая, связаться с юристами, узнать насчет возмещения.

Стоит любому из родственников предъявить «Лунтуристу» иск на несколько миллионов долларов, и никакая реклама не заманит туристов в следующем году, даже если Девис выиграет дело.

Дежурный по НТ нервно кашлянул.

— Разрешите предложить,— обратился он к главному инженеру.— Давайте запросим «Лагранж»? Может быть, астрономы сверху что-нибудь приметят.

— Ночью? — недоверчиво спросил Девис.— За пятьдесят тысяч километров?

— Очень даже просто, если прожекторы «Селены» еще горят. Пусть попробуют.

— Отличная мысль,— сказал главный инженер.— Свяжитесь немедленно.

Он должен был сам об этом подумать. Может быть, еще что-нибудь упустил?.. Лоуренсу не впервые приходилось вступать в поединок с этим прекрасным и своенравным миром, таким волнующим в свои добрые минуты и таким грозным в приступе гнева. Луна — не Земля, она никогда не будет полностью приручена. И это, пожалуй, хорошо: ведь именно зов ее дикой природы и постоянный привкус риска манит сюда и туристов, и исследователей. Конечно, без туристов было бы спокойнее, но, если бы не они, он бы зарабатывал меньше.

А теперь — пора собираться в путь. Конечно, все еще может кончиться благополучно. «Селена» объявится, даже не подозревая, какой переполох вызвала. Но Лоуренс почему-то сомневался в этом, и чем дальше, тем больше росла его тревога. Еще часок можно подождать; потом он отправится на суборбитальной ракете местного сообщения в Порт-Рорис, а оттуда — к ожидающему его врагу, Морю Жажды...

Когда красный сигнал тревоги замигал на «Лагранже», доктор философии Томас Лоусон крепко спал. Проснувшись, он в первый миг рассердился: хотя двух часов сна в сутки до-

статочно в невесомости, обидно, когда тебя и этого лишают! Но тут до него дошел смысл радиограммы, и сон как рукой сняло. Кажется, наконец-то представился случай сделать что-то полезное!

Том Лоусон скверно чувствовал себя на «Лагранже-2». Он мечтал о научной работе, а здесь просто нельзя сосредоточиться. Балансирующий на некоем космическом канате между Луной и Землей (один из эффектов закона тяготения) спутник был для космонавтов этаким мальчиком на побегушках. Корабли, пролетая мимо, проверяли по нему свое место, использовали его как узел связи, только что не подходили к нему за письмами... «Лагранж» был также релейной станцией почти для всех каналов лунной радиосвязи, ведь под ним простерлась видимая с Земли сторона.

Стосантиметровый телескоп был рассчитан на наблюдение объектов, удаленных в миллиарды раз больше, чем Луна, но он отлично подходил для задания, которое сейчас получил Лоусон. На таком близком расстоянии вид был великолепный даже при самом малом увеличении. Том висел как раз над Морем Дождей, глядя на озаренные утренним Солнцем острые пики Апеннин. Он плохо знал географию Луны, однако мог без труда различать великие кратеры Архимеда и Платона, Аристиппа и Евдокса, черный шрам Альпийской долины, одинокую пирамиду Пико, от которой по равнине тянулась длинная тень.

Но дневная область сейчас не занимала Лоусона; предмет, который он искал, находился в затемненном полушарии, где еще не взошло Солнце. В чем-то это даже облегчало его задачу: можно будет без труда обнаружить сигнальную вспышку — даже огонек карманного фонарика. Он сверил координаты по карте и нажал кнопки управления телескопом. Воспламененные восходом горы ушли в сторону, уступив место плотному мраку лунной ночи, который только что поглотил два десятка человек...

Сперва Лоусон ничего не увидел — и уж во всяком случае, ничего похожего на мигающий фонарь, который слал бы свой призыв к звездам. Потом, когда свыклись глаза, он обнаружил, что внизу царит не полный мрак: освещенная Землей лунная поверхность источала призрачное сияние. И чем дольше он глядел, тем больше подробностей различал.

Вот горы к востоку от Залива Радуги ждут надвигающегося рассвета. А вот... постой, что это еще за звезда там, в темноте?! Но родившаяся было надежда тотчас умерла, Том видел всего-навсего огни Порт-Рориса, где в этот миг с таким нетерпением ждали, что он скажет.

Несколько минут — и он понял: визуальное исследование ничего не даст. Иное дело днем — он сразу обнаружил бы «Селену» по длинной тени, которую она должна отбрасывать на Море. Теперь же, когда Луна озарена лишь слабым светом Земли, глаз человека недостаточно чувствителен, чтобы с высоты пятидесяти тысяч километров различить предмет размерами не больше автобуса.

Впрочем, это не обескуражило Тома. Он и не ожидал, что с первой попытки найдет судно. Прошло полтора столетия с тех пор, как астрономы могли полагаться лишь на собственные глаза; теперь у них были куда более тонкие приборы — целый арсенал усилителей света и детекторов излучения. Лоусон не сомневался, что один из этих приборов отыщет «Селену».

Он не был бы так уверен, если бы знал, что «Селены» нет на поверхности Луны...

«Селена» уже остановилась, а ошеломленные пассажиры все еще сидели молча. Капитан Харрис первым пришел в себя — он единственный из всех догадывался, что произошло.

Ясно: подземная пустота. Они здесь не редкость, хотя под Морем Жажды их до сих пор не находили. Что-то подалось в недрах Луны. И вполне возможно, что вес «Селены», как он ни мал, оказался последней каплей.

Пат тяжело поднялся на ноги, спрашивая себя, что и как говорить пассажирам. Тут уж не сделаешь вид, будто все в порядке и через пять минут судно пойдет дальше своим курсом. А сказать всю правду — начнется паника. Конечно, рано или поздно придется открыть истину, но сейчас главное — успокоить людей.

Он поймал взгляд мисс Уилкинз. Бледная, но собранная, девушка стояла в задней части кабины, за напряженно ожидающими пассажирами. Пат Харрис знал, что может на нее положиться, и ободряюще улыбнулся ей.

— Кажется, нам не повезло,— непринужденно заговорил он.— Небольшая авария, как вы, очевидно, сами заметили. Могло быть и хуже.

«Например? — мысленно спросил он себя.— Ну, скажем, пробоина в корпусе... По-твоему, лучше продлить агонию?» Усилием воли Пат прекратил внутренний монолог.

— Произошел обвал — лунотрясение, если хотите. Тревожиться нечего. Даже если мы не выберемся сами, Порт-

Рорис, не мешкая, пришлет кого-нибудь нам на помощь. А пока... Мисс Уилкинз как раз собиралась разнести закуски. Итак, отдохните, а я тем временем... э-э... приму надлежащие меры.

Кажется, все сошло хорошо. Пат мысленно вздохнул и повернулся к пульту управления, но в тот же миг заметил, что один из пассажиров закуривает сигарету.

Непроизвольное действие... Он и сам бы не прочь закурить. Чтобы не портить эффект от своей маленькой речи, Пат не стал ничего говорить, однако его взгляд сказал пассажиру все, что требовалось. Сигарета была потушена прежде, чем капитан успел сесть в свое кресло.

Он включил приемник, но еще раньше за его спиной начался оживленный разговор. Когда говорят несколько человек сразу, можно определить их настроение, даже если не разбираешь отдельных слов. Пат Харрис уловил недовольство, возбуждение, даже веселье, но страха пока не было заметно. Видимо, говорящие не отдавали себе полного отчета в том, насколько серьезна опасность. А те, кто понял, молчали.

Молчал и эфир. Пат прошелся по всем волнам, но услышал только слабый треск — разряды в толще схоронившей их пыли. Ничего удивительного: это проклятое вещество содержит много металла и создает почти идеальный экран. Оно не пропустит ни радиоволн, ни звуков; пытаться что-нибудь передать отсюда — все равно что кричать, стоя на дне колодца, заполненного перьями.

Пат подключил к маяку мощный каскад аварийной частоты, чтобы он автоматически посылал сигналы бедствия. Если что-нибудь пробьется наружу, то только на этой волне. Вызывать Порт-Рорис бесполезно, к тому же его бесплодные попытки только встревожат пассажиров. Приемник он оставил включенным на рабочей волне «Селены» — вдруг кто-нибудь отзовется? Пат знал, что это невозможно. Никто

их не услышит и никто с ними не заговорит. Они так прочно отрезаны от всего человечества, словно его вовсе не существует.

И хватит думать об этом, слишком много других дел.

Он тщательно проверил показания приборов. Все было в норме, разве что чуть повысилась температура воздуха внутри кабины. Но и это только естественно: пылевое одеяло защищает их от космического холода.

Толщина этого одеяла и его вес особенно заботили капитана. На «Селену» давят тысячи тонн пыли, а ведь ее корпус рассчитан на сопротивление давлению изнутри, не извне. Если судно погрузится слишком глубоко, корпус лопнет, как яичная скорлупа.

На какой глубине они сейчас? Когда скрылся из виду последний клочок звездного неба, до поверхности было метров десять, но дальнейшая осадка пыли могла затем увлечь «Селену» гораздо глубже. Пожалуй, стоит — хоть это увеличит расход кислорода — поднять внутреннее давление и таким образом отчасти компенсировать наружное.

Очень медленно, чтобы никому не заложило уши и его маневр не вызвал тревогу, Пат Харрис повысил давление воздуха в кабине на двадцать процентов. После этого у него стало немного легче на душе. И не только у него: едва стрелка манометра остановилась на новом делении, спокойный голос за спиной капитана произнес:

— Отличная мысль.

Кто это сует нос в его дела? Пат круто обернулся, но сердитые слова не сорвались с его языка. Во время посадки капитан в спешке не заметил среди пассажиров ни одного знакомого лица — и однако он явно где-то видел плечистого седого мужчину, который стоял сейчас рядом с его креслом.

— Я не хочу навязываться, капитан, вы здесь начальник. Но разрешите все-таки представиться — вдруг я смогу чем-нибудь помочь. Коммодор Ханстен.

Разинув рот, Пат округлившимися глазами смотрел на человека, который руководил первой экспедицией на Плутон и возглавлял список покорителей планет и лун. От удивления он смог только вымолвить:

— Вас не было в списке пассажиров!

Коммодор улыбнулся:

— Да, я записался как Хансон. Я и в отставке не потерял вкуса к путешествиям, но командуют пусть другие. Стоило мне сбрить бороду, и меня уже никто не узнает.

— Я очень рад, что вы здесь,— горячо произнес Пат.

Словно кто-то снял часть бремени с его плеч. Еще бы: этот человек будет надежной опорой в трудные часы — или дни,— которые им предстоят.

— Если вы не против,— вежливо продолжал Ханстен,— хотелось бы прикинуть наши возможности. Или попросту говоря: сколько мы можем выдержать?

— Это зависит от кислорода, как всегда. Нашего запаса хватит на семь дней, если не будет утечек. Пока их вроде нет.

— Значит, есть время все продумать. А как с продовольствием, водой?

— Сыты не будем, но с голоду не умрем. Есть аварийный запас концентратов, воздухоочистители обеспечат нас водой. Словом, это не проблема.

— Электроэнергия?

— Сколько угодно, ведь моторы теперь ничего не потребляют.

— Я заметил, что вы даже не пробовали вызвать Базу.

— Ни к чему, мы экранированы пылью. Я включил маяк на аварийной волне — единственная и очень слабая надежда пробить экран...

— Придется им изобретать что-то еще. Как вы думаете, долго они нас проищут?

— Очень трудно сказать. Розыски начнутся, как только обнаружат, что в двадцать ноль ноль не поступил наш сиг-

нал. Район, где мы исчезли, определят быстро. Но ведь мы, наверное, не оставили никаких следов на поверхности. Вы сами видели, эта пыль все поглощает. И даже когда нас найдут...

— Как они нас выручат?

— Вот именно.

Капитан двадцатиместного пылехода и коммодор космических кораблей смотрели друг на друга, думая об одном и том же. Вдруг кто-то, судя по выговору, чистокровный англичанин, воскликнул, перекрывая гул разговора:

— Уверяю вас, мисс, это первая приличная чашка чаю, которую я пью на Луне. Я уже решил было, что здесь вообще не умеют его заваривать. Вы молодец!

Коммодор тихо рассмеялся.

— Он должен вас благодарить, а не стюардессу,— сказал Ханстен, кивая на манометр.

Пат вяло улыбнулся в ответ. Что верно, то верно: теперь, когда он увеличил давление внутри кабины, вода закипает почти при обычной температуре, как на Земле. И можно получить хороший горячий напиток, а не теплую бурду. Конечно, экстравагантный способ готовить чай — совсем как в анекдоте, когда сожгли дом, чтобы изжарить свинью...

— Главное,— снова заговорил коммодор,— не дать пассажирам пасть духом. Попробуйте подбодрить их, расскажите, как ведутся поиски. Только не переигрывайте, не создавайте впечатления, что не пройдет и получаса, как к нам постучатся снаружи. Это может осложнить дело, если... скажем, если придется ждать несколько дней.

— Описать нашу спасательную организацию недолго,— ответил Пат.— Но, откровенно говоря, она не рассчитана на такие случаи, как этот. Если корабль терпит аварию на поверхности Луны, его легко найти с одного из спутников — «Лагранж-два» над Эртсайдом, «Лагранж-один» — над Фарсайдом. Но они вряд ли помогут. Я уже говорил: следов-то нет.

— Не знаю, не верится. Когда на Земле тонет корабль, всегда остаются следы: пузыри, масляные круги на поверхности, обломки.

— Так то на Земле. Глубоко ли мы или мелко, отсюда ничего не всплывет.

— Остается только ждать?

— Да,— подтвердил Пат. Взглянул на шкалу кислородного манометра и добавил: — Одно ясно: мы можем ждать не больше недели.

На высоте пятидесяти тысяч километров над Луной Том Лоусон отложил в сторону последний из сделанных им фотоснимков. Он исследовал в лупу каждый квадратный миллиметр отпечатков. Качество снимков превосходное. Электронный усилитель изображения, в миллионы раз чувствительнее человеческого глаза, выявил все детали так четко, словно над равниной уже взошло солнце. Лоусон нашел даже один из пылекатов — вернее, его длинную тень. Но никаких признаков «Селены»... Море было такое же ровное и гладкое, как и до появления человека на Луне. Наверное, таким же оно будет и через много веков после того, как люди исчезнут.

Том не любил признавать себя побежденным, даже в гораздо менее серьезных вопросах. Он твердо верил, что любую задачу можно решить, надо лишь правильно взяться и применить верные средства. Самолюбие ученого было задето; что речь идет о жизни многих людей, его почти не трогало. Лоусона мало интересовали люди, зато Вселенную он уважал. Между ним и ею шел своего рода поединок.

Он придирчиво и бесстрастно оценил обстановку. Как подошел бы к этой задаче великий Холмс? (Типично для Тома: человек, которого он искренне почитал, никогда не жил на свете.) В открытом Море «Селены» нет, остается только одна возможность. Катастрофа произошла неподалеку от берега или где-то возле гор. Скорее всего, в районе, известном под названием (он сверился с картой) Кратерного Озера.

Да, все говорит о том, что авария случилась здесь, а не на гладкой, свободной от каких-либо препятствий равнине.

Том Лоусон снова стал рассматривать фотографии, придирчиво изучая горы.

И тотчас столкнулся с новой трудностью. По краю Моря торчали десятки обособленных глыб, и любая из них могла быть пропавшим пылеходом. Но что хуже всего — многие участки он не мог как следует разглядеть, горы их заслоняли. С «Лагранжа» Луна представлялась шаром, и перспектива была сильно искажена. Кратерного Озера он вообще не видел из-за гор. Тома не выручало даже то, что он парил на огромной высоте; только пылекаты смогут обследовать тот район.

Нужно вызвать Эртсайд и доложить о том, что уже сделано.

— Говорит Лоусон, «Лагранж-два»,— начал он, когда узел связи включил его в сеть.— Я осмотрел Море Жажды, посреди равнины ничего нет. Видимо, ваше судно наскочило на мель у берега.

— Спасибо,— произнес удрученный голос.— Вы уверены?

— Вполне. Я различаю ваши пылекаты, а они в четыре раза меньше «Селены».

— Есть что-нибудь приметное вдоль берегов Моря?

— Слишком много мелких деталей, нельзя сказать ничего определенного. Вижу пятьдесят, сто предметов того же размера, что и «Селена». Как только взойдет солнце, сумею разглядеть их получше. Сейчас там ночь, не забывайте.

— Мы вам очень благодарны за помощь. Сообщите, как только найдется что-нибудь.

В Клавии начальник «Лунтуриста» с грустью слушал доклад Лоусона. Ничего не поделаешь, пора извещать ближайших родственников... Дальше хранить тайну неразумно, да и просто невозможно.

Обратившись к дежурному по НТ, он спросил:

— Список пассажиров получен?

— Как раз передают по телефаксу из Порт-Рориса. Готово.— Дежурный протянул Девису тонкий листок.— Кто-нибудь важный на борту?

— Все туристы одинаково важны,— холодно ответил начальник управления, не поднимая головы. И тут же воскликнул: — Господи!

— В чем дело?

— Коммодор Ханстен на «Селене».

— Ханстен? Я не знал, что он на Луне!

— Мы держали это в секрете. Задумали привлечь его в «Лунтурист», все равно он ушел в отставку. Коммодор ответил, что сперва хотел бы осмотреться, и обязательно инкогнито.

Оба замолчали, размышляя об иронии судьбы. Один из величайших героев космоса — и вот, пропал без вести, как рядовой турист, в дурацкой аварии на задворках Земли...

— Да, на беду себе отправился коммодор на экскурсию,— произнес наконец дежурный.— Или на счастье остальным пассажирам. Если они еще живы.

— Вот именно: теперь, когда и обсерватория подвела, только счастье может их выручить,— сказал Девис.

Но он поторопился сбрасывать со счета «Лагранж-2», у доктора Тома Лоусона были еще в запасе козыри.

Были они и у члена общества иезуитов, преподобного Винсента Феррaро, ученого совсем другого склада. Жаль, что ему и Тому Лоусону не доведется встретиться,— получился бы великолепный фейерверк! Отец Феррaро верил в Бога и человека, доктор Лоусон не верил ни в того ни в другого.

Винсент Феррaро начинал свою научную карьеру геофизиком, затем променял один мир на другой и превратился в селенофизика — впрочем, это звание он вспоминал, лишь когда становился педантом. Никто не знал о недрах Луны

столько, сколько он; добывать эти знания Ферраро помогали многочисленные приборы, хитроумно размещенные по всей поверхности вечного спутника Земли.

Эти приборы сообщили ему очень интересные сведения: в 19 часов 35 минут 47 секунд гринвичского времени в районе Залива Радуги произошел сильный толчок. Странно — эта область невозмутимой Луны до сих пор считалась особенно устойчивой. Ферраро велел своим вычислительным машинам уточнить, где находится очаг смещения, а также проверить, не отметили ли приборы каких-либо иных аномалий. Затем отправился в столовую; тут-то он и услышал от коллег, что пропала «Селена».

Ни одна вычислительная машина не сравнится с человеческим мозгом, когда надо связать совсем независимые, казалось бы, факты. Не успел Винсент Ферраро проглотить вторую ложку супа, как уже сложил два и два и получил вполне правдоподобный, но, увы, неверный ответ.

— Вот как обстоят дела, дамы и господа,— заключил коммодор Ханстен.— Прямая опасность нам не угрожает, и я не сомневаюсь в том, что нас очень скоро найдут. А пока — выше голову!

Коммодор помолчал, обводя взглядом встревоженные лица. Он уже приметил несколько «слабых точек»: вот тот щуплый мужчина, страдающий нервным тиком, да и та сухощавая кислая дама, которая нервно мнет носовой платок. Может быть, они нейтрализуют друг друга, если под каким-нибудь предлогом посадить их рядом?..

— Капитан Харрис и я — командир здесь он, я только его советник — разработали план действий. Питание будет скромное, строго по норме, но вполне достаточное, тем более что сил вам расходовать не надо. И мы хотели бы просить кого-нибудь из женщин помогать мисс Уилкинз. У нее будет много хлопот, одной трудно справиться. Но главная опасность, если говорить откровенно,— скука. Кстати, у кого-нибудь есть с собой книги?

Все стали рыться в сумках и портфелях. Были извлечены: полный набор путеводителей по Луне, включая шесть экземпляров официального справочника, новейший бестселлер «Апельсин и яблоко», посвященный несколько неожиданной теме — любви Нелл Гвин и сэра Исаака Ньютона, «Шейн» в издании «Гарвард Пресс» с учеными комментариями одного профессора английского языка, очерк логического пози-

тивизма Огюста Конта и один экземпляр «Нью-Йорк таймс» недельной давности, земное издание. Не роскошная библиотека, но, если умело подойти, ее можно было растянуть надолго.

— Предлагаю создать комиссию по развлечениям, и пусть она решит, как все это использовать. Не знаю только, пригодится ли нам мсье Конт... Но может быть, у вас есть вопросы? Может быть, вы хотите, чтобы капитан Харрис или я что-то более подробно разъяснили?

— Мне хотелось бы выяснить один вопрос,— произнес тот самый голос, который похвально отозвался о чае.— Допускаете ли вы, что мы всплывем на поверхность? Ведь если эта пыль ведет себя как вода, нас может вытолкнуть наверх, как пробку?

Вопрос англичанина застиг коммодора врасплох. Он обернулся к Пату и пробурчал:

— Это по вашей части, мистер Харрис. Что вы скажете?

Пат покачал головой:

— Боюсь, на это надеяться нечего. Конечно, воздух внутри кабины придает нам большую плавучесть, но сопротивление пыли слишком велико. В принципе мы можем всплыть — через несколько тысяч лет.

Но англичанина явно было не так-то легко обескуражить.

— Я видел в воздушном шлюзе космический скафандр. Можно выйти в нем наружу и всплыть на поверхность? Тогда спасатели сразу узнают, где мы.

Пат поежился: он один умел обращаться с этим скафандром, который предназначался для аварийных случаев.

— Я почти уверен, что это невозможно. Вряд ли человек одолеет такое сильное сопротивление. К тому же он будет слеп. Как он определит, где верх? И как закрыть за ним наружную дверь? Если пыль проникнет в камеру перепада, от нее потом не избавишься. Выкачать ее наружу нельзя.

Пат мог бы продолжать, но решил, что этого довольно. Если к концу недели спасатели не найдут их, придется, воз-

можно, испытать самые отчаянные средства. Но сейчас об этом лучше не говорить, даже не думать, чтобы не подрывать собственного мужества.

— Если больше вопросов нет,— вступил коммодор Ханстен,— я предлагаю, чтобы каждый представился. Хотим мы того или нет, нам надо привыкать друг к другу. Итак, давайте познакомимся. Я пройду по кабине, а вы будете поочередно называть свою фамилию, занятие, город. Прошу вас, сэр.

— Роберт Брайен, инженер, на пенсии, Кингстон, Ямайка.

— Ирвинг Шастер, адвокат, Чикаго. Моя супруга Майра.

— Нихал Джаяварден, профессор зоологии, Цейлонский университет, Перадения.

Знакомство продолжалось. Пат снова с благодарностью подумал о том, как ему повезло в этом отчаянном положении. По своей натуре, навыкам и опыту коммодор Ханстен был прирожденным руководителем. Он уже начал сплачивать это пестрое сборище разных людей в единое целое, создавать дух товарищества, который превращает толпу в отряд. Ханстен научился этому, когда его маленькая флотилия неделями парила в пустоте между планетами, направляясь — впервые — за орбиту Нептуна, почти за три миллиарда километров от Солнца. Пат был на тридцать лет моложе коммодора и никогда не ходил дальше Луны. И он вовсе не огорчался из-за того, что незаметно произошла смена командира. Пусть тактичный коммодор подчеркивает, что начальник — Харрис, но он-то лучше знает...

— Данкен Мекензи, физик, Обсерватория Маунт-Стромло, Канберра.

— Пьер Бланшар, счетовод, Клавий, Эртсайд.

— Филлис Морли, журналистка, Лондон.

— Карл Юхансон, инженер-атомник, база Циолковского, Фарсайд.

Знакомство состоялось и показало, что на борту «Селены» собралось немало незаурядных людей. Ничего удиви-

тельного: на Луну, как правило, попадали люди, чем-то выделяющиеся среди большинства, хотя бы только богатством. Но что толку от всех этих талантов в таком положении, подумал Пат.

Он был не совсем прав, в этом ему очень скоро помог убедиться Ханстен. Коммодор хорошо знал, что со скукой надо бороться так же решительно, как и со страхом. И они могут положиться только на свою собственную изобретательность. В век межпланетных связей и универсальных развлечений «Селена» внезапно оказалась отрезанной от всего человечества. Радио, телевидение, бюллетени телефакса, кино, телефон — все это теперь было им так же недоступно, как людям каменного века. Словно первобытное племя, сгрудившееся у костра,— и никого больше вокруг. «Даже во время экспедиции на Плутон,— подумал Ханстен,— мы не были так одиноки, как здесь. Тогда у нас была отличная библиотека и полный набор всевозможных записей; в любой миг можно было связаться по светофону с планетами внутреннего круга. А на "Селене" даже колоды карт нет.

Кстати, это мысль!»

— Мисс Морли! Вы ведь журналистка, у вас, конечно, есть блокнот?

— Да, коммодор, есть.

— Наберется пятьдесят два чистых листа?

— Наверное.

— Придется просить вас пожертвовать ими. Пожалуйста, вырвите их и разметьте колоду карт. Особенно не старайтесь, лишь бы можно было различить достоинство и знаки не проступали бы.

— Интересно, как вы собираетесь тасовать такие карты? — спросил кто-то.

— Пусть комиссия по развлечениям подумает над этим! У кого есть таланты, которые могут пригодиться для нашей самодеятельности?

— Я когда-то выступала на сцене,— неуверенно произнесла Майра Шастер.

Ее супруг явно не обрадовался этому признанию, зато коммодор был доволен.

— Отлично! Значит, можно разыграть маленькую пьесу, хоть у нас и тесновато.

Но тут смутилась уже миссис Шастер.

— Это было давно,— сказала она,— и мне... мне почти не приходилось говорить на сцене.

Несколько человек прыснули, и даже коммодор с трудом сохранил серьезный вид. Трудно было представить себе юной хористкой женщину, возраст которой перевалил за пятьдесят, а вес — за сто.

— Ничего,— сказал Ханстен,— главное — желание. Кто хочет помочь миссис Шастер?

— Я когда-то участвовал в любительских постановках,— сообщил профессор Джаяварден.— Правда, мы ставили преимущественно Брехта и Ибсена.

Это «правда» подразумевало, что здесь уместнее что-нибудь из легкого жанра. Скажем, одна из пошловатых, но забавных комедий, которые наводнили эфир в конце 1980-х годов, когда капитулировала телецензура.

Больше добровольных артистов не нашлось, и коммодор попросил миссис Шастер и профессора Джаявардена сесть рядом и вместе составить программу. Ему не очень-то верилось, что столь разные люди придумают что-нибудь дельное, но кто знает... И вообще, главное, чтобы каждый был чем-нибудь занят, будь то в одиночку или с кем-то вместе.

— Одно дело сделано,— продолжал Ханстен.— Если кого-то осенит блестящая идея, пожалуйста, изложите ее комиссии. А пока — садитесь-ка поудобнее и поближе познакомьтесь друг с другом. Каждый сказал, откуда он и чем занимается, у вас могут быть общие интересы, даже одни и те же друзья. Словом, вы найдете о чем поговорить.

«И времени у вас предостаточно»,— мысленно добавил он.

Коммодор Ханстен совещался с Патом в его отсеке, когда к ним подошел доктор Мекензи, физик из Австралии. Он выглядел очень озабоченно, словно произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Я должен вам кое-что сказать, коммодор,— взволнованно произнес он.— Если не ошибаюсь, семидневный запас кислорода нас не спасет. Нам грозит куда более серьезная опасность.

— Какая же?

— Тепло.— Австралиец указал рукой на корпус судна.— Кругом пыль, а она идеальный теплоизолятор. На поверхности тепло от наших машин и от нас самих уходит в окружающее пространство, здесь оно заперто. Значит, в кабине будет все жарче и жарче, пока мы не сваримся.

— Что вы говорите,— сказал коммодор,— мне это и в голову не приходило! И сколько же времени, по-вашему, мы сможем продержаться?

— Дайте мне полчаса, я подсчитаю. Во всяком случае, мне кажется, не больше суток.

Коммодор вдруг почувствовал себя совсем беспомощным. Отвратительно засосало под ложечкой, в точности как когда он вторично изведал свободное падение. (В первый раз ничего особенного не произошло, тогда Ханстен был подготовлен, а во второй раз его наказала излишняя самоуверенность.) Если физик прав, рухнули все надежды. И без того они невелики, но недельный срок позволял хоть немного надеяться... За одни сутки там, наверху, ничего не успеют сделать. Даже если найдут их, все равно не спасут.

— Проверьте температуру воздуха в кабине,— продолжал Мекензи.— Даже по ней можно судить.

Ханстен подошел к панели управления и взглянул на мозаику циферблатов и индикаторов.

— Боюсь, вы правы,— сказал он.— Уже поднялась на два градуса.

— Больше одного градуса в час. Я так и думал.

Коммодор повернулся к Харрису, который слушал их разговор с растущей тревогой.

— Можем мы усилить охлаждение? Какой запас мощности у агрегатов кондиционирования?

Прежде чем Пат успел ответить, снова вмешался физик.

— Это не поможет,— произнес он нетерпеливо.— Как действует установка для охлаждения? Выкачивает тепло из кабины и отдает его в окружающее пространство. Но здесь-то это невозможно, кругом пыль! Дать на установку дополнительную мощность — будет только хуже.

С минуту длилась угрюмая тишина. Наконец коммодор сказал:

— Все-таки прошу вас — проверьте побыстрее ваши расчеты и сообщите мне, что получится. И чтобы об этом не знал никто, кроме нас троих!

Ханстен вдруг почувствовал себя очень старым. Сначала он даже обрадовался тому, что неожиданно снова занял командный пост. Но кажется, он пробудет на этом посту всего один день...

В ту самую минуту, хотя об этом не знали ни пропавшие, ни спасатели, над судном проходил по Морю один из пылекатов. Его конструкцию определяло стремление к скорости, эффективности и дешевизне, а не забота об удобстве туристов, и он сильно отличался от «Селены». Это были, по сути дела, открытые сани с двумя сиденьями — водителя и пассажира — и тентом для защиты от солнца. Небольшая панель управления, мотор, два винта на корме, полочки для инструмента и запчастей — вот и вся оснастка. Обычно пылекат тащил за собой на буксире грузовые сани; этот шел налегке. Он исчертил зигзагами уже не одну сотню квадратных километров поверхности Моря — и не обнаружил ничего.

Водитель обратился к товарищу через вмонтированное в скафандры переговорное устройство:

— Как по-твоему, Джордж, что с ними случилось? По-моему, здесь их нет.

— Где же они? Захвачены инопланетянами?

— А что, вполне возможно,— почти всерьез ответил водитель.

Рано или поздно — в это верили все астронавты — человек встретится с другими разумными существами. Пусть до этой встречи еще далеко, но гипотетические «инопланетяне» уже прочно вошли в космическую мифологию; на них валили все, чего не могли объяснить иначе.

Не так уж трудно поверить в существование инопланетян, если ты с горсткой товарищей очутился в чужом, неприветливом мире, где даже камни и воздух (если он есть) кажутся враждебными. Где опыт тысяч земных поколений оказывался никчемным, все привычные представления — непригодными. Первобытный человек за всем неведомым видел богов и духов; так и гомо астронаутикус, прибыв на новую планету, невольно озирался на каждом шагу, ожидая увидеть кого-нибудь. Несколько быстротечных веков люди почитали себя господами Вселенной; древние страхи и чаяния ушли в тайники подсознания. Теперь, когда человек пытливо изучал звездные дали и пытался понять, что за силы там таятся, эти чувства возродились. Ничего удивительного.

— Пожалуй, надо доложить на Базу,— сказал Джордж.— Мы осмотрели всю заданную площадь, повторять маршрут нет смысла. Во всяком случае, пока не взошло Солнце. Днем еще можно что-то найти. От этого земного света мне не по себе.

Он включил передатчик:

— «Пылекат-два» вызывает диспетчерскую. Прием.

— Диспетчерская Порт-Рориса слушает. Что-нибудь обнаружили?

— Ничего. Что нового у вас?

— Похоже, что «Селена» не может быть в Море. Сейчас с вами будет говорить главный инженер.

— Есть, включайте.

— Алло, «Пылекат-два»! Говорит Лоуренс. Обсерватория Платон только что сообщила о лунотрясении в районе Гор Недоступности. Оно произошло в девятнадцать тридцать пять. В это время «Селена» должна была идти по Кратерному Озеру. Видимо, ее накрыло лавиной. Идите к горам, проверьте, нет ли где следов свежих оползней или обвалов.

— А еще толчки будут? — озабоченно спросил водитель.

— Вряд ли, если верить обсерватории. Они говорят, теперь, когда напряжение разрядилось, до следующего раза может пройти не одна тысяча лет.

— Надеюсь, они не ошибаются. Я вызову, как только буду на Кратерном, минут через двадцать.

Но уже через пятнадцать минут «Пылекат-2» разрушил последние надежды тех, кто ждал у приемника.

— Говорит «Пылекат-два». Боюсь, вы угадали. До Кратерного Озера еще не дошли, идем по каньону. Но данные обсерватории подтверждаются. Очень много завалов, мы еле-еле пробились. Вот и сейчас вижу следы обвала — десять тысяч тонн камня, не меньше, сорвалось. Если «Селена» погребена здесь, ее не найдешь. Незачем даже искать.

Диспетчерская молчала так долго, что пылекат включился снова:

— Алло, диспетчерская, вы меня слышите?

— Слышим,— устало ответил главный инженер.— Попробуйте отыскать хоть какие-нибудь следы. Высылаю на помощь «Пылекат-один». Вы уверены, что их нельзя откопать?

— Не одна неделя уйдет, если только вообще удастся их нащупать. В одном месте на триста метров сплошной завал. Да и опасно копать, еще новый обвал сорвем...

— Вы там поосторожнее. Докладывайте каждые пятнадцать минут, даже если ничего не обнаружите.

Лоуренс отвернулся от микрофона, чувствуя себя совсем разбитым. Его возможности исчерпаны... И вообще, что тут можно сделать?

Борясь со смятением, он подошел к обращенному на юг обзорному окну и увидел земной серп. Сколько ни смотри, трудно поверить, что Земля прикована к одной точке лунного неба. Висит так низко над горизонтом — но не зайдет и не взойдет даже через миллион лет. Мысль об этом настолько противоречит всему опыту человечества, что к ней нельзя привыкнуть.

Скоро по ту сторону космической пропасти (нынешнее поколение не помнит того времени, когда она была непреодолимой, ему она кажется не такой уж большой) распространятся волны потрясения и горя. Тысячи людей лишатся покоя только потому, что Луна вздрогнула во сне.

Задумавшись, главный не сразу заметил, что к нему обращается начальник узла связи:

— Простите, вы еще не вызвали «Пылекат-один». Соединить вас?

— Что? А, да-да! Передайте, чтобы выходил на помощь второму в Кратерное Озеро. Сообщите, что поиски в Море Жажды прекращены.

Весть о том, что поиски прекращены, дошла до «Лагранжа-2», когда Том Лоусон с опухшими от недосыпания глазами уже заканчивал монтаж нового приспособления к стосантиметровому телескопу. Так старался, спешил — и, выходит, впустую... «Селены» нет в Море Жажды, она в таком месте, где ему ее никак не обнаружить, за окаймляющим Кратерное Озеро барьером, да к тому же под тысячами тонн камня.

В первый миг Том даже не пожалел пассажиров, он рассердился. Выходит, зря потрачены и время, и труд. Не мелькать на экранах новостей всех обитаемых миров заголовкам «Молодой астроном находит пропавших туристов»... Рухнули мечты о славе. И добрых тридцать секунд Том Лоусон отводил душу потоком ругательств, которые повергли бы в изумление его коллег, если бы они его слышали. Все еще распаленный гневом, он принялся снимать детали, которые выпрашивал, занимал, даже присваивал в других лабораториях спутника.

Том не сомневался, что его прибор мог решить задачу. Теоретическая сторона в полном порядке, не подкопаешься, больше того: она основана на почти столетней практике. Инфракрасная локация была известна уже во время Второй мировой войны, когда находили замаскированные предприятия по теплу от их агрегатов.

«Селена» не оставила на Море Жажды видимой колеи, но должен быть инфракрасный след. Винты судна подняли с глубины одного фута относительно теплую пыль и разметали ее по гораздо более холодной поверхности. «Глаз», способный видеть тепловые лучи, мог и через несколько часов после прохождения «Селены» отыскать ее колею. По расчетам Тома, он успел бы завершить инфракрасный поиск, прежде чем Солнце, взойдя, сотрет все намеки на тепловой след в холодной лунной ночи.

Теперь-то, конечно, нет смысла ничего затевать.

К счастью, на борту «Селены» не подозревали, что поиски в районе Моря Жажды прекращены и пылекаты ушли на Кратерное Озеро. И к счастью, никто из пассажиров не знал про опасения доктора Мекензи.

На листке бумаги физик начертил предполагаемую кривую роста температуры. Каждый час он заносил в график показания висящего на переборке градусника. Увы, они поразительно точно совпадали с прогнозом. Еще двенадцать часов, и температура превысит сто десять градусов по Фаренгейту, появятся первые жертвы теплового удара. И выходит, им остается жить не больше суток. Так что попытки капитана Ханстена поддержать дух пассажиров казались нелепыми. Добьется он успеха или нет — послезавтра уже не будет играть никакой роли.

А впрочем, так ли это? Пусть у них только два выбора: умереть как люди или умереть как звери — первое, несомненно, лучше. Даже если «Селену» никогда не найдут и никто не будет знать, как ее узники встретили смертный час. Это выше логики и рассудка; впрочем, то же самое можно сказать едва ли не обо всем, что определяет жизнь и смерть человека.

Коммодор Ханстен отлично понимал это, когда составлял программу на оставшиеся часы. Есть люди, рожденные руководить; он принадлежал к ним. Вакуум, в котором он очутился, уйдя в отставку, вдруг заполнился. Впервые с тех

пор как Ханстен покинул рубку флагманского корабля «Кентавр», он жил полноценной жизнью.

Пока люди чем-то заняты, можно не опасаться за моральное состояние. Неважно, что они будут делать, лишь бы это казалось им интересным или важным. Счетовод Космической администрации, отставной инженер и двое служащих из Нью-Йорка уже с головой ушли в покер. Сразу видно завзятых картежников; с ними хлопот не будет, разве что если понадобится оторвать их от карт.

Почти все остальные разбились на группы и очень мило разговаривали. Комиссия по развлечениям все еще заседала. Профессор Джаяварден что-то записывал, миссис Шастер, как ни старался унять ее супруг, делилась воспоминаниями о бурлеске. И только мисс Морли держалась особняком. Мелким почерком она не спеша заполняла оставшиеся листки блокнота. Должно быть, вела дневник, как и подобало настоящему журналисту.

Как бы дневник не оказался короче, чем думает мисс Морли... Похоже, она не успеет исписать даже этих немногих страниц. А если испишет — вряд ли кому-либо доведется их прочесть.

Коммодор глянул на часы и удивился тому, как много времени прошло. Сейчас он рассчитывал быть уже на обратной стороне Луны, в Клавии. Ланч в лунном филиале «Хилтона», потом экскурсия в... Но какой смысл размышлять о будущем, которого не будет? Его гораздо больше беспокоило скоротечное настоящее.

Пожалуй, лучше поспать немного, пока жара не стала невыносимой. Конструкторы «Селены» не предусмотрели, что она может стать спальней (или могилой!), да что поделаешь. Придется пораскинуть мозгами, кое-что переставить, хотя бы от этого пострадало имущество «Лунтуриста».

Ханстену понадобилось двадцать минут на то, чтобы все продумать, затем он посовещался с капитаном Харрисом и обратился к остальным.

— Дамы и господа, нам всем сегодня нелегко, и я думаю, вы не прочь немного поспать. Правда, тут возникают некоторые трудности, но я уже проделал опыт и убедился, что при желании можно отделить средние подлокотники между сиденьями. Конечно, это не положено, да вряд ли «Лунтурист» станет подавать на нас в суд. Десять человек смогут лечь на креслах, остальным предлагаю устроиться на полу. И еще. Вероятно, вы заметили, что в кабине становится жарковато. Температура будет некоторое время повышаться. Поэтому я советую снять всю лишнюю одежду, удобство сейчас важнее чрезмерной щепетильности.

(Мысленно он добавил, что еще важнее выжить... Но у нас есть в запасе несколько часов.)

— Мы погасим внутреннее освещение,— продолжал Ханстен,— а чтобы не оставаться в полной темноте, включим на минимальную мощность аварийный свет. Один человек будет дежурить в кресле капитана. Капитан Харрис уже составляет график дежурства, смена через два часа. Есть вопросы или замечания?

Ни того ни другого не было, и коммодор облегченно вздохнул. Он боялся, как бы кто не полюбопытствовал, почему поднимается температура. Что бы он стал отвечать? При всех своих способностях Ханстен не умел лгать, а ему хотелось, чтобы пассажиры спали спокойно, насколько это вообще возможно в такой обстановке. Если не случится чуда, этот сон может оказаться вечным...

Мисс Уилкинз, уже без прежней профессиональной непринужденности, разнесла напитки желающим. Большинство пассажиров сразу начали снимать верхнюю одежду; более стеснительные подождали, пока не погасло главное освещение. В тусклом красном свете кабина «Селены» выглядела фантастически. Кто мог представить себе что-либо подобное несколько часов назад, когда пылеход покидал Порт-Рорис?.. Двадцать два человека, почти все в одном белье, лежа-

ли на сиденьях и на полу. Некоторые счастливчики уже похрапывали, остальные беспокойно ворочались с боку на бок.

Пат Харрис выбрал себе место на самой корме, даже не в кабине, а в тесной камере перепада. Здесь был удобный наблюдательный пункт. Через открытую дверь он видел всю кабину от самого носа, мог следить за каждым пассажиром.

Аккуратно сложив форму, Пат сделал из нее подушку и лег на жесткий пол. До вахты шесть часов, хорошо бы поспать.

Спать... Истекают последние часы его жизни — и все-таки больше ничего не остается. Интересно, крепко ли спят смертники в ночь перед казнью?

Он так устал, что даже эта мысль его не затронула. Последнее, что видел Пат, проваливаясь в забытье, как доктор Мекензи снял очередные показания термометра и аккуратно нанес их на свой график. Точно астролог, составляющий гороскоп...

В пятнадцати метрах над «Селеной» (их при здешнем тяготении можно одолеть одним прыжком) уже наступило утро. На Луне не бывает сумерек, но небо давно предвещало рассвет. Задолго до восхода Солнца выросла сияющая пирамида зодиакального света, столь редко видимого на Земле. Она поднималась очень медленно — чем ближе восход, тем ярче. Вот пирамида растворилась в опаловом сиянии короны, а вот над горизонтом вспыхнуло пламя, в миллион раз ярче их обоих. Кончился двухнедельный мрак, вернулось светило. Из-за медленного вращения Луны вокруг своей оси пройдет еще час с лишним, прежде чем оно взойдет совсем, но день уже начался.

Казалось, по Морю Жажды, теснимый слепящим светом, катится черный отлив. И вот уже вся гладь моря простреливается почти горизонтальными лучами. Будь на поверхности малейшее возвышение, его тотчас выдала бы длинная, в несколько сот, метров тень.

Выдала — кому? «Пылекат-1» и «Пылекат-2» были заняты бесплодным исследованием Кратерного Озера, в полутора десятках километров от места катастрофы. Их окружала тьма: пройдет еще два дня, прежде чем Солнце поднимется над окаймляющими кратер пиками, а пока только вершины озарены восходом. С каждым часом резко очерченная полоса света будет спускаться по склонам все ниже — местами быстрее идущего человека,— и наконец лучи коснутся дна кратера.

Сейчас над озером метался свет, созданный человеком. Яркие вспышки выхватывали из тьмы тяжелые глыбы: спасатели фотографировали груды камней, которые бесшумно скатились с гор, когда Луна вздрогнула во сне. Меньше чем через час фотографии будут на Земле, еще через два часа их увидят во всех обитаемых мирах.

Плохая реклама для туризма.

Когда капитан проснулся, в кабине было заметно жарче. Но не жара разбудила его за целый час до начала вахты.

Хотя Пату ни разу не доводилось ночевать на «Селене», он хорошо знал, какие звуки можно услышать на борту. Когда моторы выключены, царит почти полная тишина, и нужно напрягать слух, чтобы уловить шелест воздушных насосов и слабое гудение охлаждающей установки. Все это он слышал, когда засыпал, но теперь к этим звукам прибавился новый, непривычный...

Едва слышный шорох, настолько тихий, что на мгновение Пат заколебался — уж не почудилось ли ему? Невероятно, чтобы такой слабый сигнал проник в его подсознание сквозь барьер сна. Даже сейчас, проснувшись, капитан не мог ни определить природу звука, ни установить, откуда он идет.

Внезапно Пат понял, почему шум разбудил его. Сонливость как рукой сняло. Вскочив на ноги, он приложил ухо к наружной двери камеры перепада: таинственный звук доносился снаружи!

Ну конечно. Совершенно отчетливо слышно. У капитана мурашки по спине забегали. Шуршат пылинки, словно за обшивкой «Селены» разыгралась песчаная буря. В чем дело? Неужели Море опять колышется? И если так — куда увлечет течение «Селену»? Пока что пылеход как будто недвижим, только внешняя среда течет и струится...

Очень осторожно, стараясь не потревожить спящих, Пат на цыпочках прошел в кабину. Дежурил доктор Мекензи. Съежившись в кресле пилота, он глядел на засыпанный снаружи иллюминатор. Когда подошел Пат, физик повернулся к нему и шепотом спросил:

— Что-нибудь неладное?

— Не знаю... Проверьте сами.

Теперь уже двое приложили ухо к двери и долго слушали загадочный шорох. Вдруг Мекензи сказал:

— Это движется пыль, никакого сомнения. Но я не понимаю почему. Вот вам еще одна загадка.

— Еще одна?

— Да. Меня сбивает с толку температура. Она повышается, но не так быстро, как я ожидал.

Казалось, физик недоволен тем, что его расчеты не подтвердились, но для Пата его слова были первой доброй вестью после катастрофы.

— Вы только не огорчайтесь, кто из нас не ошибался. И если эта ошибка подарит нам несколько лишних дней, уж я-то, во всяком случае, не стану вас упрекать!

— Но я не мог ошибиться! Это же элементарная арифметика. Нам известно, сколько тепла излучают двадцать два человека и куда-то это тепло должно деться!

— Во сне излучение меньше, может быть, в этом все дело?

— Как будто я мог упустить столь очевидное обстоятельство! — раздраженно ответил ученый.— Разумеется, меньше, но уж не настолько. Нет, тут что-то другое. Должна быть причина, почему температура отстает от моего графика.

— Отстает, и слава богу,— сказал Пат.— Но что вы скажете об этом звуке?

Мекензи с трудом заставил себя думать о новой загадке.

— Пыль движется, мы — нет. Выходит, это явление местное. Больше того, мы заметили его только здесь, на корме. Может быть, в этом все дело? — Он указал рукой на переборку.— Что за переборкой?

— Двигатели, баллоны с кислородом, охлаждающая установка...

— Охлаждающая установка! Ну конечно! Я же видел при посадке... Там, за обшивкой, ребра радиатора?

— Совершенно верно.

— Тогда все понятно. Они так сильно нагрелись, что пыль циркулирует, словно жидкость. Конвекционное течение уносит вверх наше избыточное тепло! Не исключено, что температура установится. Вряд ли станет прохладнее, но мы будем жить.

В тусклом малиновом свете они посмотрели друг на друга, ощущая прилив надежды. Пат медленно произнес:

— Я уверен, что вы угадали. Кажется, невезение кончилось.

Он взглянул на часы и быстро что-то прикинул в уме.

— Сейчас над Морем восходит Солнце. База, конечно, выслала на поиски пылекаты. Они примерно знают, где искать. Десять против одного, что нас найдут через несколько часов.

— Скажем об этом коммодору?

— Пусть спит. Ему досталось тяжелее всех. С этой новостью можно и до завтра подождать.

Мекензи вернулся на свой пост. Пат попробовал снова уснуть, но ничего не вышло. Он лежал с открытыми глазами и думал об удивительном повороте судьбы. Пыль, которая сперва поглотила их, потом грозила изжарить, вдруг пришла им на помощь. Конвекционное течение уносит избыточное тепло на поверхность. Правда, еще неизвестно, что

будет, когда восходящее Солнце обрушит на гладь Моря Жажды всю мощь своих лучей.

Пыль за обшивкой шелестела по-прежнему, и Пат вдруг вспомнил старинные песочные часы, которые ему однажды показали в детстве. Перевернешь — и песок сквозь узенькое горлышко сыплется в нижний сосуд, отмеряя там минуты и часы.

Пока не изобрели пружинные часы, множество людей следило за временем по падающим песчинкам. Но до сегодняшнего дня никому — он был в этом уверен — не доводилось восходящей струей пыли измерять продолжительность своей жизни.

В Клавии главный администратор Ульсен и начальник «Лунтуриста» Девис только что кончили совещаться с представителями правового отдела. Разговор был далеко не веселый: обсуждали главным образом документ, который снимал с «Лунтуриста» ответственность за жизнь клиентов. Все туристы подписали его, прежде чем подняться на борт «Селены». Вплоть до открытия маршрута Девис возражал против такого порядка, подчеркивал, что это лишь отпугнет клиентов, но юристы Лунной администрации настояли на своем. Теперь он был этому рад. .

Он был рад и тому, что власти Порт-Рориса точно выполняли инструкцию; ведь часто к таким вещам относятся как к второстепенной формальности и правилами втихомолку пренебрегают. На столе перед ними лежал лист с подписями всех пассажиров «Селены», за одним исключением, которое привело в замешательство юристов.

Коммодор, оберегая инкогнито, назвался Р. С. Хансоном и расписался неразборчиво, можно прочесть и «Хансон», и «Ханстен». Пока не передано факсимиле с Земли, и не решишь. Впрочем, это роли не играет. Коммодор выполнял официальное поручение, и Администрация все равно отвечает за него. Да и за остальных пассажиров она несет если не юридическую, то во всяком случае моральную ответственность.

Так или иначе, Администрация обязана сделать все, чтобы найти погибших и достойным образом предать земле их останки. Эту задачу, не долго думая, возложили на широкие плечи главного инженера Лоуренса, который еще оставался в Порт-Рорисе.

Кажется, никогда он не брался за дело с меньшим воодушевлением. Будь хоть малейшая надежда, что пассажиры «Селены» живы, он бы все перевернул, чтобы добраться до них. Но ведь они уже погибли, так зачем же искать и раскапывать их, рискуя жизнью других людей! Сам он считал, что вечные холмы Луны — лучшее кладбище.

Главный инженер Лоуренс ни на секунду не сомневался, что пассажиры погибли, об этом говорили все обстоятельства. Подземный толчок произошел как раз в то время, когда «Селена» по графику покидала Кратерное Озеро, а половина каньона загромождена завалами. Любой из них мог смять пылеход, как бумажную игрушку. Воздух мгновенно вышел сквозь пробоины, и пассажиры задохнулись. Если бы корабль чудом уцелел, радиоцентр принял бы его сигналы. Маленький автоматический радиомаяк сконструирован с таким расчетом, чтобы противостоять любым ударам и толчкам; если уж он не действует, значит, «Селене» крепко досталось...

Первым делом надо определить, где находятся обломки. Это не так уж сложно, пусть даже они погребены под миллионами тонн камня. Есть геофизические приборы, всевозможные металлоискатели. Через пробоины из кабины в лунный вакуум (почти вакуум) вырвался воздух; даже теперь, хотя прошел не один час, должны быть следы углекислого газа и кислорода. Их обнаружат индикаторы, которыми выявляют течи в обшивке космических кораблей. Как только пылекаты вернутся на Базу для заправки и зарядки, он оснастит их индикаторами и отправит в район завалов, пусть все обнюхают.

Словом, найти корабль нехитро. А вот извлечь его будет потруднее. Тут ничего нельзя обещать, кроме миллионных

расходов. (Что скажет, услышав это, главный администратор?) Физически невозможно доставить туда тяжелые машины, способные ворочать тысячетонные глыбы. Юркие пылекаты не годятся, нужны лундозеры — как их переправишь через Море Жажды? — и несколько ракет гелигнита для взрывных работ. Нет, это отпадает. Конечно, можно понять администратора... Но взваливать на свое и без того перегруженное Инженерное управление такой сизифов труд — черта с два!

И Лоуренс принялся возможно более тактично (от главного администратора простым «нет» не отделаешься) составлять доклад. Смысл его сводился к следующему: «А. Работа почти наверное невыполнима. Б. Если даже ее можно выполнить, на это уйдут миллионы и не исключены новые человеческие жертвы. В. И все это ни к чему». Но попробуй скажи так напрямик... И нужны доводы. Вот почему в конечном виде доклад главного инженера насчитывал больше трех тысяч слов.

Кончив диктовать, Лоуренс помолчал, прикидывая, что можно добавить, ничего не придумал и закончил: «Секретно. Главному администратору, главному инженеру Фарсайда, старшему диспетчеру, начальнику "Лунтуриста", Центральный архив».

Он нажал кнопку копирующего устройства. Двадцать секунд — и телефакс выдал ему все двенадцать страниц его доклада, безупречно перепечатанные, знаки препинания на местах, грамматические ошибки исправлены. Лоуренс быстро пробежал текст, проверяя электросекретаршу. Она (по привычке все устройства этого типа относили к женскому роду) иногда тоже ошибалась, особенно при большой нагрузке, когда диктовали сразу десять — двенадцать человек. И вообще ни одна нормальная машина не может овладеть всеми тонкостями столь эксцентричного языка, как английский. Не говоря уж о том, что любой здравомыслящий человек просматривает напоследок свои донесения, прежде чем

отправлять их начальству. Сколько тяжких огорчений испытали те, кто целиком полагался на электронику...

Лоуренсу осталось сверить шесть страниц, когда зазвонил телефон.

— «Лагранж-два» вызывает,— доложил оператор (не автомат).— Некий доктор Лоусон хочет говорить с вами.

«Лоусон? Это еще кто такой?» — спросил себя главный. И тут же вспомнил: ну да, астроном, который искал «Селену» в свой телескоп. Ему, конечно, уже сообщили, что это ни к чему.

Главный инженер еще ни разу не встречался с доктором Лоусоном. Он не знал, что космический астроном — весьма раздражительный и весьма одаренный молодой человек. К тому же весьма упрямый, что в этом случае было всего важнее.

Том уже начал разбирать инфракрасный локатор, но вдруг призадумался. Устройство почти готово, почему бы из чисто научного любопытства не испытать его? Он по праву гордился своим талантом экспериментатора, довольно редким в век, когда большинство так называемых астрономов на деле были математиками и даже близко не подходили к обсерватории.

Только упрямство помогало Лоусону держаться на ногах, до того он устал к тому времени. Если бы прибор не заработал сейчас, Том отложил бы испытание и лег спать. Но иногда — очень редко — умение сразу вознаграждается успехом. Так было на этот раз: инфраразведчик действовал. Небольшая наладка — и на экране, строчка за строчкой, как в старинных телевизорах, возникло изображение Моря Жажды.

Светлые точки отвечали сравнительно теплым участкам, темные — холодным. Море Жажды было почти сплошь черным, кроме яркой полосы света там, где его гладь обожгли солнечные лучи. Всмотревшись, Том на темном фоне различил еле заметный след — как если бы в залитом лунным светом саду на Земле проползла улитка.

Никакого сомнения: это тепловой след «Селены». Он видел даже зигзаги пылекатов, еще разыскивающих корабль. Все следы сходились у Гор Недоступности, дальше они терялись за пределами его поля зрения.

Лоусон слишком устал, чтобы внимательно разглядывать экран — да и к чему? Ведь следы только подтверждали то, что и без того уже известно. Конечно, приятно, что еще один собранный им прибор слушается. Порядка ради Том сделал фотоснимок с экрана, потом пошел спать.

Три часа спустя Лоусон проснулся. Не сон, а мука, он нисколько не отдохнул, что-то тревожило его. Как шелест движущейся пыли насторожил Пата Харриса в погребенной «Селене», так и Тома Лоусона, отделенного от Луны пятьюдесятью тысячами километров, разбудила какая-то малость, чуть заметное отклонение от нормального. У человеческого сознания много сторожевых псов, они порой лают попусту, но умный человек никогда не пренебрегает сигналом.

Еще не очнувшись как следует, Том вышел из своей тесной каморки, прицепился к транспортному канату и заскользил вдоль переходов с нулевой гравитацией к обсерватории. Кисло пожелал доброго утра (хотя на спутнике наступил уже условный вечер) тем из коллег, которые не успели свернуть в сторону, и поспешил уединиться среди своих любимых приборов.

Он выдернул из фотокамеры снимок и посмотрел на него. Короткий след тянулся от Гор Недоступности в Море Жажды, обрываясь недалеко от берега.

Том видел этот след несколько часов назад, когда глядел на экран,— не мог не видеть! И не обратил на него внимания. Серьезный, почти непростительный промах для ученого. Том Лоусон не на шутку рассердился на себя. Наблюдательность не должна зависеть от скороспелых умозаключений.

Но что же все-таки это значит? Вооружившись лупой, Том придирчиво изучил весь район. Светлая полоска оканчивалась расплывчатым пятнышком; на местности это что-ни-

будь около двухсот метров в поперечнике. Странно, можно подумать, что «Селена», покинув горы, взлетела, подобно космическому кораблю.

В первый миг Том решил, что судно взорвалось и тепловое пятнышко — след взрыва. Но тогда на поверхности пылевого моря должны были остаться обломки. И пылекаты нашли бы их. Вот и отчетливый след пылеката, который прошел как раз в этом месте.

Значит, надо искать другой ответ. Остается только один вариант — и совсем невероятный. Невозможно представить себе, чтобы большой лунобус канул в Море Жажды лишь потому, что по соседству произошел подземный толчок. Нет-нет, нельзя, опираясь только на одну фотографию, вызвать Луну и сказать: «Вы не там ищете». Хоть Том и делал вид, что ему безразлично мнение других, он страшно боялся попасть впросак. Прежде чем говорить вслух об этой фантастической теории, надо заручиться еще какими-нибудь свидетельствами.

Сейчас залитое ярким светом Море выглядело в телескоп совершенно гладким. Визуальное наблюдение лишь подтверждало то, в чем Том Лоусон убедился еще до восхода Солнца: над пылевой равниной не возвышалось никаких бугорков. Инфракрасный локатор тоже не мог помочь. Тепловые следы успели исчезнуть, их стерли солнечные лучи.

Том настроил прибор на предельную чувствительность и еще раз осмотрел район, где обрывался след. Вдруг остался хоть какой-то намек, тепловое пятнышко, достаточно мощное, чтобы его можно было обнаружить даже теперь, когда на Луне занялось утро... Ведь Солнце только-только взошло, его лучи далеко не достигли своей полной, убийственной силы.

Что это?.. Неужели почудилось?

Работая на пределе, прибор может и ошибиться, но Том Лоусон был уверен, что видит на экране едва заметное мерцание как раз там, где обрывался след на фотографии.

Но все это так неубедительно! Какой ученый решится подставить себя под удар критики, располагая столь шаткими

данными... Промолчать? И никто ничего не узнает — зато его всю жизнь будет преследовать сомнение. А рассказать о своей догадке — значит вызвать надежды, которые могут оказаться тщетными. Чего доброго, станешь посмешищем для всей Солнечной системы или обвинят в саморекламе.

А среднего пути нет, надо решать. Очень неохотно, отлично понимая, что после этого шага нельзя будет отступать, Том взял трубку телефона.

— Говорит Лоусон,— сказал он.— Соедините меня с Луной, срочно.

Завтрак, поданный пассажирам «Селены», был не особенно изысканный, но достаточно питательный. Правда, многие пассажиры остались недовольны: столовое печенье и мясной концентрат, ложечка меда и стакан теплой воды не отвечали их представлению о плотной трапезе. Однако коммодор был непреклонен.

— Неизвестно, сколько нам здесь сидеть,— сказал он.— И боюсь, придется нам обойтись без горячих блюд. Во-первых, их негде приготовить, во-вторых, в кабине и без того жарко. Ни чая, ни кофе, к сожалению, не будет. Да, по чести говоря, нам совсем не вредно на несколько дней сократить потребление калорий.

Только сказав эти слова, Ханстен подумал о миссис Шастер. Хоть бы не приняла это за личный выпад... Супруга адвоката одна занимала полтора кресла, без корсета она напоминала добродушного гиппопотама.

— Наверху как раз взошло Солнце,— продолжал коммодор.— Спасатели работают полным ходом, теперь только вопрос времени, когда нас найдут. Можно даже заключать пари. Свои предположения сообщайте мисс Морли — она ведет бортовой журнал. А теперь о программе дня. Профессор Джаяварден, вы не расскажете, чем нас порадует комиссия по развлечениям?

Щуплый, с птичьей головой и неожиданно большими ласковыми карими глазами, профессор очень серьезно подошел к вопросу о развлечениях. Об этом красноречиво гово-

рили листки, которые он держал в своих тонких смуглых руках.

— Как вам известно,— начал он,— я любитель театра. Боюсь, однако, здесь ничего не получится. Интересно читать пьесу в лицах, я даже думал о том, чтобы записать по памяти несколько актов. К сожалению, у нас мало бумаги. Значит, надо искать другой выход. Литературы на борту оказалось немного, и некоторые книги носят очень специальный характер. Но есть два романа: университетское издание классического вестерна «Шейн» и новый исторический роман «Апельсин и яблоко». Предлагаю выбрать несколько чтецов и прочесть эти книги вслух. Возражения есть? Или другие предложения?

— Мы хотим играть в покер,— донесся твердый голос из хвостовой части кабины.

— Но нельзя же играть в покер все время! — возразил профессор, обнаруживая плохое знание людей не академического круга.

Коммодор пришел ему на помощь.

— Чтение не отменяет покера,— сказал он.— А вообще я советую вам иногда делать перерыв, этих карт надолго не хватит.

— Итак, с какой книги мы начнем? И кто будет читать? Я с удовольствием почитаю вслух, но хорошо бы выделить кого-нибудь на смену.

— По-моему, не стоит тратить время на «Апельсин и яблоко»,— вступила мисс Морли.— Эта книжонка — просто дрянь, она... гм... почти порнографическая.

— Откуда вы это знаете? — спросил Девид Баррет, англичанин, который хвалил чай.

Ответом ему было возмущенное фырканье. Профессор Джаяварден растерялся и озабоченно поглядел на коммодора, ища поддержки. Тщетно. Ханстен пристально смотрел в другую сторону. Нельзя, чтобы пассажиры со всем шли к нему. Пусть, насколько это возможно, обходятся своими силами.

— Отлично,— сказал наконец профессор.— Чтобы не спорить, начнем с «Шейна».

Послышались протестующие возгласы: «Мы хотим "Апельсин и яблоко"!» Но профессор проявил неожиданную твердость.

— Это очень длинная книга,— ответил он,— мы вряд ли успеем ее закончить до появления спасателей.

Джаяварден прокашлялся, окинул взглядом кабину, проверяя, есть ли еще возражающие, затем начал читать очень приятным певучим голосом:

— Предисловие: «Роль вестернов в космический век». Автор — профессор английского языка Карл Адамс. В основу предисловия легли работы семинара по критике в Чикагском университете.

Картежники еще не решились; один из них лихорадочно рассматривал клочки бумаги, которые служили картами. Остальные пассажиры уселись поудобнее. Глаза одних выражали скуку, других — интерес. Мисс Уилкинз проверяла в камере перепада запасы провизии. Мягкий голос продолжал:

— «Одним из наиболее неожиданных литературных событий нашего столетия оказалось возрождение, после полувековой опалы, жанра, известного под названием "вестерн". Эти романы, действие которых четко ограничено местом и временем — Земля, Соединенные Штаты Америки, приблизительно тысяча восемьсот шестьдесят пятый — тысяча восемьсот восьмидесятый годы,— очень долго были в числе наиболее популярных книг в мире. Появились миллионы вестернов, почти все печатались в дешевых журнальчиках или выходили отдельными, скверно оформленными книжонками. Но из этих миллионов некоторые произведения обладали как литературной, так и документальной ценностью, хотя нужно все время помнить, что авторы описывали события, происходившие задолго до их рождения.

Когда в семидесятых годах девятнадцатого века человек начал освоение Солнечной системы, границы американско-

го Запада казались столь смехотворно тесными, что читатель утратил к ним интерес. Разумеется, это столь же нелогично, как если бы отвергли "Гамлета" на том основании, что события, которые разыгрались в каком-то захолустном датском замке, не могли иметь мирового значения.

Однако за последние годы отмечается некий обратный сдвиг. Мне известно из достоверных источников, что вестерны стали наиболее популярным родом литературы в библиотеках межпланетных лайнеров, бороздящих космос. Давайте же попытаемся доискаться причины этого видимого парадокса, поищем звено, которое соединяет старый американский Запад и новый Космос.

Пожалуй, для этого лучше отвлечься от наших современных научных достижений и мысленно перенестись в чрезвычайно примитивный мир 1870-х годов. Представьте себе огромную, теряющуюся в туманной дали равнину, окаймленную мглистыми горами. По этой равнине невыносимо медленно ползет караван громоздких фургонов. Караван охраняют вооруженные всадники, ведь кругом индейская территория. Чтобы добраться до гор, фургонам понадобится больше времени, чем лучшим современным лайнерам на перелет Земля — Луна. Вот почему просторы прерий были для людей той поры столь же обширны, сколь для нас просторы Солнечной системы. Это одно из звеньев, соединяющих нас с вестернами; есть и другие, более важные. Чтобы представить себе их, необходимо сперва рассмотреть роль эпического в литературе...»

«Как будто все в порядке»,— подумал коммодор. Больше часа читать не стоит. За это время профессор управится с предисловием и прочтет несколько глав романа. А там можно переключиться на что-нибудь другое, лучше всего прервав чтение на особенно волнующем эпизоде, чтобы слушателям не терпелось вернуться к книге.

Второй день в плену у лунной пыли начался гладко, настроение хорошее. Но сколько еще дней впереди?..

Ответ на этот вопрос зависел от двух людей, которые — хотя их разделяло пятьдесят тысяч километров — мгновенно прониклись взаимной неприязнью.

Отчет доктора Лоусона вызвал в душе главного инженера противоречивые чувства. У этого астронома дурная манера разговаривать, особенно если учесть, что юнец обращается к начальнику, который вдвое старше его. «Он говорит со мной так,— думал Лоуренс сперва снисходительно, но затем все более раздражаясь,— словно я глуповатый ребенок, которому нужно все разжевывать...»

Выслушав Лоусона, главный инженер несколько секунд молча изучал фотографии, переданные по телефаксу. Первая, снятая до восхода Солнца, выглядела убедительно — однако она еще ничего не доказывала. На снимке, сделанном после восхода, не видно того, о чем говорил астроном. Быть может, на оригинале что-нибудь и заметно, но поди положись на слово этого неприятного молодого человека.

— Все это очень интересно,— сказал наконец Лоуренс.— Жаль только, что вы не продолжали наблюдать после того, как сделали первый снимок. Тогда у нас, наверное, были бы более убедительные данные.

Хотя критика была обоснованна (а может быть, именно поэтому), Том тотчас закусил удила.

— Если вы считаете, что другой справился бы лучше...— огрызнулся он.

— Что вы, мне это и в голову не приходило,— миролюбиво ответил Лоуренс.— Но что нам все это дает? Как ни мала точка, которую вы указали, ее координаты могут колебаться в пределах полукилометра, а то и больше. Боюсь, что на поверхности ничего не видно, даже при дневном свете. Нельзя ли добиться большей точности?

— Можно. Это очень просто: надо применить ту же технику на поверхности Луны. Обследуйте район инфракрасным локатором. Он тотчас покажет все тепловые точки, даже если их температура всего на долю градуса выше окружающей среды.

— Хорошая мысль,— сказал главный.— Я посмотрю, что можно сделать, и свяжусь с вами, если мне нужно будет узнать еще что-нибудь. Благодарю вас... доктор.

Лоуренс поспешно положил трубку, вытер лоб и тут же попросил, чтобы его снова соединили со спутником.

— «Лагранж-два»? Говорит главный инженер Эртсайда. Начальника станции, пожалуйста... Профессор Котельников? Это Лоуренс... Спасибо, здоровье в порядке. Я только что говорил с вашим доктором Лоусоном... Нет-нет, он ничего не сделал, только чуть не вывел меня из себя. Лоусон искал наш пропавший пылеход, и ему кажется, что он обнаружил его. Мне важно знать, насколько он компетентен?

В последующие пять минут главный инженер узнал довольно много о молодом докторе Лоусоне; пожалуй, больше даже, чем ему полагалось по чину, каким бы секретным ни был разговор. Воспользовавшись тем, что профессор Котельников остановился перевести дух, Лоуренс сочувственно заметил:

— Теперь понятно, почему вы с ним миритесь. Бедный юноша, я-то думал, что сиротские приюты кончились с Диккенсом и двадцатым столетием. Слава богу, что приют сгорел. Вы думаете, он его поджег? Ладно, это неважно, вы сказали, что он превосходный наблюдатель, этого мне достаточно. Большое спасибо. Навестили бы нас как-нибудь?

За полчаса Лоуренс связался с десятком различных точек на Луне. Он собрал обширную информацию; теперь надо было действовать.

Обсерватория «Платон». Патер Ферраро считает, что догадка Лоусона звучит вполне правдоподобно. Он и сам уже заподозрил, что очаг лунотрясения находился под Морем Жажды, а не под Горами Недоступности. Но доказать не может, так как Море Жажды глушит все колебания. Нет, полной карты глубин еще не составили, прощупать все дно эхолотом — слишком долгая и трудоемкая работа. Сам он кое-где опускал телескопический щуп; везде глубина была

меньше сорока метров. Средняя глубина, по его расчетам, около десяти метров, вдоль берегов совсем мелко. Инфракрасного детектора у него нет, но, может быть, астрономы Фарсайда могут помочь?

«Достоевский». К сожалению, инфракрасного детектора нет. Мы работаем в полосе ультрафиолета. Попробуйте спросить «Верн».

«Верн». О да, мы работали в инфракрасной полосе, несколько лет назад делали спектрограммы красных гигантов. Но представьте себе — как ни разрежена лунная атмосфера, она давала помехи! Пришлось перенести исследования в космос. А вы запросите «Лагранж»...

После этого Лоуренс попросил диспетчерскую сообщить ему расписание кораблей, выходящих с Земли. Ответ его устраивал, но следующий шаг требовал немалых расходов, которые мог разрешить только главный администратор.

Великолепное качество Ульсена: он никогда не спорил без нужды с подчиненными о том, что входило в их круг полномочий. Внимательно выслушав Лоуренса, главный администратор сразу подвел итог:

— Если астроном угадал, есть надежда, что они еще живы.

— Не только надежда — я почти уверен в этом. Ведь Море мелкое, значит, они не могли погрузиться очень глубоко. Давление на корпус не так уж велико, вполне мог выдержать.

— И вы хотите, чтобы этот Лоусон помог в розысках.

Главный инженер развел руками:

— Хочу? Нет, я бы не хотел с ним сотрудничать. Но боюсь, нам без него просто не справиться.

Командир грузового корабля «Аурига» бушевал, команда тоже, но пришлось подчиниться. Через десять часов после вылета с Земли, в пяти часах от Луны поступил приказ подойти к «Лагранжу». Потеря скорости, дополнительные расчеты... И ко всему вместо Клавия садиться в этом захолустье, Порт-Рорисе, чуть не на обратной стороне Луны! В разные точки Южного полушария полетели радиограммы, отменяющие обеды и свидания...

В ста километрах от «Лагранжа-2» «Аурига» остановилась; вдали, весь в оспинах, отороченный вдоль восточной кромки рябью гор, серебрился почти полный диск Луны. Ближе ста километров к спутнику подходить нельзя: помехи от аппаратуры ракеты да плюс излучение двигателей нарушали работу чутких приборов космической станции. Только старомодным ракетам на химическом горючем разрешалось пролетать вблизи от «Лагранжа», на плазменные и атомные двигатели был наложен запрет.

С двумя чемоданами (в маленьком — одежда, в большом — приборы) Том Лоусон покинул «Лагранж-2» на ракете местного сообщения и через двадцать минут был на борту грузового лайнера; пилот не спешил, как ни торопили его с «Ауриги». Нового пассажира встретили довольно холодно. Разумеется, Лоусона приняли бы совсем иначе, если бы на борту знали о его задании, но главный администратор приказал

пока хранить все в секрете. Зачем будить у родственников надежды, которые могут еще и не оправдаться? Начальник «Лунтуриста» хотел немедленно известить печать — пусть видят, что они делают все от них зависящее. Однако Ульсен твердо возразил:

— Подождем, что выйдет. А тогда — пожалуйста, приглашайте своих друзей из информационных агентств.

Его распоряжение опоздало: на борту «Ауриги» находился начальник отдела «Интерплэнет ньюс» Морис Спенсер, который летел к новому месту службы, в Клавий. Спенсер еще не решил, считать ли это повышением после Пекина или наоборот. Во всяком случае, перемена...

В отличие от остальных пассажиров он ничуть не возмущался переменой курса. Задержка не была ему помехой, напротив, газетчик всегда рад необычному, оно вырывает из повседневности. Разве это не странно: лайнер, следующий на Луну, теряет несколько часов и огромное количество энергии ради того, чтобы подобрать какого-то угрюмого молодого человека с двумя чемоданами. И почему вместо Клавия — Порт-Рорис? «Велели с Земли, приказ сверху»,— объяснил капитан. Похоже, он действительно больше ничего не знает.

Словом, загадка. А загадки — хлеб Спенсера. Он попытался угадать, в чем тут дело. И был очень недалек от истины.

Не иначе, это связано с пропавшим пылеходом, о котором пошло столько толков на Земле как раз перед их вылетом. И этот ученый с «Лагранжа» либо знает что-то о пылеходе, либо может помочь в розысках. Но почему такая секретность? Какой-нибудь промах или скандал, который Лунная администрация старается скрыть? Другой причины Спенсер не мог себе представить.

Он не торопился заговаривать с Лоусоном и с удовольствием наблюдал, какой отпор получили те из пассажиров, которые попробовали затеять беседу с новичком. Морис Спенсер ждал своей поры, и она наступила за тридцать минут до посадки.

Не случайно Спенсер оказался рядом с Лоусоном, когда велели занять места в креслах и пристегнуть пояса перед торможением. Вместе с ними еще пятнадцать пассажиров смотрели на телевизионный экран, на котором стремительно приближающаяся Луна казалась даже ярче, чем в действительности. В затемненной кабине было словно внутри старинной камеры-обскуры; конструкторы космических кораблей наотрез отказались делать обзорные окна, считая их слишком уязвимыми.

Ландшафт быстро разросся, и картина была великолепная, незабываемая, но Спенсер смотрел на нее вполглаза. Его занимало лицо соседа, этот орлиный профиль, который можно было различить в слабом свете экрана.

— Кажется, где-то там,— заговорил он будто невзначай,— пропал корабль с туристами?

— Да,— не сразу ответил Том.

— Я совсем плохо знаю географию Луны... Вы не слыхали, в каком месте это случилось?

Морис Спенсер давным-давно открыл, что можно извлечь информацию даже из самого необщительного человека. Нужно только внушить собеседнику, что он делает вам одолжение; и ведь так лестно козырнуть своей осведомленностью. Эта уловка приносила успех в девяти случаях из десяти, она помогла и теперь.

— Они находятся вот там,— сказал Том Лоусон, показывая на середину экрана.— Вот Горы Недоступности, их со всех сторон окружает Море Жажды.

Спенсер с неподдельным трепетом смотрел на мчащиеся прямо на них черно-белые горы. Как бы пилот — будь то человек или автомат — не подвел: очень уж быстро они падают. Но тут он заметил, что горы вместе с окружающим их серым пятном уходят вправо. Значит, ракета поворачивает к точке, которая находится где-то в левой части экрана. Слава богу, там вроде поровнее.

— Порт-Рорис,— вдруг по своему почину заговорил Том, и Спенсер увидел слева черное пятнышко.— Мы идем туда.

— Вот и хорошо! Не люблю садиться в горах,— отозвался газетчик, направляя разговор в нужное ему русло.— Если этих бедняг занесло в этот хаос, пиши пропало, не найдут. К тому же их как будто накрыло лавиной?

Том снисходительно усмехнулся:

— Вот именно: как будто.

— Что, разве это не так?

Том Лоусон спохватился, что сказал лишнее.

— Больше ничего не могу вам сообщить,— ответил он все так же заносчиво и высокомерно.

Спенсер не стал наседать. Он услышал достаточно, чтобы решить: Клавий подождет, сейчас важнее Порт-Рорис. Он окончательно утвердился в своем намерении, когда — не без зависти — увидел, как доктор Лоусон за три минуты прошел врачебный, таможенный, иммиграционный, валютный и все прочие виды контроля.

Если бы кто-нибудь посторонний подслушал, что происходит в кабине «Селены», он был бы весьма озадачен. Корпус пылехода отзывался далеко не мелодичными звуками на нестройный хор голосов. Двадцать один человек, всяк на свой лад, пели:

— С днем рождения!

Когда смолк шум, коммодор Ханстен спросил:

— Кто еще, кроме миссис Уильямс, вспомнил, что родился как раз сегодня? Я понимаю, некоторые дамы, достигнув известного возраста, становятся скрытными...

Больше никто не признался, но сквозь всеобщий смех пробился голос Данкена Мекензи:

— Кстати, о днях рождения: я не раз выигрывал пари на них. В году триста шестьдесят пять дней — сколько людей надо собрать вместе, чтобы вероятность того, что двое из них

родились в один день, оказалась больше пятидесяти процентов?

Короткая пауза, все обдумывали вопрос, потом кто-то ответил:

— По-моему, надо триста шестьдесят пять разделить пополам. Выходит, сто восемьдесят человек.

— Ответ естественный — и неверный. Достаточно двадцати пяти человек.

— Ерунда! Двадцать пять дней из трехсот шестидесяти пяти... Не получится такого соотношения!

— Простите, но это так. А если собрать больше сорока человек, девяносто шансов из ста за то, что у двоих совпадет день рождения. Нас только двадцать два, но давайте попробуем? Вы не против, коммодор?

— Нисколько. Я обойду кабину и опрошу каждого.

— Нет-нет,— возразил Мекензи.— Кто-нибудь может смошенничать. Даты надо записывать, чтобы никто не подслушал чужих ответов.

Кто-то пожертвовал почти чистым листком из туристской брошюры, листок разорвали на двадцать две части и клочки раздали. Когда они были собраны, оказалось, что Пат Харрис и Роберт Брайен родились 23 мая. Все удивлялись, а Мекензи торжествовал.

— Чистое совпадение! — заключил один скептик, и тотчас несколько пассажиров затеяли жаркий математический спор.

Женщин этот предмет не увлекал — то ли их не занимала математика, то ли они избегали говорить о днях рождения.

Наконец коммодор решил, что пора переключиться на другую тему.

— Дамы и господа! Перейдем к следующему пункту нашей программы. Мне приятно сообщить вам, что комиссия по развлечениям в составе миссис Шастер и профессора Джая... словом, нашего уважаемого профессора, придумала шутку, которая обещает нам немало веселых минут. Они

предлагают учредить суд и устроить перекрестный допрос каждого из присутствующих. Задача суда — выяснить: почему мы избрали для путешествия именно Луну? Конечно, среди вас могут оказаться такие, что не пожелают отвечать. Кто знает — может быть, половина из вас скрывается от полиции или от собственных жен. Пожалуйста, можете отказаться, но не обижайтесь, если мы из этого сделаем нелестный для вас вывод. Ну как, понравилось наше предложение?

Одни восприняли его восторженно, другие иронически-ми возгласами выразили свое неодобрение, но никто не восстал решительно против, и коммодор приступил к делу. Как-то само собой вышло, что его избрали председателем суда, а Ирвинга Шастера назначили прокурором.

Первый ряд кресел повернули лицом к кабине. Здесь заняли места председатель и прокурор. Когда все было готово и секретарь суда (то есть Пат Харрис) призвал присутствующих к порядку, председатель взял слово.

— Сейчас мы не решаем вопрос о виновности,— сказал он, с трудом сохраняя на лице серьезность.— Нам нужно определить, есть ли состав преступления. Если кто-либо из свидетелей сочтет, что мой ученый коллега оказывает на него давление, он может апеллировать к суду. Прошу секретаря пригласить первого свидетеля.

— Э-э, гм... ваша честь, а кто первый свидетель? — резонно осведомился секретарь.

Потребовалась десятиминутная дискуссия с участием суда, прокурора и любителей поспорить из публики, чтобы разрешить эту немаловажную проблему. В конце концов постановили тянуть жребий; первым выпало отвечать Девиду Баррету.

Чуть улыбаясь, свидетель прошел вперед и занял свое место в узком проходе между креслами.

Ирвинг Шастер, который в нижнем белье был мало похож на официальное лицо, сурово прокашлялся.

— Ваше имя Девид Баррет?

— Совершенно верно.

— Род занятий?

— Инженер-машиностроитель, теперь на пенсии.

— Мистер Баррет, расскажите суду, что именно привело вас на Луну.

— Мне захотелось посмотреть, что же это такое — Луна. Время для путешествий у меня есть, деньги тоже.

Ирвинг Шастер искоса поглядел на Баррета сквозь толстые линзы очков; он давно заметил, что такой взгляд озадачивает свидетелей. Носить очки считалось в двадцать первом веке чудачеством, но врачи и юристы, особенно постарше годами, все еще пользовались ими. Больше того, очки стали как бы символом профессии.

— Вам «захотелось узнать»,— повторил Шастер слова Баррета.— Это не объяснение. Почему вам захотелось?

— Боюсь, ваш вопрос сформулирован слишком неопределенно. Почему человек вообще поступает так, а не иначе?

Коммодор Ханстен довольно улыбнулся. Это именно то, чего он добивался: пусть пассажиры спорят и обсуждают вопрос, который всем интересен и вместе с тем не вызовет ни обид, ни чрезмерных страстей. (Ну а если такая угроза возникнет, от него зависит навести порядок в суде.)

— Я признаю,— продолжал адвокат,— что мой вопрос нуждается в уточнении. Попробую сформулировать его иначе.

Он подумал немного, перебирая свои бумаги — всего-навсего листки из путеводителя. На полях Шастер набросал кое-какие вопросы, просто так, для вида. Он не любил выступать в суде с пустыми руками. Сколько раз в его практике несколько секунд мнимой консультации с бумагами приносили неоценимую пользу.

— Верно ли будет сказать, что Луна привлекла вас красотами ландшафта?

— Да, отчасти и это. Я просматривал путеводители, видел кинофильмы и не раз спрашивал себя, насколько они отвечают действительности.

— И к какому выводу вы пришли теперь?

— Я бы сказал,— сухо ответил свидетель,— что действительность превзошла все мои ожидания.

Его слова были встречены дружным смехом. Коммодор постучал по спинке своего кресла.

— Призываю к порядку! — воскликнул он.— Иначе мне придется удалить нарушителей из зала суда!

Как он и ожидал, это замечание вызвало новый, еще более сильный взрыв смеха. Ханстен предоставил пассажирам посмеяться вволю. Наконец веселье стихло, и Шастер продолжал допрос. Он совершенно вошел в роль.

— Очень интересно, мистер Баррет. Вы прилетели на Луну, потратили столько денег, чтобы полюбоваться видами. Скажите, пожалуйста, вам приходилось видеть Гранд-каньон?

— Нет. А вам?

— Ваша честь! — воззвал Шастер к председателю.— Свидетель неправильно держит себя.

Коммодор строго посмотрел на Баррета, но тот ничуть не смутился.

— Мистер Баррет, не вы ведете допрос. Ваше дело отвечать на вопросы, а не задавать их.

— Милорд, я приношу суду извинения,— ответил свидетель.

— Гм... Разве я «милорд»? — неуверенно обратился Ханстен к Шастеру.— Мне казалось, что я «ваша честь».

Юрист поразмыслил с важным видом.

— Я предлагаю, ваша честь, чтобы каждый свидетель соблюдал те формы, к которым он привык в своей стране. Это вполне допустимо, пока проявляется должное уважение к суду.

— Хорошо. Продолжайте.

Шастер снова повернулся к свидетелю:

— Хотелось бы услышать, мистер Баррет, почему вы сочли нужным отправиться на Луну, хотя далеко еще не осмот-

рели всю Землю? У вас были какие-нибудь веские причины для столь нелогичного поведения?

Вопрос был отличный, как раз такой, который мог занимать всех, и Баррет постарался ответить убедительно.

— Я довольно хорошо знаю Землю,— медленно произнес он с ярко выраженным английским произношением, таким же редким, как очки.— Жил в гостинице «Эверест», побывал на обоих полюсах, даже спускался на дно впадины Калипсо. Словом, немало повидал, и родная планета уже не могла меня ничем удивить. А в каких-нибудь сутках пути — Луна, все новое, совсем другой мир. Новизна меня и привлекла.

Ханстен только краем уха слушал обстоятельный, неторопливый анализ. Пока говорил Баррет, он мог без помех изучать остальных. Коммодор успел уже составить себе представление о команде и пассажирах, определил, на кого можно положиться, от кого ждать подвоха, если дело обернется худо.

Наиболее надежен, естественно, капитан Харрис. Коммодор хорошо знал людей этого склада, он часто встречал их в космосе, но еще чаще в учебных центрах, например в Астротехе. (Когда Ханстен выступал там с лекциями, перед ним всегда сидели подтянутые, аккуратно выбритые Паты Харрисы.) Пат толковый молодой человек со склонностью к технике, но лишенный честолюбия, нашел себе работу как раз по плечу в таком месте, где от него требовались только осмотрительность и учтивость. (Ханстен не сомневался, что миловидные пассажирки особенно ценили в нем второе качество.) Он добросовестен, дисциплинирован, суховат, будет честно выполнять свой долг и — в отличие от многих более одаренных людей — умрет мужественно, без жалоб. Это может оказаться особенно ценным здесь, на пылеходе, если их не выручат через пять дней.

Не меньшая ответственность выпала сейчас на стюардессу мисс Уилкинз. Это не стандартный тип космической стю-

ардессы: пресное обаяние и застывшая улыбка. Ханстен успел определить, что мисс Уилкинз девушка с характером и образованная. Впрочем, то же самое можно было сказать и о многих девушках ее профессии.

Словом, с командой ему повезло. А как пассажиры? Разумеется, они незаурядные люди, иначе они вообще не оказались бы на Луне. В кабине «Селены» собрано изрядно ума и талантов, но в том-то вся нелепость положения, что ни ум, ни дарование их не выручат. Здесь важен характер, сила духа — попросту говоря, мужество.

В двадцать первом веке мало кому требовалось физическое мужество. От рождения и до самой смерти люди ни разу не глядели в глаза опасности. Пассажиры «Селены» не были подготовлены к таким испытаниям, а на играх да развлечениях далеко не уедешь.

Не пройдет и двенадцати часов, сказал себе коммодор, как появится первая трещина. К тому времени всем станет ясно, что какое-то препятствие задерживает спасателей и что эта задержка может оказаться роковой.

Ханстен еще раз быстро обвел взглядом кабину. Если не считать не совсем опрятного вида, все они пока остаются разумными и выдержанными членами общества.

Кто из них сдаст первым?..

К доктору Тому Лоусону, заключил главный инженер Лоуренс, нельзя применить древнее правило: «Знать — значит простить». Он знал, что на долю Лоусона выпало приютское детство, без родительской любви и ласки, что астроном вышел в люди только благодаря своему уму, в ущерб всем прочим человеческим качествам. Он мог понять Лоусона, и все-таки тот ему не нравился. «Удивительное невезение,— говорил себе Лоуренс,— на триста тысяч километров вокруг из всех ученых только у этого типа есть инфракрасный локатор, и только он знает, как с ним обращаться...»

В этот самый миг Том Лоусон, сидя в кресле наблюдателя на «Пылекате-2», заканчивал наладку неказистой на вид, но вполне работоспособной конструкции. Локатор стоял на треноге, которую укрепили на крыше пылеката, и мог поворачиваться в любом направлении.

Как будто действует... Но поручиться трудно: здесь, в тесном герметическом ангаре, множество всяких источников тепла. Только на Море можно будет проверить по-настоящему.

— Готово,— доложил наконец Лоусон главному инженеру.— Разрешите сказать несколько слов человеку, который будет работать с локатором.

Как поступить?.. Главный внимательно посмотрел на астронома. Одинаково сильные доводы говорят и «за», и «про-

тив», нельзя только допустить, чтобы повлияли личные чувства. Дело слишком важное.

— Вы можете работать в космическом скафандре? — спросил он Лоусона.

— Я их никогда в жизни не надевал. Они нужны только для наружных работ, а это дело инженеров.

— Так вот, вам представляется случай научиться,— ответил главный инженер, игнорируя шпильку. (Если это вообще шпилька; похоже, неучтивость астронома объясняется скорее незнанием светских приличий, чем сознательным пренебрежением ими.) — На пылекате это не так уж сложно. Будете спокойно сидеть в кресле наблюдателя. Автоматический регулятор сам следит за кислородом, температурой и прочим. Одно только меня смущает...

— Что именно?

— Вы не страдаете клаустрофобией?

Том замялся. Разумеется, перед отправкой в космос его проверяли по всем статьям, однако он подозревал — и не зря,— что некоторые психологические тесты прошел еле-еле. Конечно, он не ярко выраженный клаустрофоб, тогда его просто не допустили бы на борт космического корабля. Но одно дело корабль, совсем другое — скафандр.

— Выдержу,— ответил он наконец.

— Только не насилуйте себя,— строго сказал Лоуренс.— Желательно, чтобы вы пошли с нами, но выжимать из вас ложный героизм я не хочу. Все, о чем я вас прошу: принять решение, прежде чем мы покинем ангар. Потом, в двадцати километрах от берега, поздно будет передумывать.

Том посмотрел на пылекат и прикусил губу. Сама мысль о том, чтобы на таком хрупком сооружении нестись по этому адову пылевому морю, казалась ему безумием. Но эти люди каждый день туда ходят. И если прибор вдруг забастует, он хоть попытается исправить его.

— Вот скафандр вашего размера,— продолжал Лоуренс.— Примерьте его, может быть, это поможет вам решиться.

Том натянул на себя эластичный костюм, который так и норовил собраться в складки, застегнул молнию спереди и выпрямился. Он еще не надел шлема, но уже чувствовал себя неуютно. Пристегнутый к костюму кислородный баллон казался ему очень уж маленьким. Лоуренс перехватил озабоченный взгляд астронома.

— Не волнуйтесь, это всего-навсего четырехчасовой аварийный запас. Он вам не понадобится. Главные баллоны стоят на пылекате. А теперь осторожно... Поберегите нос, как бы не прищемило шлемом.

По лицам окружающих Том понял, что наступает критическая минута. Пока шлем не надет, ты еще частица человечества; потом ты уже один в маленьком механическом мире. И пусть лишь несколько сантиметров отделяет тебя от других людей, но ты видишь их через толстый пластик, разговариваешь с ними по радио, не можешь прикоснуться к ним иначе как через двойной слой искусственной «кожи». Кто-то некогда писал, что смерть в космическом скафандре — это смерть в одиночестве. Впервые Том подумал, что автор этих слов, пожалуй, прав...

Вдруг из крохотных динамиков в шлеме гулко прозвучал голос главного инженера:

— Все очень просто, кнопки переговорного устройства — на панели справа. Обычно вы соединены с водителем. Эта цепь включена все время, пока вы оба находитесь на пылекате, можете разговаривать сколько угодно. А когда она разомкнется, вы переходите на радиосвязь — как сейчас, слушая меня. Нажмите, пожалуйста, кнопку «Передача» и отвечайте.

— А что это за красная кнопка «Аварийная»? — спросил Том, выполнив команду главного инженера.

— Вам не придется ею пользоваться... надеюсь. Эта кнопка включает приводной маяк, который будет слать сигналы в эфир, пока вас не разыщут. Не трогайте ничего без нашего указания, особенно красную кнопку.

— Хорошо,— ответил Том.— Поехали.

Довольно неуклюже, так как не успел еще свыкнуться ни с костюмом, ни с лунным тяготением, он прошагал к «Пылекату-2» и сел в кресло наблюдателя. Тонкий шланг — своего рода пуповина, включаемая в гнездо на правом бедре,— соединил костюм с кислородными баллонами, интеркомом и электросетью. В крайнем случае это устройство позволит ему протянуть, пусть без особого комфорта, дня три-четыре...

Маленький ангар был рассчитан как раз на два пылеката, и насосы в несколько минут выкачали из него весь воздух. Скафандр сразу стал заметно тверже, и Тома вдруг охватил приступ страха. Главный инженер и оба водителя глядели на него. Они не увидят его испуга, он не доставит им этого удовольствия. А вообще-то кого не возьмет оторопь при первой в жизни встрече с вакуумом!

Дверь распахнулась, и Лоусона будто толкнули невидимые пальцы: из ангара вырвались наружу остатки воздуха. И вот перед ним, до самого горизонта, пустынная серая гладь Моря Жажды.

Невероятно. Неужели ожило то, что он до сих пор видел только из космоса? (Интересно, кто сейчас смотрит в стосантиметровый телескоп? Кто из его коллег в эту минуту несет вахту на посту высоко-высоко над Луной?) Это уже не картинка, нарисованная на экране крылатыми электронами, а то самое недоброе аморфное вещество, которое бесследно поглотило двадцать два человека. По этой глади он, Том Лоусон, должен идти на таком непрочном сооружении...

Но размышлять было некогда. Легкая дрожь под ногами — винты уже вращаются. Следом за «Пылекатом-1» они заскользили по поверхности Луны.

Едва вышли из длинной тени, которая протянулась от здания Порт-Рориса, как встретили лучи восходящего Солнца. Даже через автоматические защитные фильтры было опасно смотреть на неистовое бело-голубое пламя в восточной части неба.

«Стоп,— поправил себя Том,— ведь я не на Земле, а на Луне, здесь Солнце восходит на западе. Значит, мы идем на северо-восток, в Залив Росы, по пути "Селены"...»

Низкие купола Порт-Рориса быстро уходили за горизонт, и ощущение скорости словно окрылило Тома. Но ненадолго: едва скрылись из виду все ориентиры, возникла иллюзия, что они застыли в центре бескрайней равнины. Несмотря на гул вращающихся винтов и беззвучный медленный полет пылевых парабол за кормой, казалось, что пылекаты не движутся. Том знал: за каких-нибудь два часа они пересекут все Море, и все-таки боролся с тягостным чувством, будто световые годы отделяют их от других людей. И в душе его, хотя и поздновато, зародилось уважение к тем, с кем он теперь сотрудничал.

Что ж, самая пора проверить прибор...

Включив локатор, Том направил его в сторону, откуда они вышли. И удовлетворенно отметил ярко светящуюся колею на темной поверхности Моря. Конечно, это пустячная задача для локатора; обнаружить на фоне все более сильного утреннего зноя остывающий тепловой след «Селены» будет в миллион раз сложнее. И все-таки уже легче на душе: если бы прибор вообще не сработал здесь, можно было бы сразу ставить крест на всей затее.

— Ну как? — спросил главный инженер; должно быть, он следил со своего пылеката за действиями Тома.

— Прибор работает,— осторожно ответил Том.— Как будто все в порядке.

Он навел локатор на тонкий серп Земли. Мишень посложнее, впрочем ненамного: не нужно большой чувствительности, чтобы уловить ласковое тепло родной планеты, окруженной холодом космической ночи.

Вот оно, инфракрасное изображение Земли... Странное, с первого взгляда даже озадачивающее зрелище. Вместо четкого серпа совершенной геометрической формы он видел размытый гриб, ножка которого вытянулась по экватору.

Понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить изображение. Оба полюса срезаны, это и понятно: они слишком холодные, при таком уровне чувствительности их не обнаружишь. Но что это за выпуклость в ночной, неосвещенной части планеты? Ну конечно, он видит излучение тропических океанов, они отдают во мрак тепло, накопленное за день. В инфракрасном спектре экваториальная ночь была светлее, чем полярный день.

Лишнее напоминание об истине, которую всегда должен помнить ученый: органы чувств человека воспринимают лишь частичную и искаженную картину Вселенной. Том Лоусон никогда не слышал Платонова сравнения людей с узниками в пещере, стремящимися по теням на стене представить себе внешний мир. Между тем его опыт, наверное, пришелся бы по душе Платону. Какая Земля «настоящая»? Видимый глазом безупречный серп, косматый инфракрасный гриб — или ни то ни другое?

Кабинет был тесноват даже для Порт-Рориса, который служил всего-навсего транзитной станцией между Эртсайдом и Фарсайдом, а также базой для туристов, посещавших Море Жажды. (Правда, этот маршрут сейчас как будто утратил свою притягательную силу...) Лет тридцать назад Порт-Рорис был у всех на устах: в ту пору здесь орудовал один из немногих «лунных» преступников, Джерри Бадкер, который неплохо нажился, торгуя поддельными осколками «Лунника-2». Конечно, его слава не могла сравниться со славой Робин Гуда или Билли Кида, но на Луне и Бадкер был величиной.

Морис Спенсер был даже рад, что Порт-Рорис такой тихий городишко. И ведь это ненадолго — особенно если его коллеги в Клавии проведают, что начальник отдела «Интерплэнет ньюс» почему-то застрял в Рорисе и не торопится на юг, где заманчиво сверкают огни большого (население 52 647 человек) города. Зашифрованная радиотелеграмма

на Землю, должно быть, уже успокоила начальство; оно привыкло полагаться на его интуицию и сообразит, в чем дело. Рано или поздно сообразят это и конкуренты, но к тому времени Морис Спенсер надеялся намного опередить их.

Сейчас он обрабатывал все еще недовольного капитана «Ауриги». Капитан Ансон только что закончил долгий — на целый час — и очень неприятный телефонный разговор с заказчиком в Клавии. Компания «Макайвер, Макдональд, Маккарти и Маккелох» явно считала Ансона повинным в том, что «Аурига» села в Порт-Рорисе. В конце концов он повесил трубку, сказав, чтобы они выяснили этот вопрос в управлении. А в Эдинбурге сейчас воскресенье, раннее утро; поневоле им придется пока оставить его в покое.

После второй стопки Ансон слегка оттаял. С человеком, который способен раздобыть виски «Джонни Уокер» в Порт-Рорисе, стоит ладить, и капитан спросил Спенсера, как ему это удалось.

— Печать — великая сила,— усмехнулся тот.— Репортер не выдает своих источников, иначе он недолго продержится.

Морис Спенсер достал из портфеля кипу карт и фотографий.

— Вот это было куда сложнее раздобыть в такой короткий срок,— продолжал он.— И я вас очень прошу, капитан, пусть это все останется между нами. Дело совершенно секретное, во всяком случае пока.

— Разумеется. Речь идет о «Селене»?

— Ага, вы тоже догадались? Да, «Селена»... Может быть, ничего и не получится, но я хочу быть во всеоружии.

Спенсер положил на стол большую фотографию — вид Моря Жажды, снятый с малой высоты разведывательным спутником и размноженный Топографическим управлением Луны. Хотя снимок был сделан вечером, когда тени падали в противоположную сторону, он почти в точности повторял изображение, которое Спенсер видел на экране перед посад-

кой. Журналист изучил эту фотографию настолько внимательно, что знал ее наизусть.

— Горы Недоступности,— сказал он,— вздымаются почти отвесно из Моря Жажды на высоту около двух тысяч метров. Вот этот темный овал — Кратерное Озеро...

— ...где пропала «Селена»?

— Возможно. Теперь в этом уже сомневаются. У нашего общительного молодого друга с «Лагранжа» есть доказательства, похоже, что корабль затонул в Море Жажды — примерно вот тут. Но тогда люди могли остаться живы. А это означает, капитан, что в ста километрах отсюда полным ходом развернутся спасательные работы. Порт-Рорис окажется в центре внимания всей Солнечной системы!

Капитан присвистнул:

— Похоже, вам повезло! Но при чем тут я?

Палец Спенсера снова лег на карту:

— Вот при чем, капитан. Я хочу зафрахтовать ваш корабль. И хочу, чтобы вы доставили меня, оператора и двести килограммов телевизионного оборудования на западный склон Гор Недоступности.

— У меня больше нет вопросов, ваша честь,— сказал адвокат Шастер, садясь.

— Хорошо,— ответил коммодор Ханстен.— Я должен просить свидетеля не удаляться за пределы юрисдикции сего суда.

Под общий хохот Девид Баррет вернулся на место. Он хорошо сыграл свою роль. В большинстве ответов англичанина серьезная мысль сочеталась с искрой юмора, и слушали его с интересом. Если остальные свидетели будут отвечать так же охотно, за развлечением дело не станет — пока им вообще до развлечений... Даже если взять предельную, вряд ли возможную цифру: четыре исповеди в день, со всеми подробностями, какие способна сохранить человеческая память,— то кто-то еще будет рассказывать, когда испустит дух кислородная цистерна.

Ханстен посмотрел на часы. Целый час до скудного обеда. Можно вернуться к «Шейну» или (хоть мисс Морли и против) обратиться к этому дурацкому историческому роману. Нет, лучше продолжать спектакль, пока все еще настроены так, как надо.

— Если никто не возражает,— сказал коммодор,— я вызову следующего свидетеля.

— Я — за! — поспешно отозвался Баррет, чувствуя себя в безопасности.

Даже картежники не были против, и секретарь суда вытащил из кофейника клочок бумаги. Его лицо отразило замешательство, и он почему-то замялся.

— В чем дело? — спросил председатель суда.— Вам попалась ваша фамилия?

— Гм... нет,— ответил секретарь, с озорной улыбкой глядя на адвоката. Потом прокашлялся и провозгласил: — Миссис Шастер!

— Ваша честь, я возражаю! — Миссис Шастер с трудом оторвала от сиденья свои килограммы, хоть их и поубавилось с тех пор, как «Селена» покинула Порт-Рорис. Жестом она указала на своего супруга, который смущенно уткнулся в записи.— Разве это по чести, чтобы он меня выспрашивал?

— Я готов уступить свое место,— сказал Ирвинг Шастер, не дожидаясь, когда председатель суда произнесет формулу «протест принят».

— Я согласен вести допрос,— отозвался коммодор, хотя лицо говорило обратное.— Или, может быть, кто-нибудь еще хочет взять это на себя?

Все молчали. Вдруг, к удивлению и радости Ханстена, поднялся с места один из любителей покера.

— Я, правда, не юрист, ваша честь, но у меня есть кое-какой правовой опыт. Я готов помочь вам.

— Отлично, мистер Хардинг. Приступайте к допросу.

Хардинг занял место Шастера и обвел взглядом внимательную аудиторию. Это был ладно и крепко скроенный муж-

чина, не очень похожий на банковского служащего. Недаром, когда все представлялись, Ханстен подумал, что Хардинг не тот, за кого выдает себя.

— Ваше имя Майра Шастер?

— Да.

— Что же привело вас на Луну, миссис Шастер?

Свидетельница улыбнулась:

— Это я сразу могу ответить. Мне сказали, что на Луне я буду весить двадцать килограммов, вот и полетела.

— Нельзя ли уточнить: почему вам хотелось весить двадцать килограммов?

Миссис Шастер посмотрела на Хардинга так, словно он сказал величайшую глупость.

— Когда-то я была танцовщицей,— ответила она, и голос ее вдруг стал грустным, лицо — задумчивым.— Конечно, пришлось это дело бросить, когда я вышла за Ирвинга.

— Почему «конечно», миссис Шастер?

Свидетельница взглянула на своего супруга; он поежился, даже привстал, точно хотел протестовать, но раздумал.

— Да он сказал, мол, не благородное это занятие. Верно, конечно, ведь я где танцевала...

Тут мистер Шастер не выдержал. Совершенно игнорируя суд, он вскочил на ноги и закричал:

— Право, Майра, незачем...

— Э, плюнь ты на это, Ирв! — отпарировала она; и от ее столь странного здесь старомодного жаргона на всех повеяло девяностыми годами.— Чего уж там, теперь-то! Зачем притворяться, уж какие есть. Что из того, если они тут узнают, что я танцевала в «Голубом астероиде»... и что ты меня выручил, когда нагрянули «фараоны».

Ирвинг сел, негодующе фыркая, а в кабине разразился громовой хохот, который его честь даже и не пытался прекратить. Пусть отводят душу: когда люди смеются, они забывают о страхе.

И коммодор опять спросил себя, кто же такой этот мистер Хардинг, который одним лишь небрежным и вместе с тем коварным вопросом добился такого эффекта. Для неюриста он неплохо справляется со своей задачей. Интересно будет поглядеть на него в роли свидетеля, когда настанет черед Шастера задавать вопросы...

Наконец что-то нарушило плоское однообразие Моря Жажды. Из-за горизонта выглянул крохотный, но ослепительный яркий осколок света. По мере того как пылекаты мчались вперед, он поднимался все выше к звездам. А вот еще один, еще... Над краем Луны вырастали вершины Гор Недоступности.

На глаз не определишь расстояния; может почудиться, что это небольшие скалы, до которых рукой подать, или могучие пики горной страны в другом мире, за миллионы километров от Луны. На самом деле до них было пятьдесят километров, полчаса хода на пылекатах.

Том Лоусон обрадовался горам: они заполнили пустоту, в которой тонули взгляд и рассудок. Еще немного, и он сошел бы с ума от этой бесконечной на вид равнины. Разумеется, глупо. Том великолепно понимал, что горизонт совсем близко, что Море Жажды — только часть Луны, поверхность которой вовсе не безгранична. Но пока ему казалось, что пылекат стоит на месте, он чувствовал себя как в кошмаре, когда мучительно напрягаешься, силясь уйти от беды, и не можешь шагу ступить. Тому часто снились такие сны, даже еще страшнее.

Но теперь он ясно видел, что они движутся и длинная черная тень пылеката не примерзла к пыли. Том навел локатор на вершины; прибор тотчас отозвался. Все правильно: под лучами солнца камни почти раскалены. Лунный день едва

занялся, но вершины уже словно превратились в языки пламени. Здесь, на уровне «моря», куда прохладнее. До того полдня, когда верхний слой пыли нагреется до максимума, еще семь суток. Это обстоятельство было особенно важно для Лоусона. Хотя день уже начался, еще есть надежда найти слабые источники тепла, прежде чем могучее светило подавит их.

Двадцать минут спустя горы заняли половину неба, и пылекаты сбавили скорость.

— Это чтобы не проскочить их след,— объяснил Лоуренс.— Присмотритесь — вон там, направо, двойная вершина, а пониже ее вертикальная темная черта. Нашли?

— Да.

— Это ущелье ведет в Кратерное Озеро. Тепловое пятно на вашем снимке находится в трех километрах к западу от ущелья. Оно еще скрыто от нас за горизонтом. С какой стороны надо подойти?

Лоусон мысленно прикинул. Пожалуй, лучше всего с севера или с юга. Если подходить с запада, в поле зрения окажутся пылающие скалы; с востока и подавно нельзя — будешь смотреть прямо на восходящее солнце.

— Зайдем с севера,— сказал Лоусон.— И предупредите меня, когда останется два километра.

Пылекаты снова прибавили скорость. Хотя искать след было рано, Том стал прощупывать локатором поверхность Моря. Основой термопоиска было предположение, что обычно температура верхнего слоя однородна и только человек может нарушить это равновесие. Если же это неверно...

Это было неверно. Том Лоусон жестоко ошибся в своих расчетах. На экране видоискателя Море Жажды представляло собой сетку из света и теней, точнее — тепла и холода. Хотя температурные отклонения не превышали малых долей градуса, этого оказалось достаточно, чтобы получилась хаотическая картина. В этом термическом лабиринте выделить какой-либо обособленный источник тепла невозможно...

У Тома сердце оборвалось. Он оторвал взгляд от экрана и недоумевающе уставился на пыль. Для невооруженного глаза ее поверхность была предельно гладкой — сплошное серое поле. А в инфракрасных лучах она была такой же рябой, как земные моря в облачный день, когда свет и тени на воде сплетаются в непрерывно меняющийся узор.

Но над этим безводным морем облаков нет, что-то другое вызвало рябь. Том был слишком потрясен, чтобы искать научное объяснение. Мчался за столько тысяч километров на Луну, рискуя жизнью и рассудком отправился в этот идиотский поиск — и вот, по какой-то прихоти природы, тщательно задуманный опыт провалился. Вот уж подлинно не повезло... Душу Тома Лоусона заполнила жалость к себе.

Прошло несколько минут, прежде чем он подумал о людях на борту «Селены».

— Итак,— преувеличенно спокойно сказал капитан «Ауриги»,— вам хочется сесть в Горах Недоступности. Увлекательная идея...

Ну конечно, Ансон не принял его слов всерьез. Должно быть, решил, что этот одержимый репортер просто не представляет себе всех трудностей. Что ж, это было бы справедливо двенадцать часов назад, когда Спенсер только-только задумал свой план. Но теперь он был до зубов вооружен всевозможными сведениями и отлично знал, что делает.

— Я слышал, капитан, вы хвастались, будто можете посадить свой корабль в любом заданном месте с точностью до одного метра. Это верно?

— Гм... могу, была бы вычислительная машина.

— Превосходно. А теперь поглядим вот на эту фотографию.

— Что это? Глазго глазами гуляки в субботний вечер?

— Зерно есть, конечно, такое уж увеличение, но разобрать можно. Здесь показан участок как раз под западной вершиной Гор Недоступности. Через несколько часов у меня бу-

дет другой отпечаток, намного лучше, и карта в горизонталях. Топографическое управление уже вычерчивает ее, у них весь этот район снят. Ну вот, тут есть широкий уступ — достаточно широкий, чтобы десять кораблей посадить. И ровный, во всяком случае вот здесь... и здесь... Так что для вас посадка — не задача.

— Технически — возможно. Но вы хоть примерно представляете себе, сколько это стоит?

— Это уж моя забота, капитан, вернее, моего агентства. Мы считаем, что игра стоит свеч, если мое предчувствие не обманет.

Спенсер мог бы сказать еще кое-что, но, когда готовишь почву для сделки, лучше не показывать партнеру, что тебе позарез нужен его товар. Он рассчитывал на большую сенсацию: спасательные работы в космосе — перед объективами телекамер, такого никогда не было! Видит бог, космические катастрофы случались и прежде, но драматический элемент неизвестности отсутствовал. Люди погибали мгновенно, если же нет — все равно им нельзя было помочь. Сообщения о трагедиях печатались на самом видном месте, однако их тотчас вытесняли другие новости.

— Не в деньгах дело,— сказал капитан, хотя по его тону чувствовалось, что они все-таки играют решающую роль.— Даже если владельцы согласятся, вам еще нужно разрешение Космической службы Эртсайда.

— Знаю, этот вопрос уже улаживается.

— А как насчет Ллойда? Наша страховка не распространяется на такие прогулки.

Спенсер наклонился над столом: настал миг пустить в ход главный козырь.

— Капитан,— раздельно произнес он,— «Интерплэнет ньюс» согласна внести залог, равный страховой сумме. Насколько мне известно, эта — слегка завышенная — сумма составляет шесть миллионов четыреста двадцать пять тысяч пятьдесят стерлинг-долларов.

Капитан Ансон моргнул раз, другой и совершенно преобразился. С задумчивым видом он налил себе еще стопку.

— Никогда не думал, что на старости лет займусь альпинизмом,— сказал он.— Но если вам не жаль выбросить шесть миллионов столларов — да здравствуют горы!

К великому облегчению супруга миссис Шастер, допрос был прерван обедом. Особа разговорчивая, Майра Шастер явно обрадовалась первому за много лет случаю излить свою душу. Ее карьера, если можно употребить это слово, не была особенно славной, когда судьба и чикагская полиция положили ей конец; но Майра успела кое-что повидать и знала многих выдающихся артистов конца прошлого столетия. Слушая ее, не один из пассажиров постарше вспомнил собственную молодость и песенки девяностых годов. А когда миссис Шастер запела неувядаемый «Космоблюз», все хором подхватили припев, и суд не стал возражать. По мнению коммодора, такого массовика надо было ценить на вес золота. А это, если учесть комплекцию Майры Шастер, кое-что значило.

После обеда (наиболее медлительные едоки ухитрились растянуть его на полчаса, так тщательно они пережевывали каждый кусок) снова обратились к книгам, причем теперь взяли верх сторонники «Апельсина и яблока». Так как сюжет был из английской жизни, решили, что читать должен мистер Баррет. Он всячески отнекивался, но силы были неравны.

— Ну хорошо,— неохотно согласился он.— Начнем. Итак: глава первая. Драри-лейн. Тысяча шестьсот шестьдесят пятый год...

Автор не терял зря времени. Уже на третьей странице сэр Исаак Ньютон объяснял закон тяготения миссис Гвин, которая дала понять, что готова вознаградить его. Пат Харрис догадывался, куда она клонит, но долг службы вынудил его отвлечься. Это развлечение — для пассажиров, команду ждет работа.

— Один аварийный ящик я еще не трогала,— сказала мисс Уилкинз, едва дверь камеры перепада мягко скользнула в свой паз, отсекая выразительный голос мистера Баррета.— Столовое печенье и джем на исходе, но мясного концентрата пока достаточно.

— Ничего удивительного,— ответил Пат.— Он никому не лезет в глотку. Ну-ка, проверим наши описи.

Стюардесса подала ему листки с машинописным текстом, испещренные карандашными галочками.

— Так, начнем с этого ящика. Что в нем?

— Мыло и бумажные полотенца.

— М-да, ими не закусишь. А тут?

— Леденцы. Я берегла их, чтобы было чем отпраздновать... когда нас найдут.

— Хорошая идея, но, думаю, стоит раздать немного сегодня вечером. По конфетке на человека — вместо стаканчика на ночь. Здесь что?

— Сигареты, тысяча штук.

— Следите, чтобы их никто не увидел. Лучше бы вы и мне не говорили.

Пат криво улыбнулся Сью и продолжал учет. Было ясно, что еда — не главная проблема, но бережливость не помешает. Пат Харрис знал свое начальство: после спасения рано или поздно найдется чинуша — живой или электронный,— который потребует отчета в том, как расходовались продукты.

После спасения... А верит ли он, что их спасут? Прошло больше двух дней, и до сих пор не видно, чтобы их искали. Пат не знал точно, каких признаков ждет, но ведь что-то должно быть!

Озабоченный голос Сью прервал его размышления:

— В чем дело, Пат? Что-нибудь не так?

— Что вы,— насмешливо ответил он.— Через пять минут мы пришвартуемся на Базе. Чудесная была прогулка, верно?

Сью недоумевающе взглянула на него, затем покраснела, и глаза ее наполнились слезами.

— Простите,— покаянно произнес Пат.— Я не хотел обижать вас. Нам обоим нелегко, но вы держитесь молодцом. Я не знаю, что бы мы делали без вас, Сью.

Она вытерла слезы платком, улыбнулась и ответила:

— Ничего, я понимаю.

Оба помолчали немного, потом девушка добавила:

— Вы думаете, мы выкарабкаемся?

Он развел руками:

— Кто его знает... Но ради пассажиров надо делать вид, что мы в этом не сомневаемся. Конечно, вся Луна ищет нас. Теперь уже недолго.

— Ну хорошо, допустим, они найдут «Селену» — но как нас выручат отсюда?

Пат посмотрел на выходную дверь, от которой его отделяло лишь несколько сантиметров. Достаточно протянуть руку, чтобы коснуться ее; больше того, если выключить автоблокировку, дверь можно отворить. По ту сторону тонкого металлического листа — несчетные тонны пыли, которая хлынет внутрь, как вода в затонувший корабль, если найдет малейшую щель. Сколько метров до поверхности? Этот вопрос заботил его с той самой минуты, когда они провалились, но как узнать?..

И неизвестно, что ответить Сью. Сейчас все его мысли вращались вокруг одного: найдут или не найдут? Лишь бы нашли, а там что-нибудь придумают! Человечество не даст им погибнуть, если убедится, что они живы.

Самообман это, вот что. Сотни раз в прошлом веке люди попадали в западню вроде этой, и даже самые могучие государства были бессильны спасти их. Запертые обвалом шахтеры, моряки в затонувших подводных лодках, не говоря уже о космонавтах в кораблях, которые сошли с расчетной орбиты, и их нельзя было перехватить. Нередко эти люди до самого конца могли переговариваться с друзьями и родными. Так было два года назад, когда на «Кассиопее» отказало управ-

ление и мощные двигатели понесли корабль прочь от Солнца. Он и сейчас летит в сторону Канопуса, и орбита его известна. Астрономы могли бы вычислить координаты «Кассиопеи» на ближайший миллион лет с точностью до нескольких тысяч километров. Превеликое утешение для команды, погребенной в склепе, который может поспорить долговечностью с любой из пирамид...

Усилием воли Пат прогнал от себя никчемные мысли. Их судьба еще не решена, и лучше не думать о беде, чтобы не накликать ее.

— Давайте-ка поскорее закончим учет. Хочется послушать, как там Нелл поладит с сэром Исааком.

Конечно, это куда более заманчивый предмет для размышления, особенно когда стоишь рядом со славной девушкой. У женщин в таких случаях есть одно огромное преимущество перед мужчинами, подумал Пат. На Сью и сейчас было приятно смотреть, хотя тропический зной заставил ее отказаться от форменной одежды. Его же, как и всех мужчин на борту «Селены», раздражала эта трехдневная щетина; и ведь ничего с ней не поделаешь.

Сам того не замечая, Пат Харрис подвинулся к мисс Уилкинз так близко, что уколол ей щетиной щеку. Он сразу отпрянул, но стюардесса стояла с таким видом, точно ожидала этого и нисколько не была удивлена.

— Вы, конечно, считаете меня бессовестным волокитой,— сказал Пат, преодолев смущение.

— Ничего,— ответила Сью с усталой улыбкой.— Мне даже приятно знать, что я еще могу нравиться. Ни одна девушка не обижается, когда за ней начинают ухаживать. Другое дело, если мужчина не знает меры.

— Мне пора остановиться?

— Если бы мы друг друга любили, Пат... Мне это очень важно. Конечно, я рада, что работаю с вами. Я могла бы выбрать другое место.

— И зря не выбрали,— ответил Пат.

— Ну вот, опять на вас мрачность нашла,— сказала Сью.— В этом ваша беда: вы слишком легко падаете духом. И не умеете быть напористым, любой может командовать вами.

Пат поглядел на нее скорее удивленно, чем обиженно.

— Я и не подозревал, что вы изучаете мой характер.

— Я не изучала. Но если работаешь вместе с человеком, который тебя интересует, поневоле кое-что подметишь.

— Хорошо, но я не могу согласиться с тем, что мною командуют.

— Не можете? А кто сейчас заправляет на корабле?

— Если вы о коммодоре, так это совсем другое дело. Он в тысячу раз больше меня подходит для роли командира. И ведь он ведет себя тактично, во всем спрашивает моего разрешения.

— Уже перестал спрашивать. И главное: вы ведь рады, что он взял командование на себя!

Пат призадумался. Потом посмотрел на Сью с явным уважением:

— Пожалуй, это верно. Меня никогда не тянуло утверждать свое «я», свой авторитет. Может, потому я и водитель лунобуса, а не капитан космического лайнера. Да только теперь уж поздно исправляться.

— Вам еще нет тридцати.

— Благодарю за комплимент. Мне тридцать два. Мы, Харрисы, до старости лет выглядим моложаво. Только тем и можем похвастаться.

— Тридцать два — и все еще нет своей девушки?

«Ха! — подумал Пат.— Ты еще далеко не все знаешь обо мне. А впрочем... Пожалуй, Сью права: нет у меня девушки. Вот уже пять лет — после Ивонны. Какое там пять — это было семь лет назад!»

— А куда спешить? — сказал он вслух.— Ничего, скоро обзаведусь семьей.

— Вы будете так говорить и в сорок, и в пятьдесят лет. Это уж так повелось у космонавтов. Не обзаведутся семьей вовремя, а потом поздно. Взять хоть того же коммодора.

— Опять коммодор? Сколько можно о нем говорить?!

— Он всю жизнь провел в космосе. У него ни семьи, ни детей. Земля для него ничего не значит, он слишком мало жил на ней. Когда кончился срок службы, он, наверное, не знал, куда себя деть. Так что для него это происшествие — дар небес, он сейчас просто счастлив.

— И пускай, он это заслужил. Мне бы сделать хоть десятую долю того, что коммодор совершил за свою жизнь. Только не похоже...

Пат заметил, что все еще держит в руках описи. Он уже успел забыть про эти злополучные листки, которые лишний раз подчеркивали, как ограничены их возможности. Капитан нахмурился.

— Работа ждет,— сказал он.— Мы обязаны думать о пассажирах.

— Если мы задержимся здесь слишком долго,— ответила Сью,— пассажиры начнут думать о нас.

Она и не подозревала, как близки к истине ее слова.

Что-то доктор Лоусон давно молчит, подумал главный инженер. Пора бы сказать что-нибудь.

— Все в порядке, доктор? — спросил он самым дружелюбным тоном, на какой был способен.

Лоусон только сердито рявкнул в ответ, но недовольство его относилось к Вселенной, а не к Лоуренсу.

— Не работает,— горько ответил он.— Тепловое изображение чересчур пестрое. Вместо одной — десятки нагретых точек!

— Остановите свой пылекат. Я переберусь к вам, посмотрю.

«Пылекат-2» затормозил. «Пылекат-1» подошел к нему, они остановились борт к борту. С поразительной легкостью, несмотря на жесткие доспехи, Лоуренс перескочил с одного пылеката на другой и встал позади Лоусона, придерживаясь за навес. Через плечо астронома он посмотрел на экран инфракрасного преобразователя.

— Да уж, путаница изрядная. Но ведь все было гладко, когда вы делали свой снимок?

— Очевидно, восход влияет. Море нагревается, и почему-то неравномерно.

— Попробуем все-таки разобраться в этой мозаике. Так... Тут есть почти однотонные участки... Как это объяснить? Если бы знать, в чем дело, мы могли бы что-нибудь придумать.

Том Лоусон собрался с мыслями. Хрупкая оболочка самонадеянности разбилась вдребезги о неожиданное препятствие, и он чувствовал себя прескверно. Последние двое суток почти не пришлось спать: со спутника — на Луну, затем — на пылекат, он безумно устал, и в довершение ко всему наука подвела его.

— Объяснений могут быть десятки,— глухо произнес он.— Хотя пыль кажется однородной, возможны места с различной проводимостью. Где-то Море глубже, где-то мельче, это тоже влияет на тепловое излучение.

Лоуренс продолжал разглядывать мозаику на экране, пытаясь согласовать ее с тем, что видел невооруженным глазом.

— Постойте, вы мне кое-что подсказали.— Главный обратился к водителю: — Какая здесь глубина?

— А кто его знает, Море еще не промеряли как следует. Но вообще-то тут, у северного берега, очень мелко. Иногда камнями винты срывает.

— Так мелко? Ну вот вам и ответ. Если под нами всего в нескольких сантиметрах камень, он, естественно, влияет на температуру. Десять против одного, что картина будет яснее, как только мы уйдем с отмели. Это местное явление, оно вызвано неровностью дна.

— Может быть, вы и правы.— Том слегка ободрился.— Если «Селена» затонула, ее надо искать там, где глубже. Но вы уверены, что здесь мелко?

— Давайте проверим, на моем пылекате есть двадцатиметровый щуп.

Одного колена раздвижного щупа оказалось достаточно, он уперся в дно на глубине менее двух метров.

— Сколько у нас запасных винтов? — предусмотрительно справился Лоуренс.

— Четыре: два полных комплекта,— ответил водитель.— Да винты резиновые, если заденут камень, летит шплинт, а лопастям ничего не делается. Согнутся — и тут же выпрямляются. За весь этот год я только три винта потерял. Недавно и

у «Селены» сорвало винт, пришлось Пату Харрису выходить наружу и крепить его на место. Конечно, пассажиры поволновались...

— Ясно, поехали дальше. Курс на ущелье. Подозреваю, что оно продолжается под пылью по дну Моря и там глубина больше. Если я прав, ваша картинка сразу прояснится.

Том без особой надежды следил за тем, как скользят по экрану переливы света и тени. Пылекаты шли совсем медленно, чтобы он поспевал анализировать изображение. И уже через два километра Том убедился, что Лоуренс был прав.

Рябь и крапинки стали исчезать, беспорядочный узор тепла и холода сменялся ровной серой гладью. Было очевидно, что глубина быстро растет.

Казалось бы, сознание того, что его прибор снова доказал свою пригодность, должно обрадовать Тома. Вышло наоборот: он думал о незримой пучине, над которой они скользили, опираясь на ненадежное, коварное вещество... Кто знает, быть может, там, внизу, провалы до самого центра Луны; они могут в любой миг поглотить пылекаты, как уже поглотили «Селену»!

У Тома Лоусона было такое ощущение, словно он шел по канату над пропастью или пробирался по узкой тропинке среди зыбучих песков. Всю жизнь его терзала неуверенность в себе, только на работе он забывал о своих колебаниях, а общаясь с людьми, терялся. Опасность подстегнула затаенные страхи. Сейчас он всеми силами души мечтал о чем-нибудь твердом, надежном, прочном, на что можно опереться.

Вот, всего в трех километрах — горы, могучие, вечные, коренящиеся в недрах Луны. Том глядел на залитые солнцем вершины с таким отчаянием, с каким человек на покорном волнам плоту посреди Тихого океана глядел бы на скользящий мимо остров...

Хоть бы Лоуренс поскорее ушел из этого зловещего призрачного пылевого океана, причалил к безопасному берегу!

Том Лоусон поймал себя на том, что шепчет:

— Идите к горам! Идите к горам!

Но в космическом скафандре лучше не размышлять вслух, если включено радио. За пятьдесят метров главный инженер услышал шепот Лоусона и отлично понял, в чем дело.

Чтобы стать главным инженером половины небесного тела, нужно разбираться в людях не хуже, чем в машинах. «Я сознательно пошел на риск,— подумал Лоуренс.— Похоже, что просчитался. Но без боя не сдамся. Может быть, еще удастся разрядить эту психологическую бомбу замедленного действия, прежде чем она взорвется...»

Том не заметил, как опять приблизился второй пылекат, настолько он был поглощен своими переживаниями. Вдруг что-то тряхнуло его, да так сильно, что он ударился лбом о шлем. От боли невольно выступили слезы. Сморгнув их, Том Лоусон, в душе которого смешались ярость и странное облегчение, прямо перед собой увидел суровые глаза главного и услышал в шлемофоне гулкий голос:

— Кончайте этот вздор. И поаккуратнее с нашим скафандром: за чистку с нас пятьсот столларов берут, да и то костюм уже будет не тот.

— Меня не мутит...— через силу пробормотал Том, но тут же смекнул, что ему грозило что-то похуже, спасибо еще Лоуренсу за деликатность.

Прежде чем он смог что-нибудь добавить, снова — теперь уже мягче — зазвучал голос инженера:

— Никто больше не слышит нас, Том, я включил двустороннюю связь. Слушайте меня и не злитесь. Мне о вас кое-что известно. Знаю, жизнь обошлась с вами неласково. Но у вас есть голова — очень даже неплохая голова, и нечего терять ее, поддаваться трусости. Всякий может испугаться, никто из нас не застрахован от этого, но сейчас это совсем некстати. От вас зависит жизнь двадцати двух человек. Все решится в ближайшие пять минут. Так что смотрите на экран и за-

будьте обо всем остальном. Положитесь на мое слово, мы вас привезем обратно в целости и сохранности.

Не сводя глаз с потрясенного лица молодого ученого, Лоуренс — на этот раз дружески — похлопал рукой по его скафандру. И с облегчением увидел, что Лоусон постепенно приходит в себя.

Мгновение астроном сидел неподвижно. Он овладел собой, но было видно, что он слушает какой-то внутренний голос. «О чем говорит ему этот голос? — спросил себя главный.— О том, что он частица человечества, пусть даже оно заточило его ребенком в этот отвратительный сиротский приют?.. Или что есть где-то в мире человек, который проникнется к Тому теплым чувством и растопит корку льда, ожесточившую его сердце?»

Странную картину можно было видеть в этот миг на зеркально-гладкой равнине, простершейся от Гор Недоступности до самого солнечного диска. «Пылекат-1» и «Пылекат-2» напоминали корабли, застигнутые штилем среди мертвого, недвижимого моря, и водители могли только догадываться, какая драма характеров только что разыгралась. Со стороны и не поймешь, как остро стоял минуту назад вопрос о жизни и смерти людей. А двое, которые знают об этом, никому не расскажут.

К тому же мысли обоих были уже поглощены совсем другим. Более нелепого положения не придумаешь: все это время, пока Лоусон и Лоуренс, позабыв о локаторе, разбирались в личных вопросах, экран терпеливо показывал то самое изображение, которое они искали.

Когда Пат и Сью закончили учет и вышли из воздушного шлюза, пассажиры все еще мысленно находились в Англии времен Реставрации. За краткой лекцией сэра Исаака на темы физики последовал, как и можно было ожидать, гораздо более долгий урок анатомии под руководством Нелл Гвин.

Слушатели от души веселились, тем более что Баррет великолепно передавал особенности речи героев.

«— Поистине, сэр Айзек, вы очень мудрый человек. И все же, сдается мне, женщина могла бы многому научить вас.

— Чему же, например, прелестная леди?

Миссис Нелл смущенно зарделась.

— Боюсь,— вздохнула она,— что вы целиком посвятили себя духовной жизни. Вы позабыли, сэр Айзек, что в теле тоже кроется немалая мудрость.

— Ах, зовите меня просто Айком,— глухо произнес он, касаясь неуклюжими пальцами пуговок ее блузки.

— Ах нет! — воскликнула Нелл, не останавливая, однако, его руки.— Только не здесь, не во дворце! Король скоро вернется!

— Не волнуйтесь, моя прелестная. Карл бражничает с этим писакой Пеписом. Он нынче не покажется...»

«Если только мы отсюда выберемся,— подумал Пат,— наш долг послать благодарственное письмо семнадцатилетней школьнице на Марсе, которой приписывают авторство этой чепухи. Она всех веселит, а это сейчас главное».

Всех? Нет, кому-то было не до веселья.

С чувством неловкости Пат заметил, что мисс Морли настойчиво старается поймать его взгляд. Вспомнив о своих обязанностях капитана, он повернулся к ней с приветливой, хотя и несколько натянутой улыбкой.

Она не ответила на улыбку, скорее ее лицо стало еще более отчужденным. Медленно и демонстративно мисс Морли перевела взгляд на Сью, потом опять посмотрела на Пата.

Все было ясно без слов. Они поняли ее так же хорошо, как если бы она крикнула во весь голос: «Я знаю, что вы там делали, в вашей камере!»

Лицо Пата вспыхнуло от гнева — праведного гнева человека, которого напрасно оклеветали. На миг он словно врос в свое кресло, только кровь стучала в висках. Потом буркнул себе под нос:

— Я ей покажу, этой старой ведьме.

Он поднялся на ноги, наградил мисс Морли улыбкой, полной сладчайшего яда, и сказал так, чтобы слышала только она:

— Мисс Уилкинз! А ведь я совсем забыл одну вещь. Пройдемте, пожалуйста, еще раз в камеру перепада.

Дверь затворилась, заглушив рассказ об эпизоде, который проливал совершенно неожиданный свет на происхождение герцога Сен-Олбанского, и Сью Уилкинз с лукавым любопытством поглядела на Пата.

— Вы видели? — спросил он, все еще кипя от ярости.

— Что именно?

— Мисс Морли...

— А-а! — перебила его Сью.— Не обращайте внимания на бедняжку. Она не сводит с вас глаз с той самой минуты, как мы вышли из Базы. Вы отлично понимаете, что ее мучает.

— Что? — смущенно спросил Пат, хотя заранее знал ответ.

— Она... как бы это сказать... боится перезреть. Довольно распространенный недуг, признаки всегда одни и те же.

Пути любви извилисты и прихотливы. Десять минут назад Пат и Сью вышли из камеры, согласившись быть в целомудренной нежной дружбе. Однако эта невообразимая комбинация: мисс Морли — Нелл Гвин, мысль «семь бед — один ответ» да еще, пожалуй, подсознательное чувство, что в конечном счете любовь — единственная защита против смерти,— все, вместе взятое, поколебало их решимость. Они потянулись друг к другу, и Сью, улыбаясь, прошептала:

— Ах, только не здесь, не во дворце!

Главный инженер Лоуренс пристально смотрел на слабо светящийся экран, пытаясь расшифровать изображение. Как и все инженеры и ученые, он немалую часть жизни провел, разглядывая картины, нарисованные стремительными электронами, которые воспроизводили явления слишком крупные или слишком малые, слишком яркие или слишком тусклые, чтобы их мог увидеть человеческий глаз. Прошло больше ста лет, как катодная трубка подарила человеку власть над невидимым миром; он уже забыл ту пору, когда этот мир был ему недоступен.

Инфралокатор нашел в двухстах метрах от них на поверхности пылевой пустыни едва заметное тепловое пятно, образующее почти правильный, изолированный круг. Нигде больше в поле зрения прибора не отмечалось посторонних источников тепла. Правда, пятно было куда меньше того, которое Лоусон сфотографировал с «Лагранжа», но координаты совпадали. Никакого сомнения: оно самое.

Но еще неизвестно, что означает это пятно... Объяснений может быть много. Скажем, здесь со дна Моря почти к самой поверхности торчит одиночный пик.

Был только один способ выяснить это.

— Оставайтесь здесь,— сказал Лоуренс.— Я пойду вперед на «Пылекате-один». Скажите мне, когда я буду точно в середине пятна.

— Вы думаете, это опасно?

— Вряд ли, но лучше не рисковать.

И «Пылекат-1» медленно заскользил к загадочному пятну — столь явному для инфралокатора, но невидимому для обыкновенного глаза.

— Чуть левее,— скомандовал Том.— Еще несколько метров... еще... есть!

Лоуренс вперил взгляд в серую лунную пыль. Вроде такая же гладкая, как и любой другой участок Моря. Но, присмотревшись, он заметил нечто такое, от чего у него холод пробежал по спине.

Если глядеть очень пристально (как глядел сейчас он), можно было заметить на глади Моря мелкий-мелкий узор. Этот узор двигался, поверхностный слой точно полз к пылекату, подгоняемый незримым ветром.

Вот так штука... На Луне все необычное и непонятное настораживало; чаще всего оно означало или сулило беду. Главный насторожился. Если здесь затонуло судно, то что грозит пылекату?..

— Лучше не подходите,— передал он на «Пылекат-2».— Здесь что-то странное, я не могу понять.

И он тщательно описал явление Лоусону. Подумав, тот почти сразу ответил:

— Похоже на восходящую струю, говорите? Так оно и есть. Мы определили тут источник тепла. Он достаточно мощный, чтобы вызвать конвекционное течение.

— Но откуда тепло? И при чем тут «Селена»?

Лоуренс не мог скрыть своего разочарования. Как он и опасался с самого начала: пустая затея. Очаг радиации или же выброс нагретых газов, вызванный толчком, ввел в заблуждение приборы и заманил их в эту пустыню. Уходить отсюда, да поскорее, задерживаться опасно!..

— Постойте-ка,— услышал Лоуренс голос Тома.— Судно со всевозможными агрегатами и двадцатью двумя пассажирами должно излучать немало тепла. Три-четыре киловатта

минимум. И если пыль находится в статическом равновесии, этого может оказаться достаточно, чтобы забил ключ.

Не очень-то вероятно... Но Лоуренс готов был ухватиться даже за самую тонкую соломинку. Взяв металлический щуп, главный погрузил его вертикально в пыль. Сперва он шел легко, однако, по мере того как выдвижные колена наращивали длину, сопротивление росло. И когда щуп достиг полной длины — двадцать метров,— инженеру пришлось напрячь все силы, чтобы проталкивать его дальше. Вот и верхний конец щупа исчез: ничего. Но Лоуренс и не рассчитывал на успех с первой попытки. Здесь нужен научный подход, система.

Пять минут крейсирования взад-вперед, и на поверхности Моря через каждые пять метров протянулись белые ленты. Словно фермер прошлого, сажающий картофель, главный инженер пошел на пылекате вдоль первой ленты, орудуя щупом. Эта операция требовала большой тщательности, и дело продвигалось медленно. Лоуренс напоминал слепого, который гибким прутом нащупывает путь в темноте. Если его прут окажется слишком коротким, придется изобретать что-то еще. Но пока об этом рано думать...

На исходе десятой минуты Лоуренс допустил промах. Он все время работал обеими руками, и вот, нажав что было мочи на верхний конец щупа, слишком сильно перегнулся через бортик пылеката, ноги вдруг сорвались, и он плашмя упал в Море.

Выйдя из камеры перепада, Пат тотчас заметил, что настроение переменилось. Книга была отложена в сторону, и в кабине шел жаркий спор, который с появлением капитана прервался. Наступила неловкая тишина. Некоторые пассажиры уголком глаза следили за Харрисом, другие подчеркнуто игнорировали его.

— Коммодор,— сказал Пат,— в чем дело?

— Кое-кто считает,— ответил Ханстен,— что мы не все делаем, чтобы выйти отсюда. Я объяснил, что есть только один выход: ждать, пока нас найдут. Но не все согласны со мной.

Ничего удивительного, подумал Пат. Время идет, спасатели не появляются — естественно, что нервы сдают. Начнут требовать действий, любых действий, только не сидеть сложа руки. Противно человеческой природе бездействовать перед лицом смерти.

— Мы уже столько раз это обсуждали,— устало сказал он.— Глубина не меньше десяти метров. Даже если бы мы могли выйти из камеры наружу, никому не под силу преодолеть сопротивление пыли и подняться на поверхность.

— Вы уверены? — спросил кто-то.

— Совершенно,— ответил Пат.— Вы когда-нибудь пробовали плавать в песке? Далеко не уплывете.

— А если пустить моторы?

— Боюсь, они не сдвинут нас с места и на сантиметр. Но хоть бы и сдвинули — мы пойдем вперед, а не наверх.

— Надо собрать всех в кормовой части, может быть, нос приподнимется.

— А нагрузка на корпус? — возразил Пат.— Допустим, я включу моторы — это будет все равно что бодать кирпичную стену. Один бог знает, к чему это может привести.

— Но ведь какая-то надежда есть. Так почему не попытаться?

Пат поглядел на коммодора, слегка недовольный тем, что тот еще не пришел ему на помощь. Ханстен спокойно ответил на его взгляд, точно говоря: «До сих пор я управлялся, теперь ваша очередь». Что ж, справедливо. Сью была права. Пора стоять на собственных ногах, во всяком случае, показать другим, что он на это способен.

— Слишком опасно,— решительно сказал он.— Мы можем спокойно ждать по меньшей мере еще четыре дня. Нас найдут задолго до этого срока. Зачем же идти на риск при став-

ке миллион против одного? Будь это наш последний выход, я бы сам сказал — да.

Пат Харрис обвел кабину взглядом — кто возразит? И поневоле встретился с глазами мисс Морли. Да он и не пытался этого избежать. Однако ее слова неприятно поразили его.

— Возможно, капитан вовсе и не торопится наверх. Он что-то давно не показывался, да и мисс Уилкинз тоже.

«Ах ты, вобла сушеная,— подумал Пат.— Только потому, что ни один уважающий себя мужчина...»

— Спокойно, Харрис! — вовремя вмешался коммодор.— Это я беру на себя.

В первый раз Ханстен по-настоящему показал свой характер. До этой минуты он все делал незаметно и тихо или предоставлял действовать Пату. Теперь они услышали голос командира, и он звучал, точно труба на поле брани. Говорил не отставной космонавт, а коммодор космоса.

— Мисс Морли,— сказал он,— ваше замечание нелепо и неуместно. Вас может извинить лишь тяжелая обстановка, в которой мы все очутились. Мне кажется, вы обязаны извиниться перед капитаном.

— Я права,— упрямо возразила она.— Пусть он скажет, что это не так.

За последние тридцать лет коммодор Ханстен ни разу не выходил из себя, не собирался срываться и теперь. Но он знал, когда полезно изобразить гнев; сейчас не худо и притвориться. Он сердился на мисс Морли, был недоволен и Патом — тот явно подвел его. Факт остается фактом: Пат и Сью действительно слишком уж долго возились с этим учетом. Иногда внешняя благопристойность не менее важна, чем безгрешное поведение. Недаром китайцы говорят: «Не останавливайся завязывать шнурки на бахче соседа».

— Мне наплевать на взаимоотношения мисс Уилкинз и капитана,— произнес он самым грозным голосом, на какой только был способен.— Это их личное дело, и, пока они честно выполняют свою работу, мы не вправе вмешиваться. Мо-

жет быть, вы хотите сказать, что капитан Харрис не выполняет свой долг?

— Гм... я этого не говорила.

— Тогда прошу вас вообще не говорить. У нас и без того хватает трудностей, незачем создавать новые.

Остальные пассажиры слушали их перепалку со смешанным чувством неловкости и интереса, с каким большинство людей слушает чужие ссоры. Впрочем, эта стычка затрагивала всех, так как означала первый вызов авторитету командира, первый признак того, что дисциплина поколебалась. До сих пор их маленький отряд представлял собой гармоническое единство; но вот чей-то голос обратился против старейшин племени.

Пусть мисс Морли старая неврастеничка, она, кроме того, упрямая и настойчивая особа. И коммодор с понятным замешательством заметил, что она собирается дать ему отпор.

Но никому не удалось узнать, что намеревалась ответить мисс Морли. В этот самый миг миссис Шастер издала вопль, мощь которого вполне соответствовала ее комплекции.

На Луне, когда человек споткнется, он обычно успевает что-то предпринять, ведь его нервы и мышцы рассчитаны на земное притяжение, которое в шесть раз больше лунного. Но главный инженер Лоуренс стоял наклонившись, и расстояние было слишком мало. Он нырнул в лунную пыль и очутился во мраке.

Ничего не видно, если не считать слабого свечения приборной доски внутри скафандра. Осторожно, очень осторожно Лоуренс начал водить руками в разные стороны. Рыхлая среда почти не оказывала сопротивления, но он тщетно искал какой-нибудь опоры, нельзя было даже понять, где верх, где низ.

Отчаяние сковало все члены Лоуренса. Сердце билось часто и неровно, предвещая паническое состояние, когда человеку отказывает рассудок. Главный инженер не раз видел,

как люди превращаются в кричащих, одержимых ужасом животных, и знал, что сам на пороге такого состояния.

Мелькнула мысль о том, что лишь несколько минут назад он спас астронома от приступа безумия. Но сейчас некогда размышлять над иронией судьбы. Надо призвать остатки воли — восстановить самообладание, усмирить стук в груди, который грозит разорвать его на части.

Вдруг в шлемофоне инженера отчетливо и громко раздался звук настолько неожиданный, что волны паники перестали захлестывать островок его сознания. Это был смех, и смеялся Том Лоусон.

Смех тотчас оборвался, последовало извинение.

— Простите, мистер Лоуренс, я нечаянно. Очень уж потешно глядеть, как вы болтаете ногами.

Главный оцепенел. Страх улетучился, уступив место гневу. Он злился на Лоусона, но еще больше на самого себя. Ведь это же очевидно, ему не грозила никакая опасность: наполненный воздухом скафандр подобен плывущему на воде пузырю и не может утонуть. Лоуренс сразу сообразил, как надо действовать. Несколько движений руками и ногами, центр тяжести переместился — и маска вынырнула из пыли. Инженер увидел, что погрузился самое большее на десять сантиметров. И пылекат рядом, даже непонятно, как он не задел его, когда барахтался, словно выброшенный на мель осьминог!

Стараясь соблюдать достоинство, главный взялся за бортик пылеката и вскарабкался на платформу. Говорить он пока не решался, неожиданные упражнения совершенно сбили его с дыхания, и голос мог выдать недавний страх. К тому же Лоуренс еще сердился. В былые времена, когда главный постоянно работал на воле, он бы так не оплошал. Засиделся в канцелярии... Последний раз надевал скафандр, когда проходил ежегодную комиссию, да и то в воздушном шлюзе.

Поднявшись на пылекат, Лоуренс снова взял щуп. Постепенно улетучились последние остатки гнева и страха, и глав-

ный инженер задумался. Хотел он того или нет, но то, что произошло за эти полчаса, перебросило мостик между ним и Лоусоном. Правда, астроном рассмеялся, когда он барахтался в пыли, но зрелище, наверное, впрямь было смешное. И ведь Лоусон извинился. А давно ли казалось, что он одинаково не способен ни смеяться, ни извиняться...

Вдруг все посторонние мысли вылетели из головы Лоуренса: щуп уперся во что-то твердое на глубине пятнадцати метров.

Когда раздался крик миссис Шастер, первой мыслью коммодора Ханстена было: «Господи, только еще истерики не хватало». А через полсекунды он сам лишь величайшим напряжением воли удержался от крика.

Снаружи доносился какой-то звук! Три дня за обшивкой шуршала пыль, и вот... Ну конечно, что-то металлическое скребет по корпусу!

В следующий миг кабина загудела от радостных возгласов. С большим трудом коммодору Ханстену удалось перекричать ликующий хор.

— Они нашли нас! — воскликнул он.— Хотя, возможно, сами об этом не знают. Надо что-то сделать, помочь им. Пат, попробуйте включить передатчик. А мы будем сигналить ударами по корпусу судна. Напоминаю сигнал настройки в азбуке Морзе: буква «ж» — ти-ти-ти-та! Ну, все вместе!

Сперва стук получился довольно беспорядочным, но мало-помалу установился правильный ритм.

— Стоп! — крикнул Ханстен через минуту.— Теперь послушаем! Внимание!..

Тишина... Жуткая, неприятная тишина. Пат выключил вентиляцию, и в кабине было слышно только биение двадцати двух сердец.

Ничто не нарушало безмолвия. Может быть, странный звук был вызван напряжением в корпусе самой «Селены»?

Или спасатели — если это были они — уже прошли дальше по пустынной поверхности Моря?

Вдруг опять — царапанье по обшивке. Движением руки Ханстен остановил новый взрыв энтузиазма.

— Слушайте, прошу вас! Возможно, удастся что-нибудь разобрать.

Несколько секунд длился скребущий звук. И снова — томительное безмолвие. Кто-то сказал негромко, разряжая напряжение:

— Как будто трос протащили. Может быть, они тралят?

— Исключено,— ответил Пат.— Сопротивление среды слишком велико, особенно на такой глубине. Скорее это щуп.

— А это значит,— подхватил коммодор,— что над нами, совсем близко — спасатели. Постучим еще. Ну-ка... все разом... «Ти-ти-ти-та!» «Ти-ти-ти-та!»

Сквозь двойную обшивку «Селены» в пылевой пласт уходили звуки, которые сто лет назад летели в эфире над оккупированной Европой, голос рока, открывающий Пятую симфонию Бетховена.

Пат Харрис, сидя в кресле водителя, тревожно взывал:

— Я «Селена», я «Селена». Как слышите? Прием.

И слушал пятнадцать нескончаемых секунд, прежде чем повторить вызов. Но эфир по-прежнему оставался безжизненным.

На борту «Ауриги» Морис Спенсер нетерпеливо поглядывал на часы.

— Черт возьми! — вырвалось у него.— Пылекатам давно пора вернуться. Когда была с ними последняя связь?

— Двадцать пять минут назад,— ответил старший радист.— До очередного сеанса пять минут, независимо от того, нашли они что-нибудь или нет.

— А вы не сбили настройку?

— Занимайтесь своим делом, уж я как-нибудь справлюсь со своим,— отрезал радист.

— Виноват,— ответил Спенсер, давно усвоивший, в каких случаях надо не медлить с извинением.— Это просто нервы.

Он поднялся с сиденья, чтобы пройтись по тесной навигационной рубке «Ауриги». Больно ударился о приборную доску (Спенсер еще не привык к лунному тяготению и уже начал сомневаться, что когда-либо привыкнет) и наконец взял себя в руки.

Хуже нет ждать, ждать, когда выяснится, будет ли «материал» для статей... Сколько денег уже потрачено, а ведь это пустяки по сравнению со счетами, которые начнут поступать, едва он даст капитану Ансону команду на вылет. Правда, тогда волнения кончатся, первенство «Интерплэнет» будет обеспечено.

— Вызывают,— вдруг услышал он голос радиста.— За две минуты до срока. Что-то произошло.

— Я что-то нащупал,— раздельно произнес Лоуренс.— Но не знаю что.

— На какой глубине? — вместе спросили Лоусон и оба водителя.

— Около пятнадцати метров. Отойдем метра на два вправо, попробую еще раз.

Он вытащил щуп и погрузил его в пыль в новой точке.

— Есть,— сообщил Лоуренс,— и на той же глубине. Еще два метра!..

Теперь препятствие исчезло. Или ушло вглубь за пределы досягаемости щупа?

— Здесь ничего. Проверим в других направлениях.

Требовалось немало времени и усилий, чтобы определить очертания затаившегося в глубине предмета. Примерно такие же трудоемкие приемы применяли те, кто двести лет назад начал промерять океаны: опустят на дно груз на тросе, потом поднимают. «Жалко,— подумал Лоуренс,— что нет эхолота». Да только вряд ли звуковые или электромагнитные

волны проникли бы здесь больше чем на пять метров в глубину.

Какой же он идиот, не подумал раньше! Вот почему пропали радиосигналы «Селены». Среда, которая поглотила ее, поглощает и радиоволны. Хотя, если под ним пылеход...

Лоуренс переключил приемник на аварийную волну. Вот он, голос автомата, орет что есть мочи! Да так громко, что непонятно, почему его не слышно на «Лагранже» и в Порт-Рорисе... Впрочем, все ясно, ведь это металлический щуп помог. Коснувшись обшивки «Селены», он тотчас стал своего рода антенной, вывел импульсы на поверхность.

Добрых пятнадцать секунд главный инженер слушал зов маяка, прежде чем собрался с духом сделать следующий шаг. С самого начала Лоуренс не был уверен в том, что поиски увенчаются успехом; он и сейчас опасался, как бы их усилия не оказались напрасными. Ведь еще ничего не известно: автомат будет слать свои сигналы неделями, даже если люди на «Селене» давно погибли.

Резким, решительным жестом Лоуренс переключил приемник на обычную волну пылехода... и был почти оглушен голосом Пата Харриса:

— Я «Селена», я «Селена». Как слышите? Прием.

— Я «Пылекат-один»,— ответил он.— Говорит главный инженер Эртсайда. Я в пятнадцати метрах над вами. Как дела? Прием.

В хоре ликующих воплей он не сразу разобрал ответ. Но и без того было очевидно, что пассажиры живы и настроение хорошее! Такой шум подняли, будто за праздничным столом сидят. Думают, раз их нашли, значит, все неприятности позади...

Ладно, пусть ликуют, все равно пока надо доложить на Базу.

— Порт-Рорис, я «Пылекат-один»,— сказал главный.— Мы нашли «Селену», установили с ней радиосвязь. Судя по оживлению на борту, все живы-здоровы. Корабль лежит на

глубине пятнадцати метров, там, где указал доктор Лоусон. Вызову вас через пять минут. Все.

Со скоростью света волны радости и облегчения распространятся по всей Луне, Земле и планетам внутренней сферы, неся добрую весть миллиардам людей... На улицах и движущихся тротуарах, в автобусах и космических кораблях незнакомые люди будут обращаться друг к другу:

— Вы слышали? «Селену» нашли!!

Во всей Солнечной системе в этот миг, наверное, только один человек не мог всей душой предаться радости. Сидя на пылекате и слушая счастливые возгласы, которые доносило радио, глядя на завихрения пыли, главный инженер Лоуренс чувствовал себя куда более беспомощным, чем люди, заточенные в толще Моря под ним. Ему было страшно. Он знал, что предстоит труднейшая битва его жизни.

Впервые за последние двадцать четыре часа Морис Спенсер позволил себе передышку. Все, что можно сделать,— сделано. Люди и аппаратура уже на пути в Порт-Рорис. (Это очень здорово, что в Клавии оказался Жюль Брак, один из лучших телеоператоров, они и прежде часто сотрудничали.) Капитан Ансон гоняет вычислительную машину и озабоченно изучает кроки Гор Недоступности. Команда (все шестеро) вызвана из баров (всех трех) и извещена о том, что маршрут снова меняется. Десяток контрактов, все на крупные суммы, подписаны на Земле и переданы по телефаксу. Финансовые колдуны «Интерплэнет ньюс» с научной точностью высчитают, сколько можно запросить с других агентств без опасения, что те предпочтут снарядить собственные ракеты. Да хотя чего тут опасаться, он слишком далеко всех опередил. Любой конкурент сможет попасть на хребет не раньше чем через сорок восемь часов; Морис Спенсер будет там через шесть.

Словом, приятно отдохнуть, твердо зная, что все в порядке и никаких перебоев не ожидается. Такие антракты придавали жизни особую прелесть, и Спенсер умел использовать их. Лучшее средство от язвы желудка, которая все еще оставалась профессиональным заболеванием работников печати и телеинформации.

Умение выгадать минуту для передышки всегда отличало его. Морис Спенсер — в одной руке рюмка, в другой бутерброд с маленького подноса — полулежал в кресле в сало-

не кругового обзора Космопорта. Через двойное окно он видел пирс, от которого три дня назад отчалила «Селена». (Никак не избавишься от этих морских терминов, хотя они здесь как будто совершенно не к месту.) Всего-навсего двадцать метров бетонной дорожки вдается в эту отвратительно гладкую лунную пыль... Почти на столько же метров вытянулась огромной гармошкой эластичная труба, через которую пассажиры шли из порта на посадку. Сейчас она не закупорена и частью опала. Грустное зрелище.

Журналист посмотрел на часы, потом — на горизонт. Удивительно! Если не знать, можно подумать, что до горизонта самое малое километров сто. На самом деле — всего два-три. Вдруг глаза уловили солнечный зайчик. Идут — идут сюда! Через пять минут спасатели будут здесь, еще через пять выйдут из камеры перепада; он вполне успеет управиться с последним бутербродом.

...Отвечая на приветствия Спенсера, Том Лоусон ничем не обнаружил, что узнает его. Но это было только естественно: ведь их первая короткая беседа происходила почти в полной темноте.

— Доктор Лоусон? Я начальник отдела «Интерплэнет ньюс». Можно включить запись?

— Минутку,— вмешался Лоуренс.— Я знаю представителя «Интерплэнет». Вы не Джо Леонард...

— Совершенно верно, я — Морис Спенсер. Принял дела у Джо на прошлой неделе. Его отозвали на Землю, пока не отвык совсем от земного тяготения. Не застревать же ему здесь на всю жизнь.

— Быстро вы добрались. И часу не прошло с тех пор, как мы передали, что «Селена» найдена.

Спенсер не стал отвечать на это; к чему подчеркивать, что он здесь уже несколько часов?

— Ну так как — можно включить запись? — вежливо повторил он.

Морис Спенсер предпочитал соблюдать правила. Некоторые репортеры идут на риск и пускают магнитофон, не дожи-

даясь разрешения. Если тебя поймают на этом, останешься без работы... Как начальник отдела он просто обязан придерживаться порядка, который только на пользу и журналистам, и общественности.

— Попозже, если не возражаете,— ответил Лоуренс.— У меня слишком много неотложных дел. Но доктор Лоусон охотно поговорит с вами. Главная работа проделана им, ему и вся честь. Можете так и записать.

— Гм... благодарю...— пробормотал озадаченный Том.

— Не стоит,— сказал Лоуренс.— А теперь до свидания, еще увидимся. Я буду в кабинете старшего инженера. Таблетки помогут мне держаться на ногах, а вам все-таки советую поспать хоть немного...

— После интервью! — перебил Спенсер и потащил Тома к зданию отеля.

Первый человек, которого он встретил в тесном — десять квадратных метров — холле, был капитан Ансон.

— Я вас разыскиваю, мистер Спенсер,— сказал тот.— Профсоюз работников космоса уперся. Слыхали, наверное: правило о межрейсовом отдыхе... Ну так вот...

— Умоляю вас, капитан, потом. Свяжитесь сами с юристами «Интерплэнета». Вызовите Клавий двенадцать-тридцать четыре, Гарри Данцига — он все уладит.

Журналист увлек покорного Тома Лоусона вверх по лестнице (отель без лифтов — необычное явление, но лифты ни к чему в мире, где человек весит немногим больше десяти килограммов) и провел его в свой номер, похожий на номер любой дешевой гостиницы на Земле, только поменьше да совсем без окон. Кресла, диван и стол сделаны просто и с минимальным расходом материала, в основном — стекловолокна; на Луне было вдоволь кварца. Ванная — обычная (слава богу, не то что эти мудреные туалетные комнаты в ракетах, приспособленные для невесомости), и только вид кровати слегка обескураживал. Некоторым гостям с Земли скверно спалось при малом тяготении, для них придумали эластичное покрывало, которое по краям крепилось слабыми пружинами.

Поневоле вспомнишь смирительные рубашки и стены с мягкой обивкой...

И еще одна милая деталь: возле двери объявление на трех языках — по-английски, по-русски и по-китайски:

ОТЕЛЬ ОБЛАДАЕТ
АВТОНОМНОЙ ГЕРМЕТИЗАЦИЕЙ.
АВАРИЯ КУПОЛА ВАМ НИЧЕМ НЕ УГРОЖАЕТ.
В СЛУЧАЕ АВАРИИ ПРОСИМ ВАС
ОСТАВАТЬСЯ В НОМЕРЕ
И ЖДАТЬ УКАЗАНИЙ. БЛАГОДАРИМ.

Спенсер не первый раз читал эти слова и все-таки продолжал считать, что даже столь важную информацию можно было бы подать в более удобоваримой и непринужденной форме. Уж больно сухо сказано...

Пожалуй, в этом вся загвоздка здесь, на Луне. Борьба с местной природой требует таких усилий, что на детали уже не остается энергии. Особенно бросалось в глаза несоответствие между отличной работой технических служб и каким-то беспечным, даже халатным подходом во всем остальном. Малейшая неисправность телефона, водопровода, воздушной сети (особенно воздушной!) устранялась мгновенно. Но попробуйте добиться, чтобы вас быстро обслужили в ресторане или баре...

— Я знаю, вы очень устали,— начал Спенсер.— Но разрешите все-таки задать вам несколько вопросов. Я включу магнитофон, вы не возражаете?

— Нет,— ответил Том; ему уж давно все было безразлично.

Упав в кресло, он механически, явно не воспринимая вкуса, потягивал напиток, который налил ему Спенсер.

— Говорит Морис Спенсер, корреспондент «Интерплэнет ньюс», я беседую с доктором Томом Лоусоном. Доктор, пока известно лишь, что вы и мистер Лоуренс, главный инженер Эртсайда, нашли «Селену» и все пассажиры живы-

здоровы. Не могли бы вы, не вдаваясь в технические детали, рассказать нам, как... а, черт побери!..

Он поймал медленно падающий стакан, не пролив ни капли, затем перенес спящего астронома на диван. Что ж, роптать не приходилось: пока это единственная осечка в его программе. Да и то неудача еще может обернуться удачей. Никто не найдет Лоусона — не говоря уже о том, чтобы интервьюировать его,— пока он отсыпается в номере Спенсера, который в отеле «Порт-Рорис» не без юмора называется люксом.

В Клавии начальнику «Лунтуриста» удалось наконец убедить всех, что он вовсе не покровительствует никаким любимчикам. Услышав, что «Селена» найдена, Девис облегченно вздохнул, но радость тотчас померкла, едва «Рейтер», «Тайм-Космос», «Трипланетные новости» и «Лунар ньюс» обрушили на его голову вопросы — как это получилось, что «Интерплэнет» первым дало информацию? Предусмотрительно перехватив разговор пылекатов, Морис Спенсер смог передать новость в агентство даже раньше, чем ее получили в Лунной администрации!

Но теперь наконец все выяснилось, и конкуренты искренне восхищались расторопностью этого счастливчика Спенсера. А ведь он раскрыл еще далеко не все свои козыри...

Узел связи в Клавии и прежде бывал в центре драматических событий, но это все затмило. «Все равно что слушать голоса из загробного мира»,— сказал себе Девис. Давно ли этих людей считали погибшими — и вот пожалуйста, живы-здоровы, один за другим подходят к микрофону там, под землей, чтобы успокоить своих родных и близких. Благодаря щупу, который был и ориентиром, и антенной, пятнадцатиметровый пласт лунной пыли уже не изолировал пылеход от всего человечества.

Как ни горячились репортеры, надо было ждать перерыва в потоке посланий с «Селены», чтобы взять интервью. Сейчас говорила мисс Уилкинз, она диктовала радиограммы пас-

сажиров. Девис живо представлял себе, что происходит на борту: все торопливо исписывают телеграфным стилем вырванные из книги листки, стараясь втиснуть в минимум слов максимум информации. Разумеется, этот материал нельзя ни публиковать, ни цитировать, это частные послания, и начальники почтамтов трех планет дружно обрушат свой гнев на неосторожного репортера, который рискнет преступить запрет. По чести говоря, журналистам вообще не положено слушать на этой волне, и начальник узла уже несколько раз все более строгим тоном напоминал им об этом.

— ...скажи Марте, Яну и Айви, чтобы не беспокоились обо мне, я скоро буду дома. Спроси Тома, чем кончились переговоры с Эриксоном, и сообщи мне во время следующего сеанса. Обнимаю вас всех. Джордж. Конец. Записали? Я «Селена». Прием.

— Центральная Луны вызывает «Селену». Да, мы все записали, отправим ваши радиограммы и передадим вам ответы, как только получим. А теперь пригласите, пожалуйста, к микрофону капитана Харриса. Прием.

Короткая заминка, были слышны гулкие в замкнутой кабине голоса, скрип кресла, приглушенное «простите». И наконец:

— Капитан Харрис вызывает Центральную. Прием.

Девис взял микрофон:

— Капитан Харрис, говорит начальник «Лунтуриста». Я знаю, все вы спешите отправить свои телеграммы, но здесь представители агентств, им не терпится поговорить с вами, хотя бы несколько слов. Прежде всего, не могли бы вы коротко описать, какая сейчас обстановка в кабине? Прием.

— Ну, что вам сказать... Здесь очень жарко, так что мы одеты легко. Но жаловаться не приходится, ведь благодаря этой жаре вы нашли нас. Да мы уже привыкли к ней. Воздух пока хороший, воды и продовольствия хватает, правда, стол, как бы это сказать, несколько однообразный. Что еще вы хотите знать? Прием.

— Спросите его о настроении на борту... Как держатся пассажиры?.. Нервы не подводят?..— раздался голос представителя «Трипланетных новостей».

Начальник «Лунтуриста» передал его вопросы, придав им более тактичную форму. Тем не менее они явно вызвали легкое замешательство на «Селене».

— Все держатся молодцом,— ответил Пат очень уж поспешно.— Конечно, нас волнует, сколько времени понадобится, чтобы вызволить нас отсюда. Вы можете сказать что-нибудь? Прием.

— Главный инженер Лоуренс сейчас в Порт-Рорисе, разрабатывает план спасательной операции,— ответил Девис.— Как только план будет готов, мы сообщим вам сроки. Расскажите, пожалуйста, как вы проводите время? Прием.

Пат ответил на этот вопрос, и его ответ не замедлил вызвать на всех планетах усиленный спрос на «Шейн», зато, увы, заметно подорвал акции «Апельсина и яблока». Затем капитан рассказал о заседаниях суда, прерванных пока на неопределенное время.

— Это, должно быть, очень забавно,— сказал Девис.— Но теперь вы не одни, можете рассчитывать на нашу помощь. Мы передадим для вас все, что угодно,— музыку, пьесы, дискуссии. Только закажите. Прием.

Пат помедлил с ответом. Радиосвязь преобразила их жизнь — появилась надежда, установлен контакт с близкими. Но почему-то ему было даже жалко, что уединение кончилось. Чувство товарищества, которого не смог подорвать даже выпад мисс Морли, уже начало улетучиваться. Нет больше единого отряда, сплоченного борьбой за существование. Снова каждым владеют свои заботы и помыслы. Человечество опять поглотило их, как океан поглощает каплю.

От комиссий да от комитетов, считал главный инженер Лоуренс, толку не жди. Его взгляд был широко известен на Луне, потому что вскоре после очередного наезда уполномоченных Ревизионного комитета (они наведывались дважды в год) на рабочем столе главного появился листок с таким умозаключением:

«Комитет — место, где копаются,
митингуют,
темнят и
топят».

Но этот комитет можно было терпеть: он отвечал придирчивым запросам главного инженера. Председателем был сам Лоуренс; протоколы, секретари, повестки дня отсутствовали. И он мог по своему выбору отвергать рекомендации комитета или принимать их. Лоуренс всецело отвечал за спасательную операцию, пока Главный администратор не сочтет нужным его сменить — а это могло произойти лишь под очень сильным нажимом с Земли. Комитет играл роль генератора идей и технического справочника, он был, так сказать, персональным «мозговым трестом» Лоуренса.

Из двенадцати членов комитета только шесть физически присутствовали в Порт-Рорисе, остальные находились в разных точках Луны, Земли и космоса. Грунтовед на Земле

оказался в невыгодных условиях — ведь скорость радиоволн ограничена, поэтому он был обречен все время отставать на полторы секунды от других участников заседаний, да еще столько же времени требовалось, чтобы его слова дошли до Луны. И грунтоведа попросили делать заметки на листке бумаги, перебивать только в крайних случаях, сберегая свои замечания до конца совещания. Селекторная связь с Луной обходилась дорого, зато многие успели уже убедиться, что трехсекундная задержка усмиряет даже самых рьяных спорщиков.

— Для тех, кто еще не в курсе дела,— начал Лоуренс, как только закончилась «поверка»,— коротко опишу обстановку. «Селена» лежит горизонтально, глубина пятнадцать метров. Корабль невредим, все агрегаты действуют, настроение двадцати двух заточенных в кабине хорошее. Запаса кислорода хватит еще на девяносто часов — прошу каждого запомнить этот срок. Если кто-нибудь не знает, как выглядит «Селена», посмотрите вот на эту модель в одну двадцатую натуральной величины.— Он поднял со стола модель и повернул ее к объективу телекамеры сперва одной, потом другой стороной.— Она напоминает автобус или, если хотите, небольшой самолет. Ее отличает от них только устройство тяговой установки, включающее вот эти широколопастные винты с переменным шагом. Наш главный противник, естественно, лунная пыль. Кто не видел ее сам, не может представить себе, что это такое. Любое сравнение с песком или другими известными на Земле веществами окажется неудачным, она скорее напоминает жидкость. Вот образец.

Лоуренс взял в руки высокий цилиндр, на одну треть заполненный серым аморфным веществом. Он опрокинул цилиндр вверх дном, и пыль потекла вниз. Она текла быстрее, чем сироп, но медленнее, чем вода. Несколько секунд — и пыль опять собралась в столбик с гладкой и ровной поверхностью. С первого взгляда любой решил бы, что это жидкость.

— Цилиндр закрыт наглухо,— продолжал Лоуренс,— внутри вакуум, так что мы видим лунную пыль в обычных для нее условиях. На воздухе свойства ее изменяются, она становится гораздо более вязкой и ведет себя вроде очень мелкого песка или талька. Заранее предупреждаю вас: синтетическим путем не создашь образца, который обладал бы всеми свойствами оригинала. Для этого нужно несколько миллиардов лет сушки. Если вам понадобится для опытов, мы можем послать сколько угодно пыли, не обеднеем. Еще несколько замечаний. «Селена» затонула в трех километрах от ближайшей суши — Гор Недоступности. Возможно, пласт пыли под кораблем уходит вглубь еще на несколько сот метров, но вряд ли. И нет никакой гарантии, что не произойдет новое оседание. Правда, геологи считают это маловероятным. Добраться к месту катастрофы можно только на пылекатах. У нас их два, третий уже везут с Фарсайда. Пылекат поднимает или тянет на буксире до пяти тонн, платформа выдерживает отдельные предметы весом около двух тонн. Следовательно, мы не можем перебросить очень тяжелые механизмы. Вот как обстоит дело. У нас в запасе девяносто часов. Что вы предлагаете? У меня есть кое-какие мысли, но я хотел бы сперва послушать вас.

Наступила тишина; члены комитета, которых разделяло до четырехсот тысяч километров, напряженно думали, как решить задачу. Но вот заговорил главный инженер Эртсайда; его штаб находился неподалеку от Кратера Жолио-Кюри.

— Боюсь, за девяносто часов мы ничего не успеем сделать. Нужно создать специальное снаряжение, а на это всегда требуется время, поэтому надо сперва подать к «Селене» воздухопровод. Где у нее выведена коммуникационная сеть?

— В кормовой части, позади главного входа. Но я не представляю себе, как вы подадите трубопровод на глубину пятнадцати метров и присоедините к штуцеру. Не говоря уже о том, что трубу забьет пылью.

— У меня есть предложение,— вмешался новый голос.— Пробурить сверху потолок кабины.

— Понадобятся две трубы,— заметил еще кто-то.— Одна — подавать кислород, вторая — откачивать испорченный воздух.

— То есть нужен полный агрегат для очистки воздуха. Без него можно обойтись, если мы вызволим их до критического срока.

— Слишком велик риск. Лучше подать воздух и действовать без спешки, не думая об этих злополучных девяноста часах.

— Согласен,— сказал Лоуренс. И поручил уже своим людям подготовить все необходимое.— Следующий вопрос: попытаемся поднять пылеход вместе с людьми — или станем извлекать людей по одному? Напоминаю, на борту есть только один скафандр.

— А можно подать к двери широкую трубу и соединиться с переходной камерой? — спросил один из ученых.

— Та же трудность, что с воздухопроводом. Даже труднее — площадь соединения намного больше.

— Как насчет кессона, большого кессона, который охватил бы весь пылеход? Опустить его на нужную глубину и выбрать пыль.

— Понадобятся тонны свай и крепежных балок. Не забудьте еще: дно должно быть герметичным, иначе пыль будет просачиваться снизу с такой же скоростью, с какой мы сможем выбирать ее сверху.

— А можно это вещество откачивать? — спросил кто-то.

— Да, если будет соответствующий насос. Отсасывать эту пыль нельзя, ее надо поднимать. Обычный насос тотчас захлебнется.

— Эта лунная пыль сочетает худшие свойства твердых и жидких тел,— пожаловался помощник инженера в Порт-Рорисе.— А достоинств — никаких. Она не хочет течь, когда это нужно нам, зато очень хорошо течет, когда не надо.

— Разрешите уточнить,— вступил патер Ферраро; он сидел в своей лаборатории в Кратере Платона.— Слово «пыль» только сбивает с толку. Речь идет о веществе, которого не может быть на Земле, поэтому для него нет названия в нашем словаре. Последний оратор прав: иногда оно напоминает несмачивающую жидкость — вроде ртути, но гораздо легче. А иногда ведет себя как смола, с той разницей, что течет намного быстрее.

— Может быть, есть способ придать ей стойкость?

— Мне кажется, это вопрос для Земли,— вступил Лоуренс.— Доктор Эванс, что вы скажете?

Трехсекундная заминка, как всегда, показалась очень долгой. Наконец голос грунтоведа прозвучал так отчетливо, словно был рядом:

— Я как раз думаю об этом. Можно подобрать какое-нибудь органическое связующее вещество — своего рода клей. Это облегчило бы работу с пылью. А обыкновенная вода не годится? Вы не пробовали?

— Еще нет, но проверим,— ответил Лоуренс, делая себе пометку.

— Магнитными свойствами это вещество обладает? — спросил дежурный диспетчер.

— В самом деле! — отозвался Лоуренс.— Сеньор Ферраро, ответьте нам на этот вопрос.

— Обладает в небольшой степени: в нем есть немного метеоритного железа. Боюсь, однако, нам от этого не легче. Магнит может извлечь все железо, но на пыль в целом не повлияет.

— И все-таки попробуем.— Лоуренс сделал еще пометку. В душе главного таилась надежда — хоть и очень слабая,— что в этом соревновании умов родится какая-нибудь блестящая идея, фантастический на первый взгляд, но в основе разумный замысел, который разрешит его проблему. Да-да, его. Нравится это ему или нет, главный инженер через свои от-

делы и своих подчиненных отвечает за всю технику на этой стороне Луны. Особенно когда с этой техникой что-нибудь приключается.

— Подозреваю, что основным препятствием будет материально-техническое обеспечение,— сказал диспетчер Клавия.— Все надо перевозить на пылекатах, а это значит самое малое два часа в оба конца, даже больше, если буксировать тяжелый груз. И ведь сперва нужно собрать над пылеходом рабочую площадку, что-то вроде плота. Только на это уйдет целый день и гораздо больше — на переброску снаряжения.

— Включая временное жилье для спасателей,— добавил кто-то.— Они должны обосноваться на месте.

— Ну, это просто: как только плот будет готов, можно на нем поставить иглу.

— Для этого и плот не нужен. Иглу само удержится на поверхности.

— Вернемся к плоту,— сказал Лоуренс.— Потребуются прочные разборные узлы, которые можно собрать на месте. Какие предложения?

— Пустые бочки из-под горючего?

— Слишком большие и непрочные. Ладно, поищем что-нибудь на складе Технического отдела.

И так далее: мозговой трест продолжал свою работу. Лоуренс намеревался отвести на совещание еще полчаса. Потом он решит, как действовать. Нельзя затягивать разговор, когда каждая минута на счету и на карту поставлены человеческие жизни. С другой стороны, от скороспелых, непродуманных планов только вред: растратишь впустую усилия и материалы и все дело погубишь...

На первый взгляд все очень просто. Пылеход найден, только сто километров отделяют его от великолепно оснащенной Базы. Местонахождение «Селены» определено совершенно точно, она лежит на глубине пятнадцати метров. Всего пятнадцать метров — но каких! За свою многолетнюю карье-

ру Лоуренсу редко приходилось сталкиваться с таким трудным препятствием.

Эта карьера может очень скоро оборваться. Если погибнут двадцать два человека, оправдаться ему будет нелегко.

Честное слово, жаль, что некому было видеть посадку «Ауриги» — это было славное зрелище. Из всех спектаклей, созданных человечеством, взлет и посадка космического корабля — самый внушительный, он уступает только еще более ярким плодам изобретательности ядерников. А когда эти маневры совершаются на Луне, где все происходит точно в замедленном фильме и в странном безмолвии, остается неизгладимое впечатление, как от причудливого сна.

Капитан Ансон не стал ломать голову над тонкостями навигации, тем более что за горючее платил не он. В «Руководстве для капитанов» ничего не говорилось о том, как на космическом лайнере совершать стокилометровые перелеты (подумать только: сто километров!), хотя математики, несомненно, с наслаждением засели бы рассчитывать на основе вариационного исчисления орбиту с наименьшим расходом горючего. Ансон просто махнул вверх на тысячу километров (тем самым автоматически вступали в действие предусмотренные Межпланетным кодексом дальние тарифы, о чем он предпочел пока не рассказывать Спенсеру), затем повернул обратно и пошел на посадку, ориентируясь по радару. Радар и вычислительная машина контролировали друг друга, а капитан Ансон контролировал их. Любой из трех мог самостоятельно справиться с задачей, так что все было и просто и надежно. Правда, непосвященному могло показаться иначе.

Это в полной мере относилось к Морису Спенсеру. Глядя на алчные пальцы горных пиков, журналист вдруг почувствовал острую тоску по зеленым холмам Земли. И зачем только он все это затеял? Будто нет более дешевого способа покончить с собой...

Особенно скверно ему было в состоянии невесомости между двумя периодами торможения. Что, если тормозные ракеты не сработают по команде и корабль, постепенно ускоряя ход, будет падать и падать, пока не разобьется о поверхность Луны? И нечего убеждать себя, что это пустые опасения, детские страхи,— ведь случалось же такое, и не раз...

Но с «Ауригой» ничего не произошло. Грозная ярость тормозных двигателей выплеснулась на скалы, взметнув в небо пыль и космические наносы, которые лежали, ничем не потревоженные, три миллиарда лет. На миг корабль застыл в равновесии в каких-нибудь сантиметрах от грунта; затем огненные мечи, на которые он опирался, медленно, словно сопротивляясь, ушли в свои ножны. Широко расставленные «ноги» шасси коснулись камня, «ступни» повернулись, прилаживаясь к неровностям, и корабль чуть вздрогнул напоследок, прежде чем амортизаторы погасили остаточную энергию толчка.

Второй раз за двадцать четыре часа Морис Спенсер совершил посадку на Луне. Случай довольно редкий.

— Так,— сказал капитан Ансон, поднимаясь от пульта управления.— Надеюсь, вид отсюда вас устраивает. Он обойдется вам в кругленькую сумму, а ведь мы еще не говорили о сверхурочных. Профсоюз работников космоса...

— Вы просто бездушный человек, капитан! В такую минуту морочить мне голову какими-то мелочами! Но если это не повлечет за собой новой наценки, позвольте поздравить вас с безупречной посадкой.

— Ну что вы, заурядный маневр,— ответил капитан; однако он не смог скрыть своего удовольствия.— Кстати, распишитесь, пожалуйста, в судовом журнале... вот здесь, где указано время посадки.

— Это еще зачем? — насторожился Спенсер.

— Вы удостоверяете прибытие на место. Судовой журнал — наш главный юридический документ.

— Рукописный журнал? Уж больно это старомодно,— сказал Спенсер.— Я думал, в наши дни все делает электроника.

— Традиция,— ответил Ансон.— Конечно, самописцы включены все время, пока работают двигатели, по ним всегда можно восстановить полет. Но только в журнале капитана вы найдете маленькие особенности, которые отличают одно путешествие от другого. Скажем: «Утром у одной из пассажирок четвертого класса родились близнецы». Или: «После шести склянок справа по борту показался Белый Кит».

— Беру свои слова назад, капитан,— сказал Спенсер.— У вас есть душа.

Он расписался в журнале и прошел к иллюминатору.

Только в рубке управления, на высоте ста пятидесяти метров над грунтом, были смотровые окна. Глазам репортера предстал великолепный вид. С северной стороны, наполовину закрыв небо, высились верхние ярусы Гор Недоступности. Но это название уже устарело: ведь он проник сюда. И раз корабль здесь, недурно бы заодно сделать что-нибудь для науки, хотя бы собрать образцы пород. Газета газетой, но Спенсеру очень хотелось бы что-нибудь открыть. Самый пресыщенный впечатлениями человек не устоит перед соблазном проникнуть в тайны невиданного и неизведанного.

На юг километров на сорок простерлось Море Жажды. Безупречно гладкая серая дуга занимала больше половины поля зрения. Но Спенсера занимало то, что находилось всего в пяти километрах от гор.

С высоты двух тысяч метров он в обычный бинокль отчетливо видел металлический шест — оставленный Лоуренсом ориентир, который теперь связывал «Селену» с внешним миром. Ничего особенного, маленький шип торчит над безбрежной равниной... Но было что-то волнующее в этой выразительной простоте. Отличный вступительный кадр — символ одиночества человека в огромной враждебной Вселенной, которую он пытается покорить. Через несколько часов эта

равнина оживет, а пока шест вполне годится как «заставка», на фоне которой телекомментаторы будут обсуждать план спасательных работ, заполняя паузы подходящими интервью. Но это уже не его забота, ребята в Клавии и на телестудии на Земле придумают, как подать материал. Дело Спенсера поставлять им кадры из своего «орлиного гнезда». Идеальная прозрачность почти полного вакуума и мощный объектив с переменным фокусным расстоянием поможет показать крупным планом все подробности операции.

Морис Спенсер поглядел на юго-запад. Солнце лениво ползло вверх. Впереди почти две недели дневного света, по земному счету, так что за освещением дело не станет. Сцена готова.

Главный администратор Ульсен не любил шума, считал за лучшее управлять тихо (но эффективно), из-за кулис, предоставляя общительным малым, вроде начальника «Лунтуриста», толковать с репортерами. Тем большее впечатление производили его редкие выходы на сцену. Разумеется, он это учитывал.

Сейчас на Ульсена смотрели миллионы людей. Правда, двадцать два человека, к которым он обращался в первую очередь, не могли его увидеть, так как «Селену» не сочли нужным оснастить телевизором, но голос администратора звучал достаточно убедительно. Они услышали то, что им хотелось знать.

— Алло, «Селена»,— говорил главный администратор.— Я хочу сказать вам, что все средства Луны мобилизованы, чтобы выручить вас. Наши инженеры и техники работают круглые сутки. За операцию отвечает мистер Лоуренс, главный инженер Эртсайда; я вполне полагаюсь на него. Сейчас он в Порт-Рорисе, там готовят специальное снаряжение, которое необходимо для спасательных работ. Решено — и вы, конечно, согласитесь с этим — прежде всего пополнить ваши запасы кислорода. Для этого мы собираемся опустить трубы: это можно быстро сделать. Кстати, трубы позволят нам снабжать вас не только кислородом, но, если понадобится, и водой, и продовольствием. Следовательно, как только заработает трубопровод, вашим тревогам конец. Понадобится еще какое-

то время, чтобы добраться до корабля и вызволить вас, но вы будете уже в безопасности. Ждите спокойно, не волнуйтесь. Я заканчиваю, вы можете использовать этот канал для переговоров с вашими близкими. Досадно, что вам пришлось перенести столько лишений и тревог, но теперь все это позади. Через день-два вы будете наверху. Счастливо!

Едва администратор кончил говорить, кабина «Селены» загудела от голосов. Ульсен достиг своей цели: несчастный случай превратился для пассажиров в увлекательное приключение, на всю жизнь хватит рассказывать друзьям и знакомым. Один Пат Харрис хмурился.

— Что-то наш главный слишком уж уверенно говорил,— сказал он коммодору Ханстену.— У нас на Луне это не принято: как раз нарвешься на сюрприз.

— Я вас отлично понимаю,— ответил коммодор.— Но не будем его упрекать, он заботится о нашем настроении.

— Что ж, настроение отличное. Особенно теперь, когда можно говорить с родными и близкими.

— Кстати: среди пассажиров есть человек, который еще не отправил и не получил ни одной радиограммы. Больше того, он вроде и не собирается ничего посылать.

— Кто же это?

Ханстен совсем понизил голос:

— Редли, новозеландец. Вон сидит, притаился в углу. Не знаю почему, но он мне не нравится.

— Может, у бедняги просто нет никого на Земле?

— Не поверю, чтобы у человека, которому по карману билет на Луну, вовсе не было друзей,— возразил коммодор. Смущенная улыбка на миг разгладила морщины его лица.— Кажется, я становлюсь циником... И все-таки предлагаю присматривать за мистером Редли.

— Вы уже говорили о нем Сью... э-э... мисс Уилкинз?

— Это она обратила мое внимание на него.

«Я мог бы и сам догадаться,— одобрительно подумал Пат.— Она все примечает».

Теперь, когда будущее выглядело не так мрачно, Пат Харрис всерьез призадумался над своим отношением к Сью и над тем, что она ему говорила. Он и прежде влюблялся, но это нечто совсем другое. Познакомились они больше года назад. Сью сразу ему понравилась, однако до сих пор между ними ничего не было. Как же она все-таки относится к нему? Уже жалеет о маленьком происшествии в переходной камере — или это для нее вообще ничто? Она может заявить (и он тоже, коли на то пошло), что их поцелуй ничего не значит, это был минутный порыв перед лицом смертельной опасности. Забылись, только и всего.

А если нет? Если все дело в том, что напряжение последних дней помогло им стать самими собой?.. Как убедиться в этом? Только время даст ему ответ. Может быть, и есть безошибочный научный способ определить, когда ты любишь по-настоящему, но Пат о нем пока что не слыхал...

Около пирса, от которого четыре дня назад отошла «Селена», глубина лунной пыли была всего два метра, но для этого опыта больше и не требовалось. Если наскоро созданное устройство выдержит испытание здесь, можно использовать его и в открытом Море.

Из окна космопорта Лоуренс смотрел, как его люди в скафандрах собирают плот из алюминиевых полос и балок — материал, применяемый почти во всех конструкциях на Луне.

Что ни говори, в известном смысле Луна — рай для инженера. Малое тяготение, нет ни ржавчины, ни коррозии, не надо опасаться капризов климата — никаких ветров, дождей, колебаний температуры. Благодаря этому сразу отпадало множество препятствий, которые осложняют жизнь строителям на Земле. Конечно, у Луны есть зато свои особенности: например, двухсотградусный ночной мороз, пыль, с которой они теперь сражаются.

Легкий остов плота покоился на двадцати металлических цистернах с четкой надписью:

ЭТИЛОВЫЙ СПИРТ.
ПУСТЫЕ ЦИСТЕРНЫ ПРОСЬБА ВОЗВРАЩАТЬ
НА ТОВАРНУЮ БАЗУ Б3, КОПЕРНИК

Сейчас в цистернах был вакуум, и каждая из них могла поднять две лунные тонны.

Сборка шла быстро. Лоуренс сказал себе, что надо позаботиться о запасе болтов и гаек. На глазах у него штук пять-шесть упали в пыль, и она тотчас их поглотила. Так, теперь и ключ туда же... Придется отдать приказ, чтобы весь инструмент привязывали к плоту, как бы это ни мешало работе.

Пятнадцать минут. Неплохо, учитывая, что люди работают в вакууме и их движения затруднены скафандрами. Плот можно нарастить в любом направлении, но для начала и этого довольно. Одна эта секция поднимет больше двадцати тонн, а эти двадцать тонн надо еще перебросить к месту катастрофы!

Отметив, что здесь все в порядке, Лоуренс покинул здание космодрома; помощники проследят за работой. Пять минут спустя (одно из преимуществ Порт-Рориса — за пять минут можно было попасть в любую его точку) он вошел в помещение механической мастерской. Тут его ждало гораздо менее утешительное зрелище.

На козлах лежал макет площадью в два квадратных метра. Он в точности воспроизводил часть крыши «Селены», не было только тонкого слоя алюминизированной ткани, отражающей солнечные лучи,— она не могла повлиять на исход опыта.

А опыт был предельно прост, для него потребовалось всего три компонента: острый ломик, кувалда и огорченный механик, который, как ни старался, до сих пор не мог пробить ломом макет.

Всякий, кто немного знает условия на Луне, тотчас поймет причину неудачи: вес кувалды, естественно, составлял лишь одну шестую часть земного; вот почему — тоже естественно — сила удара была во столько же раз меньше.

Совершенно невероятное рассуждение! Неспециалисту очень трудно постичь разницу между весом и массой; кстати, это не раз приводило к несчастным случаям. Вес — непостоянное свойство, его можно менять, путешествуя из одного мира в другой. На Земле эта же кувалда будет в шесть раз тяжелее, чем на Луне, на Солнце — почти в двести раз, в космосе она окажется невесомой.

Но повсюду во всей Вселенной ее масса или инерция останутся неизменными. Усилие, нужное для того, чтобы придать кувалде определенную скорость, и удар при ее остановке всюду и всегда будут одинаковы. На астероиде, где почти нет тяготения и кувалда окажется легче перышка, она раздробит камень так же основательно, как на Земле.

— В чем дело? — спросил Лоуренс.

— Крыша сильно пружинит,— ответил механик, вытирая потный лоб.— Ломик отскакивает, и все.

— Ясно... Но у нас будет пятнадцатиметровая труба, со всех сторон сжатая пылью. Может быть, это погасит отдачу?

— Может быть. Но вы посмотрите сюда...

Они присели около макета и заглянули снизу. Начерченные мелом линии показывали, как идут вдоль потолка электропровода, которые лучше не задевать.

— Этот фиброглас очень упругий, правильного отверстия не получится. Он трескается и крошится. Видите, вот уже трещины побежали. Боюсь, мы таким способом изуродуем всю крышу.

— А этого нельзя допустить,— согласился Лоуренс.— Ладно, отставить. Раз нельзя пробить, будем бурить. На конец трубы навинчиваем бур так, чтобы его было легко снять. Кстати, трубопроводы готовы?

— Почти готовы, тут все оборудование стандартное, изобретать ничего не надо. Через два-три часа закончим.

— Я приду через два часа,— сказал Лоуренс.

Он не стал добавлять, как сделал бы иной на его месте: «И чтобы к этому времени все было сделано». Его люди де-

лали что могли. Ни кнутом, ни пряником не заставишь опытных и добросовестных работников трудиться быстрее, чем позволяют их силы. Тут подгонять бесполезно; к тому же до срока, определяемого запасом кислорода на «Селене», еще оставалось три дня. Через несколько часов, если все будет в порядке, этот срок отодвинется на неопределенное время.

Коммодор Ханстен первым обнаружил грозную опасность, которая исподволь подкралась к ним. Однажды он уже встречался с ней — когда его на Ганимеде подвел скафандр. Этот случай коммодор предпочитал не вспоминать, но и забыть не мог.

— Пат,— тихо заговорил он, удостоверившись, что их никто не слышит,— вы заметили, стало труднее дышать?

Пат ответил не сразу:

— Теперь, когда вы сказали, чувствую. Это, наверное, из-за жары.

— Я тоже так подумал сперва. Но потом, смотрю, знакомые симптомы, особенно это учащенное дыхание. Нам грозит углекислое отравление.

— Не может быть! У нас кислорода еще на три дня, только бы очистители не отказали.

— Боюсь, как раз это и произошло. Как удаляется углекислый газ на «Селене»?

— Обыкновенные химические поглотители. Простое и надежное устройство, оно никогда не подводило.

— Понимаю, но ему еще никогда не приходилось работать в таких условиях. Видимо, жара повлияла на химикалии. Есть какой-нибудь способ проверить их?

Пат покачал головой:

— Нет. В тот отсек можно попасть только снаружи.

— Сью, милочка,— произнес усталый голос (неужели это миссис Шастер?),— у вас нет ничего от головной боли?

— Если есть,— подхватил другой пассажир,— дайте и мне тоже.

Пат и коммодор переглянулись. Классические симптомы, прямо по учебнику...

— Сколько, по-вашему, времени нам осталось? — тихо спросил Пат.

— От силы два-три часа. Лоуренс и его люди смогут добраться до нас в лучшем случае через шесть часов.

И тут Пат понял, что по-настоящему любит Сью Уилкинз: в первый миг он ощутил не страх за свою жизнь, а досаду и горечь — Сью столько вынесла, и вот теперь, когда спасение уже близко, она должна умереть...

Проснувшись в незнакомой комнате, Том Лоусон в первый миг не мог понять не только, где он, но и кто он. Ощущение веса подсказало ему, что он не на «Лагранже». Но и не на Земле: тяготение слишком мало. Значит, это не сон: он на Луне. И уже побывал в этом гиблом Море Жажды...

И помог найти «Селену»; благодаря его голове и рукам двадцать два человека уже не обречены на смерть! Сколько обид и огорчений пришлось пережить, зато теперь наконец-то сбываются его мечты о славе. Мир долго пренебрегал им, теперь лишения возместятся.

Что из того, что общество дало Тому знания, которые сто лет назад мало кому были доступны! Это давно стало правилом, каждый ребенок получает образование, отвечающее его задаткам и склонностям. Поощрять и развивать все дарования стало необходимо для цивилизации, любой иной подход был бы равносилен самоубийству. Тому не приходило в голову благодарить общество за свою докторскую степень: оно о себе же заботилось.

И все-таки в это утро Том Лоусон без прежней горечи и цинизма думал о жизни и о людях. Успех и признание — великие целители души, а он мог рассчитывать и на то и на другое. Но еще важнее оказалось для него иное: на «Пылекате-2», когда страх и сомнение едва не сломили Тома, он сотрудничал с человеком, которого мог уважать за ум и мужество.

Правда, длилось это недолго, и, может быть, ниточка быстро оборвется, как не раз случалось в прошлом. Отчасти Тому даже хотелось, чтобы так вышло, хотелось еще раз удостовериться, что все люди подлые, зловредные эгоисты. Он не мог забыть своего детства, совсем как Чарльз Диккенс, в душе которого ни успехи, ни слава не могли стереть воспоминания о гуталинной фабрике, в прямом и переносном смысле омрачившей юные годы писателя. И хотя Том Лоусон теперь как бы заново начинал свой жизненный путь, ему еще предстояло пройти очень много, чтобы почувствовать себя полноправным и полноценным членом человеческого общества.

Приняв душ и одевшись, молодой астроном заметил на столе записку, оставленную Спенсером.

«Будьте как дома. Я вынужден срочно уйти. Меня здесь сменит Майк Грехем. Позвоните ему по телефону 34-43, как только проснетесь».

«Словно я мог позвонить до того, как проснулся»,— сказал себе Том: его излишне логический ум любил цепляться за такие небрежности речи. Все же он выполнил просьбу Спенсера, героически подавив желание сперва заказать завтрак.

От Майка Грехема Том узнал, что проспал шесть чрезвычайно бурных часов в истории Порт-Рориса, что Спенсер отправился на «Ауриге» к Морю Жажды и что поселок кишит репортерами, большинство которых разыскивает доктора Лоусона.

— Оставайтесь на месте,— сказал Грехем (имя и голос показались Тому знакомыми; вероятно, он видел его в один из тех редких моментов, когда включал лунное телевидение).— Я буду через пять минут.

— Но я умираю с голоду,— запротестовал Том.

— Позвоните в бюро обслуживания и закажите, что вам хочется,— мы платим,— только не выходите из номера.

Том не обиделся на этот бесцеремонный нажим, который лишний раз подтверждал, что он теперь важная фигура. Его

гораздо больше возмутило то, что Майк Грехем поспел намного раньше, чем заказанный Томом завтрак (любой житель Порт-Рориса мог бы ему это предсказать). И пришлось астроному перед миниатюрной телекамерой Майка на голодный желудок объяснять двумстам (пока что только двумстам) миллионам зрителей, как он сумел обнаружить «Селену».

Он отлично справился, и причиной тому были недавние события и голод. Еще несколько дней назад любой интервьюер, если бы ему вообще удалось уговорить Лоусона изложить перед камерой принцип инфракрасного поиска, потонул бы в потоке высокоученых фраз. Том выдал бы в пулеметном темпе лекцию, изобилующую терминами вроде «квантовой отдачи», «излучение черных тел» и «спектральной чувствительности», убедив аудиторию, что речь идет о крайне сложном предмете (и это совершенно верно), которого неспециалисту не понять (что вовсе не отвечает истине).

Теперь же молодой ученый, несмотря на колики в желудке, обстоятельно и даже терпеливо ответил на вопросы Майка Грехема, подбирая слова, понятные большинству. Для всех представителей астрономической науки, которым в разное время довелось испытать на себе когти Тома, это было подлинным откровением. Сидя у себя на «Лагранже-2», профессор Котельников, когда кончилась передача, одной фразой выразил чувства своих коллег:

— Честное слово, я его не узнаю!

Немалый подвиг — втиснуть в переходную камеру «Селены» семь человек, но, как это уже показал Пат, больше негде было устроить тайное совещание. Остальные пассажиры, конечно, недоумевали, в чем дело. Скоро узнают...

Сообщение Ханстена встревожило участников совета, но, в общем-то, не очень их удивило. Они все были люди умные и сами кое о чем догадывались.

— Мы с капитаном Харрисом решили сперва поговорить с вами,— объяснил коммодор.— Вы самые выдержанные из

пассажиров и достаточно сильные, чтобы помочь нам, если понадобится. От души надеюсь, что до этого не дойдет, но могут быть осложнения, когда я всем объявлю.

— И тогда?..— спросил Хардинг.

— Если кто-нибудь сорвется, скрутите его,— решительно ответил коммодор.— Когда вернемся в кабину, старайтесь держаться спокойно. Не подавайте виду, что ждете стычки, не то как раз вызовете ее. Ваша задача сразу пресекать панику, чтобы она не распространялась.

— По-вашему, это правильно,— сказал доктор Мекензи,— чтобы никто не смог даже... гм... передать что-нибудь родным на прощание?

— Мы об этом думали, но ведь на это сколько времени понадобится, и потом все окончательно падут духом. А нам нельзя тянуть. Чем быстрее мы все проведем, тем выше наши шансы.

— Вы верите, что у нас есть надежда на спасение? — спросил Баррет.

— Да,— ответил Ханстен,— хотя и не берусь сказать точно, насколько она велика. Больше вопросов нет? Брайен? Юхансон?.. Тогда пошли.

Они вернулись в кабину и сели на свои места. Остальные смотрели на них с любопытством и растущей тревогой. Ханстен не стал тянуть.

— Я должен сообщить очень неприятную новость,— произнес он раздельно.— Видимо, все уже заметили, что стало трудно дышать, многие из вас жалуются на головную боль. Боюсь, виноват воздух. У нас еще достаточный запас кислорода, но все дело в том, что углекислый газ, который мы выдыхаем, скапливается в кабине. Почему — пока неизвестно. Я думаю, жара вывела из строя химические поглотители. Но даже если бы нам удалось найти причину, мы ничего не можем исправить.

Он остановился, чтобы перевести дух.

— Вот что нам предстоит: будет все труднее дышать, головная боль усилится. Я не хочу вас обманывать. Как бы спасатели ни старались, они доберутся до нас не раньше чем через шесть часов. А мы не можем столько ждать.

Кто-то ахнул. Ханстен сознательно не стал смотреть в ту сторону. И вдруг в кабине раздался протяжный храп с присвистом. В другой обстановке этот звук, вероятно, вызвал бы общий смех... Счастливая миссис Шастер: она мирно, хотя и не очень тихо, спала.

Коммодор наполнил легкие воздухом. Становилось все труднее говорить.

— Будь наше положение совсем безнадежным,— продолжил он,— я бы просто промолчал. Но у нас есть возможность, и придется ею воспользоваться. Это не очень приятно, да выбора нет. Мисс Уилкинз, дайте мне, пожалуйста, ампулы со снотворным.

В мертвой тишине — даже храп миссис Шастер прекратился — стюардесса вручила коммодору металлическую коробочку. Ханстен открыл ее и взял маленький белый цилиндр, напоминающий сигарету.

— Видимо, вам известно,— сказал он,— что правила предписывают всем космическим кораблям держать это средство в своих аптечках. Оно безболезненное и усыпляет на десять часов. Это может нас спасти, так как во сне дыхание замедляется наполовину. Мы вдвое растянем наш запас воздуха. Будем надеяться, что за это время спасатели пробьются к нам. Но кто-то один должен бодрствовать, поддерживать с ними связь. Лучше даже двое. Во-первых, капитан Харрис; думаю, никто, не станет возражать.

— А второй, очевидно, вы? — прозвучал достаточно знакомый голос.

— Мне жаль вас огорчить, мисс Морли,— сказал коммодор Ханстен, нисколько не сердясь (к чему затевать перепалку, когда все решено),— но чтобы не было недоразумений...

И прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, он прижал ампулу к руке ниже локтя.

— До свидания через десять часов,— раздельно произнес Ханстен, сел в ближайшее кресло и погрузился в забытье.

«Теперь мне распоряжаться»,— подумал Пат, вставая. Его так и подмывало сказать несколько «теплых» слов мисс Морли, но тут же он сообразил, что только испортит впечатление от мудрого поступка коммодора.

— Я капитан этого судна,— сказал он твердо.— С этой минуты я командую.

— Только не мной,— отпарировала неукротимая мисс Морли.— Я заплатила за билет, у меня есть права. И я наотрез отказываюсь воспользоваться этими штуками.

Ну и характер, черт бы ее побрал! Пат с ужасом представил себе, что будет, если она настоит на своем. Десять часов наедине с мисс Морли, и больше не с кем словом перемолвиться...

Он обвел взглядом пятерых «блюстителей порядка». Ближе всех к мисс Морли сидел инженер с Ямайки, Роберт Брайен. Он только ждал знака, чтобы действовать, но Пат все еще надеялся избежать серьезных трений.

— Не стану спорить о правах,— сказал он,— однако если вы прочтете, что напечатано мелким шрифтом на ваших билетах, то убедитесь: в аварийных случаях я могу требовать беспрекословного подчинения. И ведь это только в ваших интересах. Лично я предпочел бы спать, ожидая спасателей.

— И я тоже,— неожиданно вступил профессор Джаяварден.— Коммодор прав, это поможет нам сберечь воздух. Другого выхода просто нет. Мисс Уилкинз, дайте мне ампулу, пожалуйста!

Спокойная логика его слов помогла умерить страсти, тем более что профессор легко и быстро уснул. «Двое готовы, осталось восемнадцать»,— мысленно отметил Пат.

— Не будем терять времени,— произнес он вслух.— Вы сами убедились, эти штуки не причиняют никакой боли. В каж-

дой заключен миниатюрный подкожный инъектор, вы не почувствуете даже малейшего укола.

Сью уже начала раздавать безобидные на вид цилиндрики, и некоторые пассажиры не замедлили их использовать — Ирвинг Шастер (он с трогательной осторожностью прижал ампулу к руке спящей жены), за ним загадочный мистер Редли. Остается пятнадцать... Кто следующий?

Сью подошла к мисс Морли.

«Внимание,— сказал себе Пат,— если она еще настроена скандалить...»

Так и есть.

— Разве я недостаточно твердо сказала, что не приму никаких снадобий? Уберите эту штуку!

Роберт Брайен привстал, но тут раздался насмешливый голос Девида Баррета.

— Я объясню вам, в чем дело, капитан,— сказал он, с явным наслаждением выпуская стрелу в цель.— Почтенная леди опасается, как бы вы не воспользовались ее беспомощностью.

На мгновение мисс Морли онемела от ярости, щеки ее вспыхнули алым румянцем.

— Никогда еще меня так не оскорбляли...— вымолвила она наконец.

— Меня тоже, мадам,— добавил Пат.

Она обвела взглядом обращенные к ней лица. Большинство пассажиров сохраняли серьезность, но некоторые язвительно улыбались. И мисс Морли поняла, что остается только одно.

Она поникла в своем кресле. Пат облегченно вздохнул. С остальными будет проще...

Вдруг он заметил, что миссис Уильямс, день рождения которой отметили так скромно несколько часов назад, оцепенело уставилась на зажатую в руке ампулу. Страх сковал ее. Супруг, сидящий рядом, уже уснул. Не очень-то галантно бросать подругу жизни на произвол судьбы, подумал Пат.

Прежде чем он успел что-либо придумать, вмешалась Сью.

— Извините меня, миссис Уильямс, я ошиблась, дала вам пустую ампулу. Разрешите мне взять ее...

Все было проделано чисто, как фокус на сцене. Сью взяла — или сделала вид, что взяла,— ампулу из безвольных пальцев миссис Уильямс, незаметно коснулась запястья испуганной женщины, и та погрузилась в сон.

Половина пассажиров спит. Откровенно говоря, Пат не ожидал, что все пройдет так гладко. Коммодор зря беспокоился, «карательный отряд» оказался ненужным.

Мгновением позже капитан Харрис понял, что поторопился радоваться. Нет, коммодор знал, что делал. Мисс Морли была не единственным трудным пациентом.

Не меньше двух лет минуло с тех пор, как Лоуренс в последний раз входил в иглу. Тогда он был начинающим инженером, работал на строительстве и неделями жил в иглу, забывая, что такое стены настоящего дома. Разумеется, с тех пор многое усовершенствовано. Теперь в жилище, которое умещалось в чемодане, можно было устроиться очень уютно.

Перед ним стоял один из последних образцов, марки «Гудьир XX», на шесть человек. Время пребывания в иглу не ограничено. Лишь бы подавали электрический ток, воду, продовольствие и воздух, остальное входит в комплект. Конструкторы даже о развлечениях позаботились: есть микробиблиотечка, радио- и видеоаппаратура. И это вовсе не излишняя роскошь, что бы ни твердили ревизоры. В космосе скука может в самом прямом смысле слова стать смертельной. Она убивает не так быстро, как, скажем, неисправный воздухопровод, но так же безотказно, и смерть может быть куда более страшной...

Лоуренс пригнулся, входя в камеру перепада. Вспомнились старые иглу, в которые забирались буквально на четвереньках. Дождавшись сигнала «давление уравнено», он шагнул в главную полусферу.

Все равно что очутиться внутри воздушного шара — и ведь, по сути дела, это так и есть. Он видел только часть интерьера: помещение было разгорожено легкими ширмами. (Тоже усовершенствование; прежде можно было уединиться лишь в одном месте — за занавеской, отгораживающей туалет.) Над головой, на высоте трех метров свисали с потолка на эластичных шнурах светильники и установки искусственного климата. Вдоль плавно изгибающейся стены выстроились складные металлические стеллажи. Еще не выпрямлены полностью... За ближайшей ширмой чей-то голос медленно читал опись инвентаря, другой голос через несколько секунд отвечал: «Есть».

Лоуренс обогнул ширму и очутился в спальной секции. Двухэтажные койки тоже не установлены как следует. И незачем: сейчас идет проверка, все ли в наличии. Затем иглу сложат и немедленно перебросят к месту спасательных работ.

Лоуренс не стал мешать. Нудное дело, но необходимое (кстати, на Луне много таких дел). Малейшая ошибка здесь может потом стоить кому-нибудь жизни.

Когда проверка кончилась, главный инженер спросил:

— Это самое большое иглу у вас на складе?

— Самое большое, которым можно пользоваться,— последовал ответ.— Есть еще «Гудьир девятнадцать» на двенадцать человек, но с проколом во внешней оболочке, который надо заделать.

— Сколько времени займет починка?

— Несколько минут. Но чтобы выдать его со склада, мы обязаны испытать его — двенадцать часов в рабочем виде.

Иногда человек, установивший правила, вынужден их нарушать.

— Мы не можем ждать столько. Наложите двойную заплату и быстро проверьте на утечку. Если она окажется в допустимых пределах, выдайте иглу. Я подпишу документы.

Риск невелик, а большое иглу может пригодиться. Оно должно защитить от холода и вакуума двадцать два челове-

ка, когда их поднимут на поверхность. Не держать же всех в скафандрах до самого Порт-Рориса.

«Бип-бип»,— пропищало у Лоуренса над левым ухом. Он нажал тумблер на поясе:

— Главный инженер Эртсайда слушает.

— Сообщение с «Селены»,— доложил слабый, но отчетливый голос.— Весьма срочно, у них осложнения.

До сих пор Пат как-то не замечал пассажира, который сидел, скрестив руки на груди, в кресле 3-Д у окна. Пришлось даже напрячь память, чтобы вспомнить его фамилию. Билдер, что ли?.. Нет, Бальдур, Ханс Бальдур. На первый взгляд — образец спокойного, дисциплинированного туриста.

Да он и теперь держался спокойно, но образцом его уже нельзя было назвать: Бальдур не спал. Он сидел с каменным лицом, словно не замечал ничего вокруг, и только щека подергивалась, выдавая его состояние.

— А вы чего ждете, мистер Бальдур? — спросил Пат Харрис нарочито ровным голосом. Хорошо, есть на кого опереться морально и физически... Нельзя сказать, чтобы Бальдур выглядел силачом, но мускулы уроженца Луны могут подвести Пата, если дойдет до потасовки.

Бальдур только мотнул головой, продолжая упорно глядеть в окно — точно мог увидеть в нем что-либо кроме своего собственного отражения.

— Вы не заставите меня принять эту дрянь, я отказываюсь,— произнес он с заметным акцентом.

— Я не собираюсь вас заставлять,— ответил Пат.— Но разве вы не понимаете, что это делается для вас же? И для других. Что вас останавливает?

Бальдур помедлил, словно подыскивая слова.

— Это... это противоречит моим принципам,— сказал он наконец.— Вот именно. Моя религия не позволяет мне соглашаться на инъекции.

Пат где-то слышал, что бывают люди щепетильные в таких вопросах. Но Бальдур? Нет. Этот человек говорит неправду. Почему?

— Разрешите мне задать вопрос? — прозвучал голос за спиной Пата.

— Разумеется, мистер Хардинг,— сказал Пат, надеясь, что тот его выручит.

— Вы говорите, мистер Бальдур,— сказал Хардинг таким тоном, словно продолжал допрашивать миссис Шастер (как давно это было),— что не можете согласиться ни на какие инъекции. Но ведь вы не уроженец Луны, а попасть сюда, минуя карантинные власти, невозможно. Как же вы ухитрились избежать обязательных прививок?

Бальдур реагировал неожиданно бурно.

— Не ваше дело,— огрызнулся он.

— Совершенно верно,— любезно подтвердил Хардинг.— Я только хотел помочь разобраться.— Он подошел к Бальдуру и протянул вперед левую руку.— Разрешите взглянуть на ваше свидетельство о прививках?

«Эх, оплошал»,— сказал себе Пат. Будто можно без приборов прочесть магнитозапись на свидетельствах Межпланетного медицинского управления! Стоит Бальдуру сообразить это, и... Да, что он тогда предпримет?

Но Бальдур не успел ничего предпринять. Он все еще смотрел на левую ладонь Хардинга, когда тот сделал стремительное движение правой рукой. Пат даже не сразу понял, что произошло. Хардинг действовал так же расторопно, как незадолго перед этим Сью с миссис Уильямс. Правда, встреча ребра его правой ладони с шеей Бальдура произвела куда более сильное впечатление. Ловко — хотя Пату Харрису такая ловкость не нравилась.

— Это усмирит его на пятнадцать минут,— небрежно сказал Хардинг, глядя на поникшего в кресле Бальдура.— Дайте, пожалуйста, ампулу... Спасибо.

И он приложил ампулу к руке строптивца, уже усыпленного его ударом. «Опять я выпустил поводья из рук»,— по-

думал Пат. Он был благодарен Хардингу за распорядительность, но лучше бы она проявилась иначе.

— Что все это значит? — спросил он неуверенно.

Хардинг засучил левый рукав Бальдура и повернул его руку: кожа запястья была испещрена сотнями уколов.

— Знаете, что это такое? — тихо спросил он.

Пат кивнул. Пороки старушки Земли добирались до Луны с разной скоростью, но в конечном счете все добрались.

— Не удивительно, что бедняга не хотел сознаться. Ему внушили отвращение к уколам. Судя по меткам, лечение началось совсем недавно. Надеюсь, я не испортил ему все дело. Ничего, лишь бы жив остался.

— Как же его пропустил карантин?

— Для таких есть специальный отдел. Врачебная тайна: чтобы можно было сделать прививки, гипнотизер временно отменяет внушенный запрет. Этих наркоманов больше, чем вы думаете, а путешествие на Луну входит в курс лечения. Так сказать, перемена обстановки.

Пату хотелось выяснить еще кое-что, но они и без того потеряли немало драгоценных минут. Слава богу, все пассажиры, кроме «блюстителей порядка», уже погрузились в сон.

Должно быть, наглядный урок дзюдо (или как там это называется) пошел им на пользу...

— Я вам больше не нужна,— сказала Сью, улыбаясь через силу.— Пока, Пат. Разбуди меня, когда все кончится.

— Когда кончится, разбужу,— обещал он, бережно опуская ее на пол между креслами. И добавил, видя, что глаза Сью закрылись: — Или никогда.

Несколько секунд Пат смотрел на нее, потом взял себя в руки и выпрямился. Он упустил возможность сказать Сью все то, что хотел. И быть может, навсегда.

Горло пересохло; судорожно глотая, капитан Харрис повернулся к пятерке бодрствующих. Предстояло решить еще одну задачу, и Девид Баррет не замедлил ее назвать.

— Ну, капитан,— сказал он.— Не заставляйте нас гадать... Кого вы выбрали себе в товарищи?

Пат дал каждому по ампуле.

— Спасибо всем за помощь,— ответил он.— А на ваш вопрос... Я знаю, это может показаться мелодрамой, но так будет лучше: из этих пяти ампул только четыре заряжены.

— Надеюсь, моя в том числе,— сказал Баррет.

Он угадал. Хардинг, Брайен, Юхансон тоже мгновенно уснули.

— Ясно,— произнес доктор Мекензи.— Мне водить. Польщен вашим выбором. Или это получилось случайно?

— Прежде чем я отвечу вам,— сказал Пат,— надо доложить в Порт-Рорис, что у нас произошло.

Короткий доклад капитана Харриса вызвал замешательство в Порт-Рорисе. Немного погодя включился главный инженер Лоуренс.

— Вы правильно поступили,— сказал он, выслушав Пата.— Даже если все будет идти гладко, раньше чем через пять часов нам до вас не добраться. Продержитесь?

— За нас двоих ручаюсь,— ответил Пат.— У нас есть кислородный баллон от скафандра. А вот пассажиры...

— Вам остается только одно: наблюдать за их дыханием и, когда надо, подкреплять их глотком кислорода. Мы здесь все силы приложим. Что-нибудь еще?

Пат несколько секунд подумал.

— Нет,— устало ответил он.— Буду вызывать вас каждые четверть часа. Все.

Он встал медленно — усталость и углекислое отравление давали себя знать — и обратился к Мекензи:

— Ну-ка, доктор, помогите мне со скафандром.

— А ведь я совсем про него забыл, вот голова!

— А я боялся, как бы кто из пассажиров не вспомнил. Они не могли не видеть его, когда шли через камеру перепада. Но так уж повелось, люди не примечают того, что у них под носом.

Всего пять минут понадобилось, чтобы отделить от скафандра банки с поглотителем и баллон с суточным запасом

кислорода. Дыхательный аппарат намеренно был сконструирован в расчете на быструю разборку, чтобы его можно было применить для искусственного дыхания. В который раз Пат мысленно воздал должное выдумке и дальновидности инженеров и техников, создавших «Селену». Кое-что можно еще усовершенствовать, есть маленькие упущения, но это сущие пустяки.

В сером металлическом баллоне был заключен целый день жизни. Двое — единственные бодрствующие на борту — поглядели друг на друга и почти одновременно произнесли:

— Сперва вы.

Сдержанно усмехнулись, потом Пат сказал:

— Хорошо, не буду спорить.

И поднес маску к лицу. Кислород... Будто свежий морской бриз после душного летнего дня или дыхание горных сосен ворвалось в застойный воздух теснины! Пат не торопясь сделал четыре глубоких вдоха, сильно выдыхая, чтобы очистить легкие от углекислого газа. И, будто трубку мира, передал дыхательный аппарат Мекензи.

Четыре вдоха вернули капитану силы и смели паутину, которая уже было начала затягивать его мозг. Или это чисто психологическое действие? Разве могут несколько кубических сантиметров кислорода так сильно повлиять? Как бы то ни было, он чувствовал себя новым человеком. Можно выдержать пять часов, даже больше.

Десять минут спустя Пат совсем приободрился: все спящие дышали нормально — медленно, но ровно. Дав каждому вдохнуть кислорода, он опять вызвал Базу.

— Я «Селена», докладывает капитан Харрис. Мы с доктором Мекензи в полном порядке, пассажиры тоже. Остаюсь на приеме, вызову вас снова в условленное время.

— Вас понял. Погодите немного, с вами хотят говорить представители агентств.

— Простите,— ответил Пат,— я уже сообщил все, что мог, и у меня на руках двадцать человек.

Разумеется, это был только предлог, и притом малоубедительный. Пат Харрис сам не понимал, почему к нему прибег. Так, нашло что-то, вдруг ощутил приступ совсем не свойственного ему озлобления: «Не дадут уж и умереть спокойно!» Знай Пат, что всего в пяти километрах стоит наготове телевизионная камера, он, наверное, говорил бы еще более резко.

— Вы не ответили на мой вопрос, капитан,— терпеливо напомнил доктор Мекензи.

— Какой вопрос? Ах да! Нет, это не было случайно. Мы с коммодором решили, что из всех пассажиров вы самый полезный для дела человек. Вы ученый, вы раньше всех заметили опасность перегрева — и сохранили это в тайне, когда мы вас попросили.

— Ясно, постараюсь оправдать доверие. Я сейчас чувствую себя очень бодро. Должно быть, кислород подстегивает. Весь вопрос в том, надолго ли его хватит?

— Если считать двоих — на двенадцать часов. За это время пылекаты должны подойти. Но нам придется, наверное, уделять большую часть кислорода другим... Может и не хватить...

Они сидели, скрестив ноги, на полу возле водительского кресла, баллон стоял между ними. То один, то другой подносил к лицу маску. Два вдоха — все. «Никогда не думал,— сказал себе Пат,— что окажусь участником самой избитой сцены телевизионных спектаклей из космической жизни». К сожалению, это слишком часто случалось в действительности, чтобы казаться забавным. Особенно когда сам попал в переделку.

Оба (и уж во всяком случае кто-нибудь один) могли рассчитывать на спасение, стоило только махнуть рукой на остальных. Не выйдет ли так, что, стараясь спасти двадцать своих товарищей, они погубят и себя?

Логика против совести. Спор отнюдь не новый, возможный не только в космическом веке, а древний, как человечество. Как часто в прошлом отрезанные от всех группы людей

оказывались под угрозой смерти из-за недостатка воды, пищи или тепла. Теперь не хватает кислорода, но суть все та же.

Подчас не выживал никто, иногда спасалась горсточка людей, которые затем до конца жизни искали самооправдания. Что думал Джордж Поллард, капитан китобойца «Эссекс», когда ходил по улицам Нантукета, обремененный грехом людоедства? Пат не знал об этой истории, происшедшей двести лет назад; мир, в котором он жил, был слишком занят созданием собственных легенд, чтобы занимать предания у Земли.

Но Пат Харрис принял решение. И он знал, что для Мекензи тоже нет иного выбора. Ни тот ни другой не были способны убить товарища из-за последнего глотка кислорода. А если дойдет до схватки...

— Чему вы улыбаетесь? — спросил Мекензи.

Пат расслабил непроизвольно напрягшиеся мышцы. От одного вида этого плечистого австралийского ученого делалось тепло и спокойно на душе. Он совсем как Ханстен, хотя намного моложе коммодора. Есть такие люди — вы сразу проникаетесь к ним доверием, чувствуете, что на них можно положиться.

— Говоря начистоту,— сказал Пат, кладя на пол маску,— я подумал о том, что вряд ли смог бы вам помешать, если бы вы решили забрать баллон себе.

Лицо Мекензи отразило недоумение, потом он улыбнулся:

— Это у вас, уроженцев Луны, просто какое-то чувствительное место...

— Меня это никогда не трогало,— возразил Пат.— Все-таки мозг важнее силы. И ведь не моя вина, что я вырос в гравитационном поле, которое в шесть раз слабее вашего. Кстати, как вы определили, что я уроженец Луны?

— Во-первых, ваше телосложение. Все селениты высокие и тонкие. И цвет кожи: никакие кварцевые лампы не заменят настоящего солнца.

— Да уж, вы не можете пожаловаться на загар,— ухмыльнулся Пат.— Ночью вас не заметишь, пока не столкнешься! Между прочим, откуда у вас такая фамилия — Мекензи?

Пат Харрис только понаслышке знал о расовых предрассудках, еще не изжитых полностью на Земле, и спросил совершенно спокойно, без какой-либо задней мысли.

— Миссионеры осчастливили ею моего деда, когда крестили его. Не думаю, чтобы в этой фамилии был заключен какой-либо намек на мое... э-э... происхождение. Насколько мне известно, я чистокровный або.

— Або?..

— Абориген. Наш народ населял Австралию, до того как туда явились белые. Последующие события были довольно печальны.

Пат был не очень сведущ в земной истории; подобно большинству селенитов, он считал, что до 7 ноября 1967 года, когда русские столь эффектно отпраздновали пятидесятилетие своей революции, вообще не было великих событий.

— Очевидно, началась война?

— Какая там война... У нас были копья и бумеранги, у них — ружья. А туберкулез, а венерические заболевания?.. Нам понадобилось полтораста лет, чтобы оправиться от удара. Только после тысяча девятьсот сорокового года численность коренного населения снова стала расти. Теперь нас около ста тысяч, почти столько же, сколько было, когда к нам пожаловали ваши предки.

Мекензи сообщил эти сведения иронически-беспристрастно, без малейшего укора, но Пат все-таки решил снять с себя ответственность за злодеяния своих земных праотцов.

— Не порицайте меня за то, что происходило на Земле,— сказал он.— Я никогда там не был и не буду — не выдержу тяготения. Но я много раз смотрел на Австралию в телескоп. В душе я привязан к этой стране: мои родители взлетели в космос из Вумеры.

— А мои предки ее окрестили: «вумера» — праща для метания копья.

— Кто-нибудь из вашего народа,— Пат тщательно подбирал слова,— все еще живет в примитивных условиях? Кажется, в некоторых частях Азии сохранились пережитки.

— Старый племенной уклад исчез. Это произошло довольно быстро, как только африканские государства принялись критиковать Австралию в ООН. Не всегда справедливо, на мой взгляд, но ведь я сам прежде всего австралиец, а уж потом абориген... И надо признать, мои белые соотечественники часто вели себя очень глупо. Например, называли нас умственно неполноценными. До конца прошлого столетия кое-кто из них смотрел на нас, как на дикарей каменного века. Спору нет, наша материальная культура и впрямь была примитивна, но о людях этого нельзя было сказать.

Казалось бы, не вовремя они затеяли обсуждать образ жизни, столь далекий от «Селены» во времени и пространстве. Но Пат не видел в этом ничего странного. Пять часов, если не больше, он и Мекензи должны гнать от себя сон и присматривать за двадцатью товарищами. Нужно как-то развлекать друг друга.

— Но если ваш народ не был примитивным — кстати, уж вас-то никак не назовешь дикарем,— откуда белые это взяли?

— Обыкновенная глупость плюс предубеждение и предвзятость. Проще всего сказать о человеке, который не умеет считать, писать и чисто говорить по-английски, что он ограниченный. За примером ходить недалеко. Мой дед, первый Мекензи, дожил до двухтысячного года, но мог считать только до десяти. А полное затмение Луны он описывал так: «Керосиновая лампа Иисуса Христа совсем загнулась». Я могу выразить в дифференциальных уравнениях орбитальное движение Луны, но это не значит, что я умнее деда. Поменяйте нас во времени — может быть, он стал бы лучшим физиком, чем я. У деда не было случая научиться счету; мне не надо бы-

ло растить семью в пустыне — труд нешуточный, требующий очень большого умения.

— Возможно, кое-что из навыков вашего деда пригодилось бы нам здесь,— задумчиво произнес Пат.— У нас ведь, по сути дела, та же задача — выжить в пустыне.

— Пожалуй, это сравнение подходит... Хотя вряд ли нам была бы польза от бумеранга и палочек для добывания огня. Разве что магические ритуалы? Увы, я их не знаю. К тому же сомневаюсь, чтобы власть племенных богов Арнхемленда простиралась до Луны.

— А вы никогда не жалели о гибели обычаев и нравов вашего народа? — продолжал Пат.

— Разве можно жалеть о том, чего не знаешь? Я научился работать на вычислительной машине задолго до того, как впервые увидел корробори...

— Что?..

— Это название племенной ритуальной пляски. Кстати, половина исполнителей были студенты-этнографы. Так что у меня не было и нет никаких романтических иллюзий насчет примитивной жизни и благородных дикарей. Мои предки были отличные люди, я нисколько их не стыжусь, но из-за географических условий они попали в тупик. Все силы уходили на то, чтобы выжить, для цивилизации ничего уже не оставалось. И в каком-то смысле хорошо, что пришли белые, несмотря на их очаровательный обычай продавать нам отравленную муку, когда им была нужна наша земля.

— Отравленную муку?

— Конечно. Почему вы удивляетесь? Это было за сто с лишним лет до Освенцима.

Слова Мекензи заставили Пата призадуматься. Наконец он взглянул на часы и с явным облегчением сказал:

— Пора связываться с Базой. Давайте сперва проверим, как пассажиры.

Надувные иглу и прочие ухищрения, позволяющие жить с удобствами на Море Жажды, подождут, сказал себе Лоуренс. Сейчас надо опустить воздухопровод к пылеходу. Так что придется инженерам и техникам попыхтеть в скафандрах. Да им не долго страдать. Если не уложатся в пять-шесть часов, можно поворачивать обратно, оставив «Селену» во власти мира, именем которого она названа...

В мастерских Порт-Рориса вершились невоспетые и неувековеченные чудеса импровизации. Разобрали и погрузили на сани воздухоочистительную установку, включая баллоны с жидким кислородом, поглотители влаги и углекислого газа, регуляторы температуры и давления. То же самое сделали с небольшим буровым станком, переброшенным на местной ракете из Клавия, где обосновались геофизики. Погрузили также специально приспособленные трубы. Плохо, если они подведут: усовершенствовать их уже будет некогда...

Лоуренс не подгонял людей. Он знал, что в этом нет нужды. Главный держался в тени, следя за погрузкой снаряжения на сани и пытаясь предусмотреть все подводные камни. Какой инструмент понадобится? Хватит ли запасных частей? Не лучше ли погрузить плот последним, чтобы можно было снять его первым? Не опасно ли подавать кислород на «Селену» до того, как будет установлена вытяжная труба? Эти и сотни других вопросов — некоторые второстепенные, другие существенные — роились в голове. Несколько раз он за-

прашивал у Пата техническую информацию: какое давление в кабине, какая температура, не сорван ли аварийный клапан кабины (оказалось, нет, но его, очевидно, забило пылью), в каком месте лучше сверлить крышу. И с каждым разом Пат говорил все более затрудненно...

Порт-Рорис кишел репортерами, которые захватили половину радио- и телеканалов между Землей и Луной, но главный инженер наотрез отказывался говорить с ними, ограничился коротким заявлением о том, что произошло и что намечено предпринять. Сообщения для печати и радио — дело представителей администрации. Они обязаны позаботиться, чтобы он мог работать без помех. Лоуренс так и сказал начальнику «Лунтуриста», после чего, не дожидаясь возражений, положил трубку.

Естественно, главному некогда было взглянуть на телевизионный экран, но до него дошло, что доктор Лоусон уже успел прославиться колючим языком. Видно, корреспондент «Интерплэнет ньюс», которому Лоуренс сдал астронома с рук на руки, не терял времени. Должно быть, этот парень сейчас радуется своей удаче...

Но «этот парень» нисколько не радовался. Оседлав Горы Недоступности (красиво он опроверг это название!), Морис Спенсер неожиданно очутился под угрозой язвы, которой до сих пор успешно избегал. Сто тысяч столларов потрачено, чтобы загнать сюда «Ауригу»,— и, похоже, впустую!

Все будет кончено прежде, чем сюда подоспеют пылекаты... Неслыханная, захватывающая дух спасательная операция не привлечет к экранам миллиарды телезрителей — она не состоится. Мало кто не захотел бы посмотреть, как вырывают из когтей смерти двадцать два человека, но кто согласится смотреть, как извлекают трупы из могилы?..

Так рассуждал корреспондент Спенсер. По-человечески он был глубоко потрясен. Ужасно сидеть на горе всего в пяти километрах от места, где назревает трагедия, которую ты бессилен предотвратить. Он буквально стыдился каждого свое-

го вздоха при мысли о том, что пассажиры «Селены» задыхаются без воздуха. Снова и снова он думал, не может ли «Аурига» помочь чем-нибудь (вот был бы материал для газеты!). Увы, им остается лишь наблюдать, это неумолимое Море Жажды пресечет все их попытки прийти на выручку лунобусу.

Спенсеру и прежде приходилось вести репортаж о несчастных случаях. Но на этот раз он — отвратительная мысль! — чувствовал себя вампиром.

На борту «Селены» было тихо. Настолько тихо, что надо было напрягать все силы, борясь со сном. А как хотелось уснуть, погрузиться в блаженное забытье вместе со всеми... Пат откровенно завидовал спящим. Глоток-другой иссякающего кислорода прояснял сознание, но от этого становилось только горше.

В одиночку он, конечно, не одолел бы дремоту и не смог бы наблюдать за двадцатью спящими, давать кислород тем, у кого появились признаки одышки. Он и Мекензи страховали друг друга, один помогал другому победить сон.

Все было бы проще, если бы не подходил к концу кислород в единственном баллоне. А в главных цистернах столько жидкого кислорода, да разве доберешься до него... Через испарители автоматическая система подает строго отмеренные порции в кабину, но тут он сразу же смешивается с отравленной атмосферой.

Пат не представлял себе, что время может тянуться так медленно. Неужели всего четыре часа прошло с тех пор, как они заступили на пост? Пат Харрис мог бы поклясться, что это длится уже несколько дней: тихие беседы с Мекензи, вызов Порт-Рориса через каждые пятнадцать минут, проверка дыхания и пульса пассажиров, скудные глотки кислорода...

Но всему бывает конец. Из мира, который они уже отчаялись когда-либо увидеть вновь, пришла по радио долгожданная весть.

— Мы идем к вам,— сообщил главный инженер Лоуренс; несмотря на усталость, голос его звучал твердо.— Продержитесь еще часок... Как самочувствие?

— Здорово устали,— медленно произнес Пат.— Но мы продержимся.

— А пассажиры?

— Тоже.

— Ладно. Буду вызывать вас каждые десять минут. Не выключайте приемник, пусть работает на полную мощность. Тут медики кое-что придумали, боятся, как бы вы не уснули.

Гул медных труб прокатился над Луной, долетел до Земли и унесся дальше, к пределам Солнечной системы. Мог ли Гектор Берлиоз, сочиняя свой великолепный «Ракоци-марш», предполагать, что через двести лет его музыка придаст сил и надежды людям, борющимся за жизнь далеко от родной планеты?

Кабина «Селены» гудела от ликующих звуков. На лице Пата появилось подобие улыбки.

— Пусть эту музыку называют старомодной,— сказал он,— она делает свое дело.

Кровь быстрее струилась в его жилах, ноги сами отбивали такт. С лунного неба, из космоса к ним вторгся топот марширующих армий и лихо скачущей конницы, звучали сигналы горна над тысячами полей, на которых некогда решалась в сражениях судьба целых народов. Это было давно и быльем поросло — к счастью. Но от той поры осталось в наследство новым поколениям и много славного, благородного: образцы героизма и самоотверженности, примеры того, что человек продолжает борьбу даже тогда, когда, казалось бы, исчерпаны все его физические возможности.

Тяжело дыша в застойном воздухе, Пат Харрис чувствовал, как голоса прошлого будят в нем силу, необходимую, чтобы выстоять еще один, нескончаемый час.

На тесной, загроможденной снаряжением площадке «Пылеката-1» главный инженер Лоуренс, услышав ту же музыку, испытал нечто схожее. Ведь его маленький флот вышел на бой, на битву с врагом, который всегда будет противостоять человеку. Покоряя Вселенную, планету за планетой, солнце за солнцем, люди снова и снова будут наталкиваться на сопротивление еще неизведанных сил природы. Даже Земля не освоена полностью за все эти тысячи лет; множество ловушек подстерегает на ней опрометчивого... А в мире, знакомство с которым началось всего несколько десятилетий назад, смерть таится на каждом шагу, под тысячью невинных личин. Чем бы ни кончился поединок с Морем Жажды, завтра их ждет новый вызов.

Каждый пылекат тянул на буксире сани с грузом, который казался тяжелее, чем был на самом деле. Большую часть его составляли пустые цистерны для плота. Спасатели везли только самое необходимое. Как только «Пылекат-1» разгрузится, Лоуренс пошлет его назад в Порт-Рорис за следующей партией. Таким образом, будет налажено непрерывное сообщение с Базой, и если что-нибудь вдруг понадобится, самое большее через час доставят. Лучше быть оптимистом, хотя не исключено, что, когда они наконец доберутся до «Селены», уже никакая спешка не поможет...

Быстро скрылись за горизонтом купола Порт-Рориса; не теряя времени, Лоуренс инструктировал своих людей. Он хотел перед выходом в Море провести генеральную репетицию, но от этого пришлось отказаться. Некогда. Все должно получиться с первого раза. Второй попытки не будет.

— Джонс, Сикорский, Коулмен, Мацуи, как только придем на место, вы снимаете с саней цистерны и раскладываете их, как условлено. Затем Брюс и Ходжес крепят остов. Старайтесь не терять болтов и гаек, инструмент привязывайте. Если вдруг упадете с плота, не паникуйте, больше чем на несколько сантиметров не погрузитесь, я знаю. Сикорский, Джонс, вы помогаете класть настил, когда будет собран остов.

Коулмен, Мацуи, на готовых участках плота сразу раскладывайте трубы и шланги. Гринвуд, Ринальди, вы займетесь бурением...

И так далее, операция за операцией. Самое опасное, что люди из-за тесноты будут мешать друг другу, а сейчас малейший промах — и все может оказаться впустую... Сверх того Лоуренса преследовала тревога, что они забыли в Порт-Рорисе какой-нибудь важный инструмент. Но еще страшнее, как подумаешь, что двадцать два человека могут погибнуть, если утонет в пыли ключ, без которого не сделаешь последнего соединения.

В Горах Недоступности Морис Спенсер, не выпуская из рук бинокль, внимательно слушал радиоголоса, звучащие над Морем Жажды. Каждые десять минут Лоуренс вызывал «Селену», и всякий раз пауза между вызовом и ответом длилась все дольше. Харрис и Мекензи все еще успешно боролись со сном. Конечно, тут все решала сила воли, но и музыка, которую передавал Клавий, несомненно помогала.

— Чем их сейчас накачивает этот музыкальный психолог? — спросил Спенсер.

На другом конце рубки старший радист прибавил громкости, и над Горами Недоступности закружили валькирии.

— Насколько я разбираюсь,— пробурчал капитан Ансон,— они все время передают один девятнадцатый век.

— Почему же,— возразил Жюль Брак, колдуя над своей камерой,— только что играли «Танец с саблями» Хачатуряна. Ему всего сто лет.

— Сейчас будем вызывать «Пылекат-один»,— сказал радист, и в рубке воцарилась мертвая тишина.

Вызов последовал точно по расписанию, секунда в секунду. Спасатели уже приблизились настолько, что «Аурига» принимала сигналы их передатчика непосредственно, без помощи ретранслятора «Лагранжа».

— «Селена», я Лоуренс. Мы будем над вами через десять минут. Как чувствуете себя?

Томительная пауза... Она затянулась почти на пять секунд, но вот наконец:

— Я «Селена». Без перемен.

И все. Пат Харрис берег дыхание.

— Десять минут,— сказал Спенсер.— Их должно быть уже видно. Есть что-нибудь на экране?

— Пока нет,— ответил Жюль, медленно ведя объективом вдоль пустынной дуги горизонта. Ничего, только кромешная тьма космической ночи... Эта Луна, сказал себе Жюль Брак, мучение для оператора. Либо черное, либо белое, мягких, нежных полутонов нет. Не говоря уже о вечной проблеме со звездами. Правда, это скорее вопрос эстетический, чем технический.

Зритель хочет и в дневное время видеть звезды на лунном небе, а ведь их обычно не видно: днем яркий солнечный свет ослабляет чувствительность глаз настолько, что небо кажется пустым, сплошь черным. Чтобы рассмотреть звезды, надо глядеть через бленду, отсекающую посторонний свет. Тогда зрачки постепенно расширятся, и в небе вспыхнут огоньки, один за другим, пока наконец не заполнят все поле зрения. А стоит перевести взгляд на что-нибудь другое, и — фью! — звезды пропали. Глаз человека может видеть одно из двух: либо дневные звезды, либо дневной ландшафт, но не то и другое вместе.

А вот телекамера способна видеть их одновременно, и многие режиссеры пользовались этим. Правда, другие называли это фальсификацией, да разве мало на свете задач, исключающих однозначный ответ? Жюль был на стороне «реалистов» и не включал звездное небо, пока его не просили об этом из студии.

С минуты на минуту последует команда с Земли. Он уже дал несколько кадров для «последних известий»: панораму Моря, крупным планом — одинокий шест, торчащий из лун-

ной пыли. А вскоре его камера может на много часов стать глазами миллиардов. Если не будет осечки, величайшая сенсация года обеспечена...

Он погладил спрятанный в кармане талисман. Жюль Брак, член Общества кино- и телеинженеров, обиделся бы на любого, кто обвинил бы его в суеверии. Но заставьте его объяснить, почему он ни за какие блага не согласится вынуть из кармана эту маленькую игрушку, пока не убедится, что кадры идут в эфир?

— Вот они! — крикнул Спенсер срывающимся голосом и опустил бинокль.— Возьми левей!

Жюль уже вел камерой вдоль горизонта. Безупречно ровная линия на экране видоискателя, разделяющая Море и космос, поломалась, из-за края Луны вынырнули две мерцающие звездочки. Это шли пылекаты.

Даже при самом большом фокусном расстоянии они казались очень маленькими и удаленными. Как раз то, что надо: Жюль хотел вызвать у зрителя ощущение пустоты и одиночества. Оператор взглянул на главный экран «Ауриги», настроенный на канал «Интерплэнет». Все в порядке, он в эфире.

Жюль Брак достал из кармана небольшую записную книжку и положил ее на камеру сверху. Поднял обложку, она остановилась почти вертикально, и ее внутренняя поверхность мгновенно ожила красками и движением. Одновременно комариный голосок сообщил ему, что идет специальная передача «Интерплэнет ньюс сервис», канал сто семь, «и мы сейчас перенесем вас на Луну».

Миниатюрный экран показал тот же кадр, что и видоискатель камеры. Впрочем, не тот же! Маленькая картинка отстает на две с половиной секунды; настолько ему дано заглянуть в прошлое. За два с половиной миллиона микросекунд — такими величинами оперируют электронные инженеры — произошло немало удивительных превращений. Камера подала изображение на передатчик «Ауриги», оттуда оно улетело за пятьдесят тысяч километров к «Лагранжу». Здесь его

выловили из космоса, усилили в несколько сот раз и направили в сторону Земли, на один из спутников-ретрансляторов. Дальше — вниз, через ионосферу (последние сто километров — наиболее трудные) в здание «Интерплэнет», где, собственно, начиналось самое интересное, когда картинка вливалась в непрерывный поток звуков, изображений и электрических импульсов, которые несли информацию и развлечения человечеству.

И вот, пройдя через руки режиссеров, создателей специальных эффектов, техников, картинка вернулась туда, откуда начала свой путь, вернулась, направленная на Эртсайд мощными передатчиками «Лагранжа-2» и на Фарсайд — антеннами «Лагранжа-1». Три четверти миллионов километров прошла она, чтобы одолеть миллиметры, разделяющие телекамеру Жюля от его карманного приемника.

«Стоит ли этот фокус всех вложенных в него трудов?» — спрашивал себя Жюль. Вопрос, который задают себе люди с тех самых пор, как было изобретено телевидение.

Лоуренс еще за пятнадцать километров приметил «Ауригу»; да и как не приметить — металл и пластик ярко сверкали под лучами солнца.

«Это что за чертовщина? — спросил он себя и сам же ответил: — Космический корабль». Ну да, ведь поговаривали о том, что какое-то агентство зафрахтовало ракету для полета в горы. Что ж, это их дело. Главный и сам подумывал, нельзя ли перебросить снаряжение в горы ракетой, чтобы избежать долгих перевозок по Морю. К сожалению, этот вариант отпал — до высоты пятисот метров не было ни одной площадки, пригодной для посадки космического корабля. Уступ, облюбованный Спенсером, находится слишком высоко, спасателям он не даст никакого выигрыша.

Главного инженера вовсе не радовало, что за каждым его движением будут следить длиннофокусные объективы. И ничего не поделаешь... Хотели установить камеру на пылекате, да он не дал, к великой радости «Интерплэнет ньюс» и крайнему огорчению остальных агентств (о чем Лоуренс, естественно, не мог знать). А вообще, если вдуматься, это даже неплохо, что поблизости есть корабль: будет дополнительный канал связи. Возможно, удастся извлечь из него и еще какую-нибудь пользу. Например, разместить людей в его отсеках, пока подвезут иглу.

Но где ориентир? Пора бы ему показаться! На миг Лоуренс с ужасом подумал, что щуп мог уйти в лунную пыль... Это не помешает им найти «Селену», но сейчас даже пятиминутная задержка может оказаться роковой.

И тотчас главный облегченно вздохнул: вот он, сразу и не разглядишь на фоне пылающих гор. Водитель уже обнаружил цель и подправил курс.

Пылекаты остановились по обе стороны щупа, и закипела работа. Как и было намечено, восемь человек в скафандрах принялись поспешно сгружать пустые цистерны и алюминиевые полосы. Вот уже цистерны схвачены легким каркасом, сверху настилают фиброгласовые плиты — появляется плот.

Никогда еще в истории Луны монтажные работы не пользовались таким вниманием. А все этот «глаз» на горе! Но восемь спасателей не думали о миллионах, которые пристально следили за ними. У них сейчас была одна забота: скорее собрать плот и установить направляющее приспособление для труб бурового снаряда.

Каждые пять минут, а то и чаще, Лоуренс вызывал «Селену», чтобы сообщить Пату и Мекензи о ходе работ. Он меньше всего думал о том, что весь мир, затаив дыхание, слушает его голос.

Наконец, всего через двадцать минут, буровой станок стал на место, и первая свеча, словно пятиметровый гарпун, нацелилась на Море. Но этот гарпун нес жизнь, а не смерть.

— Начали,— сказал Лоуренс в микрофон.— Первая свеча пошла.

— Поскорее,— прошептал Пат.— Долго не выдержу.

Он двигался словно в тумане. Самочувствие? Если не считать ноющей боли в легких, в общем-то, ничего. Вот только смертельная усталость... Пат Харрис превратился в робота, выполняющего задачу, смысл которой он давно успел забыть,

если только вообще когда-то помнил. В одной руке — разводной ключ. Несколько часов назад он достал его из инструментального ящика, зная, что ключ понадобится. Для чего? Может быть, когда настанет время, он вспомнит...

Слух Пата уловил бесконечно далекие голоса. Этот разговор явно не был предназначен для его ушей; кто-то забыл отключить волну «Селены».

— Надо было сделать так, чтобы бур отвинчивался отсюда. Вдруг у него не хватит сил?

— Ничего не поделаешь, приходится рисковать... Лишнее приспособление — это лишняя задержка, не меньше часа. Ну-ка подай...

Они выключились, но услышанного было достаточно, чтобы Пат рассердился — насколько может рассердиться человек в полубессознательном состоянии. Он им покажет... он и его друг, доктор Мек... Мек... как его там? Забыл, черт возьми.

Медленно повернувшись на вращающемся кресле, Пат скользнул взглядом вдоль сидений. Тела, тела... где же физик? А, вон он. Стоит на коленях подле миссис Уильямс.

Ученый прижимал кислородную маску к лицу спящей женщины, день рождения которой едва не пришелся на день ее смерти. Мекензи явно не сознавал, что характерный звук струящегося из баллона кислорода давно смолк и стрелка манометра стоит на нуле...

— Мы почти у цели,— сообщило радио.— Вот-вот услышите работу бура.

«Так скоро?» — подумал Пат. Хотя, конечно, тяжелая труба без труда должна была пронизать пыль. А он молодец, смекнул, в чем дело!..

Вам! Что-то ударило в крышу. Но в каком месте?

— Слышу,— прошептал он.— Вы дошли до нас.

— Знаем,— ответил голос.— Снаряд уперся. Теперь дело за вами. Вы можете сказать, в какую точку попал бур? Под

ним свободный участок или электропроводка? Мы сейчас несколько раз поднимем и опустим снаряд, слушайте.

Пат обозлился. С какой стати его заставляют решать такие сложные задачи!..

Стук, стук... Хоть убей (какое удачное выражение — но почему?), невозможно угадать, где именно стучит. А, ладно, терять нечего.

— Давайте,— буркнул он.— Путь открыт.

Пришлось повторить дважды, прежде чем его поняли. И тотчас — ишь ты, живо поворачиваются! — бур принялся сверлить обшивку.

Пат отчетливо слышал рокочущий звук, который был лучше любой музыки. Меньше чем за минуту бур прошел первый слой. Снаряд вдруг завертелся быстрее и сразу остановился — мотор выключили. Бурильщик опустил трубы на несколько сантиметров, бур коснулся внутреннего слоя и заработал снова.

Теперь звук стал намного громче, и Пат с замешательством понял, что сверлят рядом с главным кабелем, укрепленным в центре потолка. Если заденут...

Он медленно поднялся на ноги и побрел, шатаясь, на звук. И только дошел, вдруг с потолка посыпался сноп искр, электричество фыркнуло, свет погас.

К счастью, осталось аварийное освещение. И когда глаза Пата привыкли к тусклому красному сиянию, он увидел пронизавший потолок металлический цилиндр. Буровой снаряд медленно опустился в кабину на полметра и остановился.

За спиной Пата радио говорило что-то важное. Пока его мозг силился уловить смысл, руки наложили ключ на конец трубы.

— Не отворачивайте бур, пока мы не скажем,— твердил далекий голос.— Мы еще не установили обратный клапан, труба открыта в пустоту. Как только установим, скажем вам. Повторяю: не отворачивайте бур, пока мы не скажем!

Вот привязался! Пат без него знает, что делать. Надо только покрепче нажать ручку ключа — вот так,— отвернуть бур, и снова можно будет дышать!

Почему не подается?.. Пат нажал сильнее.

— Ради бога! — воскликнул радиоголос.— Не трогайте! Мы еще не готовы! Вы выпустите последний воздух из кабины!

«Сейчас, сейчас,— думал Пат, умышленно не замечая помеху.— Тут что-то не так... Винт можно вращать так... и так. Что, если я вместо того, чтобы отвертывать бур, только туже завинчиваю его?»

Сам черт не разберется. Он поглядел на свою правую руку, потом на левую. Все равно не понятно. (Хоть бы этот болтун заткнулся.) Ладно, попробуем в другую сторону, может быть, пойдет.

И Пат, держась за трубу одной рукой, степенно зашагал по кругу. Натолкнулся на ключ с другой стороны, ухватился за него обеими руками, чтобы не упасть, и застыл в таком положении, понурив голову. Надо чуточку передохнуть.

— Поднять перископ,— пробормотал Пат.

Что это означает? Он и сам не знал. Просто где-то слышал эти слова, и они показались ему подходящими к случаю.

Пат Харрис все еще размышлял над смыслом своей реплики, когда бур подался и стал отвинчиваться — легко, без малейшей задержки.

В пятнадцати метрах над ним главный инженер Лоуренс и его люди на миг оцепенели от ужаса. Случилось непредвиденное. Готовя операцию, они заранее представили себе все возможные осечки — кроме этой...

— Коулмен, Мацуи! — крикнул Лоуренс.— Бога ради, кислородный шланг скорей!

Но он уже знал, что они не успеют. Чтобы подключить кислород, нужно сделать еще два соединения. И оба с винтовой резьбой. Пустяк, который при других обстоятельствах

не играл бы совершенно никакой роли. Но сейчас от него зависела жизнь и смерть людей.

А Пат продолжал ходить по кругу, толкая ручку ключа. Все шло как по маслу, уже сантиметра два резьбы видно; еще несколько секунд, и бур слетит.

Ну, совсем чуть-чуть осталось! Все ясно: кислород врывается в кабину. Еще немного, и он сможет дышать как следует, и все будет в порядке!

Шипение сменилось зловещим свистом. Внезапно Пат усомнился — то ли он делает, что надо? Остановился... поглядел на ключ... задумчиво почесал затылок. Вроде все правильно... Вмешайся в этот миг радио, он, наверное, подчинился бы, но наверху уже потеряли надежду вразумить его.

Ладно, продолжим. (Сто лет такого похмелья не было!) Пат навалился на ключ — и упал ничком на пол: резьба кончилась, бур сорвался.

Оглушительный вой потряс кабину, могучая струя воздуха подхватила и закружила листки бумаги. От холода сгустился пар, кабина наполнилась мглой. Пат повернулся на спину, но сквозь мглу он почти ничего не видел. И тут он понял наконец, что произошло.

Опытное ухо космонавта мгновенно распознало характерный звук. Дальше он действовал автоматически. Нужно найти что-нибудь плоское и закрыть отверстие — все, что угодно, было бы достаточно прочно.

В алом тумане, который уже редел, улетучиваясь в пустоту, Пат лихорадочно искал взглядом подходящий предмет. Громовой рев не прекращался; казалось невероятным, чтобы такая маленькая труба могла быть причиной столь мощного гула.

Пат карабкался через спящих товарищей, от кресла к креслу. Он уже потерял последнюю надежду — и вдруг увидел спасительный предмет! На полу, текстом вниз, лежала толстая раскрытая книга. Нехорошо так обращаться с книгами,

сказал себе Пат, но какое счастье, что на борту оказался неряха! Иначе он мог и не приметить ее.

Едва Пат приблизился к зловещему отверстию, которое высасывало жизнь из пылехода, как книгу буквально вырвало у него из рук. Подхваченная струей воздуха, она плотно закрыла трубу. Тотчас рев смолк, вихрь прекратился. Мгновение Пат стоял, качаясь, точно пьяный, потом ноги его подкосились, и он рухнул на пол.

В телевизионных передачах по-настоящему незабываемые кадры те, которые возникают неожиданно для всех, в том числе для операторов и комментаторов. Последние тридцать минут на плоту шла кипучая, но строго упорядоченная работа; вдруг точно произошло извержение!

Невероятно, но факт: из Моря Жажды словно вырвался гейзер. Жюль реагировал мгновенно. Объектив телекамеры тотчас поймал столб пара, взлетевшего к звездам (режиссер потребовал, чтобы они были видны). Кверху столб расширялся — странное бледное растение... или уменьшенное подобие грибовидного облака, которое на протяжении двух поколений вселяло страх в человечество.

Это длилось всего несколько секунд. Миллионы зрителей, оцепенев, глядели на экраны и дивились — как из безводного моря мог ударить фонтан? Внезапно гейзер опал и исчез так же беззвучно, как родился.

Спасатели тоже ничего не слышали, но, присоединяя неподатливый шланг, они чувствовали, как дрожит столб влажного воздуха. Даже если бы Пат не закрыл трубу, шланг рано или поздно удалось бы соединить с ней, сила струи была не так уж велика. Но это «поздно» могло стать «слишком поздно»... Или они уже?..

— «Селена»! «Селена»! — закричал Лоуренс.— Вы меня слышите?

Тишина. Передатчик пылехода молчал. Главный инженер не слышал даже обычных шумов, которые всегда улавливает чуткий микрофон.

— Соединение готово,— доложил Коулмен.— Включать кислород?

«Ни к чему, если Харрис ухитрился привинтить бур на место,— подумал Лоуренс.— Но может, он просто чем-нибудь заткнул трубу, и напор вышибет затычку?»

— Хорошо,— сказал он вслух.— Включайте, полное давление.

Бам! Притянутый вакуумом к трубе «Апельсин и яблоко» шлепнулся на пол, и из отверстия вниз устремилась струя газа, настолько холодного, что его путь можно было проследить по белым вихрям сгущающегося пара.

Минута, другая, третья... Опрокинутый гейзер гудел, но все оставалось по-прежнему. Наконец Пат Харрис зашевелился... попытался встать... струя кислорода сбила его с ног. И не то чтобы она была очень сильной, просто он был еще слабее.

Пат лежал, подставив лицо морозному ветерку и наслаждаясь бодрящим холодом. И дышал, дышал... Через несколько секунд он уже совсем очнулся (вот только голова раскалывается от боли) и припомнил все, что произошло за последние полчаса.

При мысли о том, как он отвинтил бур и сражался с потоком уходящего воздуха, Пат едва опять не потерял сознание. Но сейчас не время корить себя за оплошность; он жив, а это главное.

Подняв Мекензи, точно мягкую куклу, он отнес его к животворной струе. Ее напор заметно уменьшался по мере того, как давление внутри пылехода приближалось к нормальному. Еще несколько минут, и вихрь превратится в ветерок.

Физик очнулся сразу.

— Где я? — спросил он не очень оригинально, озираясь вокруг.— А! Они пробились к нам! Слава богу, можно дышать. Но что со светом?

— Не беспокойтесь, я живо налажу. Сперва нам нужно каждого поднести к трубе, чтобы они глотнули кислорода. Вы умеете делать искусственное дыхание?

— Никогда не пробовал.

— Это очень просто. Одну минуту, я только найду аптечку.

Пат взял дыхательный прибор и стал показывать его действие на ближайшем пассажире; это был Ирвинг Шастер.

— Отодвиньте язык, чтобы не мешал, просуньте трубку в горло... Теперь нажимайте вот эту грушу... медленнее. В ритме обычного дыхания. Ясно?

— Ясно, а долго надо качать?

— Пяти-шести глубоких вдохов, по-моему, достаточно. Нам ведь не надо их оживлять, только провентилировать легкие. Вы берете на себя носовую часть кабины, я — кормовую.

— Но у нас один аппарат.

Пат улыбнулся; улыбка получилась довольно бледной.

— Обойдемся,— сказал он, наклоняясь над следующим пациентом.

— Ах да,— произнес Мекензи,— я совсем забыл.

Пат вряд ли случайно подошел именно к Сью и, применяя старый, но достаточно действенный способ, принялся сам вдувать ей воздух в легкие через рот. Правда, он не стал задерживаться, как только убедился, что она дышит нормально.

Пат уже занимался третьим пациентом (это был мистер Редли), когда снова прозвучал отчаянный призыв радио.

— «Селена», «Селена», отвечайте!

Он почти мгновенно схватил микрофон:

— Я Харрис. Все в порядке. Делаем пассажирам искусственное дыхание. Больше говорить некогда, потом вызовем вас. Остаюсь на приеме. Расскажите, что делается у вас.

— Слава богу! Мы уже отчаялись! Вы нас здорово напугали, когда отвинтили бур.

Слушая голос главного, Пат подумал, что можно было и не напоминать ему об этом неприятном происшествии. Он и без того никогда в жизни не простит себе такого промаха. Хотя в конечном счете все обернулось к лучшему: бурная декомпрессия выкачала из «Селены» большую часть отравленного воздуха. Всего какая-то минута... А для того чтобы кабина такого объема потеряла весь воздух, труба диаметром четыре сантиметра должна проработать довольно долго.

— Теперь слушайте,— продолжал Лоуренс.— Учитывая ваш перегрев, мы охлаждаем кислород, конечно в меру. Скажите нам, как только станет слишком прохладно или сухо. Минут через пять — десять подадим вторую трубу. И получится замкнутая система с кондиционированием взамен вашей. Второе отверстие просверлим в кормовой части «Селены», вот только подвинем плот на несколько метров.

Пат и физик продолжали трудиться, пока не были провентилированы легкие всех пассажиров. Лишь после этого, предельно усталые, но довольные тем, что выдержали трудное испытание, они легли на пол и стали ждать, когда второй бур пронижет потолок.

Десять минут спустя они услышали стук в обшивку рядом с переходной камерой. Отвечая Лоуренсу, Пат успокоил его: потолок в этом месте свободен, бурильщики ничего не повредят.

— Можете не волноваться,— добавил он.— Я не трону бур, пока вы не скажете!

Стало несколько холодно, но он и Мекензи надели верхнюю одежду, а спящих пассажиров укутали одеялами. Можно было сообщить наверх, чтобы давали теплый воздух, но Пат решил, что лучше пусть будет похолоднее. Давно ли они чуть не испеклись? К тому же низкая температура может восстановить углекислотные поглотители «Селены».

Когда заработает вторая труба, они будут вполне застрахованы. С плота им подадут сколько угодно воздуха, да у самих

еще есть примерно суточный запас. Пусть даже их плен затянется, главная опасность миновала.

Разумеется, если Луна не подстроит какой-нибудь новой каверзы.

— Что ж, мистер Спенсер,— сказал капитан Ансон.— Похоже, у вас получится неплохая передача.

Последний час потребовал от Спенсера таких усилий, что он вымотался ничуть не меньше, чем спасатели на плоту в двух километрах под ним. Вот они средним планом на экране видоискателя. Отдыхают... Если можно отдыхать в космическом скафандре.

Пятеро из них, очевидно, решили поспать немного, избрав способ не совсем обычный, но, в общем-то, вполне разумный: они просто-напросто легли рядом с плотом, словно резиновые куклы, погрузившись наполовину в лунную пыль. Спенсер и не подозревал, что космический скафандр обладает достаточной плавучестью, чтобы не тонуть в этом веществе. Мало того что отдыхающая смена устроилась очень удобно — на плоту сразу стало просторнее и сподручнее работать.

Трое, не торопясь, проверяли и налаживали аппаратуру. Особенно строго они следили за угловатой махиной воздухоочистителя и подключенными к нему пузатыми баллонами.

Предельное фокусное расстояние позволяло показать все на экране телевизора, как с расстояния десяти метров, только что не видно стрелок приборов. Даже при среднем увеличении отчетливо различались две трубы, уходящие в толщу лунной пыли — к незримой «Селене».

Все мирно, спокойно — не то что час назад. И так будет, пока не доставят следующую партию снаряжения. Оба пылеката пошли обратно в Порт-Рорис; теперь там закипит работа. Инженеры и техники испытывают и монтируют оборудование, которое, как они надеются, проложит путь к «Селене». Чтобы все приготовить, нужно еще не менее суток. До

тех пор, если не произойдет ничего непредвиденного, Море Жажды будет безмятежно нежиться в лучах утреннего солнца. На новые кадры для телезрителей сейчас рассчитывать не приходится.

С расстояния полутора световых секунд в командную рубку «Ауриги» долетел голос режиссера:

— Славно поработали, Морис, Жюль. На всякий случай записываем изображение, но наш следующий выход в эфир не раньше выпуска последних известий в ноль шесть ноль-ноль.

— Какие отклики?

— Превосходно, блеск. И намечается еще интересный поворот. Все сумасбродные изобретатели, какие когда-либо пытались получить патент на новую скрепку, наперебой предлагают свои идеи. Мы выпустим несколько человек в шесть пятнадцать. Вот будет потеха!

— А что, глядишь, кто-нибудь из них и придумает что-нибудь дельное.

— Может быть, хотя вряд ли. Те, что потолковее, будут нас за сто километров обходить, когда увидят, как мы расправляемся с их коллегами.

— А что вы задумали?

— Все идеи будут рассматриваться вашим ученым другом доктором Лоусоном. Мы уже репетировали, он с них живьем шкуру снимет.

— Моим другом? — восстал Спенсер.— Да я с ним два раза встречался. При первой встрече извлек из него десять слов, во время второй он уснул у меня на руках.

— С тех пор он сделал большие успехи, хотите — верьте, хотите — нет. Да вы сами увидите через... через сорок пять минут.

— Мне не к спеху. К тому же меня сейчас занимает одно: что замышляет Лоуренс? Он уже выступил? Попробуйте добраться до него, пока затишье.

— Он страшно занят, отказывается отвечать. Похоже, инженеры вообще еще не решили, как действовать. Испытывают в Порт-Рорисе всевозможные варианты, собирают снаряжение со всей Луны. Мы вам сразу передадим, как только что-нибудь узнаем.

Морис Спенсер уже привык к этому парадоксу: часто репортер не видит общей картины, хотя бы он был в самой гуще событий. Он толкнул снежный ком — дальше лавина катится независимо от него. Конечно, Спенсер и Жюль поставляют самые важные кадры, но в целом подачу материала определяют информационные центры на Земле и в Клавии. Хоть бросай Жюля и мчись в штаб.

Разумеется, это невозможно. Да если бы ему и удалось, он очень скоро пожалел бы об этом. Морис Спенсер чувствовал: это не только вершина его карьеры, но и поворотный пункт. Не быть ему больше спецкором; он сам себя обрек на какой-нибудь руководящий пост. Хорошо еще, если ограничатся тем, что посадят его в уютное кресло перед батареей мониторов в телестудии Клавия.

На борту «Селены» по-прежнему царила тишина, но тишина спальни, а не покойницкой. Скоро спящие начнут просыпаться, для них наступит день, дожить до которого они уже не надеялись.

С трудом сохраняя равновесие, Пат Харрис стоял на спинке кресла и исправлял поврежденный кабель. Слава богу, что бур попал в эту точку. Пять миллиметров левее, и замолкло бы радио; тогда все оказалось бы куда сложнее.

— Включите третий рубильник, доктор,— попросил он, сматывая изоляционную ленту.— Как будто все в порядке.

Вспыхнули лампы главного освещения, ослепительно яркие после алого аварийного света. И в тот же миг что-то взорвалось, да так неожиданно, что Пат от испуга сорвался со своей ненадежной опоры. Прежде чем его ноги коснулись пола, он уже сообразил: кто-то чихнул... Кажется, он перестарался, охлаждая кабину.

Интересно, кто очнется первый? Хорошо, если Сью — можно будет поговорить без помех. Данкена Мекензи он не стеснялся; правда, Сью может рассудить иначе.

Кто-то зашевелился под одеялом. Пат поспешил на помощь, но вдруг остановился и горестно вздохнул. Увы, всякому везению есть предел, и капитан должен выполнять свои обязанности. Пат нагнулся над щуплой фигурой, силящейся подняться на ноги, и заботливо произнес:

— Как самочувствие, мисс Морли?

Попасть в лапы телевидения было для доктора Лоусона и полезно, и вредно. Став телезвездой, он обрел уверенность в себе; оказалось, что мир, который Том Лоусон упорно презирал, нуждается в его знаниях и талантах. (Том не думал о том, что его могут снова забыть очень скоро — едва кончится происшествие с «Селеной».) У него появился случай доказать свою искреннюю преданность астрономии; в обществе одних только астрономов она как-то блекла. И разумеется, доктор Лоусон был рад хорошему гонорару.

Но программа, в которой он участвовал, была словно нарочно составлена так, чтобы подтвердить давнее убеждение Тома, что большинство людей либо негодяи, либо глупцы. И трудно винить агентство «Интерплэнет ньюс», не устоявшее против соблазна заполнить удачным номером долгую паузу, когда на плоту не происходило ничего существенного.

То, что Лоусон находился на Луне, а его жертвы — на Земле, техников не смущало; эта задача была давным-давно решена телевидением. Все равно программу нельзя было передавать прямо в эфир: ее записывали на ленту и вырезали паузы — те самые две с половиной секунды, которые требовались радиоволнам на путь до Луны и обратно. Участников передачи это, конечно, не выручало, но зритель, просматривая обработанную искусным редактором ленту, не ощущал никакого неудобства от того, что действующие лица были разделены расстоянием около четырехсот тысяч километров.

В числе слушателей был и главный инженер Лоуренс. Он удобно лежал на поверхности Моря Жажды, глядя в пустынное небо. Впервые за много часов выдалась передышка, но мысли роились в голове, не позволяя уснуть. Не говоря уже о том, что Лоуренс просто не мог спать в скафандре. Да и не нужно это: первые иглу уже в пути из Порт-Рориса. Как только их доставят, он устроится с удобствами, которые и заслужены, и необходимы.

Что бы ни говорили изготовители, больше суток в скафандре не проработаешь с полной отдачей. Причин много, и все

они более или менее очевидные. Взять хоть эту отвратительную «космическую чесотку», которая поражает поясницу — и другие места — после суточного заточения в гермокостюме. Врачи уверяют, что это чисто психологическое, и многие космические эскулапы героически носили скафандр по неделям и больше, чтобы доказать это. Увы, их пример не помог искоренить недуг...

Космические скафандры породили свой фольклор, обширный и многоликий, не всегда пристойный, с особой терминологией. Никто не знает точно, почему одна знаменитая модель семидесятых годов была названа «Железной Девой», но любой космонавт охотно объяснит, за что выпущенная в 2010 году «Модель XIV» получила имя «Камеры пыток». Иное дело, что не всякий поверит, будто скафандр был создан женщиной-инженером с садистскими наклонностями, которая вознамерилась жестоко отомстить противоположному полу.

Пока что Лоуренс чувствовал себя совсем неплохо. Радио доносило голоса воинствующих дилетантов, вдохновенно излагающих свои идеи. Что ж, возможно (хотя и маловероятно), кто-нибудь из этих необузданных мыслителей и придумает что-нибудь толковое. На памяти главного такие вещи случались, и он был готов слушать предложения более терпеливо, чем доктор Лоусон, который явно никогда не научится снисходительно относиться к дуракам.

Том Лоусон только что разгромил инженера-любителя с Сицилии, предложившего разогнать пыль с помощью соответственно размещенных реактивных авиадвигателей. Типичный случай: теоретически в этом проекте как будто нет пороков, однако подойди к нему с практической стороны — и все рушится. Пыль можно разогнать, но для этого нужен неограниченный приток воздуха. Пока доводы речистого итальянца переводили на английский язык, Лоусон быстро сделал расчеты.

— По моим подсчетам, синьор Гузальди,— сказал он,— чтобы воздушной струей вырыть шахту нужного диаметра,

надо подавать не меньше пяти тысяч тонн воздуха в минуту. Такого количества к месту работ не доставишь.

— Э, можно собирать использованный воздух и снова пускать его в дело!

— Благодарю вас, синьор Гузальи,— вмешался решительный голос ведущего.— Следующий — мистер Робертсон из Лондона, провинция Онтарио. В чем заключается ваш план, мистер Робертсон?

— Я предлагаю замораживание.

— Постойте,— возразил Лоусон,— как можно заморозить пыль?

— Сперва пропитать ее водой. Затем опустить рефрижераторные трубы и все превратить в лед. Получится твердая масса, которую легко будет бурить.

— Интересная мысль,— как-то неохотно признался Лоусон.— Во всяком случае, не такая вздорная, как некоторые предыдущие. Но для этого нужно очень много воды. Не забудьте, пылеход лежит на глубине пятнадцати метров...

— Сколько это будет в футах? — спросил канадец тоном, который тотчас выдавал в нем несгибаемого представителя антиметрической школы.

— Пятьдесят, и я уверен, что вам это известно так же хорошо, как мне. Диаметр ствола должен быть не меньше метра — по-вашему, ярд. Так, округляем: пятнадцать на десять в квадрате, на десять и... словом, пятнадцать тонн воды. Это если исключить утечку, на деле понадобится несравненно больше, возможно около ста тонн. Как вы думаете, сколько будет весить морозильная установка со всем снаряжением?

А он совсем неплохо справляется! Не в пример большинству знакомых Лоуренсу ученых, Лоусон сразу схватывал практическую суть и к тому же быстро считал. Обычно, когда астроному или физику нужно быстро сделать расчет, они при первой попытке ошибаются на десятки, если не на сотни. Насколько Лоуренс мог судить, у Тома Лоусона сразу получался верный ответ.

Канадский энтузиаст замораживания все еще отстаивал свою идею, но его выключили, чтобы передать слово одному жителю Африки, который предлагал прямо противоположное средство — тепло. Установить огромное вогнутое зеркало, фокусировать солнечные лучи на поверхности лунной пыли и сплавить ее в компактную массу...

Чувствовалось, что Лоусон с трудом держит себя в руках. Сторонник солнечной плавки оказался одним из упрямых знатоков-самоучек, которые слишком уверены в непогрешимости своих расчетов. Спор разгорелся нешуточный, но тут в ушах главного инженера прозвучал громкий голос:

— Пылекаты идут, мистер Лоуренс.

Главный перевернулся и сел, потом вскарабкался на плот. Если пылекаты уже видно, значит, они совсем близко. Так и есть, вот «Пылекат-2» и с ним «Пылекат-3», совершивший трудное путешествие с Озера Жажды на Фарсайде. Поход, который сам по себе был настоящим подвигом. Но об этом подвиге знает только горстка людей.

Каждый пылекат тащил на буксире по двое саней. Вот они подошли к плоту, и тотчас спасатели начали сгружать большой ящик, в котором лежало иглу. Лоуренс всегда с интересом смотрел, когда надували иглу, но теперь он особенно нетерпеливо ждал конца этой процедуры. (Ну конечно, только космической чесотки ему не хватало!..) Все делалось автоматически: сорвать печать, нажать два раздельных рычага — страховка от непроизвольного включения — и ждать.

Ожидание не затянулось. Ящик распался, и показалась тщательно сложенная серебристая ткань, которая шевелилась, словно живое существо. Однажды Лоуренс наблюдал, как, постепенно расправляя крылья, из куколки выходила бабочка. Ну в точности!.. Правда, бабочке потребовалось около часа, чтобы явиться во всем своем великолепии; иглу устанавливали за три минуты.

Насос толчками подавал воздух, и оболочка дергалась, все больше раздуваясь. Вот уже около метра в высоту, теперь

растет скорее вширь... Дошла до шва и снова тянется вверх. Резкое движение — расправилась переходная камера. И все это в полной тишине, хотя казалось, что должно быть слышно натужное сопение и пыхтение.

Осталось совсем немного... Вот теперь видно, насколько метко название «иглу». Конечно, снежные домики защищали эскимосов от совсем другой (хотя и не менее враждебной человеку) среды, но форма была такая же. Сходство задач повлекло за собой и сходство конструкции.

«Отделка» занимала гораздо больше времени, чем установка иглу. Все — койки, кресла, столы, шкафы, электронные аппараты — надо было вносить через переходную камеру. Некоторые предметы покрупнее входили еле-еле, но входили!

Наконец радио донесло:

— Добро пожаловать!

Лоуренс не стал медлить. Он начал расстегивать скафандр еще во внешнем отсеке двухступенчатой камеры перепада и, как только услышал в сгущающейся атмосфере голоса из внутреннего помещения, снял гермошлем.

Хорошо!.. Можно нагнуться, повернуться, почесаться, двигаться без помех, по-человечески говорить со своими товарищами. В тесной душевой вода смыла с него все запахи скафандра; теперь пора и за работу. Надев шорты (в иглу одевались легко), он сел за стол, чтобы посовещаться со своими помощниками.

Большая часть заказанных им предметов прибыла в этот заход, остальное через несколько часов доставит «Пылекат-2». Пробегая глазами списки, Лоуренс почувствовал себя хозяином положения. Кислород им обеспечен, если только не будет какого-нибудь нового срыва. Правда, на исходе вода, но это легко поправить. Несколько сложнее будет с едой, а впрочем, достаточно придумать подходящую упаковку. Кстати, управление столовых уже прислало шоколад, сушеное мясо, сыр и даже тонкие французские булочки — все уложено в

цилиндры шириной три сантиметра. Сейчас их отправят вниз по трубам, и пассажиры сразу воспрянут духом.

Но все это было не столь важно; главное — рекомендации его «мозгового треста», воплощенные в дюжине чертежей и лаконичном меморандуме на шести страницах. Лоуренс читал очень внимательно, время от времени кивая. Собственно, он и сам уже пришел к тому же выводу. Другого пути просто нет.

Пассажиров можно спасти, но «Селена» совершила свое последнее путешествие.

Похоже было, что вихрь, который вырвался через трубу из «Селены», унес с собой не только застоявшийся воздух. Вспоминая первые часы после катастрофы, коммодор Ханстен мысленно отметил, что, когда прошел первоначальный шок, на корабле временами царило какое-то взвинченное, даже несколько истерическое настроение. В своих стараниях поднять дух они порой перехлестывали, сбиваясь на нарочитое веселье и чуть ли не детские потехи.

Теперь это позади, и нетрудно понять почему. Дело не только в том, что спасатели близко: встреча лицом к лицу со смертью изменяет человека. Трусость и себялюбие осыпались, как окалина; пришла спокойная твердость духа.

Все это было знакомо Ханстену. Он много раз наблюдал то же самое, когда экипажи космических кораблей попадали в трудные переделки в далеких далях Солнечной системы. Коммодор от природы не был расположен философствовать, однако в космосе оставалось достаточно времени для раздумий. Иногда Ханстен спрашивал себя, не потому ли человек ищет опасностей, чтобы через них прийти к сплоченности и товариществу, к которым он — пусть неосознанно — так стремится?

Жаль расставаться со всеми этими людьми. Даже с мисс Морли, которая вдруг стала обходительной и тактичной, в меру своих сил...

Коммодор был настолько уверен в успехе спасательной операции, что уже думал о предстоящем расставании. Конечно, всякое может случиться, и все-таки, похоже, они застрахованы от неожиданностей. Как именно главный инженер Лоуренс будет извлекать их на поверхность — пока неизвестно, но он, несомненно, это сделает. Опасность миновала, остались только неудобства, которые вполне можно вынести.

О каких-либо лишениях не приходится говорить с тех пор, как по трубам вниз посыпались цилиндры с продовольствием. Конечно, им и без того не грозила голодная смерть, но стол был несколько однообразен, а воды и вовсе не хватало.

Теперь-то все цистерны полны, сотни литров в запасе.

Странно, что осмотрительный и дальновидный коммодор Ханстен ни разу не спросил себя, куда подевалась вся вода из цистерн «Селены». Разумеется, голова его была занята более неотложными делами. И все-таки он должен был насторожиться, уж очень много воды им накачали сверху. Коммодор задумался над этим только тогда, когда было уже поздно.

Не меньше его были повинны в недосмотре Пат Харрис и главный инженер Лоуренс. Блестящий план, отличное выполнение, и всего лишь одна трещина. А больше и не надо...

Инженерный отдел Эртсайда продолжал работать вовсю, но отчаянная гонка с часовой стрелкой прекратилась. Теперь время позволяло изготовить макеты пылехода, погрузить их в Море у Порт-Рориса и испытать разные решения завершающей операции. Советы — разумные и прочие — продолжали сыпаться со всех сторон, но на них никто не обращал внимания. Способ определен, и никаких поправок не будет, если не случится ничего неожиданного.

Через двадцать четыре часа после установки иглу приспособления были изготовлены и доставлены на место. Да, рекорд, но Лоуренс от души мечтал, что ему никогда не понадобится его превышать, как ни гордился он людьми, которые совершили этот подвиг. Инженерный отдел редко пожинал

заслуженные лавры, его усилия воспринимались как должное — как воздух, который подавали те же инженеры.

Теперь, когда все пошло на лад, Лоуренс ничуть не возражал против того, чтобы выступить, и Морис Спенсер был только рад ему помочь. Он давно ждал этого случая.

Кстати, если ему не изменяла память, впервые телевизионную камеру и интервьюируемого разделяло пять километров. При таком огромном увеличении картинка, понятно, слегка расплывалась, и малейшие толчки заставляли ее плясать на экране. Поэтому все на борту старались не шевелиться, а приборы и аппараты — кроме самых необходимых — были выключены.

Главный инженер Лоуренс стоял в скафандре на краю плота, опираясь на небольшой подъемный кран. Под стрелой крана висел широкий, открытый с обеих сторон бетонный цилиндр — первая секция колодца, который должен был пронизать лунную пыль.

— Мы все обдумали и решили, что это будет лучший способ,— сказал Лоуренс далекой телекамере (хотя слова его были в первую очередь обращены к людям, погребенным на глубине пятнадцати метров под плотом).— Этот цилиндр называется кессоном. Под действием собственного веса он легко погрузится в пыль, заостренная нижняя кромка войдет в нее, как нож в масло. Составим несколько секций и так доберемся до пылехода. Когда нижняя секция станет на его крышу, можно выбирать пыль, соединение будет достаточно плотным. И получится как бы колодец, шахта, которая соединит нас с «Селеной». Но это еще только половина дела. Потом надо накрыть колодец одним из наших герметических иглу, чтобы можно было пробивать крышу пылехода, не опасаясь потери воздуха. Думаю... надеюсь, что все это будет не так уж трудно.

Он помедлил, спрашивая себя, касаться ли других подробностей, которые делают операцию гораздо сложнее, чем она кажется на первый взгляд. Да нет, не стоит: кто в этом разби-

рается, сам поймет, а остальным это ни к чему, подумают, что он набивает себе цену. Пока все идет хорошо, незримые наблюдатели (по сведениям начальника «Лунтуриста», за ними сейчас следит около полумиллиарда телезрителей) его не смущают. Если же что-нибудь не заладится...

Главный поднял руку, сигнал крановщику.

— Майна!

Четырехметровый цилиндр начал медленно уходить в пыль; вот погрузился совсем, только самый край остался над поверхностью. Так, первая секция есть... Хоть бы и остальные оказались столь же послушными.

Один из спасателей осторожно прошел с уровнем в руках по ободу, проверяя, нет ли перекоса. Он поднял кверху большой палец. Лоуренс ответил ему тем же. Когда-то он не хуже любого монтажника владел языком жестов; умение в их профессии достаточно важное, так как радио могло подвести, к тому же каналы связи чаще всего были заняты более важными задачами.

— Приготовить вторую! — распорядился главный инженер.

Это будет уже посложнее: удерживать первую секцию неподвижно и присоединить к ней вторую так, чтобы не сбить наладку. По чести говоря, для такой работы нужно два крана... Ладно, рама из двутавровых балок, прилаженная над самой поверхностью Моря, примет на себя часть нагрузки.

«Теперь только бы не промахнуться!» — мысленно взмолился главный инженер.

Вторая секция оторвалась от саней, которые доставили ее из Порт-Рориса; три техника вручную выровняли бетонное кольцо, и оно повисло строго вертикально. Вот когда надо было помнить о разнице между массой и весом. Как ни мало весил качающийся цилиндр, его инерция была той же, что на Земле, и он мог расплющить зазевавшегося человека. Бросалось в глаза замедленное движение этой подвешенной массы. На Луне скорость качания маятника наполовину мень-

ше, чем на Земле. Привыкнуть к этому неуроженцу Луны было почти невозможно.

Но вот вторая секция легла на первую, соединение готово, и Лоуренс снова командует: «Майна!»

Сопротивление возросло, однако кессон под собственной тяжестью плавно ушел в пыль.

— Восемь метров есть,— сказал Лоуренс.— Уже больше половины. Давайте третью секцию.

Потом пойдет четвертая — и все. Правда, он на всякий случай заказал запасную секцию. Способность Моря Жажды поглощать арматуру внушала ему тревогу. Пока пропало лишь несколько болтов и гаек, но если с крана сорвется бетонное кольцо, оно мигом утонет. Пусть даже неглубоко (например, упадет боком) — и двух метров достаточно, можно считать эту секцию пропавшей. Спасать спасательное снаряжение некогда.

Третья секция погрузилась в пыль заметно медленнее. Ничего, лишь бы шла. Еще несколько минут, и они упрутся в крышу пылехода.

— Двенадцать метров,— внятно произнес Лоуренс.— «Селена», мы всего в трех метрах от вас, вы вот-вот нас услышите.

Они услышали. И насколько легче сразу стало на душе! Еще за десять минут до того Ханстен приметил, как кислородная труба подрагивает, соприкасаясь с опускаемым кессоном. Сразу было видно, когда кессон останавливался, а когда двигался снова.

Опять толчок, и одновременно с потолка посыпалась пыль. Трубы, по которым подавался воздух, торчали вниз сантиметров на двадцать, швы Пат обмазал быстросхватывающимся цементом, который входил в аварийное снаряжение любого космического корабля. Видимо, эта замазка теперь ослабла. Но мельчайший пылевой дождь, сочившийся

сквозь щели, был слишком слаб, чтобы вызвать тревогу. Все-таки Ханстен решил обратить на него внимание капитана.

— Странно,— заметил Пат, глядя на конец трубы.— Этот цемент ничего не должен пропускать...

Он вскарабкался на кресло и тщательно осмотрел шов. Минуту помолчал, потом соскочил на пол. Пат был явно озабочен.

— В чем дело? — тихо спросил Ханстен.

Коммодор уже достаточно изучил Пата, он сразу понял, что случилось неладное.

— Труба ползет вверх,— ответил капитан.— На плоту кто-то работает очень небрежно. Ушла на целый сантиметр с тех пор, как я замазывал шов.

Вдруг он побледнел.

— Боже мой,— прошептал Пат.— А вдруг дело в нас, вдруг мы продолжаем погружаться?

— Что тогда? — спокойно спросил коммодор.— Ничего удивительного, если пыль сжимается под нашим весом. Это еще не означает, что нам грозит опасность. Судя по этой трубе, мы за двадцать четыре часа погрузились на один сантиметр. Понадобится, нарастят сверху.

Пат сконфуженно рассмеялся:

— Ну да, так и есть. И как я сам не догадался! Наверное, мы все время медленно оседаем, просто до сих пор не было случая убедиться в этом. Ладно, я все-таки доложу мистеру Лоуренсу, это может повлиять на его расчеты.

Пат Харрис повернулся, чтобы идти в носовую часть кабины. Он не сделал и двух шагов.

Миллион лет понадобился природе, чтобы устроить ловушку, в которую попала «Селена». А второй раз судно само себе вырыло яму.

Конструкторам незачем было предельно облегчать пылеход, тем более что путешествия длились всего несколько часов. Поэтому они не снабдили «Селену» хитроумным, хотя и не очень афишируемым устройством, которое позволяет космическим кораблям пускать в повторный обиход использованную воду. Здесь не было нужды беречь каждую каплю, и все, что попадало в канализацию, пылеход просто-напросто выбрасывал за борт.

За последние пять суток в окружающую среду ушла не одна сотня килограммов влаги и испарений. Жадно поглощая воду, лунная пыль у выбросных отверстий намокла и стала жидкой грязью. Влага пронизала весь прилегающий участок Моря; медленно и неприметно пылеход размыл свое ложе. Слабый толчок опущенного сверху кессона довершил дело.

Первым признаком, по которому на плоту догадались, что произошла катастрофа, был прерывистый свет красной лампочки на воздухоочистителе. Одновременно в шлемофонах спасателей на всех каналах завыла радиосирена. Вой смолк, едва дежурный техник нажал кнопку выключателя, но красная лампочка продолжала мигать.

Лоуренс тотчас понял причину тревоги, едва взглянул на приборы. Соединение воздухопровода — обеих труб — с «Се-

леной» нарушено, очиститель по одной трубе гонит кислород прямо в Море, а через вторую (вот незадача!) сосет пыль. «Что будет с фильтрами?» — спросил себя главный, но тут же оставил эту мысль и принялся вызывать пылеход.

«Селена» молчала. Он перебрал все рабочие волны, но не мог уловить даже шороха несущей частоты. Море Жажды было непроницаемо как для звуков, так и для радиоволн.

«Погибли,— мысленно заключил главный,— конец. Еще бы чуть, и спасли. Не вышло. Всего часа не дотянули!»

Что же могло произойти? Может быть, корпус не выдержал веса пыли? Вряд ли. Внутреннее давление воздуха достаточно велико, чтобы противостоять нагрузке извне. Значит, новое оседание. Кажется, он даже ощутил легкий толчок. Главный инженер с самого начала опасался нового обвала, но не знал, как отвратить угрозу. Они пошли на риск — и «Селена» проиграла...

Пат Харрис сразу, как только «Селена» сдвинулась, почувствовал, что это оседание совсем не похоже на первый обвал. Оно происходило намного медленнее, и снаружи что-то скрипело и сипело. Даже в такую отчаянную минуту Пат не мог не удивиться: как может пыль издавать такие звуки?..

Трубы уходили вверх, уходили рывками, потому что корма погружалась быстрее и судно заметно накренилось. Затрещал фиберглас, и задняя труба вырвалась из отверстия в потолке по соседству с переходной камерой. Мгновенно струя пыли хлынула вниз, ударилась о пол и расплылась в воздухе легким облачком.

Коммодор Ханстен стоял ближе всех к отверстию и первым подскочил к нему. Сорвав с себя рубашку, он мигом свернул ее комом и сунул затычку в дыру. Пыль не унималась, сочилась в щели, но и коммодор не сдавался. Он почти справился с ней, когда выскользнула труба в носовой части. Тотчас погас главный свет — снова порвался кабель...

— Я управлюсь здесь! — крикнул Пат.

Он тоже остался без рубашки и вступил в поединок с лунной пылью.

Пат Харрис десятки раз выходил в Море Жажды, но никогда еще ему не доводилось осязать его. Серая пудра проникала в нос, засыпала глаза, наполовину задушив и совершенно ослепив капитана. И хотя она была сухая, как прах из склепа фараона (даже суше, ведь Море в миллион раз старше любой пирамиды!), на ощупь лунная пыль оказалась скользкой, как мыло. Пат поймал себя на мысли, что быть похороненным заживо, наверное, хуже, чем утонуть... Но вот фонтан превратился в тонкую струйку, и он понял, что на этот раз страшная участь его миновала. Благодаря слабому лунному тяготению пятнадцатиметровый столб пыли давил не так уж сильно. Впрочем, будь отверстия в потолке намного шире, еще неизвестно, чем бы все это кончилось.

Отряхнув пыль с головы и плеч, Пат осторожно открыл глаза. Ничего, зрение в порядке. Хорошо, что аварийное освещение не подвело. Не очень-то яркий свет, но все-таки лучше, чем ничего. Коммодор уже законопатил щель и теперь спокойно брызгал водой из бумажного стакана, чтобы осадить пыль. Способ оказался очень действенным, и серые облака быстро превратились в лужицы грязи на полу.

Подняв голову, Ханстен поймал взгляд Пата.

— Ну, капитан,— заговорил он.— Ваше мнение?

Олимпийское самообладание! Это самообладание может вывести человека из себя, подумал Пат. Хоть бы раз увидеть коммодора растерянным! Нет, вздор, это в нем зависть говорит, даже ревность, вполне понятная, но не достойная Пата. Он пристыдил себя.

— Не представляю, что произошло,— ответил он.— Может быть, сверху нам скажут?

Корабль наклонился под углом тридцать градусов, и к месту водителя надо было идти в гору. Садясь перед радиостан-

цией, Пат вдруг ощутил тупое отчаяние, какого не испытывал со времени рокового обвала. Такое чувство, словно все боги обратились против них и дальше сражаться нет смысла.

Он окончательно уверился в этом, когда попытался включить радиостанцию и обнаружил, что она не работает. Нет тока, злополучная труба потрудилась на славу...

Пат медленно повернулся в кресле. Двадцать один человек пытливо смотрели на капитана: что он скажет? Из них двадцать сейчас не существовали для него. Пат видел только лицо Сью, ее глаза. Озабоченный, напряженный взгляд, но даже теперь без страха. И отчаяние прошло, его вытеснил приток сил и надежды.

— Честное слово, не знаю, что случилось,— сказал он.— Но в одном я уверен: мы еще не пропали, до этого далеко, сто световых лет. Даже если погрузимся еще немного, ничего страшного нет, наши товарищи на плоту скоро опять нащупают нас. Небольшая отсрочка, и только. Тревожиться нечего.

— Я не хочу показаться паникером, капитан,— заговорил Баррет,— но если плот тоже затонул? Что тогда?

— Это мы проверим, как только я налажу радиоконтакт,— ответил Пат, сумрачно глядя на болтающиеся под потолком провода.— И пока я не распутаю эту вермишель, придется нам обходиться аварийным освещением.

— Я не возражаю,— заметила миссис Шастер.— По-моему, так очень мило.

«Спасибо тебе, добрая душа»,— мысленно произнес Пат. Он быстро обвел взглядом остальных. При таком свете трудно разглядеть выражение лиц, но как будто все спокойны...

Спокойствие длилось ровно минуту — больше не понадобилось, чтобы убедиться: ни радио, ни света не починить. Провода вырвало из защитной трубки, и нет нужного инструмента.

— Это уже хуже,— заключил Пат.— Мы ничего не можем им сказать, пока сверху к нам не спустят микрофон.

— А это значит,— подхватил Баррет, явно склонный подмечать самые мрачные стороны,— что они не могут сообщаться с нами. Будут недоумевать, почему мы не отвечаем. Еще решат, что мы погибли, и прекратят спасательную операцию!..

Эта мысль уже приходила в голову Пату, но он тотчас изгнал ее.

— Вы слышали главного инженера Лоуренса,— сказал он.— Главный — не такой человек, чтобы сдаться, пока есть хоть малейшая надежда. На этот счет можно не беспокоиться.

— Как с воздухом? — озабоченно спросил профессор Джаяварден.— Ведь мы опять зависим от собственных ресурсов.

— Очистители снова работают, так что теперь его хватит на много часов,— ответил Пат.— К тому же нам скоро опять подадут трубы.— Он надеялся, что голос его звучит достаточно уверенно.— Наберемся терпения и придумаем себе занятие. Три дня выдержали, как-нибудь выдержим еще час-другой.

Он поглядел вдоль рядов, проверяя, есть ли несогласные. И увидел, что один из пассажиров медленно поднимается на ноги. Это был тихий щуплый мистер Редли, который с начала путешествия и десяти слов не сказал.

Пат по-прежнему знал о нем лишь то, что он бухгалтер, родом из Новой Зеландии, единственной страны на Земле, которая из-за своего географического положения еще осталась в какой-то мере обособленной. Разумеется, попасть туда так же просто, как в любую иную точку земного шара, но Новая Зеландия — конечная станция, не промежуточная остановка на большой магистрали. И новозеландцы продолжали гордо оберегать свою индивидуальность. Не без основания они утверждали, что сумели спасти остатки английской культуры, после того как Атлантическое сообщество поглотило Британские острова.

— Вы хотите что-то сказать, мистер Редли? — спросил Пат.

Редли посмотрел вокруг взглядом учителя, который собирается обратиться к своему классу.

— Да, капитан,— начал он,— я должен сделать признание. Боюсь, во всем, что произошло с нами, виноват я.

Когда главный инженер Лоуренс прервал свой репортаж, понадобилось всего две секунды, чтобы Земля узнала о новой беде; до Марса и Венеры весть дошла через несколько минут. Но что именно случилось? По изображению на экране телевизора не понять... Сперва люди на плоту заметались, забегали, потом переполох как будто кончился, и фигуры в скафандрах сбились в кучу. Видимо, шло совещание. Но работала только внутренняя связь, и зрители не слышали ни слова. Ужасно было наблюдать этот немой разговор, не зная, о чем идет речь.

Пока тянулись долгие томительные минуты неизвестности и студия пыталась выяснить, что происходит, Жюль Брак старался выбрать хороший кадр — вовсе не простое дело, когда сцена статична, а ты привязан к одной, пусть даже самой удачной, точке. Как и все операторы, Жюль терпеть не мог стоять на месте. Такая скованность действовала ему на нервы. Он даже спросил, нельзя ли перелететь на другое место, и услышал в ответ от капитана Ансона:

— Черта с два стану я прыгать взад-вперед по этим горам. Это космический корабль, а не... не серна.

Панорамы да наезды — вот и все приемы, которыми мог пользоваться Жюль, да и то в меру: ничто не раздражает зрителя так, как стремительные скачки взад-вперед в космосе или быстрый наплыв, когда изображение словно взрывается прямо в лицо. Трансфокатор позволял Жюлю «мчаться» по Луне со скоростью пятидесяти тысяч километров в час. От такой гонки хоть кого замутит...

Наконец немая летучка закончилась; спасатели отключили свои телефоны. Может быть, теперь Лоуренс ответит на радиовызовы, которые сыпались на него последние пять минут?

— Господи! — воскликнул Спенсер.— Вы видите? Это что же такое?!

— Вижу,— отозвался капитан Ансон.— Просто невероятно! Похоже, они уходят...

Пылекаты с людьми устремились прочь от плота, словно шлюпки от тонущего корабля.

Пожалуй, только хорошо, что связь с «Селеной» прервалась: вряд ли пассажиров ободрило бы известие о том, что пылекаты отступили. Впрочем, в этот миг на судне о спасателях вообще не думали — всех привлек неожиданный выход Редли на тускло освещенную сцену.

— Как это понимать: вы во всем виноваты? — Пат нарушил напряженную тишину, пока что только напряженную, без тени враждебности, так как никто не принял всерьез слова новозеландца.

— Это долгая история, капитан.— Редли говорил совсем бесстрастно, но были в его голосе какие-то странные нотки, которых Пат не мог определить. Казалось, они слышат речь робота; у Пата поползли мурашки по спине.— Я не хочу сказать, что намеренно вызвал беду,— продолжал Редли.— Но, боюсь, она не случайна, и я очень жалею, что втянул в это вас. Понимаете, они преследуют меня.

«Только этого нам не хватало,— подумал Пат.— Все, все обращается против нас! В нашей маленькой компании есть истеричная старая дева, есть наркоман, теперь вот сумасшедший объявился. Что еще на нас свалится, прежде чем наступит конец?»

Но он тут же сказал себе, что несправедлив. По правде говоря, ему очень повезло. С одной стороны — Редли, мисс Морли и Ханс Бальдур (кстати, Бальдур после того единственного происшествия, о котором никто не поминал, вел себя

безукоризненно), зато с другой стороны — коммодор, доктор Мекензи, Шастеры, маленький профессор Джаяварден, Девид Баррет. Да и все остальные пока без ропота выполняли распоряжения капитана. Пат вдруг ощутил прилив доброго чувства, даже нежности к этим людям за их деятельную или бездеятельную поддержку.

Особенно к Сью, которая и на этот раз нашлась раньше него. В своем отсеке на корме она с самым непринужденным видом, как бы между делом, незаметно — во всяком случае, для Редли — достала из аптечки ампулу со снотворным. Если он что-нибудь затеет, она примет меры.

Но пока что в поведении Редли не было ничего угрожающего. Он вполне владел собой, говорил внятно и рассудительно — ни безумного блеска в глазах, ни каких-либо иных внешних признаков ненормальности. Обыкновенный пожилой бухгалтер из Новой Зеландии, проводящий отпуск на Луне.

— Это очень интересно, мистер Редли,— сказал коммодор Ханстен ровным голосом,— но вы уж простите нам наше невежество. Кто это — «они» и почему они вас преследуют?

— Вы, конечно, слышали, коммодор, о летающих тарелках?

«Летающих... что?» — удивился Пат.

Ханстен явно был лучше осведомлен.

— Да, слышал,— ответил он, сразу поскучнев.— Читал в старых книгах о космонавтике. Кажется, лет восемьдесят тому назад с ними был связан настоящий массовый психоз?

(Эх, некстати он употребил слово «психоз»... Слава богу, Редли не обиделся.)

— О,— возразил бухгалтер,— они появились гораздо раньше. Но только в прошлом столетии люди обратили на них внимание. Есть старинная рукопись, еще в тысяча двести девяностом году один английский аббат подробно описал летающее блюдце. Да их и раньше наблюдали. До двадцатого века отмечено больше десяти тысяч случаев.

— Минутку,— вмешался Пат.— Что это значит — «летающее блюдце»? Я ничего не понимаю.

— Боюсь, капитан, ваше образование страдает пробелами,— сочувственно произнес Редли.— Термин «летающее блюдце» широко распространился с тысяча девятьсот сорок седьмого года. Так называли странные, чаще всего овальной формы аппараты, которые уже много столетий изучают нашу планету. Кое-кто предпочитает говорить «неопознанные летающие предметы».

Что-то зашевелилось в памяти Пата. В самом деле, он слышал этот термин в связи с гипотезами об инопланетниках. Но нет никакого доказательства того, что нашу Солнечную систему посещали космические корабли из других миров.

— Вы и впрямь верите,— скептически спросил кто-то из пассажиров,— что вокруг Земли слоняются гости из космоса?

— Больше того,— ответил Редли.— Они часто приземлялись и вступали в контакт с людьми. До появления человека на Луне у них была база на Фарсайде, но они ее уничтожили, как только первые топографические ракеты начали крупномасштабную съемку.

— Откуда вы все это знаете? — удивился один из пассажиров.

Недоверие аудитории нисколько не смутило Редли; он, видимо, давно привык к этому. Новозеландец излучал убежденность, которая — как ни мало обоснована она была — невольно передавалась другим. Он преотлично чувствовал себя в странном воображаемом мире, куда его занесло помешательство.

— Мы... установили с ними контакт,— произнес он торжественно.— Несколько человек сумели вступить в телепатическую связь с экипажами летающих блюдец. И нам уже довольно много известно о них.

— А другие люди? — заговорил еще один маловер.— Если и впрямь около Земли летают блюдца, почему их не видели ни наши астрономы, ни космонавты?

— В том-то и дело, что видели,— ответил Редли, снисходительно улыбаясь.— Видели, да никому не говорят. Ученые объединились в заговоре молчания, им не хочется признавать, что в космосе есть создания куда умнее нас. И когда летчик докладывает, что встретил блюдце, его поднимают на смех. Понятно, что космонавты предпочитают помалкивать о своих встречах.

— А вам, коммодор, они попадались? — спросила миссис Шастер, явно склонная верить новозеландцу.— Или вы тоже участвуете в этом — как его назвал мистер Редли? — заговоре молчания?

— К сожалению, должен вас огорчить,— сказал Ханстен.— Вы можете мне не поверить, но все космические корабли, которые я когда-либо встречал, числятся в регистре Ллойда.

Он поймал взгляд Пата и чуть кивнул, словно говоря: «Пойдем посовещаемся в камере перепада». Теперь, когда стало ясно, что Редли безобиден, Ханстен был даже рад происшествию, которое так быстро отвлекло пассажиров от нового осложнения. Если бредовый вымысел маленького бухгалтера их занимает, пусть себе чудит.

— Ну, Пат,— сказал коммодор, едва дверь отсекла их от оживленно спорящих пассажиров,— что вы думаете о нем?

— Неужели он верит в этот вздор?

— В том-то и дело, что верит. Я уже встречал таких людей.

Ханстен достаточно хорошо знал странный психоз, во власти которого был Редли; недаром он увлекся космоведением еще в двадцатом веке. В молодости коммодор прочел даже некоторые оригинальные писания на эту тему; это был такой бесстыдный обман или детское простодушие, что он даже поколебался в своем взгляде на человека как на разумное существо. Становилось не по себе при одной мысли о том, что подобная литература могла пользоваться бешеным успехом. Правда, большинство книг этого рода вышло в «безумные пятидесятые» годы, которые были порой психозов.

— Положение нелепейшее,— пожаловался Пат.— В такой час все пассажиры заняты спором о летающих блюдцах!

— А по-моему, это превосходно,— ответил коммодор.— Чем еще вы предложите им заняться? Скажем прямо, ведь нам остается только сидеть и ждать, пока Лоуренс снова постучится в крышу.

— Если он еще там. Баррет прав, плот мог затонуть.

— Вряд ли... Толчок был очень слабый. Как по-вашему, насколько мы опустились?

Вопрос Ханстена заставил Пата призадуматься. Теперь ему казалось, что они падали долго. Полутьма, сражение с пылью — все это нарушило чувство времени, и он мог только гадать.

— Ну, метров на десять...

— Чепуха! Это длилось всего несколько секунд. Два-три метра, не больше.

«Хоть бы коммодор оказался прав»,— подумал Пат. Он знал, насколько трудно судить о малых ускорениях, особенно когда внимание притупилось. Из всех находившихся на борту «Селены» у одного Ханстена есть нужный опыт. Надо думать, его оценка точна. И уж во всяком случае она обнадеживает.

— На поверхности, наверное, ничего и не почувствовали,— продолжал Ханстен.— И теперь удивляются, почему не могут нас нащупать. Вы уверены, что нам не под силу наладить радиостанцию?

— Уверен. Всю распределительную коробку сорвало вместе с частью кабеля. Из кабины не добраться.

— М-да, ничего не поделаешь. Ладно, пошли, пусть Редли попытается обратить нас в свою веру, если сумеет.

Жюль около ста метров провожал объективом пылекаты, прежде чем обнаружил, что они увозят меньше людей, чем привезли. Семь человек, а было восемь.

Он тотчас дал задний ход и благодаря то ли счастливому случаю, то ли прозорливости, отличающей блестящего оператора от рядового, поймал плот как раз в тот миг, когда Лоуренс нарушил свое радиомолчание.

— Говорит главный инженер Эртсайда.— У него был усталый и расстроенный голос человека, тщательно разработанные планы которого вдруг рухнули.— Прошу извинить за перебой, но, как вы, очевидно, догадались, у нас произошла авария. Должно быть, снова оседание. На сколько метров — неизвестно. Мы потеряли «Селену», и она не отвечает на наши вызовы. Я велел своим людям отойти на несколько сот метров в сторону. Вряд ли нам грозит опасность, но лучше не рисковать. Пока что я тут и один справлюсь. Слушайте мой вызов через несколько минут.

Миллионы зрителей увидели, как Лоуренс, присев на краю плота, собирает щуп, которым в первый раз обнаружил пылеход. Двадцать метров. Если корабль погрузился глубже, придется изобретать что-нибудь еще.

Вот щуп уходит в пыль. Чем ближе к той глубине, где прежде лежала «Селена», тем медленнее. Скрылась метка 15 — пятнадцать метров. Щуп был словно копье, вонзающееся в тело Луны. «Сколько еще?» — шептал про себя Лоуренс в тишине скафандра.

Ответ ошеломил его. Прямо хоть смейся, не будь положение столь серьезным: после метки щуп прошел всего полтора метра. Но вот что гораздо хуже: «Селена» осела неравномерно. Проверка показала, что корма лежит глубже носа, перекос — тридцать градусов. Одного этого было достаточно, чтобы поломать планы Лоуренса: ведь он рассчитывал, что кессон плотно, без зазоров ляжет на горизонтальную крышу.

Впрочем, сейчас Лоуренса в первую очередь заботило другое. Радио пылехода молчит (хорошо если только из-за неисправности питания) — как проверить, живы ли люди? Они-то услышат стук щупа, но сами не могут ничего передать наверх...

Как так не могут?! Есть способ, самый легкий и примитивный, какой только можно себе представить! Настолько примитивный, что после полутораста лет электроники немудрено и запамятовать.

Лоуренс выпрямился и вызвал пылекаты.

— Можете возвращаться,— сказал он.— Никакой опасности нет. Пылеход осел всего на метр-другой.

Главный инженер забыл про следящие за ним миллионы глаз. Еще предстояло разработать новый план действий, но первый шаг был ему ясен.

Когда Пат и коммодор вернулись в кабину, там еще вовсю спорили. Немногословный до сих пор Редли быстро наверстывал упущенное. Точно кто-то нажал потайную пружину — или бухгалтера вдруг освободили от обета молчания. Да так оно, пожалуй, и было: решив, что его миссия все равно стала явной, Редли был только рад о ней рассказать.

Коммодор Ханстен встречал много таких суеверов; собственно, ради самозащиты он и одолел обильную литературу о летающих блюдцах. Начиналось всегда одинаково, с вопроса: «Коммодор, вы, наверное, повидали немало необычного за годы, проведенные в космосе?» Ответ, естественно, не удовлетворял собеседника, и следовал завуалированный, а то и не очень завуалированный намек — дескать, Ханстен боится или избегает говорить правду. Опровергать это обвинение было пустой тратой сил; правоверный просто-напросто заключал, что коммодор участвует в сговоре.

Остальные пассажиры не были научены горьким опытом, и Редли легко разбивал их доводы. Даже Шастеру, при всей его юридической искушенности, никак не удавалось загнать маленького бухгалтера в угол; с таким же успехом он мог бы убеждать шизофреника, что никто его не преследует.

— Но разве это правдоподобно,— настаивал Шастер,— чтобы из тысяч ученых, знающих об этом, ни один не проговорился? Такой секрет утаить невозможно! Все равно что попытаться спрятать памятник Вашингтону!

— Так ведь были попытки раскрыть истину,— ответил Редли.— Но свидетельства каким-то таинственным путем уничтожились — как и люди, которые хотели проникнуть в секрет. Они, когда надо, ни перед чем не останавливаются.

— Вы же сами сказали, что они вступают в контакт с людьми! Получается противоречие!

— Ничего подобного. Поймите, в космосе, как и на Земле, сражаются между собой силы добра и зла. Одни хотят помочь нам, другие задумали нас закабалить. Поединок между этими двумя группами длится уже много тысяч лет. Иногда борьба эта захватывает Землю, так погибла Атлантида.

Ханстен невольно улыбнулся. Все правильно, вот и Атлантида пошла в ход, другие приплетают Лемурию, или Му. Названия, которые неотразимо действуют на души неуравновешенные, склонные к мистике.

Если ему не изменяет память, группа психологов еще в семидесятых годах тщательно изучила вопрос о летающих блюдцах. Они пришли к выводу, что в середине двадцатого века многие люди уверовали в близкую гибель мира. Оставалось только надеяться на вмешательство из космоса; утратив веру в себя, человек ждал спасения с небес.

Почти десять лет «блюдечная» религия владела умами свихнувшейся части человечества, потом внезапно зачахла, точно исчерпавшая себя эпидемия. По мнению психологов, все решили два обстоятельства: во-первых, всем наскучила эта выдумка, во-вторых, Международный геофизический год возвестил выход человека в космос.

Восемнадцать месяцев длился МГГ, и за это время небесную сферу наблюдало и изучало больше приборов и опытных исследователей, чем за все предшествовавшие тысячелетия. Если бы в заатмосферной выси в самом деле парили небесные гости, совместные усилия ученых неизбежно подтвердили бы это. Однако этого не произошло. Наконец с Земли ушли в космос первые корабли с человеком на борту, но и они не встретили никаких летающих блюдец.

Для большинства людей этого оказалось достаточно. Все эти неопознанные летающие предметы, замеченные в течение многих веков, были созданы самой природой, и с развитием метеорологии и астрономии нашлось вдоволь убедительных объяснений. С началом космической эры возродилась вера человека в свое предназначение, и мир вовсе утратил интерес к летающим блюдцам.

Но религия редко умирает совсем. Кучка верующих поддерживала культ поразительными «откровениями», россказнями о встречах с небожителями, толковала о телепатических контактах. И сколько бы очередных пророков ни уличали в мошенничестве, фанатики стояли на своем. Они нуждались в своих богах и не желали с ними расставаться.

— Вы все еще не объяснили,— не унимался Шастер,— с какой стати «блюдечники» преследуют именно вас. Что вы такое сделали, чем их рассердили?

— Я слишком близко подобрался к некоторым их секретам, вот они и воспользовались этим случаем, чтобы устранить меня.

— Могли бы найти способ попроще!

— Нелепо полагать, что наш ограниченный разум способен постичь пути их мышления. Но согласитесь: все подумают, что произошел несчастный случай, никто не заподозрит, что это сделано преднамеренно.

— Тонкий довод. И поскольку это теперь уже не играет никакой роли, может быть, вы скажете нам, за каким секретом охотились? Это, наверное, всем интересно.

Ханстен поглядел на Ирвинга Шастера. До сих пор юрист казался ему человеком скорее мрачноватым, лишенным чувства юмора; откуда эта ирония?

— Охотно расскажу,— ответил Редли.— Собственно, началось это еще в девятьсот пятьдесят третьем, когда американский астроном по фамилии О'Нил обнаружил здесь, на Луне, нечто весьма примечательное. На восточной окраине Моря Кризисов он открыл небольшой мост. Другие астроно-

мы, разумеется, высмеяли его, однако менее предубежденные подтвердили существование моста. А уже через несколько лет мост исчез. Очевидно, наше внимание встревожило «блюдечников», и они его разобрали.

Это «очевидно», сказал себе Ханстен, великолепный пример логики «блюдцепоклонников», лихой скачок через барьер несуразицы, совершенно ошеломляющий нормальный разум. Он никогда не слышал о мосте О'Нила, но в истории астрономии известно множество ошибочных толкований. Классический пример — марсианские каналы. Добросовестнейшие наблюдатели снова и снова сообщали о них, а между тем каналов не было, во всяком случае, не было ничего похожего на изящную паутину, зарисованную Ловеллом и другими. Или Редли считает, что за время между наблюдениями Ловелла и первыми четкими фотографиями Марса кто-нибудь засыпал каналы? Он вполне способен заявить это.

Скорее всего, «мост О'Нила» не что иное, как причуды освещения, игра постоянно меняющихся лунных теней. Но столь простой ответ, разумеется, не удовлетворяет Редли. Кстати, что он здесь делает, в двух тысячах километров от Моря Кризисов?

Этот же вопрос пришел на ум еще одному из пассажиров, и он тотчас задал его. Как всегда, у Редли был наготове убедительный ответ.

— Я рассчитывал, притворяясь обычным туристом, отвести от себя их подозрения. Доказательство, которое я ищу, находится в Западном полушарии — я нарочно отправляюсь в Восточное. Задумал через Фарсайд добраться к Морю Кризисов, а заодно осмотреть еще кое-какие места. Но они меня перехитрили. Не сообразил я, что меня может выследить кто-нибудь из их агентов. Ведь они умеют принимать человеческий облик. Видно, следили за мной с того самого часа, как я высадился на Луне.

— А можно узнать,— сказала миссис Шастер, которая все более серьезно воспринимала слова Редли,— что они теперь сделают с нами?

— Лучше об этом не думать, мэм! — ответил Редли.— Нам известно, что у них есть пещеры в недрах Луны. Я не сомневаюсь, мы именно в такую пещеру и попали. Стоило им заметить, что спасатели пробились к нам, как они тотчас вмешались снова. Боюсь, теперь мы слишком глубоко, нас уже никто не выручит.

«Хватит с нас этой чепухи,— сказал себе Пат.— Позабавились, отвели душу, хорошо. Но теперь этот помешанный грозит всех пассажиров в тоску вогнать. Как заткнуть ему рот?»

На Луне, как и во всех дальних космических поселениях, случаи помешательства были редки, и Пат Харрис не знал, как поступить. Тем более что речь шла о чрезвычайно самоуверенном пациенте, умеющем заражать других своей одержимостью. Пат и сам уже начал колебаться: может, Редли в чем-то прав? При других обстоятельствах здоровый природный скептицизм защитил бы его, но эти тревожные дни нелегко дались ему, и он словно разучился мыслить критически.

Неужели нет подходящего способа разрушить чары, навеянные этим речистым маньяком?

С некоторой неловкостью капитан вспомнил удар, который так кстати усыпил Ханса Бальдура. И против собственной воли выразительно посмотрел на Хардинга. А тот незамедлительно отозвался: чуть заметно кивнув, он поднялся с места. «Нет-нет! — сказал Пат (про себя).— Я не это подразумевал, не трогайте этого бедного чудака, и вообще — что вы за человек?»

Тут же он облегченно вздохнул. Хардинг, отделенный от Редли четырьмя рядами кресел, не стал пробираться к новозеландцу. Он стоял неподвижно, выпрямившись во весь рост и устремив на бухгалтера взгляд, в котором выражалось какое-то непонятное чувство. Уж не жалость ли? В этом тусклом свете сразу и не разберешь.

— Кажется, пора мне внести свою лепту в дискуссию,— сказал Хардинг.— Из того, что вам поведал наш друг, во вся-

ком случае одно совершенно точно. Его действительно преследуют, но не «блюдечники», а я. Для новичка, Вильфред Джордж Редли, вы сработали совсем недурно, должен вас поздравить. Охота была захватывающей: от Крайстчерча до Астрограда, затем Клавий, оттуда до Тихо, Птолемея, Платона, Порт-Рориса — и сюда, где след, насколько я понимаю, кончается.

Никакого намека на смятение на лице Редли. Он лишь величественно наклонил голову, словно соглашаясь признать существование Хардинга, не больше.

— Как вы, возможно, догадались,— продолжал Хардинг,— я сотрудник уголовного розыска. Специализируюсь на мошенниках. Работа очень увлекательная, да только редко выдается случай рассказать о ней. Я очень рад, что теперь представилась такая возможность. Странные верования Редли меня ничуть не занимают, во всяком случае профессионально. Гораздо важнее то, что он высококвалифицированный финансовый работник, занимает хорошо оплачиваемую должность в Новой Зеландии. Правда, недостаточно хорошо, чтобы позволить ему отправиться на месяц на Луну. Однако это его не смущало. Дело в том, что мистер Редли — старший бухгалтер Крайстчерского отделения компании «Путешествия во Вселенной». Считается, что эта организация надежно застрахована от каких-либо злоупотреблений, но он каким-то образом ухитрился присвоить себе путевку — аккредитив литер «Щ», позволяющую путешествовать сколько угодно по Солнечной системе, пользоваться услугами гостиниц и ресторанов, получать до пятисот столларов по чекам на предъявителя. Путевок литер «Щ» не так уж много в обороте, их берегут так, словно они из плутония. Конечно, и прежде кое-кто пытался проделать этот трюк. У клиентов есть привычка терять путевки, и предприимчивые субъекты пользуются этим, чтобы хоть несколько дней пожить на широкую ногу. Больше чем несколько дней не выходит. В компании «ПВВ» отлично поставлен учет, иначе и быть не может. Приняты все-

возможные меры, и до сих пор больше недели никому не удавалось пользоваться чужой путевкой...

— Девять дней,— неожиданно прервал его Редли.

— Прошу извинить, вы, конечно, знаете это лучше меня... Итак, девять дней. Редли же путешествовал почти три недели, прежде чем мы его выследили. Он взял очередной отпуск и сказал на работе, что будет отдыхать на Северном острове. Вместо этого он отправился в Астроград, а оттуда на Луну, по пути творя, так сказать, историю: Редли первый — и мы надеемся, последний,— кто сумел улететь с Земли, не заплатив за билет. Нам до сих пор не известно точно, как ему это удалось. Как он прошел контрольные автоматы? С помощью сообщника в секторе программирования?.. Есть и другие вопросы, которые чрезвычайно занимают «ПВВ». Надеюсь, Редли, вы откроете мне душу, просто чтобы удовлетворить мое любопытство. Не правда ли, я не требую от вас ничего непосильного? Мы не спрашиваем вас, почему вы так поступили — почему пожертвовали хорошей должностью и отправились в увеселительное путешествие, которое должно было привести вас в тюрьму. Мы угадали причину, как только выяснилось, что вы на Луне. Компания знала о вашем коньке. Но ведь он не влиял на вашу работу, и начальство решило рискнуть. Это обошлось довольно дорого.

— Я очень сожалею,— с достоинством ответил Редли.— Фирма всегда хорошо ко мне относилась, досадно, что так вышло. Но ведь я для доброго дела, и если бы мне удалось найти доказательство...

Однако в этот миг все, включая инспектора розыска Хардинга, утратили всякий интерес к Редли и его летающим блюдцам. Наконец-то раздался звук, которого они так ждали.

По крыше пылехода стучал щуп.

«Торчу здесь уже половину вечности,— сказал себе Морис Спенсер,— а Солнце только-только оторвалось от горизонта на западе (странный мир!), и до полудня целых трое суток! Сколько же еще сидеть мне на этой горе, слушая космические побасенки капитана Ансона и глядя на плот с этими иглу?»

На это никто не смог бы ответить. Когда начали спускать кессон, казалось, что все будет закончено в двадцать четыре часа. А теперь? Вернулись к исходной точке. И ко всему телезрители не увидят захватывающих кадров. Все будет происходить либо в глубинах Моря, либо в стенах иглу. Лоуренс продолжал упорствовать, не разрешая ставить камеру на плоту, и Спенсеру трудно было его упрекнуть. Один раз главному инженеру не повезло, попал впросак со своим репортажем. Понятно, он не хочет, чтобы это повторилось.

И все-таки не может быть и речи о том, чтобы «Аурига» оставила позицию, завоеванную ценой таких затрат. Если все обернется благополучно, он сможет передать радостную сцену. Если неблагополучно — сцена будет трагической. Рано или поздно, с пассажирами или без них, пылекаты пойдут назад в Порт-Рорис. Спенсер не собирался прозевать этот караван, двинется ли он в путь при восходящем или заходящем Солнце, или даже при слабом свете неподвижной Земли.

Обнаружив «Селену», Лоуренс тотчас пустил буровой станок. На экране монитора Спенсер видел, как уходит в пыль

труба воздухопровода. К чему это, когда еще далеко не известно, остался ли кто-нибудь в живых? И как главный проверит без радио — есть ли живые?

Этот вопрос задавали себе миллионы. Возможно, что многие угадали верный ответ. Но как ни странно, он не пришел в голову никому из пассажиров «Селены», даже коммодору.

Услышав, как в крышу ударило что-то тяжелое, они сразу поняли, что это не тонкий щуп осторожно исследует Море. И когда минутой позже бур с гудением вгрызся в фиберглас, это было для них как помилование для смертника.

Бур не задел кабель; теперь-то это не играло никакой роли. Пассажиры глядели на потолок как завороженные. Громче, громче, вот уже в воздухе поплыла стружка... Бур пронизал плиту и опустился сантиметров на двадцать. Его встретили дружным «ура!».

«Что дальше? — спросил себя Пат.— Мы не можем говорить с ними — как я узнаю, когда отвинчивать бур? Не хватает, чтобы я повторил свою ошибку».

Неожиданно громко настороженную тишину рассек металлический звук. Ти-ти-ти-та! — сигнал, который пассажирам «Селены» не забыть до самой смерти... Пат тотчас выстукал плоскогубцами ответное «ж». Теперь они знают, что мы живы! Конечно, он не допускал мысли, что Лоуренс бросит их, но мало ли что...

Новый сигнал сверху, на этот раз намного медленнее. Пат Харрис вспомнил, как неохотно он изучал азбуку Морзе. В космическом веке это казалось совершенным анахронизмом, космонавты и космоинженеры всячески упирались, говоря, что это пустая трата времени, за всю-то жизнь, может быть, только один раз понадобится.

Что же, кажется, не зря изучал.

— Та-та-та,— звенела труба,— та, ти-та-та, ти-ти, тати, та, ти-ти, ти.

И для верности стала повторять; но Пат и коммодор, хоть и давно не упражнялись, уже поняли.

— Передают, чтобы мы отвинтили бур,— сказал Пат.— Ладно, приступим.

Труба громко дохнула, так что все невольно вздрогнули. Тут же давление сравнялось, и двадцать два человека замерли в ожидании свежего потока кислорода.

Вместо этого труба заговорила. Из отверстия слышался глухой, замогильный, но вполне отчетливый голос. Должно быть, меньше четверти пассажиров вообще когда-либо видели переговорную трубу, с детства все привыкли считать, что только электроника может передать звук на расстояние. Этот пережиток древности был для них такой же новинкой, какой телефон показался бы древним грекам.

— Говорит главный инженер Лоуренс. Вы меня слышите?

Пат приставил к трубе сложенные рупором ладони и ответил, выговаривая каждый слог:

— Слышим хорошо, ясно. Как вы слышите нас?

— Отлично. У вас все в порядке?

— Да. Что случилось?

— Вы осели метра на два, только и всего. Мы здесь даже ничего не заметили, только по трубам догадались. Как у вас с воздухом?

— Воздух хороший. Но чем скорее вы включите насосы, тем лучше.

— Не беспокойтесь, начнем качать, как только очистим фильтры от пыли и получим из Порт-Рориса второй бур. У нас был всего один в запасе — тот, который вы сейчас отвернули. Хорошо хоть этот нашелся. Значит, не меньше часа пройдет.

Но Пата заботило другое. Он знал, как Лоуренс собирался вывести людей из «Селены»; теперь, когда пылеход накренился, этот план невыполним.

— Как вы нас достанете? — спросил он напрямик.

Лоуренс замялся на какую-нибудь долю секунды.

— Я еще не все продумал, но в общем мы добавим к кессону еще секцию и будем погружать его дальше, до соприкосновения с «Селеной». Потом выберем всю пыль до самого дна колодца. Оставшиеся сантиметры как-нибудь одолеем. Но сперва у меня к вам просьба.

— Какая?

— Я на девяносто процентов уверен, что больше осадки не будет, но, если я ошибаюсь, лучше пусть это случится сейчас. Пожалуйста, попрыгайте минуту-другую, все вместе.

— А это не опасно? — заколебался Пат.— Вдруг труба опять выскочит?

— Заткните дыру, только и всего. Лишняя дырка роли не играет. Иное дело, когда мы вырежем целый люк — тогда новое оседание будет совсем некстати.

«Селена» успела всякое повидать, но это зрелище было бесспорно самым удивительным. Двадцать два человека с сосредоточенным видом прыгали в лад, взлетая до потолка и отталкиваясь от него, чтобы посильнее топнуть о пол. Капитан пристально следил за трубой, соединяющей их с внешним миром. Так прошла минута; дружные усилия пассажиров привели к тому, что пылеход осел еще на неполных два сантиметра.

Лоуренс с облегчением выслушал доклад Пата Харриса. Убедившись, что «Селена» больше никуда не уйдет, он не сомневался, что сумеет извлечь людей на поверхность. Не все было ясно, но в главных чертах план уже складывался в его голове.

Окончательно он сложился через двенадцать часов, после совещаний с «мозговым центром» и опытов на Море Жажды. За одну неделю Инженерный отдел узнал о лунной пыли больше, чем за все предыдущие годы. Он уже не сражался вслепую с неизвестным противником. Удалось раскрыть и сильные, и слабые стороны врага.

Новые чертежи и приспособления изготовили быстро, но не наспех, основательно, помня, что все должно сработать с первого раза. Если операция не удастся, в лучшем случае придется забросить кессон и погружать новый. А в худшем... в худшем случае пассажиров «Селены» задушит лунная пыль.

— Нам нужно решить нешуточную задачу,— сказал Том Лоусон; он любил нешуточные задачи больше жизни.— Нижний конец кессона открыт для пыли. Наклон крыши не дает кольцу лечь плотно, оно опирается только одной точкой. Прежде чем выкачать пыль, надо закрыть просвет. Я сказал «выкачать»? Ошибка: это вещество не выкачаешь, его надо выгребать. Так вот, если делать это, не устранив зазор, лунная пыль будет притекать снизу с такой же скоростью, с какой мы будем выбирать ее сверху.

Том ядовито улыбнулся своей многомиллионной аудитории: разгрызите-ка этот орешек! Выждал, давая зрителям подумать, потом взял в руки модель, которая лежала на столе студии. Она была предельно проста, но Том Лоусон очень гордился ею, потому что сделал ее сам. Никто из зрителей не догадался бы, что это всего-навсего картон, покрытый алюминиевой краской.

— Эта труба,— начал он,— изображает секцию колодца, который соединяет нас с «Селеной». Как я уже сказал, он доверху заполнен лунной пылью. Вот эта штука...— Том поднял со стола кургузый цилиндр, закрытый с одного конца,— плотно входит в колодец, словно поршень. Она очень тяжелая и будет стремиться вниз, но лунная пыль, естественно, ее не пустит.

Том повернул вкладыш так, чтобы дно цилиндра было обращено к камере. Потом указательным пальцем нажал посредине, и открылась маленькая дверца.

— Это, так сказать, клапан. Пока он открыт, пыль проникает через него внутрь и поршень идет по кессону вниз. Как

только поршень достигнет дна, клапан закроется по команде сверху. Теперь колодец снизу изолирован, можно выбирать пыль. Кажется, очень просто, не правда ли? На деле это вовсе не просто. Возникает около сотни проблем, о которых я ничего не сказал. Например, когда кессон опустеет, он будет всплывать под действием выталкивающей силы, а она достигает нескольких тонн. Главный инженер Лоуренс предусмотрел хитроумную систему якорей, они удержат кессон на месте. Вы, конечно, уже сообразили, что после выборки пыли клиновидный просвет все еще будет отделять кессон от крыши «Селены». Как мистер Лоуренс одолеет это препятствие, я не знаю. И прошу вас не слать мне больше никаких предложений, нас и без того завалили скороспелыми идеями, на всю жизнь хватит разбираться. Поршень, о котором я вам говорил, изготовлен и испытан инженерами, больше того — его уже погружают в колодец. Если я верно понимаю смысл знаков, которые мне делает этот человек, нам сейчас включат Море Жажды, и мы увидим, что происходит на плоту.

Временная студия в отеле «Рорис» исчезла с миллионов экранов, ее место заняло изображение, знакомое теперь почти всему человечеству.

На плоту и возле него было уже три иглу разной величины. В ярком солнечном свете они напоминали огромные блестящие капли ртути. Возле самого большого купола стоял один пылекат, остальные два перебрасывали снаряжение из Порт-Рориса.

Торчащий из Моря кессон и впрямь напоминал колодец. Обод верхней секции выдавался над пылью всего на двадцать сантиметров, и отверстие казалось слишком узким, чтобы в него мог пролезть человек, тем более в скафандре. Но в решающей стадии спасательных работ скафандров и не будет...

Время от времени из колодца появлялся цилиндрический ковш. Небольшой, но достаточно мощный кран относил его в сторону и опрокидывал. На миг над серой гладью Моря за-

мирал колпак пыли, потом он начинал медленно рассыпаться и исчезал прежде, чем из колодца появлялась следующая порция. Захватывающий фокус под открытым небом, который лучше всяких слов рассказывал зрителям все, что надо было знать о Море Жажды.

Ковш появлялся все реже, по мере того как росла глубина. И вот он вынырнул, заполненный только наполовину.

Путь открыт. Если не считать «шлагбаума» на дне.

— Духом не падаем,— доложил Пат в опущенный через воздухопровод микрофон.— Конечно, мы приуныли, когда пылеход снова осел и связь с вами нарушилась. Но теперь уже ясно, что вы нас скоро выручите. Слышим, как гремит ковш, как выгребаете пыль, и знаем — вы здесь. Мы никогда не забудем того, что вы все сделали для нас,— добавил он смущенно.— Что бы ни случилось, мы хотим поблагодарить вас. Мы не сомневаемся: вы сделали все возможное. А теперь передаю микрофон, здесь уже столько посланий заготовлено! Надеюсь, что это последняя передача с «Селены».

Передавая микрофон миссис Уильямс, Пат вдруг сообразил, что заключительная фраза получилась, пожалуй, не совсем удачной, ее можно истолковать двояко. Да нет, теперь, когда спасение так близко, возможность неудач исключается. Они столько перенесли, новых осечек просто не может быть.

И все-таки он знал: последний этап будет самым трудным и рискованным. Уже несколько часов — с тех пор как главный инженер Лоуренс рассказал им про свой план — они снова и снова обсуждали это. Да и о чем еще говорить теперь, когда тему о летающих блюдцах единодушно объявили запретной?

Можно было читать вслух, но почему-то «Шейн» и «Апельсин и яблоко» перестали их занимать. Каждый мог думать

лишь о спасательной операции и о новой жизни, которая ожидала их, когда они опять вольются в океан человечества.

Сверху донесся глухой, тяжелый стук, который мог означать одно: ковш достиг дна, колодец свободен от пыли. Можно соединять кессон с иглу и накачивать воздухом.

В иглу марки «XIX» сделали в полу отверстие, которое точно отвечало верхнему ободу кессона. Больше часа ушло на то, чтобы тщательно установить и осторожно наполнить воздухом иглу; от надежности соединения зависела жизнь не только пассажиров «Селены», но и спасателей.

Лишь после самой придирчивой проверки главный инженер Лоуренс снял скафандр и подошел к зияющему отверстию, держа в руках мощный светильник. Казалось, колодец уходит в бесконечность, а между тем до дна было всего семнадцать метров. Даже при лунном тяготении оброненный предмет будет падать всего пять секунд...

Главный повернулся к своим товарищам. Они стояли в скафандрах, но окошки гермошлемов были открыты. Если произойдет авария, можно мгновенно закрыть их, и спасатели уцелеют. Но Лоуренсу будет конец. И двадцати двум пассажирам «Селены» тоже.

— Вам известна задача,— сказал он.— Если мне надо будет быстро подняться наверх, все сразу выбирайте лестницу! Вопросы есть?

Вопросов не оказалось, каждый твердо знал, что делать. Кивнув спасателям и услышав в ответ дружное «счастливо!», Лоуренс начал спуск.

Большую часть пути он просто падал, иногда хватаясь за веревочную лестницу, чтобы затормозить падение. На Луне такой способ совершенно безопасен. Совершенно?.. Главный инженер своими глазами видел, как погибали люди, забывшие о том, что даже здесь гравитационное поле меньше чем за десять секунд придает падающему телу ускорение, которое опасно для жизни.

Это напоминало спуск Алисы в Страну чудес, но на этом сходство с книгой Кэрролла кончалось: на всем пути вниз не было видно ничего, кроме гладких бетонных стен, притом так близко, что приходилось щуриться, чтобы следить за ними. Мягкий толчок — он опустился на дно колодца.

Лоуренс присел на корточки на металлической платформе величиной с крышку корабельного люка и внимательно осмотрел ее. Дверца клапана, которая была открыта, все время пока вкладыш шел вниз по кессону, закрылась не совсем плотно, и по краям ее пробивались струйки серой пудры. Ничего страшного. Хотя если дверца откроется внутрь под давлением снизу... Да, что тогда? С какой скоростью лунная пыль будет подниматься вверх по кессону? Лоуренс был уверен, что сумеет опередить ее.

Там внизу, всего в нескольких сантиметрах — крыша пылехода, наклоненная под углом тридцать градусов. (Ох уж этот наклон!) Нужно соединить горизонтальный обод секции с крышей, соединить плотно, чтобы не могла просочиться пыль.

Насколько мог судить Лоуренс, все предусмотрено; недаром над планом работали лучшие инженерные умы Земли и Луны. Учтено даже, что, пока он работает здесь, «Селена» может опуститься еще на несколько сантиметров. Но одно дело — теория, совсем другое — главный знал это по опыту — практика.

По краю металлического диска, на котором сидел Лоуренс, торчало шесть болтов. Он стал крутить их один за другим, словно барабанщик, настраивающий свой инструмент. К нижней плоскости диска была прикреплена сложенная гармошкой короткая труба, шириной почти равная поперечнику колодца — только-только протиснуться одному человеку. Главный инженер завинчивал болты, и гармошка постепенно раздвигалась, образуя гибкую перемычку.

Один край трубы отделяло от наклонной крыши сорок сантиметров, другой — какие-нибудь миллиметры. Лоуренс

больше всего опасался, что пыль не даст раздвинуться гармошке, но болты легко преодолевали наружное сопротивление.

Все, дальше не идут. Теперь нижний обод перемычки соединен с крышей пылехода, а резиновая прокладка обеспечивает герметичность соединения. (Обеспечивает ли? Сейчас он в этом убедится...)

Лоуренс непроизвольно глянул вверх, проверяя путь к отступлению. За яркой лампой, которая висела в двух метрах над ним, был сплошной мрак, но вид веревочной лестницы успокоил его.

— Перемычка спущена! — крикнул он невидимым помощникам.— Как будто прилегла плотно. Открываю клапан.

Малейшая оплошность — и колодец будет затоплен лунной пылью. И уж не выгребешь... Медленно, осторожно Лоуренс отделил дверцу, через которую входила пыль, когда опускали вкладыш. Извержения не последовало, гармошка надежно сдерживала напор Моря.

Лоуренс погрузил руку в тонкий пласт пыли и нащупал пальцами крышу «Селены». Такую радость он редко испытывал. Он добрался до пылехода! Наверное, что-нибудь вроде этого чувствовал в старину золотоискатель, сидя на дне ямы и глядя на первые блестящие крупинки...

Лоуренс трижды постучал в крышу; сейчас же последовал ответ. Конечно, азбука Морзе не нужна, когда рядом висит микрофон, но главный отлично понимал, как ободрит пассажиров «Селены» его стук. Теперь они точно знают — считаные сантиметры отделяют их от спасения!

Однако сперва надо убрать с дороги несколько барьеров. Первый из них — металлическая платформа, она же — основание поршня под ногами Лоуренса. Она выполнила свое предназначение, не пускала лунную пыль, пока опоражнивали колодец. Теперь, чтобы выпустить людей из пылехода, ее надо убрать. И не повредить при этом перемычку, которую она позволила установить.

Основание поршня было съемным — достаточно отвинтить восемь болтов по окружности. Лоуренс в несколько минут управился с ними и привязал к диску веревку.

— Вира!

Более толстому человеку пришлось бы карабкаться вверх по лестнице впереди диска; Лоуренс повернул его на ребро и пропустил мимо себя, прижавшись к стенке колодца. Прощай, последний рубеж обороны... Он проводил диск взглядом. Теперь нечем перекрыть колодец, если перемычка сдаст и лунная пыль ворвется внутрь.

— Ведро! — попросил главный.

Оно уже спускалось к нему. «Сорок лет назад,— сказал себе Лоуренс,— на пляже в Калифорнии я играл совком и ведерком, сооружал крепости из песка. Теперь я — главный инженер Эртсайда — копаю лунную пыль, занятие посерьезнее, и все человечество ждет, что у меня получится».

Ушло вверх первое ведро, и обнажилась часть крыши, очерченная нижним ободом перемычки. Пыли оставалось совсем немного, еще два ведра — и перед Лоуренсом засверкала алюминированная ткань наружной обшивки. Она сморщилась от чрезмерной нагрузки, и главный легко, одними руками сорвал ее. Показался фиберглас. Что дальше? Ничего не стоит пропилить в обшивке отверстие электрической пилой. И всех погубить: в двойном корпусе пылехода уже просверлено несколько дыр, и все пространство между стенками заполнено лунной пылью. Давление большое, только пробей отверстие в обшивке — пыль сразу хлынет фонтаном! Чтобы проникнуть в «Селену», нужно как-то сковать этот коварный пласт.

Лоуренс еще раз постучал по крыше. Так и есть, звук глухой, смягченный пылевой прослойкой. А вот это уже неожиданно: снизу в ответ раздался частый тревожный стук!

Не успели товарищи сверху сообщить главному, что случилось на «Селене», как он уже сам понял: Море Жажды предприняло последнюю попытку удержать свою жертву.

Три обстоятельства привели к тому, что именно Карл Юхансон заметил беду: он был инженер-атомщик, обладал хорошим обонянием и сидел в кормовой части пылехода. Несколько секунд Юхансон принюхивался, потом сказал сидевшему у прохода соседу «извините», встал и не спеша прошел в туалетную. Он не хотел напрасно настораживать людей, да еще теперь, когда спасение совсем близко. Но за свою многолетнюю работу инженером Карл Юхансон слишком часто убеждался, чем грозит запах горящей изоляции.

Он задержался в туалетной ровно двенадцать секунд, вышел из нее и быстро (в меру быстро, чтобы никого не испугать) прошагал к Пату Харрису, который разговаривал с коммодором.

— Капитан,— тихо, но решительно перебил он их.— На борту пожар. Проверьте в туалетной. Я больше никому не говорил.

Пат тотчас сорвался с места. Ханстен побежал за ним. В космосе, как и на море, не разглагольствуют, услышав слово «пожар». Тем более что Юхансон был не такой человек, чтобы поднимать ложную тревогу. Он, как и Пат Харрис, работал в техническом отделе Лунной администрации; недаром коммодор включил его в «карательный отряд».

Туалетная ничем не отличалась от таких же кабин в любом небольшом сухопутном, морском, воздушном или космическом экипаже; можно было, не сходя с места, коснуться рукой любой стены. Кроме задней, на которой висел умывальник, фиберглас вздулся пузырями от жара, они колыхались и лопались...

— Через минуту огонь будет здесь! — крикнул коммодор.— Но откуда пожар?

Пата уже не было. Он вернулся почти сразу, неся под мышками оба огнетушителя.

— Коммодор,— сказал Пат Харрис,— прошу вас, доложите на плот. Скажите, что нам осталось всего несколько минут. Я буду здесь, встречу огонь.

Ханстен подчинился. Пат услышал, как он докладывает Лоуренсу, и тотчас в кабине поднялся переполох. Дверь в туалетную открылась, вошел доктор Мекензи.

— Я могу вам помочь? — спросил ученый.

— Боюсь, что нет,— ответил Пат, держа наготове огнетушитель.

Странное чувство — будто все это происходит не в жизни, будто он на грани сна и яви. Страха не было. После всего пережитого он не мог больше волноваться, делал все как-то безучастно.

— Откуда огонь? — повторил Мекензи вопрос коммодора. И добавил: — Что за этой переборкой?

— Наш главный источник энергии. Двадцать мощных элементов.

— Какой запас?

— Когда мы вышли, было пять тысяч киловатт-часов. Осталась, наверное, половина.

— Все ясно. Где-то короткое замыкание. Должно быть, элементы горят с тех самых пор, как повредило кабель.

Похоже на правду — хотя бы потому, что на борту «Селены» не было других источников энергии. Правда, огнеупорные материалы, из которых сделан пылеход, от обычного огня не воспламеняются, но, если весь запас энергии, рассчитанный на многочасовое движение с предельной скоростью, обратится в тепло, беды не миновать...

Но ведь это невозможно! На то и автоматические выключатели, чтобы срабатывать при такой перегрузке. Может быть, они вышли из строя?

Мекензи выскочил в камеру перепада и убедился, что выключатели сработали.

— Все цепи выключены,— доложил он Пату.— Тока нет. Ничего не понимаю.

Несмотря на бедственное положение, Пат не удержался от улыбки. Этот Мекензи — ученый до мозга костей, даже погибая, он будет допытываться, что и как. Поджариваясь на

вертеле (а им угрожало нечто в этом роде), спросит палачей, что за дрова...

Складная дверь отворилась, вошел Ханстен.

— Лоуренс обещает за десять минут прорезать люк,— сказал он.— Переборка выдержит?

— Кто ее знает,— ответил Пат.— Она может продержаться час, а может рухнуть через несколько секунд. Все зависит от того, как быстро распространяется пламя.

— Разве нет автоматических огнетушителей?

— Они там не нужны, обычно за переборкой вакуум, лучшего огнетушителя не придумаешь.

— Ну конечно! — воскликнул Мекензи.— Неужели не понимаете? Отсек затопило! Когда просверлили крышу, пыль просочилась внутрь и замкнула все цепи.

Мекензи прав. Все секции, которые сообщаются с наружной средой, сейчас забиты лунной пылью. Она ворвалась через отверстия в крыше, наполнила промежуток между стенками, постепенно скопилась вокруг силовой установки. В лунной пыли достаточно метеорного железа, она хороший проводник — и началась пиротехника: искры, вольтовы дуги, тысячи электрических костров.

— Если облить стенку водой,— сказал коммодор,— это поможет? Или фиберглас лопнет?

— Давайте попробуем,— отозвался Мекензи.— Только осторожно, чуть-чуть.

Он наполнил из крана пластмассовый стакан — вода уже нагрелась — и вопросительно поглядел на товарищей. Никто не возражал, и физик плеснул несколько капель на вздувшуюся плиту.

Раздался такой треск, что Мекензи тотчас прекратил свой опыт. Слишком опасно... Будь переборка металлическая, такой способ годился бы, но эта пластмасса плохо проводит тепло, она не выдержит термических напряжений.

— Мы тут ничего не можем сделать,— заключил коммодор.— И огнетушители не спасут. Лучше выйти и запереть

отсек. Дверь послужит переборкой, даст нам небольшую отсрочку.

Пат колебался. В кабине было невыносимо жарко, но отступать казалось ему трусостью. Хотя вообще-то доводы Хантена убедительны: если остаться здесь, пожалуй, задохнешься в дыму, едва огонь прогрызет фиберглас.

— Ладно, пошли,— согласился он.— И соорудим какую-нибудь баррикаду снаружи.

Успеют ли?..

Пат Харрис отчетливо слышал, как зловеще трещит стенка, которая сдерживала напор всепожирающего пламени.

Весть о том, что на «Селене» пожар, никак не отразилась на действиях Лоуренса. Торопиться нельзя: в эти решающие для всей операции минуты любая ошибка может оказаться роковой. Он мог только работать, работать и надеяться, что опередит пламя.

Сверху в колодец спустили устройство, напоминающее шприц для смазки или для росписи тортов. Правда, заряжено оно было не кремом и не тавотом, а быстро твердеющей органо-силиконовой смесью, которую накачали в него под большим давлением.

Первая задача — впрыснуть смесь в пространство между стенками корпуса, да так, чтобы при этом в колодец не просочилась пыль. Клепальным пистолетом Лоуренс вбил в обшивку «Селены» семь полых болтов: один в центр расчищенного круга, остальные равномерно по краям.

Затем он соединил шприц с центральным болтом и нажал спуск. Легкое шипение — смесь устремилась через полый болт, своим напором открыв клапан в его нижней части. Лоуренс быстро переносил шприц от болта к болту, посылая в каждый определенное количество смеси. Вот так, теперь она пропитала всю пыль между стенками, и получился как бы шершавый блин около метра в поперечнике. Нет, не блин, конечно, а суфле, ведь, вырвавшись из шприца, жидкость образует пену.

Через несколько секунд смесь начнет твердеть; для этого в нее добавлен катализатор. Лоуренс смотрел на часы: пять минут — и пена станет твердой, как камень, и пористой, как пемза. Вся пыль в этой части корпуса окажется «замороженной», и можно не опасаться нового притока.

Пять минут... Этот срок никак не сократишь, пена должна достичь заданной плотности, от этого зависит успех. Если он неверно выбрал точки или ошибся в расчете времени, если химики на Базе допустили промах, можно считать пассажиров «Селены» мертвыми.

Пока шло время, главный расчистил дно колодца. Он все отправил наверх и остался без каких-либо инструментов, с голыми руками. Если бы Морису Спенсеру удалось спустить в узкую шахту телекамеру (а он бы продал душу дьяволу за такую возможность!), зрители ни за что не угадали бы, что сейчас предпримет Лоуренс.

И как бы они удивились, увидев, что сверху главному инженеру спускают нечто вроде детского обруча! Но это была не игрушка, а ключ, призванный вскрыть «Селену».

Сью уже собрала пассажиров в носовой, приподнятой части кабины. Сгрудившись в кучу, они тревожно глядели на потолок и напрягали слух, ловя обнадеживающие звуки.

Вот когда важно их подбодрить, сказал себе Пат. Сам капитан не меньше, а может, больше других нуждался в этом; ведь только он (разве что Ханстен и Мекензи тоже догадались) полностью отдавал себе отчет, какая опасность им грозит.

Огонь — само собой. Он, конечно, убьет их, если прорвется в кабину; но огонь движется медленно, с ним какое-то, пусть короткое, время можно бороться. А вот против взрыва они бессильны.

«Селена» сейчас представляла собой мину с подожженным шнуром. Запас энергии в элементах, питавших ее двигатели

и электрические приборы, мог превратиться в неконтролируемое тепло, но взрывом не грозил. К сожалению, этого нельзя было сказать о цистернах с жидким кислородом.

В них осталось еще немало литров страшного холодного и чрезвычайно активного вещества. Когда нарастающий жар разрушит оболочку цистерн, физические и химические явления вызовут взрыв. Небольшой, конечно, равный по силе взрыву сотни килограммов тола. Достаточно, чтобы разнести «Селену» вдребезги.

Пат решил не говорить об этом Ханстену. Коммодор сооружал баррикаду. Снимал кресла в носовой части кабины и втискивал их в проход между задним рядом и дверью в туалетную. Будто они готовились отразить чье-то вторжение, а не бороться с пожаром. И ведь так оно и было. Пламя может и не распространиться за пределы энергоотсека, но, как только сдаст искореженная переборка, оттуда хлынет лунная пыль.

— Коммодор,— сказал Пат,— пока вы заняты здесь, я начну готовить пассажиров. Что будет, если двадцать человек одновременно бросятся к выходу!

В самом деле, страшно подумать. Нельзя допустить свалки, а это будет не просто, как ни дисциплинированны пассажиры. С одной стороны единственный узкий туннель, с другой — стремительно наступающая смерть; долго ли тут до паники.

Пат прошел на нос. На Земле это был бы крутой подъем, здесь же тридцатиградусный уклон не чувствовался. Глядя на обращенные к нему тревожные лица, капитан сказал:

— Пора приготовиться. Как только пробьют люк, сверху подадут веревочную лестницу. Первыми выходят женщины, за ними мужчины в алфавитном порядке. Не старайтесь бежать. Вспомните, как мало вы весите здесь, и поднимайтесь на руках, побыстрее, конечно. Но не тесните переднего, времени вполне достаточно, и за несколько секунд вы уже бу-

дете наверху. Сью, попрошу вас выстроить всех по порядку. Хардинг, Брайен, Юхансон, Баррет, вы остаетесь в резерве. Нам может понадобиться ваша...

Он не закончил фразы — из кормовой части пылехода донесся приглушенный взрыв. Ничего особенного, бумажный пакет хлопнул бы громче. Но этот звук означал, что переборка сдала. А потолок, к несчастью, был еще цел.

В нескольких сантиметрах над ними Лоуренс положил свой обруч на фиберглас и принялся обмазывать его быстросхватывающимся цементом. Поперечник обруча почти равнялся диаметру колодца, в котором сидел на корточках главный. Опасности никакой, и все-таки Лоуренс работал очень осторожно. Бесцеремонное обращение подрывников со взрывчаткой ему никогда не нравилось.

Кольцевой заряд, который он установил, не представлял собой ничего необычного и действовал просто. Взрыв высечет аккуратную канавку, заданной ширины и глубины, в тысячную долю секунды выполнит работу, на которую у электрической пилы ушло бы четверть часа. Кстати, сперва Лоуренс хотел применить пилу; хорошо, что передумал. Не похоже, чтобы в его распоряжении было пятнадцать минут!

Он вскоре убедился в этом.

— Огонь в кабине! — крикнули сверху.

Главный инженер поглядел на часы. На миг ему показалось, что секундная стрелка замерла на месте. Знакомая иллюзия. Нет, часы не остановились, просто время идет не так быстро, как нужно бы сейчас. До сих пор оно текло слишком стремительно, теперь, разумеется, тащится еле-еле...

Еще тридцать секунд, и пена затвердеет. Лучше чуть подождать, чем взрывать преждевременно, когда она еще пластична.

Лоуренс не спеша стал подниматься вверх по лестнице, разматывая провода электродетонатора. Он точно рассчитал

время. Когда главный вышел из колодца, снял с оголенных концов провода страхующую закоротку и присоединил их к электродетонатору, оставалось ровно десять секунд.

— Передайте, что мы начинаем отсчет,— сказал он.

Спускаясь бегом на корму, чтобы помочь коммодору (хотя он плохо представлял себе, что теперь можно сделать), Пат слышал, как Сью неторопливо называет фамилии:

— Мисс Морли, миссис Уильямс, миссис Шастер...

Ирония судьбы: мисс Морли опять будет первой, теперь уже по воле алфавита. На этот раз ей не на что пожаловаться.

Но тут ему пришла в голову другая, ужасная мысль: «А если миссис Шастер застрянет в туннеле и закупорит выход?» И ведь не пустишь ее последней!.. Нет-нет, все будет в порядке. Не может быть, чтобы спасатели не предусмотрели этого. К тому же миссис Шастер заметно похудела.

При первом взгляде Пату Харрису показалось, что дверь туалетной успешно противостоит натиску изнутри. Если бы не тонкие струйки дыма вдоль петель, можно подумать, что вообще ничего не произошло. И Пат облегченно вздохнул. Это же двойной фиберглас! Пока он сгорит, пройдет часа четыре, а то и больше. Задолго до этого...

Что-то щекотало его босые ступни. Пат сперва невольно шагнул в сторону, потом уже в сознании родился вопрос: «Что это такое?»

Он поглядел вниз. И хотя глаза Пата давно привыкли к тусклому аварийному освещению, до него не сразу дошло, что в щель под забаррикадированной дверью просочился зловещий серый поток — и обе плиты прогнулись под многотонным давлением пыли! С минуты на минуту их сорвет. А если не сорвет, это теперь не играет никакой роли. Грозный беззвучный прилив наступал, лунная пыль поднялась ему уже до щиколоток.

Пат оцепенел, он даже не пытался заговорить с коммодором, который стоял рядом с ним так же неподвижно. В пер-

вый (и скорее всего, последний) раз в жизни капитана Пата Харриса охватил приступ неодолимой ярости. Море Жажды, которое в этот миг множеством тонких, сухих щупалец гладило его ноги, казалось Пату коварным существом, которое играло с ним, как кошка с мышкой. «В ту самую минуту,— думал он,— когда мы считали, что теперь уже все в порядке, Море всякий раз преподносило нам новый сюрприз. Мы все время отставали на один ход, а теперь ему и вовсе наскучила игра. Этот Редли не так уж и ошибался...»

Свисающий из трубы воздухопровода громкоговоритель пробудил Пата Харриса от мрачных размышлений.

— У нас все готово! — крикнули сверху.— Отойдите в конец кабины и прикройте лицо. Начинаем отсчет с десяти.

— ДЕСЯТЬ.

«Мы и так дошли до конца,— подумал Пат.— Десять!.. Не много ли будет... Не дотянем».

— ДЕВЯТЬ.

«Бьюсь об заклад, все равно ничего не выйдет. Море не допустит. Как только почует, что мы ускользаем...»

— ВОСЕМЬ.

«А жаль, ведь сколько сил положили. Сколько людей работали как черти, старались выручить нас. И надо же, такое невезение...»

— СЕМЬ.

«Кажется, семь — счастливое число? Может, все-таки выберемся? Хотя бы несколько человек...»

— ШЕСТЬ.

«Почему не потешить себя? Теперь уже все равно. Итак, если считать... ну, пятнадцать секунд на то, чтобы пробить люк...»

— ПЯТЬ.

«И сбросить лестницу; они, наверное, подняли ее для сохранности...»

— ЧЕТЫРЕ.

«И допустим, каждые три секунды выходит один пассажир... пусть даже пять секунд...»

— ТРИ.

«Двадцать два на пять получается тысяча... нет, вздор, арифметику забыл...»

— ДВА.

«Словом, сто с чем-то секунд, или почти две минуты, за это время проклятые цистерны вполне успеют отправить нас на тот свет...»

— ОДИН.

«Один! А я еще не закрыл лицо. Может, лечь, пусть наглотаюсь этой вонючей дряни...»

Громкий отрывистый треск и словно порыв ветра. И все. Совсем не эффектно. Но подрывники превосходно знали свое дело (всегда бы так!). Энергия взрыва была точно рассчитана и направлена, ее избытка хватило только на то, чтобы исчертить рябью лунную пыль, которая покрыла уже половину площади пола.

Время остановилось, целую вечность длилась заминка. А затем на глазах у них медленно свершилось чудо, неожиданное, а потому особенно ошеломляющее; хотя если бы было время вдуматься — ничего таинственного.

В алом полумраке вспыхнуло кольцо яркого белого света. Шире, шире... и вдруг превратилось в сплошной правильный круг; часть потолка отделилась и упала. Вверху была всего-навсего одна тлеющая лампа, к тому же подвешенная на высоте двадцати метров, но глазам, которые за много часов привыкли к красной полутьме, она показалась ярче утренней зари.

Почти мгновенно появилась веревочная лестница. Мисс Морли сорвалась с места, как спринтер, и исчезла в шахте. Когда подошла очередь миссис Шастер (она поворачивалась не так живо, но и не мешкала), получилось настоящее затмение. Лишь несколько тонких лучиков прорывалось из спаси-

тельного колодца, и в кабине снова стало темно, после короткого проблеска света опять воцарилась ночь.

Пора выходить мужчинам. Первым мистер Бальдур; наверное, рад, что у него такая фамилия. Не больше десяти человек оставалось в кабине, когда забаррикадированная дверь туалетной сорвалась с петель. Лавина смела запруду!

Волна настигла Пата Харриса примерно посредине пола. Как ни легка и текуча была лунная пыль, она сковала его движения; капитан словно увяз в клею. Хорошо еще, что влажный воздух несколько связал пыль, не то кабина была бы заполнена удушливым облаком. Пат кашлял, чихал, он почти ничего не видел, но все еще мог дышать.

Сквозь багровый туман доносился голос Сью:

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

Стюардесса строго следила за очередью. Он рассчитывал, что Сью выйдет сразу за остальными женщинами, но она продолжала руководить своими подопечными.

Пат отчаянно сражался с липкой зыбучей пылью, которая поднялась ему уже до пояса, и думал о Сью, думал с такой любовью, что сердцу стало больно. Его сомнения кончились. Настоящая любовь сочетает и влечение, и нежность. Пата давно влекло к Сью, нежность пришла теперь.

— Двадцать... коммодор, ваша очередь, живей!

— Черта с два, Сью,— ответил коммодор.— Выходите!

Пат не видел, что произошло, пыль и мрак мешали ему, но он догадался, что Ханстен буквально выбросил Сью в отверстие в потолке. Ни возраст, ни годы работы в космосе не ослабили мускулов коммодора, тренированных на Земле.

— Вы здесь, Пат? — раздался голос Ханстена.— Я стою на лестнице.

— Не ждите... Иду.

Это было легче сказать, чем сделать. Миллионы мягких, но сильных пальцев цеплялись за него, тащили обратно в по-

ток. Пат ухватился за спинку кресла — она едва выдавалась над пылью — и рванулся к свету.

Что-то ударило его по лицу, и он невольно поднял руку, чтобы оттолкнуть мешающий предмет, но тут же сообразил: это же лестница! Напрягая все силы, Пат подтянулся на руках. Медленно, нехотя Море Жажды ослабило свою хватку...

Прежде чем выскочить в люк, Пат напоследок обвел взглядом кабину пылехода. Вся кормовая часть была затоплена, и лунная пыль продолжала подниматься. Ее серая гладь была безупречно ровной, без единой морщинки. Зрелище было противоестественное, а потому вдвойне страшное. В метре от Пата (он знал, что запомнит эту подробность на всю жизнь), будто игрушечный кораблик на тихом пруду, лениво качался бумажный стаканчик. Через две-три минуты его прижмет к потолку и поглотит пыль, но пока что он храбро боролся.

Не сдавался и аварийный свет. Лампочки, даже погруженные в непроницаемый мрак, будут гореть еще много дней...

Очутившись в колодце, Пат Харрис карабкался вверх со всей скоростью, на которую он был способен, но коммодора догнать не смог. Внезапно в глаза ему ударил яркий свет — Ханстен вышел наружу. Пат невольно наклонил голову и увидел догоняющую его пыль. Все такая же гладкая и безмолвная — и наступает так же неотвратимо.

Осталось шагнуть через верхний обрез кессона, и вот он стоит посредине битком набитого людьми иглу, окруженный своими усталыми, измученными спутниками. Им помогали прийти в себя четверо в скафандрах и один человек без скафандра. Очевидно, это и есть главный инженер Лоуренс. Как-то даже странно после всех этих дней увидеть новое лицо...

— Все вышли? — быстро спросил Лоуренс.

— Да,— ответил Пат.— Я последний.— И добавил: — Надеюсь...

В этакой суматохе, в темноте немудрено было и забыть кого-нибудь. Вдруг Редли решил, что не стоит возвращаться в Новую Зеландию, где ему придется держать ответ?..

Нет... Вот он, вместе со всеми. Только Пат начал пересчитывать своих людей, как пластиковый пол подпрыгнул, а над колодцем взлетело ровное колечко пыли. Оно коснулось потолка, отскочило и рассыпалось. Все опешили.

— Это еще что такое? — удивился главный.

— Кислородная цистерна,— ответил Пат.— Прощай, старина лунобус, ты продержался, сколько нужно.

И капитан «Селены» расплакался. Ему было очень неловко, но он ничего не мог с собой поделать.

— Все равно не нравятся мне эти флаги,— сказал Пат, когда пылеход отчалил от пристани Порт-Рориса.— Очень уж не́лепо, как подумаешь, что они висят в вакууме.

Хотя, если говорить начистоту, иллюзия была полная. Пестрые вымпелы, украсившие здание Космопорта, развевались на несуществующем ветру. Сделано это было очень просто, пружины и электрические моторчики помогали морочить голову телезрителям на Земле.

Сегодня большой праздник для Порт-Рориса, да что там — для всей Луны. Жаль, нет с ним Сью, но она не в форме для такого путешествия. Утром, провожая его, она даже пожаловалась:

— Не представляю себе, как женщины на Земле заводят детей! Носить такую тяжесть там, где тяготение в шесть раз больше нашего!

Пат отвлекся от размышлений о семье и включил полный ход. Будто одноцветные радуги, изогнулись в лучах солнца параболы лунной пыли, и в кабине, за спиной капитана «Селены-2», раздались восторженные возгласы тридцати двух пассажиров.

Первый рейс нового лунобуса проходил днем. Путешественники не увидят волшебного свечения Моря Жажды, зеленого сияния недвижной Земли, и не будет ночного броска по каньону к Кратерному Озеру. Но все это возмещалось новизной и необычностью впечатлений. Благодаря своей не-

счастливой предшественнице «Селена-2» оказалась едва ли не самым знаменитым судном во всей Солнечной системе.

Старая истина: дурная слава — лучшая реклама. И, подсчитывая предварительные заявки на билеты, начальник «Луноториста» радовался, что не уступил, заставил увеличить салон, чтобы можно было взять больше пассажиров. А сколько пришлось воевать, чтобы вообще получить новую «Селену»! «Пуганая ворона куста боится»,— твердил главный администратор и уступил лишь после того, как патер Феррaро и Геофизическое управление убедили его, что в ближайший миллион лет можно не опасаться каверз Моря.

— Так держать,— сказал Пат второму пилоту, вставая с места.— Пойду побеседую с пассажирами.

Он был еще достаточно молод и тщеславен, ему льстили восхищенные взгляды пассажиров. Не было на борту человека, который не читал бы про капитана Пата Харриса или не видел его по телевизору. Уже то, что они здесь сидят, знак полного доверия к нему. Конечно, не его лишь в том заслуга, Пат отлично понимал это, но он без ложной скромности оценивал свое поведение в последние часы «Селены-1». Маленькая золотая медаль погибшего пылехода — свадебный подарок мистеру и миссис Харрис «От всех участников последнего плавания, с искренним восхищением» — была для него самой дорогой наградой.

Пат Харрис шел к корме, обмениваясь приветствиями с пассажирами. Вдруг он остановился как вкопанный.

— Хелло, капитан,— произнес памятный голос.— Вы, кажется, удивлены?

Пат мигом взял себя в руки и изобразил ослепительнейшую официальную улыбку:

— О, мисс Морли, какая приятная неожиданность! Я и не подозревал, что вы на Луне.

— Для меня это тоже сюрприз. А все благодаря очерку, который я написала про «Селену-один». Редакция «Межпла-

нетной жизни» поручила мне рассказать о первом рейсе нового пылехода.

— Надеюсь,— сказал Пат,— он пройдет без таких приключений, как в прошлый раз!.. Скажите, вы встречаетесь с кем-нибудь из остальных? Недавно я получил письмо от доктора Мекензи, Шастеры тоже пишут, но о Редли я ничего не знаю. Что случилось с беднягой после того, как Хардинг забрал его?

— Ничего. Если не считать, что его уволили. Подавать на него в суд? Так ведь все будут сочувствовать Редли, и еще кто-нибудь вздумает последовать его примеру! Говорят, он теперь зарабатывает на жизнь, читая своим единоверцам лекции на тему «Что я обнаружил на Луне». И знаете, капитан Харрис, я берусь предсказать...

— Что?

— Он еще вернется на Луну.

— Хоть бы поскорей! Я так и не понял, что именно он собирался найти в Море Кризисов.

Они рассмеялись, потом мисс Морли сказала:

— Я слышала, вы уходите с этой работы.

Пат заметно смутился.

— Это верно,— подтвердил он.— Перехожу на космические линии. Если выдержу все испытания.

Пат был далеко не уверен в этом, но не мог отказаться от попытки. Водить лунобус — работа интересная, приятная, спору нет. А дальше? Правильно говорят Сью и коммодор: это тупик.

Была у него и другая причина. Пат Харрис частенько задумывался над тем, сколько судеб переменилось, когда Море Жажды зевнуло под звездным небом. Пережитое на «Селене-1» отразилось на каждом, и почти все они изменились к лучшему. За примером ходить недалеко: вот как мирно разговаривают он и мисс Морли...

События тех дней не прошли бесследно и для участников спасательной операции, особенно для доктора Лоусона и главного инженера Лоуренса.

Пат не раз видел вспыльчивого астронома на экране телевизора в передачах на научные темы; но и чувство благодарности не помогало — Лоусон по-прежнему не нравился ему. Зато он, судя по всему, нравится миллионам зрителей.

Что же до Лоуренса, то он не покладая рук писал книгу (условное название — «Человек о Луне») — и проклинал день, когда подписал договор с издательством. Пат помогал ему с главами, посвященными «Селене»; Сью взялась, пока не родился ребенок, вычитать рукопись.

— Извините,— сказал Пат Харрис, вспомнив о своих обязанностях капитана,— я должен уделить внимание и другим пассажирам. Будете в Клавии, загляните к нам.

— Непременно загляну,— обещала мисс Морли, слегка озадаченная, но явно довольная приглашением.

Пат пошел дальше, отвечая на приветствия и вопросы. Вот и отсек перепада. Он вошел, затворил за собой дверь и очутился в одиночестве.

Что говорить, здесь просторнее, чем в маленькой переходной камере «Селены-1»! Но в общем все такое же, и не удивительно, что нахлынули воспоминания... Вот скафандр — уж не тот ли самый, который снабжал кислородом его и Мекензи, пока остальные спали?.. И разве не к этой переборке он прижимал ухо, слушая шорох восходящего пылевого потока? И ведь именно в камере перепада он и Сью впервые по-настоящему узнали друг друга...

Но вот новинка: окошко в наружной двери. Пат прижал лицо к стеклу и устремил взгляд вдаль над летящей мимо гладью Моря Жажды.

Сейчас эта сторона пылехода была теневой, окошко смотрело в черную космическую ночь, и, как только глаза привыкли к мраку, он увидел звезды. Лишь самые крупные, разумеется, так как остальные мешал различить рассеянный свет. Вот Юпитер — после Венеры самая яркая из планет.

Скоро он будет там, вдали от родного мира... Эта мысль и возбуждала, и пугала, и все-таки Пат знал, что не усидит на месте.

Он любил Луну, но она пыталась убить его, и ему всегда будет не по себе среди ее голых равнин. Конечно, большой космос еще грознее и беспощаднее, однако с ним Пату пока не приходилось воевать, а отношения с родной Луной в лучшем случае будут походить на вооруженный нейтралитет.

Дверь в кабину отворилась, вошла стюардесса, неся поднос с пустыми чашками. Пат отвернулся от окна и звезд. Когда он увидит их в следующий раз, они будут неизменно ярче.

Капитан улыбнулся девушке в опрятной форме.

— Это все ваше, мисс Джонсон.— Он обвел рукой тесный камбуз.— Будьте хорошей хозяйкой.

Затем он вернулся на нос, к пульту управления и повел «Селену-2» в первый рейс, в свое последнее плавание по Морю Жажды.

ОСТРОВ ДЕЛЬФИНОВ

Джонни Клинтон спал, когда амфибия на воздушной подушке промчалась по равнине вдоль старого шоссе. Свист и рев среди ночи не потревожили Джонни, к такому шуму он привык чуть ли не со дня своего рождения. Для любого мальчика двадцать первого века это были волшебные звуки, они говорили о далеких странах, об удивительных грузах, которые перевозили первые суда, передвигавшиеся с одинаковой легкостью по суше и по морю.

Нет, рев дюз не мог разбудить Джонни, хоть и привычно вторгался в его сны. Но когда рев внезапно прекратился, Джонни приподнялся в кровати, протирая глаза и напрягая слух. Амфибия замолкла на середине Трансконтинентальной магистрали № 21. Что могло случиться? Неужели один из огромных сухопутных лайнеров и вправду остановился здесь, более чем в шестистах километрах от ближайшей станции?

Что ж, проверить это можно было только одним способом. Мгновение он колебался, не хотелось встретиться лицом к лицу с морозной ночью. Все же он собрался с духом, набросил на плечи одеяло, тихонько поднял раму окна и вылез на балкон. Свежо!

Стояла прекрасная ночь, почти полная луна четко и подробно освещала спящую долину. Отсюда, с южной стороны, Джонни не мог видеть шоссе, но балкон опоясывал весь

© Перевод В. Голанта.

старомодный дом, и мальчик украдкой стал пробираться к северному фасаду. Особенно осторожно он крался мимо спален тети и кузенов; знал, что начнется, если они проснутся.

Но дом крепко спал под зимней луной, и никто из его «милых» родичей не пошевельнулся, когда Джонни проскользнул на цыпочках мимо их окон. Через мгновение он и думать забыл о них.

Ему ничего не приснилось, амфибия сошла с широкой ленты шоссе и, сияя огнями, стояла на земле в нескольких сотнях метров от магистрали. Джонни понял, что это грузовое судно, а не пассажирский лайнер, на нем была только одна обсервационная палуба, значительно более короткая, чем корпус судна, достигавший в длину ста пятидесяти метров. Джонни подумал, что амфибия похожа на огромный утюг — только вместо ручки, которая у обыкновенного утюга расположена вдоль, судно ближе к носовой части пересекал поперек обтекаемый мостик. Над мостиком мигал красный огонь, предупреждавший об опасности любое другое судно, если бы оно оказалось в этих местах.

«С ним что-то не в порядке,— подумал Джонни.— Интересно, сколько времени оно пробудет здесь? Успею ли я подбежать к нему и хорошенько осмотреть?» Джонни никогда не видел судно-амфибию вблизи, во всяком случае, не видел во время остановки. Ну а когда такое судно с ревом проносится мимо, делая около пятисот километров в час, много не разглядишь.

Джонни не стал долго раздумывать. Десять минут спустя, одевшись потеплее, он отпер дверь черного хода. Но, выходя в эту холодную ночь, он, конечно, не мог предвидеть, что затворил за собой дверь дома в последний раз. А если б и предвидел, то не слишком бы огорчился.

Чем ближе подходил Джонни к судну, тем яснее понимал, какое оно огромное. А ведь это еще не был один из тех гигантов, стотысячетонных танкеров или зерновозов, которые иногда, свистя, проносились по долине; тоннаж этого судна, вероятно, всего тысяч пятнадцать — двадцать. На носу его виднелась чуть выцветшая надпись: «Санта-Анна, Бразилия». Даже при лунном свете Джонни разглядел, что амфибии не помешал бы новый слой краски, да и хорошая чистка тоже. Если двигатели находятся в таком же состоянии, что и видавший виды, залатанный корпус, то удивляться неожиданной остановке не приходится.

Джонни обошел неподвижное чудовище кругом — никаких признаков жизни. Что ж, грузовые суда управлялись в значительной степени автоматически, и в команде амфибии с таким тоннажем насчитывалось, вероятно, не более дюжины человек. Если его предположение верно, все они сейчас в машинном отделении — стараются выяснить, что там испортилось.

Теперь, когда двигатели больше не поддерживали «Санта-Анну» в воздухе, она покоилась на огромных плоскодонных камерах, сообщавших ей плавучесть при посадке на море. Они занимали всю длину корпуса и стеной возвышались над Джонни. В нескольких местах на эту стену можно было взобраться; трапы с поручнями вели к входным люкам, находившимся на высоте шести метров.

Джонни задумчиво поглядел на люки. Они, вероятно, закрыты; а что, если взять и подняться на борт? Может, ему повезет, и он успеет толком осмотреть судно, прежде чем его обнаружат и вышвырнут вон. Такой случай выпадает раз в жизни, и он никогда не простит себе, если упустит его...

Недолго думая, Джонни начал карабкаться вверх по ближайшему трапу. Однако примерно в полутора метрах от земли заколебался и на мгновение остановился.

Слишком поздно. Огромная изогнутая стена, по которой он полз, как муха, вдруг стала вибрировать. Тишину ночи разорвали вой и рев — казалось, на землю обрушилась разом тысяча ураганов. Джонни глянул вниз — из-под «Санта-Анны», тяжело поднимавшейся на воздух, полетели комья грязи, камни, пучки травы. Он не мог спрыгнуть: струи воздуха унесут его, как буря уносит пушинку. Спасение было наверху: ему надо попасть внутрь, прежде чем судно тронется. А что, если люк задраен — об этом даже страшно подумать!

Но ему повезло. Нажав на ручку, вделанную заподлицо с поверхностью металлической двери, он увидел тускло освещенный коридор. Секунду спустя, с глубоким вздохом облегчения, Джонни очутился внутри «Санта-Анны». В тот момент, когда он закрывал дверь, рев дюз сменился глухими раскатами, и он почувствовал, что судно тронулось. Так началось путешествие Джонни в неведомое.

Первые несколько минут он был испуган, но потом сообразил, что тревожиться не о чем... Нужно только найти дорогу к мостику, объяснить капитану, что произошло, и его высадят на ближайшей остановке. Через несколько часов полиция доставит его домой.

Домой. Но у него нет дома; нет такого места, где он был бы по-настоящему своим. Двенадцать лет назад, когда ему только исполнилось четыре года, родители его погибли при авиационной катастрофе; с тех пор он жил у тетки, сестры матери. У тети Марты была своя семья, прибавление к которой

ее не очень-то обрадовало. Пока был жив веселый толстяк дядя Джеймс, Джонни чувствовал себя не так уж плохо, но теперь, когда дяди не стало, мальчик понимал все яснее, что в этом доме он чужой.

А раз так, зачем возвращаться, по крайней мере пока не принудят? Он вытащил счастливый билет и чем дальше, тем больше убеждался, что сама судьба занялась его делами. Удача поманила его, и он последует за ней.

Прежде всего надо спрятаться. Пожалуй, это нетрудно на таком большом судне. Но к несчастью, он не имел понятия о внутренней планировке «Санта-Анны». Малейшая неосторожность — и напорешься на кого-нибудь из команды. Самое лучшее — поискать трюм, вряд ли туда кто заглядывает, пока судно движется.

Чувствуя себя почти взломщиком, Джонни отправился на поиски и вскоре совсем заблудился. Казалось, он прошел уже много километров по тускло освещенным коридорам и проходам, то поднимаясь по винтовым лестницам, то спускаясь по отвесным трапам, то пробираясь мимо люков и металлических дверей с таинственными надписями. Раз, не в силах устоять перед обаянием надписи «Главные двигатели», он тихонько приоткрыл одну из них. Внизу он увидел обширное помещение, где теснились турбины и компрессоры. Огромные воздухопроводы, толщиной со здоровенного мужчину, спускались с потолка и уходили в пол. В ушах Джонни опять завыла, засвистела буря. Дальнюю стену машинного отделения занимали контрольные приборы. Трое людей рассматривали эти приборы и были так заняты своим делом, что Джонни чувствовал себя в полной безопасности. К тому же их и Джонни разделяло не меньше пятнадцати метров, вряд ли кто-нибудь из них заметит, что дверь приоткрылась на несколько сантиметров.

Люди о чем-то совещались — преимущественно жестами: говорить в таком грохоте было бессмысленно. Впрочем, Джон-

ни вскоре понял, что они, пожалуй, не совещаются, а спорят между собой, яростно рубя ладонями воздух, тыча пальцами в шкалы приборов и пожимая плечами. Наконец один из людей сделал жест, как бы желая сказать: «Я умываю руки», и вышел из машинного отделения. Джонни подумал, что на «Санта-Анне» не все благополучно.

Несколько минут спустя он нашел место, где можно было спрятаться,— небольшую кладовую, заваленную грузами и багажом. Багаж был адресован в различные пункты Австралии, и Джонни решил, что ему еще долго ничто не будет грозить. Вряд ли кто-нибудь зайдет в кладовую раньше, чем судно пересечет Тихий океан и окажется на другом конце земли. Он, Джонни, очутится далеко, далеко от дома.

Мальчик расчистил себе местечко среди ящиков и тюков и со вздохом облегчения уселся, опершись спиной о большой ящик с надписью: «П-ое средство химической компании "Бундаберг"». Он задумался над тем, что означает таинственное «П-ое», и, так и не додумавшись до слова «Патентованное», уснул, сраженный усталостью, на твердом металлическом полу.

Когда он проснулся, судно стояло; Джонни сразу понял это по тишине и отсутствию вибрации. Он глянул на часы и увидел, что провел на борту уже пять часов. За это время «Санта-Анна» могла пройти тысячу миль, разумеется, если ей не пришлось делать новых остановок. Вероятно, она стоит в одном из крупных внутренних портов Тихоокеанского побережья и выйдет в море, как только закончится погрузка.

Джонни понимал, что, если его сейчас обнаружат, приключению конец. Лучше не вылезать, пока судно не окажется далеко в океане. Не станут же поворачивать назад, чтобы высадить шестнадцатилетнего зайца. Но ему хотелось есть и пить; раньше или позже придется раздобывать пищу и воду. Может случиться, что «Санта-Анна» простоит здесь несколько дней, и тогда голод выгонит его из потайного убежища...

Он решил не думать о еде, хотя это было нелегко, так как наступило время завтрака. Но Джонни твердо сказал себе: великие искатели приключений и исследователи терпели и не такие лишения.

По счастью, «Санта-Анна» оставалась в неведомом порту не более часа. С величайшим облегчением Джонни почувствовал, как пол под ним задрожал, раздался приглушенный рев дюз. Джонни придавило книзу, когда судно приподнялось над землей, а когда оно рванулось вперед, его отбросило назад. Часа через два, если его расчеты правильны и это последняя остановка на суше, Джонни окажется далеко в открытом море.

Он терпеливо прождал эти два часа, а затем решил, что может сдаться в плен, ничем не рискуя. Немножко волнуясь, Джонни отправился на поиски команды и — на что он очень надеялся — какой-нибудь еды.

Но скоро он убедился, что сдаться не так легко, как он предполагал: если снаружи «Санта-Анна» выглядела большой, то внутри она казалась просто громадной. Голод стал невыносимым, а Джонни все еще никого не нашел.

Кое-что, однако, его подбодрило. Он набрел на маленький иллюминатор, через который впервые увидел окружающий судно мир. Обзор был не очень широкий, но все же достаточный. Перед ним, насколько хватал глаз, беспокойно катились сероватые волны. Никаких признаков земли, только пустынный океан, проносившийся внизу с огромной быстротой.

Море Джонни видел впервые. Всю свою жизнь он провел в глубине материка среди гидропонных ферм Аризонской пустыни или молодых лесов Оклахомы. Зрелище безбрежного, неукротимого океана было замечательным и немного пугающим.

Он долго смотрел в иллюминатор, стараясь убедить себя, что и вправду удаляется от родины и держит путь в страну, о которой ничего не знает. Но теперь-то передумать нельзя!

Совершенно неожиданно разрешилась продовольственная проблема. Джонни наткнулся на спасательный катер. Это был восьмиметровый палубный баркас, он был вдвинут под одну из секций корпуса, открывавшуюся, как огромное окно. Катер висел на двух шлюпбалках, которые при надобности спускали его прямо в море.

Джонни не устоял перед искушением влезть в катер, и первое, на что он наткнулся, был рундук с надписью: «Аварийный запас». Борьба с совестью продолжалась недолго; уже через полминуты он жевал сухари и что-то похожее на сушеное мясо. Порядком прогорклая вода из бачка утолила его жажду, и вскоре он почувствовал себя гораздо лучше. Конечно, такое плавание не увеселительная прогулка, но перенести его теперь будет легче.

Открытие заставило Джонни пересмотреть свои планы. Сдаваться незачем; он может прятаться до конца путешествия, а в случае удачи даже сойти незамеченным на берег. Он не имел представления о том, что будет делать потом, но Австралия — большая страна и что-нибудь — в этом Джонни был уверен — подвернется.

Возвратившись в свое потайное убежище с запасом пищи часов на двадцать — а дольше плавание, очевидно, и не продлится,— Джонни дал себе отдых. Он то дремал, то поглядывал на часы, пытаясь угадать, где находится «Санта-Анна». Сделает ли она остановку на Гавайях или других островах Тихого океана? Он надеялся, что такой остановки не будет. Ему хотелось начать новую жизнь как можно скорее.

Раз или два он вспомнил тетю Марту. Огорчится ли она, узнав, что он убежал? Едва ли. А двоюродные братья, несомненно, будут только рады от него избавиться. Придет день, когда, богатый и преуспевающий, он снова предстанет перед ними лишь для того, чтобы доставить себе удовольствие поглядеть, какую они при этом скорчат мину. Встретится он и со своими одноклассниками — прежде всего с теми, кто смеялся над его маленьким ростом и звал Коротышкой.

Он покажет им, что ум и решимость стоят больше, чем мускулы... Джонни предавался этим приятным фантазиям, пока они незаметно не перешли в сон.

Он все еще спал, когда путешествие оборвалось. Его разбудил взрыв, за которым мгновение спустя последовал сильный толчок — «Санта-Анна» рухнула в море. Затем погас свет, и он остался совсем один в полном мраке.

Впервые в жизни Джонни испытал панический, нерассуждающий страх. Ноги у него подгибались, грудь стеснило так, что он едва дышал. Ему казалось, что он уже тонет. Так, верно, и случится, если он не выберется из ловушки.

Необходимо найти дверь. Но его окружали тюки и ящики, и, бродя среди них, он окончательно заблудился. Это было как в кошмарном сне, когда хочешь бежать и не можешь. Но Джонни не спал — все происходило слишком наяву.

Его панический страх прошел только тогда, когда он больно стукнулся о какое-то невидимое препятствие — это его отрезвило. Нельзя терять голову и наугад метаться в темноте. Нужно двигаться в одном направлении, пока он не найдет стену. Тогда вдоль нее можно будет добраться до двери.

Задумано было правильно, но пришлось обходить столько препятствий, что Джонни показалось, будто это длится вечность. Наконец он нащупал ровную металлическую поверхность и понял, что добрался до стены отсека. Теперь найти дверь уже несложно. Он чуть не вскрикнул от радости, когда распахнул ее настежь, потому что там, в коридоре, не было, как он боялся, темно. Правда, основная осветительная система вышла из строя, но работала аварийная, и он свободно пошел вперед.

Вдруг он увидел клубы дыма и понял, что «Санта-Анна» горит. Пол в коридоре стал покатым — это судно дало силь-

ный крен в сторону кормы, где размещались двигатели. «Значит, взрывом поврежден корпус,— догадался Джонни,— и море врывается внутрь».

Возможно, судну не грозила опасность, но Джонни совсем не был в этом уверен. Ему не нравился крен и еще больше — зловещее потрескивание обшивки. Судно беспомощно зарывалось носом и переваливалось с борта на борт, это было ужасно неприятно. Джонни замутило — начиналась морская болезнь. Он старался не обращать на это внимания и сосредоточиться на более важной проблеме: как остаться живым.

Если судно тонет, нужно как можно скорее разыскать спасательный катер; там, конечно, сейчас все, кто находится на борту. Вот изумится команда, увидев еще одного пассажира! Надо надеяться, что на катере хватит места и для него.

Но как попасть в ту часть судна, где помещается спасательный катер? Ведь он только раз ходил туда! Разумеется, он нашел бы, будь у него побольше времени, а вот времени-то и не было. Джонни так торопился, что то и дело сворачивал не в ту сторону и ему приходилось возвращаться. Вдруг дорогу преградила массивная стальная переборка, он определенно не видел ее раньше. По краям ее вился дымок, и Джонни совершенно отчетливо слышал не прекращавшийся треск где-то далеко за ней. Он повернулся и стремглав понесся обратно по тускло освещенному проходу. Наконец он, изнемогая от усталости, окончательно перепуганный, выбрался на правильный путь. Да, это тот коридор — в конце его должно быть несколько ступенек, ведущих туда, где находится спасательный катер. Теперь, когда цель оказалась близка и незачем было беречь силы, он снова побежал.

Память не подвела его. Вот и ступеньки, как раз там, где он ожидал. Но катер исчез. Шлюпбалки повернуты наружу, блоки еще раскачиваются, словно издеваясь над Джонни. Через огромный люк, открытый, чтобы дать проход спасательному катеру, с яростью врывается ветер, швыряя клубы пены.

Джонни почувствовал на губах горький вкус соли. А скоро ему придется распробовать эту горечь до конца.

С тяжело бьющимся сердцем он подошел к открытому люку и глянул на море. Стояла ночь, и луна, свидетельница начала его приключения, теперь смотрела на то, чем оно кончается. Всего лишь в нескольких метрах внизу море свирепо колотило в борт судна. Время от времени волна побольше добиралась до верха, крутя водовороты у ног Джонни. Даже если вода не заливает «Санта-Анну» через другие отверстия, это скоро начнется здесь.

Где-то неподалеку раздался глухой взрыв, огни аварийного освещения мигнули и погасли. Что ж, они послужили ему ровно столько, сколько было необходимо — он никогда не нашел бы дороги сюда в темноте. Но какое это имело, в сущности, значение? Он был один на тонущем судне, в сотнях миль от земли.

Джонни вглядывался во мрак ночи, надеясь увидеть спасательный катер, но море было пустынно. Катер мог, разумеется, находиться за другим бортом «Санта-Анны», тогда понятно, почему его не видно. Такое объяснение казалось Джонни наиболее вероятным, вряд ли команда покинет эти места, пока судно держится на плаву. С другой стороны, поспешность, с какой люди погрузились на катер, показывает, что они знали, насколько велика опасность. У Джонни мелькнуло в голове: а что, если груз «Санта-Анны» — взрывчатка или горючие вещества? Если да, то когда они взорвутся?

Волна ударила его по лицу, залепив глаза пеной. Всего за несколько минут море намного приблизилось. Джонни не поверил бы, что это большое судно может погружаться с такой быстротой. Но суда на воздушных подушках строились с небольшим запасом прочности и не были рассчитаны на подобные испытания. Он подумал, что примерно через десять минут вода дойдет до его ног.

Но он ошибся. Вдруг, совершенно неожиданно, «Санта-Анна», вместо того чтобы по-прежнему медленно и равномер-

но переваливаться с борта на борт, сделала отчаянный рывок, как умирающее животное, которое пытается в последний раз вскочить на ноги. Джонни инстинктивно почувствовал, что судно сейчас пойдет ко дну, что нужно отплыть как можно дальше, и не стал колебаться.

Собравшись с духом, он ловко и красиво прыгнул. Погружаясь в воду, успел удивиться, что ощутил не холод, а тепло.

Он забыл, что за эти несколько часов перенесся из зимы в лето.

Вынырнув, Джонни поплыл во всю мочь стилем оверарм, неуклюже, но быстро. Позади раздавалось громкое бульканье, чудовищный треск и какой-то свист, будто пар вырывался из гейзера. И вдруг все оборвалось. Слышались только стоны ветра да шипение волн, катившихся мимо него во мрак. Усталая старая «Санта-Анна» пошла ко дну плавно, без всякой суеты, не оставив за собой засасывающей воронки, которой так страшился Джонни.

Убедившись, что все кончено, он повернулся в воде стоймя, чтобы оглядеться, и первое, что увидел, был спасательный катер. Их разделяло не больше полумили. Он замахал руками, закричал во весь голос. Но бесполезно — катер уходил; даже если бы кто-нибудь и оглянулся назад, он вряд ли заметил бы Джонни. Ведь никому и в голову не могло прийти, что крушение пережил еще один человек, которого нужно взять на борт.

Джонни остался один под желтой луной, уже клонящейся к закату, и никогда им не виденными звездами южного неба. Он мог продержаться на поверхности много часов: вода в море — Джонни уже успел заметить это — была гораздо плотнее, чем пресная вода рек, в которых он учился плавать. Но сколько бы он ни проплыл, в конечном счете это не имело значения. Нет и одного шанса на миллион, что кто-нибудь найдет его; последняя надежда ушла со спасательным катером.

Что-то толкнуло его, и Джонни тревожно вскрикнул от неожиданности, но это был только какой-то предмет с судна. Тут Джонни заметил, что вокруг плавают разные обломки. Это открытие немного ободрило его, ведь если ему удастся соорудить плотик, это очень увеличит его шансы. Может быть, ему даже удастся добраться до берега, подобно команде знаменитого «Кон-Тики», которая почти за столетие до него воспользовалась тихоокеанскими течениями.

Он поплыл к медленно вращавшимся обломкам по успокоившемуся морю. Нефть с погибшего судна утихомирила волны, они уже не шипели так сердито, а только вяло вздымались и опускались. Высота валов сначала пугала Джонни, но, покачавшись на них, он понял, что это совсем не страшно. Даже и в том ужасном положении, в какое он попал, ему нравилось взбираться на высоченную волну без всяких усилий, ничем не рискуя.

Джонни стал прокладывать себе путь среди плавающих ящиков, кусков дерева, пустых бутылок и каких-то обломков. Они ему не годились. Нужно найти что-то большое, чтобы на нем можно было плыть. Он уже почти потерял надежду на такую находку, когда метрах в пятнадцати от себя увидел темный прямоугольник, поднимавшийся и опускавшийся вместе с волнами.

Подплыв, он с радостью обнаружил, что это большой упаковочный ящик. Не без труда он вскарабкался на крышку и убедился, что ящик выдерживает его тяжесть. Правда, плот был не очень устойчив и норовил перевернуться, пока Джонни не догадался плашмя растянуться на крышке, возвышавшейся над водой на семь-восемь сантиметров. Так он и отправился в плавание по волнам океана. В ярком свете луны он разобрал сделанную трафаретом надпись, проходившую под его животом: «Хранить в прохладном сухом месте».

Что ж, ни ящик, ни Джонни отнюдь не хранились сейчас в сухом месте, а вот прохладным оно действительно становилось. Джонни уже дрожал от ветра, продувавшего его вымок-

шую одежду, но до восхода солнца приходилось смириться. Джонни глянул на часы: конечно, стоят. А тот час, на котором они остановились, ничего не мог ему подсказать; Джонни сообразил, что злополучная «Санта-Анна», на борту которой он очутился, пересекла несколько временных поясов. Так что, если бы часы и шли, то спешили бы по меньшей мере на четверть суток.

Он ждал, дрожа на своем плотике, следя за заходом луны и прислушиваясь к шуму моря. Хотя тревога не покидала Джонни, он больше не испытывал такого страха, как раньше. Уже не раз он был, казалось, на волосок от гибели, и это вселило в него уверенность, что все обойдется благополучно. Без пищи и воды он продержится несколько дней. А о том, что будет дальше, Джонни не хотелось думать.

Луна скользнула вниз по горизонту, и окружавший его мрак сгустился. И тут, к своему крайнему удивлению, он заметил, что море сверкает летучими огоньками. Они зажигались и гасли, как электрические рекламы, образуя за его дрейфующим плотом светящийся след. Джонни сунул руку в воду, и ему показалось, что между пальцами его струится пламя.

Это было так чудесно, что он на мгновение забыл об опасности. Он слышал, что в море обитают светящиеся существа, но никогда не предполагал, что существ этих мириады.

Стихия, покрывавшая три четверти земного шара и вершившая ныне судьбу Джонни, впервые позволила ему заглянуть в свои тайны, и он увидел мир чудес.

Луна коснулась горизонта, как будто повисла на мгновение, и затем исчезла. Небо над ним сверкало звездами — теми, что извечно светили знакомыми созвездиями, и теми, более яркими, что вознесены ввысь человеком полвека назад, с тех пор, как он устремился в космос. Но ни одно светило не блистало так, как звезды, горевшие под водой; их было такое множество, что плот, казалось, плыл по огненному озеру.

Луна зашла, но до первых признаков рассвета протекли, как представлялось Джонни, целые века. Наконец восточная

часть небосклона слегка посветлела, и он стал неотрывно следить, как свет этот разливается по горизонту. Его сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда золотой диск солнца показался из-за края земли.

Через несколько секунд звезды неба и моря погасли, как будто никогда и не зажигались. Наступил день.

Не успел Джонни насладиться красотой рассвета, как глазам его предстало зрелище, которое разбудило улегшееся было отчаяние. Кровь застыла в жилах — прямо на него, быстро и неуклонно, неслись с запада десятки серых треугольных плавников.

Джонни успел вспомнить все прочитанные им страшные истории про акул и потерпевших кораблекрушение матросов, пока эти плавники, рассекая воду, на страшной скорости приближались к плоту. Он сжался в комок на середине ящика. А ящик переваливался с боку на бок, и Джонни прекрасно понимал, что даже слабого толчка достаточно, чтобы перевернуть плот. К своему удивлению, страха он не чувствовал — только какая-то немая тоска охватила сердце, он надеялся, что печальный конец настанет быстро. И конечно, было жалко, что никто никогда не узнает о его участи...

И вот вода вокруг ящика заполнилась ловкими серыми телами, грациозно перекатывавшимися, словно на «американских горах», с волны на волну. Джонни мало знал об обитателях моря, но что акулы не ведут себя так — в этом он был уверен. К тому же эти существа выдыхали воздух совершенно так же, как он. Он слышал их дыхание, когда они проплывали мимо, и время от времени видел, как открывались и закрывались их дыхала. Конечно же, это дельфины!

Джонни расслабил мускулы, теперь он больше не старался сделаться незаметным на своем плотике. Он часто видел дельфинов в кинофильмах или по телевидению и знал, что это разумные существа, дружественные человеку. И тут они играли, как дети, среди обломков «Санта-Анны», толкая их своими рылами обтекаемой формы.

При этом они издавали удивительные звуки, свистели и скрипели на все лады в нескольких метрах от плота. Один из

дельфинов выставил из воды голову и балансировал обломком доски, удерживая его на носу, как дрессированное животное в цирке. Казалось, дельфин говорил своим сородичам: «Поглядите на меня, до чего я ловок!»

Странная, совсем не похожая на человеческую голова повернулась и посмотрела на Джонни разумным взглядом. Дельфин отбросил свою игрушку, и в этом движении, несомненно, было удивление. Он нырнул, тонко и возбужденно пискнув, и через несколько секунд Джонни окружили лоснящиеся физиономии, на которых было написано любопытство. Казалось, они улыбаются, рты их как бы застыли в усмешке, такой заразительной, что Джонни невольно заулыбался им в ответ.

Он больше не чувствовал одиночества. Теперь он в веселой компании, пусть это даже не люди, а существа, которые ничем не могли ему помочь. Было увлекательно смотреть на покрытые кожей, сизые, как перья голубя, тела, что с легкостью кружили вокруг него, кувыркаясь среди обломков «Санта-Анны». Джонни понял, что они ведут себя так только из-за свойственной им игривости, ради развлечения. Так резвятся овцы на весеннем лугу, никогда Джонни не подумал бы, что такое возможно в море.

Дельфины время от времени высовывались из воды и глядели на него, словно хотели удостовериться, что Джонни не убежал. С живым любопытством следили они за тем, как он снял свою промокшую одежду и расстелил ее, чтобы просушить на солнце. А когда Джонни торжественно спросил их: «Ну, что мне делать теперь?» — они как будто задумались.

Один ответ на этот вопрос напрашивался сам собой: нужно было соорудить какое-то укрытие от тропического солнца, пока оно не изжарило его живьем. К счастью, эта задача была легко разрешима: Джонни удалось построить маленький вигвам из плававших в море кусков дерева — он связал остов носовым платком и накрыл его рубашкой. Закончив работу, он с гордостью посмотрел на дело рук своих, надеясь, что и публика оценила его смекалку.

Теперь ему оставалось только улечься в тени и беречь силы, предоставив ветру и течениям нести его к неведомой цели. Он не чувствовал голода и, пожалуй, еще несколько часов без мучений вытерпит жажду, хотя уже и сейчас губы его были сухи.

Море заметно успокоилось, плот слегка покачивался на невысоких маслянистых волнах, катившихся мимо. Джонни где-то прочел фразу: «Качался в колыбели глубокого моря». Теперь он точно знал, что это означает. Море было таким мирным, оно так убаюкивало его, что он почти забывал о своем отчаянном положении. Довольствовался тем, что глядел на синее море и синее небо да следил за странными, но прекрасными животными, которые кружились вокруг него, скользя по волнам, и иногда высовывались из воды, словно радуясь жизни...

Что-то тряхнуло плот, Джонни вздрогнул и очнулся. Сначала он не поверил, что действительно спал и что солнце почти в зените. Плот снова тряхнуло, и тут он увидел, в чем дело. Четверо дельфинов, плывущих рядом, толкали плот вперед. Он двигался быстрее, чем мог бы плыть человек, и продолжал набирать скорость. Джонни с удивлением глядел на животных, плескавшихся и сопевших всего в нескольких сантиметрах от него. Что это — еще одна из игр? Но уже задавая себе этот вопрос, он знал, что ответом будет: «Нет!» Все их поведение стало иным — решительным и целеустремленным. Время игр кончилось. Джонни находился теперь в центре большой стаи животных, неуклонно державшихся одного направления. Впереди и сзади, слева и справа — до самых пределов видимости — их были десятки, если не сотни. Джонни почувствовал, что движется по океану в походных порядках воинского соединения — скажем, кавалерийской бригады.

Он подумал, долго ли это будет продолжаться, однако дельфины, по-видимому, и не собирались замедлять ход. Время от времени один из них отплывал от плота, но его немедленно сменял другой, так что скорость не уменьшалась. Хотя трудно было определить точно, какова эта скорость, все же

он прикинул, что плот делает, пожалуй, побольше пяти миль в час. Разобраться же, куда держат курс дельфины — к северу, югу, востоку или западу,— Джонни не мог: солнце стояло почти в зените и определиться по нему было невозможно.

Только через несколько часов он понял, что плывет на запад, ибо солнце опускалось как раз впереди. Джонни радовался приближению ночи, прохлада которой сменит палящий зной дня. Ему уже мучительно хотелось пить; губы запеклись и потрескались. Он испытывал танталовы муки — ведь его окружала вода,— но знал, что пить ее опасно. Жажда так томила его, что он не ощущал голода; даже будь тут еда, он не смог бы проглотить и кусочка.

Но зато какое чудесное чувство облегчения охватило его, когда солнце зашло, исчезнув в золотисто-красном пламени. Дельфины же продолжали плыть на запад и при свете звезд, а потом взошедшей луны. Джонни высчитал, что за ночь они пройдут с ним около ста миль. У них должна быть определенная цель, но какая? Зародилась надежда, что где-то неподалеку есть земля и что по какой-то непостижимой для него причине эти дружелюбные и разумные существа пригонят плот к суше. Но зачем они взяли на себя такой труд — этого он даже представить себе не мог.

Эта ночь была самой длинной в жизни Джонни. Жажда все усиливалась и не давала ему уснуть. К этим страданиям добавлялась боль от ожогов — палящее солнце постаралось за день; он все ворочался на плоту, тщетно пытаясь устроиться поудобнее. Большей частью он лежал, растянувшись на спине, прикрывая одеждой самые обожженные места. А луна и звезды двигались по небу мучительно медленно.

Иногда с запада на восток гораздо быстрее всех звезд и в противоположном им направлении проносился, сверкая, как маяк, искусственный спутник. Можно было сойти с ума при мысли, что на космических станциях находятся люди, которые с помощью своих приборов могли бы легко обнаружить его, если б только им пришло в голову заняться поисками. Но с чего бы они вздумали этим заниматься?

Наконец луна закатилась, и в недолгом предрассветном мраке море снова стало фосфоресцировать. Грациозные, идеально обтекаемые тела, окружавшие плот, были теперь очерчены огненными контурами; всякий раз, когда один из дельфинов выпрыгивал из воды, кривая его полета рассекала ночь, подобно сверкающей радуге.

Небо начало светлеть, но Джонни не обрадовался рассвету; теперь он уже хорошо знал, как жалка его защита от тропического солнца. Он снова соорудил маленький шалаш, залез в него и старался не думать о питье. Но это было невозможно. То и дело он ловил себя на том, что грезит о холодных молочных коктейлях, стаканах фруктового сока со льдом, об искрящихся струях фонтанов. А ведь он дрейфовал не более тридцати часов; были люди, которые жили без воды значительно дольше.

Единственное, что поддерживало дух Джонни,— это решительность и энергия его эскорта. Стая все еще шла на запад, толкая перед собой плот с неуменьшающейся быстротой. Джонни больше не ломал себе голову над тайной поведения дельфинов. Это была проблема, которая со временем решится сама собой. Или совсем не решится.

И вот около полудня он заметил землю. Сначала он сомневался, не облако ли это на горизонте, но в таком случае, почему оно единственное на всем небосклоне и почему оно так неподвижно? Через несколько минут он понял, что перед ним действительно остров, хотя и казалось, что этот кусок суши парит над водой в поднимающихся струях раскаленного воздуха и очертания его будто пляшут над горизонтом.

Час спустя он уже мог рассмотреть остров во всех подробностях. Остров был длинный, с низменными берегами, весь заросший деревьями. Его опоясывала узкая прибрежная полоса ослепительно белого песка, а перед ней тянулся, верно, очень широкий пологий риф, потому что пенистые буруны виднелись в море на протяжении доброй мили.

Сначала Джонни не заметил никаких признаков жизни, но потом, к своей радости, разглядел струйку дыма, подни-

мавшуюся в поросшей лесом внутренней части острова. Где дым — там и люди! И вода, которой жаждало все его тело.

До острова оставалось всего несколько миль, и тут дельфины здорово напугали Джонни; они стали поворачивать, словно собирались миновать столь близкую уже землю. Затем Джонни сообразил, зачем они это делают. Риф был слишком серьезным препятствием. Они намеревались обойти его и приблизиться к острову с другой стороны.

На этот крюк ушло не меньше часа, но теперь Джонни больше не тревожился, он был уверен, что движется к месту, где будет в безопасности. Когда плот и его неутомимый эскорт повернули к западному берегу острова, он увидел несколько рыболовных ботов, стоявших на якоре. Потом показались низкие белые строения на берегу и кучка хижин, среди которых сновали темнокожие люди. Выходит, на этом острове, затерянном в Тихом океане, немало людей.

Тут наконец дельфины как бы замешкались. Джонни решил, что они, верно, не хотят плыть по мелководью. Дельфины медленно протолкнули плот мимо стоявших на якоре ботов, а потом развернулись и поплыли прочь, как бы говоря: «Дальше дело твое!»

Джонни хотелось крикнуть им всем хоть несколько слов благодарности, но рот и горло его так пересохли, что он не мог издать ни звука. Тогда он спокойно слез с плота — вода доходила ему только до пояса — и побрел к берегу.

По прибрежному песку к нему бежали люди. Но люди могли подождать. Джонни повернулся к ним спиной, лицом к прекрасным, сильным существам, которые помогли ему совершить это невероятное путешествие, и с благодарностью помахал им на прощание. А они уплывали все дальше, домой, в глубоководную часть моря.

Тут что-то случилось с его ногами, и ему показалось, что прибрежный песок вздыбился, чтобы нанести ему удар, а дельфины, остров и все остальное исчезли из его сознания.

Джонни проснулся на низенькой койке, стоявшей в очень чистой комнате с белыми стенами. Над головой его вращался электрический вентилятор, через затянутое шторой окно проникал свет. Плетеный стул, столик, комод и таз для умывания — вот и вся обстановка. Даже если бы Джонни не почувствовал легкого запаха дезинфекции, он все равно догадался бы, что находится в больнице.

Он приподнялся на постели и вскрикнул от боли. Все тело жгло словно огнем. Он взглянул на себя и увидел, что кожа у него ярко-красная и местами слезает лохмотьями. Верно, с ним уже повозился доктор — самые обожженные места были густо смазаны белой мазью.

Джонни отказался, по крайней мере сейчас, от попыток подняться, откинулся на подушку и опять невольно вскрикнул. В этот момент дверь открылась и в комнату вошла огромная женщина. Руки ее напоминали неотесанные бревна, да и вся она была сработана на такой манер. Весила она, наверно, килограммов сто пятнадцать, не меньше, но никто не назвал бы ее толстой — просто эта женщина была громадной.

— Ну-с, молодой человек,— сказала она.— Из-за чего такой шум? Никогда не видела столько суеты из-за пустякового солнечного ожога.

Она улыбнулась всем своим плоским шоколадно-коричневым лицом как раз вовремя, потому что Джонни уже собирался возмутиться. А теперь он лежал и тоже улыбался, пока она считала его пульс и мерила температуру.

— А сейчас,— сказала она,— я нашлю на вас сон. Когда вы проснетесь, болеть уже не будет. Но сперва дайте-ка мне адрес, чтоб я могла позвонить вашим домашним.

Джонни весь напрягся, забыв об ожогах. Он не для того прошел через все мытарства, чтобы его с первым же судном отправили назад.

— У меня нет семьи,— сказал он.— И я не хочу никому ничего сообщать.

Брови сиделки поднялись на несколько миллиметров.

— Гм, в таком случае придется сразу отправить вас в сонное царство,— сказала она скептическим тоном.

— Минутку,— взмолился Джонни.— Скажите мне, пожалуйста, где я. Это Австралия?

Сиделка ответила не сразу, потому что отмеряла мензуркой бесцветную жидкость.

— И да и нет,— сказала она.— Это австралийская территория, хотя до материка добрая сотня миль. Вы находитесь на одном из островов Большого Барьерного рифа. Вам очень повезло, что вы до него добрались. Ну-ка, проглотите это — оно не очень противное.

Джонни сделал гримасу, но лекарство и правда было непротивное. Проглотив снадобье, он задал еще один вопрос:

— Как называется эта местность?

Огромная сиделка захихикала, и Джонни показалось, что он услышал раскаты грома.

— Вы-то это должны знать,— ответила она.

Лекарство, видимо, действовало очень быстро, потому что Джонни уже еле расслышал, что она сказала еще:

— Мы называем его Островом Дельфинов.

Джонни провалился в сон.

Проснувшись в следующий раз, он почувствовал только легкую ломоту в теле, но боли от ожогов не было. Не было и половины его кожи, на несколько дней он уподобился линяющей змее.

Сиделка — она сказала ему, что зовут ее Тесси и что родом она с островов Тонга,— с удовольствием смотрела, как он уплетал яйца, консервированное мясо и тропические фрукты. Подкрепившись, Джонни почувствовал себя как нельзя лучше и захотел немедленно приступить к исследованию острова.

— Не будьте таким нетерпеливым,— сказала сестра Тесси,— у вас хватит времени.

При этом она шарила в ворохе одежды, выбирая шорты и рубашку, которые пришлись бы впору Джонни.

— Примерьте-ка вот эти. И шляпу тоже возьмите. Избегайте солнца, пока кожа не покроется достаточным загаром. А не послушаетесь — попадете к нам опять, и тогда я очень рассержусь.

— Я буду осторожен,— обещал он, решив, что сердить сиделку ни в коем случае не следует.

Она вложила в рот два пальца и издала оглушительный свист, в ответ на который почти тотчас же появилась маленькая девочка.

— Вот тебе твой дельфиний мальчик, Анни,— сказала сиделка.— Отведи его в контору — доктор уже ждет.

Джонни последовал за ребенком. Они шли по дорожкам, усыпанным крупным коралловым песком, ослепительно белым под палящими лучами солнца. Большие тенистые деревья, росшие вдоль дорожек, напоминали дубы, но листья их были в несколько раз больше. Джонни испытывал некоторое разочарование: он всегда думал, что тропические острова покрыты пальмами.

Вскоре узенькая дорожка вывела их на просторную поляну, расчищенную в лесу, и Джонни увидел несколько одноэтажных бетонных строений, соединенных крытыми переходами. В некоторых домах через большие окна можно было разглядеть людей, занятых работой. В других домах окон совсем не было, и Джонни догадался, что там находятся машины,— туда тянулись трубы и кабели.

Джонни вслед за своим маленьким проводником поднялся по ступенькам, ведущим в главное здание. Проходя, он заметил, что люди из окон глядели на него с любопытством. Удивляться не приходилось — ведь они, конечно, знали, как попал сюда Джонни. Иногда ему самому приходило в голову, что все это странное плавание — плод воображения, слишком уж оно фантастично, чтобы быть правдой. И неужели это место действительно называется Островом Дельфинов, как сказала сестра Тесси? Это было бы просто невероятным совпадением.

Проводница, из скромности или смущения не проронившая ни звука, исчезла, как только довела Джонни до двери с надписью: «Доктор Кейт — помощник директора». Джонни постучал, подождал, пока не услышал: «Войдите», и вошел в большой кабинет. Жара сразу сменилась бодрящей свежестью, тут действовала установка искусственного климата.

Доктору Кейту казалось за сорок, и вид у него был профессорский. Хотя ученый сидел за своим письменным столом, Джонни разглядел, что он высокий, даже долговязый; кроме того, это был первый белый, которого он видел на острове.

Доктор указал Джонни на стул, сказав при этом слегка в нос: «Садись, сынок».

Джонни не понравилось, что его называют «сынком», как не понравился и австралийский акцент доктора, с которым он столкнулся впервые. Однако он очень вежливо ответил: «Спасибо», уселся и стал ждать продолжения.

Продолжение оказалось неожиданным.

— Прежде всего расскажи-ка,— сказал доктор Кейт,— что случилось с тобой после гибели «Санта-Анны».

Джонни разинул рот от удивления — его планы рухнули. Правда, планы эти еще не отчетливо сформировались в его голове. Он надеялся, что, по крайней мере какое-то время, сможет выдавать себя за юнгу, потерпевшего кораблекрушение и потерявшего память. Но если они знают, каким спосо-

бом он путешествовал, то для них не секрет и откуда он прибыл; без сомнения, его сразу отошлют домой.

Он решил не сдаваться без боя.

— Никогда не слышал про «Санту» или как там ее зовут,— с невинным видом ответил он.

— Не считай нас дураками, сынок. Когда ты достиг суши столь необычным манером, мы, естественно, связались по радио с береговой охраной, чтобы выяснить, не было ли где-нибудь кораблекрушения. Нам ответили, что команда «Санта-Анны», грузового судна на воздушной подушке, прибыла в Брисбен и сообщила, что судно это пошло ко дну примерно в ста милях к востоку. Однако она сообщила также, что спаслись все находившиеся на борту, даже судовой кот. На первый взгляд «Санта-Анна» не подходила, но потом нас осенила остроумная догадка, мы решили, что ты заяц. Ну а дальше осталось только связаться с полицией вдоль трассы пути, пройденного «Санта-Анной».

Доктор сделал паузу, вынул из своего письменного стола трубку, вырезанную из корня эрики, и принялся изучать ее с таким вниманием, словно никогда не видел до этого. Тут Джонни решил, что доктор Кейт просто разыгрывает его, и антипатия, которую он сразу почувствовал к этому доктору, повысилась, как температура, еще на несколько градусов.

— Ты бы удивился, если б узнал, сколько ребят бегут из дому и в наше время,— продолжал противный голос.— Потребовалось несколько часов, чтобы установить, кто ты. Должен признаться, что, когда мы наконец дозвонились до твоей тети Марты, она не рассыпалась в благодарностях. Право, я не осуждаю тебя за то, что ты сбежал.

А вдруг доктор Кейт не так уж плох, как кажется?

— Что вы думаете со мной делать, раз уж я здесь? — спросил Джонни. Он с тревогой почувствовал, что голос его слегка дрожит, а из глаз вот-вот хлынут слезы разочарования и безнадежности.

— В ближайшее время мы ничего не можем сделать,— сказал доктор, и настроение Джонни сразу улучшилось.— Наше судно ушло на материк и вернется только завтра. В плавание оно снова отправится не раньше чем через неделю, так что рассчитывай дней на семь.

Семь дней! Удача еще не отвернулась от него. За это время может произойти многое — об этом он позаботится сам.

Следующие полчаса Джонни рассказывал обо всем, что случилось с ним после гибели судна, а доктор Кейт задавал вопросы и что-то записывал. Казалось, он ничему не удивлялся и, когда Джонни кончил свой рассказ, вытащил из ящика стола пачку фотографий. На них были сняты дельфины. Джонни не представлял себе, что существует так много разновидностей этих животных.

— Можешь ты указать своих друзей? — спросил доктор.

— Постараюсь,— сказал Джонни, перебирая снимки. Он быстро отложил в сторону все фотографии, кроме трех вероятных и двух возможных.

Такой отбор, видимо, вполне удовлетворял доктора Кейта.

— Да,— сказал он,— среди этих снимков находится именно тот, который нам нужен.

Затем он задал Джонни очень странный вопрос:

— Кто-нибудь из них говорил с тобой?

Сначала Джонни решил, что это шутка. Но затем понял, что доктор Кейт говорит совершенно серьезно.

— Они издавали всякие звуки вроде писка, свиста или лая, но я ничего не мог понять.

— Не в этом ли роде? — спросил доктор.

Он нажал кнопку на своем столе, и из репродуктора, вделанного в стену кабинета, послышался звук, напоминавший скрип заржавевшей калитки. Потом раздался целый залп звуков, похожих на работу старомодного двигателя внутреннего сгорания в момент его запуска. Наконец Джонни ясно и отчетливо услышал слова: «Доброе утро, доктор Кейт». Слова были произнесены быстрее, чем мог бы вымолвить человек,

но Джонни определенно разобрал их. Это не просто звукоподражание, бессмысленное повторение слов, как у попугая. «Доброе утро, доктор Кейт» животное произносило сознательно.

— Ты, кажется, удивлен? — усмехнулся доктор.— Разве ты не слыхал, что дельфины могут говорить?

Джонни покачал головой.

— Ну так вот, мы знаем уже пятьдесят лет, что у них имеется свой, достаточно сложный язык. Мы стараемся овладеть им и в свою очередь обучаем их «бейзик инглишу»*. Благодаря методам, разработанным профессором Казаном, мы уже порядком продвинулись вперед. Ты познакомишься с профессором, как только он вернется с материка: ему очень хочется послушать твой рассказ. Пока же мне придется поручить тебя кому-нибудь.

Доктор Кейт нажал рычаг селектора, и из аппарата сразу же послышалось:

— Говорит школа. Да, доктор?

— Кто-нибудь из старших мальчиков сейчас свободен?

— Можете взять Мика, мы будем только рады.

— Хорошо. Пошлите его в контору.

Джонни вздохнул. Даже на таком маленьком и далеком острове, как этот, нельзя, видно, избавиться от школы.

---

* Система обучения английскому языку, основанная на искусственном ограничении его словарного состава (до 850 слов). *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Мик Науру как гид имел только один недостаток — склонность к преувеличениям. Его россказни были столь невероятны, что их и невозможно было принимать всерьез, но иногда Джонни все же одолевали сомнения. Верно ли, к примеру, что сестра Тесси (или Двухтонная Тесси, как звали ее островитяне) уехала из дому, с островов Тонга, потому, что ее извели насмешками: допекали маленьким ростом и называли не иначе как Малышка,— столь велики обыкновенные девушки ее племени. Джонни не мог себе этого представить, но Мик уверял, что именно так и было.

— Спроси ее, если не веришь,— предложил он с торжествующим выражением лица. Над лицом этим нависала черная шапка густых, курчавых волос.

Хорошо еще, что другие его рассказы легче было проверить, а когда речь шла о действительно важных вещах, он относился к делу серьезно. Как только доктор Кейт поручил Джонни заботам Мика, тот немедленно отправился показывать ему остров.

Однако лишь через несколько дней Джонни научился ориентироваться, потому что на этом маленьком клочке суши умещалось много всякой всячины. Прежде всего он узнал, что жители Острова Дельфинов делятся на две группы: на сотрудников исследовательской станции — ученых и техников — и на рыбаков, которые жили дарами моря и обслуживали экспедиционные суда. Люди из рыбачьей общины об-

служивали также силовую и водопроводную установки и работали в столовой, прачечной и на маленькой молочной ферме, где содержалось десять холеных коров.

— Коров завезли сюда после того, как профессор попытался ввести в употребление дельфинье молоко,— объяснил Мик.— Это был единственный случай, когда на острове возник бунт.

— Ты здесь давно? — спросил Джонни.— Родился тут?

— О нет, мои родители с острова Дарнлей в Торресовом проливе. Они приехали пять лет назад, когда мне было двенадцать. Плата хорошая, да и работа обещала быть интересной.

— Она и верно интересная?

— Еще бы! Я ни за что не вернулся бы на Дарнлей. Даже на материк бы не поехал. Вот подожди, увидишь риф, тогда поймешь почему.

Они свернули с расчищенных тропинок и пошли напрямик через лес, покрывавший большую часть острова. Деревья росли густо, но оказалось, что по лесу можно идти, не опасаясь колючек и ползучих растений. А Джонни-то был до сих пор уверен, будто тропический лес без них не обходится. Растительность острова была дикой, но вела себя хорошо.

Джонни показалось, что многие деревья держатся на подпорках, но потом понял: каждая подпорка — часть самого растения. Словно не доверяя мягкой почве, в которой они росли, деревья выпустили над землей дополнительные корни, служившие им опорой.

— Это панданусы. Их иногда зовут хлебными деревьями, потому что из плодов можно испечь нечто вроде хлеба. Я както попробовал: ужасно невкусно. Эй, берегись!

Но было поздно. Правая нога Джонни вдруг провалилась в пустоту по самое колено, а когда он попытался вытащить ее, то провалилась левая, еще глубже.

— Вот досада,— сказал Мик. Впрочем, он совсем не выглядел огорченным.— Следовало предупредить тебя. Тут це-

лая колония больших буревестников — они роют себе гнезда в земле, как кролики, кое-где и шагу не ступишь, чтобы не угодить в такую нору.

— Спасибо за объяснение,— саркастически сказал Джонни, когда наконец выбрался из ловушки и принялся счищать с себя землю.— Оказывается, на Острове Дельфинов можно многому научиться.

Еще два-три раза норы клинохвостых буревестников доставляли ему неприятности, но тут лес кончился, и они вышли на песчаный берег восточной стороны острова; перед ними распахнулась великая пустота открытого океана.

Трудно было поверить, что сюда он приплыл из-за этого далекого горизонта, что сюда привело его чудо, которое все еще оставалось непонятным.

Нигде ни признака жизни! Можно подумать, что они единственные обитатели острова. С востока на берег обрушивались сезонные бури, а потому строения и причалы находились на противоположной стороне. Ствол огромного дерева, выброшенный на песок и выцветший добела за много месяцев, а может, и лет под лучами солнца, служил молчаливым памятником какому-то урагану. На пляже виднелись даже большие, во много тонн, глыбы мертвых кораллов, их могло выбросить на берег только волнами. Но сейчас все это выглядело очень мирно.

Мальчики пошли вдоль песчаных дюн между опушкой леса и покрытым кораллами пляжем. Мик что-то искал и вскоре нашел. Какое-то большое существо, вылезавшее из моря на берег, оставило следы, похожие на отпечатки танковых гусениц. Следы вели к участку утрамбованного песка высоко над урезом воды. Мик принялся раскапывать песок руками. Джонни помог ему, и на глубине примерно тридцати сантиметров они наткнулись на множество яиц, которые формой и величиной напоминали мячики для пинг-понга. Однако оболочка у них была не твердая, а кожистая и податливая. Мик снял рубашку, сделал из нее мешок и запихал туда столько яиц, сколько поместилось.

— Знаешь, что это? — спросил он.

— Да,— поспешно ответил Джонни, к явному разочарованию Мика.— Яйца черепахи. Я раз смотрел по телевизору фильм, там показывали, как вылупляются маленькие черепашки и как они выбираются из песка. А что ты будешь делать с яйцами?

— Съем, конечно. Они вкусные, если приготовить с рисом.

— Гм! Меня не проведешь,— сказал Джонни,— я их пробовать не стану.

— А ты и не узнаешь,— ответил Мик.— У нас ловкий повар.

Они пошли дальше, следуя изгибам берега, обогнули северную оконечность острова, а затем и западную часть, прежде чем вернулись в поселок. Перед самым поселком находилось большое водохранилище — бассейн, каналом соединяющийся с морем. Прилив уже кончился, и канал был заперт воротами шлюза, которые задерживали воду до нового прилива.

— Ну вот и все,— сказал Мик.— Больше на острове ничего нет.

В бассейне кувыркались два дельфина, точно так, как тогда в океане. Джонни хотелось подойти к ним поближе, но бассейн был огражден проволочной сеткой. На ней виднелась надпись, сделанная большими красными буквами: «Соблюдайте тишину — гидрофоны в действии».

Мальчики послушно прошли на цыпочках мимо бассейна. Мик объяснил:

— Профессор не любит, когда кто-нибудь разговаривает поблизости — это может сбить дельфинов с толку. Однажды вечером какой-то дуралей рыбак напился, пришел к бассейну и стал выкрикивать ругательства. Поднялся страшный скандал, и его выслали с первым же судном.

— Что за человек этот профессор? — спросил Джонни.

— Отличный, только не в воскресенье вечером.

— А что с ним происходит в это время?

— В воскресенье утром всегда звонит его старуха и уговаривает приехать домой. Ну а он не соглашается — говорит, что не выносит московского климата: летом слишком жарко, а зимой слишком холодно. Из-за этого между ними происходят ожесточенные сражения, но примерно раз в полгода оба идут на уступки и встречаются в месте, которое называется Ялтой.

Джонни раздумывал над тем, что услышал. Ему хотелось знать побольше о профессоре Казане, может, тогда он найдет способ продлить свое пребывание на острове. Рассказ Мика немного встревожил его. Но поскольку конец недели уже позади, следует надеяться, что у профессора еще несколько дней будет хорошее настроение.

— А он действительно умеет говорить по-дельфиньи? — спросил Джонни.— Никак не могу представить себе, чтобы кто-то сумел подражать этим странным звукам.

— Сам он может произнести всего несколько слов, но с помощью счетно-решающих устройств переводит магнитофонные записи их разговоров. А потом он делает какие-то новые ленты и отвечает им. Ужасно сложное дело, но у него выходит.

Все это произвело на Джонни большое впечатление и разожгло любопытство. Джонни был человеком любознательным, ему всегда хотелось разобраться, что почему и что откуда, но с какой стороны подступиться к изучению языка дельфинов, он и вообразить не мог.

— А ты думал когда-нибудь над тем, как сам научился говорить? — спросил Мик, когда Джонни поделился с ним своим недоумением.

— Вероятно, повторяя слова матери,— сказал Джонни немного грустно; он едва помнил ее.

— Так оно и есть. Вот профессор и взял дельфинью маму с недавно родившимся детенышем и поместил их вдвоем в бассейн. И с самого начала слушал все их разговоры. Так он учился дельфиньему языку вместе с детенышем.

— Хм, так это же совсем просто! — воскликнул Джонни.

— Но ему понадобились целые годы, и он все еще учится. Теперь, однако, он располагает словарем в тысячу слов и начал даже писать историю дельфинов.

— Историю?

— Да, это можно так назвать. У них нет книг и поэтому замечательно развилась память. Они могут рассказать о том, что произошло в море много веков назад. По крайней мере, так говорит профессор. И это понятно. Ведь прежде чем люди изобрели письменность, им приходилось держать все в голове. Так же поступают и дельфины.

Джонни думал об услышанном, пока они не достигли центрального квартала, закончив таким образом круговой обход острова. При виде всех этих зданий, где работало столько людей и сложных машин, ему пришла в голову вполне земная мысль.

— Кто платит за все? — спросил он.— Это должно обходиться в копеечку.

— Расходы не так уж велики по сравнению с тем, что уходит на космос,— отвечал Мик.— Профессор начал пятнадцать лет назад всего с шестью помощниками. А когда он стал получать результаты, крупные фонды развития науки оказали ему полную поддержку. Так что теперь нам приходится устраивать каждые полгода генеральную уборку перед приездом целой кучи ископаемых, которые называют себя инспекторской группой. Профессор говорил при мне, что прежде было куда интереснее.

«Возможно, так и есть»,— подумал Джонни. Но он считал, что и теперь островитянам здорово интересно. Он намерен жить так же.

Катер на подводных крыльях «Летучая рыба» стремительно мчался к острову с запада со скоростью пятьдесят узлов. От берегов Австралии катер шел всего два часа. У рифа, опоясывавшего Остров Дельфинов, он вобрал в себя огромные крылья, превратился в обыкновенное судно и неторопливо закончил плавание, сбавив ход до степенных десяти узлов.

Джонни узнал о появлении катера, когда все население острова двинулось к пристани. Он, конечно, пошел вместе со всеми и, стоя на пляже, наблюдал, как белый катер осторожно пробирается по каналу, пробитому взрывчаткой в коралловом барьере.

Профессор Казан, в белоснежном тропическом костюме и широкополой шляпе, первым сошел на берег. Его встречала и тепло приветствовала делегация жителей, в которую входили техники, рыбаки, конторские служащие и даже дети. Община островитян была демократична, каждый считал себя равным всем остальным. Но, как вскоре обнаружил Джонни, профессор Казан был, так сказать, сам по себе и в отношении островитян к нему смешивались уважение, симпатия и гордость.

Оказалось, что, если уж ты пришел на берег встречать «Летучую рыбу», ты должен помочь разгрузить ее. Не без участия Джонни внушительный поток посылок и ящиков устремился с судна в здание с надписью: «Склад». Через час, когда работа была закончена и Джонни с наслаждением утолял жаж-

ду прохладительным напитком, громкоговоритель пригласил его прийти в Дом техники, и как можно быстрее.

Джонни, конечно, последовал приглашению, и его тотчас же провели в большое помещение, уставленное электронным оборудованием. Профессор Казан и доктор Кейт сидели у замысловатой приборной доски и не обратили на него никакого внимания. Но Джонни не обиделся: ему все тут было интересно.

Из репродуктора неслись звуки, сочетание которых повторялось снова и снова. Звуки показались Джонни знакомыми: ну да, он слышал их от дельфинов в ту памятную встречу. Похожи и чем-то отличны.

Прослушав одно и то же раз десять, он понял, в чем это отличие: запись пускали на замедленной скорости, чтобы грубое человеческое ухо могло воспринять речь дельфинов во всех деталях. Но это было еще не все. Всякий раз как динамик разносил по комнате серию звуков, они тотчас отображались на большом телевизионном экране игрой света и тени. Расположение светлых линий и темных полос напоминало на первый взгляд географическую карту, и хотя это ничего не говорило неопытному глазу Джонни, но, несомненно, означало очень многое для ученых. Они внимательно разглядывали изображение всякий раз, как оно появлялось на экране, и время от времени изменяли высоту звука, отчего одни участки становились светлее, а другие — темнее.

Наконец профессор заметил Джонни, отключил звук и повернулся к нему на вертящемся сиденье. Но телевизор он не выключил, и изображение продолжало бесшумно и ритмично возникать на экране с таким гипнотическим постоянством, что Джонни все время возвращался к нему взглядом.

Тем не менее он не упустил возможности разглядеть получше профессора Казана, плотного седого мужчину лет около шестидесяти. У него было ласковое, но несколько отсутствующее выражение лица, оно как бы говорило, что он не

прочь дружить со всеми, но предпочитает оставаться наедине с самим собой и своими мыслями.

Позднее Джонни узнал, что профессор — человек очень общительный в свободные часы, хотя во время самой оживленной беседы иногда казалось, что мысли его где-то очень далеко. Не то чтобы он походил на пресловутого «рассеянного ученого», героя бесчисленных анекдотов: в жизни и в работе никто не мог быть менее рассеянным, чем профессор Казан. Он как бы обладал способностью раздваиваться: часть его мозга занималась повседневными делами, а другая трудилась над решением какой-нибудь сложной научной проблемы. Неудивительно поэтому, что временами он словно прислушивался к некоему внутреннему голосу, внятному ему одному.

— Садись, Джонни,— начал он.— Доктор Кейт радировал о тебе, когда я находился на материке. Ты, вероятно, понимаешь, как тебе повезло.

— Да, сэр,— с чувством ответил Джонни.

— Уже много веков известны случаи, когда дельфины помогали людям достичь берега. Легенды двухтысячелетней давности донесли до нас рассказы об этом, хотя до недавнего времени никто не принимал их всерьез. Но тебя не просто вытолкнули на берег, тебя влекли по морю больше сотни миль. К тому же тебя доставили непосредственно к нам. Но зачем? Очень хотелось бы узнать. Что ты сам думаешь?

Вопрос польстил Джонни, но он мало чем мог помочь профессору.

— Что же,— медленно ответил Джонни,— им, вероятно, известно, что вы работаете с дельфинами, хотя я не могу представить себе, каким образом они это узнали.

— Ну, тут ответить нетрудно,— вмешался доктор Кейт.— Им, вероятно, сказали дельфины, которых мы выпустили в море. Вспомните, что Джонни узнал пятерых на тех фотографиях, что я показал ему, когда он у нас появился.

Профессор Казан кивнул:

— Да, и это для нас ценная информация. Выходит, что дельфины прибрежной породы, с которыми мы работаем, и их глубоководные родичи говорят на одном языке. До сих пор мы не знали этого.

— Но все же, что заставило их поступить подобным образом? Тут мы бродим в потемках,— сказал доктор Кейт.— Если дикие дельфины, никогда не имевшие никакого контакта с людьми, взяли на себя столько хлопот, то, значит, им что-то нужно от нас, притом очень нужно. Может быть, спасение Джонни было чем-то вроде сигнала: «Мы помогли вам — теперь помогите нам».

— Весьма правдоподобно,— согласился профессор Казан.— Но бесплодные рассуждения не дадут нам ответа. Есть только один способ узнать, чего хотят друзья Джонни,— это спросить у них самих.

— Если мы сумеем их отыскать.

— Коль скоро им действительно что-то нужно, их не придется искать далеко. Возможно даже, что нам удастся установить с ними контакт, не выходя из комнаты.

Профессор повернул рычажок, и комната снова наполнилась звуками. Вскоре Джонни понял, что сейчас он слышит не только голос дельфина, но и все голоса моря.

То была невероятно сложная смесь шипения, треска и рокота.

Слышалось еще что-то, напоминавшее щебет птиц, далекие слабые стоны да приглушенный шум волн.

Несколько минут они прислушивались к этой удивительной мешанине звуков. Затем профессор повернул другой рычажок на огромной машине.

— Это был западный гидрофон,— пояснил он Джонни.— Теперь испробуем восточный. Он погружен глубоко в воду, у самого края рифа.

Звуковая картина изменилась. Шум волн ослабел, но зато стоны и скрипучие звуки, издаваемые неведомыми обитате-

лями моря, стали гораздо громче. Профессор прислушивался к ним несколько минут, затем переключился на север и, наконец, на юг.

— Пропустите, пожалуйста, магнитофонную ленту через анализатор,— попросил он доктора Кейта.— Но я и без этого готов побиться об заклад, что на расстоянии по крайней мере двадцати миль от нас нет большой стаи дельфинов.

— В таком случае моя гипотеза никуда не годится.

— Не обязательно; двадцать миль — это ничто для дельфинов. Учтите также, что они охотники и, значит, не могут оставаться на одном месте. Им приходится следовать за своей пищей. Стая, спасшая Джонни, живо смела с нашего рифа всю рыбу, словно пылесос.

Профессор поднялся, сказал:

— Займитесь, пожалуйста, анализом. Мне пора к бассейну. Идем, Джонни. Я хочу познакомить тебя с некоторыми из моих близких друзей.

По дороге к берегу профессор молчал, погрузившись в свои мысли. И вдруг поразил Джонни — неожиданно и очень искусно он засвистел на разные лады, быстро модулируя звук.

Увидев удивление на лице Джонни, он засмеялся.

— Ни один человек не может научиться свободно говорить по-дельфиньи,— сказал он,— но я умею довольно точно воспроизвести с десяток общеупотребительных фраз. Мне приходится немало работать над этим, но боюсь, что произношение у меня все-таки ужасное. Только хорошо знакомые дельфины могут разобрать, что я хочу сказать. Да и то мне иногда кажется, что они просто притворяются из вежливости.

Профессор отпер калитку в изгороди и тут же тщательно запер ее за собой.

— Каждому хочется поиграть с Сузи и Спутником, но я не могу этого разрешить,— объяснил он.— По крайней мере, пока я стараюсь научить их английскому языку.

Сузи оказалась лоснящейся нервозной матроной весом в полторы сотни килограммов. Завидев гостей, она наполо-

вину высунулась из воды. Ее девятимесячный сын Спутник был поспокойнее или, может быть, застенчивее. Он все норовил устроиться так, чтобы между ним и посетителями непременно оказалась мать.

— Привет, Сузи,— сказал профессор нарочито четко.— Привет, Спутник.

Затем он вытянул губы и издал тот самый сложный свист. Однако что-то у него не получилось, и, ругнувшись вполголоса, он начал все сначала.

Сузи нашла все это очень забавным. Она расхохоталась по-дельфиньи, затем пустила в сторону посетителей струю воды, хотя проявила достаточную вежливость, чтобы не окатить их. Потом подплыла к профессору, который полез в карман и вытащил пластикатовый мешочек с гостинцами.

Достав лакомый кусочек, он поднял его высоко над головой, а Сузи отплыла несколько метров назад, вылетела из воды, как ракета, ловко приняла пищу из рук профессора и почти без всплеска нырнула обратно в бассейн. Затем она снова появилась и отчетливо произнесла: «Спасибо, профессор».

Ей явно хотелось еще, но профессор Казан покачал головой.

— Нет, Сузи,— сказал он, похлопав ее по спине.— Это все. Скоро обед.

Она фыркнула, выражая негодование, а затем принялась кружить по бассейну, как моторная лодка, очевидно, чтобы покрасоваться.

Спутник последовал ее примеру, а профессор сказал Джонни:

— Не удастся ли тебе покормить его, боюсь, не доверяет он мне.

Джонни взял кусок дельфиньего лакомства, от которого разило рыбой, растительным маслом и какими-то химикалиями. Впоследствии он узнал, что для дельфинов это угощение все равно что для людей конфета или хорошая сигарета. Чтобы создать подобную смесь, профессор несколько лет за-

нимался специальными исследованиями; животным она так нравилась, что они были готовы почти на все, лишь бы получить кусочек.

Джонни встал на колени у края бассейна и принялся помахивать приманкой.

— Спутник! — кричал он.— Спутник, сюда!

Дельфинчик высунулся из воды и недоверчиво посмотрел на него. Потом на мать, потом на профессора и снова на Джонни. Лакомство, верно, соблазняло его, но он не приблизился к Джонни, только фыркнул, поспешно нырнул в воду и начал кружить по бассейну, не поднимаясь на поверхность. У него, как видно, не было определенной цели; он вел себя словно человек, который никак не может принять решение и мечется из стороны в сторону.

«Вероятно, боится профессора»,— предположил Джонни. Он отошел по краю бассейна метров на пятьдесят от профессора и снова позвал Спутника.

Его догадка оказалась правильной. Дельфин оценил создавшееся положение, одобрил его и медленно поплыл к Джонни. У него еще оставались кое-какие сомнения, однако он все же высунул из воды рыло и разинул пасть, усеянную ужасающим количеством маленьких, но острых, как иголки, зубов. Джонни облегченно вздохнул, когда дельфин проглотил свою награду, не откусив ему пальцев. Все-таки Спутник был плотоядным животным, а Джонни никогда не жаждал кормить из собственных рук молодого льва.

Дельфинчик задержался у края бассейна, явно рассчитывая получить еще кусочек.

— Нет, Спутник,— сказал Джонни, вспомнив слова профессора, обращенные к Сузи.— Нет, Спутник, скоро обед.

Дельфин все еще держался совсем рядом, и Джонни протянул руку, чтобы его погладить. Спутник немножко отодвинулся, но не отпрянул и позволил погладить свою спину. Джонни удивился: кожа животного была мягкой и эластичной, как резина. Она совсем не походила на рыбью чешую.

Человек, хоть раз погладивший дельфина, не забудет, что это теплокровное млекопитающее.

Джонни хотелось поиграть со Спутником, но профессор поманил его к себе. Когда они отошли от бассейна, ученый шутливо воскликнул:

— Я оскорблен в лучших чувствах! Спутник никогда не подпускал меня близко к себе, а тебе это удалось с первого раза. Умеешь, видно, обращаться с дельфинами. Не держал ли ты прежде ручных животных?

— Нет, сэр,— сказал Джонни.— Разве что головастиков, да и то давно.

— Ну, этих можно не считать,— усмехнулся профессор.

Всего через несколько шагов профессор Казан заговорил совершенно другим, серьезным тоном, как говорил бы с равным, а не с мальчиком на сорок с лишним лет моложе его.

— Я ученый,— сказал он,— но в то же время я суеверен. Хотя с точки зрения логики это глупость, мне начинает казаться, что ты послан сюда судьбой. Ты возник, как в греческом мифе. И вот теперь Спутник ест у тебя из рук. Это, конечно, простое совпадение, но умный человек и случай заставляют работать на себя.

«Что он задумал?» — подивился Джонни.

Но профессор больше ничего не прибавил, пока они не очутились снова у входа в Дом техники. Тут он вдруг со смешком заметил:

— Насколько я понимаю, ты не слишком жаждешь поскорее вернуться домой.

У Джонни екнуло сердце.

— Это так, сэр,— горячо сказал он.— Я хочу остаться здесь как можно дольше, чтобы узнать побольше о ваших дельфинах.

— Не моих,— твердо поправил его профессор.— Каждый дельфин — это самостоятельное существо, личность, пользующаяся большей свободой, чем сможем когда-либо пользоваться мы, обитатели суши. Они никому не принадлежат

и, надеюсь, никогда не будут принадлежать. Я хочу помочь им не только ради науки, но и потому, что это приносит мне радость. Никогда не считай их зверями. На своем языке они зовут себя морским народом, и лучшего названия не придумаешь.

Джонни в первый раз видел профессора таким взволнованным, и чувства, обуревавшие ученого, были ему понятны. Ибо он был обязан жизнью морскому народу и надеялся, что сможет вернуть этот долг.

Остров Дельфинов окаймлял коралловый риф — и это было настоящее волшебное царство. Чтобы узнать все его чудеса, не хватило бы человеческой жизни. Такое Джонни и во сне не снилось. Поля и леса казались безжизненной пустыней по сравнению с рифом, где кишмя кишели диковинные прекрасные существа.

Во время прилива море совсем заливало риф, и только опоясывавшая остров узкая полоса белого песка оставалась незатопленной. Однако проходило несколько часов, и все неузнаваемо преображалось. Правда, разница в уровнях при приливе и отливе составляла около метра, но риф был таким плоским, что вода отступала на несколько километров. На некоторых участках море уходило за горизонт и коралловая банка обнажалась, сколько хватал глаз.

Тогда-то и наступало время обследовать риф. Не нужно было даже особого снаряжения: пара крепких башмаков, широкополая шляпа, защищающая от солнца, да маска — вот и все. Самое важное — башмаки: острые ломкие кораллы могли изрезать ноги; даже маленькая царапина легко воспалялась, а иногда проходили целые недели, пока она заживала.

В первый раз Джонни отправился на риф вместе с Миком. Конечно, он не представлял себе того, что его ждет, все казалось ему удивительным и чуть страшным. Джонни вел себя на первых порах очень осторожно — и это было правильно.

Тут обитали существа маленькие и на вид безобидные, которые тем не менее легко могли убить его, допусти он малейшую оплошность.

Мальчики спустились с пляжа на западной стороне острова, где обнажившийся риф имел всего около восьмисот метров в ширину. Сначала они шли по неинтересной ничьей земле — по мертвым, разбитым кораллам; эти обломки приносили сюда бури в течение веков. Да и весь остров был сложен из таких обломков, за столетие они покрылись сначала тонким слоем почвы, потом на ней проросли семена травы, потом поднялись деревья.

Вскоре мальчики миновали зону мертвых кораллов, и Джонни показалось, что он очутился в саду со странными окаменелыми растениями. Тут были ветви и веточки из цветного камня и какие-то массивные образования, напоминавшие гигантские грибы, такие прочные, что по ним спокойно можно было ходить. И все-таки это были не растения, а создания из мира животных. Когда Джонни наклонился, чтобы осмотреть один из таких грибов, он увидел, что его поверхность испещрена тысячами крошечных отверстий. Каждое из них представляло собой ячейку одного кораллового полипа — маленького существа, напоминающего миниатюрный морской анемон. Все эти ячейки были из извести, выделяемой самим животным. Когда животное умирало, домик его оставался пустым и следующее поколение вело свое строительство поверху. Так, год за годом, век за веком рос коралловый риф. Все, что видел Джонни — целые километры плоской равнины, блестевшей под солнцем,— создали существа меньше его ногтя.

А ведь это был только маленький участок Большого Барьерного рифа, который тянулся вдоль берега Австралии более чем на полторы тысячи километров. Теперь Джонни оценил замечание, брошенное профессором Казаном: профессор сказал, что риф — это самое большое сооружение на поверхности Земли, построенное живыми существами.

Джонни скоро убедился, что у его ног ведут свою особую жизнь не только кораллы, но и множество других тварей. Совершенно неожиданно неподалеку от него взметнулся в воздух маленький фонтанчик.

— Кто это сделал? — спросил Джонни, раскрыв рот от изумления.

Мик рассмеялся.

— Моллюск,— лаконично ответил он.— Услыхал твои шаги.

Еще через несколько шагов Джонни увидел, как это происходит. Моллюск сантиметров тридцати в поперечнике так глубоко врос в коралл, что снаружи виднелись только его створки. Сам моллюск наполовину высунул свое тело из раковины, оно походило на яркий кусок бархата и одновременно напоминало о блеске драгоценных камней — сапфиров и изумрудов. Мик шагнул к нему, встревоженный моллюск мгновенно захлопнул створки и выпустил струю воды чуть не в лицо Джонни.

— Это так, мелюзга,— презрительно сказал Мик.— Большие водятся поглубже — там они вырастают до метра в диаметре, а то и до полутора. Мой дед рассказывал, что, когда он занимался ловлей жемчуга и плавал на люгере из Куктауна, ему повстречался моллюск поперечником в три с половиной метра. Но он славился своими небылицами, и я в это не верю.

Джонни не верил и в полутораметровых моллюсков. Но позднее он убедился, что на этот раз Мик говорил истинную правду. Было неблагоразумно пропускать мимо ушей, как чистую фантазию, любой рассказ о рифе и его обитателях.

Они прошли еще сотню метров, обстреливаемые время от времени водометами встревоженных моллюсков, и достигли маленького озерка в скале. Стояло полное безветрие, и под неподвижной поверхностью воды Джонни увидел сновавших в глубине рыб столь же отчетливо, как если бы они парили в воздухе.

Они были окрашены во все цвета радуги, полосы на чешуе перемежались кругами и точками, словно над ними поработал безумный художник. Даже самые ослепительные бабочки не могли быть более яркими и цветистыми, чем рыбы, вьющиеся среди кораллов.

В озерке было много и других обитателей. Мик обратил внимание Джонни на два длинных щупальца, высовывавшиеся из маленькой пещерки. Они беспокойно двигались, обследуя окружающий мир.

— Пестрый лангуст,— сказал Мик.— Может быть, мы поймаем его на обратном пути. Они очень вкусные, если жарить их целиком, положив побольше масла.

На протяжении следующих пяти минут он показал Джонни десятка два различных существ; тут были моллюски с чудесными узорами на раковинах; пятиконечные морские звезды, медленно ползавшие по дну в поисках добычи; раки-отшельники, селившиеся в чужих опустевших раковинах; и, наконец, что-то вроде гигантского слизня, который выпустил целое облако пурпурных чернил, когда Мик дотронулся до него ногой.

Был там и осьминог, впервые встреченный Джонни. Он оказался младенцем, имел всего несколько сантиметров в поперечнике и застенчиво укрывался в тени, где его мог обнаружить только наметанный глаз Мика. Мик напугал его и заставил выбраться на свет: осьминог грациозно и плавно проплыл над кораллами, изменив при этом свою окраску с темно-серой на розоватую. Джонни восхитился этим красивым маленьким созданием, хотя тут же подумал, что, попадись ему навстречу большой осьминог, он испытал бы совсем другие чувства.

Джонни готов был простоять у этого маленького озерка хоть целый день, но Мик торопился. Они снова двинулись в путь, к видневшемуся вдали морю, огибая участки, где кораллы были слишком хрупки, чтобы выдержать их вес.

Один раз Мик остановился и подобрал пеструю раковину, величиной и видом напоминавшую еловую шишку.

— Посмотри-ка,— сказал он, протягивая ее Джонни.

Черный заостренный крючок, похожий на маленький серп, тщетно тянулся к нему с одного конца раковины.

— Ядовитый,— сказал Мик.— Если она ужалит тебя, сильно заболеешь. Можно даже умереть.

Мик осторожно положил раковину обратно. Джонни задумчиво смотрел на нее. Такая красивая, безобидная на вид и несет в себе смерть! Он надолго запомнил этот урок.

Но он узнал также, что риф не грозит опасностью, если следовать двум правилам здравого смысла. Первое — гляди, куда ступаешь, второе — ничего не трогай, если не знаешь, что это безвредно.

Наконец они достигли края рифа. Перед ними расстилалось медленно дышавшее море. Отлив еще продолжался, и вода стекала с обнажившихся кораллов по сотням узеньких русел, которые она пробила себе в живых скалах. Тут оставались большие глубокие озера, соединявшиеся с морем, в них плавали такие крупные рыбы, каких Джонни еще никогда не видел.

— Пошли,— сказал Мик, надевая маску. Почти без всплеска он нырнул в ближайшее озерко, даже не обернувшись, чтобы узнать, следует ли за ним Джонни.

На мгновение Джонни помедлил, но, побоявшись показаться трусом, осторожно спустился по хрупкому кораллу. Как только его маска погрузилась в воду, он забыл обо всех своих страхах. Подводный мир, который он рассматривал сверху, оказался еще прекраснее теперь, когда он плыл, опустив лицо вниз. Он и сам чувствовал себя рыбой в гигантском аквариуме. Через стекло маски он видел все поразительно отчетливо.

Джонни медленно следовал за Миком вдоль изгибавшихся стеной коралловых скал, которые, казалось, расступались по мере приближения к морю. Сначала глубина составляла

всего шестьдесят — девяносто сантиметров. Затем дно внезапно ушло из-под ног Джонни, и, прежде чем он понял, что произошло, оно опустилось на шесть метров. Обширная банка кончилась, и теперь он плыл в открытое море.

Сперва он сильно испугался. Застыл на минутку и перевел дух, потом через плечо взглянул назад, чтобы убедиться, что безопасное место всего в нескольких метрах за ним. Затем снова стал глядеть вперед, вперед и вниз.

Определить точно, как глубоко проникает его взор, он не мог — пожалуй, метров на тридцать. Перед ним был длинный пологий скат, который вел в места, совершенно не похожие на только что покинутые им озера, пронизанные светом и играющие красками. Из мира, залитого солнцем, он заглянул в синий таинственный сумрак. Далеко внизу в этом мраке, колыхаясь, проплывали огромные тела, взад и вперед, словно в величавом танце.

— Кто это? — шепотом спросил Джонни своего спутника.

— Разновидность морского окуня,— сказал Мик.— Посмотри-ка.

И Мик, к ужасу Джонни, покинул поверхность воды и устремился в глубину так же быстро и грациозно, как любая рыба.

По мере приближения к этим движущимся теням Мик становился все меньше и меньше, а они словно вырастали в сравнении с ним. Он остановился прямо над ними, на глубине около пятнадцати метров. Вытянув руки, попытался коснуться одной из этих огромных рыб, но она махнула хвостом и вильнула в сторону.

Мик явно не спешил наверх. Джонни же, пока длилось это представление, успел судорожно вздохнуть не менее дюжины раз. Наконец, к большому облегчению единственного зрителя, Мик медленно всплыл, помахав на прощание морским окуням.

— Какой величины эти рыбы? — спросил Джонни, когда Мик вынырнул на поверхность и отдышался.

— Эти весят каких-нибудь сорок — пятьдесят кило. Видал бы ты их на севере — там они действительно большие. Мой дед поймал на крючок близ Кернса рыбину весом четыреста килограммов.

— Но ты ведь не веришь ему,— усмехнулся Джонни.

— Нет, верю,— ответил Мик, тоже с улыбкой.— В тот раз он ее сфотографировал и сохранил снимок.

Они повернули обратно. И пока добирались до края рифа, Джонни глядел в синеватую мглу, где нависали уступами коралловые глыбы, а между ними медленно плавали грузные тела. Этот мир был чужд, как инопланетный, хотя и находился здесь, на родной Земле. И именно потому, что мир этот был таким чужим, он наполнял Джонни любопытством и страхом.

Был только один способ освободиться от этого чувства. Рано или поздно ему придется последовать за Миком и спуститься вниз по этому синеватому таинственному склону.

— Вы правы, профессор,— сказал доктор Кейт,— хотя черт меня подери, если я знаю, как вы об этом догадались. В радиусе действия наших гидрофонов нет ни одной крупной стаи дельфинов.

— Тогда мы поищем их с помощью «Летучей рыбы».

— Но как их найти? Они могут оказаться где угодно в пределах двадцати пяти тысяч квадратных километров.

— А для чего искусственные спутники? Вызовите контрольную станцию Вумера и попросите провести фотосъемки моря вокруг острова в радиусе восьмидесяти километров. Завтра как раз на восходе солнца один из спутников пройдет над нами.

— Но почему именно на восходе? — спросил Кейт.— А, понимаю, длинные тени помогут обнаружить цель.

— Разумеется. Обыскать такую огромную акваторию дело непростое, и, если поиски продлятся слишком долго, дельфины за это время окажутся бог знает где.

Джонни услышал о проекте вскоре после завтрака, когда его вызвали для участия в разведке. Профессор Казан, видимо, откусил кусок больше, чем мог разжевать: бильдаппарат острова принял двадцать пять фотографий, каждая из которых охватывала квадрат со стороной тридцать километров и содержала огромное количество деталей. Эти снимки были сделаны с метеорологического спутника, обращавшегося на высоте всего восемьсот километров, примерно через час по-

сле рассвета. Облачности не было, и фотографии получились отличными. Мощные телескопические камеры сократили расстояние всего до восьми километров.

Из всей этой мозаики Джонни дали на рассмотрение не слишком важный, но самый интересный для него снимок. Снимок этот был центральным и запечатлел остров целиком. Рассматривать его через лупу было необыкновенно увлекательно. Джонни узнавал здания, дорожки и суда, отчетливо видимые у берега.

Можно было разглядеть даже отдельных людей, которые казались маленькими черными точками.

Джонни воочию убедился, какой гигантский риф окружает Остров Дельфинов. Он тянулся на много километров в восточном направлении, и остров возле него казался маленькой запятой.

Съемка производилась в часы прилива, но сквозь неглубокий слой воды ясно вырисовывалась каждая деталь рифа. Джонни почти забыл о полученном задании, увлекшись исследованием углублений, подводных долин и сотен маленьких ущелий, прорытых водой, устремлявшейся с рифа во время отливов.

Поиски увенчались успехом: стаю обнаружили примерно в ста километрах к юго-востоку от острова, почти что на краю фотомозаики. Ошибиться было невозможно: видно было, как поверхность воды рассекали десятки темных тел; некоторых объектив запечатлел в тот момент, когда они выпрыгивали в воздух. Двузубые расходящиеся вилки следов, которые дельфины оставляли на воде, показывали, что они направляются на запад.

Профессор Казан с удовлетворением посмотрел на фотографию.

— Они приближаются,— сказал он.— И если не свернут, мы сможем встретиться с ними через час. «Летучая рыба» готова?

— Еще принимает топливо. Сможем выйти в море через тридцать минут.

Профессор взглянул на часы. Он был взволнован, как маленький мальчик, которому обещали пикник.

— Хорошо,— отрывисто сказал он.— Через двадцать минут всем быть на пристани.

Джонни явился через пять. Он в первый раз попал на борт судна («Санта-Анна» в счет не шла, ибо там он почти ничего не видел), а потому принял твердое решение ничего не упустить. Его только успели согнать с «вороньего гнезда», возвышавшегося над палубой на десять метров, как на борту появился профессор в яркой гавайской рубашке, с фотоаппаратом, биноклем и портфелем. Он курил огромную сигару.

— Пошли? — сказал профессор.

«Летучая рыба» отчалила.

Выйдя из канала, пробитого в коралловом барьере, она снова остановилась у края рифа.

— Чего мы ждем? — спросил Джонни у Мика, который, перегнувшись через поручни, глядел вместе с ним на удалявшийся остров.

— Не знаю точно,— ответил Мик,— но догадываюсь. А, вот и они! Профессор, верно, вызвал их через подводные громкоговорители. Хотя обычно они появляются и без этого.

К «Летучей рыбе» приближались два дельфина, они высоко подпрыгивали над водой, словно желая привлечь к себе внимание. Животные подплыли к самому судну, и, к удивлению Джонни, их немедленно приняли на борт. С помощью лебедки на воду спустили парусиновый кошель, один из дельфинов вплыл в него, и кошель с ним подняли на палубу. Там дельфина выпустили в ящик с водой, расположенный на корме. То же проделали и со вторым. В маленьком аквариуме едва хватало места на двух животных, но они, видимо, чувствовали себя превосходно. Было ясно, что все это им не в новинку.

— Эйнар и Пегги,— сказал Мик.— Самые умные дельфины из всех, какие у нас бывали. Профессор выпустил их в море несколько лет назад, но они никогда не уплывают слишком далеко.

— Как вы их различаете? — спросил Джонни.— Мне они все кажутся одинаковыми.

Мик почесал в своей курчавой голове.

— Не знаю, как и ответить. Что касается Эйнара, то его легко узнать — видишь шрам на левом плавнике? А его девушка обычно Пегги. Так что вот. Думаю, что это Пегги,— добавил он с сомнением в голосе.

«Летучая рыба» набрала ход и удалялась теперь от острова со скоростью около десяти узлов. Шкипер (один из многочисленных дядей Мика) не хотел, однако, давать полный вперед, пока судно не минует все подводные препятствия.

Риф остался в двух милях за кормой, когда шкипер выпустил крылья и открыл гидропульты. Как бы обретя силы, «Летучая рыба» разогналась, потом сделала рывок и стала подниматься. Через несколько сот метров над водой оказался весь ее корпус. Эффект торможения сократился во много раз. Теперь при одной и той же мощности двигателей «Летучая рыба» скользила по гребням, делая уже пятьдесят узлов, а не десять, которые были ее пределом, если ей приходилось корпусом рассекать волны.

Необыкновенно увлекательно было стоять на открытой носовой палубе, крепко держась за леера, и следить за бурунами, что вздымались за кормой скользящего по океану судна. Однако Джонни пробыл там недолго. От ветра спирало дыхание, и он укрылся за мостиком. Здесь он и оставался, глядя, как тает вдали Остров Дельфинов. Сперва остров плыл по морю, словно плот из белого песка, покрытого зеленью, потом превратился в узкую полоску и наконец совсем исчез у горизонта.

На протяжении следующего часа они прошли мимо нескольких таких же островов, только поменьше Дельфиньего.

Острова эти, как говорил Мик, были необитаемыми. Издали они казались такими чудесными, что Джонни никак не мог понять, почему они пустуют в этом перенаселенном мире. Он пробыл на Острове Дельфинов слишком недолго и ничего не знал обо всех трудностях, с которыми неизбежно сталкивается любой, кто захотел бы поселиться на Большом Барьерном рифе,— со сложной проблемой снабжения энергией, водой и кучей всякого другого.

Вдруг «Летучая рыба» замедлила ход, осела в воду, а затем и совсем остановилась, хотя кругом в пределах видимости не было и признака земли.

— Тише, пожалуйста! — закричал шкипер.— Профессор хочет немного послушать!

Слушал профессор недолго. Минут через пять он вышел из каюты, видимо, очень довольный.

— Мы напали на след,— сказал он.— Дельфины в пяти милях от нас и орут во всю глотку.

«Летучая рыба» снова пустилась в путь, отклонившись на несколько румбов к западу от своего первоначального курса. Через десять минут ее уже окружали дельфины.

Сотни животных легко, без всяких усилий прокладывали себе путь в океане. Когда «Летучая рыба» остановилась, они собрались вокруг нее, словно ждали этого визита; возможно, так оно и было.

Эйнара с помощью лебедки спустили за борт. Но только одного Эйнара.

— Там слишком много неистовых самцов,— объяснил профессор,— а мы не хотим никаких передряг, пока Эйнар будет вести с ними переговоры.

Пегги была глубоко возмущена, однако ничего не могла поделать, разве что окатывать водой всякого, кто неосторожно приближался к ней.

«Это одно из самых странных совещаний, какие происходили когда-либо на свете»,— подумал Джонни. Он стоял с Миком на передней палубе, свесившись через борт, и рас-

сматривал лоснящиеся темно-серые тела, теснившиеся вокруг Эйнара. «Что они говорят? Достаточно ли понимает Эйнар язык своих глубоководных родичей — и поймет ли самого Эйнара профессор?»

Тем не менее независимо от любого исхода совещания Джонни чувствовал глубокую благодарность к этим дружелюбным грациозным существам. Он надеялся, что профессор Казан сумеет помочь им, как они помогли ему, Джонни.

Через полчаса Эйнар вернулся и был снова поднят на борт — к большому облегчению Пегги, а также и профессора.

— Будем надеяться, что большую часть времени они потратили на болтовню,— сказал профессор.— Чтобы понять серьезную беседу, которая длилась у дельфинов целых тридцать минут, нам нужна неделя напряженной работы, даже с помощью кибернетических машин.

Под палубой взревели ожившие двигатели «Летучей рыбы», и судно опять неспешно поднялось из воды. Дельфины держались вровень с ним на протяжении нескольких сот метров, но вскоре безнадежно отстали. Это были единственные гонки, в которых они не могли рассчитывать на победу. Джонни в последний раз разглядел их в нескольких милях за кормой — стадо казалось черной полоской у горизонта. Потом не стало и этой полоски.

Джонни начал обучаться легководолазному делу у края пристани среди стоявших на якоре рыболовных судов. Вода была прозрачной как хрусталь. Глубина здесь не превышала полутора метров, так что, привыкая к ластам и маске, он мог совершать все ошибки новичков, ничем не рискуя.

Мик был не очень хорошим учителем. Сколько он себя помнил, он всегда умел плавать и нырять и теперь начисто забыл о трудностях, с которыми когда-то сталкивался. Ему казалось просто невероятным, что кому-то приходится прилагать значительные усилия, чтобы опуститься на морское дно и провести там две-три минуты. Поэтому он терял терпение, когда его ученик не мог сразу погрузиться глубже чем на десять сантиметров и болтался на поверхности, словно пробка, размахивая ногами в воздухе.

Однако довольно быстро Джонни понял, что нужно делать. Он научился до конца выдыхать воздух перед погружением: с полными легкими он превращался в воздушный шар, обладавший такой плавучестью, что уйти под воду было попросту невозможно. Далее он установил, что нужно поднимать ноги из воды, и тогда их ничем не поддерживаемая тяжесть толкнет его книзу. А уже под водой он сможет начать действовать ластами, с легкостью передвигаясь в любом направлении.

После нескольких часов тренировки тело его обрело ловкость. Джонни узнал, какое это наслаждение устремляться

вниз и парить в мире невесомости, подобно космонавту на орбите. Научился делать петли и переворачиваться на месте или же, не шевеля и пальцем, дрейфовать на любой глубине. Однако он не мог оставаться под водой и половину того времени, какое способен был провести там Мик. Как и для всякого стоящего дела, тут требовались время и практика.

Он знал теперь, что время у него будет. Профессор Казан, вообще-то человек мягкого характера, когда было нужно, проявлял завидную твердость; пользуясь своим влиянием, он позаботился о Джонни, нажав на все кнопки. После заполнения бесконечных анкет Джонни был официально зачислен в штат островной станции. Тетя согласилась на это с величайшей готовностью и немедленно выслала ему те немногие вещи, которые имели для него какую-то ценность. Теперь, когда он находился на другом конце света и мог беспристрастно подумать о своем прошлом, Джонни понял, что кое в чем виноват и сам. Разве он когда-нибудь прилагал усилия, чтобы стать членом семьи, в которую был принят? Он ведь знал, что его овдовевшей тетке приходилось нелегко. Вероятно, со временем, став постарше, он сумеет лучше разобраться во всех ее делах и затруднениях и, возможно, даже подружиться с ней. Но как бы то ни было, он ни на мгновение не жалел о том, что убежал из дому.

В жизни его открылась новая глава, никак не связанная с прошлым. Ему казалось, что раньше он только существовал, а не жил по-настоящему. Потеряв в раннем детстве тех, кого любил, он боялся привязаться к кому-нибудь снова. Хуже того — он стал подозрительным и замкнутым в себе. Но теперь, на острове, в дружной товарищеской семье, опрокинувшей перегородки его сдержанности, он менялся с каждым днем.

Рыбаки были дружелюбны, добродушны и не слишком надрывались на работе. Да и зачем им было надрываться: в этих краях постоянно тепло и достаточно закинуть в море сеть, чтобы быть всегда сытым. Чуть не каждый вечер люди собирались на берегу, чтобы потанцевать, посмотреть кино-

фильм или поужинать всем вместе. Ну а если лил дождь — здесь за час выпадало несколько сантиметров осадков,— сидели у телевизора. Можно было смотреть передачи откуда угодно: благодаря спутникам связи расстояние между Островом Дельфинов и любым городом Земли преодолевалось менее чем за полсекунды. Островитяне видели все, что мог предложить им мир, сохраняя при этом все преимущества обособленности. Они пользовались, в сущности, всеми благами цивилизации и страдали лишь от немногих ее пороков.

Жизнь Джонни, разумеется, состояла не из одних только развлечений. Как и все островитяне в возрасте до двадцати лет (а некоторые и постарше), он должен был ежедневно проводить несколько часов в школе.

Профессор Казан уделял много внимания делу образования, и на острове было двенадцать учителей — два живых и десять электронных. Почти обычное соотношение — изобретение обучающих машин в середине двадцатого века наконец поставило систему образования на научную основу.

Все счетно-решающие устройства на острове были соединены с ОСКАРОМ — большой кибернетической машиной. ОСКАР делал для профессора переводы, выполнял значительную часть канцелярской и бухгалтерской работы, а иногда и участвовал в шахматных чемпионатах. Вскоре после появления Джонни на острове ОСКАР тщательно проэкзаменовал его, чтобы установить уровень знаний, затем подготовил соответствующие магнитофонные ленты для самообучения и отпечатал программу занятий. Теперь Джонни ежедневно проводил не менее трех часов за клавиатурой обучающей машины, усваивая информацию и печатая ответы на вопросы, появлявшиеся на экране. Он мог сам выбирать время для занятий, но у него хватало ума не пропускать их. А если уж такое случалось, ОСКАР немедленно жаловался профессору или — еще хуже — доктору Кейту.

Впрочем, обоих ученых занимали сейчас куда более важные дела. Проработав целые сутки, профессор Казан пере-

вел послание, доставленное Эйнаром, и угодил, можно сказать, прямо в тупик. Если уж выбирать для характеристики профессора одно слово, то вернее всего было назвать его «миролюбивым». И вот, к великому огорчению ученого, ему предлагалось поддержать одну из ведущих войну сторон.

Он пристально смотрел на отпечатанное ОСКАРОМ послание, словно надеясь, что оно исчезнет. Но пенять он мог только на себя; в конце концов, не кто иной, как он сам, добивался этого послания.

— Ну, профессор,— спросил, склонившись над контрольным устройством, усталый и небритый доктор Кейт,— что мы теперь будем делать?

— Не имею ни малейшего представления,— сказал профессор Казан. Подобно большинству талантливых ученых и очень немногим бесталанным, он никогда не скрывал, что чем-либо озадачен.— А что вы предлагаете?

— Мне кажется, это как раз тот случай, когда следует обратиться к нашему Консультативному комитету. Почему бы не потолковать с несколькими его членами?

— Неплохая идея,— сказал профессор.— Посмотрим, с кем можно связаться в это время суток.

Он вынул из ящика список имен и стал водить пальцем по столбцам.

— С американцами нельзя — они все спят. То же относится и к большинству европейцев. Остаются — посмотрим — Саха в Дели, Гирш в Тель-Авиве, Абдаллах в...

— Вполне достаточно! — прервал его доктор Кейт.— Не припомню такого случая, чтобы совещание принесло хоть какую-нибудь пользу, если в нем участвовало больше пяти человек.

— Правильно, попробуем вызвать этих.

Четверть часа спустя пять человек, разбросанных по всему земному шару, беседовали между собой, как если бы находились в одной комнате. Профессор Казан не потребовал установления телесвязи, хотя в случае надобности это было

вполне осуществимо. Для обмена мнениями достаточно и звука.

— Господа,— начал он после обычных приветствий,— перед нами возникла проблема. Вскоре она будет передана на рассмотрение всего комитета, а может быть, куда более высоких инстанций. Но сначала мне хотелось бы узнать ваше мнение неофициально.

— Ха! — сказал крупнейший биохимик доктор Хассим Абдаллах из Пакистана. Говорил он из своей лаборатории.— Вы уже раз десять «неофициально» запрашивали мое мнение, но я не помню случая, чтобы вы хоть в чем-то с ним посчитались.

— Но на сей раз будет иначе! — ответил профессор.

Торжественность его тона возвестила, что это не обычная дискуссия.

Профессор вкратце описал события, предшествовавшие появлению Джонни на острове. Они были уже известны его слушателям, ибо весть о чудесном спасении мальчика разнеслась по всему миру. Затем профессор рассказал о дальнейшем — о рейсе «Летучей рыбы» и о переговорах Эйнара с глубоководными дельфинами.

— Это может войти в учебники истории как первое совещание между людьми и представителями другого вида животных. Первое! Я уверен, что оно не будет последним. Думаю, именно теперь нам представилась возможность внести свой вклад в грядущее на Земле и в космосе. Я знаю, что, по мнению некоторых из вас, я преувеличиваю умственные способности дельфинов. Что ж, судите сами. Они обратились к нам, ища защиты от самых беспощадных своих врагов. В море только два вида живых существ нападают на них. Разумеется, прежде всего акула, но она не представляет серьезной опасности для стаи взрослых дельфинов, они могут убить ее ударами по жабрам. Поскольку акула глупая рыба — глупая даже для рыбы,— они не испытывают к ней ничего, кроме презрения и ненависти. Иное дело — другой их враг, потому

что это их родич — косатка *Orcinus Orca*. Не будет особенным преувеличением, если мы назовем этого гигантского дельфина каннибалом. Длина его достигает порой десяти метров, случалось ловить косаток, в брюхе которых находились останки двадцати дельфинов. Представляете аппетит, для удовлетворения которого требуется по двадцать дельфинов зараз! Неудивительно, что они просят нашей помощи. Они знают, что мы обладаем недоступными для них возможностями: ведь наши суда бороздят моря уже много столетий. Быть может, на протяжении всех этих веков их дружелюбное отношение к нам было попыткой установить контакт, обратиться к нам за помощью в их бесконечной войне, и лишь теперь у нас хватило ума понять их. Если это так — я стыжусь за себя и весь человеческий род.

— Минутку, профессор,— вмешался индийский физиолог доктор Саха.— Все это очень интересно, но вполне ли вы уверены, что ваше толкование правильно? Не сердитесь, но нам известно ваше пристрастие к дельфинам, и большинство из нас разделяет эти симпатии. Вы уверены, что не вложили в их уста собственные мысли?

Другому эти слова могли бы показаться обидными, хотя доктор Саха и старался говорить как можно тактичнее.

Но профессор Казан ответил ему достаточно мягко:

— Сомнений нет. Спросите Кейта.

— Это точно,— подтвердил доктор Кейт.— Я, разумеется, перевожу с дельфиньего хуже, чем профессор, но тут я готов поставить на карту свою репутацию.

— Во всяком случае,— продолжал профессор Казан,— следующий пункт моего выступления покажет, что я не такой уж безоглядный сторонник дельфинов, как бы я их ни любил. Я не зоолог, но знаю кое-что о равновесии в природе. Даже если мы в состоянии им помочь, должны ли мы это делать? Доктор Гирш, что вы думаете?

Директор тель-авивского зоопарка ответил не сразу. Он не совсем проснулся — в Израиле еще не наступил рассвет.

— Вы сунули нам в ладони горячую картошку,— проворчал он.— И сомневаюсь, чтоб вы подумали обо всех осложнениях. На воле все животные имеют врагов-хищников, а если б не имели, это обернулось бы для них катастрофой. Взгляните, например, на Африку, где в одной местности обитают львы и антилопы. Предположим, что вы перестреляете всех львов,— что из этого получится? Я скажу вам: антилопы размножатся настолько, что уничтожат весь растительный покров, им не хватит пищи и они перемрут с голоду. Что бы ни думали по этому поводу антилопы, львы для них очень полезны: не дают им перерасходовать запасы продовольствия и поддерживают поголовье на нормальном уровне, устраняя наиболее слабых. Так действует природа — жестоко, с нашей точки зрения, но эффективно.

— В данном случае подобную аналогию провести нельзя,— запротестовал профессор Казан.— Мы имеем дело не с дикими животными, а с разумными существами. Это не народ в человеческом понимании слова, но тем не менее народ. Поэтому, чтобы аналогия была правильной, этот народ следовало бы сравнить, скажем, с племенем мирных земледельцев, постоянно подвергающихся опустошительным набегам людоедов. Возьметесь ли вы утверждать, что людоеды полезны земледельцам, или попытаетесь перевоспитать их?

Гирш засмеялся:

— Сказано недурно, хотя я не представляю себе, как вы намерены перевоспитывать косаток.

— Постойте,— вмешался доктор Абдаллах.— Вы вторглись в область, лежащую за пределами моих знаний. Скажите, насколько сообразительны косатки? Если они не столь же умны, как дельфины, аналогия с людскими племенами повисает в воздухе и никакой моральной проблемы тут существовать не может.

— О, они достаточно умны,— горестно ответил профессор Казан.— Те немногие исследования, которые я произвел,

убедили, что они разумны ничуть не меньше, чем другие дельфины.

— Вы слышали знаменитую историю о косатках, пытавшихся настичь полярников в Антарктике? — спросил доктор Гирш. И, так как остальные участники совещания сознались в своем полном неведении, принялся рассказывать.

Это случилось еще в начале прошлого столетия, во время одной из первых экспедиций к Южному полюсу, кажется, под командованием Скотта. Несколько исследователей стояли на краю ледяного поля и наблюдали за поведением косаток в воде. Им и в голову не приходила мысль об опасности. И вдруг лед под ними затрещал. Животные таранили его снизу, и, когда в конце концов он проломился, полярники едва успели перебежать на безопасное место. Кстати, толщина льда превышала семьдесят сантиметров.

— Так что, если дать им волю, они примутся жрать людей,— сказал кто-то.— Я голосую против них.

— Существует, видите ли, мнение, что они приняли одетых в меха исследователей за пингвинов, но мне не хотелось бы проверять эту теорию на себе. Во всяком случае, достоверно известно, что они несколько раз пожирали ныряльщиков.

Наступила короткая пауза, все обдумывали услышанное. Затем доктор Саха снова прервал молчание:

— Очевидно, чтобы принять какое-либо решение, нам нужно больше фактов. Придется поймать нескольких косаток и тщательно изучить их. Как ты думаешь, Николай, удастся вам установить с ними контакт, как с дельфинами?

— Вероятно, удастся, хотя на это могут уйти целые годы.

— Мы отклоняемся от темы,— нетерпеливо сказал доктор Гирш.— Нам все еще нужно решить, что делать и как поступить. Боюсь, что существует еще один чертовски важный аргумент в пользу косаток и против наших друзей — дельфинов.

— Я предвижу ваш аргумент,— заметил профессор Казан,— но продолжайте.

— Значительный процент нашей пищи мы получаем из моря — около ста миллионов тонн рыбы в год. Дельфины — наши непосредственные конкуренты; то, что они съедают, для нас потеряно. Вы говорите, что между косатками и дельфинами идет война, но война идет также между рыбаками и дельфинами, которые рвут рыбачьи сети и воруют улов. В этой войне косатки наши союзники. Если бы они не ограничивали прирост дельфиньего населения, мы могли бы остаться без рыбы.

Как ни странно, это соображение, видимо, не обескуражило профессора. Наоборот, судя по его ответу, он был даже доволен.

— Спасибо, Мордухай,— ты сыграл мне на руку, напомнив о рыбаках. Коль так, то тебе должны быть известны и другие случаи, когда дельфины загоняли целые косяки рыб в неводы рыбаков и те делились с ними уловом. Так бывало с аборигенами здесь, в Квинсленде, лет двести назад.

— Да, знаю, тебе хотелось бы возродить этот обычай?

— В числе прочих мер. Благодарю вас, господа; очень признателен. Как только мне удастся провести несколько опытов, все члены комитета получат от меня докладную записку и мы соберем пленарное заседание.

— Разбудив нас так рано, вы могли бы, по крайней мере, хоть как-нибудь намекнуть о своих планах.

— Только не сейчас — если вы не возражаете. Должно пройти некоторое время, пока я узнаю, какие из моих идей совершенно безумны, а какие просто неразумны. Дайте мне недели две и, если можете, наведите справки, нет ли где-нибудь косатки, которую мне согласятся одолжить. Хорошо бы такую, которая жрет не больше полутонны в день.

Джонни навсегда запомнил свою первую ночную прогулку по рифу. Прилив кончился, луны не было, и звезды ярко сверкали на безоблачном небе, когда он и Мик сошли с берега, вооруженные водонепроницаемыми фонарями, копьями, масками, перчатками и мешками, которые они рассчитывали наполнить лангустами. Многие обитатели рифа вылезали из своих убежищ только с наступлением темноты, а Мику хотелось найти несколько особенно редких и красивых раковин, каких не сыщешь днем. Он неплохо подрабатывал, продавая их коллекционерам с материка; правда, торговля эта была недозволенной — фауна острова находилась под охраной закона штата Квинсленда о рыболовстве.

Обнажившиеся кораллы трещали у них под ногами, фонари выхватывали из мрака впереди лишь кусочек, очень маленький в сравнении с морем тьмы, окутывавшей риф.

Ночь была такой темной, что через сотню метров они уже совсем потеряли остров из виду. К счастью, красный предупредительный сигнал на одной из радиомачт служил им маяком. Без этого ориентира они бы безнадежно заблудились. Даже звезды не могли заменить его: путешествие до края рифа и обратно длилось так долго, что звезды успели проделать большой путь по небосклону.

Впрочем, Джонни и не очень глядел на звезды, на это не хватало времени: в ломком и прозрачном мире кораллов каждый шаг требовал напряженного внимания. Но когда он все-

таки взглянул вверх, его глазам представилось нечто столь странное, что он застыл в изумлении.

В небо вздымалась огромная пирамида света. Основание ее покоилось на западной стороне горизонта, вершина упиралась в точку, расположенную почти прямо над головой Джонни. Этот неяркий, но вполне отчетливый свет можно было принять за отблеск огней далекого города. Однако на расстоянии более ста миль в том направлении не было никаких городов — перед ними лежало одно лишь море.

— Это еще что? — спросил наконец Джонни.

Мик, продолжавший шагать впереди, пока приятель глазел на небо, не сразу сообразил, о чем идет речь.

— О,— сказал он, поняв в чем дело,— это можно наблюдать в любую ясную безлунную ночь. Кажется, что-то такое в космосе. А разве из твоей страны этого не видно?

— Никогда не замечал, но у нас не бывает таких ясных ночей, как здесь.

Ненадолго выключив фонари, ребята глядели на чудо, которое лишь немногие видели с тех пор, как свет и дым городов окутали землю, погасив великолепие небес. То был зодиакальный свет, над загадкой которого астрономы бились целые века, пока не узнали, что это — свечение огромного пылевого облака в околосолнечном пространстве.

Вскоре Мик поймал своего первого лангуста. Рак полз по дну неглубокого озерка, и свет электрического фонаря так ослепил бедное животное, что оно даже не пыталось спастись. Лангуст отправился на дно мешка Мика, и вскоре к нему присоединились другие. Джонни решил, что такой способ ловли не спортивен, но это соображение не помешало ему потом с удовольствием уплетать тех же лангустов.

По рифу бродили и другие охотники — лучи их фонариков то и дело выхватывали из темноты тысячи маленьких крабов. Обычно при приближении Джонни и Мика те убегали, но иногда решали защищать свои владения и угрожающе размахивали клешнями, чтобы отпугнуть двух надвигав-

шихся на них чудовищ. Джонни подумал: что это, храбрость или просто глупость?

По кораллам то там, то здесь ползали причудливо раскрашенные каури и конусы. Было трудно представить себе, что для более мелких жителей рифа даже эти медлительные существа — страшные хищники.

Весь чудесный, обворожительный мир, лежавший под ногами Джонни, являлся полем битвы. Каждое мгновение в окружавшем друзей безмолвии происходили бесчисленные убийства и нападения из засады.

Джонни и Мик приблизились к краю рифа, где глубина воды достигала всего нескольких сантиметров; они шли, разбрызгивая ее во все стороны. Море светилось вовсю, так что при каждом шаге из-под ног у них вылетали звезды. Даже когда они стояли, от малейшего их движения искорки света проносились по поверхности воды. Но если они направляли лучи своих фонариков вниз, вода казалась совершенно безжизненной. Существа, испускавшие свет, были слишком малы или прозрачны, чтобы их можно было разглядеть.

Глубина постепенно увеличивалась, и из окружавшего их мрака до Джонни донесся гром: то был рев волн, бившихся о края рифа. Джонни продвигался медленно и осторожно. Хотя днем он бывал в этих местах раз десять, ночью, освещаемые только узкими лучами фонарей, они выглядели странными и незнакомыми. К тому же он знал, что в любой момент может свалиться в глубокое озерко или затопленную долину.

И все же то, чего он опасался, застигло его врасплох: коралловое дно вдруг ушло из-под ног и он очутился на самом краю таинственного мрачного озера. Луч фонарика проникал туда только на несколько сантиметров — вода была прозрачной как хрусталь, но свет сразу терялся в глубине.

— Тут наверняка есть лангусты,— сказал Мик.

Он погрузился в озерко почти без всплеска, оставив Джонни наверху, в гремящей тьме рифа, метрах в восьмистах от берега.

Следовать за Миком было необязательно, можно дождаться его на месте. К тому же озерко выглядело зловещим и неприветливым, и легко было представить, что в глубине его кишат всякие чудовища.

«Но это же смешно,— сказал себе Джонни.— Вероятно, он нырял уже в это самое озерко и встречался со всеми его обитателями. Они должны испугаться его гораздо больше, чем он их».

Джонни тщательно осмотрел свой фонарик и сунул его в воду, чтобы проверить, будет ли он светить и там. Затем поправил маску, сделал полдюжины быстрых и глубоких вдохов и последовал за Миком.

Теперь, когда и он сам, и фонарик находились по ту сторону границы между воздухом и водой, свет показался ему необыкновенно ярким. Однако фонарик делал видимым лишь небольшой участок кораллового или песчаного дна, на который падал его луч. За пределами этого узкого конуса все оставалось мраком, тайной, угрозой. Первые мгновения этого ночного путешествия вглубь Джонни был близок к панике. Ему непреодолимо хотелось оглянуться через плечо, чтобы проверить, не следует ли за ним по пятам какой-нибудь враг...

Однако через несколько минут он взял себя в руки. Луч фонарика Мика, мерцавший в подводной тьме метрах в пяти от него, напоминал, что он не один. Теперь ему доставляло удовольствие заглядывать в пещерку и под выступы и сталкиваться с напуганными рыбами. Один раз он увидел красиво окрашенную, похожую на угря мурену; та, сидя в своем убежище среди скал, сделала угрожающее движение к нему; ее змеиное тело изогнулось в воде. Джонни не хотелось знакомиться с острыми зубами, но он знал, что мурены никогда не атакуют первыми. А у самого Джонни вовсе не было намерений наживать себе врагов в этом подводном путешествии.

Озерко было полно странных шумов, так же как и странных существ. Вот Мик задел копьем за скалу — там, навер-

ху, Джонни услышал бы легкий скрежет, а здесь, под водой, этот звук оглушительно отдавался в ушах. Он слышал, порой ощущал всем телом, как ударяют волны о край рифа, всего в нескольких метрах от него.

Вдруг до него донесся новый звук, похожий на стук мелких градин. Стук был слабым, но очень отчетливым и, казалось, раздавался где-то поблизости. В тот же миг луч фонарика уперся как бы в облако тумана.

Этот свет привлек миллионы крошечных, не больше песчинки, существ, и теперь они бились о стекло, как мотыльки, летящие к пламени свечи. Их становилось все больше и больше, и вскоре луч фонарика уже не мог пробиться сквозь эту завесу. Те, кому не хватало места под светом фонаря, бились об обнаженное тело Джонни, покалывая его кожу. Они двигались с такой быстротой, что Джонни не мог разглядеть их как следует, кажется, некоторые из них были похожи на креветок величиной с рисовое зернышко.

Он знал, что это самые крупные и активные представители планктона — основной пищи почти всех морских рыб. Ему пришлось выключить свет и ждать, когда они рассеются и он перестанет слышать и ощущать эти мириады движущихся тел. Пережидая, пока исчезнет живой туман, он размышлял над тем, не привлек ли свет более крупных животных, например акул. Джонни был бы готов встретиться с ними при дневном свете, но после захода солнца...

Он с радостью поспешил за Миком, когда тот наконец стал выбираться из озерка. Однако был доволен, что не отказался от этого ночного путешествия: он увидел еще одно лицо океана. Ночь преображала мир, скрытый под волнами, так же как преображала мир над ним. Тот, кто изучает море только при дневном свете, не имеет о нем никакого понятия. К тому же лишь незначительной толще воды доступен дневной свет. Большая часть моря — это царство вечного мрака, потому что солнечные лучи проникают лишь на глубину в несколько десятков метров, а затем полностью поглощаются. В безднах

океана никогда не появлялся свет, если не считать холодного свечения словно рожденных кошмаром обитателей этого мира, лишенного солнца и смены времен года.

— Что ты поймал? — спросил Джонни у Мика, когда оба они выбрались из озерка.

— Шесть лангустов, двух тигровых каури, трех мурексов и еще, смотри, такой свиток мне ни разу не попадался. Неплохой улов, хотя я видел там еще здоровенного лангуста, но не смог до него добраться. Наружу были только щупальца, а сам он засел в пещере.

Они двинулись домой по большой банке из живых кораллов, и путеводным маяком им служил красный огонек радиомачты. В темноте казалось, что до этой яркой звезды еще много километров, а между тем, пока они исследовали озерко, уровень воды, накрывавшей риф, сильно поднялся. Джонни стало не по себе — начинался прилив. Неприятно застрять здесь, так далеко от суши, когда море заливает банку.

Но эта опасность им не грозила: Мик точно рассчитал время экскурсии. Он нарочно устроил ее, чтобы испытать своего нового друга, и Джонни вышел из этого испытания с развевающимися знаменами.

Бывают люди, которым нервы никогда не позволят уходить под воду ночью, когда видимость ограничена лишь маленьким овалом на конце луча фонарика, а в окружающем мраке может примерещиться все, что угодно.

Джонни, конечно, испытывал страх, как и всякий новичок, но сумел его побороть.

Пройдет немного времени, и он сможет безбоязненно покинуть безопасные, укрытые водоемы и, ныряя с края рифа, совершать путешествия в вечно пульсирующие, полные неожиданностей глубины открытого океана.

Недели через две жители острова увидели, как претворяются в жизнь первые идеи профессора. Всякие толки, разумеется, ходили и раньше. С тех самых пор, как стало известно, чего просят дельфины, у каждого появилось собственное мнение о том, как надлежит действовать.

Ученые с исследовательской станции держали, понятно, сторону дельфинов. Доктор Кейт выразил эти взгляды, заметив как-то:

— Даже если косатки окажутся умнее, я ставлю на дельфинов. Они куда симпатичнее, а друзей выбирают не за интеллект.

Джонни порядком удивился, услышав его слова: он все еще никак не мог привыкнуть к небрежно-снисходительному обращению доктора Кейта и про себя сравнивал его с холоднокровной рыбой, наделенной лишь немногими человеческими эмоциями. Впрочем, приходилось допустить, что у доктора Кейта были и какие-то хорошие качества, раз профессор Казан сделал его своим помощником. А все, что делал профессор, не подлежало, с точки зрения Джонни, критике.

Мнение рыбаков было противоречивым. Они неплохо относились к дельфинам, но не без оснований вынуждены были считать их конкурентами, ведь рыбаки на своей шкуре испытали то, о чем говорил доктор Гирш. Случалось, и не раз, что дельфины рвали сети, расхищали улов и тем самым да-

вали повод отзываться о себе в таких выражениях, которые очень огорчили бы профессора Казана, если б он услышал, как поносят его друзей. Что ж, если косатки не дают дельфинам слишком расплодиться, им можно только пожелать удачи.

Джонни слушал эти споры с интересом, но у него уже давно сложилось собственное мнение, и никакие факты не могли его поколебать. Если кто-то спас тебе жизнь, тут уж ничего не поделаешь! Что бы ни говорили, ты не пойдешь против него.

К этому времени Джонни стал искусным ныряльщиком, хотя понимал, что с Миком ему все равно не сравняться. Он уже прекрасно умел пользоваться ластами, маской и дыхательной трубкой; всего несколько недель назад он просто не поверил бы, если бы ему сказали, как долго он сможет продержаться под водой. И дело было не только в том, что от здоровой жизни на открытом воздухе он быстро рос и набирался сил. Раньше он попросту побаивался, а теперь привык и чувствовал себя под водой так же уверенно, как на суше. Он научился двигаться в глубине плавно и без усилий, запаса воздуха в легких хватало на гораздо более долгий срок, чем вначале. При желании он мог без особого напряжения оставаться под водой целую минуту.

Его никто не принуждал, он учился всему ради интереса; право же, эти навыки сами по себе заслуживали того, чтобы их приобрести. Только потом, когда профессор как-то после полудня вызвал его к себе, Джонни понял, что его любимое занятие очень скоро найдет полезное применение.

Профессор выглядел усталым, но веселым, как человек, который день и ночь трудился над решением сложной задачи и был наконец близок к ее разгадке.

— Джонни,— сказал он,— у меня есть для тебя дело, думаю, оно тебе понравится. Погляди!

И он подвинул к нему стоявший на письменном столе аппарат, напоминающий миниатюрную счетную машину с два-

дцатью пятью клавишами, расположенными в пять рядов. Аппарат с вогнутым основанием из губчатой резины занимал площадь не более двадцати квадратных сантиметров. Кроме того, он был снабжен ремешками с пряжками, как будто его следовало носить на запястье, словно огромные ручные часы.

Лишь некоторые из клавиш оставались пустыми, на большинстве же крупными четкими буквами было выгравировано одно какое-нибудь слово. Приглядевшись к маленькой клавиатуре, Джонни понял назначение аппарата.

Он прочел слова: «нет», «да», «вниз», «вверх», «друг», «направо», «налево», «быстро», «медленно», «стоп», «пошел», «следуйте», «подойдите», «опасность!» и, наконец, «на помощь!» Расположение слов на клавиатуре определялось ходом логического мышления. Так, «вверх» и «вниз» располагались соответственно вверху и внизу, «налево» и «направо» — слева и справа. Слова с взаимно противоположным значением, такие как «нет» и «да», «стоп» и «пошел», размещались сколько возможно дальше одно от другого, чтобы исключить ошибку при нажимании клавиш. Клавиши со словами «опасность!» и «на помощь!» были снабжены предохранителями, и, прежде чем нажать клавишу, предохранитель следовало отвести.

— Там, внутри, полно добротной полупроводниковой электроники,— объяснил профессор,— батарея рассчитана на пятьдесят часов. Человек, нажавший одну из этих кнопок, услышит лишь слабое гудение. Дельфин же должен услышать слово, обозначенное на клавише, только на своем языке — по крайней мере, мы надеемся, что так будет. Мы хотим знать, что произойдет после этого.

Вероятно, тебе непонятно назначение пустых клавиш? Мы просто держим их про запас, пока не решим, какие еще слова нам понадобятся. Возьми эту штуковину — назовем ее «Коммуникатор, образец номер один» — и попрактикуйся. Ты должен плавать и нырять с ним, пока он не станет как бы

частью тебя самого. Запомни, что к чему на клавиатуре, чтоб ты мог найти нужную клавишу с закрытыми глазами. Потом вернешься сюда, и мы приступим к нашему новому опыту.

Все это было необычайно увлекательно. Джонни просидел почти всю ночь, нажимая на клавиши, чтобы запомнить их расположение. Сразу после завтрака он уже был у профессора; ученый встретил его приветливо, но никакого удивления не выказал.

— Захвати свои ласты и маску — сойдемся у бассейна,— сказал он.

— Можно взять Мика? — спросил Джонни.

— Конечно, если только он будет вести себя тихо и не станет надоедать мне.

Коммуникатор очень заинтересовал Мика, его только не устраивало, что аппарат доверили Джонни, а не ему.

— Не понимаю, почему он поручил испытания тебе,— сказал он.

— Совершенно ясно,— самодовольно ответил Джонни.— Дельфины меня любят.

— Тогда они не так умны, как думает профессор,— возразил Мик.

При других обстоятельствах такое замечание непременно привело бы к ссоре; впрочем, до драки у них никогда не доходило, хотя бы по той простой причине, что Мик был вдвое тяжелее и вдвое сильнее Джонни.

По совпадению, которое нельзя назвать таким уж случайным, профессор Казан и доктор Кейт толковали, в сущности, о том же, пока шли к бассейну, нагруженные различной аппаратурой.

— Отношение Спутника к Джонни меня не удивляет,— сказал профессор.— Во всех описанных в литературе случаях если уж дельфин вступал в дружбу с человеком, то почти неизменно выбирал ребенка.

— А Джонни для своих лет так мал! — добавил доктор Кейт.— Животные, вероятно, лучше чувствуют себя с детьми потому, что взрослые слишком велики и, может быть, таят

угрозу. А дети, что человечьи, что дельфиньи, примерно одного роста.

— Совершенно верно,— сказал профессор.— И дельфины, вступающие в дружбу с маленькими купальщиками на морских курортах,— вероятно, самки, потерявшие детенышей. Ребенок, возможно, заменяет им потерю.

— Вот идет наш мальчик-дельфин,— сказал доктор Кейт,— вы только посмотрите, как он сияет.

— Чего не скажешь о Мике. Боюсь, что я обидел его. Что поделаешь! Спутник относится к нему недоверчиво. Однажды я пустил его в бассейн, и даже Сузи выражала недовольство. Займите его чем-нибудь — пусть помогает вам при киносъемке.

Тут ребята нагнали ученых, и профессор Казан дал им последние наставления.

— У бассейна надо сохранять полное молчание,— сказал он.— Всякие разговоры могут сорвать опыт. Доктор Кейт и Мик установят кинокамеру на восточной стороне, чтобы солнце оказалось сзади. Я стану напротив, а ты, Джонни, ныряй в бассейн и плыви до середины. Думаю, что Сузи и Спутник последуют за тобой. Как бы то ни было, оставайся там, пока я не покажу тебе рукой, в какую сторону плыть дальше. Понятно?

— Есть, сэр,— ответил Джонни, очень гордый собой.

Профессор захватил пачку больших белых карточек, на которых были написаны те же слова, что на клавишах коммуникатора.

— Я буду поднимать эти карточки одну за другой,— сказал он.— А ты каждый раз нажимай нужную клавишу, да смотри не перепутай — именно ту. Если я подниму две карточки, то нажимай клавишу, соответствующую верхней карточке, а потом сразу же нижней. Ясно?

Джонни кивнул.

— В самом конце мы сделаем решительный ход. Ты дашь сигнал: «опасность!» — и через несколько мгновений следу-

ющий: «на помощь!» При этом ты должен биться в воде, как утопающий, а потом медленно пойти ко дну. Повтори все это.

Джонни как раз успел повторить инструкцию профессора, когда они подошли к проволоке, огораживавшей бассейн. Тут всякие разговоры прекратились. Разговоры, но не шум, потому что Сузи и Спутник встретили их громким визгом и всплесками.

Профессор Казан, как обычно, угостил Сузи порцией лакомства, но Спутник держался в отдалении и не дал себя соблазнить. Тогда Джонни соскользнул в воду и медленно поплыл к центру бассейна.

Оба дельфина следовали за ним, держась на расстоянии метров шести. Приподняв голову над водой, Джонни оглянулся и впервые смог оценить грацию, с которой изгибались их эластичные тела, посылаемые вперед движением плавников.

Он держался в середине бассейна, поглядывая то на дельфинов, то на профессора и ожидая его знака. Первой оказалась карточка со словом «друг».

Дельфины, без сомнения, услышали это слово — они взволновались. Гудение коммуникатора четко отдавалось в ушах Джонни, хотя он и знал, что может воспринимать только исходившие от аппарата звуки низкой частоты, а не ультразвуки, которые позволяли дельфинам слышать слова.

«Друг» — снова поднял вверх профессор, и Джонни опять нажал клавишу. На этот раз, к восторгу мальчика, оба дельфина двинулись к нему. Они подплыли ближе и остановились всего в полутора метрах, глядя на него своими темными умными глазами. Джонни решил, что они уже догадались, чего от них хотят, и ждут следующего сигнала.

Таким сигналом оказалась команда «налево». Результат был неожиданный. Сузи тотчас повернула налево, а Спутник — направо. Тут профессор Казан принялся ругать себя идиотом, на всех четырнадцати языках, которыми свободно владел. Только теперь он сообразил, что команда должна

быть однозначной, чтобы не давать возможности иного толкования. Ясно — Спутник поплыл направо, потому что это было с левой руки Джонни, а более эгоцентричная Сузи решила, что речь идет о ней самой, и ориентировалась на свой левый бок.

Следующее приказание — «вниз» — не допускало двух толкований. Сильно работая плавниками, дельфины опустились на дно бассейна. Они терпеливо ждали под водой, пока Джонни не подал команду «вверх». Джонни подумал: как долго оставались бы они на дне, если б он не нажал клавишу?

Сузи и Спутнику, по-видимому, очень нравилась эта новая и увлекательная игра. Ведь дельфины — самые шаловливые из всех животных; если их и не обучают играм, они придумывают себе забавы сами. А Сузи и Спутник, может быть, даже сообразили, что это не просто развлечение, а начало союза, который может пойти на пользу обоим видам живых существ.

Вот поднялась первая пара карточек: «плыть» — «быстро». Джонни нажал клавиши одну за другой. Гудение коммуникатора после передачи второго слова еще не успело умолкнуть в его ушах, как Сузи и Спутник понеслись к краю бассейна. Не сбавляя скорости, они выполнили и команды: «направо» и «налево» (на сей раз правильно рассчитав поворот от себя), а затем, опять-таки повинуясь сигналам, замедлили движение и наконец остановились, услыхав «стоп».

Профессор просто обезумел от радости, даже у невозмутимого доктора Кейта, наблюдавшего эту сцену, лицо расплылось в улыбке. А Мик скакал по бортику бассейна, словно какой-нибудь из его предков при исполнении ритуальной пляски племени. И вдруг все они торжественно замерли: в воздух поднялась карточка со словом «опасность!».

«Что сделают теперь Сузи и Спутник?» — подумал Джонни, нажимая клавишу.

Но Сузи и Спутник только посмеялись над ним. Они прекрасно понимали, что это лишь игра, и не дали себя прове-

сти. Реакция у них была гораздо более быстрой, чем у него; дельфины знали каждый сантиметр своего бассейна и почуяли бы опасность задолго до того, как медленный человеческий разум смог бы их предупредить.

Тут профессор Казан совершил небольшую тактическую ошибку. Он велел Джонни отменить предыдущий сигнал, передав новый: «опасности нет».

Обоих дельфинов мгновенно охватило какое-то судорожное, бившее ключом возбуждение. Они носились по всему бассейну, выпрыгивали в воздух чуть ли не на два метра и мелькали мимо Джонни с такой скоростью, что он боялся, как бы они его не протаранили. Это представление продолжалось несколько минут, а потом Сузи высунула голову из воды и, судя по интонации, сказала профессору какую-то дерзость. Теперь наблюдатели поняли, что дельфины потешались над ними.

Оставалось испытать еще один сигнал. Отнесутся ли они к нему как к шутке или воспримут всерьез? Профессор Казан помахал карточкой со словами «на помощь!» Джонни нажал на клавишу и пошел ко дну, пуская пузыри для большего правдоподобия. Два серых метеора ринулись к нему. Он почувствовал сильный, но ласковый толчок, вынесший его на поверхность. Джонни не смог бы, даже если б старался, оставаться под водой: дельфины поддерживали его так, чтобы голова находилась на поверхности,— подобным же образом они помогают своим раненым товарищам. Поверили ли они, что сигнал «на помощь!» был настоящим, или не поверили, но рисковать не хотели.

Профессор жестом поманил Джонни, и тот поплыл к берегу. Но озорство дельфинов словно передалось ему. Он так развеселился, что без всякой надобности нырнул на дно, сделал там сальто и поплыл на спине. Он даже принялся подражать движениям дельфинов — свел вместе ноги в ластах, стараясь плавно, по-дельфиньи, двигаться в воде.

В какой-то степени это удалось ему, только скорость была не та: он плыл раз в десять медленней, чем могли плавать дельфины.

Сузи и Спутник неотступно следовали за мальчиком, иногда нежно касаясь его. Джонни чувствовал, что, по крайней мере, для этих двоих ему никогда не понадобится нажимать на клавишу «друг».

Когда он вылез из бассейна, профессор Казан обнял его так, как обнимают давно потерянного и вдруг обретенного сына; даже доктор Кейт, к ужасному смущению Джонни, попытался прижать его к себе костлявыми руками, и Джонни в последнее мгновение едва сумел увильнуть.

Покинув «зону молчания», оба ученых принялись болтать, как взволнованные школьники.

— Так хорошо, что просто не верится,— сказал доктор Кейт.— Они все время опережали нас!

— Я это отметил,— кивнул профессор.— Не знаю, соображают ли они лучше нас, но что быстрее — это точно.

— А можно мне в следующий раз испробовать эту штуку? — жалобно спросил Мик.

— Да,— тотчас же ответил профессор Казан.— Ясно, с Джонни-то они готовы общаться сколько угодно, а вот как они поведут себя с другими людьми — следует проверить. Я уже вижу, как отряды специально обученных дельфинов-водолазов ломают границы доступных нам сейчас глубин, с их помощью мы будем проводить исследования, поднимать затонувшие ценности и делать еще сотни дел.

Весь поглощенный своими замыслами, профессор вдруг резко остановился.

— Я только что вспомнил два слова, которых не хватает в коммуникаторе, их надо немедленно вставить.

— Какие же слова? — спросил доктор Кейт.

— «Пожалуйста» и «спасибо»,— ответил профессор.

Более ста лет на Острове Дельфинов жило предание. Конечно, рано или поздно кто-нибудь рассказал бы его Джонни, но случилось так, что он наткнулся на это предание сам.

Однажды, чтобы сократить путь, он пошел напрямик через лес, покрывавший большую часть острова. Как обычно в таких случаях, путь вовсе не стал короче. Только-только свернул он с дорожки, как сразу же заблудился в густых зарослях пандануса и пизонии, а ноги его при каждом шаге проваливались по колено в почву, изрытую норами буревестников.

Странно было чувствовать себя «затерявшимся» в каких-нибудь двух сотнях метров от поселка, где было множество людей, где жили его друзья. Джонни легко мог вообразить, что путешествует в самом сердце бесконечных джунглей, в тысячах километров от цивилизованных мест, что он одинок в этих таинственных неосвоенных дебрях. Но опасность не грозила ему, достаточно было пяти минут ходьбы в любом направлении, чтобы выбраться из леска. Правда, он может выйти не туда, куда хотел, но на таком маленьком островке это не имеет значения.

Вдруг он заметил, что уголок джунглей, куда он забрел, выглядит довольно странно. Деревья были меньше, и весь лес не так густ, как в других местах. Осмотревшись, Джонни сообразил, что когда-то этот участок леса был расчищен. Но его,

очевидно, давно забросили, и он успел зарасти. А еще через несколько лет он и совсем одичает.

«Интересно, кто мог жить здесь за много лет до того, как радио и авиация связали Большой Барьерный риф с остальным миром? — подумал он.— Разбойники? Пираты?»

В голове его теснились всякие романтические предположения, и он принялся шарить у корней деревьев, в чаянии какой-нибудь находки.

Потом ему надоели бесплодные поиски, и он решил, что все это только игра его воображения. И тут же наткнулся на закопченные камни, укрытые листьями, полузасыпанные землей. «Очаг!» — подумал он и принялся за раскопки с удвоенной силой. Вскоре он нашел несколько кусков ржавого железа, чашку без ручки и ломаную ложку.

И это все. Не ахти какое сокровище! Находки все же свидетельствовали, что когда-то давно здесь побывали люди, и не дикари, а люди из мира цивилизации. Не на пикник же приехали они сюда, на Остров Дельфинов, отстоящий так далеко от материка! Кто бы они ни были, их привела к этому месту какая-то важная причина.

Захватив на память ложку, Джонни покинул старую расчистку и через десять минут уже был на побережье. Теперь следовало найти Мика. Он обнаружил его в учебной комнате, где тот заканчивал второй раздел математической программы по ленте № 3. Как только Мик освободился, выключил обучающую машину и показал ей нос, Джонни протянул ему ложку и рассказал, где нашел ее.

К его удивлению, Мику вроде бы стало не по себе.

— Лучше бы ты ее не брал,— сказал он.— Снеси-ка назад.

— Почему? — с удивлением спросил Джонни.

Замешательство Мика стало еще сильней. Он переступал своими большими босыми ногами по полу из блестящего пластика и явно уклонялся от прямого ответа.

— Конечно,— сказал он,— я по-настоящему не верю в привидения, но оказаться там темной ночью я бы не хотел.

Джонни бесился от нетерпения. Но ничего не поделаешь, придется ждать, пока Мик на свой лад поведает ему эту быль.

Мик начал с того, что потащил Джонни на узел связи, вызвал по телефону музей в Брисбене и сказал несколько слов помощнику заведующего отделом истории Квинсленда.

Через несколько секунд на телевизионном экране появилось изображение странного предмета, стоявшего в стеклянном шкафу. Это был не то железный бак, не то бадья площадью с квадратный метр и высотой сантиметров шестьдесят. Рядом лежали два грубо сколоченных весла.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросил Мик.

— Какая-то бадья,— сказал Джонни.

— Да,— сказал Мик,— но она послужила и лодкой. Сто тридцать лет назад в ней отплыли с этого острова трое людей.

— Три человека в такой вот штуке?

— Видишь ли, один из них был младенцем. А двое взрослых — это англичанка Мэри Уотсон и ее повар-китаец по имени А...— не помню, как дальше.

Слушая странную историю, Джонни старался перенестись в те времена, которые казались ему невообразимо далекими. Между тем дело происходило в 1881 году — менее полутора веков назад. Тогда уже существовали телефоны и паровые машины, уже родился Альберт Эйнштейн. Но каннибалы все еще плавали на своих боевых каноэ вдоль Большого Барьерного рифа.

Презрев опасность, недавно женившийся капитан Уотсон поселился на Острове Дельфинов. Он занялся сбором и продажей морских огурцов, или bêche-de-mer,— безобразных, похожих на колбасы существ, неуклюже ползавших среди кораллов по дну каждого озерка. Китайцы хорошо платили за высушенную оболочку этих созданий, которую ценили как лекарственное снадобье.

Вскоре запасы bêche-de-mer на острове истощились, и капитану пришлось уплывать все дальше и дальше от дома.

Он, бывало, пропадал на своем суденышке по нескольку недель кряду, предоставляя заботиться о доме и новорожденном сыне своей жене, которой помогали двое слуг-китайцев.

Именно в отсутствие капитана на острове и высадились дикари. Они успели убить одного из слуг и тяжело ранить другого, прежде чем Мэри Уотсон заставила их отступить выстрелами из ружья и револьвера. Но она знала, что дикари на этом не успокоятся, а муж вернется не раньше чем через месяц.

Положение создалось отчаянное, но Мэри Уотсон была женщиной храброй и предприимчивой. Она решила бежать с острова, вместе с младенцем и боем, приспособив вместо шлюпки железную бадью для варки bêche-de-mer. Мэри надеялась, что ее подберет одно из судов, курсировавших вдоль рифа.

Она погрузила в свое маленькое валкое суденышко запасы пищи и воды и принялась отгребать подальше от дома.

Тяжело раненный слуга почти не мог ей помогать, а четырехмесячный сын нуждался в постоянном уходе. Ей повезло только в одном — стоял полный штиль, иначе они не продержались бы на воде и десяти минут.

На следующий день они высадились на ближайшем рифе и провели там двое суток, высматривая судно. Однако ни один корабль не показался на горизонте. Им пришлось вновь пуститься в плавание. На этот раз они достигли островка, лежащего в сорока двух милях от места, где началось их путешествие.

Тут они увидели шедший мимо пароход, но никто на борту не заметил миссис Уотсон, отчаянно махавшую платком, в который она обычно кутала своего сына.

На острове не было воды, а взятый с собой запас кончился. Однако они прожили еще четыре дня, медленно умирая от жажды, тщетно надеясь на дожди, которые так и не хлынули, и на появление корабля, который так и не пришел.

Через три месяца, совершенно случайно, капитан проходившей мимо шхуны послал на остров нескольких матросов поискать чего-нибудь съедобного. Они нашли труп повара-китайца и железную бадью, укрытую в зарослях. Там, скорчившись, лежала Мэри Уотсон, все еще прижимавшая к груди своего сына. Рядом с ней обнаружили журнал восьмидневного путешествия, который она вела до самого конца.

— Я сам видел его в музее,— торжественно сказал Мик.— Он написан на дюжине листков, вырванных из блокнота. Многое еще можно прочесть, я никогда не забуду последнюю запись. Она совсем короткая: «Воды нет, мы почти мертвы от жажды».

Мальчики долго молчали. Джонни взглянул на ломаную ложку, которую все еще держал в руке. Глупо, конечно, но он вернет ее назад, на место, откуда взял, из уважения к доблестной Мэри Уотсон. Он понял, почему Мик и другие так относятся к ее памяти. И еще подумал, что, верно, в лунные ночи островитянам, наделенным самым пылким воображением, часто мерещилось, будто они видят молодую женщину, уплывающую в море в железной бадье...

Но тут ему вдруг пришла в голову другая, еще больше взволновавшая его мысль. Он повернулся к Мику, не решаясь спросить. Но это и не понадобилось — Мик сам дал ответ.

— Мне очень неприятна вся эта история,— сказал он,— хоть это и случилось так давно. Я, видишь ли, точно знаю, что дедушка моего дедушки участвовал в пиршестве, когда ели второго китайца.

Теперь Джонни и Мик ежедневно плавали в бассейне вместе с двумя дельфинами, чтобы исследовать их способность и готовность к сотрудничеству с людьми. Дельфины попривыкли к Мику, выполняли его требования, передававшиеся через коммуникатор, но полностью завоевать их расположение он так и не смог. Иногда они даже пытались напугать Мика, кидались на него, оскалив зубастую пасть, но в самый последний момент отворачивали. Они никогда не позволяли себе таких штучек с Джонни, хотя частенько покусывали его ласты или осторожно терлись о него, ожидая, чтобы он погладил или пощекотал их.

Мик, конечно, огорчался, он не понимал, почему Сузи и Спутник отдают предпочтение такому, по его выражению, бледнокожему лилипуту, как Джонни. Но дельфины так же эмоциональны, как люди, а о вкусах не спорят. Успех пришел к Мику позднее и при таких обстоятельствах, каких никто ожидать не мог.

Несмотря на споры и распри, ребята стали настоящими друзьями, их редко можно было увидеть врозь. Мик оказался, в сущности, первым близким другом в жизни Джонни. На это были свои причины, хотя Джонни не очень-то об этом раздумывал. Он лишился родителей, когда был совсем мал, и инстинктивно боялся привязаться к кому-нибудь другому. Но теперь его прошлое ушло далеко и во многом потеряло свою власть над ним.

К тому же Мик вызывал всеобщее восхищение. Он был прекрасно развит физически, подобно большинству островитян: это досталось ему в дар от многих поколений предков, проводивших жизнь в борьбе с морем. Он был ловок, умен и набит сведениями о таких вещах, о которых Джонни никогда не слыхивал. Конечно, без недостатков не обойдешься, но не столь уж они велики: нетерпеливость, склонность к преувеличениям и любовь к грубым шуткам, которая, впрочем, часто приносила неприятности ему самому.

К Джонни он относился покровительственно — почти по-отцовски, как сильный мужчина к более слабому. А может быть, его доброе сердце островитянина, имевшего четырех братьев, трех сестер и считавшего теток, дядей, кузенов, кузин, племянников и племянниц десятками, чувствовало внутреннее одиночество этого сироты, бежавшего с другого конца света.

С тех пор как Джонни одолел азбуку водолазного искусства, он начал приставать к Мику с просьбами взять его с собой за риф, чтобы испытать силы на глубине, где водятся крупные рыбы, и проверить, чему же он научился. Но Мик не спешил. Нетерпеливый в малом, он умел быть осторожным в большом. Он-то знал, что одно дело — нырять в маленьком, безопасном водоеме или даже в море у самой пристани и совсем другое — пускаться в подводное плавание на настоящих глубинах. Там случается всякое из-за сильных течений, внезапных штормов, из-за коварного нападения акул. Даже для опытного водолаза море полно неожиданностей. Оно не щадит тех, кто допустил ошибку, и редко дает возможность ее исправить.

И все-таки благоприятный случай представился Джонни, правда, совсем не так, как он мечтал. Помогли Сузи и Спутник. Профессор Казан решил, что пришло время предоставить им свободу и заставить их добывать пищу самим. Он никогда не держал у себя дельфинов дольше года — по его мнению, это было бы несправедливо. Дельфины — животные общественные и должны жить среди себе подобных. Почти

все выпущенные на волю ученики профессора держались поблизости от острова, их всегда можно было позвать с помощью подводного громкоговорителя. Профессор не сомневался, что Сузи и Спутник поведут себя так же.

Но случилось неожиданное: Сузи и Спутник вообще отказались покинуть бассейн. Когда ворота перед ними распахнулись, дельфины немного проплыли по каналу, ведущему к морю, но потом ринулись обратно, словно испугались, что им отрежут путь назад.

— Это потому,— с негодованием сказал Мик,— что они привыкли получать готовое, им просто лень самим ловить рыбу.

Тут, возможно, была доля истины, но не вся истина. Как только по приказу профессора Казана Джонни поплыл по каналу к морю, оба дельфина последовали за ним, ему даже не пришлось нажимать ни на одну клавишу коммуникатора.

Теперь никто больше не плавал в опустевшем бассейне, для которого профессор Казан готовил другое применение, хотя никто не подозревал об этом.

Каждый день, сразу же после утренних уроков в школе, Мик и Джонни спешили к рифу, чтобы встретиться с обоими дельфинами. Обычно они брали с собой акваплан Мика, он служил им плавучей базой, куда удобно было складывать снаряжение и пойманную рыбу.

Мик рассказал ужасную историю о том, как однажды он сидел на этом самом акваплане, а вокруг него рыскала тигровая акула и пыталась откусить кусок от тридцатифунтовой барракуды, которую он убил копьем и сдуру оставил в воде на привязи.

— Если хочешь долго прожить на Большом Барьерном рифе,— сказал он,— вытаскивай рыбу из моря сразу, как проткнешь ее. Австралийские акулы — самые подлые в мире; что ни год они губят трех-четырех водолазов.

Чудесная перспектива! Джонни невольно стал подсчитывать, сколько времени понадобится акуле, чтобы прогрызть

пять сантиметров пенистого фиброгласа, из которого сделан аквaплан Мика, если она всерьез возьмется за дело...

Однако под эскортом Сузи и Спутника можно было не бояться акул. Джонни и Мику даже редко приходилось видеть их. То, что мальчиков неотступно сопровождали два дельфина, дарило чудесное ощущение безопасности. Такого никогда не мог испытать в открытом море ни один водолаз. Иногда к Сузи и Спутнику присоединялись Эйнар и Пегги, а как-то за ними увязалась целая стая — не меньше полусотни дельфинов. Не так уж это было удобно — толпа закрыла обзор, и Джонни с Миком почти ничего не видели вокруг. Джонни мог бы нажать на клавишу «уходите!», но боялся обидеть друзей.

Он достаточно поплавал в мелких водоемах на большой коралловой банке вокруг острова. Но спускаться в открытое море вдоль внешнего ската рифа было всякий раз страшновато. Иногда вода бывала такой прозрачной, что Джонни чудилось, будто он парит в воздухе; казалось, ничто не отделяет его от острозубых коралловых глыб, хотя до них оставалось не меньше десяти метров... Ему приходилось напоминать себе, что он не упадет — здесь это невозможно.

В некоторых местах большой риф, окаймлявший остров, уходил в глубину почти отвесной стеной кораллов. Необыкновенно увлекательно было скользить вдоль этого обрыва, спугивая великолепно окрашенных рыб, живущих в трещинах и углублениях. Джонни не раз пытался найти в справочниках института названия самых ярких из этих порхающих обитателей рифа, но натыкался чаще всего лишь на непроизносимую латинскую классификацию.

Кое-где со дна неожиданно вздымались, доходя почти до самой поверхности, остроконечные скалы. Мик называл их шестами. Иногда они напоминали Джонни зазубренные утесы Большого каньона у него на родине. Однако они не были созданием сил эрозии. Наоборот, они медленно росли на костяках бесчисленных, уже умерших кораллов. Живым был только тонкий слой, а под ним находилась известковая мас-

са, достигавшая трех — шести метров в высоту и весившая много тонн. При плохой видимости — после шторма или ливня — вдруг, словно из тумана, возникали перед водолазом эти каменные чудовища.

Почти все они были изрыты пещерами, которые населяло множество обитателей. Не стоило соваться туда, если не знаешь, кто хозяин этого дома. Там могла сидеть угревидная мурена, непрерывно разевающая и захлопывающая свою отвратительную пасть. Или семейство дружелюбных, но отнюдь не безобидных рыб-скорпионов; иглы их топорщились, словно перья у рассерженного индюка, а наконечники игл были ядовиты.

В больших пещерах жила обычно американская треска или морской окунь. Некоторые из них были гораздо больше Джонни, но не могли нанести никакого вреда и сами испуганно шарахались в сторону при его приближении.

Вскоре Джонни научился различать породы рыб и узнал, где они водятся. Морские окуни никогда не уплывали далеко от своих отдельных квартир, и Джонни вскоре стал относиться к некоторым из них как к близким друзьям. У одного покрытого шрамами ветерана в нижней губе торчал рыболовный крючок с обрывком лески. Несмотря на столь неудачный опыт общения с человечеством, эту рыбу нельзя было назвать недружелюбной — она позволяла Джонни подплыть к себе так близко, что он мог погладить ее.

С морскими окунями, муренами, рыбами-скорпионами и другими постоянными обитателями здешнего подводного мира Джонни свел короткое знакомство. Однако случалось, что в этот мир заплывали с больших глубин неожиданные гости, поднимавшие переполох. Но тем-то и был привлекателен риф, что никогда не угадаешь заранее, с кем тебе доведется встретиться на этот раз, даже в таком месте, которое ты знаешь как свои пять пальцев.

Чаще всего сюда заплывали, разумеется, акулы. Джонни навсегда запомнил свою первую встречу с акулой. Это случи-

лось, когда однажды он и Мик ускользнули от своего эскорта, выплыв в море на час раньше обычного. Он совсем не заметил ее приближения. Акула появилась внезапно — торпеда идеально обтекаемой формы. Она приближалась к нему медленно, не шевеля ни единым плавником, казалось, без всяких усилий, такая красивая и изящная, что мысль об опасности просто не могла прийти в голову. Только когда она оказалась метрах в шести, Джонни заволновался и поискал глазами Мика. Он увидел своего друга неподалеку, прямо над собой, и облегченно вздохнул. Мик спокойно наблюдал, держа, однако, наготове ружье, заряженное копьем.

Как и большинство ее сородичей, акула была просто любопытна. Она разглядывала Джонни холодным, неподвижным взором, таким непохожим на умный дружелюбный взгляд дельфинов, и отвернула в сторону лишь в трех метрах от мальчика. Джонни успел рассмотреть рыбу-лоцмана, плывшую перед ее носом, и присосавшегося к ней спиной прилипалу — этого океанского безбилетника, который пользуется присоском, чтобы всю жизнь ездить зайцем.

С акулой ничего не поделаешь — аквалангисту остается только проявить выдержку, следить за ней, ничего не предпринимая, и надеяться, что она поведет себя так же. Если не растеряешься, она обычно уходит. Пловец, пытающийся спастись бегством от акулы, не заслуживает уважения — она свободно делает около пятидесяти миль в час, а пловец-аквалангист примерно пять.

Страшнее любой акулы были барракуды, стаями плававшие вдоль края рифа. Впервые увидев, как вокруг него замелькали, словно серебристые пики, враждебно глядевшие существа с хищно выставленными вперед челюстями, Джонни от души обрадовался, что вверху покачивается на волнах его акваплан. Барракуды были не очень велики — не больше метра в длину, но в стае их насчитывались сотни; они образовали в воде живую стену, замкнутый круг, в центре которого оказался Джонни. Чтобы лучше рассмотреть его, барракуды

описывали сужающиеся спирали и подступали все ближе и ближе. И вот уже Джонни ничего не видел, кроме их блестящих тел. Он размахивал руками и кричал в воду, но на барракуд это не производило никакого впечатления. Они неторопливо осмотрели его, потом без какой-либо видимой причины внезапно повернулись и исчезли в голубой дали.

Джонни выплыл на поверхность и, крепко вцепившись в аквапланы, начал взволнованно советоваться с Миком. Время от времени он погружал голову в воду, чтобы проверить, не вернулась ли волчья стая.

— Они тебя не тронут,— успокоил его Мик.— «Куды» — трусы. Подстрелишь одну — все остальные бросаются наутек.

Джонни успокоился и при следующей встрече с барракудами уже не испугался. Все же он и потом не испытывал особого удовольствия, когда серебристые охотники окружали его, подобно флоту космических кораблей из чуждых миров. Ведь может случиться такое — одна из барракуд отважится пойти на риск, и тогда вся стая...

Исследовать риф оказалось не так-то просто — он был слишком велик. Большая часть его находилась далеко за пределами, доступными пловцу, а на горизонте виднелись участки, где вообще никто не бывал. Джонни часто хотелось попасть в такие необследованные места, но он не отваживался — на обратный путь наверняка не хватит сил. Решение трудной задачи озарило его однажды, как раз тогда, когда они с Миком усталые возвращались домой, толкая перед собой аквапланы, нагруженный полусотней килограммов рыбы.

Мик отнесся к его идее скептически: великолепно, но вряд ли осуществимо.

— Непросто сделать упряжь для дельфинов,— сказал он.— Они такие скользкие, что никакая сбруя не удержится.

— Я хочу придумать что-нибудь вроде эластичной шлеи, перед самыми плавниками. Если ее сделать достаточно широкой и плотно прилегающей, она не будет соскальзывать. Но пока не стоит никому рассказывать, а то засмеют.

Это было благое, но невыполнимое намерение. Всем хотелось знать, зачем понадобились губчатая резина, эластичная ткань, нейлоновые веревки и куски пластика причудливой формы. Так что они вынуждены были во всем признаться. Провести первые опыты тайно тоже оказалось невозможным.

Прилаживать упряжь на Сузи пришлось при таком стечении публики, что Джонни от смущения готов был сквозь землю провалиться.

Тем не менее он застегивал пряжки на полосках ткани, обмотанных вокруг тела дельфина, стараясь сохранять невозмутимость и пропуская мимо ушей бесчисленные шутки и советы. Сузи полностью доверилась Джонни и не выказывала никакого недовольства, словно решив раз и навсегда, что он не причинит ей никакого вреда. Для нее это была удивительная новая игра, правилам которой она охотно подчинялась.

Упряжь охватывала переднюю часть веретенообразного тела дельфина; Джонни надеялся, что плавники — хвостовой и спинные — не дадут ей соскользнуть назад. Он позаботился о том, чтобы дыхало, расположенное в верхней части головы, оставалось свободным. Дельфины дышат через него, когда выплывают на поверхность, при погружении же отверстие автоматически закрывается.

Джонни привязал к упряжи нейлоновые поводья и сильно дернул. Вся сбруя держалась как будто прочно. Тогда он прикрепил другие два конца к аквапланy Мика и взобрался на доску.

Едва Сузи потянула аквапланy от берега, в толпе послышались насмешливые напутствия. Дельфину не понадобилось никаких приказаний; Сузи, как всегда, быстро разобралась в положении дел и прекрасно поняла замысел Джонни.

Джонни подождал, пока они удалятся от берега на несколько сот метров, и нажал клавишу коммуникатора со словом «налево». Сузи повиновалась немедленно. Он попробовал сигнал «направо», и она снова послушалась. Аквапланy

двигался уже гораздо быстрее, чем мог бы плыть Джонни, а Сузи не делала никаких видимых усилий.

Они направились прямо в море. Джонни пробормотал: «Ну, я им покажу!» — и тут просигналил «быстро». Аквапланслегка подскочил и понесся по волнам: Сузи дала полный ход. Джонни чуть подвинулся назад, к краю аквапланa, и теперь тот скользил по поверхности, не зарываясь носом в воду. Джонни был взволнован и горд собой. Интересно, с какой скоростью они идут? Вообще-то говоря, Сузи способна давать по крайней мере тридцать миль в час. Даже теперь, в упряжи и с тяжелым аквапланом позади, она, вероятно, делала миль пятнадцать — двадцать. А это здорово быстро, когда лежишь на уровне воды и брызги летят тебе в лицо.

Но тут произошла неожиданность — аквапланиз-под Джонни рванулся в сторону, а сам он полетел в другую. Отфыркиваясь, он вынырнул на поверхность и увидел, что никакой аварии не произошло: просто Сузи выскочила из своей упряжи, как пробка из бутылки.

Что ж, технические трудности неизбежны в начале любых испытаний. Хотя до берега плыть не близко, а на берегу все еще стоит целая толпа, которой только и нужно, что позубоскалить, Джонни не был обескуражен. Все-таки он победил. Он открыл новый способ передвижения по морю, и теперь, проникнув в тайны рифа, недоступные раньше, он изобрел новый вид спорта, который когда-нибудь станет приятным развлечением и для людей, и для дельфинов.

Услышав о выдумке Джонни, профессор Казан пришел в восторг: это как нельзя лучше отвечало его собственным планам. Замыслы его еще не приняли определенной формы, но уже начинали проясняться. Пожалуй, через две-три недели он сможет преподнести своему Консультативному комитету конкретные предложения. Он задаст его членам нелегкую работу.

Профессор был не из тех ученых, чаще всего математиков, которые искренне огорчаются, поняв, что их работа в области чистой теории, оказывается, представляет и практическую ценность. Сам Казан с радостью посвятил бы оставшиеся ему годы изучению языка дельфинов, нимало не заботясь о приложении своих знаний, но он понимал, что пришло время использовать эти знания в жизни. Его принудили к этому сами дельфины.

Он все еще не знал, как можно, более того — как до́лжно разрешить проблему, связанную с косатками. Он отчетливо понимал, что, если дельфины рассчитывают получить помощь от человеческого рода, они и сами должны проявить добрую волю, чтобы стать полезными людям.

Еще в шестидесятых годах XX века доктор Джон Лилли — первый ученый, попытавшийся войти в непосредственное общение с дельфинами,— наметил пути их сотрудничества с человеком. Дельфины могут спасать потерпевших кораблекрушение — как это было с Джонни — и способствовать неизмеримому расширению наших знаний об океане. Им долж-

ны быть известны существа, никогда не виданные человеком, они могут даже решить все еще не решенную загадку Морского Змея. Если они будут систематически помогать рыбакам — а до сих пор это были лишь отдельные случаи,— им предстоит сыграть важную роль в насыщении шести миллиардов жителей Земли.

Всем этим, безусловно, стоило заняться. Кроме того, у профессора Казана имелись и собственные соображения. Дельфины могут разыскать и обследовать в Мировом океане любое затонувшее судно, разумеется, если оно лежит на глубине не свыше трехсот метров, поскольку это предел погружения дельфинов. Они найдут такое судно, даже если оно потерпело крушение сотни лет назад и погребено под илом или кораллами. Чрезвычайно тонкое обоняние или, точнее, необычайно развитое чувство вкуса позволяет им обнаруживать в воде едва заметные следы металла, нефти или дерева. Дельфины-разведчики, обнюхивая морское дно, подобно собакам-ищейкам, могут вызвать революцию в морской археологии. Профессор Казан даже задумывался над тем, нельзя ли выдрессировать их для поисков золота по запаху...

Профессору была необходима практическая проверка некоторых своих теорий. И вот однажды «Летучая рыба» взяла курс на север. На борту, в специально установленных резервуарах, находились Эйнар, Пегги, Сузи и Спутник. На судно погрузили также большое количество специального оборудования. Но, к величайшему огорчению Джонни, его-то самого не взяли. ОСКАР запретил это.

— Очень жаль, Джонни,— сказал профессор, мрачно разглядывая карточку с машинописным текстом, которую выкинуло счетно-решающее устройство.— У тебя пять по биологии, пять с минусом по химии, четыре с плюсом по физике и только четыре с минусом по английскому, математике и истории. Это, знаешь ли, не слишком хорошо. Сколько времени ты проводишь под водой?

— Вчера я совсем не выходил из дому,— уклончиво ответил Джонни.

— Ничего удивительного — вчера ведь ни на минуту не прекращался дождь. Я имею в виду в среднем за день.

— О, часа два.

— Утром и днем — так это надо понимать. Ну, так вот, ОСКАР выработал для тебя новое расписание, с упором на те предметы, по которым ты недостаточно успеваешь. Боюсь, что ты еще больше отстанешь, если отправишься в плавание вместе с нами. Мы будем отсутствовать две недели, а тебе нельзя терять столько времени.

Ничего не поделаешь. Спорить было бесполезно, даже если бы он решился на это. Джонни понимал, что профессор прав. Коралловый остров и в самом деле не лучшее на свете место для занятий.

Прошли долгие две недели, прежде чем «Летучая рыба» вернулась после нескольких заходов в порты материка. Она добралась до самого Куктауна, где в 1770 году великий капитан Кук приставал к берегу, чтобы починить свой поврежденный «Индевр».

И хотя время от времени по радио передавали вести об экспедиции, подробности Джонни узнал только от Мика, когда вернулось судно. Отъезд Мика с экспедицией благотворно повлиял на занятия Джонни, ведь некому стало отвлекать его от учителей и обучающих машин. Поэтому успехи Джонни за эти две недели были просто замечательны, профессор остался доволен им.

Первое, что Мик показал Джонни по возвращении из плавания, был матово-белый камешек величиной с горошину, почти яйцевидной формы.

— Что это? — спросил Джонни, на которого камешек не произвел никакого впечатления.

— Неужели не знаешь? Жемчужина. И даже очень хорошая.

Это сообщение тоже не вызвало у Джонни восторга. Но ему не хотелось обидеть Мика, к тому же он боялся выказать собственное невежество.

— Где ты ее нашел? — спросил он.

— Это не я. Пегги нырнула за ней на глубину почти в полтораста метров. Во впадине Марлина. Люди там никогда не работали — это опасно, даже при современном снаряжении. Но однажды дядя Генри спустился на дно в мелком месте и показал дельфинам, как выглядят раковины с серебристыми створками. Тогда Пегги, Сузи и Эйнар натаскали на судно несколько центнеров раковин. Профессор говорит: «Хватит, чтобы покрыть все наши расходы».

— Хватит таких вот жемчужин?

— Да нет же, глупый, раковин. Самый лучший материал для пуговиц и рукояток ножей — перламутр жемчужниц, а устричные фермы не могут полностью обеспечить потребность в раковинах. Профессор считает, что с помощью нескольких сот прирученных дельфинов можно отлично наладить добычу жемчужниц в промышленном масштабе.

— А погибшие корабли попадались?

— Штук двадцать, но почти все они уже значились на картах Адмиралтейства. Это не так интересно. Самый важный опыт мы провели с рыболовными траулерами из Гладстона. Нам удалось загнать две стаи тунцов прямо к ним в сети.

— Воображаю, как обрадовались рыбаки.

— Как бы не так! Они попросту не поверили, что это сделали дельфины,— уверяли, будто тут поработали их электрические поля и звуковые приманки. Но мы-то знаем лучше и докажем это, когда выдрессируем побольше дельфинов. Мы сможем загонять рыбу, куда захотим.

И вдруг Джонни вспомнил, как еще при первой их встрече профессор Казан сказал: «У дельфинов свободы больше, чем когда-либо будет у нас на суше. Они никому не принадлежат и, надо надеяться, никогда принадлежать не будут». И вот теперь... Неужели они потеряют свою свободу?! И ви-

новатым окажется сам профессор, несмотря на все его благие намерения?

Это покажет будущее. А может быть, дельфины совсем не так свободны, как воображают люди. Джонни не мог забыть рассказ о косатке, в брюхе которой обнаружили останки по крайней мере двадцати дельфинов — детей мирного морского народа.

За свободу, как и за все на свете, приходится платить — профессор Казан уже думал об этом, как и о многом другом. Быть может, дельфины захотят вступить в сделку с человечеством, променяв часть своей свободы на безопасность. На это пришлось пойти многим нациям, причем сделка не всегда оказывалась для них выгодной.

Впрочем, профессор Казан пока не очень тревожился. Он все еще ставил опыты и накапливал информацию. Решения были впереди; договор между человеком и дельфинами, о котором он уже подумывал, оставался делом далекого будущего. Возможно, что договор этот даже не будет подписан при жизни профессора,— если вообще можно ожидать, что дельфины смогут его подписать. Но почему бы и нет? Мышцы рта у них удивительно развиты — они доказали это, собирая и доставляя сотни жемчужных раковин с серебристыми створками. А в дальние планы профессора входило обучение дельфинов письму или, по крайней мере, рисованию.

Еще больше времени — быть может, целые века — потребуется для осуществления другого его плана — составления Истории моря. Профессор Казан всегда подозревал — а теперь был уверен,— что у дельфинов чудесная память. До изобретения письма так было и с людьми, они хранили свое прошлое в голове. Древние сказители запоминали бесчисленные сочетания слов и передавали их из поколения в поколение. Песни, которые они пели, легенды о богах и героях, о битвах, происходивших в доисторические времена, являли собой причудливую смесь фактов и вымысла. Но факты были — следовало только добраться до них. Так, в девятнадцатом веке Шлиман добрался до Трои, покрытой толщей культурно-

го слоя, который образовался за три тысячи лет, и доказал, что Гомер говорил правду.

У дельфинов тоже были свои менестрели и барды, хотя профессору пока еще не удалось установить контакт с кем-либо из них. Эйнар пересказывал содержание некоторых преданий, слышанных им в юности. Профессор перевел их с магнитофонной записи и убедился, что легенды дельфинов содержат богатейшую информацию, которую нельзя найти нигде больше. Легенды эти уходили в глубь времен, дальше, чем любые мифы или предания людей, ибо некоторые из них содержали прямые указания на ледниковые периоды, а от последней из этих эпох нас отделяют семнадцать тысяч лет.

Одно сказание было настолько необычным, что профессор Казан не поверил собственному толкованию. Он передал магнитофонную запись доктору Кейту и попросил перевести текст.

Кейту, который знал дельфиний язык далеко не так хорошо, как профессор, понадобился почти месяц, чтобы разобраться в записи. Но и после этого он излагал то, что перевел, столь неохотно, что Казану пришлось прямо вытаскивать клещами каждое слово.

— Очень старинное предание,— начал Кейт.— Эйнар повторил это несколько раз. То, о чем в нем рассказывается, видимо, произвело на дельфинов огромное впечатление. Эйнар утверждает, что ничего подобного не случалось ни раньше, ни позже. Насколько я понял, однажды стая дельфинов плыла ночью мимо большого острова. Вдруг стало светло, как днем, и «солнце спустилось с неба». Я совершенно уверен в этой фразе. «Солнце» село в воду и погасло; во всяком случае, стало снова темно. Но по морю плавал огромный предмет — длиной в сто двадцать восемь дельфинов. Я передаю правильно?

Профессор Казан кивнул:

— Я согласен со всем, кроме цифры. По моей дешифровке, выходит двести пятьдесят шесть, но важно не это. Без сомнения, предмет был *велик*.

Он знал, что дельфины пользовались двоичной системой счисления. Это было естественно, ибо они могли считать только на двух «пальцах», или плавниках. Их слова, означающие 1, 10, 1000, 10000, соответствовали 1, 2, 4, 8, 16 по десятичной системе, принятой у людей. Поэтому для них 128 и 256 были круглыми числами, удобными для выражения величин приблизительных, а не основанных на точных измерениях.

— Дельфины испугались и старались держаться подальше от предмета,— продолжал доктор Кейт.— Предмет продолжал плавать по воде, из него неслись странные звуки. Эйнар пробовал передать некоторые из них; они похожи на работу электрических моторов или компрессоров.

Профессор Казан кивнул в знак согласия, но не стал прерывать своего собеседника.

— Затем произошел чудовищный взрыв, море нагрелось и закипело. Все живое на расстоянии тысяча двадцать четыре или даже две тысячи сорок восемь длин от предмета погибло. Сам же предмет стал быстро тонуть, и по мере его погружения происходили новые взрывы.

Даже те дельфины, которые уцелели при взрыве и, казалось, были невредимы, вскоре умерли от неведомой дотоле болезни. Многие годы никто не заплывал в те места. Но все было тихо, ничего больше не случалось, и тогда несколько любознательных дельфинов отправились туда. Там, на дне, они нашли нечто огромное со множеством «пещер» и принялись охотиться на рыбу в этих пещерах. А потом и они умерли от той же странной болезни. С тех пор никто и близко не подплывает к тому месту. Думаю,— добавил Кейт,— что основным назначением этого предания является предупреждение об опасности.

— Да, предупреждение, повторяемое на протяжении тысяч лет,— согласился профессор.— Но о какой опасности?

Доктор Кейт беспокойно повернулся на своем стуле.

— Просто невероятно,— сказал он.— Но если эта легенда основана на фактах — а трудно предположить, чтобы дельфины могли ее целиком придумать,— некогда, тысячи лет назад, где-то в океане опустился космический корабль. Его атомные двигатели взорвались, и радиоактивность поразила все вокруг. Фантастическая гипотеза, но я не могу предложить иного объяснения.

— Почему фантастическая? — спросил профессор Казан.— Мы теперь точно знаем, что во Вселенной хватает разумной жизни. Естественно думать, что обитатели дальних миров умеют строить космические корабли. Собственно говоря, следовало бы удивляться другому: почему они не побывали до сих пор на Земле? Да, некоторые ученые считают, что в прошлом гости из космоса навещали нас, но так давно, что не осталось никаких доказательств. Что ж, теперь мы, пожалуй, кое-какие доказательства получим.

— Что вы думаете делать?

— Сейчас ничего. Я расспрашивал Эйнара, но он понятия не имеет о том, где все это произошло. Нужно разыскать одного из этих дельфиньих менестрелей и записать сагу полностью. Будем надеяться, что она содержит больше подробностей. Когда же мы приблизительно определим район, нам, очевидно, удастся разыскать обломки с помощью гейгеровского счетчика — даже если прошло десять тысяч лет. Боюсь только одного.

— Чего же?

— Могло случиться, что косатки сожрали информацию вместе с ее носителем. И мы никогда не узнаем правды.

Ни одного гостя никогда еще не встречали на острове со столь смешанными чувствами. Все, кто не ушел в море, толпились вокруг бассейна, когда с юга показался грузовой вертолет, летевший с научно-исследовательской Тасманийской станции по изучению китов.

Вертолет повис над бассейном, и струи воздуха от его роторов вычерчивали на поверхности воды фантастические, беспрестанно менявшиеся рисунки. Затем в его брюхе раскрылся люк, и оттуда медленно стала опускаться большая петля с грузом. Едва она коснулась воды, произошло нечто вроде взрыва, в воздух поднялся фонтан брызг и пены. Над водой болталась пустая петля, а в бассейне кружило, обследуя его, самое большое и свирепое из всех существ, когда-либо побывавших на Острове Дельфинов.

Но Джонни, впервые увидевший косатку, был слегка разочарован. Она оказалась меньше, чем он ожидал, хоть и была значительно крупнее любого дельфина. Когда грузовой вертолет исчез вдали и уже можно было не кричать, а просто разговаривать, Джонни поделился своим разочарованием с Миком.

— Так это же самка,— ответил Мик.— Они вдвое меньше самцов. Поэтому их гораздо легче содержать в неволе. Этой, пожалуй, достаточно центнера рыбы в день.

Несмотря на понятное предубеждение, Джонни пришлось признать, что косатка красива. Пестрая расцветка — белая

снизу, черная на спине, большое белое пятно за каждым глазом,— она была просто неотразима. Из-за этих пятен она тут же получила прозвище Снежинка.

Окончив осмотр бассейна, косатка принялась разглядывать окружающий мир. Она высунула массивную голову из воды, обвела умным, проницательным взором толпу и лениво разинула пасть.

При виде этих страшных, похожих на заостренные колья зубов среди зрителей пронесся почтительный шепот. Кажется, Снежинка правильно оценила произведенный ею эффект, потому что снова зевнула, еще шире раскрыв пасть и показав во всей красе ряды ужасающих зубов. У дельфинов зубы маленькие, похожие на булавки, они служат просто для того, чтобы схватить рыбу, перед тем как проглотить ее целиком. Но эти зубы... Они выполняли ту же работу, что и акульи. Могли перекусить пополам тюленя или дельфина, а то и человека.

Итак, на острове появилась своя косатка! Конечно, всем не терпелось увидеть, что будет с ней делать профессор. Первые три дня он оставлял ее в покое. Должна же она привыкнуть к новой обстановке и оправиться от потрясения, вызванного перевозкой. Однако косатка уже несколько месяцев прожила в неволе и вполне привыкла к людям. Она очень быстро успокоилась и пожирала с одинаковой жадностью всю рыбу, которую ей давали,— и живую, и снулую.

Обязанность кормить косатку возложили на семью Мика. Это делал обычно отец Мика, Джо Науру, или его дядя Стефен, шкипер «Летучей рыбы». Взялись-то они за этот труд, чтоб немножко подзаработать, однако вскоре прониклись симпатией к своей подопечной. Косатка оказалась не только умной — это никого не удивляло. Она была еще и добродушной, что уж совсем как будто не вязалось с ее репутацией убийцы. Особенно симпатизировал ей Мик, а она встречала его с явным удовольствием всякий раз, как он появлялся у бассейна, и выказывала разочарование, если он уходил, ничем ее не угостив.

Убедившись, что Снежинка успокоилась и обрела вкус к жизни, профессор приступил к первым опытам. Через подводный гидрофон он передал несколько фраз на языке дельфинов, записанных на пленку, и стал наблюдать ее реакцию.

Сначала эта реакция была весьма бурной. Косатка принялась носиться по бассейну во всех направлениях, разыскивая, откуда шел голос. Несомненно, она его узнала, он связывался у нее с представлением о пище, и она решила, что кушать подано.

Всего через несколько минут косатка поняла, что обманута — в бассейне нет никаких дельфинов. Она продолжала прислушиваться к звукам, несшимся из гидрофона, но гоняться за ними больше не собиралась. Профессор Казан был разочарован, он-то надеялся, что, услышав дельфинью речь, косатка ответит на своем языке! Но она упорно молчала.

Профессор уже кое-что знал о языке оркан — языке косаток. Он изучил магнитофонные записи звуков, издаваемых косатками. А безошибочная электронная память ОСКАРа помогла выделить из всей массы записей слова, совпадавшие с дельфиньими. Таких слов оказалось немало. Например, названия некоторых рыб у косаток звучали почти так же, как у дельфинов. Вероятно, оба языка, подобно английскому и немецкому или французскому и итальянскому, происходили от некоего общего древнего корня. Профессор Казан считал, что такое родство поможет ему и упростит работу.

Однако нежелание Снежинки общаться с ним не обескуражило профессора. В сущности, он собирался использовать ее в других целях, которые не зависели от ее доброй воли.

Недели через две после водворения Снежинки на остров из Индии прибыла группа специалистов по медицинской аппаратуре. Они немедля принялись устанавливать вдоль бортика бассейна электронное оборудование. Как только они закончили эту работу, из бассейна спустили почти всю воду, и возмущенная косатка беспомощно забарахталась на мелководье.

Теперь за дело взялись десять мужчин. Они были вооружены толстыми канатами и массивной деревянной рамой, сконструированной так, чтобы косатка не могла шевельнуть головой.

Все это ей не слишком понравилось, впрочем, так же как и Мику, которому поручили окатывать Снежинку водой из шланга, чтобы ее кожа не высохла на солнце.

— Никто тебя не обидит, старушка,— успокаивал он косатку.— Потерпи немножко, скоро опять заплаваешь.

Но сейчас же сам Мик встревожился по-настоящему: один из техников подошел к Снежинке, держа в руках какой-то странный инструмент, не то шприц, не то электрическое сверло, не то помесь их обоих. Этот тип тщательно наметил участок на верхней стороне ее головы и приставил свою штуку к этому месту. Потом нажал кнопку. Послышалось негромкое, но пронзительное завывание мотора, и игла вошла глубоко в мозг Снежинки, проникнув сквозь толстые кости черепа с такой же легкостью, с какой нож режет масло.

Эта процедура расстроила Мика куда больше, чем саму Снежинку. Она ощутила... не больше чем булавочный укол и почти не обратила на него внимания. Это не могло удивить никого, хоть сколько-нибудь знающего физиологию, но Мик, как и большинство людей, ничего не слышал об одной любопытной особенности мозга: он лишен всякой чувствительности. Его можно резать или протыкать, не причиняя его обладателю боли.

В мозг Снежинки ввели десять датчиков. К ним присоединили провода, концы которых помещались в плоской обтекаемой коробке, укрепленной на затылке косатки. Вся операция продолжалась меньше часа. Потом бассейн снова заполнили водой, и Снежинка принялась лениво плавать взад и вперед, фыркая и отдуваясь. Эксперимент явно не причинил ей вреда, хотя Мику показалось, что Снежинка посмотрела на него с обидой, так, как может смотреть человек, брошенный в беде другом, на которого он рассчитывал.

На следующий день из Нью-Дели прибыл доктор Саха. Он был не только членом Консультативного комитета института и старым другом профессора Казана, но и всемирно известным ученым, специалистом по проблемам, связанным с самым сложным из всех органов человеческого тела — мозгом.

— В последний раз я использовал эту аппаратуру для работы со слоном,— сказал физиолог, глядя на Снежинку, плававшую в бассейне.— Эксперимент еще не был окончен, а я уже вертел его хоботом, как хотел, да так точно, что мог печатать им на пишущей машинке.

— Нам подобная виртуозность не нужна,— ответил профессор Казан.— Я должен уметь контролировать движения Снежинки и научить ее не жрать дельфинов.

— Если мои сотрудники вживили электроды туда, куда следовало, обещаю, что мы справимся. Не сразу, разумеется; сначала мне придется составить карту мозга.

Это оказалось весьма деликатным делом. Оно требовало большого терпения и сноровки и продвигалось медленно. Саха часами сидел за своей приборной доской, следя, как Снежинка ныряла, грелась на солнце, лениво описывала круги в бассейне или принимала рыбу от Мика. И все время мозг ее, как спутник со своей орбиты, передавал сигналы через присоединенную к нему радиоаппаратуру. Импульсы регистрировались датчиками и записывались на ленту, так что доктор Саха мог наблюдать картину электрического возбуждения, соответствующего каждому действию.

Наконец он счел подготовку достаточной и перешел в наступление. Вместо того чтобы фиксировать импульсы, исходящие из мозга Снежинки, он стал воздействовать на него электрическими токами.

Смотреть на результаты было увлекательно и жутко. Казалось, тут вступила в игру не наука, а магия. Нажимая на кнопку или вертя тумблер, доктор Саха заставлял это крупное животное плыть направо или налево, описывать круги или выде-

лывать восьмерки, неподвижно лежать в центре бассейна — словом, командовал Снежинкой, как хотел. Опыты Джонни по управлению Спутником и Сузи с помощью коммуникатора, которые в свое время производили столь большое впечатление, теперь выглядели просто детской игрой.

Но Джонни не обижался. Сузи и Спутник были его друзьями, и он радовался, что у них оставалась свобода выбора. Если они подчас и не желали его слушаться — что ж, это было их право. Для Снежинки же не существовало двух решений; электрические токи, подведенные к мозгу, превратили ее в живого робота, лишенного собственной воли и повинующегося приказам доктора Сахи.

Чем больше думал об этом Джонни, тем неуютнее ему становилось. Неужели такую же систему контроля можно применить и к нему? Он принялся расспрашивать и узнал, что в лабораторных условиях нечто подобное производилось неоднократно. Наука получила новое оружие, не менее грозное, чем атомная энергия, если обратить его не ко благу, а во зло.

Профессор Казан, несомненно, хотел блага дельфинам, но Джонни все еще не понимал, как он этого добьется. Немногим больше Джонни понял и тогда, когда на остров доставили удивительнейшую штуку. Это была большая, в натуральную величину, механическая модель дельфина, приводимая в движение электрическими моторами. Эксперимент вступил в следующую стадию.

Модель изготовил лет двадцать назад ученый из Исследовательской лаборатории военно-морского флота, который пытался выяснить, почему дельфины могут плавать так быстро. По его расчетам, мускулатура дельфинов обеспечивала скорость не свыше десяти миль в час — они же без всякого труда крейсировали со скоростью по крайней мере в два раза большей.

Для этого он построил свою модель и с помощью приборов принялся изучать ее движение в воде. Из всей этой затеи ничего не вышло, но модель была так великолепна и действо-

вала так безотказно, что ни у кого не поднялась рука отправить ее на слом, даже когда сам конструктор с отвращением отвернулся от своего детища. Время от времени ее демонстрировали публике, и лаборанты бережно стирали с нее пыль. После одной такой демонстрации профессор и услышал о ней. Слава ее была ограниченной, но громкой.

Модель могла бы обмануть кого угодно. Разумеется, если речь шла о человеке. Когда же при стечении десятков зачарованных зрителей ее запустили в бассейн к Снежинке, результат получился самый неожиданный. Один-единственный раз косатка бросила на механическую игрушку презрительный взгляд и потом попросту перестала ее замечать.

— Этого-то я и опасался,— сказал профессор почти без огорчения.

Как истинный ученый, он давно знал, что опыты чаще всего кончаются неудачей, и не боялся выглядеть посрамленным даже в присутствии других. (В конце концов, сам великий Дарвин отправился однажды в огород и несколько часов продудел там на трубе, чтобы установить, действует ли звук на рост растений.)

— Вероятно, косатка услыхала, как работает электромотор, и поняла, что ее дурачат. Что ж, теперь у нас нет другого выбора. Придется использовать как приманку настоящих дельфинов.

— Обратитесь с призывом к добровольцам,— шутливо посоветовал доктор Саха.

Однако шутка не была принята. Профессор Казан немного подумал, потом кивнул в знак согласия.

— Именно это я и сделаю,— сказал он.

— Островитяне считают, что профессор спятил, решительно и окончательно,— сказал Мик.

— Ты же знаешь, что это чепуха,— возразил Джонни, бросаясь на защиту своего героя.— Чем он теперь не угодил?

— Придумал регулировать питание Снежинки этой игрушкой с мозговыми волнами. Велел мне давать ей рыбу какой-нибудь одной породы, а доктор Саха не позволяет ей есть эту рыбу. Она уж и сама не хочет после того, как ее несколько раз тряхнуло. Доктор Саха называет это «кондиционированием». Сейчас в бассейне плавают четыре или пять больших щук, но она на них и не смотрит. А всякую другую рыбу жрет по-прежнему.

— Так с чего ты взял, что проф спятил?

— Ясно ведь, что он задумал. Если он может помешать Снежинке есть щук, то сможет помешать ей есть и дельфинов. Но что это даст? Косаток в море тьма-тьмущая, не может же он кондиционировать каждую!

— Ну, что бы ни делал проф,— упрямо сказал Джонни,— на то, значит, есть веские причины. Поживешь — увидишь.

— А все-таки я бы хотел, чтоб они оставили Снежинку в покое. Боюсь, что у нее испортится характер.

Джонни удивился — странно, что так можно говорить о косатке.

— Подумаешь, важность какая! — сказал он.

Мик несколько смущенно усмехнулся и завозил ступней по земле.

— Обещаешь никому не говорить? — спросил он.

— Конечно.

— Ну так вот, я не раз плавал с ней. Она куда занятнее твоих маленьких головастиков.

Джонни в изумлении уставился на Мика, он даже пропустил мимо ушей оскорбление в адрес Сузи и Спутника.

— И еще ты говорил, что спятил профессор! — воскликнул он, едва перевел дух.— А ты, часом, не треплешься, а? — подозрительно добавил он. К этому времени он научился уже распознавать шутки Мика, но на сей раз тот, видимо, говорил серьезно.

Мик пожал плечами:

— Не веришь — приходи к бассейну. Конечно, это может показаться безумием, но на самом деле никакой опасности нет. Все началось случайно: однажды, когда я кормил Снежинку, я неосторожно поскользнулся на бортике бассейна и плюхнулся в воду.

Джонни присвистнул:

— Бьюсь об заклад, ты решил, что тебе конец.

— Ясное дело, решил! Выплываю на поверхность — прямо передо мной пасть Снежинки.— Мик помолчал.— Знаешь, это ведь все врут, будто в такие мгновения вспоминается вся прежняя жизнь. Я ни о чем не мог думать, кроме как об этих зубах. Гадал, проглотит она меня целиком или, стерва, перекусит пополам.

— А дальше? — спросил Джонни, затаив дыхание.

— В общем, она не перекусила меня пополам. Только подтолкнула легонько носом, будто сказала: «Давай дружить». С тех пор мы и подружились. Если мы с ней не поплаваем хоть денек, она начинает нервничать. А я не всегда могу — если это заметят, скажут профу, и тогда всему конец.

Мик засмеялся, уловив на лице Джонни тревогу и неодобрение.

— Так это же гораздо безопаснее, чем укрощение львов, а люди сколько времени их укрощают. Мне здорово нравится. Я, может, когда-нибудь доберусь до больших китов, вроде синих, тонн на сто пятьдесят.

— Что ж, они, по крайней мере, тебя не проглотят,— сказал Джонни. С тех пор как он попал на остров, он многое узнал о китах.— У них слишком узкие глотки, и они жрут креветок и всякую другую мелюзгу.

— Ладно, ладно! А что ты скажешь насчет кашалота, этакого Моби Дика?* Уж он-то может в один присест проглотить десятиметрового кальмара.

Мик горячился все больше, и Джонни вдруг понял, что им движет дух соперничества. Даже и теперь дельфины равнодушно сносили его присутствие и никогда не проявляли радости и симпатии, не то что при виде Джонни. В общем, хорошо, что Мик наконец обрел друга среди китообразных, но лучше бы этот друг был более миролюбивым.

Джонни так никогда и не увидел Мика и Снежинку плавающими рядом: профессор Казан приступил к следующему опыту.

Много дней он провел, монтируя магнитофонные ленты и составляя длинные фразы на дельфиньем языке; но и теперь у него не было уверенности в том, что он сумеет сказать дельфинам то, что намерен. Он надеялся, что там, где перевод не удался, быстрый ум дельфинов доскажет то, чего не хватает.

Часто он задумывался над тем, как они относятся к его речам, которые он складывал, словно мозаику, из слов, добытых из многих источников. Каждая фраза, переданная под водой, звучала, очевидно, так, как если бы дюжина или больше дельфинов поочередно произнесли несколько слов, каждый с присущим ему выговором. Слушателям все это долж-

* Моби Дик — гигантский кит из одноименного романа классика американской литературы Г. Мелвилла.

но показаться очень странным, потому что они вряд ли имеют представление о таких вещах, как магнитофонная запись и звукомонтаж. И если они вообще хоть что-нибудь понимают из производимого им шума, то это только доказывает, как они умны и терпеливы.

Когда «Летучая рыба» отчалила от пристани, профессор Казан заметно волновался, хотя обычно это не было ему свойственно.

— Знаете, как я себя чувствую? — сказал он доктору Кейту, стоявшему рядом с ним на баке.— Так, словно я пригласил в гости друзей, а потом напустил на них тигра-людоеда.

— Ну-ну, не так уж мрачно,— засмеялся Кейт.— Друзья честно предупреждены, а тигр находится под вашим контролем.

— Надеюсь,— сказал профессор.

Репродуктор на борту объявил: «Открываем ворота бассейна. Однако она что-то не спешит уходить».

Профессор Казан поднял к глазам бинокль и посмотрел назад, на остров.

— Не хотелось бы, чтобы Саха отдавал ей свои команды, пока это не понадобится,— сказал он.— А, вот и она.

Снежинка медленно плыла по каналу, соединявшему бассейн с морем. Когда канал кончился и Снежинка оказалась в открытых водах, она заметалась, завертелась, словно потеряв ориентировку; казалось, все ее удивляет. То была характерная реакция животного или человека, долгое время находившегося в заточении и выпущенного затем на волю.

— Вызовите ее,— сказал профессор.

В воду передали сигнал «сюда!». Даже если на родном языке Снежинки это слово звучало иначе, оно было одним из тех слов, которые она понимала. Снежинка поплыла к «Летучей рыбе» и не отставала больше от судна. А «Летучая рыба» все удалялась от острова, держа курс в глубоководную часть моря за рифом.

— Мне нужно достаточно места для разворота,— сказал профессор Казан.— И я уверен, что Эйнар, Пегги и К° это оценят, если им придется спасаться бегством.

— Если они появятся. Быть может, у них хватит ума не показываться,— ответил доктор Кейт с сомнением в голосе.

— Что ж, через несколько минут узнаем. Сигнал призыва транслировался все утро, так что все дельфины в радиусе многих миль должны были его услышать.

— Глядите! — сказал вдруг Кейт, указывая на запад. В полумиле параллельно курсу судна плыла небольшая стая дельфинов.— Вот ваши добровольцы, но подойти поближе они, видно, не торопятся.

— Сейчас начнется потеха,— пробормотал профессор.— Пойдемте на мостик к Сахе.

Радиоаппаратура, которая посылала сигналы Снежинке через коробку, укрепленную у той на голове, и принимала в ответ импульсы ее мозга, была установлена близ штурвала. Из-за аппаратуры на маленьком мостике «Летучей рыбы» стало совсем тесно, но Стефен Науру и доктор Саха должны были находиться рядом. Оба точно знали, что надлежит им делать, и профессор Казан не собирался вмешиваться, если, конечно, не возникнут чрезвычайные обстоятельства.

— Снежинка почуяла их,— прошептал Кейт.

Сомнений не было, от растерянности, охватившей ее, когда ей предоставили свободу, не осталось и следа: она ринулась прямо на дельфинов, как быстроходный катер, вспенивая длинный след.

Дельфинья стая мгновенно рассеялась. Профессор с горьким чувством вины представил себе, что думают о нем сейчас дельфины, если они вообще способны в такой момент думать о чем-либо, кроме косатки.

Она разогналась к одному толстому дельфину, и их разделяло уже не больше десяти метров... И вдруг Снежинка взлетела в воздух, но сейчас же звонко плюхнулась, да так и оста-

лась лежать неподвижно, мотая головой совершенно как человек.

— Два вольта, центральный участок наказания,— сообщил доктор Саха, снимая палец с кнопки.— Интересно, попробует ли она еще раз.

Дельфины, удивленные и даже потрясенные результатами опыта, снова собрались в стаю, но держались на расстоянии нескольких сот метров от этого места. Они тоже неподвижно лежали в воде, зорко следя за своим исконным врагом.

Снежинка не сразу опомнилась от полученной встряски. Она медленно поплыла в сторону от дельфинов. Наблюдатели не сразу разобрались в ее тактике.

Она описывала большие круги, в центре которых находились все еще неподвижные дельфины. Лишь внимательный взгляд мог уловить, что это не окружность, а постепенно сужающаяся спираль.

— Собирается надуть нас, не так ли? — с восхищением сказал профессор Казан.— Подплывет, насколько осмелится, делая вид, что не заинтересована, а потом ринется на них.

Именно так она и поступила. Если дельфины все еще оставались на месте, это доказывало их безграничное доверие к друзьям-людям и еще — поразительную быстроту, с которой они усваивали новые истины. Редко приходилось повторять дельфину одно и то же дважды.

Напряжение росло по мере того, как Снежинка приближалась по спирали к центру, подобно головке с мембраной на старомодных граммофонах, постепенно продвигающейся к шпинделю. Только какой-нибудь десяток метров отделял ее от ближайшего и самого отважного дельфина, когда она наконец решилась.

Косатка может ускорить движение с невероятной быстротой. Но доктор Саха был готов ко всему и держал палец в нескольких миллиметрах от кнопки. Шансов на успех у Снежинки не оставалось.

Она была разумным животным — не столь разумным, как намеченные ею жертвы, но обладала интеллектом примерно того же уровня. Снежинка поняла, что потерпела поражение. Оправившись от второго шока, повернулась спиной к дельфинам и поплыла прочь. Палец доктора Сахи опять ткнулся в приборную доску.

— Эй, что вы делаете? — спросил шкипер «Летучей рыбы», следивший за происходящим с явным неодобрением. Как и его племянник Мик, он не желал, чтобы обижали Снежинку.— Она же вас послушалась!

— Я не наказываю, а вознаграждаю,— объяснил доктор Саха.— Пока я нажимаю на эту кнопку, она чувствует себя удивительно хорошо, потому что я посылаю ток напряжением в несколько вольт в те центры ее мозга, которые ведают наслаждением.

— Думаю, на сегодня хватит,— сказал профессор Казан.— Пошлите ее назад, в бассейн — она заслужила хорошее угощение.

— Завтра будет то же самое, профессор? — спросил шкипер, когда «Летучая рыба» повернула к дому.

— Да, Стив, то же самое будет повторяться каждый день. Но я здорово удивлюсь, если нам понадобится заниматься этим больше недели.

Через три дня стало уже ясно, что Снежинка усвоила урок. Наказывать ее больше не приходилось, достаточно было награды — нескольких мгновений электрического блаженства. Дельфины преодолели свой страх не менее быстро, к концу недели они и Снежинка совсем освоились друг с другом. Они дружно охотились вокруг рифа, иногда устраивая совместную облаву на стаю рыб, иногда действуя порознь. Молодые дельфины затевали вокруг Снежинки свои резвые игры, но, если им и случалось толкнуть ее, косатка не проявляла раздражения и даже не поддавалась неподвластному ей чувству голода.

На седьмой день косатку больше не отправили назад в бассейн после ее утренней прогулки с дельфинами.

— Мы сделали все, что могли,— сказал профессор.— Теперь я ее выпущу.

— А вы не считаете, что это рискованно? — возразил доктор Кейт.

— Считаю, но рано или поздно нам все равно придется пойти на такой риск: если мы не вернем ее в естественное состояние, мы никогда не узнаем, как долго сохранится эффект кондиционирования.

— А если она устроит себе закуску из парочки дельфинов? Что тогда?

— Другие сейчас же сообщат нам. Мы выйдем в море и поймаем ее. Это будет несложно, коробка с радиоустройством останется прикрепленной к ее голове.

Стефен Науру, который прислушивался к разговору, стоя за штурвалом «Летучей рыбы», оглянулся через плечо и задал вопрос, волновавший всех:

— Даже если вы обратили Снежинку, так сказать, в вегетарианство, как быть с остальными миллионами этих тварей?

— Мы должны набраться терпения, Стив,— ответил профессор.— Пока что я только собираю информацию, которая, возможно, не принесет никакой пользы ни людям, ни дельфинам. Но в одном я уверен — весь болтливый дельфиний мир уже знает об эксперименте, и они поймут — мы делаем для них все, что можем. У ваших рыбаков теперь выгодная позиция, чтобы торговаться с дельфинами.

— Гм, я об этом не подумал.

— Во всяком случае, если со Снежинкой получится, мы сможем, пожалуй, ограничиться кондиционированием всего лишь нескольких косаток в каждом районе. Да и то самок — а уж те растолкуют самцам и детенышам, что за всякого съеденного дельфина они расплатятся сильнейшей головной болью.

Стива это не убедило. Может быть, если б он понял, как могущественна и необорима электрическая стимуляция мозга, слова профессора произвели бы на него больше впечатления.

— Все же мне сдается, что один вегетарианец не заставит целое племя людоедов отказаться от своих обычаев.

— Возможно, вы совершенно правы,— ответил профессор.— Как раз это я и хочу выяснить. Даже если задача и разрешима, затея может оказаться ничего не стоящей. А если и стоящей, то такой, что потребуются усилия нескольких поколений. Но нужно быть оптимистом; припомните хотя бы историю двадцатого века.

— Какую ее часть? — спросил Стив.— Она такая длинная!

— Ту часть, которая имеет значение. Пятьдесят лет назад очень многие отказывались верить в то, что народы Земли могут жить в мире. Сейчас-то мы знаем, что они ошибались. Если бы это было не так, нас с вами тут бы не было. Так что не смотрите на наш проект слишком мрачно.

Стив вдруг захохотал.

— Что я сказал смешного? — спросил профессор.

— Да нет, я просто подумал,— ответил Стив,— что вот уже тридцать лет, как не находилось повода для присуждения Нобелевской премии мира. Ну а если этот план осуществится, настанет ваш черед.

Пока профессор Казан ставил опыты, мечтал, над Тихим океаном собирались силы, равнодушные к надеждам и страхам и людей, и дельфинов. Мик и Джонни одними из первых узрели их могущество. Это было на рифе, в безлунную ночь.

Как всегда, они охотились за лангустами и редкими раковинами. На этот раз Мику помогало недавно появившееся у него новое орудие — водонепроницаемый фонарик, размером несколько больше обычного; когда Мик зажигал его, появлялось очень слабое голубое свечение. Кроме того, фонарь испускал пучок сильных ультрафиолетовых лучей, невидимых человеческому глазу. Кораллы и раковины, на которые падали эти лучи, казались охваченными пламенем. Они сверкали в темноте синим, золотистым и зеленым цветом. Невидимый луч был подобен волшебной палочке, которая находит скрытые во мраке предметы, невидимые даже при обычном освещении. Если моллюск зарывался в песок, ультрафиолетовый луч делал видимой оставленную им бороздку, и Мик не проходил мимо очередной добычи.

Под водой эффект был поразительный: стоило мальчикам нырнуть в коралловое озерко близ края рифа, луч неяркого синего света устремлялся далеко вперед. Он заставлял светиться ветки кораллов на расстоянии доброй дюжины метров, и они мерцали, как звезды или туманности в глубинах космоса. Естественное свечение моря, каким бы прекрасным

и удивительным оно ни было, ни в какое сравнение не шло с этим зрелищем.

Увлеченные новой чудесной игрушкой, Мик и Джонни задержались на рифе дольше, чем собирались. Когда же они наконец решили отправиться домой, то заметили, что погода изменилась.

Еще недавно она была тихой и безветренной, в ночи раздавалось только бормотание волн, лениво плескавшихся о риф. А теперь задул порывистый ветер и голос моря стал сердитым, в нем слышались решительные ноты.

Джонни первым заметил перемены, вынырнув на поверхность озерка. За рифом, непонятно, на каком расстоянии, по волнам медленно двигалось пятно слабого света. Сначала Джонни подумал, не корабль ли впереди, но тут же сообразил, что это не может быть судно — пятно лишено очертаний и форм и скорей напоминает светящийся туман.

— Мик,— встревоженно прошептал он,— что это такое, там, в море?

Мик не ответил. Слегка присвистнув от удивления, он подошел поближе к Джонни, словно ища защиты.

Едва веря своим глазам, они следили за тем, как туман собирался в облако с острыми краями и это облако становилось все ярче и тянулось все выше по небосклону. Несколько минут спустя слабого света уже не было и в помине — по морю шествовал огненный столб.

Мальчиков охватил страх — суеверный ужас перед неизвестным, от которого никогда не избавится человек, ибо загадкам Вселенной нет конца. В умах их рождались дикие объяснения, фантастические теории. Вдруг Мик радостно засмеялся. Но смех его прозвучал взволнованно.

— Я знаю, что это,— сказал он.— Всего лишь смерч. Я видал такое и раньше, только не ночью.

Разгадка этой тайны, как и многих других, оказалась простой — как только вы узнали ответ. Но чудо оставалось чудом, и мальчики глядели как завороженные на крутящийся столб

воды, он засасывал и взметал к небу мириады светящихся обитателей моря. Смерч, очевидно, находился далеко, за много миль от них, потому что Джонни не слышал рева, который тот издает, несясь по волнам; вскоре смерч исчез, ушел в сторону материка.

Между тем начался прилив. Когда мальчики наконец опомнились, воды уже было им по колено.

— Пошли, а не то придется добираться вплавь,— сказал Мик.

Бредя по воде, он добавил задумчиво:

— Не нравится мне эта штука. Она предвещает непогоду, ставлю десять против одного, что у нас скоро здорово задует.

Уже на следующее утро стало понятно, что Мик прав, стоило только взглянуть на телевизионный экран. Даже для тех, кто ничего не понимал в метеорологии, изображение на экране было устрашающим. Огромный клуб туч, насчитывающий тысячи миль в поперечнике, охватил всю западную часть Тихого океана. Изображение, передаваемое на экран телекамерами метеорологических спутников, находившихся высоко в космосе, на первый взгляд казалось неподвижным. Но это объяснялось только огромным масштабом явления. Если же рассматривать изображение внимательно, через несколько минут можно было заметить, что спиралевидные полосы облаков быстро проносились над поверхностью земного шара. Ветры несли их со скоростью до двухсот пятидесяти километров в час. Это был сильнейший ураган из всех обрушивавшихся на побережье Квинсленда на памяти целого поколения.

Жители Острова Дельфинов не отходили от телевизионных экранов. Каждый час передавались сводки, в которых с помощью счетно-решающих устройств предсказывался ход циклона, но за день особых изменений не произошло. Метеорология теперь стала точной наукой; синоптики могли с уверенностью говорить о том, что произойдет, но влиять на происходящее почти не умели.

На Остров Дельфинов уже не раз обрушивались бури, и привычные жители, хоть и тревожились, были готовы побороться с циклоном и не впадали в панику. К счастью, максимальной силы ураган должен был достичь во время отлива, и жители не опасались, что волны покроют остров, как это иногда случалось здесь, в Тихом океане.

Весь день Джонни работал наравне с другими. Из предосторожности следовало надежно укрепить или укрыть все, что мог повредить или снести ураган. Окна зашивали досками, лодки вытягивали на берег как можно дальше. «Летучую рыбу» взяли на четыре тяжелых якоря, да еще на всякий случай привязали толстым корабельным канатом к стволам панданусов, росших на берегу. Впрочем, рыбаки не слишком беспокоились за свои лодки, так как гавань находилась на защищенной стороне острова; лес ослабит силу бури.

А пока стояла гнетущая жара. Ни дуновения ветерка. Не нужно было никаких сводок с востока, ни к чему было рассматривать изображения на телевизионном экране — и без того ясно, что природа готовит одно из своих грандиозных представлений. К тому же, хоть небо было чистым и безоблачным, буря выслала вперед своих гонцов. Весь день огромные волны бились о внешний риф, так что остров содрогался от ударов.

Когда стемнело, небо все еще оставалось ясным и звезды казались небывало яркими. Джонни стоял у бетонно-алюминиевого бунгало семьи Науру и, прежде чем войти, разглядывал небо. И вдруг услышал звук, покрывший даже грохот волн. Никогда раньше он не слышал ничего подобного. Казалось, будто застонало от боли какое-то гигантское животное. Вечер был жаркий и душный, но Джонни почувствовал, что кровь стынет у него в жилах.

А потом он увидел на востоке нечто такое, отчего у него совсем подкосились ноги. Сплошная стена полного мрака поднялась к небу и на глазах у него вздымалась все выше и

выше. Так Джонни довелось услышать и увидеть начало урагана. Он не стал больше медлить.

— Я как раз собирался идти за тобой,— сказал Мик, когда Джонни с облегчением затворил за собой дверь. И это были последние слова, которые он услышал за много часов.

Несколько мгновений спустя дом сотрясся до основания. Затем раздался шум невероятной силы. И все же он показался Джонни странно знакомым. Невольно он вернулся памятью к началу своих приключений; он вспомнил гром дюз «Санта-Анны» всего в нескольких метрах под собой, когда карабкался на борт амфибии; между тем местом и островом лежало полмира и, как чувствовал Джонни, целая жизнь.

Человеческий голос уже давно нельзя было расслышать в реве урагана. И все-таки, как это ни невероятно, шум еще усилился — на дом низвергся такой потоп, какого Джонни и представить себе не мог. Вялое слово «дождь» ни в какой мере не передавало того, что творилось.

Судя по доносившимся звукам, человек, оказавшийся снаружи, тут же утонул бы в этих потоках воды, если бы они еще раньше не раздавили его.

Однако все семейство Мика сохраняло полное спокойствие. Младшие ребята собрались вокруг телевизора и следили за передачей, хотя ничего не могли слышать. Миссис Науру безмятежно вязала, это было редкостное искусство, которым она владела с детства. Джонни оно попросту завораживало, он никогда прежде не видел, чтобы кто-нибудь вязал. Но теперь он был слишком взволнован, чтобы следить за сложными движениями спиц и волшебным превращением шерсти в носок или свитер.

Он пытался определить по стоявшему вокруг грохоту, что же происходит за стенами. Ясно, что ураган выворачивает с корнями деревья, разбрасывает в стороны лодки, а может, и рушит дома! Но вой ветра и оглушительный бесконечный рев моря покрывал все другие звуки. Под дверью могли палить из орудий, и никто бы этого не расслышал.

Джонни с мольбой взглянул на Мика, ему было просто необходимо, чтобы кто-нибудь успокоил его, подал знак, что все идет как надо, скоро кончится и станет на свои места. Но Мик только пожал плечами и изобразил, как надевают маску и дышат кислородом из акваланга; сейчас вся эта пантомима не показалась Джонни смешной.

Он пытался представить себе, что происходит с остальными островитянами, но не мог. Получалось как-то так, что единственной реальностью оставалась только эта комната и находившиеся рядом с ним люди. Казалось, что на свете только они и существуют, это на них обрушил ураган всю свою ярость. Вероятно, именно так чувствовал себя Ной со своим семейством; единственные уцелевшие среди живых в целом мире, они носились по волнам потопа, надеясь, что ковчег куда-нибудь прибьет.

Джонни никогда не думал, что буря на суше может быть так страшна. Ведь это всего лишь ветер и дождь! Однако злоба дьяволов, бесновавшихся вокруг непрочной крепости, в которой он укрывался, превосходила все, что могло быть доступно его опыту и воображению. Если бы ему сказали, что ураган сейчас опрокинет весь остров в море, он поверил бы и этому.

И тут, покрывая рев бури, послышался ужасающий треск. Но определить, где он раздался — поблизости или вдалеке, было невозможно. И тотчас же погас свет.

Это мгновение полного мрака в разгаре бури было одним из самых страшных в жизни Джонни. Он чувствовал себя в сравнительной безопасности, пока видел, что друзья рядом, хоть и не мог говорить с ними. Теперь он ощущал себя одиноким в кричащей ночи, беспомощным, отданным силам природы, о существовании которых прежде не подозревал.

К счастью, темнота длилась только несколько секунд. Мистер Науру не ждал ничего хорошего и был наготове: он держал под рукой электрический фонарь, и, когда его луч рассе-

ял мрак, Джонни увидел, что в комнате все осталось по-прежнему, и ему стало стыдно.

Жизнь продолжается даже во время урагана. Раз нельзя смотреть телевизор, младшие взялись за игрушки и книжки с картинками. Миссис Науру продолжала спокойно вязать, а муж ее принялся читать толстый том, изданный Всемирной продовольственной организацией; он углубился в отчет о состоянии рыболовства в Австралии, со множеством таблиц, статистических данных и карт. Мик расставил на доске шашки. Джонни не слишком хотелось сражаться с ним, но он понимал, что это единственный разумный выход.

Ночь тянулась долго. Иногда вой урагана чуть ослабевал и можно было бы расслышать человеческий голос, правда, для этого пришлось бы кричать. Но никто не делал такой попытки — о чем тут говорить?! Да и затишье длилось не подолгу, ураган скоро достигал прежней силы.

Около полуночи миссис Науру поднялась, скрылась в кухне и вернулась с кувшином горячего кофе, полудюжиной оловянных кружек и блюдом пирожков. Джонни подумал, что он ест, пожалуй, в последний раз. И все-таки пирожки ему понравились; поев, он опять принялся играть с Миком и проигрывал ему партию за партией.

Только к четырем утра, часа за два до восхода солнца, шторм стал утихать. Сила его медленно слабела, и он наконец перешел во все еще завывавший, но обыкновенный ветер. Ослабел и дождь, и затворникам больше не казалось, что на дом низвергается водопад. В пять утра дом еще время от времени сотрясался под ударами ветра, но сила их уже была не та, что раньше. Это умирающий ураган испускал последние вздохи. А когда над потерпевшим бедствие островом взошло солнце, уже можно было осмелиться выйти из дома.

Джонни предполагал, что его ждет невеселое зрелище, и не ошибся. Пока он и Мик перебирались через десятки упавших деревьев, загромождавших знакомые тропинки, им то и дело попадались навстречу жители острова. Островитяне

бродили в растерянности, как бродят в смятении горожане по родному городу, разрушенному бомбежкой. Многие были ранены, у некоторых голова обмотана бинтами, у других рука висит на перевязи... И все же никто не пострадал серьезно — сказалась тщательная, хорошо спланированная подготовка.

Ураган нанес лишь материальный ущерб. Все линии электропередачи были порваны, но исправить их — дело несложное. Куда более печально, что из строя выведена электростанция. Ее разрушило дерево. Ураган вывороти его с корнями, оно, кувыркаясь, пронеслось по воздуху добрую сотню метров и наконец ударилось о здание станции, как гигантская дубинка. Катастрофа не пощадила и вспомогательную дизельную установку.

И все же худшее было еще впереди. Среди ночи, опровергая все прогнозы, ветер изменил направление. Он задул с востока и атаковал остров со стороны, которая считалась защищенной. Половина рыболовного флота погибла в море, остальные суда выбросило на берег и разнесло в щепы. «Летучая рыба», полузатопленная, лежала на боку. Судно еще можно было спасти, но, для того чтобы «Летучая рыба» смогла выйти в плавание, требовалось несколько недель труда.

Однако, несмотря на весь этот разгром и хаос, никто не выглядел подавленным. Сначала это поразило Джонни, но потом он понял, что ураганы — неотъемлемая часть жизни Большого Барьерного рифа. Всякий, кто решился обосноваться там, должен быть готов уплатить за это цену, назначенную самой природой. А у тех, кого это не устраивало, оставался простой выход: они всегда могли переехать куда-либо в другое место.

Профессор Казан выразил ту же мысль другими словами, когда Мик и Джонни разыскали его у бассейна дельфинов, где он осматривал поваленную изгородь.

— Возможно, придется потерять с полгода,— сказал он.— Но мы свое наверстаем. Оборудование всегда можно заме-

нить, незаменимы лишь люди и их знания. А мы сохранили и то и другое.

— Что с ОСКАРом? — спросил Мик.

— Будет спать, пока мы снова не получим энергию и не разбудим его. Ячейки его памяти невредимы.

«Значит, какое-то время уроков не будет,— подумал Джонни.— Даже и этот злой ветер все-таки принес кое-что хорошее...»

Хорошее! Но он нанес и такой урон, который пока еще никто не мог оценить — никто, кроме сестры Тесси. Эта большая деловитая женщина как раз осматривала в полном отчаянии размокшие остатки медикаментов.

Еще кое-как она справлялась с простыми порезами, ушибами и даже переломами — этим она занималась с самого рассвета. Но все более серьезное находилось за пределами ее возможностей. У нее не осталось ни единой целой ампулы пенициллина, ни единой ампулы, которой можно было бы доверять.

А холод и другие невзгоды, принесенные штормом, заставляли ее подумывать о простудах, лихорадке и, может быть, даже о более страшных болезнях. Что ж, ей надо, не теряя времени, затребовать по радио свежий запас медикаментов.

Она быстро составила список лекарств, которые, как она знала по опыту, понадобятся ей в ближайшие несколько дней, и побежала на узел связи. Там ее ждал второй удар.

Два обескураженных техника-электронщика калили на примусе свои паяльники. Вокруг них валялись перепутанные провода и ломаные стеллажи для инструментов, изувеченные сучьями пандануса, пробившего крышу.

— Извини, пожалуйста, Тесс,— сказали они,— но если нам удастся установить связь с материком к концу недели, то и это будет чудом. А пока нам придется вернуться далеко назад — к дымовым сигналам.

Тесси призадумалась.

— Я не могу рисковать,— сказала она.— Необходимо отправить на материк судно.

Оба техника горько засмеялись.

— Слыхал, чего она хочет? — сказал один другому.— «Летучая рыба» лежит кверху килем, а все другие суда пришвартовались к деревьям посреди острова.

Выслушав эти сообщения, правда немного — но совсем немного — преувеличенные, Тесси почувствовала себя более беспомощной, чем когда-либо с тех пор, как она, еще совсем неопытная практикантка, получила ужасный нагоняй от сестры-хозяйки. Бедной Тесси оставалось надеяться лишь на то, что никто не заболеет, пока не восстановится связь.

Но к вечеру на одной из многих поврежденных ног, которые ей пришлось врачевать, появились признаки гангрены. А вскоре к ней пришел профессор, бледный и дрожащий.

— Измерь-ка мне температуру, Тесси,— сказал он.— У меня, кажется, жар.

Еще не наступила полночь, а ей уже стало ясно, что профессор заболел воспалением легких.

Весть о том, что профессор Казан серьезно болен и лечить его нечем, вызвала больше тревоги, чем все убытки, причиненные ураганом. Тяжелее всех переживал известие Джонни.

Ведь остров — хоть он и не очень над этим задумывался — стал для него родным домом, которого он никогда не знал, а профессор заменил ему отца, которого он почти не помнил. Именно здесь он обрел чувство уверенности, к которому так давно и сильно, правда подсознательно, стремился. Теперь это чувство оказалось под ударом, потому что никто не мог послать радиограмму через каких-нибудь сто миль морского пространства — и такое в век, когда спутники и планеты переговаривались между собой!

Всего лишь сотня миль! А ведь прежде чем попасть на остров, он сам проплыл больше...

Вспомнив об этом, Джонни вдруг понял — совершенно отчетливо, без всяких сомнений и колебаний,— что именно он должен сделать. Дельфины доставили его к острову, пускай теперь проплывут с ним остаток пути до материка.

Он был уверен, что Сузи и Спутник смогут, поочередно ведя на буксире аквапланы, преодолеть стомильное расстояние не больше чем за полсуток. Это подведет итог всем тем дням, которые они провели вместе, исследуя окраины рифа и охотясь. Рядом с друзьями-дельфинами он чувствовал себя на воде в полной безопасности. Они угадывали все его желания, даже без коммуникатора.

Джонни вспомнилась одна из их прогулок. Тогда с ними был и Мик. Сузи тащила тяжелый акваплан, на котором сидел Мик, а Спутник буксировал небольшой акваплан Джонни. Так они перебрались на соседний риф, окаймлявший остров Рек. До него было миль десять, и плыли они чуть подольше часа, причем дельфины не спешили.

А вдруг все, что он придумал, дурацкий самоубийственный бред? Посоветоваться можно только с Миком, он единственный, кто поймет. Любой другой островитянин, без сомнения, задержит его, если проведает о таком плане. Что ж, надо отправляться в плавание прежде, чем кто-нибудь узнает.

Мик отнесся к замыслу именно так, как и ждал Джонни. Совершенно серьезно, однако не обрадовавшись.

— Уверен, что это выйдет,— сказал он.— Но ты не должен плыть один.

Джонни покачал головой.

— Я уже думал,— ответил он. Действительно Джонни обдумал и это; в первый раз в жизни он порадовался тому, что так мал ростом.— Помнишь наши гонки? — сказал он Мику.— Много ли раз тебе удалось выиграть? Ты слишком большой и только задержишь нас.

Это была правда, которую Мик не мог отрицать. Даже более сильной Сузи не под силу тащить его с такой же скоростью, какую развивал Спутник с Джонни на буксире.

Потерпев поражение в одном пункте, Мик выдвинул новый аргумент.

— Прошло уже больше суток с тех пор, как мы отрезаны от материка. Вот-вот кто-нибудь непременно прилетит посмотреть, что случилось, раз они не имеют от нас никаких известий. И ты будешь рисковать головой понапрасну.

— Это верно,— признался Джонни.— Но чья голова важнее — моя или профессора Казана? Если мы промедлим еще, может статься, что будет слишком поздно. А после такого урагана и на материке много дел. Чего доброго, минет целая неделя, прежде чем очередь дойдет до нас.

— Знаешь, что я тебе скажу,— заговорил Мик.— Давай готовиться, и если к тому времени, когда все закончим, помощь не явится, а профессору не станет лучше — обсудим окончательно.

— Ты никому не скажешь? — с тревогой спросил Джонни.

— Конечно нет. Кстати, имеешь ли ты представление, где сейчас Сузи со Спутником? Ты уверен, что сумеешь разыскать их?

— Да, сегодня утром они подплывали к пристани, верно, искали нас. Они откликнутся быстро, стоит только нажать клавишу с сигналом «на помощь!».

Мик принялся перечислять по пальцам, что нужно захватить с собой.

— Тебе понадобится фляга с водой, ну, знаешь, плоская, пластмассовая, немного консервов, компас, обычное подводное снаряжение — больше ничего не приходит на ум. Ах да, еще фонарик! Ты не успеешь проделать все путешествие за день.

— Я собирался отплыть около полуночи. Тогда в первую половину пути мне будет светить луна, а берега я достигну днем.

— Ты, видно, хорошо все обдумал,— сказал Мик, неохотно выражая свое восхищение. Он все еще надеялся, что план Джонни окажется ненужным — подвернется что-нибудь другое. Но если нет, что ж, он сделает все возможное, чтобы помочь товарищу.

Как все островитяне, мальчики должны были участвовать в аварийном ремонте и почти ничего не успели сделать днем. Да и когда стемнело, многие работы продолжались при неярком свете керосиновых ламп, поэтому Джонни с Миком смогли закончить свои приготовления только поздно вечером.

По счастью, никто не увидел, как они снесли меньший акваплан в гавань и спустили на воду среди перевернутых и разбитых судов. К аквaплану было привязано снаряжение

и упряжь. Теперь оставалось только вызвать дельфинов и, конечно, убедиться, необходим ли самый отъезд.

Джонни протянул Мику браслет с коммуникатором.

— Попробуй-ка вызвать их,— сказал он.— А я сбегаю в госпиталь. Вернусь минут через десять.

Мик взял браслет и зашел поглубже в воду. На маленькой клавиатуре ярко светились буквы, но Мик не нуждался в надписях, он, как и Джонни, мог бы пользоваться прибором с завязанными глазами.

Мик погрузился в теплую влажную темноту и лег на коралловый песок. Он снова начал колебаться: еще есть время помешать Джонни. Можно не трогать клавиши, пусть коммуникатор молчит... А потом сказать, что дельфины не откликнулись... Все равно они вряд ли приплывут.

Нет, он не обманет друга даже для его блага, даже для того, чтобы он не рисковал жизнью. Оставалась одна надежда: сейчас Джонни прибежит в госпиталь и ему скажут, что профессор вне опасности.

И, страшась, что ему придется жалеть о своем поступке всю жизнь, Мик нажал клавишу «на помощь!». Во мраке раздалось слабое гудение. Мик выждал пятнадцать секунд, потом опять нажал клавишу — еще и еще.

А Джонни — тот ни в чем не сомневался. Следуя за лучом фонарика сначала по пляжу, а затем по тропинке к главному зданию, он сознавал, что, может быть, его ноги ступают по Острову Дельфинов в последний раз. Возможно, он не увидит следующего рассвета. Бремя такого решения редко ложится на плечи мальчика его возраста, но Джонни охотно принял его. Он отнюдь не мнил себя героем, просто выполнял то, что считал своим долгом. Он был счастлив здесь, на острове, здесь он жил той жизнью, о какой можно только мечтать. За нее, за эту жизнь, он должен теперь бороться, а если нужно — то и рискнуть собой.

В маленьком госпитале, где год тому назад очнулся он сам — жертва кораблекрушения, полусожженная солнцем,—

царила полная тишина. Окна плотно затянуты шторами, все, кроме одного. Оттуда струится желтый свет керосиновой лампы. Джонни не удержался и заглянул в освещенную комнату — это была дежурка. Сестра Тесси сидела за письменным столом и писала в большом журнале или дневнике. Вид у нее был вконец измученный. Вот она поднесла руки к глазам. Джонни обмер — сестра Тесси плакала. Если уж эта огромная стойкая женщина доведена до слез, значит, положение безнадежно. У Джонни сжалось сердце — вдруг он опоздал!

Нет, оказалось не так плохо, хоть и здорово плохо. Когда он, тихо постучав, вошел в дежурку, сестра Тесси тотчас же придала своему лицу профессионально бодрый вид. Скорее всего, она просто вышвырнула бы за дверь любого, кто осмелился бы потревожить ее так поздно, но для Джонни в ее сердце всегда находился теплый уголок.

— Он очень болен,— сказала она шепотом.— Будь у меня нужные лекарства, я привела бы его в порядок за несколько часов. Но сейчас...

Она беспомощно пожала своими массивными плечами и добавила:

— У меня на руках не только профессор: двум другим больным непременно нужно ввести противостолбнячную сыворотку.

— Но они все-таки выкарабкаются? Даже если нам не придут на помощь? Как вы думаете? — прошептал Джонни.

Сестра Тесси не ответила, и молчание ее было красноречивее любых слов. Джонни не стал медлить, ждать больше нечего. Хорошо еще, что Тесси слишком устала и даже не обратила внимания, когда он вместо «Спокойной ночи» бряк-нул: «Прощайте!»

Джонни вернулся на пляж и увидел, что Сузи запряжена, а Спутник терпеливо ждет рядом с нею.

— Они были здесь уже через пять минут,— сказал Мик.— Я даже испугался, когда они вынырнули из темноты,— никак не думал, что приплывут так быстро.

Джонни погладил мокрые и блестящие тела, и дельфины нежно потерлись о него. Он подумал, где и как они укрывались во время шторма; невозможно представить, чтобы живое существо могло уцелеть в волнах, бушевавших вокруг острова. За спинным плавником Сузи виднелся порез, раньше его не было, но в остальном буря, видимо, не причинила обоим дельфинам никакого вреда.

Фляга с водой, компас, фонарь, герметический контейнер с пищей, ласты, маска, дыхательный автомат — Джонни все осмотрел и проверил. Потом сказал:

— Спасибо, Мик, я скоро вернусь.

— Мне все-таки хотелось бы отправиться с тобой,— хрипло ответил Мик.

— Тревожиться не о чем,— сказал Джонни уверенно, хотя сам чувствовал, что прежняя уверенность начала его покидать.— Спутник и Сузи обо мне позаботятся, не так ли?

О чем тут еще говорить! Джонни взобрался на аквапланк, крикнул: «Пошли!» — и помахал безутешному Мику, когда Сузи рванула аквапланк вперед.

И это было как раз вовремя: Джонни увидел свет фонарей, двигавшихся по пляжу. Исчезая в ночи, он пожалел Мика, которому придется расхлебывать кашу.

Может, именно с этого пляжа полтора века назад отплыла злосчастная железная бадья, в которой тщетно пыталась спастись Мэри Уотсон с младенцем и умирающим слугой. Как странно, что в век космических кораблей, атомной энергии, в век освоения других планет ему приходится почти так же покидать тот же остров!

А ведь, пожалуй, ничего удивительного тут нет. Как бы он мог подражать Мэри Уотсон, если бы никогда и не слышал о ее истории?! И если он добьется успеха, значит, она умерла не понапрасну на том пустынном рифе, в сорока милях к северу.

Джонни предоставил дельфинам самим прокладывать курс, пока они не миновали риф. Их удивительная система звуковой локации, которая позволяла улавливать наполнявшие темное море отзвуки, недоступные слуху Джонни, точно указывала им, где они находятся. Она предупреждала дельфинов обо всех препятствиях, обо всех крупных рыбах в радиусе тридцати метров. За миллионы лет до того, как люди изобрели радиолокацию, у дельфинов — да и у летучих мышей — она уже была совершенной, разработанной во всех деталях. Правда, они пользовались не радиоволнами, а звуковыми колебаниями, но принцип был тот же.

Море покрывали барашки, но волнение было не очень сильным. Иногда до Джонни долетали брызги, и время от времени аквапланзарывался носом в волну; в общем, мальчик продвигался вперед по поверхности моря, не испытывая неудобств. В темноте было трудно судить о скорости хода. А когда он зажигал фонарь, казалось, будто волны проносятся мимо него с огромной быстротой. Однако Джонни знал, что намного больше десяти миль в час они делать не могут.

Джонни посмотрел на часы. Прошло всего пятнадцать минут, но, когда он оглянулся назад, никаких следов острова уже не было заметно. Он надеялся еще увидеть огни, но и огни исчезли. Целые мили отделяли его теперь от суши. Он несся сквозь мрак ночи, к цели, которую сам поставил перед собой. А ведь всего год назад, скажи ему такое, он насмерть

бы перепугался. Сейчас он не боится, во всяком случае может подавить свой страх, потому что знает — рядом друзья и они сумеют защитить его.

Пора ложиться на курс. Это не проблема! Если плыть на запад, хоть приблизительно на запад, раньше или позже наткнешься на австралийское побережье, растянувшееся на тысячи километров. Взглянув на компас, он с удивлением обнаружил, что нет никакой надобности менять курс. Сузи сама держала прямо на запад.

Могло ли быть более яркое и убедительное доказательство ее ума?! Одного только сигнала «на помощь!», поданного Миком, оказалось достаточно. Незачем было указывать ей то единственное направление, откуда можно ждать помощи; она уже знала этот путь, как знала, вероятно, каждый сантиметр береговой линии Квинсленда.

А вот плывет ли она со всей быстротой, на какую способна,— неизвестно. Джонни не мог решить: предоставить ли это на ее усмотрение или постараться объяснить ей срочность их путешествия? Поколебавшись, он сказал себе: «Пожалуй, имеет смысл нажать на клавишу "быстрее"».

Нажал и тотчас почувствовал плавный рывок аквапланa. Он, разумеется, не знал, насколько возросла быстрота их движения. С него хватило и легкого ощущения ускорения. Теперь он обрел уверенность, что Сузи осознала, о чем он ее просил, и плывет с максимальной скоростью. Если он станет настаивать на большем, Сузи скоро устанет.

Ночь была очень темная. Луна еще не взошла, а низко нависшие облака — остатки бури — почти совсем закрывали звезды. Не было даже обычного фосфорического сияния моря: быть может, светящиеся обитатели глубин все еще не оправились после урагана — чтобы снова заблестеть, им нужно сначала успокоиться. А Джонни так хотелось опять увидеть это знакомое слабое свечение! Все-таки он испытывал какой-то трепет, мчась вот так, очертя голову, сквозь непро-

глядную ночь. Что, если им навстречу катится гигантский водяной вал или на их пути встал невидимый утес и они несутся прямо на него? А он, Джонни, ничем не защищен, и от его носа до поверхности воды всего каких-нибудь семь-восемь сантиметров! Как ни верил он в Сузи, а страхи временами одолевали его, и Джонни приходилось сражаться с ними.

Какое же облегчение испытал он, когда на востоке появились первые бледные отблески лунного света. Толща облаков скрывала луну, но отраженный блеск ее все же разлился в окружающем мраке. Этот блеск был еще так неярок, что различить что-нибудь кругом не удавалось. Но линия горизонта вырисовывалась вдали, и одно это уже успокаивало. Наконец Джонни увидел собственными глазами, что впереди нет ни утесов, ни рифов. Органы чувств Сузи были развиты куда лучше, чем зрение Джонни, как бы ни напрягал он свои глаза, зато теперь он хоть не чувствовал себя совершенно беспомощным.

Сейчас под ними была настоящая глубина, и неприятная зыбь, качавшая акваплан в начале путешествия, осталась позади. Они скользили навстречу медленно катящимся валам, незаметно взбираясь на гребни, расстояние между которыми составляло сотни метров. О высоте их судить было трудно. Из-за того, что Джонни лежал плашмя, они, конечно, казались гораздо выше, чем на самом деле.

Сузи долго поднималась по длинному пологому склону, затем акваплан на мгновение повисал на вершине движущегося водяного холма и наконец несся вниз, в распадок. И все начиналось сначала. Джонни давно приспособился к этим подъемам и спускам, ритмично перемещая центр тяжести своего тела на акваплане. Делал он это бессознательно, как велосипедист на неровной местности.

Вдруг из-за туч вырвался полумесяц — луна была на ущербе. Впервые за все путешествие взгляд Джонни объял целые мили окружавшей его воды, мир огромных волн, медленно

уходивших в ночь. В свете луны их гребни отливали серебром, и от этого провалы между ними казались совсем черными. Стремительные спуски аквапланa в темные долины и медленные подъемы на пики движущихся гор напоминали чередование дня и ночи, ночи и дня.

Джонни посмотрел на часы: они плыли уже без малого четыре часа. Это означало, что они в лучшем случае прошли сорок миль и что уже близок рассвет. Расчеты помогли ему отогнать сон. До этого он дважды задремывал, падая с аквапланa, и просыпался, барахтаясь в воде. А это не очень-то приятно — плавать в темноте и ждать, пока Сузи сделает разворот и подберет тебя.

Понемногу небо на востоке светлело. Джонни оглянулся — ему хотелось поймать первые лучи солнца — и вспомнил тот давний рассвет, который он видел с борта гибнущей «Санта-Анны». Каким беспомощным чувствовал он себя тогда и как нещадно жгло его потом солнце! Теперь он был спокоен и уверен в себе, хотя от того места, где он находился, до суши было пятьдесят миль в обе стороны. А солнце больше не могло повредить ему, оно уже давно сделало его кожу темной, смугло-золотистой.

Быстро наступивший рассвет прогнал ночь. Джонни почувствовал спиной тепло нового дня и нажал клавишу «стоп». Пора было дать Сузи отдохнуть и позавтракать, пусть поохотится. Он соскользнул с аквапланa, проплыл немного вперед, чтобы снять с нее упряжь, и Сузи, почувствовав себя свободной, радостно подпрыгнула в воздух и помчалась прочь. Спутника нигде не было видно, он, верно, где-то промышлял рыбу сам по себе. Но Джонни не сомневался — стоит его позвать, и он будет тут как тут.

Джонни сдвинул на лоб маску, в которой пробыл всю ночь, чтобы защитить глаза от брызг, и уселся на краю слегка покачивавшегося на волнах аквапланa. Съев банан, два пирожка с мясом и глотнув апельсинового сока, он счел себя сытым.

Остальная еда пригодится попозже. Даже если все пойдет хорошо, путешествие продлится не меньше пяти-шести часов.

Он дал дельфинам еще пятнадцатиминутный отдых, да и сам в это время спокойно лежал на мирно колыхавшемся акваплане. Потом он нажал клавиши вызова и стал ждать.

Минут через пять он слегка встревожился. За время остановки дельфины могли сделать мили три. Но не уплыли же они так далеко! И тут же он успокоился, потому что увидел знакомые очертания спинного плавника, который разрезал волны, приближаясь к нему.

Но уже через мгновение Джонни поспешно поднялся и сел. Очертания плавника недаром показались ему знакомыми, но это было совсем не то, чего он ждал,— плавник принадлежал косатке.

Считаные секунды, пока Джонки глядел в лицо своей внезапной смерти, несшейся к нему со скоростью тридцати узлов, показались ему вечностью. Тут ему пришла в голову мысль, несколько успокоившая его и позволившая забрезжить надежде. Косатка приплыла на его сигнал; неужели это...

Так оно и было. Когда огромная голова вынырнула метрах в пяти от него, Джонни увидел обтекаемую коробку контрольного устройства, все еще крепко державшуюся на массивном затылке.

— Здорово же ты меня напугала, Снежинка,— сказал он, переведя дух.— Пожалуйста, не делай так больше.

Даже и сейчас он не был твердо уверен в безопасности. По последним сведениям, Снежинка по-прежнему соблюдала строго рыбную диету — никаких жалоб от дельфинов не поступало. Но ведь он-то не дельфин! И не Мик!

Аквапланн сильно закачался, едва Снежинка потерлась о него, и Джонни чуть не полетел в воду. Но это было ласковое прикосновение, самое ласковое из всех, на какие была способна пятиметровая разбойница, и, когда она повернулась, чтобы повторить тот же маневр с другой стороны, Джон-

ни почувствовал себя гораздо лучше. Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что косатка настроена дружелюбно, и Джонни про себя горячо поблагодарил Мика.

Все еще немного встревоженный, он протянул руку и похлопал по спине Снежинку, которая тихо проплыла мимо, казалось, не делая никаких усилий. Кожа у нее была эластичная, словно резиновая,— такая же, как у дельфинов, что, разумеется, вполне естественно. Но разве поверишь, что эта гроза морей — тот же дельфин, только побольше!

Ей, видно, понравилось немножко нервное прикосновение руки Джонни, потому что она вернулась, чтобы он снова ее погладил.

— Верно, тебе скучно в одиночестве? — сочувственно сказал Джонни. И тут же застыл, охваченный ужасом.

Снежинка совсем не томилась одиночеством, ей не приходилось скучать. К ним, не торопясь, приближался ее приятель, метров этак десяти длиной.

Только самцу косатки и мог принадлежать этот огромный спинной плавник, высотой с рослого мужчину. Огромный черный треугольник, напоминавший парус, неторопливо двигался к аквапланy, на котором сидел оцепеневший Джонни. Одна мысль мелькала в его голове: «Тебя-то не кондиционировали, ты не резвился в бассейне рядом с Миком!»

Самец был, несомненно, самым крупным из всех виденных Джонни косаток — чуть ли не с судно величиной! Снежинка рядом с ним казалась просто обыкновенным дельфином. Но хозяйкой положения была все же она. Пока ее огромный супруг медленно патрулировал вокруг аквапланa, она кружила по внутренней орбите, все время держась между ним и Джонни.

Вот он остановился, выставил голову чуть ли не на два метра над водой и через спину Снежинки посмотрел прямо на Джонни. В этих глазах светились голод, ум и жестокость — так, по крайней мере, представилось взволнованному Джон-

ни,— и уж, во всяком случае, в них не было и намека на дружелюбие. Кроме того, самец неотвратимо приближался по пологой спирали к аквапланy; через несколько минут он прижмет к нему Снежинку.

Однако Снежинка мало считалась с его замыслами. Когда он оказался уже в трех метрах от Джонни, заслонив собой весь мир, она вдруг бросилась на него и резко толкнула в бок. Джонни хорошо расслышал звук, отдавшийся под водой. Таким ударом свободно можно проломить борт лодки!

Приятель Снежинки понял легкий намек и, к неописуемому облегчению Джонни, отплыл подальше. Метрах в пятнадцати от аквапланa между этой парочкой снова возникли разногласия, в результате которых последовала новая затрещина. Тем дело и кончилось. Через несколько минут Снежинка и ее поклонник, держа курс прямо на север, исчезли из виду. Провожая их взглядом, Джонни подумал, что вот сейчас, на его глазах, свирепое чудовище стало покорным мужем, находящимся, как говорится, под башмаком у жены. Она попросту запретила ему закусить немножко между завтраком и обедом. «Закуска», о которой шла речь, почувствовала горячую благодарность к Снежинке.

Долго еще Джонни неподвижно сидел на аквапланe, пытаясь унять нервный озноб. Он был испуган, как никогда в своей жизни. И даже не стыдился этого — было чего испугаться! Наконец он перестал то и дело оглядываться через плечо: ожидая опасности сзади, он снова обрел способность здраво рассуждать. И первым вопросом было: «Где Сузи и Спутник?»

Не видать и следа. Впрочем, это не удивляло Джонни. Дельфины, без сомнения, обнаружили косаток и разумно держались в стороне. Даже если они доверяли Снежинке, у них хватило сообразительности не приближаться к ее другу.

Неужели страх заставил их совсем уплыть или — какая ужасная мысль! — их проглотили косатки? Если они не вер-

нутся, Джонни конец! Ведь до берега Австралии уж никак не меньше сорока миль.

Он боялся снова нажать клавишу вызова. Могли вернуться косатки, а Джонни ни за что не хотелось опять пережить все сначала, даже при условии счастливого конца. Оставалось сидеть и ждать, не покажется ли где вдали спинной плавник нормальных размеров — не больше тридцати сантиметров высотой.

Протекли еще пятнадцать бесконечных минут. И вот с юга показались Спутник и Сузи. Они, верно, пережидали, пока минет гроза. Встреча с дельфинами принесла Джонни больше радости, чем свидание с любым из людей. Соскользнув с упряжью в воду, он похлопывал их по спинам, осыпал всяческими ласками, которые они так любили, и без конца говорил с ними, как будто они могли его понять. Впрочем, дельфины и вправду понимали его. Хоть они знали всего несколько английских слов, зато прекрасно чувствовали интонации голоса Джонни. Они всегда различали, доволен он или рассержен, а сейчас, без сомнения, полностью разделяли с ним радость миновавшей угрозы.

Джонни застегнул пряжки на сбруе Спутника, проверил, свободны ли дыхало и плавники, потом взобрался на акваплан. Как только он поудобнее улегся на животе и установил равновесие, Спутник тронулся с места.

Но двинулся он не к западу — в сторону Австралии, а направился к югу.

— Эй! — воскликнул Джонни.— Ты куда?

И тут же, вспомнив о косатках, сообразил, что в конечном счете это неплохая идея. Он не станет мешать Спутнику делать по-своему. Посмотрим, что из этого выйдет.

Они неслись быстро, быстрее, чем когда-нибудь доводилось Джонни на акваплане. Трудно, конечно, определить скорость, находясь так низко над водой, но Джонни не удивился бы, узнав, что они делают пятнадцать узлов. Спутник

выдерживал такую скорость минут двадцать. Потом, как и предполагал Джонни, они повернули на запад, оправдав его надежды. Теперь не понадобится особого везения, чтобы беспрепятственно достигнуть Австралии.

Время от времени Джонни все же оглядывался, чтобы проверить, не преследуют ли их, но монотонной пустоты оставшегося за ними пространства ни разу не взбороздил высокий спинной плавник.

Только однажды в нескольких сотнях метров от них из воды вдруг выскочил большой скат — морской дьявол. Он повис на мгновение в воздухе, как гигантская летучая мышь, а потом плюхнулся обратно с таким шумом, что его, вероятно, можно было бы услышать за несколько миль. И во всю вторую половину пути это было единственное проявление жизни, которой был полон океан.

Ближе к полудню Спутник замедлил ход, но продолжал добросовестно тянуть аквапланы. Джонни не хотел делать больше остановок, пока не покажется берег; тогда он снова запряжет Сузи — к этому времени она хорошо отдохнет. Если его расчеты верны, до берега Австралии остается не более десяти миль и он вот-вот покажется.

Джонни вспомнил, как впервые увидел Остров Дельфинов, тогда все было похоже на сегодняшний день и в то же время совсем не похоже. Остров напоминал маленькое облачко у горизонта, трепетавшее в мареве. Теперь Джонни приближался не к острову, а к обширному материку, береговая линия которого протянулась на тысячи километров. Даже самый плохой штурман едва ли миновал бы такую цель, а у Джонни их было два, и притом великолепных. Тревожиться нечего, но его начинало одолевать нетерпение.

Берег открылся перед ним, когда необычайно высокая волна приподняла аквапланы. Аквапланы на миг замер на гребне, и Джонни, невольно посмотрев вдаль, увидел белую линию, доходившую до самого горизонта.

У него перехватило дыхание, кровь прилила к щекам. Всего час или два пути отделяют его от берега, где он найдет безопасность для себя и помощь для профессора. Его долгое путешествие по океану с дельфинами в упряжке подходило к концу.

Минут тридцать спустя большая волна дала ему возможность лучше разглядеть берег, лежавший впереди. И тут он понял, что море еще не кончило играть с ним; самое тяжелое испытание было впереди.

Ураган отбушевал два дня назад, но море все еще помнило его. По мере приближения к берегу Джонни стал различать отдельные деревья, дома и бледно-синие вершины холмов в глубине материка. Но он увидел также и огромные волны впереди. Не только увидел, а и услышал. Воздух был наполнен их громом; вдоль всего побережья, с севера на юг к суше неслись целые горы с белыми шапками пены. В трех сотнях метров от суши они ударялись о подводный уступ. Подобно человеку, который спотыкается и чуть не падает, они набирали скорость, опрокидывались на берег и, набежав на него, оставляли за собой клубящиеся облака пены. Джонни тщетно искал какой-нибудь проход в этих живых гремящих стенах воды. Но насколько он мог судить — привстав на аквапане, он охватывал взглядом несколько километров побережья,— полоса прибоя повсюду была одинаковой. Можно, конечно, попробовать поискать какую-нибудь защищенную бухту или речное устье, где высадиться будет безопаснее. Нет, лучше идти напролом да побыстрее, пока его не покинула решимость.

Джонни знал об одном виде спорта — катании на волнах, серфинге. Но никогда до сих пор он не пробовал этим заниматься. На Острове Дельфинов плоское коралловое плато близко подходило к берегу, там не было пологого дна, по которому разгоняются волны, набегая на берег. Там кататься было негде. Но Мик часто с энтузиазмом объяснял ему

технику серфинга, или, как он говорил, «ловли волны». Как будто не такое уж это сложное дело. Нужно продержаться какое-то время в том месте, где волны начинают загибать гребни, перед тем как рассыпаться, выбрать волну повыше и грести словно бешеному. А потом, несясь на гребне, надо только держаться за доску покрепче и молиться, чтоб тебя не сбросило. Остальное сделает волна.

Вроде бы совсем просто, но сумеет ли он? Джонни вспомнил глупую шутку: «Умеешь играть на скрипке? — Не знаю, никогда не пробовал». Здесь-то неудача может быть куда серьезнее, чем несколько фальшивых нот.

В полумиле от суши он подал Сузи сигнал остановиться и отстегнул ее упряжь. Затем с сожалением обрезал постромки, прикрепленные к акваплану; ни к чему им путаться вокруг, когда он станет штурмовать полосу прибоя. Упряжь стоила ему немалых трудов, и ужасно не хотелось ее выбрасывать. Но он помнил слова профессора Казана: «Оборудование всегда можно заменить». Упряжь таит опасность, и ею придется пожертвовать.

Оба дельфина продолжали плыть рядом, пока он двигался к берегу, подталкивая акваплан ногами в ластах, но теперь они уже не могли ему помочь. Джонни подумал, что даже эти замечательные пловцы едва ли уцелеют в кипящем водовороте, который ждал его впереди. Море часто выбрасывало дельфинов на такие вот берега, и он не хотел подвергать Сузи и Спутника опасности.

Участок, к которому он приближался, показался Джонни приемлемым для высадки. Здесь буруны пенились почти параллельно берегу, не было и отраженных волн, вызывающих завихрения. К тому же на берегу маячили люди, следившие за полосой прибоя с верхушек невысоких песчаных дюн. Может, эти люди уже заметили его; в случае чего они помогут ему выбраться на берег.

Он поднялся и замахал руками, хотя на такой зыбкой опоре, как акваплан, это было делом нелегким. Да, они замети-

ли! Маленькие фигурки вдруг пришли в движение, вытянули руки, указывая друг другу на него.

Но тут Джонни разглядел кое-что, не доставившее ему удовольствия. Там, на берегу, была по крайней мере дюжина досок для серфинга. Некоторые из них покоятся на автоприцепах, другие воткнуты в песок. Столько штук на суше и ни одной в море! Мик достаточно часто говорил ему, и Джонни это запомнил, что австралийцы — лучшие в мире пловцы, безразлично — с плавательными досками или без них. Вон они стоят и терпеливо ждут доброго часа, приготовив снаряжение. Но ближе не идут, понимают, что при таком волнении лучше не соваться. Подобное зрелище отнюдь не вдохновляло человека, собирающегося впервые преодолеть полосу прибоя.

Он медленно греб, все отчетливее слыша нарастающий рев впереди. До сих пор волны, обгонявшие его, чередовались равномерно, их верхушки были сглажены, но вот их гребни побелели. Всего лишь в сотне метров впереди водяные валы начинали загибаться и с громом обрушивались на берег. Но здесь, на ничейной земле, между бурунами и открытым морем, он находился еще в безопасности. Где-то в двух или четырех метрах под ним волны, беспрепятственно прошедшие по океану тысячи миль, вдруг чувствовали, как их притягивает, тащит к себе суша. Еще несколько секунд они жили, а потом прощались с жизнью, с шумом разбиваясь о берег.

Некоторое время Джонни поднимался и опускался у внешнего края белой пенной полосы, пристально следя за волнами, запоминая места, где они начинали разбиваться, ощущая их мощь, но не поддаваясь ей. Раз или два он чуть не ринулся вперед, но инстинкт или осторожность удержали его. Он знал — глаза и уши прямо говорили ему об этом,— что рискнуть можно только один раз.

Люди на берегу тревожились все больше. Они махали ему руками, показывая на море. Куда это они его посылают?

Обратно, в океан? Джонни нашел этот совет глупым. Но тут же сообразил, что они хотят помочь ему — предостерегают от волн, которые ловить не следует. А раз, когда он уже собрался грести, далекие наблюдатели призывно замахали, чтоб он шел вперед, но в последний миг мужество покинуло Джонни. Проследив, как упущенная им волна ровно накатила свою пену на берег, он понял, что нужно было следовать их совету. Они знатоки, прекрасно изучили свой берег. В следующий раз он поступит, как они велят.

Он направил акваплан точно на берег, а сам, оглядываясь через плечо, следил за бегущими волнами. Одна волна, едва поднявшись из моря, начала свертывать свой гребень, и белая пена закипела на нем.

Джонни бросил беглый взгляд на берег — танцующие фигурки отчаянно жестикулировали, приказывая грести вперед. Настал его час.

И он стал грести изо всех сил, думая лишь о том, как выжать из аквaплана всю скорость, на какую тот способен. Но акваплан повиновался неохотно, и Джонни казалось, что он едва ползет. Оглянуться Джонни не решался, но знал, что вздымающаяся волна нагоняет его,— слышал, как с каждой секундой нарастал, приближаясь, ее рев.

Наконец волна подхватила акваплан, и его отчаянные попытки грести оказались жалкими и совершенно ненужными. Он находился во власти неодолимой силы, такой мощной, что его ничтожные усилия не могли ни помочь, ни помешать ей. Оставалось только подчиниться этой силе.

Джонни охватило вдруг чувство удивительного покоя; акваплан сделался устойчивым, как будто катился по рельсам. И хотя это, несомненно, было иллюзией, ему даже показалось, что наступила тишина, а шум и грохот остались позади. Единственной реальностью, воспринимаемой им, была пена, шипевшая вокруг него, накрывавшая его с головой, слепившая ему глаза.

Джонни был как всадник, которого несет без седла и узды пойманный им конь, а грива хлещет ему в лицо, и он ничего не видит перед собой.

Аквапланоказался построенным на славу, а чувство равновесия у Джонни всегда было отличным, и он все время удерживался на гребне волны. Он инстинктивно отклонялся назад и вперед на какой-нибудь сантиметр, а то и меньше, регулируя центр тяжести и сохраняя вместе с аквапланом горизонтальное положение. Вскоре он снова начал видеть — пена покрывала его теперь только до пояса; голова и плечи освободились от свистящих летучих брызг, и лишь ветер дул ему в лицо.

Это было неудивительно, ведь он несся со скоростью не меньше тридцати — сорока миль в час. Даже Сузи или Спутник, даже сама Снежинка не могли бы развить такую скорость. Он балансировал на гребне волны столь огромной, что не поверил бы прежде, что такие бывают; когда он взглядывал вниз, в изножие волны, у него кружилась голова.

До берега оставалась какая-нибудь сотня метров, и волна начала переворачиваться, перед тем как разбиться вдребезги. Джонни знал, что это самый опасный момент. Если волна накроет его сейчас, она грохнет его о дно.

Он почувствовал, что аквапланпод ним начинает качаться и зарываться носом. Сейчас он ринется вниз с этой головокружительной высоты, и с Джонни будет покончено. Волна, которую он оседлал, была более могучей и опасной, чем любое морское чудовище. Если не удастся замедлить бег аквапланa, он слетит под обрыв водяной скалы, а нависающая толща волны будет расти и расти, пока наконец вся не обрушится на него.

Очень осторожно он переместил тяжесть своего тела назад. Нос аквапланa медленно поднялся. Но Джонни не осмеливался отодвинуться еще дальше, он знал, что может соскользнуть с плеч этой волны и тогда следующая сотрет его в порошок. Ему нужно было поддерживать полное, хотя и

шаткое, равновесие на самой вершине этой горы пены и ярости.

И вот гора под ним начала опускаться, и он опускался вместе с ней, по-прежнему балансируя на акваплане. Волна становилась более пологой, превратилась сначала в холм, а потом в холмик движущейся пены: противодействие берега лишило ее силы. Акваплан еще продолжал стремиться вперед сквозь теперь уже бесцельное кипение.

Он летел к берегу, как стрела, увлекаемый силой собственной инерции. Внезапный толчок, медленное змеиное скольжение — и Джонни увидел перед собой уже не зыбкую воду, а неподвижный песок.

Сильные руки сейчас же подхватили его и поставили на ноги. Кругом раздавались голоса, но он все еще был оглушен ревом моря и улавливал только отдельные фразы: «Сумасшедший молодой дурак!», «Повезло, что жив остался!», «Это не из наших ребят!»

— Со мной все в порядке,— пробормотал Джонни.

Освободившись от поддерживавших его рук, он повернулся к морю, чтобы посмотреть, не видно ли где-нибудь за чертой бурунов Спутника и Сузи. Но сейчас же забыл о них, потому что то, что он увидел, потрясло его.

Глядя на громады волн, которые, бурля и дымясь, неслись к нему, он осознал, через что прошел. Никто не мог бы пройти через такое дважды! Ему выпала большая удача. Он уцелел.

Нервы сдали. Ноги у Джонни подкосились, и он возблагодарил судьбу за то, что мог сесть и уцепиться двумя руками за твердую гостеприимную австралийскую землю.

— Можете войти,— сказала сестра Тесси,— но помните, только на пять минут. Он еще не окреп и не успел отдохнуть от предыдущего посетителя.

Джонни знал все это. Два дня назад на остров высадилась миссис Казан. «Вроде отряда казаков»,— сказал кто-то. И право, это было лишь небольшим преувеличением. Она предприняла энергичные попытки утащить профессора в Москву для лечения, и потребовались вся решимость Тесси и все коварство профессора, чтобы противостоять ей. Однако угроза поражения по-прежнему висела над ними. Одержать победу помог врач, ежедневно прилетавший с материка. Он строго-настрого запретил перевозить больного, по крайней мере еще неделю. Поэтому миссис Казан отбыла в Сидней. Ей хотелось поглядеть, что может предложить Австралия по части культуры, а теперь это было очень многое. Она уехала, обещав вернуться ровно через неделю.

Джонни на цыпочках вошел в палату. Он с трудом разглядел профессора Казана, который лежал в постели, зарывшись в книги, и даже не заметил, что к нему пришли. Пожалуй, только через минуту профессор обратил внимание на посетителя. Он поспешно положил книгу, которую читал, и протянул ему руку.

— Я так рад видеть тебя, Джонни, спасибо за все. Ты сильно рисковал.

Джонни не отнекивался. Риск был куда большим, чем он предполагал, покидая Остров Дельфинов неделю тому

назад. Если бы он знал, то, может быть... Но он это сделал, а все остальное не имело значения.

— Я рад, что поехал,— ответил он просто.

— И я тоже,— сказал профессор.— Сестра говорит, что вертолет Красного Креста чуть не опоздал.

Наступило долгое неловкое молчание. Затем профессор Казан снова заговорил, уже не так серьезно:

— Как тебе понравились квинслендцы?

— Чудесные люди! Они долго не хотели верить, что я приплыл с Острова Дельфинов.

— Меня это не удивляет,— сказал профессор.— Чем ты там занимался?

— Не помню уж, в скольких радио- и телепередачах мне пришлось выступать — все это мне порядком надоело. Самое лучшее было носиться по бурунам. Когда море успокоилось, они взяли меня с собой и обучили всем своим штукам. Теперь,— добавил он с гордостью,— я являюсь пожизненным почетным членом Квинслендского клуба любителей серфинга.

— Прекрасно,— несколько рассеянно ответил профессор.

Джонни понял — он что-то задумал. Так оно и было.

— Вот что, Джонни,— сказал профессор,— все эти дни, пока я лежал здесь, у меня было достаточно времени на размышления. И я принял целый ряд решений.

Это звучало довольно зловеще, и Джонни с беспокойством подумал о том, что его ждет.

— В особенности,— продолжал профессор,— тревожит меня твое будущее. Тебе уже семнадцать, и пора посмотреть вперед.

— Вы же знаете, профессор, что я хочу жить здесь,— сказал, сразу расстроившись, Джонни.— Все мои друзья на острове.

— Знаю. Но остается нерешенной важная проблема — твое образование. ОСКАР может помочь тебе пройти лишь часть пути. Если хочешь приносить пользу, тебе придется из-

брать специальность и развивать все способности, которые тебе отпущены. Ты со мной не согласен?

— Должно быть, вы правы,— ответил Джонни без энтузиазма. «Куда это профессор гнет?» — подумал он.

— Я предлагаю,— сказал профессор,— чтобы со следующего семестра ты поступил в Квинслендский университет. Не расстраивайся, это же не другой конец света. Брисбен всего лишь в часе пути отсюда, и ты можешь прилетать каждую субботу. Нельзя же провести всю свою жизнь, занимаясь легководолазным спортом в окрестностях рифа!

Джонни подумал, что он не прочь жить именно так, но в глубине души понимал, что профессор прав.

— У тебя уже есть некоторые навыки и тяга к нашему делу. А это нам очень нужно,— сказал профессор Казан.— Но тебе все еще не хватает дисциплины и знаний — то и другое ты приобретешь в университете. Тогда ты сможешь по-настоящему помочь в осуществлении моих планов на будущее.

— Каких планов? — спросил Джонни, уже не так горестно, как только что.

— Да ведь ты знаешь о них. Все они сводятся к одному: сотрудничество людей и дельфинов к выгоде обеих сторон. За последние месяцы мы установили, что многое можем делать сообща, но это только самое начало. Рыболовство, добыча жемчуга, спасательные операции, патрулирование побережья, осмотр потерпевших крушение судов, водный спорт — о, есть сотни дел, в которых дельфины могут нам помочь! А существуют еще вещи куда более значительные...

Профессор Казан чуть не проговорился о космическом корабле, затонувшем в доисторические времена. Но удержался, они с Кейтом решили никому не говорить об этом, пока не получат более достоверных сведений. Это была козырная карта, и сыграть ею следовало только в подходящий момент. Когда он почувствует нехватку средств, он ознакомит Управление космических исследований с этим образцом дельфиньей мифологии и будет ждать притока долларов...

Голос Джонни вернул его к действительности:

— А что будет с косатками, профессор?

— Это проблема будущего. Так просто ответить на твой вопрос сейчас нельзя. Воспитание электричеством — только одно из орудий, к которым нам придется прибегнуть, когда мы разработаем наилучшую линию поведения по отношению к косаткам. Но мне кажется, что я уже знаю окончательное решение.

Он указал на низенький столик у противоположной стены палаты.

— Принеси этот глобус, Джонни.

Джонни принес большой земной глобус, и профессор стал вертеть его вокруг оси.

— Смотри сюда,— сказал он.— Я подумываю о заповедниках: «Только для дельфинов, косаткам вход воспрещен». Очевидно, начинать надо со Средиземного и Красного морей. Понадобится только стомильная перегородка, чтобы отделить эти моря от океанов и сделать безопасными для дельфинов.

— Перегородка? — недоверчиво спросил Джонни.

Профессор довольно усмехнулся. Несмотря на предупреждение сестры, он был способен проговорить несколько часов подряд.

— О, я имею в виду не проволочную сетку или какой-нибудь прочный барьер. Но когда мы достаточно изучим язык косаток, оркан, мы сможем использовать подводные звукоизлучатели. Пусть себе пасутся, не суясь, куда не надо! Несколько излучателей в Гибралтарском проливе, несколько других в Аденском заливе — и в обоих морях дельфины будут жить припеваючи. А позднее нам, может быть, удастся отгородить Тихий океан от Атлантического, отдав один из них дельфинам, а другой косаткам. Видишь, от мыса Горн недалеко до Антарктики, управиться с Беринговым проливом легко. Трудно перегородить только пространство к югу от Австралии. Китобои давно уже о таком мечтают, и рано или поздно придется приступить к делу.

Профессор улыбнулся, заметив изумление на лице Джонни, и как бы вернулся на землю.

— Если тебе показалось, что половина моих идей безумна, ты не ошибся. Но неизвестно, какая половина, именно это и предстоит выяснить. Теперь ты понимаешь, почему я хочу, чтобы ты шел в университет? Я действую столько же из собственных эгоистических соображений, сколько ради твоей пользы.

Джонни кивнул в ответ, но не успел ничего сказать, так как дверь открылась.

— Я предупреждала — пять минут, а вы разговариваете уже больше десяти,— заворчала сестра Тесси.— Уходи сейчас же. А вам я принесла молоко.

Профессор Казан произнес несколько слов по-русски; тон их не оставлял сомнений, что молоко ему явно не по вкусу. И все же он начал его пить, а Джонни в глубокой задумчивости вышел из палаты.

Он спустился к берегу по узкой тропе, вившейся среди леса. Сваленные ветром деревья убрали, и ураган казался страшным сном, которого не было и не могло быть наяву.

Начался прилив, вода поднялась над рифом на шестьдесят — девяносто сантиметров. Дул легкий бриз и причудливо играл с поверхностью воды. Местами она оставалась неподвижной, маслянистой, спокойной как зеркало. Местами ее испещряли миллиарды непрерывно менявших очертания маленьких трещин, блестевших и сверкавших как бриллианты под солнечными лучами.

В это утро риф был чарующе красивым и мирным, последний год он заменял Джонни весь свет. Но теперь юношу влек иной, широкий мир, с неоглядным горизонтом.

Предстоящие ему годы учения больше не казались тягостными. Его ждет нелегкий труд, но зато и много радости. Ему надо столько узнать о море.

И о морском народе, с которым он подружился.

Если вы дочитали книгу до этого места, я думаю, вам захочется узнать, в какой мере она основана на фактах, а в какой представляет собой чистый вымысел.

Амфибия, описанная в начальных главах, разумеется, еще не создана, однако первые коммерческие суда этого типа (VA-3 и SRN-2) действуют в настоящее время в Великобритании. Вполне возможно, что лет через пятьдесят подобные суда на воздушной подушке достигнут размеров «Санта-Анны». Суда же на подводных крыльях-лыжах, позволяющих им скользить по поверхности воды со скоростью пятьдесят миль в час, уже широко распространены в России и Европе. Некоторые из них, перевозящие по нескольку сот пассажиров, ходят по рекам СССР.

Все описания Большого Барьерного рифа, как его подводной, так и надводной части, полностью соответствуют фактам и основаны на моих собственных исследованиях. О них можно прочесть в моей книге «Коралловый берег». История Мэри Уотсон (глава тринадцатая) правдива вся, я не изменил в ней ни имен, ни дат. Однако эта трагедия разыгралась не на моем фантастическом Острове Дельфинов, а на Острове Ящериц, который лежит гораздо ближе к материку. Полностью эта история, вместе с дневником миссис Уотсон, которым я пользовался, приведена также в «Коралловом береге».

Являются ли дельфины настолько разумными, как я их изобразил? Это одна из самых увлекательных проблем со-

временной науки. Однако нет сомнений в том, что они действительно очень умны, имеют какой-то язык и чудесную систему звуколокации, которая позволяет им распознавать подводные препятствия и ловить рыбу в темноте. Если вы хотите узнать больше об этих прелестных животных, постарайтесь достать произведения Антони Олперса «Книга дельфинов» и доктора Джона Лилли «Человек и дельфин»*, откуда я почерпнул множество полезных сведений. Я хотел бы также выразить благодарность мистеру Ф. Г. Вуду — директору Маринленда** в Сент-Огастине, штат Флорида, который снабдил меня ценной информацией о поведении дельфинов.

Управление животными посредством электрических импульсов, воздействующих на их мозг (глава шестнадцатая), уже осуществлено на практике; это, в сущности, сделано еще в тридцатых годах XX века. Если вы хотите узнать больше об этом увлекательном (и довольно-таки страшном) предмете, обратитесь к статье «Управление поведением посредством электричества» в журнале «Сайентифик американ» за март 1962 года.

Описание подводного ультрафиолетового свечения (глава восемнадцатая) основано на моих собственных наблюдениях в Индийском океане, где я пользовался ультрафиолетовым излучателем, любезно предоставленным мне пионером исследований в этой области доктором Ричардом Г. Вулбриджем из лаборатории Трансспейс. Может быть, мне следует также заметить здесь, что я не рекомендую новичкам заниматься водолазным спортом ночью!

---

* Есть русский перевод (М., «Мир», 1965).

** Маринленд — опытная станция в США, где в специальных бассейнах ведутся наблюдения над дельфинами.

СВИДАНИЕ С РАМОЙ

Посвящается острову Шри-Ланка,
где я взошел по Лестнице богов.

Рано или поздно это должно было случиться. 30 июня 1908 года, задержись Тунгусский метеорит на три часа или приземлись он на четыре тысячи километров западнее — величины ничтожно малые в масштабах Вселенной,— могла бы пострадать Москва. 12 февраля 1947 года на волоске от гибели оказался другой русский город: второй великий метеорит XX века взорвался менее чем в четырехстах километрах от Владивостока, и этот взрыв по силе мог бы соперничать с только что изобретенной атомной бомбой.

В те дни у человечества просто не было средств оградить себя от космической бомбардировки, от выстрелов вслепую, некогда изувечивших поверхность Луны. Метеориты 1908 и 1947 годов упали на безлюдные, дикие места. Но к концу XXI столетия на Земле не осталось районов, которые можно было бы без опаски использовать как полигоны для небесной артиллерии. Человек расселился от полюса до полюса. И произошло неизбежное...

Лето 2077 года выдалось исключительно теплым и ласковым. Утром 11 сентября, в 9 часов 46 минут по Гринвичу, жители Европы поневоле обратили внимание на ослепительный огненный шар, появившийся на восточном небосклоне. За считаные секунды он затмил своим сиянием Солнце и, бесшумно перечеркнув небо, оставил за собой клубящийся дымный след.

© Перевод О. Битова.

Где-то над Австрией шар начал распадаться, и на Землю обрушились волны чудовищного грома. Более миллиона человек до конца дней своих не услышали уже ни звука — но этим еще повезло.

Со скоростью пятьдесят километров в секунду тысячи тонн железа и камня рухнули на равнины Северной Италии, уничтожив за несколько огненных мгновений труд тысячелетий. Города Падуя и Верона были стерты с лица земли, и последние из красот Венеции навеки ушли на дно морское — воды Адриатики с ревом хлынули в гигантскую вмятину.

Погибли шестьсот тысяч человек, общий материальный ущерб превысил триллион долларов. Но чем измерить невосполнимые потери, которые понесли искусство, история, наука и вообще весь род человеческий? За одно-единственное утро люди словно бы начали и проиграли страшную войну — лишь немногим послужили утешением изумительной красоты восходы и закаты, которые дала миру пыль катастрофы,— ничего подобного он не видел с 1883 года, с извержения Кракатау.

Едва прошел первый шок, человечество ответило на несчастье решительностью и сплоченностью, немыслимыми в иные, более ранние эпохи. Разумеется, катастрофа таких масштабов могла и не повториться или повториться через тысячи лет, но кто бы поручился, что завтра она не разразится вновь... Бедствия в следующий раз могли оказаться еще ужаснее.

И было решено, что «следующего раза» не будет.

Ведь еще столетием раньше, когда мир был куда беднее, а его ресурсы ограниченнее, народы не посчитались с затратами, стремясь уничтожить запасы оружия, достигшие самоубийственных размеров. Замысел этот тогда не увенчался полным успехом, но был накоплен определенный опыт. И теперь его использовали для еще более благородной цели, использовали с грандиозным размахом. Ни один метеорит, до-

статочно большой, чтобы стать опасным, впредь никогда не должен был пробить оборонительные рубежи землян.

Так зародилась система «Космический патруль». Спустя полвека она полностью оправдала себя. Оправдала весьма неожиданным образом, не предусмотренным ее конструкторами.

К 2130 году было открыто множество мелких астероидов: локаторы, базирующиеся на Марсе, засекали их буквально по десятку в день. Компьютеры Космического патруля автоматически вычисляли их орбиты и копили эти сведения в своей необъятной памяти на тот нечастый случай, если какой-нибудь фанатик-астроном поинтересуется итоговой статистикой. Статистика выглядела очень впечатляюще.

Самый крупный из астероидов, Церера, был обнаружен в первый день XXI века, и понадобилось больше ста двадцати лет, чтобы довести счет карликовых планет до тысячи. Сотни их открывали, тут же теряли, а затем находили заново; астероиды роились так густо, что один сердитый астроном обозвал их «паразитами небес». Его, наверное, потрясло бы, что Космический патруль ухитряется следить за каждым из полумиллиона астероидов.

Среди них только пять гигантов — Церера, Паллада, Юнона, Эвномия и Веста — превышали в поперечнике двести километров; подавляющее большинство астероидов составляли, в сущности, валуны-переростки, вполне уместные в каком-нибудь живописном парке. Почти все они двигались по орбитам, лежащим между Марсом и Юпитером; внимание Космического патруля привлекали лишь те, которые намного ближе к Солнцу и, следовательно, представляли собой потенциальную опасность. Но и среди таких едва ли один из тысячи хоть однажды за всю историю Солнечной системы

приближался к Земле на расстояние меньше миллиона километров.

Объект, внесенный в каталоги первоначально под номером 31/439 — год открытия плюс порядковый номер,— локаторы засекли еще за орбитой Юпитера. В самом его местонахождении не было ничего необычного: немало астероидов, прежде чем вернуться к своему повелителю — Солнцу, отдалились от него до Сатурна и даже за Сатурн. А Туле-II, самый дальний из всех, настолько близко подлетает к Урану, что, похоже, некогда являлся его луной.

Но засечь астероид на таком расстоянии до сих пор не удавалось; очевидно, номер 31/439 отличался огромными размерами. По силе отраженного сигнала компьютеры определили, что диаметр астероида составляет не менее сорока километров. Такого великана не открывали, наверное, добрую сотню лет, и оставалось только недоумевать, почему же никто не обнаружил его намного раньше.

Когда вычислили элементы орбиты нового астероида, загадка вроде бы разрешилась, однако на смену ей пришла другая, более существенная. Номер 31/439 вовсе не был обыкновенным астероидом, бегущим по эллиптической орбите и повторяющим ее с точностью часового механизма каждые несколько лет. Он оказался одиноким межзвездным скитальцем, посетившим Солнечную систему в первый и последний раз, и двигался так стремительно, что даже гравитационное поле Солнца не способно было взять его в плен. Пронзив орбиты Юпитера, Марса, Земли, Венеры и Меркурия и непрерывно набирая скорость, он должен был в конце концов обогнуть Солнце и вновь уйти в неведомое.

Тогда-то, закончив вычисления, компьютеры послали людям сигнал: «Внимание! Мы откопали для вас кое-что интересное», и номер 31/439 впервые привлек внимание человечества. Легкий шквал возбуждения в штабе Космического патруля — и межзвездного бродягу вместо заурядного номера удостоили имени собственного. Астрономы давно уже ис-

черпали как греческую, так и римскую мифологию и теперь принялись за индуистский пантеон. Номер 31/439 нарекли именем Рама.

Средства массовой информации подняли было шум вокруг небесного гостя, но через два-три дня вынужденно утихли — кричать оказалось не о чем. Все данные о Раме исчерпывались двумя параметрами — необычной орбитой и удивительными размерами. Но и размеры, вычисленные по силе отраженного радиосигнала, еще нельзя было считать окончательно установленными. В телескоп Рама по-прежнему казался слабенькой звездочкой пятнадцатой величины, о видимом диске не могло быть еще и речи. Но по мере того как он продвигался к центру Солнечной системы, величина и яркость должны были постепенно возрастать; прежде чем Рама скроется навсегда, орбитальные обсерватории сумеют составить более точное представление о его форме и размерах. А может статься — времени впереди еще достаточно,— какой-нибудь космический корабль, не отклоняясь от маршрута, приблизится к пришельцу настолько, чтобы сделать четкие фотографии. Специальное свидание с Рамой представлялось в высшей степени невероятным — слишком велики оказались бы энергетические затраты, ведь объект исследования пересекал орбиты планет со скоростью более ста тысяч километров в час.

И мир благополучно забыл о Раме — мир, но не астрономы. Напротив, их интерес к нему неуклонно обострялся: необычный астероид задавал им все новые загадки.

Прежде всего возник вопрос: почему яркость Рамы остается постоянной?

Всем известным астероидам, всем без исключения, свойственны определенные колебания яркости, то нарастающей, то слабеющей с периодом в несколько часов. Давным-давно было установлено, что эти колебания — неизбежное следствие вращения астероидов и их неправильной формы. Они кувыркаются по своим орбитам, и отражающие поверхности,

обращенные к Солнцу, непрерывно сменяют друг друга, соответственно изменяется и яркость.

Яркость Рамы оставалась постоянной. То ли этот астероид вообще не вращался, то ли имел идеально правильную форму. Оба этих явления выглядели одинаково неправдоподобно.

Разгадки пришлось ждать многие месяцы: большие, вынесенные в космос телескопы без устали всматривались в дальние глубины Вселенной и не могли отвлекаться на подобные пустяки. Орбитальная астрономия — удовольствие дорогое, время на крупных инструментах расписано по минутам, и каждая минута оценивается примерно в тысячу долларов. Доктор Уильям Стентон никогда не получил бы в свое распоряжение двухсотметровый рефлектор на обратной стороне Луны, если бы другая, много более важная программа не сорвалась из-за отказа какого-то грошового конденсатора. Беда, постигшая коллегу, обернулась для Стентона редкостной удачей.

Он, разумеется, и не догадывался о ней, пока на следующий день не обработал полученные данные с помощью компьютера. И даже увидев результаты на экране, он не сразу смог осознать их смысл.

Яркость солнечного света, отраженного Рамой, все-таки не была абсолютно постоянной! Прослеживались колебания — слабые, едва уловимые, но несомненные и, главное, регулярные колебания. Подобно всем другим астероидам, Рама вращался вокруг своей оси. Но если на обычном астероиде «сутки» продолжались несколько часов, Рама совершал полный оборот за четыре минуты.

Доктор Стентон тотчас же проделал примерный подсчет — результатам трудно было поверить. Скорость вращения этого крошечного мирка на экваторе превышала тысячу километров в час; всякая попытка совершить посадку где-либо, кроме полюсов, окончилась бы весьма плачевно. Центробежная сила на экваторе Рамы отбросила бы любое тело с ускорени-

ем, почти равным земному ускорению свободного падения. Космическая пыль — и та не могла удержаться на поверхности Рамы; удивительно, как подобное тело вообще ухитрилось сохранить себя в целости, не распавшись по пути на сотни миллионов осколков.

Объект диаметром сорок километров с периодом вращения вокруг оси, равным четырем минутам,— как, спрашивается, втиснуть такое чудище в астрономическую картину мира? Стентон был человек, не лишенный воображения, больше того, порою склонный к поспешным выводам. И он не замедлил сделать заключение, которое на какое-то время совершенно выбило его из колеи.

Единственным экспонатом небесного зверинца, соответствующим полученному описанию, оказывалась нейтронная звезда. А что, если Рама в самом деле представляет собой мертвое солнце, бешено вращающийся шар из сверхплотной материи, каждый кубический сантиметр которой весит миллионы тонн?..

В ту же секунду в распаленном воображении доктора Стентона вспыхнули картины, навеянные классическим уэллсовским рассказом «Звезда». Впервые он прочитал этот рассказ еще в детстве, и именно Уэллс пробудил в юном Стентоне интерес к астрономии. За два столетия рассказ ни на йоту не потерял своей впечатляющей и устрашающей силы. Стентон не мог забыть ураганы, исполинские приливные волны, проглоченные морем города, неисчислимые разрушения, вызванные уэллсовской звездой-гостьей, когда та, предварительно столкнувшись с Юпитером, пролетала мимо Земли в сторону Солнца. Правда, звезда, которую нарисовал старик Уэллс, была не холодной, а раскаленной добела. Но это вряд ли что-то меняло: полностью остывшее тело, светящее отраженным светом, способно убивать одним своим притяжением с такой же легкостью, как раскаленное — теплом.

Масса звездных размеров, вторгшаяся в Солнечную систему, неизбежно повлияет на орбиты планет. А ведь достаточ-

но Земле передвинуться на два-три миллиона километров ближе к Солнцу — или дальше от него,— как тонкий климатический баланс окажется безвозвратно нарушенным. Антарктическая ледовая шапка растает и затопит низменности и равнины или, того хуже, океаны замерзнут, и мир закоченеет в оковах вечной зимы. Чуть подтолкни Землю в любом из двух направлений — и готово...

Тут доктор Стентон наконец расслабился и вздохнул с облегчением. Все это чепуха; стыдитесь, доктор, стыдитесь!

Рама никак не может состоять из сверхплотной материи. Масса таких размеров не могла бы проникнуть так глубоко в Солнечную систему, не вызвав в ней беспорядка, который давным-давно выдал бы себя с головой. Дальние планеты наверняка отклонились бы от привычных орбит, а ведь именно возмущения в небесной механике привели к открытию Нептуна, Плутона и Персефоны. Положительно невозможно, чтобы никто не заметил возмущений, вызванных гигантской массой мертвого солнца.

И все-таки жаль, что это невозможно. Встреча с черной звездой стала бы для астрономов событием...

События были еще впереди.

Чрезвычайное заседание Космического консультативного совета было недолгим, но бурным. Даже в XXII столетии так и не сыскали способа отвадить консервативно настроенных ученых от ключевых административных постов. Надо думать, эта проблема принадлежит к числу психологически неразрешимых.

В довершение всех бед председателем совета в данный момент являлся отставной профессор Олаф Дэвидсон, знаменитый астрофизик. Профессор Дэвидсон не испытывал ни малейшего интереса к объектам, которые по размерам были меньше галактик, и не считал необходимым скрывать свои чувства. И хотя он вынужденно признавал, что девять десятых новых данных его наука получает теперь с помощью инструментов, вынесенных в космос, это обстоятельство его отнюдь не радовало. На протяжении долгой научной карьеры профессора по меньшей мере трижды случалось, что спутники, запущенные с целью доказать какую-нибудь из взлелеянных им теорий, не оставляли от нее камня на камне.

Вопрос, который надлежало решить сегодня, требовал однозначного ответа. Несомненно, Рама представляет собой необычный объект, но насколько важен этот объект для науки? Два-три месяца — и он скроется навсегда, потеряно уже слишком много времени. Другого шанса встретиться с чем-то подобным, вероятно, просто не будет.

Это обойдется ужасающе дорого — и тем не менее космический корабль, который планировалось запустить с Марса в межпланетное пространство за Нептуном, можно спешно

переоборудовать и послать на перехват Рамы. О сколько-нибудь длительном свидании, разумеется, говорить не приходилось — рассчитывать следовало лишь на аппаратуру записи: два тела разминутся со встречной скоростью двести тысяч километров в час. Продолжительность прямого наблюдения составит в лучшем случае пять минут, а длительность съемки крупным планом — менее секунды. Но при надлежащей наладке аппаратуры этого все же хватит на то, чтобы многое увидеть и многое понять.

Хотя профессор Дэвидсон исходил желчью при одном упоминании об экспедиции за Нептун, она была уже одобрена; теперь он не понимал, зачем швырять на ветер еще бóльшие средства. Профессор произнес пламенный монолог о том, что лишь безумцы могут охотиться за астероидами и что гораздо целесообразнее установить на Луне новый интерферометр с высокой разрешающей способностью и доказать раз и навсегда космологическую гипотезу Большого взрыва.

Это была роковая тактическая ошибка, поскольку трое из членов совета являлись пылкими сторонниками гипотезы устойчивой Вселенной. В душе они были совершенно согласны с профессором Дэвидсоном, что охота за астероидами — пустая трата денег, и однако...

Его возражения были отвергнуты большинством в один голос.

Три месяца спустя космический корабль, получивший новое имя «Сита»*, стартовал с Фобоса, спутника Марса. Полет продолжался семь недель, а аппаратура была включена на полную мощность лишь за пять минут до момента встречи. Одновременно были запущены ракеты с телекамерами, чтобы сфотографировать Раму сразу со всех сторон.

Первые же изображения, переданные с расстояния в десять тысяч километров, заставили человечество отложить в

* Сита — супруга Рамы, мифического царя государства Айодхьи, героя великой древнеиндийской поэмы «Рамаяна».

сторону все дела. На миллиардах телевизионных экранов появился крохотный тусклый цилиндрик, который с каждой секундой стремительно вырастал. Когда он увеличился вдвое, уже никто в целом мире не смел бы утверждать, что Рама имеет естественное происхождение.

Тело представляло собой цилиндр столь совершенной геометрической формы, словно его выточили на токарном станке — гигантском станке, бабки которого разнесены на пятьдесят километров. Оба торца цилиндра были совершенно плоскими, лишь в центре одного из них возвышалось какое-то небольшое сооружение; диаметр цилиндра был двадцать километров, но на расстоянии, пока не ощущался истинный масштаб, Рама до смешного напоминал заурядную стиральную машину.

Но вот цилиндр заполнил собою весь экран. Поверхность у него была тусклая, коричневато-серая, безжизненная, как у Луны, и лишенная каких бы то ни было ориентиров, кроме единственного. Примерно посредине большой оси боковую поверхность пятнал километровый темный мазок, будто что-то когда-то, многие века назад, ударилось и расплющилось о нее. Удар, по-видимому, не причинил Раме никакого вреда, но именно этот мазок вызывал те легкие колебания яркости, которые обнаружил Стентон.

Изображения, переданные другими камерами, не добавили к этой картине ничего нового. Однако траектории, прочерченные ракетами через собственное гравитационное поле Рамы, дали добавочную и притом важную информацию — позволили определить массу цилиндра.

Для монолитного цилиндра таких размеров масса оказалась чрезвычайно малой. Это уже никого не удивило: искусственное тело и должно быть полым.

Событие, на которое давно надеялись, которого давно опасались, наконец свершилось. Человечеству, видимо, предстояло принять первых гостей со звезд.

Капитан Нортон ясно помнил эти первые телевизионные передачи, тем более что сегодня перед посадкой много раз прокручивал их заново. Однако наяву создавалось впечатление, какого электронное изображение не в состоянии было передать: размеры Рамы просто ошеломляли.

Такого впечатления никогда не возникало при посадке на естественное небесное тело, на Луну или на Марс. То были миры, и вы заведомо понимали, что они велики. Однако Нортону доводилось садиться и на восьмом спутнике Юпитера, который был даже несколько больше Рамы и все же казался совсем, совсем маленьким.

Парадокс объяснялся просто. Сознание не могло смириться с фактом, что это искусственное сооружение, в миллионы раз более массивное, чем любая из космических станций, созданных человеком. Масса Рамы достигала как минимум десяти миллионов тонн; космонавту подобная цифра внушала не просто благоговение, но и самый настоящий страх. Неудивительно, что по мере того, как громада выпуклого вечного металла заполняла небо, капитан все острее ощущал собственную ничтожность и уныние.

Возникало также и чувство опасности, чувство совершенно непривычное. Какую из предыдущих посадок ни припомнить, Нортон всегда знал, что его ожидает; конечно, оставалась вероятность несчастного случая, но и только. Здесь, на Раме, несомненным было только одно — полнейшая неизвестность.

«Индевор» висел менее чем в тысяче метров над северным полюсом цилиндра, над центром вращающегося диска. Этот полюс выбрали потому, что он был освещен Солнцем; по металлической плоскости, что без устали кружилась под ними, размеренно бежали тени от невысоких загадочных сооружений вблизи оси. Северная поверхность Рамы выглядела как исполинские солнечные часы, отмеряющие его стремительные четырехминутные дни.

Как опустить корабль весом в пять тысяч тонн строго в центре вращающегося диска — эта задача капитана, в сущности, не смущала. Она не отличалась от посадки на оси большой космической станции. Вспомогательные двигатели уже раскрутили «Индевор» со скоростью, в точности соответствующей скорости вращения Рамы, и у Нортона были все основания верить, что лейтенант Джо Колверт посадит корабль мягко, как снежинку. Посадит независимо от того, поможет ему бортовой компьютер или нет.

— Через три минуты,— заметил Джо, не отрывая глаз от раскрывшейся внизу панорамы,— мы узнаем, не состоит ли Рама из антиматерии...

Перебрав в памяти самые жуткие из теорий происхождения Рамы, Нортон усмехнулся. Не похоже, чтобы эти чудовищные гипотезы имели под собой почву, но если имеют, то через три минуты в Солнечной системе грянет взрыв, равного которому не было с самого ее формирования. Полная аннигиляция десяти тысяч тонн массы на мгновение дала бы планетам второе солнце.

Вот почему в полетном задании была предусмотрена даже эта, пусть маловероятная, возможность: с безопасной дистанции в тысячу километров «Индевор» выстрелил в сторону Рамы реактивной струей. И ничего не произошло — цели достигло лишь разреженное облачко газов, а ведь даже миллиграммы материи, соединившись с антиматерией, вызвали бы внушительный фейерверк.

Космические капитаны — народ осторожный. Нортон долго и пристально вглядывался в северную плоскость Рамы, выбирая точку посадки. По зрелом размышлении, он решил отказаться от соблазна опуститься в самом центре, точно по оси. Там, на полюсе, располагалась ясно видимая круглая конструкция ста метров в диаметре, и у Нортона возникло сильное подозрение, что это внешний замок грандиозного входного шлюза. Должны же были существа, построившие этот пустотелый мир, каким-то образом проникать вместе со своим снаряжением внутрь. Для главного входа было бы наиболее логично избрать полюс и крайне неразумно — заблокировать парадную дверь собственным кораблем.

Но такое решение порождало другие проблемы. Достаточно при посадке отклониться от оси хотя бы на десяток метров — и быстрое вращение Рамы потащит «Индевор» прочь от полюса. Поначалу центробежная сила будет очень и очень мала, зато действовать она будет беспрерывно и неотвратимо. И капитану Нортону вовсе не улыбалось, что его корабль станет скользить по своей посадочной площадке, минута за минутой набирая скорость, пока не достигнет края диска и не вылетит в космос, словно из пращи, со скоростью тысяча километров в час.

Возможно, впрочем, что собственное гравитационное поле Рамы — порядка одной тысячной земной — все-таки удержит корабль на месте. Притяжение прижмет «Индевор» к поверхности с силой в несколько тонн, и, если эта поверхность шероховата, ничего не случится. Однако Нортон что-то не ощущал желания испытывать на себе гипотетическую силу трения; можно было полагаться лишь на вполне достоверную центробежную силу.

К счастью, ответ подсказали сами конструкторы Рамы. Вокруг полюса на равном расстоянии от оси были расположены три приплюснутых коробчатых возвышения, каждое метров по десять в поперечнике. Отсюда следовало, что «Инде-

вор» надо посадить между этими возвышениями — и та же центробежная сила придавит его к ним и удержит, как на привязи, словно судно, прибитое к пирсу морским приливом.

— Контакт через пятнадцать секунд,— предупредил Джо.

Лейтенант весь напрягся, склонившись к кнопкам ручного управления, хотя и не терял надежды, что трогать их не придется. Капитан Нортон сознавал величие момента: с той, отделенной от них полутора столетиями секунды, когда человек впервые достиг Луны, это, несомненно, была самая важная космическая посадка.

Серые коробчатые возвышения на контрольных экранах медленно перемещались вверх. Прощальный свист ракетных дюз, едва уловимый толчок.

На протяжении последних недель Нортон нередко размышлял о том, что он скажет в этот знаменательный миг. Но когда миг настал, история распорядилась за него, и он произнес почти автоматически, не отдавая себе отчета в том, что его слова прозвучали эхом из прошлого:

— Говорит Рама. «Индевор» сел*.

•

Еще месяц назад он и сам ни за что не поверил бы, что это возможно. Корабль шел своим обычным маршрутом, проверяя и устанавливая на астероидах предупредительные радиобакены, когда получил единственный в своем роде приказ. Оказалось, что во всей Солнечной системе просто нет другого корабля, кроме «Индевора», который успел бы нагнать Раму, прежде чем тот развернется вокруг Солнца и вновь устремится к звездам. Но и «Индевору» пришлось по дороге буквально ограбить трех разведчиков, приписанных к Службе Солнца, и те сейчас беспомощно дрейфовали в пространстве в ожидании танкеров-заправщиков. Нортон побаивался,

* Нортон, в сущности, повторяет слова, произнесенные Нейлом Армстронгом 20 июля 1969 года в момент, когда лунная кабина «Аполлона-11» коснулась поверхности Луны.

что теперь шкиперы «Калипсо», «Бигла» и «Челленджера»* не скоро начнут здороваться с ним снова.

И даже несмотря на дополнительное топливо, погоня выдалась долгой и трудной: незваный гость уже пересек орбиту Венеры, когда «Индевор» наконец настиг его. Ни один корабль никогда не сможет повторить этот маневр; привилегия, дарованная Нортону, была уникальной, и из оставшихся немногих недель ни единой минуты нельзя было потратить впустую. Тысячи ученых Земли с восторгом заложили бы собственную душу за право находиться рядом с ним, однако им оставалось лишь следить за происходящим по телевидению и, кусая губы, думать о том, насколько лучше они справились бы с этой миссией сами. Вероятно, они рассуждали правильно, но другого выхода не было. Неумолимые законы небесной механики продиктовали именно «Индевору» стать первым и последним пилотируемым кораблем землян, который когда-либо приблизился к Раме.

Конечно, Земля беспрестанно давала Нортону советы, однако это отнюдь не снимало с него ответственности. На то, чтобы принять решение, подчас отпускается лишь доля секунды — и тут рассчитывать было не на кого: запаздывание радиосообщений из Контрольного центра уже достигло десяти минут и неуклонно возрастало. Капитан частенько завидовал великим мореплавателям прошлого, не ведавшим электронной связи; вскрыв запечатанный приказ, они вольны были толковать его без назойливой опеки со стороны начальства. Если они ошиблись, об этом не знал никто.

И в то же время Нортон был рад возможности переложить груз некоторых решений на плечи Земли. Сейчас, когда орби-

* Все названия кораблей заимствованы из истории мореплавания. На барке «Индевор» Джеймс Кук в 1768–1771 годах совершил свое первое кругосветное путешествие. «Калипсо» — французское океанографическое судно, обслуживавшее экспедиции Жака-Ива Кусто. На корабле «Бигл» путешествовал вокруг света Чарлз Дарвин, а на пароходе «Челленджер» Джордж Нэрс в 1874 году пытался проникнуть к Южному полюсу.

та «Индевора» совпала с орбитой Рамы, они неслись к Солнцу как единое целое; через сорок дней, достигнув перигелия, они оказались бы в двадцати миллионах километров от светила. Двадцать миллионов — это слишком близко, и задолго до того «Индевору» придется, использовав оставшееся топливо, перейти на более безопасную орбиту. На исследования было отпущено от силы три недели, а затем они расстанутся с Рамой, расстанутся навсегда.

Ну а потом — потом они попадут в рабскую зависимость от Земли. «Индевор» станет фактически беспомощным, а его орбита будет такова, что он, в свою очередь, сможет долететь до звезд — приблизительно через пятьдесят тысяч лет. Но Центр заверил, что для беспокойства нет оснований: рано или поздно «Индевор» дозаправят. Дозаправят, не считаясь с расходами, даже если понадобится покинуть опорожненные до грамма танкеры на произвол судьбы. Цель — Рама — оправдывала любые средства, за исключением самоубийства.

И раз уж на то пошло, самоубийство тоже не исключалось. Нортон не питал иллюзий на этот счет. Впервые за добрую сотню лет в человеческие планы вторглась полная неопределенность. А это, как известно, вещь непереносимая ни для политиков, ни для ученых. Если за то, чтобы покончить с нею, надо платить, то «Индевор» и его экипаж — цена не столь уж высокая...

Вокруг стояла могильная тишина. А может, это и в самом деле была могила? Никаких радиосигналов ни на одной из мыслимых частот; никакой вибрации, заметной для сейсмографов, не считая микроколебаний, вызванных, без сомнения, действием солнечных лучей; никаких электрических полей; ни следа радиоактивности. На Раме царило почти зловещее спокойствие — даже на астероидах, казалось, бывает больше шума.

«А чего мы, собственно, ждали? — спросил себя Нортон.— Церемониальной встречи?..» Он и сам не понимал, разочаровало его это молчание или ободрило. Инициатива, во всяком случае, была в его руках.

Инструкция предписывала выждать двадцать четыре часа, а затем выйти на рекогносцировку. Никто из членов экипажа не спал толком в этот первый день; даже те, кто был свободен от вахты, все свое время проводили у приборов, без устали разглядывая на обзорных экранах застывший геометрический ландшафт. Всех мучил один и тот же вопрос: жив этот мир или мертв? Или просто уснул?..

В первую вылазку Нортон взял с собой только одного человека — капитан-лейтенанта Карла Мерсера, несговорчивого, но изобретательного специалиста по системам жизнеобеспечения. На первый раз он не собирался уходить далеко от корабля. И выводить сразу многих было незачем: если вдруг возникнут осложнения, это вряд ли поможет. Впрочем,

предосторожности ради два других члена экипажа, заранее надев скафандры, дежурили возле выходного люка.

Под действием притяжения и центробежной силы каждый человек «весил» пять — десять граммов; рассчитывать приходилось лишь на ранцевые двигатели. Нортон решил, что при первой же возможности натянет между кораблем и ближайшим возвышением страховочную сетку, чтобы не было нужды тратить на каждый шаг топливо.

«Коробочка» находилась в каком-то десятке метров от выходного люка, и Нортон первым делом проверил, не причинила ли посадка вреда «Индевору». Но нет — хоть корпус и прижимало к поверхности с силой в несколько тонн, нагрузка распределялась равномерно. У капитана отлегло от сердца, и он пустился в путь вокруг «коробочки», пытаясь разгадать ее предназначение.

И буквально через три-четыре метра он натолкнулся на разрыв в гладкой, вероятно металлической, стене. Сначала ему подумалось, что это какое-то диковинное украшение,— казалось, оно не служит никакой разумной цели. Шесть радиальных борозд, вернее пазов, глубоко врезанных в металл, а в них шесть перекрещивающихся планок, словно спицы колес без обода, и небольшая ступица в центре. Но каким же образом повернуть это колесо, если оно утоплено в стене?

И тут Нортон не на шутку разволновался, заметив на концах спиц специальные углубления, будто созданные для того, чтобы захватить их рукой (а может, клешней или щупальцем?). Если встать вот так, опершись о стену, и потянуть за спицу вот так...

Колесо легко и беззвучно выскользнуло из стены. К величайшему удивлению Нортона — в душе он был уверен, что любые движущиеся части здесь, в вакууме, давным-давно сплавились,— у него в руках оказался самый настоящий штурвал. Он мог бы вообразить себя капитаном старинного парусника, замершим на мостике у руля.

Оставалось только радоваться, что светофильтр не позволяет Мерсеру следить за выражением его лица.

Нортон был озадачен, больше того, сердит на себя. Быть может, он совершил первую ошибку; быть может, где-то внутри Рамы уже звучат тревожные сирены; быть может, его бездумный поступок привел в действие какой-нибудь непостижимый механизм?

Однако с «Индевора» сообщили, что не наблюдают никаких перемен: чувствительные приборы по-прежнему не улавливали ничего, кроме микрорасширения материалов и движений самого «Индевора».

— Ну что, шкипер, рискнем повернуть?..

Нортон еще раз припомнил данные ему инструкции: «Поступайте по своему усмотрению, но соблюдайте осторожность». Если каждый пустяк согласовывать с Центром, они не стронутся с места до скончания веков.

— Каков твой диагноз, Карл? — обратился он к Мерсеру.

— Полагаю, что это штурвал ручного управления воздушным шлюзом. Возможно, аварийная система на случай отказа электропривода. Надо думать, даже самая совершенная техника не может отказаться от предосторожностей такого рода...

«И система эта наверняка застрахована от непреднамеренных срывов,— добавил Нортон про себя.— Ею можно воспользоваться, только если это не опасно для Рамы в целом...»

Он взялся за две противоположные спицы, уперся прочнее ногами и попробовал повернуть колесо. Оно не шевельнулось.

— Ну-ка помоги,— попросил он Мерсера.

Теперь каждый из них ухватил по спице, но, даже напрягая все силы, они не стронули штурвал ни на волос.

Однако кто сказал, что стрелки часов и штопоры на Раме должны вращаться в ту же сторону, что и на Земле?

— Попробуем наоборот,— предложил Мерсер.

На этот раз сопротивления, в сущности, не было. Колесо легко описало полный круг, затем нагрузка постепенно стала возрастать.

В полуметре от людей стена «коробочки» пришла в движение и не спеша разверзлась, будто чья-то черная пасть. Вырвавшаяся изнутри струйка воздуха вынесла частички пыли, которые заискрились в солнечных лучах, словно алмазы.

Дорога в глубь Рамы была открыта.

Доктор Боуз не мог избавиться от мысли, что те, кто основал штаб-квартиру Организации Объединенных Планет на Луне, совершили серьезную ошибку. Это неизбежно привело к тому, что делегаты-земляне стремились господствовать на заседаниях подобно тому, как сама Земля господствовала над окружающим ландшафтом. Если уж обосновываться именно на Луне, то следовало бы предпочесть ее обратную сторону, куда не достигает гипнотическое свечение земного диска.

Но, разумеется, теперь менять что-либо слишком поздно, да и какую альтернативу он мог бы предложить? Нравится это дальним колониям или нет, но Земля и в культурном, и в экономическом отношениях останется сюзереном Солнечной системы на многие грядущие столетия...

Доктор Боуз и сам родился на Земле. На Марс он эмигрировал в тридцатилетнем возрасте и полагал, что способен рассматривать политическую ситуацию совершенно беспристрастно. Он знал, что ему больше не суждено вернуться на родную планету, хотя отсюда до нее лишь пять часов на ракетном пароме. В свои 115 лет Боуз отличался завидным здоровьем, однако реадаптироваться к силе тяжести втрое большей, чем та, к которой он привык на Марсе, уже не мог. Он был осужден на вечную разлуку с планетой-матерью; впрочем, это его не слишком удручало — Боуз не был сентиментален.

А вот что подчас приводило его в уныние, так это необходимость видеть одни и те же до отвращения знакомые лица. Чудеса медицины — вещь замечательная, и, конечно, он вовсе не желал повернуть колесо истории вспять, но за этим столом собрались люди, с которыми он работал бок о бок уже более полувека! Он заведомо знал, кто что скажет и как проголосует по любому конкретному поводу. А как хотелось бы, чтобы в один прекрасный день кто-нибудь выкинул хоть какой-нибудь фортель, пусть даже совершенно безумный!

И отнюдь не исключалось, что окружающих обуревают точно такие же чувства по отношению к нему, Боузу.

Специальный комитет ООП по проблемам Рамы был пока ещё столь невелик, что даже поддавался управлению; правда, никто не сомневался, что в самое ближайшее время с этим упущением будет покончено. Шесть коллег доктора Боуза — постоянные представители Меркурия, Земли, Луны, Ганимеда, Титана и Тритона — присутствовали на заседании во плоти. Им и не оставалось ничего другого: электронная дипломатия на межпланетных расстояниях оказывалась несостоятельной. Политические деятели постарше, привыкшие к мгновенной связи — на Земле ее давно воспринимали как нечто само собой разумеющееся,— так и не сумели примириться с фактом, что радиоволнам нужны минуты и даже часы на то, чтобы пересечь бездны, отделяющие планеты друг от друга. «Неужели вы не в силах ничего придумать?» — горько упрекали они ученых, обнаружив, что прямые собеседования между Землей и блудными ее детьми — колониями — неосуществимы. Исключение составляла лишь Луна — к полуторасекундной задержке радиосигнала еще можно было как-то приспособиться. Отсюда следовало, что Луна — и только она — навеки обречена оставаться пригородом Земли.

На заседание собственной персоной прибыли также трое кооптированных в комитет специалистов. Уже знакомый нам профессор Дэвидсон сегодня, казалось, усмирил свое необузданное «я». Доктор Боуз был не в курсе событий, предшество-

вавших запуску «Ситы», но коллеги профессора не могли допустить, чтобы тот запамятовал свой промах.

Доктор Тельма Прайс была известна Боузу по ее многочисленным телевизионным выступлениям: она прославилась еще пятьдесят лет назад, в эпоху взрыва археологических открытий, последовавшую за осушением гигантского подводного музея — бассейна Средиземного моря. Боуз до сих пор ясно помнил волнения тех дней, когда затерянные сокровища греческой, римской и десятка других культур оказались доступными для всеобщего обозрения. Это был один из немногих случаев, когда он пожалел, что живет на Марсе.

Вполне очевидными для всех были кандидатуры экзобиолога Карлайла Перера и Денниса Соломонса, который занимался историей науки. Но они пока не явились, зато — и это было не по душе Боузу — на заседании присутствовал Конрад Тейлор, знаменитый антрополог, который сделал себе имя на трудах, посвященных удивительным нравам Беверли-Хиллз* конца XX века.

Никто, наверное, не осмелился бы возражать против выдвижения в состав комитета сэра Льюиса Сэндса. Сэр Льюис был человек, чья ученость могла поспорить разве что с его же учтивостью; говорили, что он теряет самообладание только тогда, когда его называют Арнольдом Тойнби** своего времени.

Великий историк не почтил комитет личным присутствием: он упрямо отказывался покидать Землю даже по таким исключительным поводам, как данное заседание. Его стереоизображение, неотличимое от оригинала, в настоящий момент занимало кресло по правую руку от доктора Боуза; словно для того, чтобы довершить иллюзию, кто-то поставил перед лже-Сэндсом стакан воды. По мнению самого Боуза,

---

* Беверли-Хиллз — фешенебельный пригород Лос-Анджелеса, где живут, в частности, многие звезды Голливуда.

** Арнольд Тойнби (1852–1883) — английский буржуазный историк и экономист, исследователь эпохи «промышленной революции» XVIII века.

такого рода техническое трюкачество было явно бессмысленным, и оставалось только диву даваться, как люди, бесспорно выдающиеся, по-детски радуются возможности присутствовать в двух местах сразу. Иной раз эти электронные фокусы порождали комические ситуации: Боуз собственными глазами видел на одном из дипломатических приемов, как некто, пытаясь пройти сквозь стереограмму, слишком поздно обнаружил, что это вовсе не изображение, а живой человек. Но еще забавнее было наблюдать, как изображения подчас стараются пожать друг другу руки...

Тут доктор Боуз призвал свои разгулявшиеся мысли к порядку, откашлялся и начал:

— Считаю заседание открытым. Полагаю, что имею полное право заявить: здесь собрались выдающиеся представители человечества, чтобы обсудить ситуацию, беспрецедентную в его истории. Указания, данные нам генеральным секретарем Организации, обязывают нас оценивать создавшееся положение и проконсультировать капитана Нортона, если это окажется необходимым...

Эта речь явила собой образец очевидного для всех упрощенчества. Весьма сомнительно, что комитет когда-либо сможет вступить в прямой контакт с Нортоном, разве что при самых чрезвычайных обстоятельствах; возможно, что Нортон никогда и не узнает о существовании комитета. Комитет — всего лишь временный орган при научном отделе ООП, подотчетный директору отдела, а через него — генеральному секретарю. Конечно, Служба Солнца тоже подчиняется ООП, однако не научному, а оперативному ее отделу. Казалось бы, невелика разница; почему бы комитету по проблемам Рамы, да и кому угодно еще не связаться с капитаном Нортоном, если возникло желание дать ему толковый совет? Но все было не так-то просто...

Связь в глубоком космосе обходится баснословно дорого. Вызвать «Индевор» можно только через Планетком — автономную организацию, известную строгостью и категорич-

ностью своих правил. Чтобы добиться влияния на Планеткоме, понадобится время и время; кто-то когда-то, несомненно, позаботится об этом, но в настоящий момент жестокосердные компьютеры Планеткома не признают за новоявленным комитетом ровным счетом никаких прав.

— На плечи этого капитана Нортона,— заявил сэр Роберт Маккей, представитель Земли,— легла огромная ответственность. Что он за человек?

— Могу ответить на ваш вопрос,— откликнулся профессор Дэвидсон, пробежав пальцами по клавишам карманного информатора. Нахмурившись, он вгляделся в строчки, бегущие по экрану, потом бегло начал: — Уильям Тсайен Нортон родился в две тысячи семьдесят седьмом году в Брисбене, Океания. Образование получил в Сиднее, Бомбее, Хьюстоне. Затем прошел пятилетний курс в Астрограде, специализировался по двигателям. Произведен в офицеры в две тысячи сто втором году. Начал службу лейтенантом в третьей экспедиции на Персефону, отличился при пятнадцатой попытке основать базу на Венере... гм... послужной список образцовый... двойное гражданство, Земли и Марса... жена и ребенок в Брисбене, жена и двое детей в Порт-Лоуэлле, недавно получил новое разрешение на увеличение...

— Числа жен? — с самым невинным видом осведомился Тейлор.

— Детей, разумеется,— огрызнулся профессор, прежде чем уловил усмешку на лице оппонента.

По конференц-залу пронесся легкий шумок; впрочем, те, кто жил на перенаселенной Земле, скорее завидовали, чем забавлялись. Самые энергичные меры, предпринимаемые на протяжении целого столетия, все еще не давали ощутимых результатов: население собственно Земли по-прежнему значительно превышало десять миллиардов...

— ...назначен командиром разведывательного корабля «Индевор»,— продолжал Дэвидсон.— Совершил первый полет на отдаленные спутники Юпитера... гм, это была хитро-

умная затея... находился в поясе астероидов, когда получил приказ выполнить настоящее задание... сумел уложиться в предельно жесткий срок...

Профессор обвел взглядом коллег.

— Думаю, нам очень повезло. Ведь выбора не было, и на месте Нортона вполне мог оказаться самый заурядный флибустьер...

Прозвучало это так, словно профессор и впрямь представлял себе типичного космического капитана пиратом на деревянной ноге, с пистолетом в одной руке и абордажной саблей в другой.

— Приведенные данные говорят лишь о том, что Нортон — не новичок в своем деле,— возразил делегат Меркурия (население этой планеты составляло на текущий момент 112 500 человек, но быстро росло).— Однако как он поведет себя в ситуации совершенно беспрецедентной...

На Земле сэр Льюис Сэндс слегка кашлянул. Полторы секунды спустя он точно так же кашлянул на Луне.

— Не такая уж она беспрецедентная,— напомнил он меркурианину,— хотя последний прецедент имел место три столетия назад. Если создатели Рамы погибли или покинули его — а до сих пор все свидетельствует в пользу такого заключения,— то Нортон попадает в положение археолога, исследующего остатки исчезнувшей культуры.— Он учтиво поклонился в сторону Тельмы Прайс, и та кивком выразила свое согласие.— Напрашивается пример Шлимана, обнаружившего Трою, или Муо, первооткрывателя храма Ангкор-Ват*. Опасность минимальна, хотя полностью исключить возможность несчастного случая, к сожалению, нельзя...

— А как насчет ловушек и сюрпризов, о которых толкуют приверженцы «теории Пандоры»? — спросила доктора Прайс.

---

* Ангкор-Ват («Пагода столицы») — величественный памятник кхмерской культуры и архитектуры, построенный в XII веке, затем заброшенный и заново открытый французскими археологами в 1861 году.

— «Теория Пандоры»? — живо заинтересовался меркурианин.— А это что еще такое?

— Есть такие психопаты,— объяснил сэр Роберт несколько смущенно, что для дипломата было равносильно серьезному замешательству,— убежденные, что Рама представляет собой смертельную угрозу для человечества. Ящик, который нельзя раскрывать... Да вы, конечно, помните легенду...

На самом деле он весьма сомневался, что меркурианин вообще слышал о Пандоре: классическое образование на этой планете было не в чести.

— Параноики,— фыркнул Конрад Тейлор.— Предполагать, разумеется, можно все, что угодно, но зачем высокоразвитая цивилизация станет прибегать к ребяческим фокусам?

— Но даже если забыть о них,— продолжал сэр Роберт,— остается другая возможность, еще более неблагоприятная. Что, если Рама не бездействует, что, если он все-таки обитаем? Произойдет столкновение двух культур, двух разных уровней технического развития. Вспомните Писсаро и инков, коммодора Перри* и японцев, проникновение европейцев в Африку. Последствия почти неизбежно оказывались катастрофическими, во всяком случае для одной стороны. Я не готов выступить с рекомендациями, а лишь напомнил вам известные факты...

— Благодарю вас, сэр Роберт,— сказал доктор Боуз. «Что за досада,— добавил он про себя,— в таком малюсеньком комитете целых два "сэра": похоже, что в наши дни титулованными стали почти все англичане без исключения...» Вслух он произнес: — Уверен, что каждый из нас также размышлял об этой тревожной возможности. Но если существа, населяющие Раму, окажутся... как бы это сказать... недоброжелательными, то какая разница, что именно мы предпримем?

---

* Мэтью Колбрайт Перри (1794–1858) под угрозой оружия вынудил японское правительство подписать договор, открывший для американских судов японские порты.

— Если мы уберемся восвояси, они, может, и не обратят на нас внимания...

— Что? После того как совершили путь длиною в триллионы миль и тысячи лет?

Спор достиг своей исходной точки и пошел по замкнутому кругу. Доктор Боуз откинулся в кресле и, почти не вмешиваясь, ждал, пока стороны придут к соглашению.

Все произошло именно так, как он и предвидел. Члены комитета сошлись на том, что, поскольку капитан Нортон уже распахнул первую дверь, просто нелогичным будет не отворить и вторую.

Выдайся им когда-нибудь случай сравнить полученные от него видеограммы, хлопот у капитана сразу бы резко прибавилось. Но мысли такого рода Нортона не столько беспокоили, сколько забавляли. Он составлял одно длинное послание, снимал с него копию, в каждом случае добавляя в конце два-три ласковых слова, адресованных уже персонально, а затем передавал почти идентичные тексты соответственно на Землю и на Марс.

Да и с какой, собственно, стати будут его жены тратиться на сличение видеограмм? Даже по льготным тарифам, предусмотренным для семей космонавтов, это обошлось бы недешево. И главное, в этом просто не было смысла — семьи сохраняли друг с другом прекрасные отношения, по праздникам и дням рождения обменивались традиционными поздравлениями. Правда, лично жены никогда не встречались и, вероятно, никогда не встретятся, да это и к лучшему. Мирна родилась на Марсе и не вынесла бы тройного притяжения Земли, а Каролина терпеть не могла переездов, и даже 25 минут в ракете — предельная продолжительность путешествия в пределах Земли — выводили ее из себя.

— Извини, что на целые сутки запоздал с весточкой,— продиктовал капитан после нескольких общих вступительных фраз,— но, веришь ли, я не был у себя на корабле целых тридцать часов...

Не тревожься — все идет как надо, все хорошо. У нас ушло на это два дня, но мы уже почти миновали систему воздушных шлюзов. Конечно, если бы знать все то, что мы знаем теперь, с ней можно было бы справиться за пару часов. Но мы не имели права рисковать, а потому выслали вперед телекамеры с дистанционным управлением, по десять раз опробовали каждый шлюз, чтобы увериться, что он не захлопнется сам собой...

Каждый шлюз — это обыкновенный вращающийся цилиндр, имеющий в одном месте прорезь. Входишь в нее, поворачиваешь цилиндр вручную на сто восемьдесят градусов и, пожалуйста, выходи. Или, точнее, вплывай потихоньку.

Эти рамане, судя по всему, народ основательный: три цилиндрических шлюза следуют один за другим. Положительно не представляю, как может отказать даже один такой шлюз, разве что взрывчаткой его рвануть...

Последний, третий, шлюз открывается в туннель полукилометровой длины, удивляющий, как и все, что мы пока здесь видели, своей чистотой. Через каждые несколько шагов попадаются маленькие ниши; быть может, в них когда-то стояли осветительные приборы, но сейчас в коридоре темным-темно и, не побоюсь признаться, страшновато. Вдоль стен по всей длине туннеля тянутся параллельные щели шириной в сантиметр. Есть подозрение, что это направляющие для каких-нибудь тележек, чтобы перевозить снаряжение, а возможно, и людей. Если бы мы нашли тележки и сумели ими воспользоваться, то сэкономили бы бездну времени и сил...

Я уже говорил, что туннель тянется на полкилометра. Сейсмическое зондирование показало, что такова примерно толщина корпуса Рамы, значит, тоннель прорезает корпус насквозь. И мы не удивились, обнаружив в конце пути еще одну серию цилиндрических шлюзов.

Да-да, серию — один, и второй, и третий. Эти рамане, кажется, любую свою конструкцию повторяют трижды. Сейчас мы достигли последнего из этих шлюзов и ждем только

разрешения с Земли, чтобы миновать и его. От тайн Рамы нас отделяют сейчас лишь считаные метры. Поскорее бы получить с Земли добро — ожидание прямо-таки смерти подобно...

Ты ведь знакома с Джерри Кирчоффом, моим старшим помощником? Ну да, с тем самым, который собрал такую коллекцию древних книг на бумаге, что теперь никогда не сможет эмигрировать с Земли — вывезти эти книги никаких денег не хватит. Так вот, Джерри рассказал мне про очень похожий случай, который произошел в начале двадцать первого, нет, кажется, двадцатого века. Один археолог нашел усыпальницу фараона — первую, до которой не добрались грабители. Его землекопам понадобились месяцы на то, чтобы ярус за ярусом вскрыть ее, и вот наконец перед ними предстала еще одна стена, самая последняя. Пробив кладку, он сунул в дыру голову и руку с фонарем. И перед ним открылась комната, полная невероятных сокровищ, золота и драгоценностей...

Быть может, Рама — тоже гробница или что-то очень похожее на нее. До нас ни разу не донеслось ни малейшего звука, ни намека на какое-либо движение. Ну что ж, завтра мы все узнаем наверняка...

Капитан Нортон остановил записывающий аппарат. Что еще можно сказать, прежде чем диктовать заключительные фразы, разные для обеих семей? Обычно он не вдавался в подробности технического характера, но сегодня обстоятельства вряд ли можно было назвать обычными. Не исключено, что это последняя его видеограмма тем, кого он любил; Нортон чувствовал себя обязанным объяснить им, что он делает и зачем.

Когда они увидят его на экране и услышат его слова, он будет уже внутри Рамы. На радость это или на беду, но внутри.

Прежде Нортон никогда не ощущал своего родства с давно умершим египтологом. С тех пор как Говард Картер впервые заглянул в гробницу Тутанхамона, никому из людей не довелось пережить мгновения, подобного этому,— да и сравнение с Картером было до смешного примитивным.

Тутанхамона похоронили чуть ли не вчера — менее четырех тысяч лет назад; возраст Рамы мог оказаться почтеннее возраста самого человечества. Крошечная гробница из Долины фараонов затерялась бы в коридорах, которые они уже прошли, а впереди, за последним препятствием, лежало пространство, по крайней мере в миллион раз большее. А уж сокровища, которые, вероятно, поджидали их здесь, были просто невообразимы.

В эти решающие минуты прекратились всякие радиопереговоры; знающая свое дело команда и не нуждалась в изустных докладах, чтобы понять, что все проверки закончены. Мерсер лишь поднял руку в знак того, что все в порядке, и показал капитану на жерло последнего туннельчика. Люди, не сговариваясь, разом почувствовали, что этот исторический момент нельзя принижать болтовней по пустякам. Нортон засветил фонарь, включил ранцевый двигатель и медленно поплыл по короткому коридорчику, волоча за собой страховочный трос. Десять секунд — и вот он внутри.

Внутри чего? Впереди была глубочайшая тьма, не отражающая ни искорки света. Собственно, он того и ждал; ждал — и все-таки не верил. Все вычисления показывали, что проти-

воположная стена удалена от него на десятки километров; теперь его глаза подтверждали, что это действительно так. Он не спеша вплывал в эту тьму — и вдруг ощутил острое желание удостовериться в прочности страховочного троса, намного более острое, чем когда бы то ни было прежде, даже при первой вылазке. Ну не смешно ли: в полете он без содрогания мерил взглядом космические бездны, отчего же его приводят в смущение какие-то жалкие кубические километры пустоты?

Он все еще обсуждал с собой щекотливую проблему, когда закрепленный на тросе амортизатор прервал парение; сработал амортизатор мягко: Нортон почти не почувствовал отдачи. Он перестал тщетно вглядываться в ничто, лежащее впереди, и направил луч фонаря под ноги, туда, откуда только что взмыл.

Можно было подумать, что его подвесили над центром игрушечного кратера, который, в свою очередь, был лишь оспинкой у основания другого, несравненно большего. Во все стороны от этого большого кратера вздымались склоны и террасы геометрически правильной формы и, несомненно, искусственного происхождения; склоны и террасы чередовались, пока не исчезали во мраке. В сотне метров от себя Нортон заметил выходы двух других воздушных шлюзов, однотипных с тем, который они прошли.

И все. В том, что он видел, не было ничего слишком непривычного и чуждого — картина во многом напоминала заброшенный рудник. Нортон поневоле ощутил известное разочарование: затраченные усилия предполагали, что их ожидают здесь фантастические откровения, нечто драматическое и даже сверхъестественное. Он вынужден был напомнить себе, что в поле его зрения лишь считаные сотни метров; тьма, простирающаяся за ними, может таить в себе чудес куда больше, чем он в состоянии переварить. Кратко сообщив об этом своим изнывающим товарищам, он добавил:

— Запускаю осветительную ракету, вспышка через две минуты. Отсчет!..

Размахнувшись изо всех сил, он швырнул вверх — как можно дальше — маленький цилиндрик и, наблюдая за ракетой, быстро исчезающей из виду, начал отсчет. Не прошло и пятнадцати секунд, как ракета исчезла; досчитав до ста, он прикрыл глаза и одновременно поднял камеру. Его всегда отличало хорошо развитое чувство времени. Вот и на этот раз он ошибся всего на две секунды — окружающий мир взорвался светом.

Даже миллионов свечей, спрессованных в одной вспышке, не хватило на то, чтобы вырвать из тьмы всю глубину этой гигантской полости, и все же он успел увидеть достаточно, чтобы уяснить себе ее планировку и оценить по достоинству ёе титанический размах. Он находился в торце полого цилиндра как минимум десятикилометровой ширины и неопределенной длины. За один миг он увидел на изогнутых стенах столько, что разум не в состоянии был этого вместить; он как бы взглянул на целый мир при блеске молнии и усилием воли попытался запечатлеть его в своем сознании.

Насколько хватало глаз, террасированные склоны «кратера» поднимались вверх и вверх, пока не сливались со сплошной стеной, опоясывающей небо. Стоп — это ложное впечатление, надо отрешиться от представлений, воспитанных Землей и открытым космосом, и выработать для себя новую систему координат...

Он находится вовсе не на дне этого странного, вывернутого наизнанку мира, а, напротив, в его самой высокой точке. Любое направление ведет отсюда не вверх, а вниз. Стоит лишь отодвинуться от центральной оси в сторону вогнутой стены — нет, о ней нельзя больше думать как о стене,— и сила тяжести начнет понемногу возрастать. Добравшись до внутренней поверхности цилиндра, он сможет нормально стоять и ходить выпрямившись, и ноги его будут обращены к звездам, а голова — к центру этого исполинского вращающегося волчка. Сама идея достаточно ясна: еще на заре космонавтики центробежную силу использовали для имитации силы

тяжести. Ошеломляет, не укладывается в сознании лишь масштаб применения знакомой идеи. Крупнейшая из космических станций землян, «Синскэт-5», в диаметре не достигает и двухсот метров. Воистину требуется какое-то время, чтобы приноровиться к размаху, во сто раз большему...

Свернутый в трубку ландшафт, охвативший его со всех сторон, был испещрен пятнами света и тени, которые могли оказаться лесами, полями, замерзшими озерами и городами; значительность расстояния и быстрота, с которой угасала ракета, делали опознание практически невозможным. Узкие линии — не то дороги, не то каналы или выпрямленные реки — складывались в едва различимую, но геометрически правильную сеть, а дальше, на самой границе видимости, цилиндр опоясывала какая-то более темная полоса. Она очертила полный круг, охватывала кольцом интерьер этого мира, и Нортон вдруг припомнил миф об Океане, который, по верованиям древних, омывал диск Земли.

Быть может, здесь — наяву — существовало еще более странное море, не кольцевое, а цилиндрическое? Ведало ли оно, прежде чем застыть в межзвездной ночи, буруны, приливы, течения, волны? Населяли ли его рыбы?

Ракета догорела и погасла, миг откровения миновал. Но Нортон понимал: эта картина не изгладится теперь из его памяти до гробовой доски. Какие бы открытия ни ждали его впереди, они никогда не притупят первого впечатления. И история никогда не сможет оспорить тот факт, что ему первому из всего человечества выпала честь увидеть собственными глазами творения иной цивилизации.

— Мы запустили пять осветительных ракет, настроив их часовые механизмы так, чтобы надежно перекрыть фотосъемкой всю длину цилиндра. Все главные ориентиры нанесены на карты, и хотя их очень трудно отождествить с чем-то знакомым, тем не менее мы дали им условные имена.

Внутренняя полость имеет пятьдесят километров в длину и шестнадцать в ширину. Оба ее конца — как бы гигантские чаши довольно сложной конструкции. Ту из них, где мы сейчас находимся, мы назвали Северным полушарием; здесь, у самой оси, расположена наша первая база.

От центральной площадки под углом сто двадцать градусов один к другому расходятся три трапа почти километровой длины. Все они заканчиваются на круговой террасе — отсюда она представляется обегающим чашу кольцом. А от кольца вниз, продолжая эти трапы, убегают три исполинские лестницы, которые в конце концов достигают равнины. Представьте себе зонтик, у которого всего три спицы, равно удаленные друг от друга,— это даст вам довольно точное представление о том, как выглядит Рама с нашей стороны.

Каждая спица — лестница, вблизи оси очень крутая, а затем все более полого сливающаяся с равниной внизу. Лестницы — мы назвали их Альфой, Бетой и Гаммой — не непрерывны, а пересечены еще пятью кольцевыми террасами. По нашей оценке, каждая лестница насчитывает от двадцати до тридцати тысяч ступеней... Надо думать, они предназначены

исключительно для аварийных ситуаций, ведь нельзя всерьез полагать, что рамане — называйте их так или как-нибудь иначе — не предусмотрели других, более удобных способов добираться до оси своего мира.

Южное полушарие устроено совершенно по-другому: там нет ни лестниц, ни кратера в центре. Вместо кратера там высится остроконечный пик высотою в несколько километров; он расположен строго по оси и окружен шестью пиками поменьше. Конструкция в целом выглядит очень странно, и мы даже отдаленно не догадываемся, какой цели они служат.

Основную пятидесятикилометровую часть цилиндра между двумя чашами мы назвали Центральной равниной. Не считайте, что мы сошли с ума, именуя «равниной» нечто столь отчетливо вогнутое,— мы уверены, что это вполне оправданно. Как только мы спустимся на нее, она покажется нам плоской — муравью, который забрался в бутылку, ее внутренняя поверхность тоже должна представляться плоскостью...

Самое удивительное в Центральной равнине — это темная лента десяти километров в ширину, обегающая цилиндр вокруг и разделяющая его пополам. Лента похожа на ледяную, и мы окрестили ее Цилиндрическим морем. Посреди моря расположен большой остров овальной формы, размером десять километров на три, сплошь покрытый какими-то высокими сооружениями. Поскольку он напомнил нам виды старого Манхэттена, мы назвали его Нью-Йорком. Правда, я не склонен думать, что это действительно город: скорее он похож на какую-то колоссальную фабрику или, скажем, на химический завод.

Но на равнине есть и города или, во всяком случае, поселки. Их по крайней мере шесть; если бы их строили для людей, то каждый мог бы вместить примерно пятьдесят тысяч человек. Мы назвали их Рим, Париж, Москва, Лондон, Пекин и Токио. Между собой они связаны дорогами и еще каким-то подобием рельсовой системы.

Материала, достойного изучения, в этом застывшем мире хватило бы на столетия. Четыре тысячи квадратных километров и всего две-три недели на то, чтобы их обследовать. Не знаю, найдем ли мы ответ хотя бы на два вопроса, которые мучают меня с той самой секунды, когда мы оказались здесь, внутри: кто они были и что с ними случилось?..

Запись окончилась. На Земле и на Луне члены Комитета по проблемам Рамы перевели дух и принялись с новой энергией изучать разложенные на столах карты и фотографии. Они предавались этому занятию уже не первый час, однако голос капитана Нортона будто высветлил в снимках что-то, добавил им глубины. Пусть ракеты разорвали вековую ночь Рамы совсем ненадолго, но капитан видел этот необычный вывернутый мир собственными глазами. И именно он, Нортон, поведет в этот мир исследователей и будет его изучать...

— Доктор Перера, вы, кажется, хотели что-то сказать?..

Доктор Боуз подумал, не следовало ли в первую очередь предоставить слово профессору Дэвидсону — старшему из ученых и единственному астроному среди присутствующих. Но профессор, видимо, еще не вполне оправился от шока, ему было явно не по себе. Всю жизнь он взирал на Вселенную как на арену борьбы титанических, но безличных сил гравитации, магнитных и радиационных полей; ему никогда не верилось, что жизнь играет сколько-нибудь существенную роль в мироздании, и он рассматривал ее проявления на Земле, на Марсе и на Юпитере как нечаянное отступление от общих правил.

И вот теперь налицо было доказательство, что жизнь не только существует за пределами Солнечной системы, но и достигла высот, далеко превосходящих все, что человечество уже совершило, и все, что надеялось совершить в ближайшие столетия. Более того, появление Рамы опровергало и другую догму, которую профессор исповедовал годами. Под нажимом он еще кое-как соглашался, что жизнь, может быть, существует и в иных звездных системах, но совершеннейшая

нелепость, подчеркивал он, верить, что она способна пересечь межзвездные бездны...

Допустим даже, что рамане действительно потерпели неудачу, что капитан Нортон прав, утверждая, что их мир ныне превратился в гробницу. Но сама попытка совершить невозможное говорила о том, что они всерьез рассчитывали на удачу. И если такое случилось хоть однажды, то в Галактике с ее сотней тысяч миллионов солнц это должно было происходить много-много раз... и кто-то где-то непременно добился успеха.

А это был тот самый тезис, в который бездоказательно, но весьма горячо верил доктор Карлайл Перера. И теперь он не мог решить, радоваться ему или огорчаться. Рама самым впечатляющим образом подтвердил воззрения ученого, но никогда не суждено ему ступить в пределы чужого мира, не суждено даже увидеть этот мир своими глазами. Если бы перед ним внезапно вырос дьявол и предложил дар мгновенной телепортации, доктор Перера подписал бы контракт, даже не взглянув на условия.

— Да, господин председатель, пожалуй, я располагаю информацией, представляющей определенный интерес. Перед нами, вне всякого сомнения, «космический ковчег». Идея в астронавтической литературе не новая — я сумел установить, что английский физик Джон Бернал выдвигал ее как метод колонизации соседних звезд в книге, вышедшей в тысяча девятьсот двадцать девятом году,— да-да, двести лет назад! А великий русский первооткрыватель Циолковский выступал с аналогичными предложениями еще раньше.

Если вам угодно отправиться из одной звездной системы в другую, вы располагаете несколькими возможностями. Допустим, что скорость света действительно является абсолютным пределом скорости — а этот факт по-прежнему нельзя считать окончательно установленным, что бы и как бы ни говорили вам на сей счет (профессор Дэвидсон возмущенно фыркнул, однако вслух протеста не выразил),— значит, вы

можете либо лететь быстро, но в небольшом корабле, либо гораздо медленнее, но в корабле гигантском.

Насколько я знаю, нет никаких технических причин, по которым космический корабль не может разогнаться до скорости, составляющей девяносто и более процентов скорости света. Тогда время полета между соседними звездами сокращается до пятидесяти лет — скучновато, пожалуй, но отнюдь не нереально, в особенности для существ, жизненный цикл которых измеряется столетиями. Можно без труда представить себе путешествия такой продолжительности на кораблях, не намного больших, чем наши нынешние.

Но может быть, подобные скорости недостижимы для кораблей, несущих значительный полезный груз; не забывайте, надо везти с собой еще и топливо на торможение, даже если не заботиться об обратном пути. Так не разумнее ли в таком случае пожертвовать временем — пусть десятком, пусть даже сотней лет?..

Бернал и другие авторы полагали, что это осуществимо, надо лишь построить движущийся мирок диаметром в несколько километров, рассчитанный на тысячи пассажиров и на путешествия длительностью в десятки поколений. Конечно, все системы такого мирка должны функционировать как полностью замкнутые, автоматически воссоздавая пищу, воздух и все остальное. Но, в конце концов, не так ли обстоит дело у нас на Земле, да еще и масштабы у нас солиднее...

Одни авторы предлагают строить «космические ковчеги» в форме концентрических сфер, другие — в форме пустотелых вращающихся цилиндров, с тем чтобы центробежная сила искусственно заменила силу тяжести,— в точности так, как это осуществлено на Раме...

Профессор Дэвидсон не мог дольше терпеть безграмотную болтовню.

— Да нет же такой силы в природе, просто нет! Центробежную силу выдумали инженеры. А в науке есть сила инерции...

— Вы, разумеется, совершенно правы,— согласился Перера,— хотя убедить в этом тех, кому доводилось падать с карусели, будет, согласитесь, не просто. Но, мне кажется, у нас нет нужды добиваться математической строгости выражений...

— Спокойнее, доктор,— вмешался Боуз, не в силах совладать с раздражением.— Мы все поняли, что вы имеете в виду, по крайней мере нам так показалось. Не разрушайте, пожалуйста, наших иллюзий...

— В сущности, я хотел лишь подчеркнуть, что в самой идее Рамы нет ничего принципиально нового, поражают только его размеры. Люди рисовали себе нечто подобное еще двести лет назад.

Теперь я задаю себе другой вопрос. Можем ли мы со всей определенностью установить, как долго Рама путешествует в пространстве?

К настоящему времени мы провели тончайшие измерения его орбиты и скорости. Исходя из предположения, что он не менял курса, мы можем вычислить его координаты на протяжении миллионов лет. Естественно, мы ожидали, что он прибыл к нам с одной из ближайших звезд, однако это отнюдь не так.

С тех пор как Рама проходил вблизи звезды, какой бы то ни было звезды, минуло более двухсот тысяч лет. Да и эта звезда, как выяснилось, принадлежит к непериодическим переменным, то есть к таким, у которых никак нельзя допустить наличия населенных планетарных систем. Светимость этой звезды изменяется от единицы до пятидесяти с лишним*; планеты, если они там есть, то раскаляются, то леденеют каждые несколько лет...

— У меня есть гипотеза! — воскликнул доктор Прайс.— Быть может, это как раз все и объясняет! Быть может, некогда это солнце было нормальным, а потом стало нестабиль-

* За единицу принимается светимость Солнца.

ным. И рамане вынужденно пустились на поиски нового солнца...

Доктор Перера питал слабость к старушке археологу и потому пощадил ее самолюбие. Но интересно, что сказала бы она, если бы он усомнился в аксиомах ее профессии...

— Мы рассматривали такую возможность,— мягко ответил он.— Однако, если общепринятые теории звездной эволюции верны, эта звезда никогда не была стабильной и на ее планетах никогда не возникало жизни. Так что Рама странствует в космосе никак не меньше двухсот тысяч лет, а может статься — больше миллиона...

Теперь там царство холода и тьмы, по-видимому, мертвое царство, и, кажется, я догадываюсь почему. Возможно, у раман действительно не оставалось выбора, возможно, они действительно спасались от какой-то катастрофы, но они ошиблись в расчетах.

Ни одна замкнутая экологическая система не может быть эффективной на все сто процентов: всегда существуют какие-то отходы, потери, оскудение внешней среды, накопление вредоносных веществ. На то, чтобы отравить и истощить целую планету, подчас нужны миллиарды лет, но когда-то это произойдет. Океаны высохнут, атмосфера рассеется...

По нашим меркам, Рама — исполин, но как планета он совершенный карлик. Проведенные мной расчеты показывают, что его экологический баланс может поддерживать себя примерно тысячу лет. Максимальное допущение — десять тысяч...

При той скорости, которую развивает Рама, этого вполне достаточно для перелетов в центре Галактики, где звезд полным-полно. Но не здесь, в ее спиральных малонаселенных рукавах. Рама — корабль, растративший свои запасы задолго до того, как он достиг цели. Опустевший остров, блуждающий среди звезд.

Эта теория допускает единственное серьезное возражение, и я сам выдвину его, не дожидаясь, пока это сделает кто-

нибудь другой. Орбита Рамы настолько точно нацелена на Солнечную систему, что случайное совпадение просто исключено. Я бы сказал, что наш гость пройдет даже слишком близко к Солнцу; «Индевору» во избежание перегрева придется расстаться с ним задолго до перигелия.

Не стану притворяться всепонимающим. Можно допустить, что на Раме до сих пор действуют какие-то автоматические навигационные устройства, которые вывели корабль к ближайшей подходящей звезде спустя тысячелетия после того, как погибли его создатели.

А они, ручаюсь своей репутацией, несомненно, погибли. Пробы, взятые внутри цилиндра, абсолютно стерильны, мы не обнаружили в них никаких микроорганизмов. И всякие толки о том, что рамане еще оживут, следует забыть. Существуют основательные причины, по которым гипотермический сон может длиться не более двух-трех столетий, а речь идет о сроках в тысячи раз больших.

Пандорианцам и их сторонникам волноваться не о чем. Мне лично даже жаль, что это так. Разве не замечательно было бы встретиться с представителями иного разума?

Но по крайней мере, мы знаем теперь ответ на вопрос, мучивший нас испокон веков. Мы не одиноки во Вселенной. И звезды будут казаться нам не такими далекими, как прежде.

Нортон пережил тяжкое искушение, однако долг капитана обязывал его сначала позаботиться о безопасности своего корабля. Если их операция вдруг потерпит провал, первым делом надо спасать «Индевор»...

Выбор очевидным образом пал на второго помощника, капитан-лейтенанта Мерсера. Нортон не мог не признать, что Карл как нельзя лучше подходит для данной миссии.

Непререкаемый авторитет во всем, что касается систем жизнеобеспечения, Мерсер выступил даже автором типовых учебников по этому предмету. Он лично испытал множество образцов снаряжения, зачастую в невероятно сложных условиях, и прославился редким искусством саморегуляции. По желанию он мог замедлить свой пульс или задержать дыхание на целых десять минут. Эти ценные навыки не раз спасали ему жизнь.

И тем не менее, невзирая на все свои дарования и эрудицию, он отличался почти полным отсутствием воображения. Самые опасные эксперименты и поручения для него оставались просто-напросто работой, которую надо выполнить. Он никогда не шел на неоправданный риск и совершенно не видел смысла в том, что обычно именуют безрассудной смелостью.

Над его рабочим местом красовались два девиза — итог его жизненной философии. Первый: «Ты ничего не забыл?» И второй: «Остерегайся храбрецов!» То обстоятельство, что

его считают самым отчаянным храбрецом на всем космическом флоте, было единственным, что выводило его из себя.

Ну а если вопрос о Мерсере решен, тогда автоматически решен и вопрос о его неразлучном спутнике, лейтенанте Джо Колверте. Что между ними общего — понять никто не мог: тщедушный, вечно озабоченный чем-то штурман был на десять лет моложе своего хладнокровного, невозмутимого друга, который к тому же отнюдь не разделял его пылкого увлечения искусством примитивного кино.

Но давно замечено, что крайности сходятся,— Мерсер и Колверт стали друзьями, и дружба их оказалась прочной. Впрочем, это еще менее удивительно, чем то, что на Земле они любили одну женщину, подарившую каждому из них по ребенку. Нортону не раз приходило в голову, что с ней при случае следовало бы познакомиться,— вероятно, она весьма незаурядная особа. Треугольник существовал уже минимум пять лет и все еще казался равносторонним...

Однако двое еще не составляют полноценной исследовательской группы: давно установлено, что оптимальный состав — трое: в случае чьей-то гибели там, где одиночка будет обречен, двое все-таки могут выжить. По зрелом размышлении Нортон остановился на кандидатуре сержанта технической службы Уильяма Майрона. Блестящий механик, способный привести в действие любую машину или, на худой конец, сконструировать новую, Майрон был идеальным партнером на случай, если придется разбираться в инопланетной аппаратуре. Раньше он занимал должность адъюнкт-профессора в Астротехническом институте, взял годовой отпуск; отпуск явно затянулся, однако сержант наотрез отказался от офицерского чина под тем предлогом, что не хочет мешать продвижению более достойных. Никто не принял этого объяснения всерьез, но все сошлись на том, что самолюбия у Уилла нет и в помине. Он, может, и станет еще старшим сержантом, но звания профессора не получит никогда. Майрон,

как и многие представители сержантской гильдии до него, нашел для себя желанный компромисс между властью и ответственностью.

Едва они миновали последний шлюз и выплыли в невесомость возле оси Рамы, лейтенанта Колверта, как это нередко с ним бывало, засосало в омут киновоспоминаний. Возможно, стоило бы излечиться от этой неотвязной привычки, но, по правде говоря, Колверт не видел в ней вреда. Напротив, она помогает скрасить любое нудное занятие и — кто знает? — может, в один прекрасный день спасет ему жизнь. Допустим, он вспомнит, как поступали в сходных обстоятельствах Фербэнкс, Коннери или Хироши...

На сей раз он казался себе участником одной из войн начала XX века и шел в атаку; Мерсер был сержантом и командовал группой разведчиков из трех человек, которая под покровом ночи проникла на территорию противника. Не требовалось особых усилий, чтобы вообразить, что они укрылись на дне огромной воронки, склоны которой образуют ряд восходящих террас. Воронка была залита лучами трех вынесенных по сторонам плазменных дуговых ламп, и в ней почти не оставалось тени. Но за ее пределами, за кромкой дальней террасы, царили мрак и неизвестность.

Мысленно Колверт, конечно же, прекрасно представлял себе, что прячется во тьме. Сначала плоское кольцо более километра в поперечнике. Его разделяют на равные части три трапа, похожие на железнодорожные колеи с утопленными шпалами. Трапы располагаются строго симметрично и совершенно одинаковы. Они выбрали тот, который начинался ближе к шлюзу Альфа.

Правда, перекладины располагались далековато друг от друга, но даже в полукилометре от оси сила тяжести не достигала и одной тридцатой *g*, так что, взвалив на себя приборы и снаряжение весом килограммов по сто, они могли двигаться без особого труда.

Капитан Нортон и группа обеспечения проводили их до конца канатов, протянутых от шлюза Альфа: далее свет прожекторов не доставал, и они окунулись в первозданную тьму Рамы. Все, что удавалось различить в пляшущих лучах шлемовых фонарей,— это первые сотни метров убегающего вдаль трапа.

«А теперь,— сказал себе Карл Мерсер,— пробил час принять первое решение. Поднимаюсь я по этому трапу или спускаюсь?..»

Вопрос был отнюдь не прост. По существу, гравитация все еще не отличалась от нулевой, и мозг мог избрать произвольную систему координат. Усилием воли Мерсер мог заставить себя думать, что смотрит или на горизонтальную равнину, или снизу вверх на вертикальную стену, или сверху вниз с отвесной скалы. Не так уж редко случалось, что космонавты, приступая к выполнению какой-нибудь сложной задачи, ошибались в выборе координат и это приводило к серьезным психологическим трудностям.

Мерсер решил двигаться головой вперед: любой другой способ оказался бы менее удобным, а так он хоть видел, что впереди. Следовательно, первые несколько сот метров он мог внушать себе, что карабкается вверх, а когда растущая сила тяжести разрушит эту иллюзию, он должен будет мысленно переориентироваться на сто восемьдесят градусов.

Капитан-лейтенант схватился за первую перекладину и слегка подтянулся вдоль трапа. Движение почти не требовало усилий, словно плавание под водой — да нет, и того меньше, под водой он встретил бы сопротивление среды. А здесь все давалось так легко, что приходилось бороться с искушением увеличить скорость, но Мерсер был слишком опытен, чтобы торопиться в столь незнакомой обстановке.

В наушниках слышалось размеренное дыхание двух его товарищей. Он не нуждался в иных доказательствах того, что у них все в порядке, и не тратил времени на разговоры. Его

подмывало оглянуться назад, однако он решил не рисковать до тех пор, пока не доберется до платформы в конце трапа.

Промежутки между перекладинами были стандартными — примерно по полметра, и поначалу Мерсер хватался за перекладины через одну. Но при этом он старался не сбиться со счета, и примерно на двухсотой перекладине к нему впервые пришло ощущение собственного веса. Вращение Рамы наконец-то дало о себе знать.

На четырехсотой перекладине он оценил свой вес килограммов в пять. Само по себе это не добавило трудности, но обманывать себя было уже ни к чему: в самом деле, как притворяться, что продолжаешь восхождение, если тебя ощутимо тянет вверх?

Пятисотая перекладина показалась ему самым подходящим местом для того, чтобы передохнуть. Он чувствовал, что мышцы на руках уже начинают ныть от непривычных движений, а ведь всю работу за них фактически выполнял Рама, им оставалось лишь страховать себя...

— Все в порядке, шкипер,— доложил Мерсер.— Прошли половину трапа. Джо, Уилл, как у вас?

— У меня лучше некуда,— отозвался Джо Колверт.— Для чего ты, собственно, остановился?

— У меня тоже неплохо,— добавил сержант Майрон.— Но обратите внимание: начинает сказываться сила Кориолиса...

Это Мерсер уже заметил и сам. Стоило отпустить перекладину — и его отчетливо сносило вправо. Он, разумеется, понимал, что во вращающемся мире подобный эффект неизбежен, и все же ему мерещилось, что какие-то духи тьмы мягко отталкивают его тело от трапа.

Быть может, настало время повернуться ногами вниз — ведь теперь слово «вниз» обретало реальный смысл. Существовал, конечно, определенный риск на мгновение потерять ориентацию...

— Следите за мной, сейчас я перевернусь...

Твердо взявшись за перекладину, он описал телом дугу в сто восемьдесят градусов — и тотчас же зажмурился, ослепленный фонарями товарищей. Далеко-далеко за ними — нет, теперь уже над ними — он, как только приспособился к свету, различил более слабое сияние. На краю отвесного утеса силуэтами выделялись фигурки капитана Нортона и группы обеспечения. Они казались такими маленькими и беспомощными, что он ободряюще помахал им рукой.

Потом он разжал пальцы и отдался во власть едва ощутимого притяжения Рамы. Падение от перекладины до перекладины продолжалось более двух секунд; на Земле он за то же время пролетел бы добрых тридцать метров. Скорость была томительно мала, и он стал, отталкиваясь руками, пролетать по десятку перекладин в один прием.

На семисотой перекладине он сделал еще одну остановку и направил луч фонаря под ноги; как он и рассчитывал, от начала большой лестницы его отделяли теперь всего полсотни метров.

Еще три минуты — и он на первой ступеньке. После многих месяцев, проведенных в космосе, странно было стоять в рост, опираясь о твердую поверхность и ощущая ее подошвами. Каждый из них и сейчас весил менее десяти килограммов, но этого вполне хватало, чтобы обрести устойчивость. Закрыв глаза, Мерсер мог спокойно представить себе, что попирает ногами какую-то очередную планету.

Уступ, с которого начиналась лестница, был шириной порядка десяти метров и в обе стороны изгибался вверх, пока не растворялся во мраке. Мерсер знал, что уступ описывает полный круг и что если двинуться вдоль него, то, пройдя километров пять, они совершат «кругосветное путешествие» и очутятся вновь в исходной точке. Однако при том малом притяжении, какое действовало здесь, ходьба неизбежно превратилась бы в вереницу длинных прыжков. И в этом таилась грозная опасность.

Спускаться по лестнице, убегающей вниз во тьму, далеко за пределы видимости, тоже обманчиво легко. Тем не менее необходимо придерживаться за обрамляющие лестничный марш высокие поручни: один неосторожный шаг — и беспечный путник свечой взовьется в пространство. «Приземление» состоится, наверное, метров сто ниже; удар сам по себе будет пустяковым, но последствия прыжка — вряд ли, поскольку вращение Рамы тем временем сдвинет лестницу влево. И тело, завершив падение, опустится прямо на склон, гладкий, чуть вогнутый склон, что уходит, нигде не прерываясь, к равнине в семи километрах внизу.

«Вот это,— сказал себе Мерсер,— был бы спуск почище бобслея!..» Конечная скорость даже при таком положении достигла бы нескольких сот километров в час. Кто знает, велика ли здесь сила трения, достаточна ли она для того, чтобы превратить безудержное скольжение в контролируемое; если достаточна, тогда возможно, что такой способ спускаться на внутреннюю поверхность Рамы окажется самым рациональным. Но прежде чем рискнуть на это, надо провести хотя бы парочку экспериментов...

— Шкипер,— доложил Мерсер,— спуск по трапу трудностей не составил. С вашего разрешения я хотел бы продолжить его, скажем, до следующей площадки. Надо рассчитать скорость движения по лестнице...

Нортон ответил без колебаний:

— Действуйте.

Добавлять: «Будьте осторожны» — не было нужды.

Не прошло и минуты, как Мерсер совершил важное открытие. При одной двадцатой *g* идти по ступеням обычным манером оказалось просто немыслимо. Шаги становились замедленными, как во сне, и нестерпимо томительными; оставалось одно — игнорировать ступени и тянуть себя вниз по воздуху, используя поручень как опору.

Колверт пришел к такому же заключению.

— По этой лестнице ходят только вверх, а не вниз! — воскликнул он.— Можно перебирать ступеньки, пока движешься против гравитации, но в обратном направлении это более чем неудобно. Пусть меня обвинят в утрате собственного достоинства, но, по-моему, лучший способ спуститься — сесть на поручень верхом...

— Но это просто смешно! — запротестовал сержант Майрон.— Не могу поверить, что рамане поступали именно так...

— Сомневаюсь, что они вообще когда-либо пользовались этой лестницей: она построена, очевидно, лишь на случай какой-нибудь аварии. У них должен быть еще и механический транспорт. Возможно, фуникулер. Это объяснило бы, зачем нужны вон те прорези, что тянутся до самого низа...

— А я думал, что это желоба водостока. Впрочем, одно не исключает другого. Интересно, случается ли здесь дождь?..

— Вполне вероятно,— заявил Мерсер.— Но, на мой взгляд, Джо прав, черт с ним, с достоинством. Поехали!..

Поручень, явно предназначенный для чего-то очень похожего на руки, представлял собой гладкую металлическую полосу на редких стойках метровой высоты. Мерсер оседлал ее и, удостоверившись, что руки могут создать достаточное тормозное усилие, заскользил. Очень плавно, медленно набирая скорость, спускался он в темноту, и вместе с ним двигалась лужица света от шлемового фонаря. Проехав метров пятьдесят, он разрешил остальным последовать его примеру.

Никто из них не признался бы в этом, но чувствовали они себя мальчишками, съезжающими по школьным перилам. Менее чем за две минуты они проделали километровый спуск — комфортабельно и безопасно. Как только скольжение становилось слишком стремительным, рука чуть сильнее сжимала поручень и тормоз срабатывал вполне надежно.

— Надеюсь, вы хорошо позабавились,— обратился к ним капитан Нортон, когда все трое добрались до площадки.— Учтите, что карабкаться обратно будет отнюдь не так весело...

— Это нам и предстоит проверить,— ответил Мерсер, прохаживаясь опыта ради туда и сюда и прикидывая, насколько увеличилась сила тяжести.— Здесь уже около одной десятой *g*, разницу просто невозможно не заметить...

Он подошел — вернее, подплыл — к краю площадки и осветил фонарем следующий лестничный марш. Луч не позволил видеть далеко, и марш казался точной копией предыдущего, хотя внимательное изучение фотографий показывало, что высота ступеней с нарастанием гравитации уменьшается. Лестница, вероятно, была построена с тем расчетом, чтобы интенсивность движений того, кто карабкается по ней вверх, оставалась более или менее постоянной по всей длине гигантской кривой.

Мерсер бросил взгляд в сторону шлюзов, которые теперь оставались в двух километрах над головой. Слабенькое пятнышко света и две крохотные фигурки, едва заметные на его фоне, были чудовищно далеки. И он вдруг впервые обрадовался тому, что не в силах различить исполинскую лестницу целиком.

Ни крепкие нервы, ни нехватка воображения еще ничего не значили: приятно воочию увидеть себя мошкой, ползущей по чаще, которая в поперечнике имеет более шестнадцати километров? До сих пор темнота раздражала Мерсера, теперь он почти благословлял ее.

— Температура не меняется,— доложил он Нортону,— по-прежнему чуть ниже нуля. Однако давление воздуха, как и ожидалось, повышается и достигло примерно трехсот миллибар. Даже в таких условиях здесь почти можно дышать, а ниже тем более это не составит проблемы. Наша задача серьезно упрощается. Какая удача — первый мир, где мы сможем ходить без кислородных приборов! Пожалуй, я рискну вздохнуть...

Высоко над ними, у самой оси, капитан Нортон беспокойно поежился. Но Мерсер, как никто другой, всегда отдавал себе отчет в собственных поступках. Он наверняка уже про-

вел все необходимые пробы и счел их результаты удовлетворительными...

Мерсер снизил давление в скафандре, отключил герметизацию шлема и приоткрыл щелку. Неуверенный вдох, потом другой, поглубже...

Воздух Рамы был безжизненным, застойным, словно в могиле, но такой древней, что запах тлена выветрился из нее столетия назад. Даже Мерсер со своим сверхчувствительным обонянием, выработанным за годы возни с системами жизнеобеспечения как в нормальных, так и смертельно опасных условиях, не улавливал никаких отчетливых запахов. Впрочем, ощущался какой-то легкий металлический привкус, и он внезапно вспомнил, что участники первой экспедиции на Луну жаловались на запах, сходный с запахом горелого пороха. Вероятно, загрязненная лунной пылью кабина «Орла»* приобрела такой же мертвенный душок.

Он снова герметизировал шлем и сделал несколько глубоких вздохов. Чужой воздух не придал ему сил; даже альпинист, привычный к разреженной атмосфере высот, не выдержал бы здесь и нескольких минут. Но еще два-три километра вниз по лестнице — и все будет обстоять иначе...

Итак, они выполнили свою задачу. Теперь Мерсер мог позволить себе просто насладиться ощущением силы тяжести, хотя и небольшой. Он почти отвык от тяготения, однако и привыкать к нему заново тоже не годилось: ведь им следовало тотчас же вернуться в невесомость вблизи оси.

— Мы возвращаемся, шкипер,— сообщил он.— Идти дальше пока не имеет смысла. Придет час — подготовимся и спустимся до конца...

— Согласен. Мы засечем время, но особенно не торопитесь...

Едва Мерсер «зашагал» по ступенькам вверх — по три-четыре за один шаг-прыжок,— ему стало ясно, что Колверт

* Кодовое название лунной кабины «Аполлона-11».

был абсолютно прав: эти лестницы предназначены для того, чтобы по ним ходили вверх, а не вниз. Если не оглядываться назад и не пугаться головокружительной крутизны кривой по сторонам, восхождение могло показаться даже приятным. Тем не менее ступеней через двести мышцы ног начали отзываться болью, и он решил замедлить темп. Остальные сделали то же самое; бросив короткий взгляд через плечо, он убедился, что они значительно отстали.

Восхождение прошло без всяких приключений — бесконечная череда ступеней, и только. Когда они вновь добрались до верхней платформы, примыкающей к трапу, то совершенно сбились с дыхания, а ведь обратный путь занял всего-то десять минут. На платформе они отдыхали еще минут десять, затем принялись за последний вертикальный километр.

Подпрыгнуть — ухватиться рукой за перекладину — подпрыгнуть — ухватиться — подпрыгнуть — ухватиться... Это было, в сущности, легко, но настолько однообразно, что возникала угроза потерять бдительность. На середине трапа они передохнули еще пять минут; к этому времени у них ныли уже не только ноги, но и руки. И Мерсер в который раз порадовался, что различает перед собой лишь малую часть вертикальной стены, к которой они приникли. Можно было вообразить, что трап тянется лишь на десяток метров за границу света, что скоро, совсем скоро он кончится...

Подпрыгнуть — ухватиться за перекладину — подпрыгнуть... И неожиданно трап действительно кончился. Они опять очутились в невесомом мирке оси, в кругу обеспокоенных друзей. Вся экспедиция не продолжалась и часа и оставила у ее участников чувство причастности к некоему подвигу.

Однако время гордиться собой еще не настало: они преодолели едва ли восьмую часть этой циклопической лестницы.

Капитан Нортон уже давно пришел к выводу, что иным женщинам вход на борт космического корабля должен быть категорически воспрещен; невесомость шутит с их фигурами такие шутки, что никто не может сосредоточиться на деле. Пока они не двигаются, еще полбеды, но стоит им шевельнуться — и возникает зрелище, какого ни один мужчина, если у него в жилах не рыбья кровь, перенести не в состоянии. Капитан был совершенно уверен, что один серьезный инцидент в космосе случился именно по этой причине: в рубку некстати вплыла женщина-офицер, и экипажем овладел приступ острой рассеянности.

Однажды он упомянул о своей теории в разговоре со старшим корабельным врачом Лаурой Эрнст, не раскрывая, впрочем, секрета, кто впервые навел его на подобные мысли. Да в том и не было нужды — они слишком хорошо знали друг друга. Годы назад, на Земле, они как-то, поддавшись настроению, преступили черту. Возможно, этому эпизоду суждено навсегда остаться единственным (но кто может ручаться за что-нибудь в таких делах?). И для него и для нее с тех пор много воды утекло, но когда бы врач ни появилась в капитанской каюте, он ощущал словно бы мимолетный отзвук былого, она чувствовала, что он ее не забыл, и оба были довольны.

— Билл,— начала она,— я осмотрела наших альпинистов, и вот мое заключение: Карл и Джо в добром здравии, и если

учесть, какую работу они проделали, то все показатели у них в норме. А вот у Уилла явные признаки переутомления и мышечного истощения. Не стану докучать тебе деталями, но думаю, что он просто не выполнял всех положенных физических упражнений. И если б он был одинок в своей лени! На центрифуге ловчат сплошь и рядом — того и гляди докатимся до морской болезни. Пожалуйста, скажи им свое слово.

— Слушаюсь, мадам. Но отчасти их можно и извинить. У команды было очень много работы...

— Умственной — да. Пальцами по кнопкам — тоже да. Но не работы в прямом смысле слова, не такой, какую можно выразить в килограммометрах. А здесь мы столкнемся с такой и прежде всего с такой работой. Если, конечно, собираемся продолжать исследования.

— Значит, ты разрешаешь их продолжать?

— Да, только без лихачества. Мы с Карлом подготовили примерный план, вполне умеренный. Мы исходили из предположения, что ниже второго уровня можно дышать без кислородных приборов. Это, конечно, невероятная удача, меняющая все прежние расчеты. Никак не могу освоиться с мыслью, что мы попали в кислородный мир... Остается лишь обеспечить людей водой и пищей, защитить их от холода — и дело в шляпе. Спуститься будет легче легкого — похоже, бóльшую часть пути удастся проделать по перилам, словно нарочно для этого созданным...

— Я уже засадил техников за разработку специальных санок с парашютными тормозами. Даже если мы не рискнем сесть на них сами, используем для припасов и снаряжения.

— Прекрасно — это сократит спуск до десяти минут. Без саней он занял бы около часа. Труднее установить время, необходимое на обратный путь. Мне представляется, что на подъем надо отвести часов шесть, включая две остановки на отдых по часу каждая. Потом, когда мы наберемся опыта, а наши мышцы — силы, это время, быть может, удастся сократить...

— А как насчет психологических факторов?

— Обстановка столь непривычна, что однозначно и не ответишь. Главная из проблем, по всей вероятности, темнота...

— А что, если установить у начала трапа прожектор? Партии, спускающиеся вниз, будут непрерывно ощущать на себе его лучи.

— Хорошая идея. Это может нам серьезно помочь.

— Еще один вопрос: надо ли посылать вторую группу лишь до середины лестницы, а потом назад, или можно проделать весь путь с первой попытки?

— Если бы у нас было время, я бы предпочла первое. Но времени в обрез, и я не вижу, почему бы не спуститься сразу до конца — и хорошенько осмотреться внизу...

— Спасибо, Лаура, это все, что мне хотелось у тебя узнать. Первый помощник отработает детали. И еще я прикажу всем членам экипажа ежедневно тренироваться на центрифуге — по двадцать минут в день при половине *g*. Это тебя устроит?

— Нет. Там внизу на равнине ноль целых шесть десятых, и я хочу иметь некоторый запас «прочности». Пусть будет три четверти *g*...

— Ух!..

— ...по десять минут...

— Ладно, я договорюсь...

— ...два раза в день.

— Лаура, ты жестокая, бессердечная женщина. Ну, да будет так. Я оповещу о твоем решении перед обедом. Кое-кому оно, наверное, испортит аппетит.

Никогда раньше капитан Нортон не замечал, чтобы Карлу Мерсеру было не по себе. Вот уже четверть часа Карл обсуждал с капитаном вопросы снабжения, высказывался, как всегда, компетентно, но что-то его явно тревожило. Проницательный капитан догадывался, что именно, но терпеливо ждал, когда помощник решится сказать все сам.

— Шкипер,— произнес Карл наконец,— вы уверены, что должны лично возглавить партию? Если что-нибудь выйдет

не так, мной пожертвовать значительно проще. Да к тому же я уже спускался глубже, чем кто-либо другой, пусть на какие-то пятьдесят метров, но глубже...

— Само собой. Однако пробил час, когда командир обязан лично повести свои войска. И ведь мы пришли к выводу, что риска в этом спуске вряд ли больше, чем в предыдущем. При первых признаках опасности я взлечу по этой лестнице обратно со скоростью, достойной кандидата на Лунные Олимпийские...— Он ожидал дальнейших возражений, но их не последовало, хотя вид у Карла был совершенно несчастный. Нортон пожалел его и добавил мягко: — И ручаюсь, Джо на финише обгонит меня...

Великан Мерсер смягчился, и улыбка медленно осветила его лицо.

— Все равно, Билл, я хотел бы, чтобы ты выбрал кого-нибудь другого...

— Мне нужен по крайней мере один человек, который уже был внизу, а мы с тобой вместе идти не можем. Наш профессор, сержант Майрон, тоже не годится: Лаура утверждает, что в нем до сих пор два кило лишнего весу. Ему даже усы сбрили — и то не помогло...

— А кто у тебя намечен третьим номером?

— Сам еще не решил. Это зависит от Лауры.

— Она хочет идти сама.

— А кто не хочет? Вот если в составленном ею списке кандидатов наивысший коэффициент годности окажется у нее самой, тогда придется и впрямь заподозрить неладное...

Когда капитан-лейтенант Мерсер собрал свои бумаги и выплыл из каюты, Нортон ощутил мимолетный укол зависти. Почти все в команде — восемьдесят пять процентов ее, по самой скромной оценке,— нашли на борту корабля выход своим чувствам и привязанностям. Он знавал капитанов, которые поступали точно так же, но не считал возможным подражать им. Хотя дисциплина на «Индеворе» основывалась прежде всего на взаимном уважении умных, высококвалифицированных специалистов — мужчин и женщин, командир

занимал особое положение и должен был как-то подчеркнуть это. Ответственность, возложенная на него, была настолько велика, что требовала определенного отчуждения от всех, даже от ближайших друзей. Выдели он кого-нибудь — и моральному состоянию экипажа был бы нанесен серьезный урон: почти наверняка его обвинили бы в пристрастии. По этой-то причине на флоте резко неодобрительно относились к связям между людьми, разделенными более чем двумя ступеньками служебной лестницы; не считая этого неписаного закона, существовало лишь одно правило, регулирующее личную жизнь космонавтов: «Не выясняйте отношений в коридорах — не пугайте шимпанзе».

На борту «Индевора» находилась четверка супершимпанзе. Строго говоря, подобное наименование было неточным — с научной точки зрения обезьяний экипаж корабля не имел с шимпанзе ничего общего. В условиях невесомости хватательный хвост представлял собой неоценимое преимущество, а все попытки снабдить подобным приспособлением людей не увенчались успехом. Опыты с человекообразными обезьянами оказались столь же неудовлетворительными, и тогда компания, успевшая присвоить себе наименование «Супершимпанзе корпорейшн», обратила свои взоры к их низшим собратьям.

Блэки, Блонди, Голди и Брауни. Их родословная восходила к наиболее смышленым обезьянкам Старого и Нового Света, и к генам многих видов были еще добавлены искусственные, никогда не существовавшие в природе. Вырастить их и обучить стоило, наверное, не меньше, чем подготовить среднего космонавта, но они того заслуживали. Каждая весила менее тридцати килограммов и потребляла кислорода и пищи вдвое меньше человека, но при уборке помещений, приготовлении простых блюд, переноске инструментов и на других элементарных работах заменяла практически трех членов команды.

Эффективность 2,75 — эту цифру вывела сама корпорация на основе бесчисленных хронометрических наблюдений.

Цифра ошеломляла, ее нередко оспаривали, но, судя по всему, она была верна: суперобезьяны с радостью трудились по пятнадцать часов в сутки, не отказываясь от самой грязной, самой нудной работы. А людям оставались дела, воистину достойные человека; на космическом корабле это приобретало жизненно важное значение.

Не в пример обезьянам, своим ближайшим сородичам, «суперы», приписанные к «Индевору», были понятливы, послушны и нелюбопытны. Выведенные искусственным путем, они отличались также бесполостью, что само по себе снимало множество проблем. Их воспитали убежденными вегетарианцами, приучили к опрятности, они не издавали никаких запахов; из них получились бы замечательные комнатные зверушки, если бы обзавестись таким любимцем оказалось кому-нибудь по карману.

Но конечно, присутствие «суперов» на борту вызывало и определенные трудности. Пришлось выделить им отдельное помещение, которое не замедлили окрестить «обезьянником». Маленькая их каютка блистала чистотой; в распоряжение «суперов» предоставили телевизор, игры, программированные обучающие машины. Во избежание инцидентов им было категорически воспрещено переступать порог технических служб корабля; соответствующие двери выкрасили в красный цвет, а у шимпанзе выработали условный рефлекс — преодолеть цветовой барьер стало для них психологически невозможным.

Неизбежно возникала и проблема общения. КИ, коэффициент интеллектуальности, у «суперов» достигал примерно 60, они понимали несколько сотен английских слов, но говорить не могли. Дать обезьянам — как человекообразным, так и низшим — действующие голосовые связки оказалось задачей невыполнимой, и они были навеки обречены изъясняться на языке жестов.

Основные жесты были самоочевидными, легко запоминались, и буквально каждый на борту умел обменяться с «су-

перами» двумя-тремя простыми фразами. Но в совершенстве владел обезьяньим «языком» лишь один человек — их попечитель, старший стюард Макэндрюс.

Бытовала шутка, что сержант Рэви Макэндрюс и сам стал похож на обезьяну. Вряд ли эта шутка могла восприниматься как оскорбление — «суперы» с их короткой, чуть подцвеченной шерстью и грациозными движениями были просто красивы. Мало того, они были еще и ласковы, и у каждого из членов экипажа была своя любимица; симпатии капитана Нортона принадлежали Голди.

Однако легкость, с которой супершимпанзе привязывались к человеку, а человек — к шимпанзе, порождала еще одну проблему, и ее частенько использовали как серьезный аргумент против посылки «суперов» в космос. Поскольку их предназначали лишь для нудного, неквалифицированного труда, то в обстоятельствах чрезвычайных они только приумножали опасность. Еще ни одного «супера» не удалось научить пользоваться космическим скафандром: необходимые навыки и представления лежали далеко за границами их понимания.

На эту тему не любили говорить, но все прекрасно знали, что надлежит делать, если в корпусе случится пробоина или если придет приказ покинуть корабль. До сих пор такое произошло лишь однажды; попечитель «суперов» исполнил предписания инструкции более чем тщательно. Его нашли возле своих питомцев — он отравился тем же самым ядом. С тех пор задача усыпить шимпанзе в случае крайней необходимости возлагалась на старшего корабельного врача — считалось, что он способен на бóльшую бесстрастность.

Нортон был признателен начальству за то, что хоть эта обязанность не легла на плечи капитана. Он знавал немало людей, на которых ему поднять руку было бы куда легче, чем на Голди.

В прозрачной застывшей атмосфере Рамы луч прожектора был совершенно невидим. Но в трех километрах от центральной оси на ступени исполинской лестницы лег стометровый овал света. Сверкающий оазис среди окрестной тьмы, он медленно перемещался к вогнутой равнине, расстилавшейся еще в пяти километрах ниже, а в центре овала, отбрасывая перед собой длинные тени, двигались три маленькие фигурки.

Как они и ожидали, а вернее, как и надеялись, спуск прошел без каких бы то ни было неожиданностей. На первой площадке они сделали короткую остановку, и Нортон совершил небольшую прогулку по узкому кольцевому уступу, затем по перилам соскользнул на следующий уровень. Здесь они сбросили кислородные приборы и предались непривычной роскоши — дышать без каких бы то ни было механических устройств. Теперь, избавившись от величайшей из опасностей, подстерегающих человека в пространстве, и перестав тревожиться о герметичности костюма и запасах кислорода, они могли продолжать исследования в самых благоприятных условиях.

К тому времени, когда они достигли пятого уровня и впереди оставался последний пролет, притяжение возросло почти до половины земного. Скорость вращения Рамы наконец-то дала о себе знать в полной мере; они вынужденно подчинялись неумолимой силе, которая правит планетами, а подчас взимает беспощадно высокую плату за малейшую ошибку.

Спускаться было по-прежнему легко, но в сознание уже закрадывалась мысль о возвращении — тысячи ступеней вверх, а следом — новые тысячи...

Головокружительно крутая лестница давно сменилась пологой и теперь постепенно выравнивалась до горизонтали. Уклон составлял теперь лишь 1:5, а ведь вначале был 5:1. Стало вполне возможно — и физически, и психологически — идти самым нормальным шагом; если бы не пониженная гравитация, они могли бы вообразить, что спускаются по какой-то грандиозной лестнице на Земле. Нортону однажды случилось осматривать развалины ацтекского храма — здесь к нему вернулись те же чувства, что он испытал тогда, но умноженные во сто крат. Благоговение, тайна и печаль, печаль по прошлому, сгинувшему безвозвратно. Однако здесь масштабы были настолько больше — и во времени, и в пространстве,— что мозг отказывался оценить их по достоинству, а потом и просто перестал воспринимать.

«Интересно,— подумал Нортон,— скоро ли мы начнем считать Раму чем-то само собой разумеющимся?..»

Положительно все земные ассоциации рушились, не успев возникнуть. Рама был в сотни раз старше любого сооружения, уцелевшего на Земле, в сотни раз древнее Великой пирамиды. Но в то же время все, чего касался взгляд, выглядело как с иголочки, без малейших признаков старения.

Нортон уже задумывался над этим загадочным явлением, пытаясь найти ему объяснение. В конце концов, то, что они видели до сих пор, составляло лишь вспомогательную, аварийную систему, которой фактически почти никогда не пользовались. Мыслимое ли дело, чтобы рамане действительно лазали вверх и вниз по этой невероятной лестнице, а равно по двум другим, сплетающимся в невидимый трилистник где-то высоко-высоко над головой? Разве что они были фанатиками физических упражнений — впрочем, на Земле таких не слишком мало... Но скорее все эти лестницы нужны были лишь в процессе сборки Рамы и с того давнего дня

не служили никакой конкретной цели. На мгновение Нортону показалось, что эта теория и вправду все объясняет, но нет, она тоже не годилась. Что-то тут было не так, определенно не так...

Последний километр они преодолели, шагая через ступеньку долгими, мягкими шагами: Нортон решил, что надо дать более существенную нагрузку мускулам, которые им вскоре очень пригодятся. И конец лестницы застал их почти врасплох — просто впереди не осталось ступеней, только плоская равнина, мутно-серая в слабнущем свете осевого прожектора, да и этот свет еще через несколько сотен метров сливался с тьмой...

Нортон бросил взгляд в ту сторону, откуда падал луч,— до его источника на оси отсюда было больше восьми километров. Он понимал, что Мерсер, вероятно, смотрит на них в телескоп, и весело помахал ему рукой.

— Говорит капитан,— произнес он в микрофон.— Все в добром здравии, никаких осложнений. Продвигаемся, как намечали.

— Рад слышать,— откликнулся Мерсер.— Наблюдаем за вами.

Короткая пауза — и в разговор вмешался новый голос.

— Говорит первый помощник. Я на борту корабля. Послушайте, шкипер, так все-таки не пойдет. Вы же знаете, что Служба новостей не дает нам покоя уже целую неделю. Не требую от вас высокого слога, но дайте хоть какие-нибудь подробности!..

— Попытаюсь,— усмехнулся Нортон.— Но учтите, видеть пока, собственно, нечего. Мы словно... словно на огромной затемненной сцене, где горит один-единственный софит. Со сцены вверх поднимается лестница, поднимается и исчезает во мраке — видна, наверное, сотня ступеней или чуть больше. А равнина вокруг выглядит совершенно ровной, изгиб слишком мал, чтобы заметить его на такой ограниченной площади. Вот, пожалуй, и все...

— И никаких других впечатлений?

— Ну, по-прежнему очень холодно — ниже нуля, хорошо, что костюмы у нас термические. И разумеется, тихо, тише, чем где бы то ни было на Земле или даже в космосе,— ведь на корабле всегда есть хоть какой-то шумовой фон. Здесь поглощаются все и всякие звуки, окружающее нас пространство так велико, что гасит любое эхо. Ощущение странное, но, надеюсь, мы привыкнем...

— Спасибо, шкипер. Кто хочет что-нибудь добавить? Джо, Борис?..

Лейтенант Джо Колверт никогда не лез за словом в карман. Он и теперь не растерялся:

— Все время думаю: ведь это впервые — впервые! — человек попал в мир, где можно дышать естественной атмосферой. Хотя, наверное, слово «естественная» не очень-то применимо в подобных обстоятельствах... И тем не менее Рама должен в определенной степени походить на ту планету, откуда прибыли его создатели. Разве наши космические корабли, каждый из них, не повторяют в миниатюре Землю? Два примера — это, конечно, чертовски мало, но как тут не подумать, что, быть может, все разумные существа дышат кислородом... По тому, что мы видим, можно предположить, что рамане были гуманоидами, только раза в полтора выше нас. Ты не согласен со мной, Борис?..

«Он что, нарочно дразнит Бориса? — спросил себя Нортон.— Интересно, каков будет ответ?..»

Для своих товарищей по экипажу Борис Родриго оставался непостижимой загадкой. Он был офицером связи, держался всегда спокойно, с достоинством, его любили, но в общих развлечениях он участвовал лишь постольку-поскольку и, казалось, был слегка отдален от всех, словно прислушивался к музыке, слышной ему одному.

Так оно, в сущности, и было: Борис ревностно веровал в догмы пятой христианской, иначе «космической», церкви. Нортон, правда, не сумел установить для себя, что случилось

с предыдущими четырьмя; в равной мере пребывал он в неведении и по части требуемых религией ритуалов и церемоний. Но главный догмат «пятой космической» был известен достаточно широко: ее приверженцы утверждали, что Иисус Христос снизошел на Землю из космоса, и на этой зыбкой почве возвели целое теологическое здание.

Нет ничего удивительного в том, что большинство адептов этого учения стремились получить работу в космосе. К тому же они неизменно оказывались умелыми и добросовестными работниками, заслуживающими полного доверия. К ним повсеместно относились с уважением и даже с симпатией, особенно если они не пытались обратить в свою веру других. И все-таки не нелепо ли, не дико ли: люди с такой развернутой научной и технической подготовкой — и вдруг всерьез верят, как в истину, во всякую белиберду?

Поджидая, пока лейтенант Родриго найдет ответ на заданный ему, по-видимому не без злого умысла, вопрос, капитан внезапно осознал и мотивы своего собственного выбора. Он предпочел Бориса потому, что тот был физически крепок, технически хорошо подготовлен, безусловно достоин доверия. И в то же время, если не кривить душой, не руководствовался ли он отчасти обыкновенным и почти озорным любопытством? Как человек с убеждениями Бориса будет реагировать на внушающую благоговейный трепет реальность Рамы? Что, если он натолкнется на нечто, опровергающее все его верования или, напротив, подтверждающее их?

Но Борис Родриго оказался, как всегда, осмотрительным и не пожелал ввязываться в спор.

— Дышали ли они кислородом? Конечно. Были ли гуманоидами? Возможно. Поживем — увидим. Если нам повезет, то вскоре мы установим, как они выглядели. Найдем картины, статуи, быть может, и тела. Вон там, в городах. Впрочем, города ли это?..

— До ближайшего всего-то восемь километров,— произнес Джо Колверт веселым тоном.

«Так-то оно так,— подумал капитан,— но потом и восемь километров обратно. А еще карабкаться по этой чудовищной лестнице вверх. Не слишком ли это рискованно?..»

Молниеносная вылазка в сторону «города», названного Парижем, действительно входила в число его ближайших планов, и теперь оставалось лишь окончательно решить: да или нет. Пищи и воды у них хватит на двадцать четыре часа; они будут все время на глазах у команды обеспечения, оставшейся близ оси, да и что, в сущности, может с ними случиться на этой гладкой, чуть изогнутой металлической равнине? Единственная опасность, какую он мог предвидеть,— переутомление: добраться до Парижа несложно, но многое ли они там успеют, прежде чем изнеможение вынудит их вернуться? Сделать несколько фотоснимков и, если выйдет, подобрать парочку мелких сувениров?

Однако даже самый непродолжительный набег на Париж стоил того, чтобы его совершить: времени было в обрез, Рама мчался к перигелию, туда, куда «Индевор» последовать за ним не сможет.

И к тому же решение зависело отнюдь не только от Нортона. Вдалеке от них, в каюте корабля, доктор Эрнст внимательно следила за данными биотелеметрических систем, датчики которых были закреплены у него на теле. Если она придет к выводу, что хватит, ему останется только подчиниться.

— Лаура, что скажешь?

— Отдохните с полчаса, примите по пятьсот калорий — и можете двигаться дальше.

— Спасибо, док,— вмешался Колверт.— Теперь я могу умереть спокойно. Я всегда мечтал побывать в Париже. Жди нас, Монмартр!..

После нескончаемых лестниц странной роскошью казалось просто идти, шагать по горизонтальной поверхности. Прямо перед ними она и в самом деле представлялась совершенно плоской, хотя левее и правее, к границам освещенной площади, становился заметен легкий изгиб. Словно они шли по очень широкой и неглубокой долине; никак не верилось, что в действительности они движутся внутри исполинского цилиндра и что за краем пятнышка света земля взмывает вверх и вверх, пока не смыкается с небом — нет, становится небом.

Невзирая на всю свою самоуверенность и еле сдерживаемое возбуждение, здесь они особенно ощутили нависшую вокруг тишину — она была такой плотной, что, казалось, ее можно было потрогать. Шаги и слова мгновенно растворялись во всепоглощающей пустоте; не прошли они и полукилометра, как лейтенант Колверт понял, что не в силах больше этого вынести.

Среди многочисленных его дарований был талант, встречающийся все реже — хотя некоторые и полагают, что все же слишком часто,— искусство свиста. По просьбе слушателей, да и по собственному почину он мог воспроизвести мелодии из большинства кинофильмов за последние двести лет. На сей раз он начал с марша из «Белоснежки» Диснея, но обнаружил, что не выдерживает соревнования с веселыми гномами на басах, и быстренько переключился на «Реку Квай». Затем он перебрал более или менее в хронологическом порядке еще

с полдюжины боевиков и закончил свои упражнения музыкальной темой из знаменитого фильма «Наполеон», снятого в конце XX века режиссером Сидом Крассманом.

Свистел он хорошо, только его попытка приободрить себя и других успеха не имела. Рама требовал величия Баха, Бетховена, Сибелиуса или Туана Суна, а не обыденных популярных песенок. Нортон уже готов был попросить Джо поберечь дыхание на обратный путь, но молодой офицер и сам осознал тщету собственных усилий. С этой секунды, если не считать эпизодических переговоров с кораблем, они двигались в полном молчании. Рама выиграл первый раунд.

Даже в этой сугубо предварительной экспедиции Нортон позволил себе сделать небольшой крюк. Париж лежал прямо впереди, на полпути между подножием лестницы и берегом Цилиндрического моря, но в каком-нибудь километре вправо находилось очень приметное и весьма загадочное образование, которое они нарекли Прямой долиной. Длинная борозда или траншея с наклонными стенками — сорок метров в глубину, сто в ширину — издали напоминала ирригационный ров или канал. Как и у лестницы, у траншеи были два двойника, расположенные на равных расстояниях по окружности Рамы.

Каждая из трех долин протянулась почти на десять километров и неподалеку от моря внезапно обрывалась — это было непонятно, если каналы и впрямь предназначались для воды. А на противоположном берегу моря повторялась та же картина: еще три десятикилометровые траншеи пролегли почти до самого Южного полюса.

Четверть часа неторопливой ходьбы — и они, достигнув края Прямой долины, задумчиво уставились в ее глубины. Боковые склоны, идеально гладкие, устремлялись вниз под углом шестьдесят градусов, и нигде не видно было ни ступенек, ни какой-либо другой опоры для ног. Дно долины представляло собой зеркальный лист какого-то белого вещества, весь-

ма похожего на лед. Нортон решил добыть образчик этого вещества, что сразу бы положило конец многим спорам.

Колверт и Родриго играли роль якорей: они помалу вытравливали канат, а Нортон медленно переступал вниз по крутому склону. Капитан приготовился, коснувшись дна, ощутить подошвами привычную скользкость льда, но ничего подобного. Трение было много выше, опасность поскользнуться здесь не угрожала. Вещество дна — не то стекло, не то какой-то полупрозрачный кристалл,— когда он дотронулся до него пальцами, оказалось холодным, твердым и неподатливым.

Повернувшись спиной к прожектору и защитив глаза ладонями, Нортон попытался всмотреться в кристаллические бездны под ногами — ведь удается же иногда увидеть что-то сквозь лед замерзшего озера. Но на этот раз ничего не вышло; не помог и узкий луч шлемового фонаря. Вещество просвечивало, но все-таки было непрозрачным. Если это какая-то застывшая жидкость, то тает она при температуре много более высокой, чем вода.

Он легонько постучал по дну геологическим молотком — молоток отскочил с глухим немузыкальным звуком. Стукнув порезче — вновь безрезультатно,— Нортон уже собирался ударить в полную силу, но, повинуясь неожиданному импульсу, отвел руку.

Крайне маловероятно, что ему удастся расколоть это вещество, ну а если все-таки удастся? Не будет ли это поступком дикаря, разбившего вдребезги исполинскую зеркальную витрину? Случай добыть образцы еще представится, а сейчас он, по крайней мере, получил ценную информацию. По всей видимости, это не канал, а просто диковинная траншея без начала и конца. Если здесь когда-либо текла жидкость, то где пятна, где натеки от засохших брызг? Все чистенькое, новенькое, словно строители ушли отсюда только вчера...

И вновь он оказался лицом к лицу с главной тайной Рамы и не вправе был больше уклоняться от нее. Нортон не мог по-

жаловаться на отсутствие воображения, но он никогда не стал бы капитаном, если бы позволял себе необузданные взлеты фантазии. Тем не менее сейчас, впервые в жизни, он поддался какому-то странному предчувствию. Все вокруг оказалось вовсе не тем, чем представлялось поначалу; странное, очень странное это место, где вещи, насчитывающие миллионы лет, выглядят как с иголочки...

Погруженный в размышления, он медленно шел по дну долины. Товарищи, не выпуская из рук веревки, привязанной к его поясу, двигались следом по краю обрыва. Нортон не ждал от своей прогулки новых открытий, просто ему нужно было время, чтобы определиться. Дело было не только в необъяснимой новизне Рамы: его тревожило что-то совсем, совсем другое...

Он не прошел и десятка метров, как вдруг замер, точно пораженный громом.

Он узнал это место. Он уже был здесь! Даже на Земле или на другой знакомой планете подобное ощущение не из приятных, хотя и не такое уж редкое. Большинство людей время от времени испытывали это чувство, испытывали и отгоняли: виновата мол, какая-нибудь позабытая фотография или просто совпадение; меньшинство, склонное к мистике, искало объяснения в телепатии или даже истолковывало такие мгновения как озарение.

Но узнать место, какого не видела и не могла видеть ни одна человеческая душа,— это было уж слишком! Секунд десять капитан Нортон стоял как пригвожденный к гладкой кристаллической поверхности дна, стараясь собраться с мыслями. Казалось, все его доселе упорядоченные воззрения полетели вверх тормашками, будто он бросил взгляд в головокружительную пропасть на границе познания, которую благополучно игнорировал бóльшую часть своей жизни.

Затем, к огромному его облегчению, на помощь пришел здравый смысл. Тревожное чувство, что это он уже видел,

улетучилось, уступив место подлинному и достаточно четкому воспоминанию юности.

Совершенно верно — однажды он уже стоял между такими же круто падающими склонами, глядя, как они сливаются в бесконечной дали. Но те склоны покрывала аккуратная стриженая травка, а под ногами был не гладкий кристалл, а щебень. Это случилось в Англии, на летних каникулах тридцать лет назад. Главным образом под влиянием своей приятельницы-студентки (он ясно помнил ее лицо, но начисто забыл имя) Нортон записался на занятия по индустриальной археологии, очень популярной в те времена среди начинающих ученых и инженеров. Они обследовали заброшенные угольные шахты и ткацкие фабрики, карабкались по остовам разрушенных домен и паровых машин, таращили глаза на примитивные (и все еще опасные) ядерные реакторы, водили нелепые рыдваны с турбинными двигателями по реставрированным автострадам.

Отнюдь не все, что им показывали, было подлинниками; многое затерялось в веках — ведь человек почти не заботится о сохранности предметов своего повседневного быта. Но когда возникала нужда воссоздать что-то в копии, это делалось с неизменной любовью и тщательностью.

И однажды юный Билл Нортон оказался на паровозе, который выглядел двухсотлетним патриархом, а на деле был моложе Билла; он яростно швырял в топку драгоценный уголь, а паровоз катился вперед с развеселой скоростью сто километров в час. Впрочем, тридцатикилометровый отрезок Великой Западной железной дороги, по которому они ехали, был самым настоящим, хотя его и пришлось, прежде чем вернуть к жизни, в буквальном смысле слова выкопать из-под земли.

С пронзительным свистом паровоз нырнул прямо в середину холма и понесся сквозь дымную, озаренную искрами тьму. Прошли удивительно долгие минуты, и наконец они вырвались из туннеля в глубокую и совершенно прямую вы-

емку с крутыми, заросшими травой откосами. Эта давно забытая перспектива и была почти идентична той, которая открывалась перед ним здесь.

— Что стряслось, шкипер? — окликнул его лейтенант Родриго.— Нашли что-нибудь интересное?

Нортон усилием воли вернул себя к реальности. Да, вокруг была, несомненно, тайна, но человек должен и способен ее понять. Он получил урок, пусть и не такой, каким хочется тут же поделиться с другими. Чего бы это ни стоило, нельзя позволить Раме ошеломить себя. Случись такое — и неизбежен провал, а может статься, и безумие.

— Да нет,— ответил он,— ничего особенного. Тащите меня наверх, мы направляемся прямо в Париж.

— Я пригласил вас на данное заседание,— заявил председатель,— в связи с тем, что доктор Перера хочет сообщить нам нечто чрезвычайно важное. Он настаивает, чтобы мы немедленно связались с капитаном Нортоном, используя то самое внеочередное право, которого, смею заметить, нам удалось добиться с таким трудом. Однако заявление доктора Переры носит довольно специфический характер, и, прежде чем мы предоставим ему слово, я предлагаю заслушать отчет о проделанной работе, который подготовила доктор Прайс. Да, вот еще что — отсутствующие просили передать свои извинения. Сэр Льюис Сэндс не может быть с нами, так как в настоящий момент председательствует на научной конференции, и доктор Тейлор также просил извинить его...

Это последнее обстоятельство, признаться, радовало Боуза. Антрополог потерял к Раме всякий интерес, едва стало ясно, что лично ему широкого поля деятельности не представится. Как и многие другие, он испытал горькое разочарование, узнав, что движущийся мирок мертв; теперь, конечно, нечего и ждать ни материала для сенсационных книг, ни видеопередач, посвященных ритуалам и обычаям раман. Пусть кто хочет выкапывает скелеты и классифицирует находки — такого рода вещи Конрада Тейлора не привлекали. Единственное, что еще, пожалуй, могло бы заставить его вернуться в комитет,— это какие-нибудь оставленные раманами

выдающиеся произведения искусства, подобные, например, знаменитым фрескам Теры и Помпеи.

Тельма Прайс, археолог, придерживалась диаметрально противоположной точки зрения. Она предпочитала раскопки и руины, свободные от обитателей, которые только создают суматоху, несовместимую с бесстрастными научными исследованиями. Дно Средиземного моря в этом смысле было идеальной зоной — по крайней мере до тех пор, пока под ногами не стали путаться проектировщики городов и художники по ландшафту. Рама был бы еще ближе к идеалу, если бы не доводящая до бешенства мысль, что он находится за сто миллионов километров и она никогда не сможет наведаться туда собственной персоной.

— Как вы уже знаете,— начала она,— капитан Нортон совершил пока одну экспедицию протяженностью почти тридцать километров, не встретив никаких серьезных трудностей. Он обследовал своеобразную траншею, обозначенную на ваших картах как Прямая долина; назначение ее по-прежнему неясно, хотя очевидно, что она играет важную роль, ибо, как и две аналогичные долины, тянется во всю длину Рамы и прерывается лишь в районе Цилиндрического моря.

Затем экспедиция повернула влево — или на восток, если ориентироваться по Северному полюсу,— и достигла Парижа. Как видно на этой фотографии, снятой телескопической камерой от оси, Париж представляет собой несколько сотен строений, разделенных широкими улицами.

А вот эти фотографии сделаны группой капитана Нортона непосредственно на месте. Если Париж действительно город, то город очень странный. Обратите внимание — ни в одном из строений нет ни окон, ни дверей! Это гладкостенные прямоугольные сооружения одинаковой тридцатипятиметровой высоты. И кажется, что они так и отштампованы вместе с корпусом — ни швов, ни стыков,— взгляните на этот снимок крупным планом, и вы увидите, что стены плавно смыкаются с основанием...

Мое личное мнение таково, что это вовсе не жилые помещения, а какие-то склады или гаражи. В поддержку моей гипотезы говорит, к примеру, вот эта фотография... Такие прорези или желобки, сантиметров по пять шириной, бегут буквально по всем улицам, более того, подходят к каждому строению и упираются в глухую стену. Они поразительно напоминают трамвайные пути начала XX века и, очевидно, являются частью какой-то транспортной системы.

Мы никогда не задавались целью подводить общественный транспорт к каждому отдельному дому. Это же экономически нелепо — куда проще, чтобы человек прогулялся полквартала. Но если в этих строениях размещены склады каких-нибудь тяжелых материалов, тогда такая мера приобретает смысл...

— Могу я задать вопрос? — осведомился представитель Земли.

— Разумеется, сэр Роберт.

— Неужели капитан Нортон не сумел проникнуть ни в одно из этих строений?

— Нет, не сумел. Прослушав его доклад, вы поймете, что он и сам был очень расстроен. Сначала он решил, что проникнуть внутрь можно только из-под пола, потом обнаружил желобки транспортной системы и изменил свое мнение...

— Но он хоть пытался?..

— А что он мог сделать без взрывчатки или специальных инструментов? Естественно, что он и не хотел прибегать к подобным средствам, не испытав все другие возможности.

— Понятно! — воскликнул вдруг Деннис Соломонс.— Техника кокона!..

— Извините, не поняла...

— Техника кокона — методика, разработанная лет двести назад,— продолжал историк.— Ее не без иронии называли «защитой от моли». Для предохранения от порчи предмет покрывают пластмассовой оболочкой, которую заполняют инертным газом. Первоначально так хранили военное снаря-

жение между войнами — представьте себе, укутывали целые корабли. Да и сейчас к этой методике прибегают в музеях, испытывающих нехватку складских помещений. Ни одна живая душа не знает, что именно содержат в себе иные коконы вековой давности в подвалах Смитсоновского института...

Долготерпение не принадлежало к числу добродетелей Карлайла Переры; он жаждал швырнуть заготовленную им бомбу и более сдерживаться не мог.

— Господин председатель, разрешите мне!.. Все это очень интересно, но мне кажется, что информация, которой располагаю я, носит более срочный характер...

— Если у присутствующих нет возражений... Прошу вас, доктор Перера.

Не в пример Конраду Тейлору экзобиолог отнюдь не считал, что Рама обманул его ожидания, правда, он уже не надеялся встретить там жизнь, но был совершенно уверен, что рано или поздно удастся найти останки существ, построивших этот фантастический мир. Ведь исследования едва начались... Правда, времени на них осталось ужасающе мало — считаные дни, и «Индевору» придется спасаться бегством, чтобы невзначай не коснуться Солнца...

Хуже того: если верны его вчерашние вычисления, контакт человека с Рамой окажется еще кратковременнее, чем предполагалось. Потому что абсолютно все проглядели одну деталь...

— Согласно последним данным,— начал он,— одна группа сейчас движется к Цилиндрическому морю, а другая во главе с капитаном Нортоном разбивает опорную базу у подножия лестницы Альфа. Затем капитан намерен снаряжать по два отряда одновременно. Людей у него немного, и он надеется, что таким образом их удастся использовать с максимальной эффективностью.

План неплох, если только у Нортона останется время на его выполнение. Я посоветовал бы капитану немедленно объ-

явить тревогу и приготовиться к полной эвакуации через двенадцать часов. Нет, нет, позвольте, я объясню...

Удивительно, что никто пока не обратил внимания на бросающуюся в глаза аномалию. Рама давно уже пересек орбиту Венеры, а внутри его до сих пор мороз. Но ведь внешняя температура объекта, освещенного прямыми лучами Солнца, на таком расстоянии достигает пятисот по Цельсию!

Дело в том, разумеется, что Рама просто еще не успел разогреться. В межзвездном пространстве он должен был остыть почти до абсолютного нуля — до минус двухсот семидесяти. Сейчас по мере приближения к Солнцу внешние слои корпуса раскалились почти до точки плавления свинца. А внутри еще держится холод — нужно время, чтобы тепло проникло сквозь километровую толщу металла.

Есть такое изысканное десертное блюдо, горячее снаружи, но с мороженым в середине — не помню, как оно называется...

— «Запеченная Аляска». Его, к сожалению, частенько подают у нас на межпланетных банкетах...

— Благодарю вас, сэр Роберт. Именно такова в настоящий момент и ситуация на Раме. Но продлится она недолго. Многие недели солнечное тепло прокладывало себе дорогу внутрь цилиндра, и буквально в ближайшие часы можно ожидать резкого подъема температуры. Однако проблема не в этом — к тому времени, когда нам так или иначе придется покинуть Раму, климат там будет не жарче умеренно тропического...

— Тогда в чем же дело?

— Могу ответить в двух словах, господин председатель. Поднимутся ураганы.

Число мужчин и женщин внутри Рамы уже перевалило за двадцать — шестеро трудились внизу, на равнине, остальные переносили оборудование и инструменты сквозь систему воздушных шлюзов и спускали их вниз по лестнице. Корабль был почти покинут, не считая минимального штата дежурных; кто-то пошутил, что «Индевором» теперь заправляет четверка обезьян, а Голди исполняет обязанности капитана.

Для первых исследовательских групп Нортон ввел несколько непреложных правил. Основное из них впервые было установлено еще на заре космических вылазок человечества: в каждую группу должен входить один из участников предшествовавших экспедиций. Но не более чем один — чтобы каждый из членов экипажа освоился с пребыванием внутри Рамы в предельно короткий срок.

Вот почему в группу, которая направилась к Цилиндрическому морю и которую возглавила Лаура Эрнст, включили и «ветерана» Бориса Родриго, только что вернувшегося из Парижа. Третьим был сержант Питер Руссо, специалист по инструментам космической разведки; на этот раз он мог полагаться лишь на собственные глаза да на маленький переносный телескоп.

Переход от подножия лестницы Альфа до берега моря — чуть меньше пятнадцати километров — в условиях низкого притяжения Рамы соответствовал восьми земным километрам. Лаура Эрнст, желая доказать, что уж она-то никогда не

нарушала собственных предписаний, предложила быстрый шаг. На середине пути они сделали тридцатиминутную остановку и в результате уложились в три часа — без каких бы то ни было происшествий.

Движение было донельзя монотонным — шаг за шагом сквозь заглушающую все звуки тьму. Лужица света от прожектора, перемещаясь вместе с ними, постепенно вытягивалась в длинный узкий овал; только это и доказывало, что они не топчутся на месте. Если бы группа наблюдения не вела регулярных измерений, сами путники не сумели бы определить, сколько ими пройдено — один километр, пять или десять. Они шли и шли в непроглядной ночи по однообразной, лишённой даже швов металлической равнине.

Но наконец далеко впереди, там, куда еле проникал слабнущий луч, забрезжило что-то новое. В нормальном мире это напоминало бы горизонт; присмотревшись, они увидели, что равнину пересекает резко очерченный обрыв. Они приближались к берегу моря.

— Осталось сто метров,— сообщила группа наблюдения.— Рекомендуем снизить темп.

В сущности, рекомендация была излишней: они сами уже замедлили шаг. Гладкий отвесный утес пятидесятиметровой высоты отделял уровень равнины от уровня моря — если это действительно было море, а не очередной лист загадочного кристаллического вещества. Впрочем, несмотря на предостережения Нортона — тот внушал всем и каждому, что на Раме доверяться первому впечатлению неразумно и опасно,— почти никто не сомневался, что море покрыто настоящим льдом. Но почему, по какой причине южный берег моря в десять раз выше северного, почему там утес вздымается на полукилометровую высоту?..

Они словно подкрадывались к краю света: переднюю часть светового овала срезало точно ножом, и остаток пятна с каждым шагом становился все короче и короче. Зато далеко внизу на вогнутом экране моря появились исполинские вытя-

нутые тени, подчеркивающие и утрирующие каждое движение. Тени, неизменные спутники людей с той самой секунды, когда они начали шагать вдоль луча, теперь, перерезанные краем утеса, как бы обрели независимость. Казалось, что это обитатели Цилиндрического моря подстерегают пришельцев, вторгшихся в их владения.

Именно здесь, на краю пятидесятиметрового обрыва, людям впервые представилась возможность по достоинству оценить кривизну внутренней поверхности Рамы. Но ведь никому никогда не доводилось видеть изогнутую ледовую гладь; зрелище действовало на нервы, и разум невольно старался истолковать его как-нибудь иначе. Даже Лауре Эрнст, которая в свое время специально изучала обманы зрения, то и дело чудилось, что она смотрит на бухту, врезанную в горизонтальную сушу, а вовсе не на море, взмывающее в небеса. Требовалось сознательное усилие воли, чтобы смириться с невероятным.

Лишь в одном направлении — строго вперед по линии, параллельной оси Рамы,— обычные представления о природе вещей оставались ненарушенными. Лишь на этой линии зрение и логика были согласны между собой. Здесь — по крайней мере в пределах нескольких километров — поверхность выглядела, да и в самом деле была плоской. Но где-то чуть дальше, там, куда не достигали их тени, куда не проникал луч прожектора, лежал остров, господствующий над Цилиндрическим морем...

— Группа наблюдения,— обратилась по радио доктор Эрнст,— будьте добры перебросить луч на Нью-Йорк...

Как только овал света скользнул от них прочь, в море, на плечи тяжко навалилась раманская ночь. Вспомнив, что у самых ног затаился невидимый теперь обрыв, люди, не сговариваясь, отступили на два-три метра. И тут, словно по мановению волшебной палочки, из темноты выплыли башни Нью-Йорка.

Сходство со стародавним Манхэттеном было, разумеется, чисто внешним — рожденное звездами эхо земного прошлого обладало своей ярко выраженной индивидуальностью. И чем дольше Лаура Эрнст разглядывала раманский Нью-Йорк, тем больше она убеждалась, что это вообще не город.

Настоящий Нью-Йорк, как и все другие города человека, никогда не был завершен и тем более не возводился по единому плану. А здесь царили строгая симметрия и шаблон, правда настолько сложный, что рассудок не сразу принимал его. Все, что тут было, задумали и спроектировали разумные существа — задумали в целом, а потом и построили, как строят машину, предназначенную для какой-то определенной цели. И после этого она, машина, измениться уже не может.

Луч прожектора неспешно блуждал среди отдаленных башен и куполов, сомкнутых полусфер и перекрещенных трубопроводов. Временами свет, упав на какую-нибудь плоскость, отражался яркой вспышкой. Первая вспышка едва не лишила людей дара речи — будто кто-то подал им с этого загадочного острова ответный сигнал...

И тем не менее они не могли разглядеть там ничего нового, чего не знали бы — и более детально — по снимкам, сделанным ранее. Спустя пять минут они попросили вернуть луч прожектора и двинулись по краю обрыва на восток. Казалось вполне вероятным встретить где-нибудь неподалеку лестничный марш или наклонный спуск, ведущий вниз, к морю. Одна из женщин, по натуре заядлая морячка, высказала небезынтересную догадку.

— Там, где есть море,— утверждала сержант Руби Барнс,— обязательно должны быть доки, гавани и, конечно, корабли. Каждая цивилизация строит корабли по-своему, и по тому, как это делается, можно узнать о ней практически все...

По мнению коллег Руби, ее точка зрения страдала некоторой узостью, но все же обнадеживала. Лаура Эрнст уже почти отчаялась найти спуск и решила прибегнуть к канату, когда лейтенант Родриго заметил неширокую лесенку. Она

пряталась в тени за краем обрыва, так что мимо нее немудрено было и пройти: хозяева не позаботились ни о поручнях, ни даже о какой-нибудь вешке. К тому же лесенка никуда не вела, а просто под небольшим углом сбегала по пятидесятиметровой вертикальной стене и исчезала под поверхностью моря.

Внимательно осмотрев лесенку с помощью шлемовых фонарей и не обнаружив ничего опасного, Лаура с разрешения капитана Нортона спустилась вниз. Минутой позже она осторожно коснулась моря ногой.

Подошва легко скользнула по поверхности — трения почти не ощущалось, все говорило о том, что под ногами лед. Это и на самом деле был лед. Едва она стукнула по нему молотком, от удара разбежалась характерная сетка трещин, и Лаура без труда набрала множество осколков. Как только она поднесла пробирку к свету, мелкие осколки растаяли: в пробирке плескалась теперь мутноватая водичка, и Лаура дерзнула понюхать ее.

— А это не опасно? — с беспокойством в голосе осведомился оставшийся наверху Родриго.

— Поверьте, Борис,— ответила она,— если бы здесь существовали болезнетворные факторы, ускользнувшие от наших детекторов, то вся система профилактических мер потерпела бы крах еще неделю назад...

Однако в беспокойстве Бориса был свой резон. Несмотря на проведенные опыты, оставался некоторый, пусть и весьма незначительный, риск, что именно эта жидкость ядовита или способна вызвать какую-нибудь неведомую болезнь. При обычных обстоятельствах доктор Эрнст не стала бы пренебрегать даже столь мизерной вероятностью. Но времени было в обрез. И если бы даже потом пришлось посадить на карантин весь экипаж «Индевора», то и такая цена не была бы чрезмерной.

— Это вода, но пить ее не советую — пахнет гнилыми водорослями. Поскорей бы доставить ее в лабораторию...

— А как лед, выдержит нас?

— Да, крепок как скала.

— Значит, мы можем перебраться в Нью-Йорк?

— Это вы серьезно, Питер? А вы когда-нибудь пробовали пройти четыре километра по льду?

— Понимаю, к чему вы клоните. Но только представьте себе физиономии наших интендантов, попроси мы у них три пары коньков! Да если бы коньки и нашлись, немногие на борту сумели бы ими воспользоваться...

— Есть еще и другая проблема,— включился в разговор Борис Родриго.— Вы заметили, что температура поднялась уже выше нуля? Недалек час, когда лед начнет таять. Кто из космонавтов способен преодолеть четыре километра вплавь? Во всяком случае, не я...

Доктор Эрнст взобралась к ним на край обрыва и триумфальным жестом подняла вверх маленькую пробирку.

— Дальняя получилась прогулка ради нескольких кубиков грязной воды, но эта водица, надо думать, расскажет нам о Раме больше, чем все, что мы видели до сих пор. Давайте возвращаться домой.

Они повернули в сторону ослабленных расстоянием огней лагеря Альфа. Передвигаясь мягкими шагами-прыжками — такой вид ходьбы оказался здесь самым целесообразным,— они то и дело оглядывались назад, не в силах отрешиться от загадки величественного острова.

На полпути Лауре Эрнст померещилось, что она ощутила дуновение слабого ветерка.

Однако ветерок не повторился, и она тут же забыла о нем.

— Вы же прекрасно знаете, доктор Перера,— произнес с показным смирением председатель,— что мы, увы, не можем тягаться с вами в познаниях в области математической метеорологии. Сделайте милость, снизойдите к нашему невежеству...

— С удовольствием,— отозвался экзобиолог, нимало не смутившись.— Лучше всего я просто расскажу вам, что произойдет внутри Рамы в самое ближайшее время.

Солнечное тепло уже проникло внутрь цилиндра, и температура воздуха там постепенно поднимается. Согласно последним полученным мною сведениям, она уже сейчас выше точки замерзания. Цилиндрическое море вскоре начнет таять, только, не в пример водным массам на Земле, таяние будет происходить от дна к поверхности. Это, вероятно, вызовет ряд своеобразных явлений, но меня заботит главным образом состояние атмосферы.

Нагреваясь, воздух внутри Рамы будет расширяться — и соответственно подниматься от внутренней поверхности цилиндра к центральной оси. На уровне поверхности он, хотя и кажется неподвижным, в действительности движется со скоростью вращения Рамы, то есть со скоростью более восьмисот километров в час. Поднимаясь к оси, воздух будет стремиться сохранить эту скорость, что, разумеется, невозможно. В результате возникнут сильные ветры и завихрения — по-

лагаю, что скорости воздушных потоков достигнут двухсот — трехсот километров в час.

Между прочим, нечто подобное происходит и на Земле. Нагретый воздух экватора движется со скоростью вращения Земли — тысяча шестьсот километров в час. И как только он поднимается и перемещается на север или на юг, возникает тот же эффект...

— А, пассаты! Как же, помню еще из школьной географии...

— Совершенно верно, сэр Роберт. На Раме будут свои пассаты, и притом сильнейшие. Думаю, что они продлятся лишь несколько часов, а затем восстановится какое-то равновесие. Но на это время я настоятельно рекомендую капитану Нортону эвакуировать людей, и сделать это следует как можно скорее. Вот текст радиограммы, которую я предлагаю послать.

«Капли воображения достаточно,— подумал Нортон,— чтобы представить, что мы просто разбили бивуак у подножия гор где-то в срединной Азии или Америке...» Куча спальных мешков, складные столы и стулья, переносная электростанция, осветительные кабели, электрические туалеты, разнообразная научная аппаратура — все это выглядело бы уместным и на Земле, тем более что вокруг суетились мужчины и женщины без кислородных приборов и масок на лицах.

Создать лагерь Альфа было делом отнюдь не простым: снаряжение пришлось тащить вручную сквозь цепь воздушных шлюзов, спускать на санях по склону, а затем подбирать и распаковывать внизу. Тормозные парашюты подчас отказывали, и груз выкатывался на добрый километр в глубь равнины. Несмотря на это, кое-кто из команды обращался к капитану за разрешением прокатиться вместе с грузом; Нортон решительно им отказывал. Впрочем, в случае острой нужды запрет можно было бы и снять.

Практически почти все снаряжение так и обречено остаться здесь навсегда: возвратить его на корабль — задача невыполнимая, об этом не приходилось и мечтать. Временами капитан Нортон вопреки всякой логике стыдился, что вынужден захламить этот необъяснимо чистый мир земным барахлом. Он даже решил, что, прежде чем окончательно покинуть Раму, пожертвует драгоценным часом, а то и двумя на то, чтобы привести лагерь в полный порядок. А вдруг — невероятная мысль,— вдруг спустя миллионы лет где-нибудь в иной звездной системе на Раме вновь объявятся нежданные гости? Он хотел, чтобы у них создалось хорошее впечатление о Земле.

Правда, сначала ему предстояло решить другую, гораздо более срочную проблему. За последние двадцать четыре часа он получил почти одинаковые послания с Марса и с Земли. Странное совпадение, а может, и не совпадение, может, они все-таки общались друг с другом, может, нынешняя ситуация послужила им поводом для контактов? Обе жены ни с того ни с сего многозначительно напоминали ему, что и герой дня не должен забывать о своих семейных обязательствах...

Взяв складной стул, капитан перешел из освещенного пространства в окружающую лагерь тьму. Только так и можно было добиться хотя бы видимости уединения. Повернувшись спиной к суетящимся в свете прожектора людям, Нортон стал говорить в висящий на шее диктофон.

— Оригинал в личное дело, копии на Марс и на Землю. Привет, дорогая! Знаю, сам знаю, что корреспондент из меня никудышный, но на борту корабля я не был уже целую неделю. Да там, кроме дежурных, никого теперь и нет, мы разбили лагерь внутри Рамы, у подножия лестницы, которая получила название Альфа.

На равнине сейчас работают три разведывательные группы, но продвигаемся мы вперед чудовищно медленно, поскольку рассчитывать можем лишь на собственные ноги. Ес-

ли бы у нас был хоть какой-нибудь транспорт! Хотя бы парочка электрических велосипедов!..

Ты ведь встречалась с моим старшим корабельным врачом Лаурой Эрнст...

Он запнулся в нерешительности: Лаура действительно встречалась с одной из его жен, но с которой? Наверное, лучше не рисковать... Он стер незаконченную фразу и начал снова:

— Мой старший корабельный врач, доктор Эрнст, возглавила первую экспедицию к Цилиндрическому морю, в пятнадцати километрах отсюда. Как мы и думали, море заполнено замерзшей водой, однако пить такую воду не стоило бы. Доктор Эрнст говорит, что это жидкий органический суп со следами самых разных углеродных соединений, содержащий также фосфаты, нитраты и десятки металлических солей. И никаких намеков на жизнь, ни единого, пусть даже мертвого, микроба. Так что о биохимии раман мы по-прежнему ничего не знаем, хотя, вероятно, она не так уж безнадежно далека от нашей...

Что-то легко шевельнуло волосы — он был слишком занят, чтобы вовремя подстричься, и теперь придется как-то избавляться от них, иначе скоро и шлем не наденешь...

— Ты, конечно, смотрела видеопередачи из Парижа и других городов, которые мы обследовали по эту сторону моря,— из Лондона, Рима, Москвы. Невозможно и предположить, что их строили для жилья. Париж похож на гигантский склад. Лондон — это набор цилиндрических баков, связанных между собою трубопроводами, и еще какое-то подобие насосной станции. Все закрыто наглухо, и нет никакого способа установить без помощи взрывчатки или лазера, что находится внутри. Не хочется прибегать к таким средствам, пока не исчерпаны остальные.

Что касается Рима и Москвы...

— Извините, шкипер. «Молния» с Земли...

«Это еще что? — спросил себя Нортон.— Неужели человек не вправе хотя бы минуту спокойно побеседовать со своими семьями?..»

Он принял радиограмму от сержанта и пробежал ее глазами в надежде убедиться, что в ней нет ничего неотложного. Затем прочитал ее вновь, уже внимательнее.

Это еще что за новость — Комитет по проблемам Рамы? И почему он никогда о таком не слышал? Кто только ни старался войти с ним в контакт — ассоциации и общества всех мастей, от самых респектабельных до совершенно психопатических; центр управления всеми силами оберегал его от них и ни за что не переслал бы ему этой радиограммы, если бы не счел ее важной.

«Ветры — двести километров в час, возможен внезапный шквал» — да, тут было над чем задуматься. Но можно ли принять подобное предостережение всерьез, когда вокруг идеально тихая ночь? И не смешно ли удирать, когда они только-только начали серьезные исследования?..

Капитан Нортон поднял руку, хотел было отвести волосы, почему-то вновь упавшие на глаза, и замер. Ветерок-то здесь, кажется, есть, и он ощущает это уже не первый раз. Но ветерок настолько слабый, что капитан сразу не удостоил его вниманием: в конце концов, он, Нортон, привык управлять космическим кораблем, а не парусником. До сих пор дуновения воздуха ни в малейшей степени не задевали его профессиональных интересов. Но любопытно, что предпринял бы в таких обстоятельствах капитан того, первого «Индевора»?

Вот уже на протяжении четырех-пяти лет Нортон в критические минуты задавал себе этот вопрос. Он никому не раскрывал своей тайны. А возникла она, как возникает все самое важное в жизни,— по воле случая.

Он уже несколько месяцев носил капитанское звание, когда узнал, что его «Индевор» — тезка одного из самых прославленных в истории кораблей. Правда, в течение последующих четырех веков еще с десяток «Индеворов» выходило

в море, а два «Индевора» — в космос, но прародителем их всех являлся тот трехсотсемидесятитонный барк, на котором капитан королевского флота Джеймс Кук совершил кругосветное плавание в 1768–1771 годах.

Умеренный интерес к предшественнику быстро перерос во всепоглощающую страсть, почти одержимость; Нортон перечитал все, что хоть как-то касалось капитана Кука. Сейчас он был, пожалуй, крупнейшим в мире знатоком жизни и деятельности этого великого исследователя и помнил целые страницы путевых дневников капитана наизусть.

И тем не менее даже Нортону казалось подчас невероятным, как один человек, да еще с таким примитивным снаряжением, мог столько совершить. Джеймс Кук был не только превосходным мореходом, но и пытливым ученым и — в свой жестокий век — убежденным гуманистом. Со своей командой он обращался с необычной тогда добротой и — что было уже и вовсе неслыханно — так же обходился на новооткрытых землях и с туземцами.

Заветной, но, он сам понимал, неосуществимой мечтой Нортона было повторить хотя бы один из кругосветных маршрутов капитана Кука. Пока ему удалось лишь пролететь по полярной орбите прямо над Большим Барьерным рифом (надо думать, подобный способ передвижения поверг бы в изумление легендарного капитана). Случилось это в погожий день на заре, и с высоты четырехсот километров ему открылся впечатляющий вид на грозную коралловую стену, отмеченную полоской белой пены вдоль всего побережья Квинсленда.

На то, чтобы оставить позади риф протяженностью две тысячи километров, Нортону не потребовалось и пяти минут. Одним взглядом он мог окинуть недели исполненного опасностей пути того, стародавнего «Индевора». А в телескоп он разглядел даже крохотное пятнышко Куктауна и устье реки, где вытащенный на берег барк чинили после встречи с рифом, едва не оказавшейся роковой.

Годом позже Нортон побывал на космической станции дальнего слежения, расположенной на Гавайях, и не упустил случая посетить другое незабываемое место. Катер на подводных крыльях переправил его в бухту Кеалакекуа; шагая там среди черных вулканических скал, он почувствовал вдруг такое волнение, что сам был озадачен и даже смущен. Гид повел группу ученых, инженеров и космонавтов мимо сверкающего металлом обелиска, который заменил более ранний памятник, разрушенный Великим цунами 2068 года. Они прошли еще с десяток шагов по черной скользкой лаве и замерли подле небольшой дощечки у самой воды. Дощечку захлестывали соленые брызги, но Нортон уже не замечал их; наклонившись, он вчитывался в слова:

НЕПОДАЛЕКУ ОТСЮДА
14 ФЕВРАЛЯ 1779 ГОДА
БЫЛ УБИТ КАПИТАН
ДЖЕЙМС КУК

Мемориальная доска установлена 28 августа 1928 года комиссией по проведению 150-летия со дня гибели капитана Кука

Восстановлена в связи с 300-летием со дня гибели Кука 14 февраля 2079 года

Это было много лет назад и за сто миллионов километров отсюда. Но в тяжелые минуты Нортону неизменно казалось, что Кук незримо присутствует рядом. Втайне от всех, глубоко про себя он спрашивал: «Ну, капитан, что посоветуешь?..» Он играл в эту игру в случаях, когда не хватало фактов для трезвого суждения, когда оставалось лишь полагаться на интуицию. Ведь интуиция составляла неотъемлемую часть гения капитана Кука; тот никогда не ошибался в своем выборе — вплоть до трагического конца в бухте Кеалакекуа.

Сержант терпеливо ждал, пока командир насмотрится на раманскую ночь. Ночь уже не была непроглядной: километ-

рах в четырех от лагеря ясно светились два бледных пятнышка — там работали разведывательные партии.

«Если понадобится, я смогу отозвать их в течение часа,— утешил себя Нортон.— А уж час-то у меня останется наверняка».

— Запишите ответ,— повернулся он к сержанту.— Адрес: Планетком, для Комитета по проблемам Рамы. Благодарю за совет, приму меры предосторожности. Прошу уточнить, что значит «внезапный шквал». С уважением, Нортон, капитан «Индевора».

Он помедлил, дав сержанту скрыться в слепящем свете лагеря, и опять включил диктофон. Но нарушенный ход мыслей не восстанавливался. С письмом придется повременить...

В этом случае аналогии с Куком ему явно не помогали. Нортон помнил, какими редкими и кратковременными были встречи Элизабет Кук с мужем. За шестнадцать лет брака они виделись считаные разы — и тем не менее она родила ему шестерых детей, а потом пережила их всех.

Право, женам самого Нортона, расстояние до которых радиолуч всегда покрывал самое большее за десять минут, жаловаться было просто не на что.

Заснуть в первые «ночи» на Раме оказалось очень нелегко. Угнетала тьма, угнетали тайны, которые она скрывала, но сильнее всего угнетала тишина. Полное отсутствие звука — состояние отнюдь не естественное: всем человеческим чувствам нужен хоть какой-то раздражитель. И если они лишены его, мозг пытается создать ему замену.

Неудивительно, что многие жаловались на странный шум и даже голоса, которые слышали во сне; очевидно, шумы были иллюзорными, поскольку все, кто в те же часы бодрствовал, не слышали ровным счетом ничего. Старший врач Эрнст прописала команде простое и эффективное средство: в отведенные для сна часы людей убаюкивала тихая, неназойливая музыка.

Но в эту ночь капитану Нортону ничто не помогало. Он до боли вслушивался в темноту, отчетливо сознавая, чего ждет. И правда, периодически его лица касался ласковый ветерок, однако на грозный гул — предвестник надвигающегося шторма — не было даже и намека. Да и разведывательные партии не замечали вокруг ничего необычного.

Наконец, примерно в полночь по корабельному времени, он задремал. У пульта связи на случай, если с «Индевора» передадут еще какие-нибудь срочные сообщения, оставался дежурный. Необходимости принимать иные меры предосторожности вроде бы не возникало...

Никакой ураган не вызвал бы такого грохота, какой в мгновение ока разбудил его и весь лагерь. Казалось, обрушилось небо или корпус Рамы лопнул и стал разваливаться на части. Вслед за раздирающим уши треском наступила череда звенящих ударов, словно кто-то крушил миллионы стеклянных замков. Так продолжалось две-три минуты, а людям казалось, что прошли часы; хруст еще не прекратился, когда Нортон сумел наконец добраться до микрофона.

— Группа наблюдения! Что происходит?!

— Минуточку, шкипер. Это в районе моря. Сейчас мы туда посветим...

В восьми километрах над их головами, у центральной оси, прожектор взмахнул лучом, и тот послушно побежал по равнине. Достигнув берега моря, луч двинулся вдоль него, высвечивая замкнутый мир по окружности. Пройдя примерно четверть возможного кругового пути, луч остановился.

Там, высоко в небе — поскольку разум настаивал на том, чтобы считать это направление небом,— творилось что-то из ряда вон выходящее. Сначала Нортону почудилось, что море кипит. Оно больше не было неподвижным, застывшим в объятиях вечной зимы; огромный его участок, измеряемый километрами, пришел в бурное движение. И еще — оно меняло цвет: по льду ползла широкая лента яркой белизны.

Исполинская льдина — наверное, четверть на четверть километра — неожиданно накренилась и вздыбилась, как распахнутая дверь. Край ее неспешно и величественно возносился в небо, сверкая и искрясь в луче прожектора. Затем льдина скользнула вниз и исчезла под поверхностью моря, и вал вспененной воды устремился от этого места к берегам.

Лишь теперь капитан Нортон понял, что случилось. Вскрывалось море. Долгие дни и недели, начиная с глубин, шло таяние, и вот... Сосредоточиться было трудно: громовой треск не прекращался, заполняя мир и перекатываясь эхом, однако Нортон уже искал объяснения происходящим

катаклизмам. Ведь на Земле, когда вскрываются замерзшие реки и озера, ничего похожего не бывает...

Ну конечно же! Теперь, перед лицом фактов, все стало более чем очевидно. Солнечное тепло просачивалось сквозь корпус Рамы, и море начало таять со дна. Донный лед превращался в воду, а вода, как известно, занимает меньший объем...

Море ушло из-под верхнего слоя льда, оставив его без поддержки. День за днем таяние ускорялось и ширилось, пока полоса льда, охватывающая экватор Рамы, не начала рушиться, словно лишенный опор мост. Сейчас она раскалывалась на сотни плавучих островов, которые, в свою очередь, будут сталкиваться и крошиться, пока не растают. У Нортона кровь застыла в жилах, когда он вспомнил, что они совсем было решили добираться до Нью-Йорка на санях...

Бунт стихий постепенно угасал — в битве между льдом и водой наступало временное перемирие. Через два-три часа с повышением температуры вода одержит победу, растопив последние остатки льда. Но в конечном счете победителем выйдет лед: обогнув Солнце, Рама снова канет во мраке межзвездного пространства.

Едва опомнившись и переведя дух, Нортон вызвал по радио ближайшую к берегу моря группу. К большому его облегчению, лейтенант Родриго откликнулся без задержки. Нет, вода до них не дошла. Ни один из валов не выплеснулся за край обрыва. «Теперь мы, по крайней мере, знаем,— добавил хладнокровный Борис,— зачем вообще нужен этот обрыв...» Нортон внутренне согласился с ним и так же про себя добавил: «Но это еще не объясняет, почему утес на южном берегу ровно в десять раз выше...»

Прожектор продолжал вычерчивать круги по экватору. Разбуженное море понемногу успокаивалось, ледовые поля больше не опрокидывались, и кипящей белой пены тоже не было видно. Четверть часа — и светопреставление в основном закончилось.

Но и тишине на Раме пришел конец: мир очнулся от сна, и по нему вновь и вновь раскатывались волны скрежета — это сталкивались друг с другом айсберги.

«Весна слегка запоздала,— сказал себе Нортон,— но зима, несомненно, уже сдалась». И откуда-то опять налетел ветерок, заметно более сильный, чем прежде. Рама сделал им достаточно серьезное предупреждение — пора было объявлять отход.

На половине пути они поставили специальную отметку; приближаясь к ней, капитан Нортон снова почувствовал, что признателен темноте, скрывающей как путь наверх, так и путь вниз. Разумеется, он помнил, что впереди еще более десяти тысяч ступеней, и без труда мог представить себе их крутой изгиб — и все-таки то обстоятельство, что реально он видит лишь малую их долю, делало перспективу менее удручающей.

Для него самого это восхождение было вторым, и он хорошо усвоил урок, полученный в первый раз. При такой низкой гравитации поневоле возникало искушение взбираться быстро, слишком быстро: каждый шаг давался так легко, что подчинять его нудному медленному ритму казалось просто ни к чему. Но если не сделать этого, то через две-три тысячи ступеней ноги начнут странным образом ныть. Мускулы, о существовании которых человек до тех пор и не догадывался, заявят решительный протест и будут требовать все более и более длительного отдыха. В прошлый раз Нортон под конец пути дольше отдыхал, чем двигался, и все же ничего не добился. Следующие два дня ноги сводило болезненными судорогами, и, не находись он вновь в невесомости у самого своего корабля, Нортон, наверное, утратил бы работоспособность.

Поэтому сейчас он двинулся в путь с тягостной медлительностью, как древний старик. Он покинул равнину последним, остальные поднимались цепочкой, растянувшейся на полки-

лометра над ним, и он различал огоньки их фонариков, ползущие вверх по невидимому откосу.

В душе он жестоко досадовал, что не успел завершить свою миссию, и надеялся, что отступление носит временный характер. Добравшись до шлюза, они переждут, пока не прекратятся возмущения в атмосфере. Можно предполагать, что там, у оси, будет штиль, как в центре циклона; они пересидят шторм в безопасности и вернутся...

Впрочем, он опять спешил с выводами — трудно было избавиться от привычки проводить рискованные аналогии с Землей. Метеорология целого мира даже при совершенном равновесии атмосферы — дело невероятной сложности. Ведь и на Земле прогнозы погоды, несмотря на трехсотлетнюю практику, так и не стали абсолютно надежными. А атмосфера Рамы, мало того что оставалась системой со многими неизвестными, еще и претерпевала стремительные перемены: лишь за последние два-три часа температура поднялась на несколько градусов. Однако обещанного урагана пока не было и в помине, хотя порывы ветра налетали неоднократно и с разных сторон.

Так они поднялись на пять километров — при низкой и к тому же непрестанно уменьшающейся силе тяжести это соответствовало, наверное, километрам двум на Земле. На третьем уровне, в трех километрах от оси, они устроили часовой привал, слегка перекусили и растерли мышцы ног. Здесь лежал конечный рубеж, на котором они еще могли дышать без натуги; подобно тому как прежде это делали альпинисты в Гималаях, они, спускаясь, оставили здесь свои кислородные приборы, а теперь надели их снова, чтобы уже не снимать до самого конца пути.

Часом позже они добрались до верха лестницы и начала трапа. Оставался последний вертикальный километр, к счастью в слабом гравитационном поле составлявшем лишь несколько процентов земного. Еще один тридцатиминутный

привал, тщательная проверка запасов кислорода — и они приготовились к финальному броску.

Нортон вновь удостоверился, что его подчиненные благополучно следуют друг за другом с интервалом в двадцать метров. Теперь и ему предстояло медленно и до отвращения нудно тянуть себя вверх и вверх. Лучше всего было ни о чем не думать, а просто считать перекладины, проплывающие мимо: сто, двести, триста, четыреста...

Он достиг тысяча двести пятидесятой, когда внезапно осознал, что вокруг что-то не так. Свет, отражающийся от вертикальной стены перед самыми его глазами, приобрел какой-то новый оттенок, более того, стал слишком ярок.

Капитану не хватило времени ни на то, чтобы притормозить, ни на то, чтобы как-то предостеречь остальных. Все произошло менее чем за секунду.

Беззвучным мгновенным взрывом на Раме занялся рассвет.

Свет был таким ослепительным, что Нортон поневоле зажмурился на добрую минуту. Затем он рискнул приоткрыть глаза и из-под чуть приподнятых век взглянул на стену в каких-то пяти сантиметрах от собственного шлема. Несколько раз моргнул, выждал, когда высохнут невольные слезы, и не спеша повернул голову...

Зрелище, раскрывшееся перед ним, оказалось немыслимо вынести дольше двух-трех секунд — и веки опять смежились сами собой. Нет, виной тому был не яркий блеск — к нему в конце концов можно было привыкнуть,— а внушающая благоговение перспектива Рамы, впервые представшая перед ними во всей своей полноте.

Кто-кто, а Нортон заведомо знал, чего можно ожидать, и тем не менее открывшийся вид ошеломил его. Тело охватила волна неудержимого трепета, руки судорожно вцепились в перекладины трапа — так утопающий цепляется за спасательный пояс. Мышцы предплечий сразу начали каменеть, а ноги, уже обессиленные многочасовым восхождением, напротив, сделались совершенно ватными. Если бы не малое притяжение, он мог сорваться и упасть.

Потом годы тренировок все же взяли свое, и он прибег к испытанному средству. Не раскрывая глаз и стараясь выбросить из памяти только что виденную невероятную картину, он принялся делать затяжные, глубокие вдохи, чтобы кислород, заполнивший легкие, вынес из организма яд усталости.

Постепенно он почувствовал себя лучше, но не разомкнул век, пока не совершил еще одного необходимого действия. Потребовалось немалое усилие воли, чтобы разжать правую руку,— пришлось уговаривать ее, как непослушное дитя,— но он все-таки отвел руку к животу и, высвободив страховочный пояс, накинул пряжку на ближайшую скобу. Теперь, что бы ни случилось, он уже не сорвется.

Нортон еще раз глубоко вздохнул и, по-прежнему не раскрывая глаз, включил передатчик. Хотелось надеяться, что голос у него звучит спокойно и решительно:

— Говорит капитан. Все ли целы?

По мере того как он называл имена и выслушивал ответы — подчас нетвердо, но ответили все,— к нему возвращалась уверенность в себе, возвращалось самообладание. Люди уцелели, люди рассчитывали, он укажет им, что делать. Он вновь почувствовал себя командиром.

— Закройте глаза и не открывайте их до тех пор, пока не убедитесь, что сумели преодолеть головокружение,— распоряжался он.— Вид, безусловно, ошеломляющий. И если для кого-то из вас он окажется непереносимым, тогда придется продолжать восхождение не оглядываясь. Напоминаю, что скоро мы попадем в невесомость, следовательно, упасть будет просто невозможно...

Казалось бы, тыкать опытных космонавтов носом в столь элементарную истину нет нужды, но ведь и сам Нортон вынужден был поминутно повторять ее про себя. Мысль о невесомости превратилась в своего рода талисман, охраняющий от бед. Вопреки любым зрительным ощущениям, увлечь их вниз и расплющить о равнину Рама был уже не властен.

Самолюбие, чувство собственного достоинства настоятельно требовали от него вновь открыть глаза и вглядеться в окружающий мир. Но сначала, конечно, следовало обрести контроль над своим телом.

Он заставил себя отпустить трап, а затем локтем левой руки захватил ближайшую скобу. Сжимая и разжимая кис-

ти рук, он дал мышцам расслабиться и наконец, когда новое положение стало для него по-настоящему удобным, неторопливо повернувшись, встретился с Рамой лицом к лицу.

И первое впечатление — синева. Сияние, заполнившее небо, даже по ошибке нельзя было принять за солнечный свет, скорее оно походило на вольтову дугу. «Значит,— сделал вывод Нортон,— собственное солнце Рамы горячее нашего. Астрономов это, несомненно, заинтересует...»

Теперь, по крайней мере, стало понятным назначение таинственных траншей — Прямой долины и пяти ее близнецов: это были просто-напросто гигантские фонари. Рама располагал шестью линейными солнцами, симметрично размещенными по всей его внутренней поверхности. Каждое из солнц посылало широкий веер лучей на противоположную сторону мира. «Любопытно,— подумал Нортон,— предусмотрена ли здесь возможность попеременного их выключения, чередования света и тьмы, или на Раме отныне воцарился вечный день?..»

Он слишком пристально вглядывался в полосы слепящего света, глаза опять начали слезиться и появился повод, не упрекая себя, прикрыть их снова. И только тогда, почти оправившись от первоначального зрительного шока, он задал себе самый серьезный вопрос.

Кто включил — что включило — эти огни?

Все проверки, даже самые тонкие, доказывали, что этот мир стерилен. Но вот произошло нечто, никак не объяснимое действием естественных сил. Допустим, жизни здесь действительно нет — значит ли это, что нет и сознания? Роботы могли проспать миллионы лет — и проснуться. А может, взрыв света — незапрограммированная, случайная конвульсия, последний предсмертный вздох машин, ответивших наобум на близость новой звезды, и вскоре Рама вновь впадет в спячку, на этот раз навсегда?

Однако Нортон и сам не верил, что объяснение столь примитивно просто. Какие-то кусочки мозаичной головолом-

ки начали вставать на свои места, но многих, слишком многих еще недоставало. Как понять, к примеру, отсутствие всяких признаков старения, печать новизны на всем вокруг, словно Рама только вчера сошел со стапелей?..

Подобные мысли могли бы вызвать испуг, даже ужас, но почему-то ничего похожего не случилось. Напротив, Нортона охватило радостное возбуждение, почти восторг. Этот мир таил в себе открытий куда больше, чем они смели надеяться. «Воображаю,— сказал он себе,— как взовьется Комитет по проблемам Рамы, когда узнает про рассвет!»

Затем он спокойно и решительно вновь открыл глаза и принялся инвентаризировать все, что видел.

Прежде всего следовало выработать какую-то систему координат. Перед ним лежало величайшее замкнутое пространство, какое когда-либо видел человек, и, чтобы не затеряться в нем, нужен был хотя бы умозрительный план.

Рассчитывать на помощь едва ощутимого притяжения не приходилось: Нортон мог представить себе «верх» и «низ» почти в любом желаемом направлении. Однако иные из представлений оказывались психологически опасными, и, едва они приходили на ум, он должен был стремительно гнать их прочь.

Всего безопаснее было бы вообразить себе, что они находятся в донной чаше исполинского колодца шестнадцати километров в ширину и пятидесяти в глубину. Такой угол зрения имел то преимущество, что начисто устранял страх падения, но в то же время не был лишен серьезных недостатков.

Удавалось как-то уговорить себя, что разбросанные там и сям «города» и «поселки», по-разному окрашенные и устроенные, надежно прикреплены к нависающим со всех сторон стенам. Сложные сооружения, едва различимые на куполе над головой, смущали Нортона, в сущности, не больше, чем какая-нибудь подвесная люстра в одном из гигантских концертных залов Земли. По-настоящему неприемлемым оставалось лишь Цилиндрическое море.

Вот оно — лента воды, опоясывающая шахту колодца и сцепленная с ней непонятно как... И ведь нет даже тени сомнения, что это вода, именно вода, ярко-синяя, с искристыми блестками недотаявших льдин. Однако вертикальное море, образующее полный круг на двадцатикилометровой высоте,— зрелище настолько поразительное, что спустя какой-то миг пришлось искать ему иное объяснение.

Нортон решил мысленно повернуть картину на девяносто градусов. В мгновение ока глубокий колодец превратился в длинный, перекрытый с обоих концов туннель. «Вниз» — это теперь означало, разумеется, вниз по трапу и лестнице, по которым он только что поднялся; теперь, под таким углом зрения, Нортон, пожалуй, мог по достоинству оценить замысел архитекторов — создателей этого мира.

Он приник к поверхности изогнутого шестнадцатикилометрового утеса, верхняя половина которого нависла над головой, постепенно смыкаясь с арочным сводом, перевоплотившимся ныне в небо. Из-под ног уходил трап, через полкилометра с лишним обрывавшийся на первом уступе-террасе. Затем начиналась лестница, вначале тоже почти вертикальная, но по мере нарастания гравитации все менее и менее крутая; пять разрывов дуги — пять площадок, и наконец где-то вдали она достигала равнины. На протяжении двух-трех километров различались отдельные ступени, потом они сливались в сплошную полосу.

Устремленная вниз лестница была столь грандиозна, что оценить истинную ее протяженность оказывалось выше сил человеческих. Нортону случилось однажды облететь вокруг Эвереста, и его поразили тогда размеры горы. Сейчас он напомнил себе, что по высоте лестница соперничает с Гималаями, но сравнение оказалось лишенным смысла.

И уж вовсе ни в какое сравнение с чем-либо земным не шли две другие лестницы, Бета и Гамма, уходящие вкось в небо и изгибающиеся над головой. Нортон уже вполне набрался храбрости для того, чтобы, слегка откинувшись, бросить

взгляд в ту сторону — ровно на миг. И тут же постарался стереть увиденное из памяти.

Стереть, потому что раздумья на эту тему не могли не вызвать к жизни третье возможное представление о Раме, то, какого он хотел избежать любой ценой. Представление о вертикальном цилиндре или шахте, но с той разницей, что сам он находится не на дне ее, а наверху и ползет как муха под куполом, а внизу разверзается пятидесятикилометровая бездна. Едва в сознание закрадывался подобный образ, как от Нортона требовалась вся сила его воли, чтобы в безотчетной панике не вцепиться в трап.

Со временем, разумеется, эти страхи поблекнут. Чудеса Рамы с лихвой искупят несколько кошмарных минут, по крайней мере для людей, встречавшихся лицом к лицу с космосом. Может, те, кто никогда не покидал Земли, не оставался наедине со звездами, и не сумели бы вынести такого зрелища. «Но если хоть одна живая душа способна приноровиться к нему,— заметил себе Нортон с мрачной решимостью,— то пусть это будут капитан и команда "Индевора"...»

Он посмотрел на свой хронометр. Пауза длилась максимум две минуты, а показалось — полжизни. С трудом собрав достаточно сил, чтобы преодолеть инерцию и мизерное гравитационное поле, он принялся медленно подтягиваться по последним прогонам трапа. Перед тем как войти в воздушный шлюз, он окинул перспективу еще одним беглым взглядом.

За какие-то пять истекших минут она снова изменилась — с моря поднимался туман. Прозрачные белые столбы резко кренились в направлении вращения Рамы, чтобы через несколько сот метров расплыться, закрутившись в смерчи: устремившийся вверх воздух пытался погасить избыточную скорость. Пассаты Цилиндрического моря принялись рисовать свои автографы в его небе; надвигался первый за неисчислимые столетия тропический шторм.

Впервые за несколько недель Комитет по проблемам Рамы прибыл на заседание — очно и заочно — в полном составе. Профессора Соломонса извлекли со дна Тихого океана, где он изучал добычу руды в глубоководных шахтах. И вновь объявился — в стереоварианте — доктор Тейлор. Удивляться этому не приходилось: ведь события развивались так, что возродили надежды найти на Раме что-нибудь посенсационнее мертвых технических безделушек.

Председатель, в сущности, не сомневался, что Карлайл Перера сегодня будет еще более непререкаем и напорист, чем обычно,— еще бы, его прогнозы раманских ураганов подтвердились! Но, к великому удивлению собравшихся, Перера вел себя исключительно тихо и принимал поздравления коллег с видом настолько близким к смущению, насколько это вообще было для него возможно.

По правде сказать, экзобиолог чувствовал себя глубоко униженным. Тот факт, что Цилиндрическое море вскроется, и весьма эффектно, представлялся теперь еще более непреложным, чем ураганные ветры,— а он это начисто проморгал. Сообразить, что нагретый воздух поднимется вверх, и забыть, что лед, превратившись в воду, уменьшится в объеме,— подобным подвигом вряд ли стоило гордиться.

Впрочем, доктору Перере не требовалось много времени, чтобы обрести свою привычную самоуверенность. Но когда председатель предоставил ему слово и спросил, какие еще

климатические перемены ожидаются в ближайшем будущем, Перера заговорил, взвешивая каждое слово.

— Следует помнить,— заявил он,— что метеорология мира столь необычного, как Рама, способна преподнести нам немало новых сюрпризов. Однако, если мои вычисления верны, штормов больше не будет и условия стабилизируются. Температура будет повышаться вплоть до перигелия, а возможно, и дольше, но это не должно беспокоить нас, поскольку «Индевору» задолго до того придется уйти...

— Значит, люди вскоре смогут вернуться внутрь?

— Мм... вероятно. Через двое суток узнаем наверняка.

— Возвращение совершенно необходимо,— вмешался представитель Меркурия.— Мы должны выведать о Раме все, что только возможно. Ситуация кардинальным образом изменилась...

— Кажется, мы догадываемся, что именно вы имеете в виду, и тем не менее соблаговолите пояснить...

— С удовольствием. До сих пор мы полагали, что Рама необитаем или, точнее, никем не контролируется. Но теперь мы не вправе более себя обманывать. Даже если на борту нет живых существ как таковых, кораблем могут управлять роботы, запрограммированные для выполнения определенной миссии, и, не исключено, весьма неблагоприятной для нас. Как ни прискорбно, мы должны принять во внимание требования самозащиты.

Поднялся хор протестующих голосов, и председателю пришлось поднять руку, чтобы восстановить порядок.

— Позвольте его превосходительству закончить! — провозгласил он.— Нравится нам эта идея или нет, но отнестись к ней следует серьезно...

— При всем моем уважении к делегату Меркурия,— произнес Конрад Тейлор тоном крайнего пренебрежения,— мы можем смело отмести все и всяческие домыслы о злокозненной интервенции. Существа, столь цивилизованные, как рамане, должны иметь соответственно развитую мораль. В про-

тивном случае они давно уничтожили бы сами себя, как мы едва не уничтожили себя в двадцатом веке. Я с полной ясностью доказал это положение в своей недавно вышедшей книге «Характеры и космос». Надеюсь, вы получили дарственный экземпляр?..

— Получил, благодарю вас, хотя, к сожалению, перегруженность другими делами не позволила мне пока продвинуться дальше предисловия. Тем не менее я вполне знаком с общей концепцией. У нас, к примеру, может вовсе не быть злокозненных намерений по отношению к муравейнику. Ну а если мы хотим построить дом как раз на том же месте?..

— Но это ничуть не лучше ящика Пандоры! Это уж, простите, какая-то межзвездная ксенофобия!..

— Господа, господа! Так мы с вами ничего не добьемся. Ваше превосходительство, вы можете продолжать...

И председатель сквозь триста восемьдесят тысяч километров пустоты устремил гневный взгляд на Тейлора; тот неохотно стих, подобно вулкану, выжидающему своего часа.

— Спасибо,— поблагодарил меркурианин.— Угроза, быть может, и маловероятна, но там, где на карту поставлено будущее человечества, мы не вправе допускать никакого риска. И, да будет мне позволено сказать, нас, меркуриан, это касается в особенности. У нас оснований для тревоги, пожалуй, больше, чем у кого-либо другого.

Доктор Тейлор отчетливо фыркнул, за что опять удостоился гневного взгляда с Луны.

— Почему же больше? — спросил председатель.— А остальные планеты разве не в счет?

— Рассмотрим ситуацию в динамическом развитии. Рама уже пересек нашу орбиту. Предполагается, что он обогнет Солнце и вновь устремится в пространство. Но это только предполагается, а что, если он решит притормозить? Если тормозной маневр намечен, то произойдет он в перигелии, примерно через тридцать дней. Ученые моей планеты сообщили мне, что при соответствующем изменении скорости

Рама выйдет на круговую орбиту в двадцати пяти миллионах километров от Солнца. Заняв такую позицию, он будет господствовать над всей Солнечной системой.

Довольно долго никто, даже Конрад Тейлор, не проронил ни слова. Члены комитета предались тяжким думам об этом несносном племени меркуриан, достойно представленном здесь их полномочным послом.

Большинству людей Меркурий мыслился довольно точной копией ада — до сих пор, во всяком случае, никто не встречал чего-нибудь похлеще. Однако сами меркуриане гордились своей причудливой планетой с ее днями, более долгими, чем годы, с ее двойными восходами и закатами и реками расплавленного металла. В сравнении с Меркурием Луна и Марс казались совершенной обыденщиной. Разве только на Венере (если высадка там вообще когда-нибудь произойдет) встретит человек окружение более враждебное, чем природа Меркурия.

И тем не менее эта планета во многих отношениях была ключом к Солнечной системе. Ретроспективно такая оценка представлялась вполне очевидной, хотя прошло почти сто лет космической эры, прежде чем люди уяснили себе это. Зато впоследствии меркуриане никому не позволяли забыть о своем могуществе.

Задолго до того, как человек добрался до Меркурия, поразительная плотность этой планеты наводила на мысль о присутствии там тяжелых элементов, но реально разведанные богатства повергли человечество в изумление и на тысячу лет отогнали призрак истощения залежей металлов, жизненно важных для цивилизации. И подумать только, что эти сокровища облюбовали себе место, наилучшее из всех возможных, там, куда Солнце посылает энергию вдесятеро щедрее, чем на стылую Землю!

Неограниченное потребление энергии — неограниченное производство металла. Таков был Меркурий. Его гигантские магнитные катапульты могли перебросить добытую руду

в любую точку Солнечной системы. Предметом меркурианского экспорта являлась и энергия в форме искусственных трансурановых изотопов или просто в виде излучения. Предлагалось, например, установить на Меркурии лазеры, чтобы в один прекрасный день растопить льды Юпитера, но эту идею не очень-то приветствовали на других мирах. Технику, способную подогреть Юпитер, слишком легко было бы использовать для прямого межпланетного шантажа.

То, что люди не постеснялись высказать подобные опасения, красноречиво свидетельствовало об истинном отношении человечества к меркурианам. Их уважали за выносливость и инженерное искусство, восхищались упорством, с каким они завоевывали свой грозный мир. Но их не любили и тем более им не слишком доверяли.

И в то же время понять точку зрения меркуриан было, в общем, не сложно. Жители других планет шутили, что меркуриане подчас ведут себя так, словно Солнце — их личная собственность. Они связали себя с Солнцем своеобразными отношениями любви-ненависти: так викинги были некогда связаны с морем, непальцы — с Гималаями, эскимосы — с тундрой. Они испытали бы истинное горе, если бы что-то встало между ними и могущественной силой, которая повелевала их жизнью и направляла ее.

В конце концов молчание нарушил не кто иной, как сам председатель. Он все еще не забыл горячего солнца Индии, так что о солнце Меркурия не мог и подумать без дрожи. Правда, он считал меркуриан неотесанными техническими варварами, но к их заявлениям всегда относился всерьез.

— На мой взгляд, господин посол, ваши доводы достаточно вески,— вдумчиво сказал он.— Есть у вас какие-нибудь конкретные предложения?

— Да, сэр. Прежде чем мы решим, что следует предпринять, мы должны собрать факты. Мы знаем географию Рамы — если применять этот спорный термин,— но не имеем ни малейшего представления о конструктивных возможно-

стях корабля. И главным из всех вопросов представляется один: есть ли на Раме двигатель? Может ли он изменить орбиту? Хотелось бы слышать, что думает по этому поводу доктор Перера.

— Я немало размышлял на этот счет,— ответил экзобиолог.— Конечно, начальное ускорение Раме придало какое-то двигательное устройство, но ведь оно могло действовать и извне. Что касается бортовых двигателей, то мы не обнаружили ничего похожего на них. С уверенностью можно сказать, что там нет и следа ракетных дюз или чего-нибудь хотя бы отдаленно их напоминающего...

— Дюзы нетрудно замаскировать...

— Верно, только зачем? И потом, где баки с горючим, где энергетические установки? Корпус сплошной — мы обследовали его сейсмически. Пустоты, обнаруженные в северном торце, полностью совпадают с системой воздушных шлюзов.

Значит, остается южный торец, куда капитан Нортон не сумел пока добраться из-за десятикилометровой водной преграды. Вы видели фотографии — там, на юге, расположено множество странных механизмов и сооружений. Что это такое, можно только гадать.

Но я довольно твердо уверен в одном. Если на Раме есть двигатель, то основан он на принципе, нам пока совершенно неизвестном. Может, раманам удалось сконструировать мифический гипердвигатель, о котором люди мечтают вот уже двести лет...

— Следовательно, это не исключается?

— Ну разумеется, нет! Если бы нам удалось доказать, что на Раме установлен гипердвигатель — даже если бы мы совсем не разобрались в способе его действия,— это было бы открытием величайшего значения. По крайней мере, мы установили бы, что гипердвигатель принципиально возможен...

— Но что это за штука — гипердвигатель? — уныло спросил представитель Земли.

— Любой двигатель, сэр Роберт, любой космический двигатель, созданный не на принципе реактивной тяги. Антигравитационный, например, если таковой существует. В настоящее время мы даже не представляем себе, в какой области науки искать такое устройство, и большинство ученых считают, что его вообще не найти...

— Разумеется, не найти,— вмешался профессор Дэвидсон.— Это установлено еще Ньютоном. Каждому действию равно противодействие. Гипердвигатель — чепуха. Поверьте моему слову...

— Не исключено, что вы правы,— откликнулся Перера с необычной для себя вежливостью.— Но если на Раме нет гипердвигателя, то и никакого другого двигателя тоже нет. Там просто не хватит места для традиционных силовых установок с их необъятными топливными баками.

— Трудно себе представить, что целый мир можно разгонять и тормозить,— заявил Деннис Соломонс.— А что при этом произойдет со всем его содержимым? Каждый предмет придется привинчивать к полу. Слишком неудобно...

— Видите ли, ускорение может быть совсем небольшим. Непонятно одно — что станет с Цилиндрическим морем. Как прикажете удержать на месте массу воды?..

Перера неожиданно запнулся на полуслове, глаза его остекленели. Казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар. Коллеги встревоженно уставились на него, но ученый так же внезапно оправился, грохнул кулаком по столу и воскликнул:

— Ну конечно! Вот вам и объяснение! Южный утес — теперь все понятно!

— Только не мне,— проворчал представитель Луны, выражая, по-видимому, мнение всех присутствующих дипломатов.

— Взгляните на Раму в продольном сечении,— возбужденно продолжал Перера, развертывая чертеж.— Есть у вас такие схемы? Цилиндрическое море замкнуто между двумя утесами, опоясывающими его поверхность вкруговую. Утес на

северном берегу поднимается в высоту всего на пятьдесят метров. А на противоположном, южном, берегу — без малого на полкилометра. Во имя чего такая огромная разница? До сих пор по этому поводу никто не высказал никакой разумной гипотезы.

Но допустим, что Рама действительно способен набирать скорость, двигаясь северным концом вперед. Вода устремится назад, уровень ее у южного берега поднимется, быть может, на сотни метров. Отсюда и утес. Ну-ка, прикинем...

Перера принялся яростно царапать карандашом по бумаге. Пауза была удивительно короткой — спустя какие-то двадцать секунд он поднял глаза с победной улыбкой.

— Зная высоту обоих утесов, можно вычислить максимальное ускорение, на какое рассчитан Рама. Если оно будет больше двух процентов, море выплеснется на южный континент.

— Одна пятидесятая *g?* Не слишком много...

— Напротив, очень много, если принять во внимание массу в десять миллионов мегатонн. И в то же время вполне достаточно для маневрирования в космосе...

— Большое спасибо, доктор Перера,— заявил представитель Меркурия.— Вы дали нам немалую пищу для размышлений. Господин председатель, нельзя ли внушить капитану Нортону, что нам представляется совершенно необходимым обследовать район Южного полюса?

— Он делает все, что может. Бесспорно, море — серьезное препятствие. Они пытаются соорудить какое-то подобие плота, чтобы побывать, по крайней мере, в Нью-Йорке...

— Южный полюс, видимо, еще важнее. Ставлю вас в известность, что я намерен вынести данный вопрос на рассмотрение Генеральной ассамблеи. Одобряете ли вы такой шаг?..

Возражений не последовало даже со стороны доктора Тейлора. Члены комитета, присутствующие заочно, собирались уже прервать связь, но тут руку поднял сэр Льюис.

Старый историк выступал очень редко, и уж если выступал, то его следовало послушать.

— Предположим, мы выясним, что Рама... мм... продолжает жить и способен маневрировать. Даже военные — и те давным-давно поняли, что способность напасть и намерение напасть — вещи совершенно разные...

— И сколько мы, по-вашему, должны ждать, чтобы убедиться в намерениях раман? — спросил меркурианин.— Когда мы точно узнаем, каковы их намерения, будет слишком поздно.

— Уже слишком поздно. Можем мы как-нибудь повлиять на Раму? Нет, не можем. Да, наверное, и никогда не могли.

— Я не согласен с вашим утверждением, сэр Льюис. Мы можем сделать многое, если понадобится. Хотя времени у нас осталось отчаянно мало. Рама — словно яйцо, где сидит космический птенец неизвестной породы. Солнечные лучи отогрели его, и теперь птенец готов вылупиться в любой момент.

Председатель комитета вперил в посланца Меркурия взгляд, исполненный чистосердечного изумления. Он никак не предполагал, что меркурианин способен подняться до столь поэтических сравнений.

Когда кто-нибудь из экипажа обращался к нему «командир» или, того хуже, «мистер Нортон» — это всегда означало, что затевается нечто нешуточное. А чтобы Борис Родриго титуловал его подобным образом — такого Нортон вообще не мог припомнить; значит, дело было серьезным вдвойне. Даже в самые тяжелые минуты лейтенант Родриго неизменно отличался выдержкой и рассудительностью.

— Что стряслось, Борис? — спросил капитан, едва за ними закрылась дверь каюты.

— Прошу вашего разрешения, командир, на внеочередную передачу непосредственно на Землю.

Это было несколько необычно, но не беспрецедентно. Повседневная связь шла через ретрансляторы ближайшей планеты — в настоящее время через Меркурий,— и, хотя радиоволны находились в пути лишь несколько минут, иной раз требовалось пять, а то и шесть часов, чтобы сообщение достигло адресата. Как правило, такая скорость всех вполне устраивала, но в случае острой необходимости ценою значительно больших затрат под ответственность капитана можно было использовать и каналы прямой связи.

— Вы, конечно, понимаете, что подобную просьбу следует обосновать. Все доступные полосы частот забиты отчетами наших исследовательских групп. Что у вас, какое-то личное несчастье?

— Нет, командир. Мое дело гораздо важнее. Я хотел бы направить послание братьям по вере.

«Ну и ну! — воскликнул про себя Нортон.— Вот это казус!..»

— Пожалуйста, объясните подробнее.

Просьба Нортона была продиктована не только любопытством, хотя и это, разумеется, имело место. Если бы он пошел Борису навстречу, ему пришлось бы оправдывать свое решение перед начальством.

На капитана смотрели спокойные голубые глаза. Он не помнил случая, чтобы Борис хоть когда-нибудь потерял контроль над собой, хоть на секунду изменил незыблемой убежденности в собственной правоте. И все единоверцы Бориса были в этом смысле одинаковы — именно полный самоконтроль и делал из них образцовых тружеников космоса. Но их не ведающая сомнений самоуверенность, признаться, подчас раздражала остальных нечестивцев, не удостоенных божественного откровения.

— Речь идет о назначении Рамы. Мне кажется, командир, что я разгадал его.

— Продолжайте.

— Вдумайтесь в ситуацию. Перед нами мир, совершенно пустой и безжизненный и тем не менее приспособленный для человеческих существ. Здесь есть вода и атмосфера, пригодная для дыхания. Прибыл Рама из отдаленнейших глубин пространства, но был совершенно точно нацелен на Солнечную систему, настолько точно, что всякие случайности тут исключены. И он не просто выглядит новым — похоже, что им вообще никогда не пользовались...

«Но мы же толковали об этом десятки раз,— подумал Нортон.— Что особенного он может мне сказать?..»

— Наша вера учила нас, что надо ждать подобного посещения, хоть мы и не знали, какой именно цели оно послужит. Библия содержит лишь намеки. Но если это не второе пришествие, тогда предвестие второй — после потопа — великой

кары. И я полагаю, что Рама — космический ковчег, ниспосланный, дабы спасти тех, кто достоин спасения.

На мгновение в капитанской каюте воцарилась тишина. Не то чтобы Нортон утратил дар речи, скорее всего, у него одновременно возникло слишком много вопросов и он не знал, с которого начать. Наконец со всей возможной мягкостью и дипломатичностью он произнес:

— Весьма интересная концепция. И, хоть я и не разделяю вашей веры, соблазнительно логичная...

Нортон не лицемерил и не преувеличивал: теория Родриго, если освободить ее от религиозной окраски, была не менее убедительной, чем полдюжины выслушанных им прежде. Допустим, в Солнечной системе должна в ближайшем будущем разразиться катастрофа, и некая разумная раса, далеко обогнавшая в своем развитии человечество, предугадала ее. Это объяснило бы все самым прекрасным образом. Впрочем, нет, кое-какие неясности все равно остались бы...

— Разрешите, однако, спросить вас вот о чем. Через три недели Рама достигнет перигелия и, обогнув Солнце, покинет Солнечную систему так же стремительно, как и появился в ней. Не кажется ли вам, что для Страшного суда, а тем более для того, чтобы транспортировать на ковчег... гм... избранных — опускаю технические трудности — уже не остается времени?

— Совершенно справедливо. Достигнув перигелия, Рама сбавит скорость и перейдет на стационарную орбиту с афелием примерно в районе Земли. Еще один тормозной маневр — и корабль подойдет к нашей планете вплотную.

Все это звучало настолько веско, что Нортону стало не по себе. Если Рама действительно пожелает остаться в Солнечной системе, Борис Родриго описал самый рациональный путь к цели: подойти к Солнцу на минимальное расстояние и выполнить тормозной маневр именно там. Если в теории космохристианина и во всевозможных ее вариантах есть хоть капля истины, это станет известно скоро, очень скоро...

— Еще один вопрос. Какая сила управляет Рамой?

— На этот счет у меня еще не сложилось окончательного мнения. Может быть, просто робот. А может быть — дух. Оба толкования вполне объясняют отсутствие следов биологической жизни...

«Призраки на астероиде» — почему из глубин памяти вдруг всплыла эта фраза? Потом капитану вспомнился дурацкий рассказ, читанный многие годы назад; не стоило, наверное, и спрашивать, попадался ли он когда-нибудь Борису. Сомнительно, чтобы вкусы Родриго позволяли ему снисходить до литературы такого сорта.

— Вот что сделаем, Борис,— сказал Нортон, круто меняя тон разговора. Он решил прекратить аудиенцию, пока Бориса не занесло слишком далеко, и, кажется, нашел приличный компромисс.— Сумеете вы изложить идею в пределах тысячи битов?

— Думаю, что да.

— Тогда оформите ее в виде научной гипотезы, и я пошлю внеочередную радиограмму в адрес Комитета по проблемам Рамы. Копию можете направить своим единоверцам, и да будут они счастливы.

— Спасибо, командир. Поверьте, я ценю вашу доброту.

— Только не воображайте, что я сделал это, дабы спасти свою душу. Просто мне интересно подразнить мудрецов из комитета. Я отнюдь не согласен с вашей логикой, но вдруг им удастся выудить из нее что-нибудь действительно важное?

— Доживем до перигелия — увидим.

— Вот именно. Доживем до перигелия...

Как только Борис Родриго ушел, Нортон позвонил в рубку и отдал необходимые распоряжения. Надо полагать, из положения он выпутался неплохо — и потом, что, если Борис хоть чуточку прав?

Недурно было бы затесаться в число избранных.

Пробираясь по знакомому коридору шлюзового комплекса Альфа, Нортон думал: «Не поторопились ли мы? Проявили ли должную осторожность?..» Готовые при первой опасности к немедленному старту, они выждали на борту «Индевора» сорок восемь часов — драгоценные двое суток. Но за это время ровным счетом ничего не случилось, приборы, оставленные внутри Рамы, не обнаруживали никаких необычных явлений. А телекамера, к величайшему их сожалению, ослепла из-за тумана, который снизил видимость буквально до пяти метров и лишь недавно начал рассеиваться.

Когда они справились с последним поворотным шлюзом и выплыли в паутину канатов, Нортона поразила прежде всего перемена в освещении. Оно утратило резкую голубизну, стало мягче, приятнее и напоминало теперь марево над земными просторами в ясный день.

Бросив взгляд вдоль оси, он увидел лишь сверкающий белый туннель с размытыми сводами, простирающийся вплоть до диковинных гор Южного полюса. Внутренняя поверхность Рамы была сплошь затянута облаками — нигде ни малейшей прогалинки. Верхняя их граница, обозначенная очень четко, и формировала этот туннель, цилиндр внутри цилиндра, много более узкий — пять-шесть километров в поперечнике — и совершенно чистый, исключение составляли лишь отдельные заблудившиеся перистые облачка.

Исполинскую облачную трубу подсвечивали со всех сторон шесть искусственных солнц Рамы. Местоположение тех

трех, которые горели на ближнем, Северном континенте, угадывалось по расплывчатым светлым полосам, но по ту сторону Цилиндрического моря полосы сливались в беспрерывное круговое сияние.

«Что там, под облаками? — спросил себя Нортон.— Надо думать, шторм, раскрутивший облачные покровы до полной симметрии по отношению к оси, теперь угас. Может, Рама заготовил и другие сюрпризы, но, не спустившись вниз, о них и не узнаешь...»

Казалось целесообразным послать сейчас в разведывательный поход ту же группу, которая первой дерзнула проникнуть в тайны Рамы. Тем паче что сержант Майрон, как и все другие члены экипажа, теперь полностью удовлетворял требованиям корабельного врача; он даже с подкупающим простодушием утверждал, что того и гляди вывалится из старого обмундирования.

Наблюдая за Мерсером, Колвертом и Майроном, быстро и умело «плывущими» вниз по трапу, Нортон отмечал про себя происшедшие здесь, на Раме, перемены. Тогда они спускались среди тьмы и стужи, теперь двигались навстречу свету и теплу. И еще: во всех прежних экспедициях они пребывали в уверенности, что Рама мертв. В биологическом смысле это, видимо, оставалось справедливым и сейчас. Но что-то здесь неуловимо изменилось, и идея Бориса Родриго объясняла суть перемен не хуже, чем любая другая. Дух Рамы ожил.

Когда они достигли площадки у основания трапа и уже собирались начать спуск, Мерсер провел стандартную проверку атмосферы. Состав воздуха принадлежал к числу данных, которые он никогда не принимал на веру: люди вокруг могли ничтоже сумняшеся дышать без кислородных масок, а Мерсер все равно не снял бы шлема, не сделав соответствующих измерений. Если его спрашивали, не мнительность ли это, он отвечал:

— Наши ощущения — ненадежная штука. Вам кажется, что все в порядке, а может статься, еще один вдох — и протянете ноги...

На сей раз он взглянул на шкалу и буркнул:

— Черт!..

— В чем дело? — осведомился Колверт.

— Анализатор вышел из строя и показывает несусветно много. Странно — я и не слышал, чтобы он когда-нибудь портился. Ну-ка, проверим его на наших кислородных баллонах...

Он подключил миниатюрный анализатор к вентилю трубки, подающей кислород в скафандр, и застыл в недоуменном молчании. Товарищи следили за ним озабоченно и даже тревожно: если Карлу что-то не нравилось, к этому следовало отнестись со всей серьезностью. Затем Мерсер отключил анализатор от своего скафандра, вновь опробовал им воздух Рамы и наконец вызвал капитана:

— Шкипер! Посмотрите, пожалуйста, на свой прибор. Каков у вас процент молекулярного кислорода?

Последовала пауза — слишком долгая для ответа на такую просьбу. Затем Нортон радировал:

— Кажется, анализатор приказал долго жить.

Лицо Мерсера медленно расплылось в улыбке.

— Показывает пятьдесят с гаком?

— Точно, но что это значит?

— Это значит, что можно обойтись совсем без масок. Замечательно, не правда ли?

— Н-не знаю,— откликнулся Нортон, уловив сарказм в голосе помощника.— Слишком уж замечательно, чтобы спешить с выводами...

Говорить дальше не было нужды. Как все космонавты, капитан Нортон не испытывал особого доверия к явлениям, внешне слишком заманчивым.

Мерсер отстегнул защелку лицевой маски, приподнял ее и принюхался. Впервые на такой высоте воздух казался бесспорно годным для дыхания. Затхлый, мертвенный привкус исчез, исчезла и излишняя сухость, от которой першило в горле. Влажность достигла поразительной цифры — восьмидесяти процентов; это, несомненно, явилось следствием тая-

ния моря. Пожалуй, теперь даже слегка парило, но духоты не ощущалось. «Словно к вечеру на побережье в тропиках»,— подумал Мерсер. Климат Рамы за последние несколько дней решительно изменился к лучшему... Но почему, почему? Возросшая влажность тайны не составляла, а вот объяснить резкий кислородный взлет было значительно труднее. Возобновив спуск, Мерсер проделал в уме целую серию вычислений, но удовлетворительного решения так и не нашел.

Когда они добрались до облачного слоя, переход совершился почти мгновенно. Только что они скользили в полной прозрачности, придерживаясь за гладкий металл поручня, чтобы не разогнаться,— тяготение достигло в этом районе четверти *g*,— как вдруг окунулись в вязкий белый туман; видимость упала до нескольких метров. Мерсер затормозил так резко, что Колверт едва не налетел на него, а Майрон налетел-таки на Колверта, чуть не сбив того с перил.

— Спокойнее,— сказал Мерсер.— Подтянитесь поближе, чтобы не терять друг друга из виду. И не увлекайтесь скоростью на случай, если мне придется притормозить снова...

Спуск в облаках продолжался в жутковатом безмолвии. Колверт едва различал Мерсера, маячившего смутной тенью в десяти метрах под ним, на таком же расстоянии сзади виднелся Майрон. Пожалуй, это было даже каверзнее, чем спуск в абсолютной тьме рамановской ночи: тогда, по крайней мере, лучи фонариков высвечивали хоть что-то вокруг. А теперь они словно ныряли в открытом океане да еще при нулевом обзоре.

Нельзя было даже угадать, далеко ли они продвинулись — Колверт полагал, что почти до четвертого уровня,— как вдруг Мерсер опять остановился. Они сгрудились вместе, и Мерсер прошептал:

— Прислушайтесь! Вы ничего не улавливаете?

— Что-то есть,— отозвался Майрон после долгой паузы.— Вроде ветер шумит...

Колверту это отнюдь не представлялось очевидным. Он покрутил головой, пытаясь определить, в какой стороне находится источник слабого шороха, долетавшего до них сквозь туман, однако все попытки пришлось оставить из-за полной их безнадежности.

Они скользили дальше и дальше, достигли четвертой площадки и снова тронулись в путь. Звук непрестанно усиливался, становясь назойливо знакомым. Они уже одолели почти половину четвертой лестницы, когда Майрон воскликнул:

— Ну а теперь-то вы узнаете?..

Они опознали бы этот шум давным-давно, но он принадлежал к числу тех звуков, которые не отождествлялись ни с каким другим миром, кроме Земли. Откуда-то из тумана — то ли издалека, то ли с близкого расстояния, не угадаешь, до них доносился устойчивый шум падающей воды.

Через две-три минуты облачный покров оборвался так же неожиданно, как и начался. Они вновь очутились среди слепящего блеска раманского дня, еще более яркого благодаря нависшим над головами облакам. Под ними привычно изгибалась равнина, однако сейчас ее изгиб принять было много легче — ведь полная окружность теперь не просматривалась. Не составляло труда притвориться, что видишь широкую долину, а берег моря изгибается отнюдь не вверх, а вдаль.

На пятой, предпоследней площадке они задержались, чтобы доложить по радио, что облачный слой пройден, а заодно провести тщательный осмотр местности. Насколько они могли судить, на равнине ничто не изменилось, зато здесь, под Северным куполом, Рама породила новое чудо.

Так вот где таился источник звука! Километрах в четырех от них из какого-то скрытого за облаками источника низвергался водопад; несколько долгих минут они молча взирали на него, не в силах поверить собственным глазам. Логика подсказывала им, что в этом вращающемся мире ни одно свободно падающее тело не движется по прямой, но слишком уж неестественное, чудовищно неестественное впечатление

производил водопад, который, выгнувшись по параболе, уходил на много километров в сторону от места, где должен был закончиться по земным представлениям.

— Родись Галилей здесь, на Раме,— заявил Мерсер наконец,— он неминуемо сошел бы с ума, пытаясь сформулировать законы динамики...

— Уж я-то думал, что знаю их,— перебил Колверт,— и то, кажется, вот-вот рехнусь. А вас, профессор, это зрелище не смущает?

— Нисколько,— ответил сержант Майрон.— Превосходная демонстрация эффекта Кориолиса. Жаль, что я не могу показать этот водопад своим студентам...

Мерсер в задумчивости перевел взгляд на опоясавшую мир ленту Цилиндрического моря.

— Обратили вы внимание, как оно изменилось?

— Как не обратить — море больше не синее, а скорее травянисто-зеленое. Что бы это значило?

— Вероятно, то же, что и на Земле. Лаура говорила, что море — органический суп, перемешайте его — и он пробудится к жизни. Именно это, видимо, и произошло.

— За какие-то два дня? На Земле это заняло миллионы лет.

— Триста семьдесят пять миллионов, согласно новейшим данным. Вот откуда, значит, берется кислород... Рама стремглав промчался сквозь анаэробную стадию к фотосинтезу — и все за сорок восемь часов. Что-то он готовит нам завтра?..

Добравшись до подножия лестницы, они пережили новое потрясение. В первый момент им показалось, что в их отсутствие кто-то обыскал лагерь, переворошив все снаряжение, а предметы помельче подобрал и унес. Но стоило присмотреться, как на смену тревоге пришла досада на самих себя.

Виновником беспорядка оказался просто-напросто ветер; хотя они перед уходом и привязали все, что не было упаковано, часть веревок, по-видимому, не выдержала напора урагана. Еще несколько дней им попадались собственные пожитки, разбросанные по равнине.

Других серьезных перемен они не обнаружили. После скоротечных весенних штормов на Раме вновь воцарилась тишина. А у края равнины спокойное море готовилось принять первый за миллионы лет корабль.

— Полагалось бы разбить о борт нового судна бутылку шампанского...

— Даже если на «Индеворе» и нашлось бы шампанское, я ни за что не допустил бы подобного мотовства. Да, пожалуй, и поздновато: на воду-то мы его уже спустили...

— На плаву оно, во всяком случае, держится. Ты выиграл пари, Джимми. Расплачусь, когда вернемся на Землю...

— Надо дать нашей посудине какое-то имя. У кого есть предложения?..

Объект всех этих не слишком лестных комментариев покачивался у лесенки, исчезающей под водой. Это был небольшой плот, который составили из шести пустых складских ящиков, связанных легким металлическим каркасом. Экипажу потребовалось несколько дней, чтобы построить плот, собрать его в лагере Альфа, а затем транспортировать волоком по равнине. И вот настал час решающего испытания.

Игра стоила свеч. Загадочные башни Нью-Йорка, блистающие в лучах незакатных солнц в каких-то пяти километрах, дразнили людей с тех самых пор, как те впервые проникли в пределы Рамы. Никто не сомневался, что город — чем бы он ни оказался вблизи — представляет собой сердце этого мира. Может, им и не удастся ничего добиться, но достигнуть Нью-Йорка они обязаны.

— А корыто наше до сих пор без имени. Ваше мнение, шкипер?

Нортон рассмеялся — и вдруг стал очень серьезным.

— Имя есть. Назовем его «Резолюшн».

— С какой стати?

— Так назывался один из кораблей Кука. Это славное имя — да будет наш плот достоин его*.

Воцарилось молчание; потом сержант Барнс, давно уже назначенная ответственной за это предприятие, вызвала трех добровольцев. Подняли руку все, кто был рядом на берегу.

— К сожалению, у нас лишь четыре спасательных жилета. Борис, Джимми, Питер, вам троим доводилось плавать и раньше. Назначаю вас испытателями.

Никто из присутствующих ни в малой мере не удивился тому, что Руби Барнс сейчас взяла командование на себя. Руби, единственная из всего экипажа, была дипломированным моряком дальнего плавания — это и решило дело. Она

* «Резолюшн» («Решимость») — флагманский бриг, возглавлявший вторую (1772–1775) и третью (1776–1779) кругосветные экспедиции Джеймса Кука.

проводила гоночные тримараны через Тихий океан, и маловероятно, чтобы считаные километры воды при мертвом штиле стали для нее непреодолимым препятствием.

А что до нее — она задумала предпринять такую экспедицию с той самой секунды, как только увидела Цилиндрическое море. За тысячи лет, что человек ведет спор с водными просторами Земли, ни одному моряку не случалось столкнуться с чем-либо, хотя бы отдаленно похожим на это. Последние два-три дня в голове у Руби неотвязно звучал глупый детский стишок, от которого она никак не могла избавиться: «Чтобы море переплыть, надо очень храбрым быть...» Ну что ж, она как раз и собирается переплыть море.

Пассажиры заняли свои места на импровизированных сиденьях — опрокинутых ведрах, и Руби потянула за дроссель. Взревел мощный двадцатикиловаттный мотор, звенья цепной передачи слились в туманную полосу, и «Резолюшн» под восторженные крики зрителей отдал швартовы.

Втайне Руби надеялась развить скорость до пятнадцати километров в час, но вполне удовольствовалась бы и любой цифрой выше десяти. Вдоль обрыва была отмерена дистанция ровно в полкилометра — плот прошел туда и обратно за пять с половиной минут. С учетом времени на разворот скорость оказалась равной двадцати километрам, и Руби была совершенно счастлива.

Если даже мотор откажет, то с тремя мускулистыми гребцами и таким умелым рулевым, как она, плот наберет примерно четверть предельной скорости и они доплывут обратно до берега часа за два, не больше. Емкость одного аккумулятора была достаточной, чтобы совершить здесь, на Раме, кругосветное путешествие, а Руби для полной уверенности взяла на борт еще два. При всей осмотрительности она не боялась выйти в море без компаса — туман рассеялся окончательно.

Поднявшись на берег, она отдала щегольский салют.

— Пробное плавание корабля прошло успешно, сэр. Жду ваших приказаний.

— Превосходно, адмирал. Готовы ли вы к отплытию?

— Как только припасы будут погружены на борт и начальник гавани даст добро.

— Тогда выходим на рассвете.

— Есть, сэр!..

Пятикилометровая водная преграда на карте выглядит не слишком значительной, но воспринимается совсем по-другому, когда вы сами находитесь посреди нее. Они плыли только десять минут, а обрыв — форпост Северного континента — уже казался удивительно далеким. Однако — необъяснимая вещь — Нью-Йорк тоже вроде бы ни на йоту не приблизился...

Но, по правде говоря, они не обращали особого внимания на берега, вновь захваченные чудом Цилиндрического моря. Даже нервные шуточки, которыми они обменивались в начале плавания, и те скоро кончились: все вокруг было чересчур необыкновенным.

«И так всегда,— внушал себе Нортон,— едва померещится, что привыкаешь, у Рамы уже наготове новое диво...» По мере того как «Резолюшн» с рокотом продвигался вперед и вперед, все чаще возникало ощущение, что они попали во впадину между исполинскими волнами и гребни этих волн с обеих сторон нависают над головой, нависают, пока не сомкнутся жидкой аркой на шестнадцатикилометровой высоте. Вопреки доводам рассудка, вопреки всякой логике никто из путешественников не сумел избавиться от ощущения, что с минуты на минуту миллионы тонн воды могут обрушиться на них с небес.

И все же чувство опасности отступало перед чувством радостного возбуждения. Ведь непосредственной опасности не было — если, разумеется, море не припасло для них неприятных сюрпризов. А такая возможность не исключалась: Мерсер не ошибся — в море теперь кишела жизнь. В каждой при-

горшне воды обитали тысячи шариков — одноклеточных организмов, сходных с теми древнейшими видами планктона, какие некогда населяли океаны Земли.

Но сходство сходством, а под микроскопом обнаруживались и непонятные отличия: у раманских микроорганизмов не было ядра, не было и многого другого, что присуще даже самым примитивным формам земной жизни. И хотя Лаура Эрнст, совмещавшая обязанности врача с научными исследованиями, со всей определенностью доказала, что эти организмы выделяют кислород, их было все-таки слишком мало, чтобы объяснить столь быстрое обогащение атмосферы.

Впоследствии Лаура установила, что число микроорганизмов быстро сокращается и что в первые послерассветные часы оно, вероятно, было много выше. Жизнь на Раме, по-видимому, сверкнула кратковременной вспышкой, повторив древнейшую историю Земли, но в триллионы раз скорее. А теперь она, похоже, исчерпала себя, и плавучие микроорганизмы постепенно растворялись в воде, возвращая накопленные химические вещества своему прародителю — морю.

— Если вдруг придется добираться до берега вплавь,— предупреждала доктор Эрнст мореплавателей,— плотно сожмите губы. Капелька-другая, возможно, и не сыграет роли, если сразу же ее выплюнуть. Но все эти странные соли металлоорганических соединений, да еще в ядовитой оболочке,— не хотелось бы мне искать для них противоядие...

К счастью, угроза такого рода представлялась почти неправдоподобной. «Резолюшн» мог держаться на поверхности даже в том случае, если бы два из шести ящиков-поплавков оказались пробиты. (Когда об этом сообщили Джо Колверту, тот ответил невразумительной фразой: «Вспомните "Титаник"...») И даже окажись мореплаватели в воде, головы их останутся над поверхностью: на то и были предусмотрены грубые, но вполне эффективные спасательные жилеты. Как ни уклонялась Лаура от прямого ответа, но все же должна была признать, что простое погружение в море, даже на

несколько часов, вряд ли окажется смертельным, однако злоупотреблять такими ваннами она не рекомендовала...

Двадцать минут равномерного движения — и город-мираж начал обретать реальность; детали, различимые прежде лишь в телескопы или на крупномасштабных снимках, вырастали до размеров массивных, прочных сооружений. И становилось до крайности очевидным, что «город», как и многое другое на Раме, трижды повторяет сам себя: над вытянутым овальной формы основанием поднимались три одинаковых круглых комплекса циклопических зданий или конструкций. А на фотографиях, сделанных группой наблюдения сверху, было заметно, что каждый комплекс, в свою очередь, делится на три сектора, как пирог, разрезанный на три равные части. Это безмерно облегчало задачу исследователей: достаточно было осмотреть одну девятую часть Нью-Йорка, чтобы представить его себе целиком. Впрочем, одна девятая тоже требовала немалого напряжения сил: попробуйте облазить более квадратного километра зданий и машин, иные из которых возносятся в высоту на сотни метров!

Искусство страховать себя трижды рамане, судя по всему, довели до полного совершенства. Они продемонстрировали его в системе воздушных шлюзов, в конструкции лестниц, в расположении искусственных солнц. А там, где это было жизненно важно, они предприняли и следующий логический шаг. Нью-Йорк являл собой образец трижды тройной надежности.

Руби направила «Резолюшн» к центральному комплексу, где от воды к вершине стены, а точнее дамбы, окружающей остров, поднималась лесенка. Вблизи лесенки удобно располагалось и некое подобие причальной тумбы; заметив ее, Руби пришла в неистовое возбуждение. Теперь-то уж она ни за что не успокоится, пока не сыщет хоть какое-нибудь суденышко, на котором рамане плавали по своему необыкновенному морю.

Нортон ступил на берег первым и, оглянувшись на товарищей, сказал:

— Пока я не поднимусь на стену, оставайтесь на плоту. По моему сигналу Питер и Борис догонят меня. Вы, Руби, будете ждать нас у штурвала, чтобы можно было отчалить в любой момент. Если со мной что-нибудь случится, доложите Карлу и следуйте его распоряжениям. Надеюсь на ваш здравый смысл — и, пожалуйста, без бравады. Понятно?

— Так точно, шкипер. Желаем удачи.

Ни в какую удачу капитан Нортон, в сущности, не верил: он попросту не ввязывался ни в одно предприятие, не взвесив предварительно все возможные факторы и не обеспечив себе путь к отступлению. И вот — в который раз! — Рама вынуждал его нарушать установленное им самим правило. Здесь все или почти все факторы оставались неизвестными — он был в положении своего любимого героя, когда тот исследовал Тихий океан и Большой Барьерный риф три с половиной века назад... Да, удача, любая удача — и в главном, и в мелочах — ему сейчас отнюдь не помешала бы...

Лесенка была точным повторением той, по которой они спускались к морю. Друзья Нортона, несомненно, смотрят сейчас на него в телескоп прямо через пролив. Вот когда слово «прямо» стало наконец безупречно точным: в этом направлении, строго параллельно оси Рамы, море было в самом деле идеально плоским. Наверное, во всей Вселенной не нашлось бы другого водного бассейна, отвечающего такой характеристике,— ведь на всех иных мирах любое море или озеро лежит на сферической поверхности, а следовательно, имеет выпуклую форму.

— Я уже почти наверху,— говорил Нортон, адресуясь в равной мере к записывающему устройству и к ближайшему своему помощнику, жадно слушающему этот репортаж по радио,— все по-прежнему спокойно, радиация в норме. Поднимаю счетчик как можно выше над головой на случай, если стена служит щитом от какого-то излучения. А если по дру-

гую сторону прячутся враждебные аборигены, пусть счетчик явится для них первой мишенью...

Он, конечно, шутил. И все же — зачем рисковать, если можно без труда избежать риска?

Последний шаг — и он очутился на гладком гребне дамбы. Гребень достигал метров десяти в ширину, а с внутренней его стороны уклоны и лестницы, чередуясь, вели на улицы города, протянувшиеся в двадцати метрах ниже. Он стоял как бы на крепостной стене, кольцом охватывающей Нью-Йорк, а может, смотрел на него с высокой трибуны...

Картина, которая открылась ему, была столь головокружительно сложной, что он первым делом схватился за камеру и передал панорамное ее изображение. Затем помахал своим компаньонам и сообщил по радио:

— Никаких признаков жизни, все спокойно. Поднимайтесь ко мне, начинаем осмотр.

Это был не город — это была машина. Нортон пришел к такому выводу за десять минут и не изменил своего мнения и после того, как пересек остров из конца в конец. Любой город, какова бы ни была природа его обитателей, должен предоставлять им хоть какие-то удобства — здесь не удавалось найти ничего подобного, разве что все это пряталось где-то в глубине. И даже если так — где же входы, лестницы, подъемники? Он не в силах был обнаружить ничего, хоть отдаленно напоминающего обыкновенную дверь...

Если уж искать аналогию, исходя из земных представлений, то Нью-Йорк отчасти смахивал на гигантский химический комбинат. Но в таком случае где запасы исходного сырья, где хоть намек на транспортные средства для его перевозки? Не легче понять, куда подается готовый продукт и тем паче — что это за продукт. Они чувствовали себя совершенно сбитыми с толку и не на шутку разочарованными.

— Есть у кого-нибудь какие-нибудь догадки? — спросил наконец Нортон, обращаясь сразу ко всем своим слушателям.— Если это завод, то что он производит? И откуда он берет сырье?

— У меня есть гипотеза, шкипер,— откликнулся Карл Мерсер с противоположного берега.— Предположим, что он использует морскую воду. Наш эскулап утверждает, что в ней содержатся почти все известные нам элементы...

Ответ звучал вполне правдоподобно — Нортон уже и сам взвешивал в уме такую возможность. Скрытые где-то под ногами трубы могут соединять производство с морем, да что там могут — должны соединять: любой мыслимый химический процесс требует очень много воды. Но капитан не доверял правдоподобным ответам — слишком часто они оказывались неверными.

— Идея недурна. Но что делает Нью-Йорк из морской воды?

Довольно долго никто — ни на корабле, ни у шлюзов, ни на Северной равнине — не произносил ни слова. Потом раздался голос, который Нортон ожидал услышать меньше всего:

— Но это же просто, шкипер. Только, боюсь, вы поднимете меня на смех...

— И не подумаем, Рэви. Говори смело.

Кто-кто, а сержант Рэви Макэндрюс, старший стюард и попечитель супершимпанзе, в нормальных условиях никогда не позволил бы себе ввязаться в научный спор. Собственный его КИ был скромным, а знания весьма умеренными, однако он был отнюдь не дурак и обладал прирожденной смекалкой, достойной всяческого уважения.

— Ну что ж, это и в самом деле завод, и вполне возможно, что море поставляет ему сырье... В конце концов, именно так было и у нас на Земле, хотя и в несколько другом смысле... По-моему, Нью-Йорк — завод, изготовляющий раман.

Кто-то хихикнул, но тут же прикусил язык и предпочел не называть себя.

— Знаешь, Рэви,— сказал капитан, помолчав,— твоя теория достаточно безумна, чтобы оказаться правильной. И я, пожалуй, не хотел бы, чтобы она подтвердилась... по крайней мере до тех пор, пока мы не переберемся обратно на «большую землю».

В ширину небесный Нью-Йорк был почти таким же, как остров Манхэттен, но по планировке не имел с ним ничего общего. Прямолинейные артерии встречались редко, их за-

меняла путаница коротких концентрических дуг, соединенных между собой радиальными спицами. К счастью, заблудиться внутри Рамы было практически нельзя: один взгляд на небо — и направление оси север — юг определялось с полной непреложностью.

Чуть ли не на каждом перекрестке они останавливались, чтобы выполнить очередную панорамную съемку. Разложи эти сотни панорам по порядку — и будет несложно, хотя, пожалуй, и скучновато, воссоздать точную модель города в любом масштабе. И что получится? Нортон сильно подозревал, что над этой головоломкой ученые будут корпеть столетиями.

Над Нью-Йорком висела тишина, и вынести ее здесь, казалось, еще труднее, чем на равнине. Город-машина обязан был издавать хоть какие-то шумы, и тем не менее — ни намека на гудение электрических проводов, ни шороха, сопровождающего механическое движение. Несколько раз Нортон приникал ухом к мостовой или к стене здания и сосредоточенно вслушивался. Но не мог различить ничего, кроме стука собственного сердца.

Машины спали — не работали на холостом ходу, а именно спали. Проснутся ли они когда-нибудь — и если да, то зачем? Как и везде, все здесь содержалось в полном порядке. И верилось, что достаточно замкнуть одну-единственную цепь в каком-нибудь потаенном многотерпеливом компьютере, как весь этот лабиринт заново пробудится к жизни.

Когда они наконец вышли к дальней границе города, то опять поднялись на верх круговой дамбы и увидели южный пролив. Нортон долго не мог отвести взгляд от пятисотметрового утеса, который отсекал от них почти половину Рамы — и, судя по данным телескопической разведки, более вычурную и разнородную его половину. Под таким углом утес выглядел зловеще, угрожающе черным — напрашивалось сравнение с тюремной стеной, оцепившей целый континент. И нигде по всей ее окружности не видно было ни лестницы, ни какого-либо иного пути наверх.

«Ну а как же сами рамане,— подумал он,— как они добирались из Нью-Йорка до своего Южного материка?» Допустим, по системе туннелей под дном моря, но у них наверняка существовали и воздушные суда — в городе немало открытых пространств, которые можно использовать как посадочные площадки. Найти бы хоть один раманский экипаж — это стало бы огромным достижением, особенно если удалось бы научиться управлять им. (Однако мыслимо ли, чтобы мотор заработал после простоя, длившегося сотни тысяч лет?) Многие сооружения вокруг выглядят как ангары или как гаражи, но все они гладкостенные, без окон, будто облитые непрозрачным пластиком. «Рано или поздно,— добавил Нортон про себя в мрачной решимости,— Рама вынудит нас применить взрывчатку или лазеры...» Но он давно уже знал, что не отдаст такого приказа, пока не исчерпает все другие возможности.

Упорное нежелание прибегнуть к грубой силе было продиктовано отчасти его самолюбием, а отчасти страхом. Нортону никак не хотелось прослыть техническим варваром, который попросту сокрушил то, чего не понял. В конце концов, он пришел в этот мир незваным гостем и должен вести себя соответственно.

Что же касается страха — выражение, пожалуй, было слишком крепким, слово «осторожность» нравилось капитану гораздо больше. Ведь рамане, кажется, предусмотрели все, и он отнюдь не жаждал выяснить, какие меры они приняли, чтобы оградить свою собственность от посягательств. Но на «большую землю» сегодня придется вернуться с пустыми руками.

Лейтенант Джеймс Пэк был самым младшим из всех офицеров «Индевора» и вышел в дальний космический рейс лишь в четвертый раз в жизни. Он был честолюбив и ожидал повышения и в то же время допустил серьезное нарушение устава. Неудивительно, что ему понадобилось определенное время на то, чтобы собраться с духом.

Обстоятельства вынуждали Пэка сыграть ва-банк — проигрыш означал для него большие неприятности. Он рисковал не только карьерой, но, быть может, и головой. Правда, в случае выигрыша он стал бы героем. Однако ни один из приведенных доводов в конечном счете не повлиял бы на лейтенанта, если бы не уверенность, что, упусти он свой шанс, и потом ему до самой смерти не избавиться от душевных мук. В конце концов он обратился к капитану с просьбой принять его для личной беседы, однако от колебаний это его не избавило.

«Что-то уготовано мне на сей раз?» — спросил себя Нортон, уловив нерешительность на лице юного офицера. Он еще не забыл своего щекотливого разговора с Борисом Родриго; ну нет, с Джимми ничего подобного не произойдет. Джимми никак не может оказаться религиозным — помимо служебных обязанностей его обычно интересовали лишь два предмета: спорт и любовь, желательно в сочетании друг с другом.

«Едва ли речь у нас пойдет о спорте,— решил Нортон,— но не дай бог о женщине...» В своей капитанской практике

он уже встречался с любыми каверзными ситуациями, кроме единственной — ни одна из женщин «Индевора» еще не рожала в полете. Острили на эту тему без счета, но не рожали никогда, возможно, впрочем, что исправить свою промашку для них — лишь дело времени...

— Ну, Джимми, выкладывай, что у тебя?

— У меня идея, командир. Я придумал, как добраться до Южного континента, даже до Южного полюса.

— Слушаю. Так как же?

— Мм... по воздуху.

— Джимми, я уже выслушал по крайней мере пять предложений на этот счет — больше, если считать сумасбродные проекты, переданные с Земли. Мы пытались реконструировать наши ранцевые реактивные двигатели, но сопротивление воздуха делает всю затею безнадежной. Топлива не хватает даже на десяток километров.

— Знаю. Но у меня возникла другая мысль...

Поведение лейтенанта Пэка являло собой забавную смесь совершенной уверенности в себе и плохо скрытой нервозности. Нортона это окончательно сбивало с толку: что же такое, черт побери, так разволновало мальчишку? Без сомнения, Джимми уже достаточно знал своего командира, чтобы понимать, что ни одно разумное предложение не будет поднято на смех.

— Ну продолжай, продолжай. Если из твоей идеи выйдет толк, я позабочусь, чтобы твое повышение стало свершившимся фактом...

Но и это полушутливое обещание не подействовало в той мере, в какой ожидал Нортон. Джимми вяло улыбнулся, несколько раз раскрывал рот и тут же смолкал и наконец решил подойти к вопросу окольным путем.

— Вам известно, командир, что в прошлом году я выступал на Лунных Олимпийских играх?

— Разумеется. Жаль, что не одержал победы.

— Аппарат подвел, но я понял, в чем загвоздка. И мои друзья на Марсе втайне сконструировали для меня новый аэропед. Мы хотели преподнести болельщикам сюрприз...

— На Марсе? Вот уж не думал...

— Немногие это знают — спорт там еще внове, летают только на спортодроме Ксанте. Но лучшие спецы по аэродинамике живут именно там — если аппарат способен летать в марсианской атмосфере, то в любой другой он полетит и подавно. Короче, если марсиане при их сноровке сделали бы мне новую машину, то уж на Луне она не подкачала бы — ведь сила тяжести на Луне еще вдвое ниже...

— Пока все вполне ясно, но какое это имеет отношение к нам?

Нортон и сам начал догадываться какое, но хотел помочь Джимми выпутаться из сложного положения.

— Я вошел в долю с несколькими друзьями из Лоуэлл-Сити, и они построили аэропед для высшего пилотажа, внеся в конструкцию ряд усовершенствований, до каких пока никто не додумывался. При лунном тяготении, под Олимпийским куполом, это произвело бы сенсацию...

— И ты завоевал бы золотую медаль.

— Надеюсь.

— Давай проверим, правильно ли я тебя понял. Аэропед, предназначенный для Лунных Олимпийских, то есть для одной шестой *g*, еще лучше показал бы себя в условиях Рамы, где тяготения нет вообще. И ты мог бы пролететь вдоль оси от Северного до Южного полюса и обратно.

— Вот именно. Полет в одну сторону занял бы часа три, если без остановки. Но, разумеется, можно и отдыхать, если захочется,— достаточно держаться вблизи оси...

— Идея великолепная, поздравляю. Жаль, что аэропеды не входят в состав стандартного космического снаряжения.

Казалось, у Джимми начисто вылетели из головы все слова. Он опять несколько раз подряд открывал рот, но безрезультатно.

— Ладно уж, Джимми. Прости мое нездоровое любопытство, и не для протокола — как ты ухитрился протащить эту штуку на борт?

— Мм... по статье «Грузы для отдыха экипажа».

— Ну что ж, хоть не соврал. А как насчет веса?

— Всего двадцать килограммов.

— Всего? Хотя, честно сказать, не так плохо, как я опасался. Даже удивительно, как тебе удалось уложиться в двадцать килограммов.

— Иные аэропеды весили по пятнадцать, но оказывались слишком хрупкими и при разворотах складывались пополам. Со «Стрекозой» такого случиться не может. Я уже говорил — она создана для высшего пилотажа.

— «Стрекоза». Хорошее название. Теперь рассказывай, как применить ее здесь. Тогда мне легче будет решить, представить ли тебя на повышение или отдать под суд. А может, и то и другое.

«Стрекоза» — название было действительно подходящее. Длинные, суживающиеся к концам крылья оставались почти невидимыми, пока свет не падал на них под строго определенным углом и они не загорались всеми цветами радуги. Словно мыльный пузырь обернули вокруг изящного узора несущих поверхностей — маленький летательный аппарат окружала органическая пленка толщиной лишь в четыре-пять молекул, но достаточно прочная для того, чтобы контролировать и направлять воздушные потоки на скоростях до пятидесяти километров в час.

Пилот — он же одновременно силовая установка и навигационное устройство — сидел слегка откинувшись, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, на крохотном сиденьице, установленном в центре тяжести аппарата. Управление осуществлялось при помощи одной-единственной ручки, которую можно было двигать вперед и назад, вправо и влево, а единственным «прибором» в распоряжении летчика была тесемка с гирькой, закрепленная на передней кромке крыла и указывающая примерное направление ветра.

Как только аэропед доставили внутрь Рамы и собрали, Джимми Пэк стал на страже, не позволяя никому прикоснуться к своему детищу. Неуклюжее движение могло бы оборвать любую из тоненьких тяг, связывающих конструкцию воеди-

но, а блистающие крылышки притягивали к себе любопытные пальцы точно магнитом. Слишком трудно было поверить, что они и в самом деле вещественны...

Наблюдая за Джимми, влезающим на сиденьице своей машины, капитан Нортон поневоле усомнился в успехе всего предприятия. Достаточно хотя бы одной проволочной тяге лопнуть, когда «Стрекоза» окажется по ту сторону Цилиндрического моря, и Джимми никогда не вернется назад, даже если сумеет благополучно совершить посадку. Они нарушают едва ли не самый священный завет исследователей космоса: человек отправляется в неизведанный мир в полном одиночестве, и, случись что-нибудь, никто не сможет ему помочь. Оставалось лишь искать утешения в том, что Джимми все время будет у них на виду и на двусторонней связи, и, если он попадет в беду, они точно узнают, когда и в какую.

И тем не менее шанс был слишком драгоценным, чтобы его упустить: верь капитан в Бога или в судьбу, он мог бы сказать, что не хочет прогневить их, отказавшись от уникальной возможности достичь дальней стороны Рамы, присмотреться вблизи к тайнам Южного полюса. А Джимми — Джимми знал, на что идет, лучше, чем кто бы то ни было из экипажа. Да, риск существовал, но встречаются обстоятельства, когда не рисковать просто нельзя, таковы уж правила игры. Никому еще не удавалось никогда не проигрывать...

— Слушайте меня внимательно, Джимми,— обратилась к пилоту Лаура Эрнст.— Важнее всего для вас не допустить переутомления. Помните, кислорода вблизи оси все еще маловато. Если собьетесь с дыхания, немедленно стоп. И сразу несколько глубоких вдохов — и так полминуты, но не дольше...

Джимми рассеянно кивал, проверяя рули. Смонтированные в едином блоке на конце пятиметровой стрелы позади кабины-недомерка, они послушно шевельнулись на шарнирах; щитки элеронов, врезанных в середину крыльев, задвигались попеременно вверх и вниз.

— От винта! — воскликнул Джо Колверт, неспособный отрешиться от воспоминаний о военных фильмах двухсотлетней давности.— Зажигание! Контакт!..

Вероятно, никто, кроме Джимми, даже отдаленно не представлял себе, о чем идет речь, но разрядить напряжение Колверту все же удалось.

Медленно, очень медленно Джимми принялся жать на педали. Широкие и тонкие, словно папиросная бумага, лопасти винта — как и крылья, блестящая пленка на хрупком каркасе,— приподнялись и повернулись. Сделав несколько оборотов, лопасти совершенно исчезли — и «Стрекоза» взлетела.

Сначала она шла строго по прямой, постепенно перемещаясь вдоль оси Рамы. Отдалившись на двести — триста метров, Джимми бросил педали; странно было видеть аппарат явно аэродинамических форм недвижно висящим в воздухе. Такое случалось, пожалуй, впервые за всю историю авиации, разве что в ограниченных масштабах тот же эффект наблюдался на самых крупных космических станциях.

— Ну и как, слушается? — осведомился Нортон.

— Маневренность неплохая, устойчивость так себе. Но я догадался, в чем дело,— здесь «Стрекоза» ничего не весит. Лучше спуститься километром ниже...

— Постой, постой, а не опасно ли это?

Потеряв высоту, Джимми утратил главное свое преимущество. Пока он держался точно на оси, он и «Стрекоза» вместе с ним остаются полностью невесомыми. Он может зависнуть на месте, не затрачивая усилий, может при желании даже поспать. Но едва он сдвинется с оси вращения Рамы, вновь неизбежно проявится действие центробежной силы. И потому, если он не сумеет держаться на заданной высоте, он будет падать — и в то же время набирать вес. Процесс пойдет с нарастающей скоростью и закончится, скорее всего, катастрофой. Сила тяжести внизу на равнине вдвое выше той, на какую рас-

считана «Стрекоза». Можно еще надеяться, что Джимми сумеет благополучно посадить машину, но взлететь он уже не сможет наверняка.

Однако сам пилот взвесил обстоятельства и ответил довольно уверенно:

— С одной десятой *g* я справлюсь без хлопот. Да и вести машину в более плотном воздухе отнюдь не трудней, а легче.

«Стрекоза» описала в небе пологую неторопливую спираль и поплыла вниз к равнине, примерно следуя изгибу лестницы Альфа. Если смотреть под углом, крохотный аэропед был почти невидимым, казалось, что Джимми уселся прямо в воздухе и знай себе яростно крутит педали. Время от времени он двигался рывками до тридцати километров в час, потом сбрасывал скорость до полной остановки, проверяя чувство руля, прежде чем разогнаться снова. И внимательно следил за тем, чтобы сохранять безопасную дистанцию от вогнутого торца Рамы.

Вскоре стало очевидным, что на меньших высотах «Стрекоза» слушается куда лучше: она теперь не крутилась как попало, а шла вполне устойчиво, неся крылья параллельно равнине, что лежала в семи километрах внизу. Джимми заложил несколько широких виражей и начал взбираться обратно. В конце концов он завис метрах в тридцати над поджидающими его товарищами — и тут слегка поздновато осознал, что не вполне понимает, как посадить свое сотканное из паутины суденышко.

— Бросить тебе веревку? — спросил Нортон полушутя-полусерьезно.

— Не надо, шкипер, я должен как-то выкарабкаться сам. На той стороне мне никто не поможет.

Минуту он сидел, соображая, затем принялся пододвигать «Стрекозу» к цели короткими сильными рывками. В промежутках между ними аэропед послушно тормозил — сопротивление воздуха тут же гасило инерцию. Когда расстo-

яние сократилось до пяти метров и «Стрекоза» снова двинулась вперед, Джимми неожиданно покинул свой корабль. Он в прыжке дотянулся до ближайшего из страховочных канатов, опоясывающих площадку у оси, ухватился за него и повернулся как раз вовремя, чтобы принять подплывающий аэропед руками. Маневр был выполнен столь безупречно ловко, что вызвал аплодисменты.

— Следующим номером...— начал Джо Колверт.

Джимми поспешил отречься от всякой славы.

— Это была нечистая работа,— оповестил он.— Зато теперь я знаю, как поступить. Возьму с собой присоску на двадцатиметровом шнуре — тогда смогу пристать в любой точке, где заблагорассудится.

— Дайте-ка мне руку, Джимми,— вмешалась Лаура Эрнст,— и подуйте в этот мешок. Придется также сделать анализ крови. Не было ли вам трудно дышать?

— Только на высоте оси. Слушайте, а зачем вам понадобилась моя кровь?

— Содержание сахара — по нему я смогу определить, сколько энергии вы потратили. Нужно проверить, хватит ли у вас сил на задуманное путешествие. Между прочим, каков мировой рекорд продолжительности полета на аэропеде?

— Два часа двадцать пять минут три и шесть десятых секунды. Установлен, разумеется, на Луне — по двухкилометровому кругу под Олимпийским куполом.

— И вы полагаете, что продержитесь шесть часов?

— Запросто — ведь я смогу отдыхать, когда захочу. На Луне летать по меньшей мере вдвое труднее, чем здесь.

— Ладно, Джимми, идем в лабораторию. Один анализ — и сразу же станет ясно, разрешу я вам вылет или нет. Не люблю давать преждевременных обещаний, но, по-моему, вы справитесь.

Довольная улыбка расплылась по лицу Джимми, вытесняя наигранное спокойствие. Следуя за старшим корабельным врачом к воздушному шлюзу, он бросил через плечо:

— Пожалуйста, держите руки подальше. Мне вовсе не хочется, чтобы кто-нибудь проткнул крыло кулаком.

— Я лично пригляжу за этим, Джимми,— пообещал капитан.— «Стрекоза» объявляется неприкосновенной для всех, включая меня самого.

Подлинный размах предстоящего приключения как-то не доходил до самого Джимми Пэка, пока он не достиг берега Цилиндрического моря. Вплоть до этой минуты он летел над знакомой территорией; в случае любой поломки, кроме по-настоящему катастрофической, он всегда мог совершить посадку и пешком вернуться на базу за несколько часов.

Теперь такая возможность отпала. Окажись он в море, он, вполне очевидно, утонет в его ядовитых водах — не самая приятная смерть. И даже приземлись он благополучно, но на Южном континенте, товарищи, пожалуй, не успеют спасти его, прежде чем «Индевору» придется расстаться с Рамой, выходящим на околосолнечную орбиту.

В то же время он отчетливо сознавал, что предвидимые несчастья — отнюдь не самые вероятные. Абсолютно неисследованный район, над которым ему предстояло пройти, мог преподнести сколько угодно сюрпризов: вдруг, допустим, там обитают летающие создания, которым его вторжение придется не по нутру? Он ничуть не жаждал схватиться врукопашную с какой бы то ни было тварью крупнее голубя. Два-три удачных удара клювом — и «Стрекоза» с ее аэродинамикой развалится ко всем чертям.

Однако кто не рискует, тот не выигрывает, и какое же это приключение, если оно не сопряжено с риском? Миллионы мужчин были бы счастливы поменяться с ним сейчас местами. Он ведь держит путь не просто туда, куда никто не попа-

дал, а туда, куда никто и не попадет. Он останется первым и единственным в истории человеком, посетившим южные области Рамы. И если из глубин сознания вдруг начнет подниматься страх, нелишне будет напомнить себе об этом.

Он уже привык восседать в центре мира, охватывающего его со всех сторон. Поскольку он отклонился на два километра от центральной оси, у него выработались четкие понятия «верха» и «низа». «Земля» была в шести километрах под ногами, арка «неба» — в десяти километрах над головой. «Город» Лондон висел где-то вблизи зенита, зато Нью-Йорк оставался на своем «законном месте» — впереди прямо по курсу.

— «Стрекоза»,— забеспокоилась группа наблюдения,— вы теряете эшелон. Две тысячи двести от оси.

— Спасибо,— ответил Джимми.— Набираю высоту. Дайте мне знать, когда вновь будет ровно две тысячи.

За этим надлежало следить не переставая. Аэропед имел вполне естественную тенденцию терять высоту, а у пилота не было приборов, чтобы определить потерю. Слишком удалившись от оси, он уже не сможет вернуться обратно в невесомость. К счастью, пределы, в которых отклонение не сказалось бы роковым образом, были довольно широки, и за продвижением «Стрекозы» непрерывно наблюдали в телескоп.

Над открытым морем он крутил педали с тем расчетом, чтобы выдержать постоянную скорость двадцать километров в час. Через пять минут он окажется над Нью-Йорком — остров уже стал похож на корабль, без устали бороздящий воды Цилиндрического моря.

Долетев до Нью-Йорка, он описал над ним круг, то и дело притормаживая, чтобы с помощью миниатюрной телекамеры передать на «Индевор» четкое и устойчивое изображение острова сверху. Панорама зданий, башен, заводских цехов, электростанций — или как там их называть — была завораживающей, но начисто лишенной смысла. Камера уловит куда больше деталей, чем глаза, и в один прекрасный день —

быть может, годы спустя — какой-нибудь студентик возьмет да и отыщет в них ключ к секретам Рамы.

Дальнюю половину моря, за Нью-Йорком, он пересек всего за четверть часа. Не отдавая себе в том отчета, он летел над водой быстрее, а достигнув южного берега, помимо воли расслабился, и скорость тут же заметно упала. Может, он и вторгся на враждебную территорию, но, по крайней мере, находился над сушей.

Едва перелетев исполинский утес, замыкающий море с юга, он обвел телекамерой побережье по всей его окружности.

— Великолепно! — отозвалась группа наблюдения.— Картографы умрут от счастья. Как чувствуете себя?

— Хорошо, чуть-чуть устал, но не более того. Далеко ли еще до полюса?

— Пятнадцать и шесть десятых километра.

— Сообщите мне, когда останется десять, тогда я немного отдохну. И проследите, чтобы я не терял высоту. Километрах в пяти от цели мне предстоит опять подняться к оси...

Через двадцать минут мир начал смыкаться вокруг него: он прошел основную часть пути и попал в пределы южной полусферы. Джимми, бывало, часами разглядывал этот дальний конец Рамы в телескоп и знал его топографию наизусть. И тем не менее оказалось, что к подобному зрелищу подготовиться загодя невозможно.

Почти во всех отношениях Северный и Южный полюсы Рамы были разительно не похожи друг на друга. Здесь, на юге, не было ни величественной триады лестниц, ни узких концентрических площадок, ни вогнутого, устремленного к равнине склона. Их заменял расположенный по оси чудовищный пик протяженностью более пяти километров. Вокруг него равномерно размещались шесть вполовину меньших пиков, и вся конструкция напоминала компанию сталактитов замечательно правильной формы, свисающих со свода пеще-

ры. Или, если предпочесть противоположную точку зрения, остроконечные пагоды камбоджийского храма.

Связывая эти стройные конусообразные пики между собой и плавно изгибаясь вниз к цилиндрической равнине, от них во все стороны отходили навесные опоры, с виду достаточно прочные, чтобы выдержать тяжесть целого мира. И не исключено, что именно таково и было их назначение — если правы те, кто видел в конструкциях Южного полюса контуры какого-то необыкновенного двигательного устройства.

Лейтенант Пэк осторожно приблизился к центральному пику, метров за сто до него отпустил педали и дал «Стрекозе» плыть по инерции до полной остановки. Проверил, нет ли излучений, но обнаружил лишь обычный для Рамы слабый радиационный фон. Возможно, здесь действовали силы, неуловимые для созданных человеком приборов, но подобный риск также был совершенно неизбежен.

— Что видите? — встревоженно спросила группа наблюдения.

— Просто-напросто рог, большой и абсолютно гладкий, никаких отметин, а кончик острый, как игла. Чуть не в дрожь бросает, когда подумаешь о том, чтобы подойти поближе...

Шутил ли он? Он и сам не знал. Никак не укладывалось в сознании, что столь массивный объект может заканчиваться таким идеальным острием. Джимми вспомнил, как коллекционеры нанизывают на булавки насекомых, и ему стало не по себе от мысли, что его дорогую «Стрекозу» может постичь та же участь.

Он опять слегка нажал на педали, продвигаясь вдоль пика, и притормозил только тогда, когда гигантский рог утолщился до четырех-пяти метров в диаметре. Открыв небольшой контейнер, Джимми бережно извлек оттуда шарик размером с бейсбольный мяч и метнул этот шарик в сторону пика. Удаляясь, шарик потянул за собой чуть заметную леску.

Присоска шлепнулась о мягко выгнутую поверхность и не отскочила. Опыта ради Джимми подергал за леску, а потом рванул ее посильнее. Словно рыбак, подтаскивающий свою добычу к лодке, он сматывал леску, подводя «Стрекозу» к верхушке Большого рога, как он удачно окрестил центральный пик. Сматывал до тех пор, пока не сумел коснуться рога рукой.

— Наверное, при желании это можно назвать посадкой,— доложил он группе наблюдения.— На ощупь вещество напоминает стекло, трения почти нет, но чувствую слабое тепло. Присоска сработала отлично. Попробуем с микрофоном... посмотрим, удержится ли он... так, включаю... слышно вам что-нибудь?

Последовала долгая пауза, и наконец кто-то из группы наблюдения ответил недовольным тоном:

— Ни черта не слышно, кроме обычных термальных шумов. Стукните по нему какой-нибудь железкой. По крайней мере, узнаем, полый ли пик внутри.

— Сделано. Что дальше?

— Мы просили бы вас пролететь вдоль конуса, передавая обзорные панорамы через каждые полкилометра. Обращайте внимание на все необычное. Затем, если сочтете неопасным, можете перелететь к одному из малых рогов. Но только в том случае, если будете уверены, что вернуться в невесомость не составит труда.

— Три километра от оси — сила тяжести чуть выше лунной. «Стрекоза» на это и рассчитана. Просто надо будет приналечь посильнее.

— Джимми, говорит капитан. Я передумал. Судя по переданным тобою кадрам, малые пики ничем не отличаются от большого. Отсними их как можешь детальнее длиннофокусным объективом. Покидать район низкой гравитации не разрешаю — разве что увидишь что-то из ряда вон выходящее. Тогда свяжись со мной снова.

— Слушаюсь, шкипер,— отвечал Джимми, пожалуй, с некоторым облегчением в голосе.— Остаюсь вблизи Большого рога. Продолжаю движение.

Чувство было такое, будто он падает почти отвесно в узкую долину, зажатую меж невероятно высоких островерхих гор. Большой рог возносился уже на километр над ним, а шесть малых рогов угрожающе топорщились справа и слева. Лабиринт опор и висячих арок, окружающий склоны у основания, приближался все быстрее, и он поневоле усомнился в том, сумеет ли «Стрекоза» найти место для посадки среди этих циклопических сооружений. Садиться непосредственно на Большой рог теперь не представлялось возможным: сила его притяжения в этой расширенной части была слишком велика.

Чем ближе подлетал он к Южному полюсу, тем больше напоминал себе воробышка, затерявшегося под сводами огромного собора, но ведь ни один из всех когда-либо построенных соборов не достигал и сотой доли таких размеров. Джимми мимоходом подумал даже, не занесло ли его действительно в храм или в некое подобие храма, но тут же отогнал эту мысль. Нигде на Раме они не встретили никаких намеков на художественное самовыражение, все было почти предельно функциональным. Может, рамане, познав глубочайшие тайны Вселенной, не вдохновлялись более мечтами и стремлениями, движущими человечеством?

Мысль была жутковатой и отнюдь не свойственной Джимми, который не отличался философским складом ума. Он понял, что должен срочно выйти на связь и доложить обстановку своим далеким друзьям.

— Повторите, «Стрекоза»,— ответила группа наблюдения.— Вас не поняли, повторите. Сильные помехи...

— Повторяю: нахожусь у подножия Малого рога номер шесть, собираюсь выбросить присоску и подтянуться поближе.

— Поняли лишь частично. Вы меня слышите?

— Прекрасно слышу. Повторяю: слышу вас хорошо.

— Прошу провести отсчет.

— Раз, два, три, четыре...

— Поняли плохо. На пятнадцать секунд дайте маяк, потом возобновляйте голосовую связь.

— Пожалуйста...

Джимми включил индивидуальный радиомаяк, способный указать местонахождение своего владельца где бы то ни было в пределах Рамы, и сосчитал про себя до пятнадцати. Когда пришло время вновь подать голос, он жалобно спросил:

— Что происходит? Теперь-то вы меня слышите?

Очевидно, у противоположного полюса не слышали, поскольку оператор вместо ответа попросил на пятнадцать секунд включить телекамеру. Понадобилось повторить вопрос еще дважды, чтобы из наушников наконец донеслось:

— Рады, что хоть вы слышите нас, Джимми. Но у вас там творится что-то очень странное. Судите сами.

Он услышал по радио знакомый писк собственного маяка, повторенный в записи. Секунду-другую писк был совершенно нормальным — и вдруг начал претерпевать дикие искажения. Свист с частотой во много тысяч герц прервался густым пульсирующим гулом, таким низким, что он оставался почти за порогом слышимости, каким-то сверхбасом, в пении которого различалась каждая отдельная вибрация. И это искажение, в свою очередь, подвергалось искажениям: бас нарастал и стихал, нарастал и стихал примерно каждые пять секунд.

Джимми даже в голову не пришло усомниться в исправности своего передатчика. Гул проникал извне, но откуда и почему, он не мог себе и представить.

Группа наблюдения знала не больше, но, по крайней мере, предложила хоть какое-то объяснение.

— Мы думаем, что вы попали в очень сильное поле неизвестного происхождения, скорее всего магнитное, с частотой порядка десяти герц. Поле настолько интенсивно, что может

представлять опасность. Предлагаем немедленно возвращаться — не исключено, что действие поля имеет лишь местный характер. Включите снова свой маяк, а мы будем ретранслировать его вам. Тогда вы сами услышите, когда удастся выйти из зоны помех.

Джимми поспешно оторвал присоску, отказавшись от мысли о новой посадке. Он повел «Стрекозу» обратно по широкой спирали, прислушиваясь к звуку, трепещущему в наушниках. И буквально через несколько метров интенсивность помех начала быстро падать, группа наблюдения угадала — звук был четко локализован.

Он задержался на миг на последнем рубеже, где еще различал слабое биение, отдававшееся глубоко под черепом. Так невежественный дикарь мог бы вслушиваться в басовитое гудение могучего трансформатора. Но даже дикарь, наверное, догадался бы, что звук, который он слышит,— лишь побочное следствие работы титанических сил, полностью контролируемых, но выжидающих своего часа...

Что бы ни означал этот звук, Джимми был рад от него избавиться. Ошеломляющие конструкции Южного полюса — не самое подходящее окружение для того, чтобы в одиночестве внимать голосу Рамы.

Повернуть-то он повернул, но северный конец Рамы казался таким чудовищно далеким... Даже исполинские лестницы различались как тусклый трилистник, едва нацарапанный на замыкающем мир куполе. А лента Цилиндрического моря представлялась широким грозным барьером, готовым проглотить «Стрекозу», если ее хрупкие крылья, словно крылья Икара, не оправдают надежд.

Однако Джимми один раз уже покрыл без затруднений это расстояние, и, хотя ощущал теперь легкое утомление, он полагал, что беспокоиться больше не о чем. Он даже не притрагивался пока ни к пище, ни к воде и был слишком возбужден, чтобы отдыхать. На обратном пути он сможет расслабиться и не торопиться. Ободряла и мысль о том, что дорога домой будет для него на двадцать километров короче, чем дорога от дома: надо лишь перетянуть через море — и можно идти на вынужденную посадку в любой точке Северного континента. Как ни досадно было бы добираться пешком, как ни жаль бросить «Стрекозу» на произвол судьбы, но получить дополнительную гарантию безопасности все равно приятно.

Он набирал высоту, поднимаясь вдоль склона центрального пика; остроконечная вершина Большого рога все еще торчала в километре впереди, и подчас лейтенант почти физически ощущал ее как ось, вокруг которой вращается целый мир.

Он почти поравнялся с вершиной, когда его пронзило другое странное чувство, вернее предчувствие, но с явным оттенком физического, а не просто психологического дискомфорта. Ни с того ни с сего припомнилась — отнюдь не прибавив бодрости — вычитанная где-то фраза: «Некто бродит над вашей могилой...»

Джимми попытался стряхнуть с себя подавленность и продолжал равномерно крутить педали. Само собой разумеется, он не собирался докладывать группе наблюдения о таких пустяках, как смутное недомогание, но оно упорно усиливалось, побуждая его выйти на связь. Невероятно, чтобы недомогание такой силы было чисто психологическим: если да, то мозг лейтенанта Пэка обладал способностями, о которых его хозяин и не подозревал. По коже ползли мурашки — буквально по каждой ее клеточке...

Обеспокоенный всерьез, он остановился в воздухе и принялся обдумывать ситуацию. Самое странное заключалось в том, что тяжкое давящее ощущение не воспринималось как абсолютно новое: где-то когда-то он уже испытывал нечто подобное, только где и когда?

Он осмотрелся. Ничто не изменилось. От верхушки Большого рога его отделяли все те же двести — триста метров, дальняя сторона Рамы все так же перекрывала небо. В восьми километрах под ногами все тем же лоскутным одеялом стелился Южный континент, полный чудес, каких никогда более не увидят глаза человека. И во всей этой беспредельно чуждой, но уже знакомой картине он не улавливал никаких причин для беспокойства.

Что-то пощекотало тыльную сторону ладони, сначала он решил, что это насекомое, и попытался не глядя смахнуть его. Но, не завершив движения, спохватился и замер, слегка сконфуженный. В самом деле, откуда взяться насекомым на Раме?

Потом он поднял руку и начал ее разглядывать: как ни удивительно, а щекотка не проходила. Тут-то он и заметил, что каждый отдельный волосок на запястье стоит дыбом. И не

только на запястье, но и выше, до самого предплечья, и точно так же на голове — стоило коснуться висков, чтобы убедиться в этом.

Так вот в чем дело! Он находится в электрическом поле огромной напряженности; тяжкое чувство подавленности, которое он испытывал, сродни тому, какое бывает подчас на Земле перед грозой...

В тот миг когда Джимми внезапно осознал всю сложность своего положения, он едва не поддался панике. Никогда прежде он не встречался лицом к лицу со столь непосредственной угрозой для жизни. Как и любому космонавту, ему случалось переживать неприятные минуты, когда подводило оборудование, когда вследствие ошибки или по неопытности та или иная ситуация оценивалась — чаще всего необоснованно — как смертельно опасная. Но ни один из таких эпизодов не продолжался дольше трех-пяти минут, а обычно страхи иссякали почти мгновенно и оставалось лишь посмеяться над ними.

На этот раз мгновенного выхода не было. Джимми чувствовал себя слишком одиноким и беззащитным в этом вдруг оскалившемся враждой небе, в царстве титанических сил, готовых разрядить свой гнев с секунды на секунду. «Стрекоза», и без того достаточно хрупкая, теперь казалась эфемерной, как осенняя паутинка. Первый же удар надвигающегося шторма разнесет ее в клочья...

— Группа наблюдения,— позвал он испуганно.— Вокруг меня накапливаются статические заряды. По-моему, вот-вот разразится гроза...

Не успел он докончить фразу, как позади что-то сверкнуло: он сосчитал до десяти — и его нагнал сухой грохот. Три километра — значит, вспышка произошла в районе малых рогов. Он оглянулся и увидел, что каждая из шести игл-верхушек охвачена пламенем. Разряды по двести — триста метров длиной танцевали на остриях вершин, словно рога были гигантскими громоотводами.

То, что происходило позади, могло в любой момент с большим размахом начаться и в районе большого пика. Лучшим решением в таких обстоятельствах было убраться подальше от опасного соседства на вольный простор. Он принялся крутить педали еще сильнее, с предельной скоростью, какую только могла выдержать «Стрекоза». Одновременно он стал терять высоту — пусть это означало, что он вступает в область более высокой гравитации, он соглашался идти на риск. Восемь километров от земли — цифра слишком суровая для того состояния духа, в каком он сейчас находился.

Зловещая черная вершина Большого рога была пока еще свободной от видимых разрядов, но Джимми не сомневался, что она в свою очередь накапливает чудовищный электрический потенциал. Позади то и дело слышались новые удары грома, перекатывающиеся, казалось, по всему континенту. Джимми пришло на ум, что это до крайности странно — шторм посреди ясного неба; потом он понял, что к метеорологии это явление никакого отношения не имеет. Скорее всего, просто утечка энергии из источника, скрытого где-то в глубине южного торца Рамы. Но почему такая утечка началась именно сейчас? И другой вопрос, еще серьезнее: *что дальше?*

Наконец он оставил вершину позади и уже надеялся, что скоро будет вне досягаемости для любых разрядов. Однако теперь он столкнулся с другой проблемой: в воздухе возникли завихрения, управлять «Стрекозой» стало намного труднее. Откуда-то — вернее, ниоткуда — налетел ветер, и, если ветер еще усилится, хрупкому каркасу аэропеда придется плохо. Джимми мрачно налегал на педали и пытался компенсировать толчки, меняя силу тяги и наклон туловища. Отчасти ему удавалось справиться с задачей — ведь «Стрекоза» была как бы продолжением его самого,— но ему вовсе не нравился протестующий скрип лонжеронов, не нравилось и то, как вздрагивают концы крыльев при каждом порыве ветра.

Беспокоил его и слабый, неровный, но постепенно нарастающий звук, который шел, пожалуй, со стороны Большого

рога. Словно газ под большим давлением сочился из вентиля — интересно, не с этим ли звуком связаны завихрения, с которыми боролась «Стрекоза»? Так или иначе, а оснований для тревоги было более чем достаточно.

Время от времени Джимми, торопясь и задыхаясь, докладывал группе наблюдения о том, что творится вокруг. Никто не мог ничего ему посоветовать, никто не догадывался, что происходит, но он находил утешение хотя бы в том, что слышал голоса друзей, которых ему, возможно, никогда уже не придется увидеть.

Воздушные потоки текли все стремительнее. Он будто попал в реактивную струю — однажды на Земле он изведал это острое ощущение в погоне за рекордом на высотном планере. Но откуда взялась реактивная струя здесь, на Раме?

Стоило Джимми точно сформулировать вопрос — и сразу пришел ответ.

Звук, наполняющий все вокруг,— это электрический ветер, уносящий прочь чудовищную ионизацию, которая скапливается вблизи Большого рога. Заряженные частицы воздуха выбрасываются в пространство вдоль оси, а сюда, в область низкого давления, снизу поступают новые. Он опять оглянулся на исполинскую и теперь вдвойне опасную иглу: не удастся ли определить границы бури на глаз? Вероятно, лучшей тактикой здесь будет полет «на слух» — уходить как можно дальше от зловещего свиста.

Но принять еще одно решение он не успел — Рама опередил его. За спиной Джимми, заслонив небо, встала стена пламени. Времени у него осталось ровно столько, чтобы увидеть, как стена разделилась на шесть огненных лент — от вершины Большого рога к каждому из малых. А затем последовал страшный удар.

Едва Джимми Пэк успел радировать: «Крыло переламывается... я падаю... я падаю!» — как «Стрекоза» начала грациозно складываться вдвое. Левое крыло с треском лопнуло точнехонько пополам, и внешняя половина не спеша поплыла прочь, словно опавший лист. С правым крылом случилось нечто еще более невообразимое. Оно надломилось и вывернулось у самого основания под таким острым углом, что запуталось концом в хвостовом оперении. Джимми теперь сидел верхом на раненом мотыльке, неотвратимо падающем с небес.

И все-таки он не был совершенно беспомощен: винт все еще вращался, и, пока у пилота не иссякли силы, он отчасти сохранял контроль над положением. Но в его распоряжении оставалось не больше пяти минут.

Была ли у него хоть малейшая надежда добраться до моря? Нет, оно лежало слишком далеко. Потом он сообразил, что до сих пор не отрешился от земных представлений: пловец он хороший, но, прежде чем его спасут, пройдут часы, а тем временем ядовитые воды преспокойно убьют его. Единственный для него шанс заключался как раз в том, чтобы сесть на сушу; о проблеме отвесного южного утеса он подумает позже — если понятие «позже» не утратит для него всякий смысл.

Падал он медленно — в этой зоне сила тяжести равнялась лишь одной десятой *g*, но по мере удаления от оси падение неизбежно ускорится. Сопротивление воздуха еще более

усложнит картину, однако, может статься, спасет его от слишком опасных ускорений. «Стрекоза», даже неуправляемая, сработает как грубый парашют. А те десять килограммов тяги, которые он добавит к ее собственным усилиям, возможно, как раз и окажутся решающими в схватке между жизнью и смертью. Решающими, как он надеялся, в пользу жизни.

Группа наблюдения хранила молчание: друзья видели, что произошло с Джимми, и понимали, что словами здесь не поможешь. Ему предстоял летный маневр, самый хитроумный во всей его практике. «Жаль,— подумал он с мрачным юмором,— что мало зрителей и некому оценить мое искусство по достоинству...»

Он шел вниз по широкой кривой, и, пока удавалось удерживать аэропед от резкого крена, шансы на выживание оставались довольно высокими. Педалями он помогал «Стрекозе» сохранять определенные летные качества, хотя и боялся нажимать в полную силу, чтобы сломанные крылья не оторвались окончательно. И каждый раз, когда его поворачивало лицом на юг, он мог воздать должное фантастическому представлению, которое Рама устроил в его честь.

Струи молний по-прежнему били с вершины Большого рога в более низкие пики, но теперь — теперь они еще и вращались! Шестизубая огненная корона раскручивалась против хода вращения Рамы — один оборот за те же несколько секунд. Джимми почудилось, что он наблюдает в действии исполинский электромотор, и, пожалуй, он был недалек от истины.

Он прошел уже полпути к равнине, продолжая спуск по плоской спирали, когда фейерверк неожиданно иссяк. Джимми физически ощутил, как спало напряжение, висевшее в воздухе, и знал, не глядя, что волосы уже не стоят торчком. Хоть в эти последние минуты ничто не отвлекало его, не мешало ему бороться за жизнь.

Как только ему стало ясно, в какой примерно зоне он упадет, Джимми принялся внимательно ее изучать. Бо́льшая

часть района представляла собой как бы шахматную доску с клетками, решительно не похожими одна на другую, словно какому-то сумасшедшему садовнику дали полную свободу действий, нет, приказали воплотить в натуре все, что может быть подсказано больным воображением. Квадраты размером приблизительно километр на километр всевозможных цветов и структур были, как правило, гладкими, но твердыми ли? Джимми решил повременить с выбором до последней минуты — если, конечно, у него останется хоть какой-нибудь выбор.

На высоте порядка трехсот метров он послал друзьям прощальный привет.

— Все еще сохраняю минимальную устойчивость... сяду через полминуты, потом вызову вас снова.

Оптимизм его был наигранным, и все это знали. Но он категорически не мог произнести: «Прощайте», он хотел, чтобы товарищи слышали: Джимми не поддался страху, он борется до конца.

И действительно, он почти не чувствовал страха, чему немало удивлялся сам — он никогда не считал себя особенным храбрецом. Словно он со стороны наблюдал за поступками совершенно незнакомого человека и лично в них никак не участвовал. Вернее, словно ему предложили хитрую задачу из области аэродинамики, и он решал ее, подставляя различные параметры и экспериментально проверяя, что получается. Единственным сохранившимся чувством было смутное сожаление об утраченных надеждах, и о главной из них — о предстоящих Лунных Олимпийских играх. При любом исходе борьбы одно было несомненным: никогда уже «Стрекозе» не показать свою прыть на Луне.

Осталось сто метров, посадочная скорость казалась приемлемой, но не слишком ли быстро он снижается? Ему повезло — участок попался абсолютно ровный. Теперь вложить все силы в финальный рывок... внимание... пошел!..

Правое крыло, исполнив свой долг, наконец отлетело у самого основания. «Стрекоза» начала опрокидываться, и он попытался удержать ее в равновесии, бросив тело в противоположную сторону. Его глаза были устремлены на вогнутый свод ландшафта в шестнадцати километрах над головой, когда путешествие окончилось.

Невероятно и несправедливо, но небесный свод оказался на поверку твердым как камень.

Первое, что он ощутил, приходя в себя,— жестокую головную боль. Он почти обрадовался ей: по крайней мере, она доказывала, что он еще жив.

Затем он попробовал шевельнуться и убедился, что болит буквально все — болевые ощущения поражали своим разнообразием. Но, насколько он мог судить, явных переломов не было.

Наконец он рискнул открыть глаза — и тут же зажмурился снова: выяснилось, что он уставился прямехонько на полосу света, перечеркивающую потолок. Вряд ли подобное зрелище можно было рекомендовать как лекарство от головной боли.

Он все еще лежал, восстанавливая силы и размышляя, не пора ли вновь взглянуть на окружающий мир, когда услышал где-то совсем неподалеку громкий хруст. Он медленно-медленно повернул голову к источнику звука, посмотрел — и едва снова не впал в беспамятство.

В каких-то пяти метрах от него огромный зверь, похожий на краба, с аппетитом пожирал остатки бедной «Стрекозы». Когда Джимми слегка оправился от шока, он неторопливо и бесшумно откатился подальше от чудовища, поневоле ожидая, что оно вот-вот унюхает более лакомую пищу и запустит в него свои когти. Однако краб почему-то не удостоил человека вниманием, и, увеличив дистанцию до десяти метров, Джимми осторожно приподнялся и сел.

С такого расстояния зверь уже не казался порождением кошмара. Длинное плоское тело двухметровой длины и метровой ширины покоилось на шести суставчатых лапах, по три сочленения в каждой. Джимми ошибся, сочтя, что чудовище решило пообедать «Стрекозой»,— пристальный осмотр не обнаруживал даже подобия пасти. В действительности оно старательно разрезало аэропед на части, используя когти как ножницы. А манипуляторы, мучительно похожие на крохотные человеческие руки, непрерывно собирали обрезки и складывали у зверя на спине — там их уже накопилась целая куча.

Но полноте, зверь ли это? Первое впечатление было именно таково, а теперь Джимми стал теряться в догадках. В движении краба чувствовалась целеустремленность, свидетельствующая о довольно высоком уровне интеллекта, да и зачем животное, руководимое слепым инстинктом, стало бы собирать измельченные части аэропеда — разве что для своего логовища?

Не в силах отвести взгляд от краба, который по-прежнему совершенно его игнорировал, Джимми с трудом поднялся на ноги. Сделав несколько неуверенных шагов, он убедился, что может ходить, но отнюдь не был уверен, что обгонит шестиногое диво. Затем он включил рацию, даже не задав себе вопроса, будет ли она работать. Если катастрофа не расплющила его самого, то электронные печатные схемы такой катастрофы вообще не заметили.

— Группа наблюдения,— тихо позвал он.— Слышите меня?

— Слава богу! Ты жив?

— Жив, хотя меня и тряхнуло. Взгляните-ка на эту картинку...

Он направил телекамеру на краба — как раз вовремя, чтобы снять того за уничтожением последнего лонжерона «Стрекозы».

— Это что за дьявольщина? И почему оно решило закусить твоим аэропедом?

— Хотелось бы знать! Со «Стрекозой» оно уже покончило. Я, пожалуй, отойду — а вдруг оно захочет взяться за меня...

Джимми постепенно отступал, ни на секунду не спуская с краба глаз. Тот двигался теперь вкруговую, по все расширяющейся спирали, видимо разыскивая случайно пропущенные обломки, и впервые предоставил Джимми возможность осмотреть себя со всех сторон.

Оправившись от первоначального потрясения, лейтенант пришел к выводу, что столкнулся со зверюгой прямо-таки красивым. Название «краб», которое он дал ему не думая, было, пожалуй, не вполне точным: не будь эта тварь столь непомерно велика, ее лучше бы, наверное, именовать жуком. Панцирь у нее отливал чудесным металлическим блеском — Джимми, в сущности, готов был поклясться, что это именно металл и ничто другое.

Любопытная идея: а что, если краб — вовсе не зверь, а робот? Он пристально взглянул на шестиногое с этой новой точки зрения, анализируя в деталях его строение. На месте рта был набор манипуляторов, живо напоминавший Джимми большой многоцелевой перочинный нож — мечту всякого уважающего себя мальчишки: клещи, щупы, напильники и даже нечто, похожее на сверло. Но все это еще ничего не доказывало. Земные насекомые тоже владеют подобными инструментами — и множеством других. Зверь или робот? Оба предположения оставались по-прежнему равновероятными.

Глаза, которые могли бы, кажется, разом решить проблему, тем не менее лишь осложняли ее. Они были так глубоко утоплены под защитными выростами, что никак не позволяли судить о свойствах их линз — кристаллических либо студенистых. К тому же они были лишены всякого выражения, хотя светились поразительно ясной голубизной. Несколько раз они устремлялись прямо на Джимми, но и тогда в них не

мелькало ни искорки интереса. По мнению самого Джимми, пожалуй слегка предвзятому, такое поведение отнюдь не свидетельствовало о могучем уме. Любое создание — животное или робот,— способное не заметить человека вблизи, нельзя считать чересчур смышленым.

Краб наконец перестал описывать круги и на секунду-другую замер на месте, будто прислушиваясь к некоему безмолвному голосу. Затем он пустился прочь, смешной походкой враскачку, примерно в направлении моря. Двигался он по идеальной прямой с постоянной скоростью четыре-пять километров в час и прошел уже метров двести, прежде чем Джимми, еще не совсем оправившийся от контузии, сообразил, что негодная тварь уносит с собой все, что осталось от его возлюбленной «Стрекозы». Сообразил, вознегодовал и бросился в погоню.

Поступок этот не был совершенно бессмысленным. Краб двигался к морю — спасение, если оно вообще возможно, придет именно с этой стороны. И отнюдь небезынтересно попутно узнать, как намерено чудовище распорядиться своим трофеем,— это прольет определенный свет на мотивы его действий и уровень развития.

Тело все еще болело, ноги не слушались, и понадобилось целых пять минут, чтобы нагнать целеустремленно вышагивающего краба. Некоторое время Джимми держался на почтительном расстоянии, пока не удостоверился, что тот не возражает против преследования. Собственно, именно тогда лейтенант приметил в куче обломков «Стрекозы» свой пищевой рацион и фляжку с водой — и сразу почувствовал острый голод и жажду.

Подумать только — от него со скоростью пешехода уносили всю пищу и все питье, какие имелись в этой половине мира! Не считаясь с риском, он должен был снова завладеть ими.

Он осмотрительно приблизился к крабу сзади справа. Держась наравне с «противником», пригляделся к сложному ритму ног, пока не получил точного представления, где окажет-

ся любая из них в каждый следующий момент. Проведя такую подготовку, Джимми сдавленно пробормотал: «Извините», и молниеносным броском выхватил свою собственность из кучи. Ему и во сне не снилось, что в один прекрасный день придется обучаться искусству кражи, и успешное ее завершение привело его в восторг. Вся операция не заняла и секунды, а краб даже не замедлил шага.

Джимми отскочил на десяток метров, смочил губы из фляжки и принялся жевать ломтик мясного концентрата. Одержанная им пусть маленькая, но победа резко подняла его настроение; теперь он мог позволить себе даже призадуматься о невеселом будущем.

Пока живу — надеюсь; и тем не менее он не видел путей к собственному спасению, совсем не видел. Допустим, его товарищи переплывут море, но он-то как доберется до них, как преодолеет полукилометровый утес? «Мы что-нибудь придумаем,— обещала группа наблюдения.— Утес не может тянуться вокруг всего мира, хоть где-нибудь да есть разрыв...» — «Почему же не может?» — едва не ответил он, но вовремя прикусил язык.

Одна из самых примечательных особенностей Рамы заключалась в том, что, куда бы вы ни держали путь, вы всегда ясно видели цель своего назначения. Изгиб поверхности здесь ничего не прятал, а, напротив, выявлял. И Джимми довольно скоро понял, куда направляется краб: впереди на склоне — изогнутая поверхность казалась склоном — виднелась яма поперечником в полкилометра. На Южном континенте таких ям насчитывалось три, судить об их глубине на расстоянии было невозможно. Их назвали по именам самых известных лунных кратеров, и теперь он приближался к «Копернику». Название выбрали не совсем удачно: здесь не было ни кольцевых возвышенностей, ни центрального пика. «Коперник» представлял собой просто-напросто глубокую шахту или, может быть, колодец с вертикальными стенками.

Подойдя поближе и заглянув через край, Джимми различил на глубине около пятисот метров лужицу неприветливой серо-зеленой воды. Полкилометра — значит, вода стоит приблизительно на уровне моря; интересно, сообщаются ли колодец и море между собой?

Завиваясь в спираль, к воде вел наклонный спуск, утопленный в стенке колодца; у Джимми мелькнула мысль, что он заглянул в нарезной ствол исполинского ружья. Нарезка делала немалое число витков, Джимми попытался проследить их, отсчитал с десяток оборотов, сбился — и только тут понял, что видит не один, а три независимых спуска, развернутых по отношению друг к другу на сто двадцать градусов. В любом другом мире это показалось бы редкостным архитектурным излишеством — в любом, только не на Раме.

Все три спуска косо вонзались в воду и исчезали под ее мутноватым зеркалом. Впрочем, чуть ниже поверхности Джимми приметил выходы каких-то темных туннелей или пещер, выглядели эти темные норы довольно мрачно, и он еще задал себе вопрос: обитаемы ли они? Что, если рамане — земноводные?..

Когда краб приковылял к краю колодца, Джимми решил, что тот намерен спуститься по виткам и, может статься, предъявить обломки «Стрекозы» некоему высшему существу, способному оценить их. Вместо этого зверь просто подошел к обрыву, не колеблясь свесил почти половину панциря над бездной, хотя ошибка буквально в несколько сантиметров могла оказаться для него роковой, и резко встряхнулся всем телом. Обломки «Стрекозы» посыпались, подрагивая, вниз, а у Джимми на глазах выступили невольные слезы. «Вот тебе и разумная тварь...» — горько подумал он.

Избавившись от ноши, краб внезапно повернулся и двинулся прямо на Джимми, который стоял всего-то в десятке метров. «Неужто и меня туда же?» — изумился он. Оставалось надеяться, что камера не слишком дрожала в его руках, когда он наводил ее на приближающееся чудовище.

— Что посоветуете? — нерешительно спросил он у группы наблюдения, по правде говоря не надеясь на толковый ответ.

Утешением, хотя и небольшим, служило сознание, что он входит в историю, и он спешно перебрал в памяти рецепты, выработанные на случай подобной встречи. Все они до этого самого дня были чисто теоретическими. Ему первому выпало проверить их на практике.

— Не беги, пока не удостоверишься, что он настроен враждебно,— шепнули далекие друзья.

«А куда бежать?» — спросил себя Джимми. Разумеется, он обставил бы эту тварь на стометровке, но на дальней дистанции она наверняка загонит его.

Не торопясь Джимми вытянул навстречу крабу обе руки. Вот уже добрых два века люди спорили: целесообразен ли такой жест, повсюду ли во Вселенной его истолкуют как «Смотрите, я безоружен»? Но, увы, лучшего никто так и не предложил.

А краб — краб вообще не реагировал на дружеский жест, даже не замедлил шага. Не удостоив Джимми вниманием, он прошествовал мимо и с деловым видом направился на юг. Понимая, что остался в дураках, полномочный представитель *homo sapiens* провожал его взглядом, а герой несостоявшегося первого контакта удалялся по раманской равнине, безразличный к человеку и к его разочарованию.

За всю свою жизнь Джимми не испытывал такого унижения. Потом на помощь ему пришло врожденное чувство юмора. В конце концов, невелика беда не удостоиться приветствия со стороны одушевленной мусоросборочной машины. Было бы куда хуже, если бы она вознамерилась обнять его как долгожданного брата...

Он вернулся к кромке «Коперника» и уставился в мутные воды. На этот раз он заметил, что там в глубине лениво снуют какие-то зыбкие тени, иные из них весьма солидных размеров. Вот одна из теней переместилась к ближайшему спи-

ральному спуску, и наверх поползло нечто, похожее на многослойный танк. По скорости движения Джимми вычислил, что на подъем танку потребуется около часа; если танк и являл собой угрозу, то надвигалась она крайне медленно.

Чуть позже у выходов из темных нор, что прятались под самой поверхностью, мелькнула другая тень, более быстрая. Что-то стремительно метнулось вдоль нарезки, но он не сумел ни разглядеть это «что-то», ни хотя бы понять, какие оно имеет очертания. Словно там внизу пронесся небольшой смерч, пылевой столб величиной с человека.

Джимми зажмурился и потряс головой, не раскрывая глаз в течение нескольких секунд. Когда он открыл их снова, видение исчезло.

Вероятно, падение потрясло его сильнее, чем он предполагал,— до сих пор он не страдал галлюцинациями. Группе наблюдения он на всякий случай не сказал ни слова. Но и исследовать спиральные спуски, на что уже почти отважился, тоже не стал. Решил не расходовать понапрасну энергию.

Вращающийся фантом, который ему привиделся, отношения к этому не имел. Ни малейшего отношения — во что, во что, а в призраки Джимми не верил.

Напряжение вызвало жажду, и Джимми остро осознал, что вокруг нет пригодной для питья воды. На том, что оставалось во фляжке, он продержится, быть может, неделю, но, собственно, зачем? Лучшие умы Земли вскоре станут биться над «проблемой Джимми»; капитана Нортона, вне всякого сомнения, забросают проектами. Но сам он, как ни тщился, не мог найти способа спуститься по срезу полукилометрового утеса. Даже будь у него веревка такой длины, к чему ее привязать?

И все-таки глупо — и не по-мужски — сдаваться без борьбы. Всякая возможная помощь может прийти только со стороны моря, и он будет двигаться в ту сторону, а попутно делать свое дело, словно ничего не случилось. Ведь никто и никогда больше не увидит и не сфотографирует территорию, по которой ему предстоит пройти, и одно это уже гарантирует ему память в веках. Он, конечно, предпочел бы иные, прижизненные блага, но уж лучше посмертная слава, чем вообще ничего.

Если бы он мог летать, как погибшая «Стрекоза», от моря его сейчас отделяло бы всего три километра, но подойти к морю по прямой — задача вряд ли выполнимая: некоторые участки впереди представляют собой слишком серьезное препятствие. Однако маршрутов в его распоряжении сколько угодно. И Джимми мог в любой момент окинуть их взгля-

дом: вот они, расчерчены перед ним, как на гигантской карте, с обеих сторон уходящей ввысь и вдаль.

Времени ему не занимать, и начнет он с самого интересного, даже если это уведет его от кратчайшего пути. Примерно в километре вправо простирался квадрат, сверкающий так, будто его усыпали осколками стекла или драгоценными камнями. Мысль о последних, пожалуй, и подстегнула Джимми. Даже приговоренный к смерти не может не проявить интереса к тысячам квадратных метров драгоценностей.

Впрочем, он не слишком огорчился, выяснив, что заманчивый блеск создают всего-навсего кристаллы кварца. Зато квадрат рядом оказался намного примечательнее: его сплошь покрывали пустотелые металлические колонны, расположенные без всякого видимого порядка, но очень близко друг к другу. Высоты они были самой различной — одни не достигали и метра, другие вытянулись с трехэтажный дом. Пройти между ними нечего было и надеяться — не всякий танк смог бы продраться сквозь эти заросли труб.

Двигаясь между квадратом, покрытым кристаллами, и квадратом с колоннами, Джимми вышел на перекресток. Теперь квадрат по правую руку напоминал ковер или гобелен из крученой пряжи — Джимми попытался оторвать хотя бы ниточку, но не сумел. По левую руку располагалась мозаика из шестигранных плиток, плотно пригнанных друг к другу. Она казалась бы монолитной, не окрась рамане плитки во все цвета радуги. Джимми потратил немало времени в поисках двух сопредельных плиток одного цвета — хотел узнать, различима ли граница между ними,— но не нашел ни одного случая подобной небрежности.

Передавая панораму перекрестка, он пожаловался группе наблюдения:

— Ну а вы-то хоть что-нибудь понимаете? У меня чувство, словно я заперт в гигантском лабиринте. Или это раманская картинная галерея?

— Мы озадачены не меньше твоего, Джимми. Пока что мы не замечали, чтобы рамане интересовались искусством. Но не будем спешить с выводами — подождем, понаблюдаем еще...

Квадраты, лежащие за следующим перекрестком, ничего не прояснили. Один был совершенно пуст — жесткая гладкая поверхность безликого серого цвета. Второй — заполнен мягким губчатым веществом, усеянным миллионами и миллионами крошечных пор. Джимми попробовал его ногой, и вещество тут же омерзительно колыхнулось.

На очередном перекрестке его поджидало нечто, поразительно похожее на вспаханное поле с бороздами одинаковой метровой глубины, а материал, по которому они шли, имел насечки наподобие напильника или рашпиля. Но он не обратил особого внимания на этот квадрат, потому что квадрат рядом дразнил воображение, как ни один из предыдущих.

Наконец-то он встретил нечто доступное пониманию — и вместе с тем вызывающее нешуточное беспокойство.

Этот квадрат был обнесен забором, настолько заурядным, что на Земле Джимми не удостоил бы его повторным взглядом. Метрах в пяти друг от друга стояли столбики — очевидно, металлические,— а между ними тянулись шесть рядов туго натянутой проволоки.

За первым забором следовал второй — двойник первого, а дальше третий. Новый типичный образчик надежности по-рамански: что бы ни содержали в этом загоне, оно ни при каких обстоятельствах не вырвалось бы на свободу. Входа вообще не было — никаких ворот, которые можно распахнуть, чтобы ввести животное или животных — предполагаемых узников. Зато в центре квадрата темнела дыра, копия «Коперника», только сильно уменьшенная.

Даже при других обстоятельствах Джимми, вероятно, не колебался бы, а сейчас ему просто нечего было терять. Он быстро перемахнул через все три забора, подошел к дыре и заглянул в нее.

Не в пример «Копернику», этот колодец достигал в глубину лишь пятидесяти метров. На дне виднелись жерла трех тунелей, достаточно широких, чтобы пропустить слона. И все.

Присмотревшись, Джимми решил, что вся конструкция может означать только одно: дно колодца представляет собой подъемник. Но для кого предназначен этот подъемник, он наверняка не узнает никогда, хотя нетрудно догадаться, что «кто-то» очень велик и, похоже, очень опасен.

За последующие три-четыре часа он прошагал параллельно берегу моря более десяти километров, и клетки шахматной доски начали сливаться в его сознании. Были квадраты, от края до края накрытые ячеистым проволочным тентом, словно гигантские вольеры для птиц. Попадались и другие, напоминавшие застывшие озера с вмерзшими в лед водоворотами; осторожно потрогав «лед», Джимми убедился, что он чрезвычайно прочен. А один квадрат был совершенно черным, черным настолько, что цвет уже не воспринимался глазом и только осязание доказывало, что пространство заполнено веществом.

И наконец вновь встретился вариант, доступный разумению. Вытянувшись одно за другим, к югу простирались — другого слова не подобрать — поля. Будто Джимми очутился на какой-то экспериментальной земной ферме: перед ним, квадрат за квадратом, лежала ровная, хорошо взрыхленная почва, первая, какую ему довелось увидеть среди металлических пейзажей Рамы.

Огромные поля были девственными, безжизненными, истомившимися по зерну, которого никогда не питали. Джимми искренне удивился: зачем они, ведь не может же быть, чтобы рамане, достигшие таких высот развития, всерьез интересовались агротехникой; даже на Земле сельское хозяйство являлось теперь не более чем хобби да еще служило поставщиком некоторых дорогих экзотических продуктов. Но он мог поклясться, что это именно фермы, и притом старательно подготовленные к севу. Никогда и нигде не встречал Джим-

ми почвы столь чистой на вид: каждый квадрат был накрыт упругой пленкой прозрачного пластика. Он попытался прорезать пленку и добыть образец почвы, но его нож лишь оставил на пленке чуть заметный след.

Дальше вглубь еще и еще тянулись поля, и на многих из них красовались сложные конструкции из прутьев и проволоки, предназначенные, видимо, для поддержки вьющихся растений. Выглядели эти конструкции унылыми и заброшенными, как деревья без листьев в середине зимы. И правда, поля познали действительно долгую и жестокую зиму, и выпавшие им сейчас немногие недели света и тепла были только краткой передышкой перед новым ее приходом...

Джимми и сам не понял, что заставило его вдруг остановиться и пристально вглядеться в уходящие на юг металлические дебри. Наверное, его мозг продолжал бессознательно отмечать все, что происходит вокруг; именно мозг скомандовал «стоп», когда в фантастически враждебном окружении появилось нечто окончательно невозможное.

За четверть километра от Джимми, в глубине проволочных шпалер, сверкала цветная одинокая искорка. Она была так мала и неприметна, так неразличимо далека, что на Земле никто не обратил бы на нее внимания. И тем не менее одной из причин, по которым он вообще заметил эту искорку, было, без сомнения, то, что она напоминала о Земле...

Он не сообщал пока ни слова группе наблюдения до тех пор, пока не убедился, что не ошибается и не принимает желаемое за действительное. Только когда до цели остались буквально считаные метры, он наконец поверил, что жизнь — настоящая, неоспоримая жизнь — все-таки сумела прорваться в бесплодный асептический мир Рамы. Здесь, на задворках Южного континента, в гордом одиночестве рос прекрасный цветок.

Приблизившись, Джимми понял со всей очевидностью, что в расчеты раман вкралась нечаянная ошибка. В оболочке, защищавшей квадрат от проникновения непрошеных

форм жизни, образовалась дыра. И сквозь нее пробивался зеленый стебель толщиной с мизинец, обвивший одну из шпалерных стоек. На метровой высоте стебель взрывался букетом синеватых листьев, очень похожих на перья,— Джимми не видел таких ни у одного из знакомых растений. А на уровне глаз стебель венчало то, что лейтенант поначалу принял за один цветок. Теперь он рассмотрел без особого удивления, что на самом деле это три цветка, плотно прильнувшие друг к другу.

И лепестки были совсем не лепестки, а ярко окрашенные трубки сантиметров по пять длиной; в каждом соцветии их насчитывалось не меньше пятидесяти, и они переливались такой металлической синевой, амарантом и зеленью, что напоминали скорее уж крылья бабочки, чем подданных растительного царства. Познания Джимми в ботанике равнялись практически нулю, но и он был озадачен полным отсутствием чего-либо похожего на тычинки и пестики. Ему даже пришло в голову, что сходство с земными цветами — не более чем совпадение: может статься, перед ним дальний родственник колонии полипов. Так или иначе, строение цветка вроде бы подразумевало существование мелких летающих насекомых, хотя оставалось неясным, зачем они нужны растению — то ли для опыления, то ли в качестве пищи.

Но какое это, в сущности, имело значение! Каким бы ни оказалось строго научное определение, для Джимми это был просто цветок. Неизъяснимое чудо, распустившееся вопреки всем ухищрениям раман, цветок напомнил юному пилоту о том, чего он, вероятно, никогда уже не увидит, и Джимми твердо решил завладеть им.

Легко решить — труднее выполнить. До цветка оставалось более десяти метров, и на этих метрах располагалась решетчатая конструкция из тонких прутьев. Получалась как бы череда полых кубиков со стороной около сорока сантиметров, а то и меньше. Не будь Джимми худым и гибким, он не летал бы на аэропедах, и проползти сквозь перекрестья ре-

шетки ему удастся. А вот выбраться назад — другое дело: развернуться в ее тенетах немыслимо, так что возвращаться придется задним ходом.

Группа наблюдения пришла в восхищение, когда он описал цветок и заснял его во всех возможных ракурсах. Никто не возразил и когда он сообщил: «Полезу, сорву». Он и не ожидал возражений: жизнь его теперь всецело принадлежала ему самому, он был вправе распорядиться ею, как заблагорассудится.

Он снял с себя всю одежду, ухватился за гладкие металлические прутья и принялся ужом ввинчиваться между ними. Со всех сторон его сжали тугие тиски, он чувствовал себя словно арестант, протискивающийся сквозь решетку в оконце камеры. Забравшись в частокол с ногами, он сделал попытку сдвинуться назад, просто ради того, чтобы проверить, реально ли это. Да, движение назад было намного сложнее — приходилось не подтягиваться на вытянутых руках, а отталкиваться ими,— сложнее, однако отнюдь не невозможно.

Джимми был человеком порыва, человеком действия, никак не склонным к самоанализу. Извиваясь в тесном строе прутьев, он не тратил времени на раздумья о том, что толкнуло его на столь донкихотский поступок. До сих пор он совершенно не интересовался цветами, а сейчас тратил остатки сил в погоне за одним-единственным цветком.

Разумеется, этот цветок был уникальным, представлял собой неизмеримую научную ценность. Но если разобраться, Джимми рвался к нему только потому, что цветок напоминал о живой природе, о родной планете. Тем не менее, когда осталось лишь протянуть руку, чтобы коснуться его, Джимми внезапно испытал чувство неуверенности. Ведь цветок был наверняка единственным во всем исполинском пространстве Рамы — вправе ли он, Джимми, сорвать его?

Если бы лейтенант стал искать оправданий, он утешил бы себя мыслью, что сами рамане в своих планах не предусматривали этого цветка. Чистейшая игра случая, которая совер-

шилась к тому же на тысячелетия позже или на тысячелетия раньше, чем нужно. Но Джимми не искал оправданий, колебания его оказались мимолетными. Он протянул руку, сжал стебель и рванул на себя.

Цветок подался довольно легко: Джимми сорвал еще парочку листьев, а затем медленно пополз сквозь решетку назад. Одна рука у него теперь была занята, это еще более осложняло задачу, двигаться стало не только трудно, но и больно, и он вскоре приостановился, чтобы передохнуть. Именно тогда он и заметил, что листья-перья начали съеживаться, а обезглавленный стебель медленно раскручивался со шпалер. Не то зачарованный, не то испуганный, Джимми понял, что растение постепенно уходит в почву, как смертельно раненная змея, заползающая обратно в нору.

«Я убил красоту»,— упрекнул себя Джимми. Но, в конце концов, Рама посягнул на его собственную жизнь! И сейчас он лишь взял то, что принадлежало ему по праву.

Капитан Нортон никогда не терял людей и не имел намерения открывать счет потерям. Еще до того, как Джимми вылетел к Южному полюсу, капитан уже изыскивал пути его спасения в случае аварии, однако задача оказалась столь трудной, что к ней так и не нашлось ответа. Все, чего удалось добиться,— это безжалостно забраковать предлагаемые решения.

Как вскарабкаться по полукилометровому отвесному утесу, пусть даже при пониженной гравитации? С соответствующим снаряжением и сноровкой это, видимо, довольно легко. Но на борту «Индевора» не было альпинистских скальных пистолетов и никто не додумался, каким другим способом вогнать в твердую, зеркально гладкую поверхность сотни стальных клиньев — а меньшим числом было не обойтись.

Нортон рассматривал и другие фантастические проекты, иные из них граничили с безумием. Допустим, обезьяна, снабженная присосками на лапах, сумела бы забраться наверх. Но даже если это в принципе осуществимо, сколько дней уйдет на то, чтобы изготовить и испытать нужное снаряжение, а главное, научить обезьяну пользоваться им? У человека же на подобное восхождение просто не хватит сил.

Привлечь на помощь технику? Напрашивалась мысль использовать ранцевые реактивные двигатели, но они предназначались для условий невесомости и давали слишком слабую тягу. Справиться с притяжением, даже с таким умеренным, как на Раме, да еще и поднять человека они не могли.

Однако нельзя ли запустить ранцевый двигатель в автоматическом режиме с грузом — бухтой спасательного каната? Нортон высказал такую идею сержанту Майрону, и тот не замедлил разнести ее вдребезги. Возникнут, сразу же указал Майрон, серьезные трудности со стабилизацией; их, конечно, можно преодолеть, но на это потребуется время — гораздо больше времени, чем у них осталось.

Ну а воздушный шар? Здесь проглядывалась какая-то зыбкая возможность — если бы они придумали, из чего соорудить оболочку и как создать не слишком громоздкий источник тепла. Во всяком случае, воздушный шар был единственной надеждой, которую Нортон еще не успел отбросить к моменту, когда проблема из чисто теоретической превратилась в вопрос жизни и смерти и заняла главенствующее место в сводках новостей во всех населенных мирах.

Пока Джимми путешествовал вдоль берега моря, добрая половина всех безумцев Солнечной системы лихорадочно изобретала, как его спасти. Штаб космического флота принимал и рассматривал любые предложения и примерно одно из тысячи передавал на «Индевор». Предложение, с которым выступил Карлайл Перера, было передано дважды — через сеть Службы Солнца и непосредственно через Планетком от имени Комитета по проблемам Рамы. Ученому это предложение стоило пяти минут раздумий и одной миллисекунды компьютерного времени.

Капитан Нортон решил было, что это шутка весьма дурного толка. Затем прочитал имя отправителя, увидел приложенные расчеты и поспешно их проверил, после чего вручил послание Карлу Мерсеру.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он самым обыденным тоном.

Карл быстро пробежал радиограмму глазами.

— Будь я проклят! Он прав, разумеется.

— Ты уверен?

— Он оказался прав насчет шторма, не так ли? Ей-ей, мы и сами могли бы догадаться об этом. Теперь я поневоле чувствую себя дураком.

— Могу составить тебе компанию. Следующий вопрос — как сообщить эту новость Джимми?

— По-моему, не надо ничего сообщать до самой последней минуты. Будь я на его месте, я определенно предпочел бы молчание. Скажи ему просто, что мы плывем.

Хотя Джимми без труда охватывал взглядом всю ширину Цилиндрического моря и представлял себе примерно направление, откуда ждать «Резолюшн», он не мог различить крохотное суденышко до тех пор, пока оно не миновало Нью-Йорк. Не верилось, что оно способно выдержать шесть человек да еще какое-то снаряжение для спасательных работ.

Когда до плота остался километр, Джимми узнал капитана Нортона и принялся махать ему. Чуть позже шкипер в свою очередь заметил Джимми и помахал в ответ.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Джимми,— добавил он по радио.— Я же обещал, что мы не оставим тебя в беде. Теперь-то ты мне веришь?

«Ну, положим, не совсем»,— подумал Джимми. Вплоть до последней секунды он задавал себе вопрос: не дружеский ли это заговор с целью поддержать его настроение? Но командир не стал бы пересекать море лишь за тем, чтобы проститься; наверное, они действительно что-то придумали.

— Поверю, шкипер,— ответил Джимми,— когда буду у вас на палубе. Ну а вы — вы хоть теперь-то скажете мне, как именно я до вас доберусь?

«Резолюшн» замедлил ход в сотне метров от подошвы утеса; насколько Джимми мог судить, на плоту не было никакого необычного снаряжения, а впрочем, он не очень-то твердо знал, чего ожидать.

— Извини, Джимми, но заранее мы не хотели тебя слишком волновать...

Слова капитана звучали зловеще; черт побери, что он имеет в виду?

«Резолюшн» остановился в пятидесяти метрах от утеса и в пятистах от Джимми — по вертикали, и лейтенант видел, как командир обращается к нему, видел с высоты птичьего полета.

— Значит, так, Джимми. Ты останешься цел и невредим, но от тебя потребуется изрядное мужество. Мы уверены, что мужества тебе не занимать. Тебе придется прыгнуть.

— Что-о? С высоты пятисот метров?!

— Не забудь — при половине *g*.

— Ну и что? Вам случалось на Земле падать с высоты двухсот пятидесяти?

— Замолчи, или я отменю тебе очередной отпуск. Можешь проверить вычисления сам... весь вопрос в величине конечной скорости. В атмосфере Рамы нельзя разогнаться до скорости, большей чем девяносто километров в час, безразлично, падаешь ли ты с высоты двести или две тысячи метров. Девяносто километров в час — это, пожалуй, многовато для полного спокойствия, но эту скорость можно еще чуть-чуть уменьшить. Вот что тебе надо сделать, слушай внимательно...

— Слушаю,— ответил Джимми.— Внимательнее некуда...

Больше он капитана не перебивал и не проронил ни слова, пока тот не договорил. Да, это было не лишено смысла и в то же время до смешного просто, настолько просто, что додуматься до такого решения мог только гений. И конечно, при условии, что означенному гению не придется проверять свой рецепт на себе...

Джимми никогда не доводилось ни нырять с большой высоты, ни выполнять затяжные прыжки с парашютом — эти виды спорта могли бы дать определенную психологическую подготовку к тому, что ему сейчас предстояло сделать. Можно битый час уверять человека в том, что перейти по досочке через пропасть — плевое дело, можно предъявить ему безупречные расчеты, а он все равно не способен будет и шагу

ступить. Джимми наконец понял, почему капитан так долго избегал обсуждения плана спасения. Нортон хотел, чтобы у него не осталось времени на раздумья, а тем более на возражения.

— Не буду тебя торопить,— убеждал капитан.— Но чем скорее, тем лучше...

Джимми бросил взгляд на свой бесценный сувенир — единственный цветок Рамы. Аккуратно завернул его в грязный носовой платок, завязал платок узелком и швырнул с края утеса. Узелок планировал вниз с успокоительной медлительностью, но это продолжалось так долго — пятнышко становилось меньше, и меньше, и меньше, пока не исчезло совсем. Потом «Резолюшн» рванулся вперед, и Джимми понял, что узелок подобрали.

— Великолепно! — воскликнул Нортон с преувеличенным восторгом.— Уверен, что этот цветок назовут в твою честь. Ну давай, мы ждем...

Джимми снял с себя рубашку — другой верхней одежды в этом климате, ныне тропическом, они не носили — и задумчиво ее расправил. Несколько раз за время своих странствий он едва не бросил ее; теперь она, не ровен час, спасет ему жизнь.

В последний раз он оглянулся на пустынный мир, который ему привелось исследовать в одиночку, на дальние грозные острия Большого рога и его малых собратьев. Крепко сжав рубашку правой рукой, он разбежался и прыгнул с утеса — так далеко, как только сумел.

Теперь спешить было некуда: в его распоряжении оставалось добрых секунд двадцать, чтобы проанализировать свои ощущения. Но он не тратил времени зря — вокруг крепчал ветер, «Резолюшн» постепенно вырастал в размерах. Захватив рубашку обеими руками, он вытянул их над головой, чтобы мчащийся навстречу воздух наполнил ткань и превратил ее в удлиненный купол.

Едва ли это стоило рассматривать как парашют: снижение скорости на четыре-пять километров в час приносило,

конечно, определенную пользу, но ничего не решало. Рубашка играла другую и притом более важную роль — удерживала его тело в вертикальном положении, чтобы оно врезалось в воду под прямым углом.

Впечатление было по-прежнему такое, что сам он вовсе не движется, зато вода стремительно несется ему навстречу. Как только он отважился на прыжок, чувство страха исчезло без следа; он даже испытывал известное раздражение — какого черта шкипер так долго держал его в неведении? Неужели Нортон и вправду опасался, что он, Джимми, побоится прыгнуть, если будет слишком долго раздумывать?

В самую последнюю секунду он выпустил рубашку, сделал глубокий вдох и зажал нос и рот руками. Как ему и советовали, он напрягся всем телом и плотно сомкнул ноги. В воду он должен войти чисто, как падающее копье...

— Это не труднее,— поучал его капитан,— чем на Земле прыгнуть с вышки. Ничего особенного — если сумеешь правильно войти в воду...

— А если нет? — осведомился Джимми.

— Тогда придется вернуться и попробовать снова...

Что-то ударило его по ногам — сильно, но не чересчур. Миллион скользких рук вцепились ему в тело, в ушах заревело, их стиснуло давлением — и даже сквозь плотно сомкнутые веки он ощутил, как на него по мере погружения в глубины моря наваливается темнота.

Тогда он принялся изо всех сил грести вверх, по направлению к гаснущему свету. Попытался открыть глаза, но мгновенно закрыл их снова: ядовитая вода жгла, как кислота. Подъем, казалось, тянулся столетия, и его не однажды посещало кошмарное подозрение, что он потерял ориентировку и плывет в действительности не вверх, а вниз. В таких случаях он шел на риск и вновь приоткрывал глаза — и с каждым разом вокруг становилось светлее.

Но когда голова наконец вырвалась на поверхность, веки как на грех были плотно сжаты. Он вдохнул всей грудью драгоценный воздух, перевернулся на спину и огляделся. «Резо-

люшн» шел к нему полным ходом; десять секунд спустя энергичные руки подхватили его и втащили на борт.

— Не наглотался воды? — был первый вопрос командира.

— Не думаю.

— Все равно прополощи рот вот этим. Достаточно. Как ты себя чувствуешь?

— Еще не знаю. Потерпите минутку — разберусь и скажу. Пока что спасибо вам всем...— Минута отнюдь не кончилась, когда Джимми внезапно понял, как именно он себя чувствует, и грустно признался: — Меня тошнит...

Участники спасательной экспедиции просто не поверили своим ушам.

— Это при мертвом штиле, на море, плоском, как доска? — воскликнула Руби Барнс, расценившая, по-видимому, состояние Джимми как прямую жалобу на свое искусство.

— Ну, плоским я бы это море не назвал,— откликнулся капитан, указав рукой на полосу воды, опоясавшую небо.— Тебе нечего стыдиться, Джимми, ты, должно быть, все-таки глотнул этой дряни. Так избавься от нее, если можешь...

Джимми еще не кончил корчиться, отнюдь не героически и совершенно безуспешно, когда небо позади них внезапно озарила яркая вспышка. Все повернули головы к Южному полюсу, а Джимми мгновенно забыл про тошноту. Начиналось новое действие огненного спектакля.

Километровые потоки пламени устремились, танцуя, с Большого рога к малым. Затем они вновь пришли в размеренное вращение, словно танцоры-невидимки взмахивали своими лентами вокруг электрического майского дерева*. Но на этот раз танцоры кружились все быстрее и быстрее, пока ленты не слились в искрящийся конус огня.

Зрелище рождало благоговейный страх, как ни одно из величественных зрелищ, которых здесь было немало; к тому же оно сопровождалось отдаленным грохочущим громом, еще

* Майское дерево — украшенный цветами столб, вокруг которого танцуют на весеннем празднике в английских деревнях.

усугублявшим впечатление неукротимой силы. Спектакль продолжался около пяти минут — и оборвался так резко, будто кто-то где-то повернул выключатель.

— Хотел бы я знать, как истолкуют это в Комитете по проблемам,— проговорил Нортон, не обращаясь ни к кому в отдельности.— Кто рискнет выдвинуть какую-нибудь теорию?

Ответить никто не успел — в разговор ворвались возбужденные голоса группы наблюдения.

— «Резолюшн»! У вас все в порядке? Вы заметили?..

— Что мы должны были заметить?

— Мы решили, что это землетрясение. В ту самую минуту́, как прекратился фейерверк.

— Причинен ли ущерб?

— Вряд ли. Оно не отличалось особой силой, просто нас слегка тряхнуло...

— Мы ничего не почувствовали. Да и не могли почувствовать — мы же в открытом море.

— Ну конечно, это был глупый вопрос. Теперь у нас вроде все спокойно... до следующего происшествия.

— Вот именно, до следующего происшествия,— откликнулся Нортон.

Тайны Рамы множились час от часу; чем больше люди открывали́ здесь нового, тем меньше понимали.

Внезапно с кормы донесся крик:

— Шкипер, взгляните! Вон туда, на небо!..

Нортон поднял глаза и поспешно обвел взглядом окружность моря. Но ничего особенного не заметил, пока не запрокинул голову и не увидел ту часть моря, что висела над ними в зените.

— Мой бог,— только и прошептал он, поняв, что «следующего происшествия» долго ждать не придется.

По дуге Цилиндрического моря мчалась приливная волна.

Даже в эту минуту величайшего потрясения первой мыслью Нортона было убедиться в безопасности своего корабля.

— «Индевор»! — вызвал он.— Доложите обстановку!

— Все в порядке, шкипер,— последовал спокойный ответ старшего помощника.— Был легкий толчок, но он не мог причинить вреда. Наблюдается небольшое изменение ориентации — по докладу штурмана, примерно ноль целых две десятых градуса. Он предполагает также, что несколько изменилась скорость вращения — точные данные будут через две-три минуты.

«Итак, началось,— сказал себе Нортон,— и гораздо раньше, чем мы ожидали: до перигелия, до наиболее логичной точки перемены орбиты, еще далеко... Тем не менее начался какой-то маневр — это несомненно, и не исключено, что последуют новые толчки...»

Результат первого толчка был с определенной очередностью запечатлен на изогнутой водной глади, которая, казалось, неустанно падает с неба. До волны оставалось около десяти километров, и она шла на них, развернувшись во всю ширину моря от северного до южного берега. Вблизи суши волна поднималась стеной белой пены, а в открытом море снижалась до еле видимой синей линии, движущейся куда быстрее, чем буруны на флангах. Тормозящее действие прибрежных отмелей изгибало волну дугой, и центральная ее часть убегала все дальше и дальше вперед.

— Сержант,— властно произнес Нортон,— это по вашей части. Что можно предпринять?

Руби Барнс замедлила ход до полной остановки и впилась в волну оценивающим взглядом. Нортон порадовался, заметив, что лицо отражает не тревогу, а заинтересованность, своего рода предвкушение, как у опытного борца перед схваткой.

— Жаль, что у нас нет эхолота,— отозвалась она.— Если мы в глубокой воде, то и беспокоиться не о чем.

— Значит, мы в безопасности? До берега четыре километра...

— Надеюсь, что да, но еще присмотрюсь...

Руби вновь дала суденышку ход, развернула «Резолюшн» и направила его навстречу приближающейся волне. По оценке Нортона, от центральной, самой стремительной ее части их отделяло теперь меньше пяти минут, но и он уже понял, что как раз эта часть не представляет опасности. Просто-напросто рябь, не достигающая и метровой высоты,— плот разве что покачнется. Подлинная угроза заключается вовсе не в ней, а в горах пены, что остались далеко позади.

И тут — тут буруны внезапно появились и в центре моря. Волна, по-видимому, уперлась в подводную стену протяженностью в несколько километров, верхний край которой почти достигал поверхности. А буруны на флангах как по команде опали — там теперь была, очевидно, глубокая вода.

«Волноломы,— догадался Нортон.— В точности такие же, как в топливных баках "Индевора", только в тысячу раз крупнее. Наверное, их здесь множество по всему морю, чтобы как можно быстрее гасить любую возникшую на нем волну. Существенный вопрос: не находимся ли мы точно над таким же волноломом?..»

Руби Барнс опередила его ровно на одно мгновение. Она опять остановила «Резолюшн» и выбросила якорь. Якорь нащупал дно в каких-то пяти метрах.

— Вытягивайте! — крикнула она товарищам.— Надо убираться отсюда!..

Нортон охотно согласился с ней, однако если уходить, то в каком направлении? Руби двинулась полным ходом навстречу волне, до которой оставалось всего пять километров. Теперь капитан не только видел, но и слышал ее приближение — этот отдаленный рокот он не спутал бы ни с чем, хотя никак не ожидал услышать столь земной звук в пределах Рамы. Но вот звук изменился, стих — в центре волна опала снова, зато поднялась по сторонам.

Он попытался определить интервал между волнами, исходя из догадки, что они размещены равномерно. Получалось, что впереди есть еще один; если удалось бы удержать плот в глубокой воде, вдали от искусственных мелей, они были бы в безопасности.

Руби застопорила винт и опять вытравила якорь. Цепь ушла под воду на тридцать метров, а дна так и не коснулась.

— Порядок,— заявила морячка со вздохом облегчения.— Но мотор глушить я все-таки не буду...

И вновь пена вздымалась лишь вдали у побережий, а посредине море совсем успокоилось, если не считать бегущей навстречу плоту невинной синенькой полоски ряби. Осторожный кормчий Руби Барнс удерживала «Резолюшн» на поперечном курсе, готовая в любую секунду дать полный ход.

Затем в каких-то двух километрах от них море начало пениться с новой силой. Оно горбатилось яростными белыми гривами, и рев его, казалось, заполнил весь мир. Во всю ширину Цилиндрического моря, словно лавина, грохочущая по горному склону, неслись валы, самого малого из которых было достаточно, чтобы прикончить их утлое суденышко.

Руби, похоже, уловила на лицах своих спутников невольный страх и, перекрывая грохот, прокричала:

— Ну, чего испугались? Я каталась на волнах повыше этих...— Ее заявление не вполне соответствовало действительности; кроме того, она не упомянула, что в ее распоряжении была тогда добротная лодка для спортивного серфинга, а отнюдь не импровизированный плот.— Но если придет-

ся прыгать за борт, ждите моей команды. Проверьте свои спасательные жилеты...

«Она восхитительна,— подумал Нортон,— упивается каждым мгновением, как древний воин каждой минутой боя. И не исключено, что она права — если только мы не ошиблись в расчетах...»

Волна продолжала расти, выгибая и закручивая свой гребень. Вогнутая поверхность моря, вероятно, преувеличивала ее высоту, но выглядела она чудовищной, неодолимой силой, способной смести на своем пути все и вся.

И спустя секунды волна опала, будто из-под нее выдернули опору. Она прошла очередной барьер и вновь покатилась по глубокой воде. Когда она минутой позже достигла их, «Резолюшн» лишь качнулся вверх и вниз, и Руби тут же развернула плот и погнала его полным ходом на север.

— Спасибо, Руби, прекрасная работа. Но успеем ли мы добраться до берега, прежде чем волна догонит нас во второй раз?

— Может, и не успеем, она вернется минут через двадцать. Но к тому времени потеряет всю свою мощь — мы ее, пожалуй, и не заметим...

Одолев волну, они, казалось, должны были бы вздохнуть посвободнее и воздать должное красотам моря, но теперь никто не чувствовал себя в безопасности, пока не ступит на сушу. На поверхности моря вода крутилась множеством крошечных воронок, а над водой стоял странный кислый запах — «будто муравейник раздавили», как удачно определил Джимми. Запах был неприятным, но вопреки ожиданию не вызывал даже намека на морскую болезнь — видно, есть явления настолько чуждые, что человеческая натура не способна на них реагировать.

Еще минутой позже волна, удаляясь от плота и карабкаясь в небо, ударилась о следующий подводный барьер. С тыла зрелище казалось совсем не впечатляющим, и путеше-

ственники устыдились пережитых страхов. Они уже почти возомнили себя хозяевами Цилиндрического моря.

Тем сильнее было потрясение, когда в какой-то сотне метров от плота из воды высунулось нечто вроде лениво вращающегося колеса. Отливающие металлом спицы, по пяти метров каждая, взмывали в воздух, роняя капли, неспешно поворачивались в слепящем сиянии раманского дня и с плеском падали в море. Словно на поверхность поднялась исполинская морская звезда с трубчатыми лучами.

Животное или машина? Ответить на этот вопрос по первому впечатлению не представлялось возможным. Но тут «звезда» завалилась набок и осталась лежать в полупогруженном состоянии, мягко покачиваясь на зыби — наследнице прошумевшей волны.

Теперь люди разглядели, что у «звезды» девять щупалец, вероятно суставчатых, которые радиально расходятся от центрального диска. Два щупальца были сломаны, крайние суставы отсутствовали. Семь здоровых заканчивались сложными наборами манипуляторов, живо напомнившими Джимми встреченного им краба. Оба существа принадлежали, видимо, к одной эволюционной ветви — или вышли из одного конструкторского бюро.

В середине диска возвышался вырост с тремя большими глазами. Два из них были закрыты, третий открыт, но казался мутным и незрячим. Несомненно, им выпал случай наблюдать смертные муки диковинного чудовища, вытолкнутого на поверхность подводным штормом, который только что миновал.

Потом они заметили, что чудовище не одиноко. Около него кружила, то и дело подплывая вплотную к еле шевелящимся щупальцам, пара тварей помельче, похожих на раков-переростков. Эти твари весьма целеустремленно уничтожали большое чудовище, а оно и не думало сопротивляться, хотя по всем признакам могло бы справиться с десятком таких разбойников.

И снова Джимми поневоле вспомнил краба — могильщика «Стрекозы». Он присмотрелся внимательнее и понял, что не заблуждается.

— Взгляните, шкипер,— прошептал лейтенант.— Видите, они и не думают пожирать его. У них и ртов-то нет. Они просто режут его на части. В точности то же произошло и со «Стрекозой».

— Ты прав. Они демонтируют его, как... как сломанную машину. Но,— добавил Нортон, поморщившись,— до сих пор я никогда не сталкивался с металлоломом, который испускал бы такой смрад...— Тут его внезапно осенила новая мысль.— Мой бог, а если они вздумают так же разделаться и с нашим плотом! Руби, давайте как можно скорее к берегу!..

«Резолюшн» устремился вперед, нимало не заботясь о сохранности своих батарей. А за его кормой девять спиц исполинской «морской звезды» — лучшего названия никто так и не предложил — все укорачивались и укорачивались, пока остатки «звезды» и оба рака не исчезли вновь в морской пучине.

За плотом никто не гнался, однако люди вздохнули лишь тогда, когда «Резолюшн» подошел к причалу и они, возблагодарив судьбу, взобрались наверх. Бросив прощальный взгляд на водное кольцо, исполненное тайн и — как теперь казалось — скрытого зла, капитан Нортон мрачно решил, что больше никто из экипажа не пересечет его. Слишком много неизвестного, слишком много опасностей...

Он оглянулся на башни и валы Нью-Йорка, на темный утес континента на том берегу. Впредь они застрахованы от назойливого человеческого любопытства.

Он не станет вновь гневить раманских богов.

Отныне, согласно приказу Нортона, в лагере Альфа должно было всегда находиться не менее трех человек и один из них — постоянно стоять на часах. Такой же порядок был введен и в других поисковых группах. На Раме завелись потенциально опасные существа, и, хотя они не обнаруживали пока враждебных намерений, благоразумный командир не собирался искушать судьбу.

Еще один часовой наблюдатель, вооруженный мощным телескопом, круглосуточно дежурил у шлюза. С этой выгодной позиции он мог обследовать любой уголок Рамы — даже Южный полюс казался удаленным лишь на какие-нибудь триста — четыреста метров. А территории, примыкающие к районам, где действовали группы, надлежало держать под неустанным контролем: так и только так капитан надеялся избежать любых неожиданностей. План был хорош, но, увы, с треском провалился.

В промежутке между ужином и отбоем в 22.00 Нортон, Родриго, Колверт и Лаура Эрнст сидели и смотрели вечерний выпуск последних известий, специально переданный через ретранслятор Инферно на Меркурии. Особенный интерес у них вызвал фильм о Южном континенте, отснятый Джимми, и возвращение через Цилиндрическое море — эпизод, взбудораживший всех телезрителей. Ученые, комментаторы, члены Комитета по проблемам Рамы выступали с пояснениями, в большинстве своем противоречивыми. Они никак не

могли договориться, считать ли крабообразную тварь, которую встретил Джимми, животным, машиной, разумным раманином или чем-то еще, не подпадающим ни под одну из перечисленных категорий.

Только что с чувством, весьма похожим на тошноту, они наблюдали, как хищники раздирают на части «морскую звезду», и вдруг обнаружили, что не одни. В лагерь проник непрошеный гость.

Первой его заметила Лаура Эрнст. Она на секунду оцепенела, потом шепнула:

— Не двигайся, Билл. Теперь осторожно посмотри направо.

Нортон повернул голову. В десяти метрах от них стоял тонконогий треножник, увенчанный сферическим тельцем размером с футбольный мяч. По окружности мяча располагались три больших, лишенных всякого выражения глаза — поле зрения существа составляло, очевидно, все триста шестьдесят градусов, а за телом волочились три хлыстообразных щупальца. Ростом треножник был ниже человека и выглядел слишком хрупким, чтобы относиться к нему с опаской, но это еще не оправдывало их беспечности: факт был налицо, ему позволили проникнуть в лагерь незамеченным. Нортону он напомнил не более чем безобидного паучка-сенокосца, хотя и о трех ногах, и еще капитан заинтересовался тем, как это создание решает проблему, неведомую живым существам Земли,— как оно передвигается, имея три точки опоры.

— Что скажешь, док? — прошептал Нортон, приглушая голос телединктора.

— Обычная для Рамы тройственная симметрия. Не вижу, как оно может нам повредить, разве что хлысты могут быть неприятными на ощупь или даже ядовитыми, подобно бахроме у медузы. Давайте посидим тихо и посмотрим, что оно станет делать.

Понаблюдав за людьми с полным бесстрастием две-три минуты, трехногий паук внезапно тронулся с места — и те-

перь они поняли, почему прозевали его появление. Он двигался так быстро и, главное, таким необычным способом, что глаз и мозг человека воспринимали это движение с огромным трудом.

Насколько Нортон мог судить — а окончательную ясность могла бы внести лишь замедленная киносъемка,— каждая из трех ног поочередно служила осью, вокруг которой поворачивалось все тело. И он не был вполне уверен, что ему почудилось, что через каждые несколько «шагов» направление вращения меняется на противоположное; три хлыста мелькали буквально с быстротой молнии. «На всем скаку» существо развивало скорость — точно подсчитать опять-таки не представлялось возможным — не менее тридцати километров в час.

Паук вихрем обежал вокруг лагеря, обследуя каждый предмет снаряжения, осторожно прикасаясь к наскоро устроенным постелям, столам и стульям, аппаратуре связи, контейнерам с пищей, электрическим туалетам, камерам, бачкам с водой, инструментам — не было, пожалуй, ни одной мелочи, которую он не удостоил бы внимания, не считая лишь самих четырех наблюдателей. Напрашивался вывод, что паук достаточно разумен, чтобы провести грань между людьми и их неодушевленной собственностью; все его действия оставляли несомненное впечатление осмысленного любопытства и даже любознательности.

— До смерти хочется посмотреть, что у него внутри! — воскликнула Лаура, с сожалением провожая глазами существо, продолжающее выделывать свои стремительные пируэты.— Не попытаться ли его поймать?

— Как? — резонно осведомился Колверт.

— Да так же, как первобытные охотники ловили самых быстрых зверей — накидывая им на лапы веревку с грузилами на концах. Зверю это не причиняло никакого вреда.

— Сомневаюсь,— ответил Нортон.— Даже если бы подобный фокус и удался, мы не вправе идти на риск. Нам не-

известно, насколько этот треножник разумен, а веревка с грузилом вполне способна перебить ему ноги. Тогда нам не избежать действительно серьезных неприятностей — здесь на Раме, на Земле и где угодно еще...

— Но мне необходим такой экземпляр!

— Придется тебе довольствоваться цветком, который сорвал Джимми, разве что одно из этих созданий изъявит готовность к сотрудничеству. Насилие исключается. Как бы тебе понравилось, если бы кто-то высадился на Земле и решил, что ты — прекрасный экземпляр для анатомирования?

— Но я вовсе не собираюсь его анатомировать,— возразила Лаура не слишком убежденно.— Я хотела бы только посмотреть его...

— Ну что ж, у пришельцев по отношению к тебе могли бы быть именно такие намерения, но, уверяю тебя, ты провела бы немало неприятных минут, прежде чем им поверить. Нельзя допускать никаких действий, которые можно истолковать как угрожающие...

Нортон просто цитировал предписания, полученные перед посадкой на Раме, и Лаура знала об этом. Требования науки, как всегда, приносились в жертву требованиям космической дипломатии. Да, в общем-то, привлекать столь возвышенные соображения, наверное, и не было нужды, вопрос легко сводился к хорошим манерам. Все они были здесь посетителями, проникшими в помещение без спросу...

Паук как будто закончил свой осмотр. Он сделал, не снижая темпа, еще один круг по лагерю, а затем по касательной устремился в сторону лестницы.

— Интересно, как он будет взбираться по ступенькам? — подумала вслух Лаура.

Ответа на ее вопрос долго ждать не пришлось: паук не обратил на лестницу никакого внимания и пустился вверх прямо по вогнутому склону, даже не снизив скорости.

— Группа наблюдения,— вызвал Нортон,— к вам вскоре, видимо, пожалует гость. Следите за лестницей Альфа, ше-

стой пролет. И кстати, большое спасибо за то внимание, с каким вы нас охраняете...

Потребовалась целая минута, чтобы дежурный уловил сарказм и начал сбивчиво оправдываться:

— Мм... вот теперь, шкипер, когда вы мне сказали, я действительно что-то такое вижу. Но что это?

— Знаю не больше вашего,— ответил Нортон, нажимая кнопку общей тревоги.— Лагерь Альфа вызывает все группы. Нас только что навестило существо, похожее на трехногого паука. Небольшое сферическое тело на очень тонких ногах передвигается вращаясь, притом очень быстро. Внешне безобидное, но крайне любопытное существо. Может подкрасться к вам, прежде чем вы его заметите. Подтвердите прием...

Первым отозвался Лондон:

— У нас без происшествий, шкипер...

Затем откликнулся Рим — подозрительно сонным голосом:

— У нас тоже. Хотя, погодите-ка...

— Что там еще?

— Я отложил ручку всего минуту назад — ее нет! Что за... о-о!..

— Говорите связно!

— Вы не поверите, шкипер. Я делал тут кое-какие заметки... вы ведь знаете, я люблю писать, от этого никому никакого вреда... писал я своей замечательной шариковой ручкой, ей без малого двести лет... ну, в общем, теперь она валяется в пяти метрах отсюда.. Я ее поднял — славу богу, она не повреждена.

— А как она, по-вашему, туда попала?

— Мм... я, должно быть, задремал на минутку. День выдался тяжелый...

Нортон вздохнул, но от комментариев воздержался: их было так немного, и у них оставалось так мало времени на то, чтобы обследовать целый мир! Энтузиазм помогал побороть переутомление, но, к сожалению, не всегда, и капитану уже

приходило в голову, что он рискует сверх меры. Не следовало бы, пожалуй, разбивать людей на такие мелкие группы, пытаясь охватить столь необъятную территорию. Но его не покидала мысль о быстротечных днях и неразгаданных тайнах, которые обступали со всех сторон. В то же время он исподволь проникался уверенностью иного рода: готовится нечто чрезвычайное, и им придется покинуть Раму задолго до перигелия, задолго до момента, якобы предназначенного для перемены орбиты.

— Вызываю группу наблюдения, Рим, Лондон — слушайте все,— произнес он.— В течение ночи прошу докладывать мне обстановку каждые полчаса. Будем исходить из того, что гости могут пожаловать к нам в любой момент. Иные из них могут оказаться опасными, но инцидентов следует избегать любой ценой. Вам известны указания на этот счет...

Что правда, то правда: это составляло неотъемлемую часть их профессиональной подготовки. Но вряд ли кто-нибудь из них всерьез верил, что давняя страсть теоретиков — «контакт с инопланетными разумными существами» — может обрести реальный смысл при их жизни. Еще менее вероятным казалось, что честь стать участником такого контакта выпадет на долю их самих.

Теория и практика — вещи разные: кто поручится, что в критических обстоятельствах не возобладает древнейший человеческий инстинкт самосохранения? И тем не менее задача первостепенной важности — считать любое существо, встреченное здесь, на Раме, вполне лояльным.

Капитану Нортону вовсе не улыбалась перспектива прославиться в веках в качестве безумца, развязавшего первую межпланетную войну.

Через два-три часа сотни пауков наводнили всю равнину. В телескоп было видно, что Южный континент также кишит ими — континент, но только не остров Нью-Йорк.

На людей они больше не обращали внимания, да и люди спустя недолгое время почти перестали замечать их, хотя капитан Нортон порой улавливал в глазах своего старшего врача плотоядный блеск. Ничто, наверное, не доставило бы ей большего удовольствия, чем несчастный случай с каким-то из пауков; однако капитан отнюдь не жаждал потворствовать возникновению такого инцидента даже в интересах науки.

В сущности, не вызывало сомнения, что разумными пауков считать нельзя: их тело просто не могло вместить достаточно крупного мозга, трудно было даже понять, где они накапливают энергию, необходимую для движения. И в то же время их действия представлялись до странного осмысленными и согласованными: они побывали всюду и везде, но никогда не посещали одного и того же места дважды. У Нортона нередко возникало впечатление, что они ищут что-то вполне определенное. Но каков бы ни был предмет поисков, его, по-видимому, не нашли.

Они поднимались и на самый верх к Северному полюсу, все так же словно не видя гигантских лестниц. Как они умудрялись преодолевать вертикальный участок, даже при условии почти полной невесомости, оставалось неясным; Лаура предположила, что они пользуются присосками.

И тут, к совершенному ее восхищению, она наконец обрела свой желанный подопытный экземпляр. Группа наблюдения доложила, что один из пауков свалился с вертикальной стены и лежит, то ли мертвый, то ли выведенный из строя, на первой площадке. Лаура буквально взлетела по лестнице, установив рекорд, какого никому никогда не превысить.

Добравшись до площадки, она увидела, что существо, о котором шла речь, несмотря на небольшую скорость падения, сломало себе все три ноги. Глаза его оставались открытыми, но оно не реагировало ни на какие внешние раздражители. «Даже свежий труп — и тот проявлял бы больше признаков жизни»,— решила Лаура и, едва доставив свой трофей на «Индевор», приступила к анатомированию.

Паук оказался так хрупок, что распадался на части почти без ее вмешательства. Она отделила ноги от туловища, потом взялась за тонкий панцирь; три круговых разреза — и он снялся, как кожура с апельсина.

Секунд пять — десять она провела в тупом оцепенении — у паука не нашлось ни единого органа, который можно было бы опознать. Затем она сделала серию крупномасштабных снимков и наконец подняла скальпель.

С чего начать? Ей захотелось зажмуриться и полоснуть ножом наугад, однако такое решение вряд ли украсило бы ее как ученого.

Лезвие рассекло ткань практически без сопротивления. Спустя мгновение старший корабельный врач Лаура Эрнст издала не по-женски звучный вопль, эхом раскатившийся по «Индевору».

Сержанту Макэндрюсу понадобилось добрых двадцать минут, чтобы хоть немного успокоить перепуганных обезьян.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО КРАЙНЕ СОЖАЛЕЕТ...

— Как вам известно, господа,— заявил председатель,— со времени нашей последней встречи произошло множество событий. Нам предстоит сегодня многое обсудить и вынести соответствующее решение. Поэтому я в особенности огорчен отсутствием нашего уважаемого коллеги — представителя Меркурия...

Заявление доктора Боуза не совсем соответствовало истине. Отсутствие меркурианина его ни капельки не огорчало. Гораздо правильнее было признать, что оно его тревожило. Дипломатический инстинкт подсказывал ему, что назревают какие-то катаклизмы, но, несмотря на превосходные источники информации, он даже отдаленно не подозревал какие.

Послание меркурианина было вежливым и совершенно невразумительным. Его превосходительство выражал глубокое сожаление по поводу того, что крайне срочное и неотложное дело не позволяет ему присутствовать на данном заседании ни лично, ни по видеоканалам. Доктор Боуз при всем желании не представлял себе, что же такое может оказаться более срочным и более важным, чем Рама.

— Двое из членов комитета выразили желание выступить с сообщениями. Первое слово я предоставляю профессору Дэвидсону...

По рядам ученых, кооптированных в Комитет, пронесся возбужденный шорох. Большинство из них полагали, что

астроном с его широко известными космогоническими воззрениями — не самая подходящая фигура для того, чтобы возглавлять Космический консультативный совет. Подчас возникало впечатление, что проявления разумной жизни профессор расценивает лишь как печальное недоразумение на фоне величественных звезд и галактик и считает дурным тоном уделять этому недоразумению чрезмерное внимание. Это вовсе не прибавляло ему любви экзобиологов, в том числе Карлайла Переры, которые придерживались, естественно, противоположной точки зрения. По их убеждению, главный смысл существования Вселенной заключался именно в том, чтобы стать колыбелью разума; о чисто астрономических явлениях они если и говорили, то с насмешкой. «Просто мертвая материя» — такова была излюбленная их фраза на этот счет.

— Господин председатель,— начал ученый,— я проанализировал курьезные события, имевшие место на Раме за последние дни, и хотел бы поделиться с вами своими выводами. Некоторые из этих выводов довольно неприятны...

Карлайл Перера удивленно поднял глаза, потом издал довольный смешок. Он от души приветствовал все, что было неприятно профессору Дэвидсону.

— Прежде всего я имею в виду примечательные события, сопровождавшие полет юного лейтенанта в Южное полушарие. Электрические разряды хотя и представляют собой впечатляющее зрелище, но не столь важны; нетрудно убедиться, что они содержат относительно небольшой энергетический потенциал. Они совпали с изменением скорости вращения Рамы и его ориентации, то есть положения в пространстве. Вот это требовало колоссальных затрат энергии, а разряды, едва не стоившие жизни мистеру... мм... Пэку, в сущности, не более чем побочное и, возможно, нежелательное явление, каковое конструкторы и свели к минимуму с помощью гигантских громоотводов Южного полюса.

Из сказанного можно сделать два вывода. Когда космический корабль меняет ориентацию — а мы должны впредь считать Раму космическим кораблем, невзирая на его фантастические размеры,— то это обычно означает, что он намерен перейти на другую орбиту. Поэтому следует всерьез прислушаться к мнению тех, кто верит, что Рама отнюдь не собирается возвращаться к звездам, а готовится стать новой планетой нашего Солнца.

Если так, то «Индевор» тоже должен быть готов отдать швартовы — подходит здесь такое выражение? — в любой момент. Оставаясь с Рамой единым целым, наш корабль подвергается серьезной опасности. Думаю, что капитан Нортон уже принял это обстоятельство в расчет, но, по-моему, наш долг — послать ему дополнительное предостережение.

— Благодарю вас, профессор Дэвидсон. А что скажет доктор Соломонс?

— А вот что,— произнес историк.— Рама, по-видимому, изменил скорость своего вращения без использования каких бы то ни было реактивных двигателей. Это означает, на мой взгляд, одно из двух.

Во-первых, можно предположить наличие встроенных гироскопов. Гироскопы должны быть колоссальными — где же они?

Во-вторых, хоть это и перевернет всю нашу физику вверх тормашками, на Раме может использоваться система нереактивных двигателей. Так называемый гипердвигатель, в возможность которого не верит профессор Дэвидсон. Но в этом случае от Рамы можно ожидать чего угодно. Мы просто не в состоянии предсказать режим работы гипердвигателя даже в самом грубом приближении...

Дипломаты были откровенно сбиты с толку, однако астроном и не думал сдаваться. Для одного дня он уже сделал уступок более чем достаточно.

— С вашего разрешения, я предпочитаю придерживаться общепризнанных законов физики, пока не получу доказа-

тельств, что они неверны. Мы не нашли гироскопов на Раме, но мы их специально и не искали, а если и искали, то не там, где надо...

Боуз ясно видел, что Карлайл Перера теряет терпение. До сих пор экзобиолог ввязывался в отвлеченные споры с не меньшим пылом, чем все остальные, но теперь наконец-то в его распоряжении оказались точные факты. Его наука, влачившая доселе жалкое существование, за последние дни сказочно разбогатела.

— Ну что ж, если у присутствующих нет возражений, то доктор Перера располагает важной информацией...

— Благодарю вас, господин председатель. Все вы знаете, что мы наконец добыли экземпляр одной из форм раманской жизни, а другие формы наблюдали с близкого расстояния. Старший врач «Индевора» Лаура Эрнст представила нам подробный доклад о паукообразном существе, которое анатомировала.

Должен сразу сказать, что полученные ею данные настолько необыкновенны, что в любых других обстоятельствах я сам, наверное, им бы не поверил.

Паук состоит из тканей, которые определенно следует назвать живыми, хотя их биохимия отличается от нашей во многих отношениях — они содержат в значительных количествах легкие металлы. Тем не менее я не могу причислить паука к животным, не могу по нескольким серьезным причинам.

Прежде всего у паука нет ни рта, ни желудка, ни кишечника и вообще никакого пищеварительного тракта. Нет также и дыхательных путей, нет легких, нет крови, нет органов размножения...

Вы спросите — что же у него есть? Есть простая мускулатура, управляющая тремя ногами и тремя хлыстообразными щупальцами или усиками. Есть мозг, и довольно развитый, что обеспечивает способность к триокулярному зрению. Однако четыре пятых тела состоит из крупных ячеистых клеток — именно они и преподнесли доктору Эрнст столь болез-

ненный сюрприз, когда она приступила к вскрытию. Ей просто не повезло, что она не догадалась о назначении этих клеток вовремя — ведь они оказались едва ли не единственным на Раме приспособлением, существующим и на Земле, правда лишь у горсточки морских животных.

Бóльшая часть тела паука — это высокоразрядная батарея, в сущности такая же, как у электрических угрей и скатов. Но предназначена она в данном случае, видимо, не для самообороны. Это непосредственный источник энергии для движения. Вот почему у паука нет органов пищеварения и дыхания — он не нуждается в таких примитивных устройствах. Между прочим, это значит также, что паук будет превосходно чувствовать себя даже в глубоком вакууме...

Итак, перед нами существо, представляющее собой фактически просто подвижный глаз. Трудиться оно не может, щупальца его слишком слабы. Учитывая всю совокупность признаков, я назвал бы это существо пауком-разведчиком.

Поведение его, безусловно, отвечает подобному определению. Единственное, что пауки делают,— это носятся с места на место, рассматривая все, что встретится на пути. Ничего другого они и не могут...

Зато другие животные могут. Краб, морская звезда, акулы — лучших названий никто не предложил — могут активно воздействовать на окружающую среду и, видимо, специализированы для выполнения различных операций. Думаю, что питание они также получают от батарей, поскольку ртов у них, как и у паука, нет и в помине.

Уверен, что вы отдаете себе отчет в том, какие биологические проблемы возникают в этой связи. Могли ли подобные существа развиваться естественным путем? Честно говоря, сомневаюсь. Мне кажется, что они сконструированы как машины для определенных работ. Заканчивая характеристику, я бы сказал, что это роботы, биологические роботы — нечто, не имеющее аналогии на Земле.

Если Рама — космический корабль, то они, может статься, часть его экипажа. Как они рождаются — или создаются,— об этом я судить не берусь. Но догадываюсь, что ответ таится где-то в хитросплетениях труб Нью-Йорка. Будь у капитана Нортона и его людей достаточно времени, они, вероятно, сталкивались бы со все большим числом все более сложных существ, чье поведение предсказать просто невозможно. И в один прекрасный день встретились бы с самими рамана-ми, с подлинными создателями этого мира.

Заверяю вас, господа, что в этом случае никому и в голову не придет усомниться, разумные ли они существа.

Капитан Нортон крепко спал, когда личный коммутатор безжалостно оторвал его от счастливых снов. Ему привиделось, что он отправился в отпуск на Марс и как раз пролетал мимо величественного, увенчанного снежной шапкой пика Никс Олимпика — самого мощного из всех вулканов Солнечной системы. Маленький Билли обратился к отцу с каким-то вопросом: теперь он никогда не узнает с каким.

Сон потускнел. Действительность олицетворял собой старший помощник, оставшийся на «Индеворе».

— Извините, что разбудил вас, шкипер,— сказал капитан-лейтенант Кирчофф.— «Молния» из штаба. Тройное А...

— Передавайте,— нехотя ответил Нортон.

— Не могу. Зашифровано вашим личным шифром.

Сна как не бывало. Такие депеши Нортон получал всего три раза за всю свою карьеру, и каждый раз за ними следовали серьезные неприятности.

— Проклятье! — произнес он.— Что же делать?

Старший помощник даже не потрудился ответить. Оба слишком хорошо понимали суть возникшей проблемы — одной из тех, что не предусматриваются уставом. Ведь обычно командиру нужно не более двух минут, чтобы добраться до своей каюты и до книги шифров в персональном сейфе. Если даже отправиться без промедления, он будет на корабле через четыре-пять часов. Но вряд ли такой срок подходит для депеш класса ААА...

— Джерри,— позвал он наконец.— Кто дежурит в радиорубке?

— Здесь никого нет, я один.

— Запись отключена?

— По странному стечению обстоятельств — да.

Нортон улыбнулся. Джерри был лучшим старшим помощником из всех, с кем ему доводилось работать. Джерри позаботился обо всем...

— Хорошо. Ты знаешь, где ключ от сейфа. Потом вызовешь меня снова.

Минут десять он ждал, призвав на помощь все свое терпение и стараясь — увы, безуспешно — думать о вещах посторонних. Он терпеть не мог без толку тратить умственную энергию — угадать, о чем идет речь в послании, все равно не удастся, и так или иначе он скоро узнает это наверняка. Вот тогда можно начинать волноваться, но с пользой для дела.

Когда старший помощник снова вышел на связь, голос его звучал очень напряженно.

— Дело не слишком спешное, шкипер, час, во всяком случае, разницы не составит. Но предпочитаю обойтись без радио. Высылаю дешешу с нарочным.

— Какого черта... Ну хорошо, хорошо, верю тебе. Кто доставит ее сквозь шлюзы?

— Я сам. Вызову тебя, когда пройду их.

— За старшего, значит, остается Лаура?

— На час — самое большее. Я сразу же вернусь на корабль.

Врачей, разумеется, не готовили к тому, чтобы исполнять обязанности капитанов, как и капитанов — к тому, чтобы оперировать больных. В обстоятельствах чрезвычайных кому только не приходилось меняться ролями, однако устав этого не рекомендовал. Ну что ж, одно из требований устава сегодня уже нарушено...

— Согласно вахтенному журналу, ты не оставлял «Индевор» ни на секунду. Лауру ты разбудил?

— Да. Она в восхищении.

— Счастье, что доктора приучены хранить тайны. Да, а расписку в получении ты послал?

— Конечно, от твоего имени.

— Тогда жду...

Теперь-то уж отрешиться от тревожных ожиданий стало и вовсе немыслимо. «Дело не слишком спешное, но предпочитаю обойтись без радио...»

Одно было совершенно ясно: спать капитану в эту ночь больше не придется.

Сержант Питер Руссо и сам понимал, отчего вызвался на эту работу: во многих отношениях она была воплощением его детской мечты. Телескопы заворожили его еще в детстве, когда ему было шесть или семь лет от роду; бóльшую часть юности он провел, собирая линзы всех форм и размеров. Он монтировал эти линзы в картонных трубках и делал все более и более сильные инструменты, пока не познакомился с Луной и планетами, с ближайшими космическими станциями и с окрестностями собственного дома в пределах добрых тридцати километров.

Ему посчастливилось родиться в горах Колорадо — почти во все стороны перед ним открывались неистощимые в своей красоте виды. Он проводил часы, обследуя из безопасного далека грозные вершины, что ни год взимавшие тяжкую дань с беспечных восходителей. Видел он немало, но воображение уносило его еще дальше, ему казалось, что за гребнями гор скрыты волшебные страны, полные удивительнейших существ. И многие годы спустя он избегал тех мест, сознавая, что мечта не выдержит столкновения с действительностью.

Сегодня отсюда, от центральной оси Рамы, он мог лицезреть чудеса, далеко превосходящие самые необузданные фантазии юности. Перед ним расстилался целый мир, пусть

небольшой — четыре тысячи квадратных километров,— но его изучению, даже если он мертв и неизменен, стоило отдать себя.

А теперь на Раму пришла жизнь, жизнь в своем бесконечном многообразии. Если биологические роботы и не были живыми существами, то очень неплохо их имитировали.

Неизвестно, кто первым изобрел словечко «биот», но его как по наитию принял весь экипаж. Окопавшись в своей обсерватории, Питер присвоил себе титул главного наблюдателя за биотами и понемногу начал — по крайней мере так ему казалось — разбираться в особенностях их поведения.

Пауки были подвижными органами чувств, предназначенными осматривать — и, вероятно, ощупывать — внутреннюю поверхность Рамы. Одно время их насчитывалось несколько сотен, и они сломя голову носились везде и всюду, но не прошло и двух дней — и пауки как по команде исчезли; не стало даже одиночек.

На смену паукам пришел целый зверинец более внушительных существ — непросто было придумать каждому из них подходящее название. Появились чистильщики с широкими плоскими лапами, методично полирующие по всей длине шесть искусственных солнц Рамы. Гигантские тени чистильщиков, отбрасываемые на противоположную сторону цилиндра, подчас вызывали там своеобразные затмения.

Краб, прикончивший «Стрекозу», был, видимо, мусорщиком. Компания таких же существ подобралась к лагерю Альфа и утащила весь сор, вынесенный за черту палаток; они утащили бы и все остальное, если бы Нортон и Мерсер, твердо встав на их пути, не отогнали непрошеных помощников. Столкновение было напряженным, но непродолжительным; после этого мусорщики, кажется, поняли, что им разрешается трогать, а что нет, и появлялись через определенные промежутки времени, как бы осведомляясь, не нужны ли людям их услуги. Такое безмолвное и очень удобное соглашение ука-

зывало на высокий уровень интеллекта то ли самих мусорщиков, то ли существ, направляющих их деятельность откуда-то извне.

Проблема уничтожения отходов решалась на Раме до крайности просто: мусорщики сбрасывали свои трофеи в море, где их, по-видимому, измельчали до состояния, пригодного для химического использования. Процесс шел быстро — «Резолюшн», к величайшему огорчению Руби Барнс, исчез за одну ночь. Нортон утешил ее, напомнив, что плот блистательно выполнил свою миссию и что он как капитан все равно не разрешил бы воспользоваться им снова. Ведь не исключено, что акулы не столь разборчивы, как мусорщики.

Ни один астроном, обнаруживший новую планету, не упивался бы своим открытием так, как Питер, когда ему удавалось засечь новый тип биота и к тому же сделать его хороший телескопический снимок. Как на грех, самые интересные разновидности биотов концентрировались у Южного полюса — они выполняли там какую-то таинственную работу вокруг рогов. Что-то напоминающее гусеницу на присосках время от времени взбиралось по склонам Большого рога, а подле более низких вершин Питер заметил как-то массивное создание — помесь бегемота с бульдозером. Был там также и жираф с двумя шеями, вероятно игравший роль передвижного крана.

Безусловно, Рама, как и любой корабль после долгого плавания, требовал проверки, наладки и ремонта. Команда заняла места и трудилась вовсю, но когда же явятся пассажиры?

Классификация биотов отнюдь не являлась для Питера главной задачей: ему было приказано не сводить глаз с разведывательных групп, вышедших на задания, следить, все ли у них в порядке, и предупреждать о приближении незваных гостей. Каждые шесть часов Питера сменял кто-нибудь из тех, без кого можно было обойтись, но не однажды он оставался на посту по двенадцать часов. В результате он изучил то-

пографию Рамы, как никто другой. Она была знакома ему не хуже, чем горные кряжи Колорадо в годы юности.

Когда из воздушного шлюза Альфа выплыл Джерри Кирчофф, Питер мгновенно понял, что произошло событие из ряда вон выходящее. Люди никогда не покидали «Индевор» в часы, отведенные для сна, а по корабельному времени было уже далеко за полночь. Тут Питер сообразил, что каждому отводится строго определенная роль, и был потрясен вопиющим нарушением устава.

— Джерри! Кто же командует на корабле?

— Я,— холодно ответил старший помощник, отстегивая шлем.— Не думаете же вы, что я мог оставить рубку во время вахты?

Он раскрыл сумку, притороченную к скафандру, и достал оттуда маленькую жестянку с этикеткой «Апельсиновый сок. Концентрат. Развести в пяти литрах воды».

— Вы в этом деле мастак, Питер. Шкипер ждет ее.

Питер взвесил жестянку в руке и сказал:

— Надеюсь, масса достаточно велика. Иной раз они застревают на первой площадке...

— Вам виднее...

Это была совершенная правда: наблюдатели натренировались перебрасывать вниз всякие мелочи, иногда забытые, а иногда понадобившиеся в спешном порядке. Фокус заключался в том, чтобы они благополучно миновали зону низкой гравитации, а затем на восьмикилометровом пути вниз не слишком отклонились от цели под действием эффекта Кориолиса.

Питер одной рукой ухватился покрепче за канат, а другой швырнул жестянку вниз по вертикальной плоскости. Целился он не в направлении лагеря Альфа, а почти на тридцать градусов в сторону.

Сопротивление воздуха почти тотчас лишило жестянку начальной скорости, но псевдопритяжение Рамы уже подхватило ее и покатило вниз. У основания трапа она ударилась

об уступ и, совершив замедленный прыжок, благополучно преодолела первую площадку.

— Теперь все в порядке,— заявил Питер.— Хотите пари?

— Нет,— последовал быстрый ответ.— У вас все козыри на руках.

— Вы не спортсмен. Но я все равно скажу — она остановится от лагеря не далее чем в трехстах метрах.

— Не слишком-то близко.

— Попробовали бы сами. Я видел, как Джо однажды промазал на пару километров...

Жестянка уже не подпрыгивала, притяжение стало достаточным для того, чтобы припечатать ее к изгибу Северного купола. К моменту, когда она докатилась до второй площадки, скорость ее достигла двадцати — тридцати километров в час, то есть почти максимального значения.

— Теперь остается только ждать,— сказал Питер, усаживаясь у телескопа, чтобы не терять посланца из виду.— Будет на месте через десять минут. А, вот и шкипер идет... я научился узнавать людей прямо отсюда... поднял голову, смотрит на нас...

— Телескоп, наверное, дает вам своеобразное ощущение власти?

— Да, конечно. Все-таки я единственный, кто знает обо всем, что творится на Раме. По крайней мере, я считал так до той ночи,— добавил Питер уныло, бросив на Кирчоффа укоризненный взгляд.

— Если это доставит вам удовольствие, могу сказать, что у шкипера кончилась зубная паста.

После этой реплики разговор, естественно, увял, но вот Питер произнес:

— Жаль, что вы не приняли пари... ему придется пройти всего пятьдесят метров... вот он увидел жестянку... задание выполнено.

— Спасибо, Питер, классная работа. Можете снова отправляться спать.

— Спать? Я на вахте до четырех ноль-ноль.

— Извините, но вы, должно быть, все-таки спали. Иначе как бы я вам привиделся?..

ШТАБ КОСМОФЛОТА — КОМАНДИРУ КОРАБЛЯ «ИНДЕВОР». КЛАСС СРОЧНОСТИ ААА. ЛИЧНО В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ. РЕГИСТРАЦИИ НЕ ПОДЛЕЖИТ.

ПО ДАННЫМ «КОСМИЧЕСКОГО ПАТРУЛЯ», НА ПЕРЕХВАТ РАМЫ ДВИЖЕТСЯ СВЕРХСКОРОСТНОЕ ТЕЛО, ЗАПУЩЕННОЕ, ВИДИМО, С МЕРКУРИЯ ДЕСЯТЬ — ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ НАЗАД. ПРИ СОХРАНЕНИИ ПРЕЖНЕЙ ОРБИТЫ СБЛИЖЕНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ 322-Й ДЕНЬ ГОДА 15 ЧАСОВ. ВОЗМОЖНО, ВАМ ПРЕДСТОИТ ЭВАКУАЦИЯ ДО ЭТОГО СРОКА. ЖДИТЕ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ.

ГЛАВКОМ

Нортон перечитал депешу несколько раз, чтобы твердо запомнить дату. Следить за бегом времени, сидя безвыходно внутри Рамы,— дело нелегкое; пришлось обратиться к календарику на наручных часах, чтобы установить, что сегодня день 315-й. В их распоряжении оставалась ровно одна неделя...

От слов депеши бросало в дрожь — и не только от самих слов, сколько от того, что крылось за ними. Значит, меркуриане пошли на нелегальный запуск, что само по себе являлось грубым нарушением космического кодекса. Вывод был очевиден: запущенное ими «тело» — ракета, боевая ракета.

Но зачем им это? Невероятно — скажем, почти невероятно,— что они рискнут поставить под удар «Индевор» и его экипаж; следовательно, надо ждать еще и предупреждения от самих меркурианин. В случае необходимости он сумеет подготовиться к старту за несколько часов, но на экстренный старт он пойдет только по прямому приказу главнокомандующего.

Не спеша капитан подошел к развернутому на скорую руку комплексу жизнеобеспечения и спустил депешу в электрический туалет. Ослепительная вспышка лазерного аннигилятора, прорвавшаяся сквозь щель под сиденьем, засвидетельствовала, что требования безопасности соблюдены. «Как жаль,— сказал себе Нортон,— что со всеми другими проблемами нельзя разделаться так же быстро и гигиенично...»

До ракеты было еще пять миллионов километров, когда блеск ее плазменных тормозных двигателей стал ясно различим в главный телескоп «Индевора». К этому времени тайна сделалась общим достоянием, и Нортон скрепя сердце приказал начать вторую и, вполне возможно, окончательную эвакуацию из пределов Рамы; однако поднимать «Индевор» он не собирался до тех пор, пока не останется другого выхода.

Завершив тормозной маневр, непрошеный гость с Меркурия повис в каких-то пятидесяти километрах от Рамы и, по-видимому, повел осмотр места действия с помощью телекамер. Камеры были видны совершенно ясно — одна на носу, вторая на корме,— как видны были и антенны, несколько малых многоцелевых и одна большая остронаправленная: блюдце ее смотрело неизменно на далекую звездочку Меркурия. Нортон мог только предполагать, какие инструкции она принимает и какую информацию посылает взамен. Ведь меркуриане при всем желании не могли выдать ничего такого, чего бы уже не знали: все, что обнаружил экипаж «Индевор», открыто передавалось по всей Солнечной системе...

Ракета, побившая все рекорды скорости, чтобы прибыть сюда, выполняла волю своих создателей, служила инструментом для выполнения определенной цели. Но какой? Впро-

чем, это скоро станет общеизвестно: через три часа посол Меркурия должен выступить перед Генеральной ассамблеей.

Официально ракеты все еще как бы не существовало. На ней не было опознавательных знаков, она не излучала радиоволны ни на одной из стандартных радиочастот. Все это является серьезным нарушением закона, однако даже Космический патруль до сих пор не заявил официального протеста. Все выжидали, беспокойно и нетерпеливо, следующего шага со стороны меркуриан.

Три дня назад о ракете — и о ее происхождении — было объявлено в сводке новостей; тем не менее меркуриане продолжали хранить упорное молчание. Они великолепно умели держать язык за зубами — если и когда им это было выгодно.

Иные психологи утверждали, что по-настоящему понять ход мыслей тех, кто родился и воспитывался на Меркурии,— дело почти немыслимое. Навечно отторгнутые от Земли ее тройным по сравнению с их родной планетой притяжением, меркуриане могли прилететь на Луну и оттуда любоваться колыбелью своих далеких предков, а то и отцов, но, как ни невелико было отделяющее их от Земли расстояние, преодолеть его они не могли. А раз так, неизбежно стали заявлять, что не очень-то и хочется.

Они делали вид, что презирают ласковые дожди, колышущиеся под ветром поля, озера и моря, голубое небо — все то, что знали только по видеозаписям. Их родная планета купалась в солнечной энергии, дневная температура там нередко переваливала за шестьсот, и посему они чванливо славили собственную стойкость, которая, в общем-то, не выдерживала серьезной критики. В действительности меркуриане были предрасположены к физической слабости, поскольку выжить могли лишь в условиях полной изоляции от внешней среды. И даже если бы они оказались в состоянии выдержать силу земного притяжения, их вывел бы из строя первый же жаркий день в любой экваториальной стране.

И тем не менее по большому счету они, несомненно, были стойкими. Психологический гнет ненасытного Солнца, до которого буквально рукой подать, повседневная необходимость вгрызаться в неподатливую планету и вырывать у нее все жизненные блага — эти тяготы породили спартанскую культуру, во многих отношениях достойную уважения. На меркуриан можно было положиться — если они обещали, то держали слово, невзирая на любые затраты. Сами они шутили, что, если Солнце когда-нибудь обнаружит симптомы превращения в сверхновую планету, они подпишут контракт с обязательством призвать его к порядку — лишь бы договориться насчет гонорара. А вне Меркурия уверяли, что всякого ребенка, проявившего наклонности к искусству, философии или абстрактной математике, на этой планете незамедлительно пустят в расход. Что касается душевнобольных и преступников, то они и в самом деле признавались на Меркурии роскошью, которой эта планета просто не могла себе позволить.

Капитан Нортон побывал на Меркурии всего однажды, искренне — как и большинство новичков — поразился тому, что увидел, и завел немало друзей. Он даже влюбился в одну девицу, уроженку города Порт-Люцифер, и стал подумывать о женитьбе, но родители невесты отнеслись к его планам более чем неодобрительно. Ну что ж, что ни делается — все к лучшему...

— Тройное А с Земли, шкипер,— сообщили из рубки.— От главнокомандующего. Микрофонный текст дублирован радиограммой. Передавать?

— Радиограмму выверьте и подшейте. Дайте мне запись.

— Пожалуйста.

Голос адмирала Гендрикса звучал спокойно и сухо, словно он диктовал заурядный приказ по флоту, а не обсуждал ситуацию, беспрецедентную в истории космических исследований. Но, в конце концов, в соседстве с бомбой находился не он...

— Главнокомандующий вызывает капитана корабля «Индевор». Разрешите кратко охарактеризовать обстановку, сложившуюся на текущий момент. Вам известно, что пленарное заседание Ассамблеи начнется в четырнадцать ноль-ноль и будет вам транслироваться. Не исключено, что от вас потребуются немедленные действия без дополнительных консультаций. Отсюда необходимость провести предварительный инструктаж.

Мы изучили присланные вами снимки. Меркурианский аппарат представляет собой обычный космический зонд, модифицированный для повышенных скоростей, вероятно, с лазерным ускорителем на начальной ступени. Размеры и масса достаточны, чтобы нести водородную бомбу мощностью от пятисот до тысячи мегатонн. В своей повседневной практике на горных работах меркуриане применяют заряды до ста мегатонн, следовательно, они без труда могли собрать боеголовку любой мощности.

Наши эксперты вычислили, что пятьсот мегатонн — минимальный заряд, гарантирующий разрушение Рамы. Если бомба взорвется в наиболее тонкой части корпуса — под Цилиндрическим морем,— цилиндр расколется, и центробежная сила довершит его уничтожение.

Мы полагаем, что меркуриане, если они действительно планируют подобный акт, дадут вам время отойти на безопасное расстояние. Для вашего сведения сообщаю, что гамма-излучение при взрыве такой силы может представлять для вас угрозу в радиусе тысячи километров.

Но это еще не самая большая опасность. Обломки Рамы весом в десятки и сотни тонн, выброшенные в пространство со скоростью до тысячи километров в час, могут исковеркать «Индевор» на неограниченном расстоянии. Поэтому мы рекомендуем вам взлетать в направлении оси вращения, единственном, где осколков быть не может. Удаление в десять тысяч километров даст вам возможность обеспечить должную гарантию безопасности.

Это сообщение застраховано от перехвата, оно передается с использованием многократного сдвига частот, и я могу говорить открытым текстом. Ваш ответ, напротив, могут подслушать, так что выбирайте выражения осмотрительнее, при необходимости применяйте код. Вызову вас снова сразу после пленарного заседания. Сообщение окончено. Главнокомандующий. Конец связи.

По утверждению историков — хотя кто им верит,— было время, когда в прежнюю Организацию Объединенных Наций входили 172 государства. В Организации Объединенных Планет насчитывалось всего семь членов, но и этого подчас было более чем достаточно. В порядке удаленности небесных тел от Солнца семерка выглядела так: Меркурий, Земля, Луна, Марс, Ганимед, Титан и Тритон.

В списке было немало пропусков и неясностей, оставленных, очевидно, по принципу: «Будущее рассудит». Критики не уставали подчеркивать, что большинство в Организации Объединенных Планет составляют отнюдь не планеты, а спутники. И не смехотворно ли, что в список вовсе не попали четыре гиганта: Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун?

Но на газовых гигантах никто не жил и, похоже, никогда жить не будет. То же самое относилось и к пятой обойденной вниманием планете — к Венере. Даже самые отпетые энтузиасты реконструкции планет сошлись на том, что на обуздание Венеры уйдут столетия; разумеется, меркуриане не сводили с нее глаз и, несомненно, вынашивали далеко идущие планы.

Раздельное представительство Земли и Луны также служило яблоком раздора: остальные члены ООП считали, что в одном уголочке Солнечной системы сосредоточивается чересчур большая власть. Однако на Луне население было больше, чем на всех других мирах, не считая самой Земли; кроме

того, Луну избрали местом встреч членов организации. И, по правде говоря, Земля и Луна не соглашались друг с другом никогда и ни в чем, так что возможность возникновения блока между ними казалась более чем сомнительной.

Марс осуществлял опеку над малыми планетами, за исключением астероидов типа Икара, подведомственных Меркурию, и горсточки дальних астероидов, с афелием за орбитой Сатурна,— их интересы защищал Титан. В один прекрасный день крупнейшие из астероидов, к примеру Паллада, Веста, Юнона и Церера, быть может, станут настолько значимыми, что удостоятся права иметь собственных представителей в ООП, и число членов организации достигнет двузначной цифры.

Ганимед представлял не только Юпитер — а следовательно, большую массу, чем все другие планеты, вместе взятые,— но также и остальные пятьдесят с чем-то юпитерианских спутников (с учетом временно захваченных из пояса астероидов, что, впрочем, служило поводом для бесконечных юридических споров). В свою очередь, Титан взял на себя опеку над Сатурном, его кольцами и спутниками, число которых превышало три десятка.

Положение Тритона оказывалось запутанным еще более. Самая крупная из лун Нептуна была в то же время самым дальним телом Солнечной системы, имеющим постоянное население; вследствие этого обязанностей у посла Тритона было просто не перечесть. Он представлял Уран и восемь его необитаемых лун, Нептун с тремя его спутниками, Плутон с его единственной луной и сиротливую, лишенную спутников Персефону. Отыщись за Персифоной и другие планеты, они тоже подпали бы под юрисдикцию Тритона. И, словно всего этого не хватало, «посол внешнего мрака», как его подчас называли, случалось, плаксиво спрашивал: «А как насчет комет?..» С общего согласия ответ на его вопрос откладывался на неопределенное будущее.

И вдруг оно, это будущее, стало весомым и зримым. По формальным признакам Раму следовало отнести к кометам — ведь иные из них также были гостьями из межзвездных глубин, и многие, двигаясь по гиперболическим орбитам, подходили к Солнцу даже ближе, чем Рама. Любой знаток космического права состряпал бы из приведенных доводов хорошенькое дельце, а посол Меркурия в Организации Объединенных Планет был, вне сомнения, одним из лучших знатоков...

— Разрешите предоставить слово его превосходительству послу Меркурия...

Поскольку делегаты располагались против часовой стрелки в порядке возрастания удаленности планет от Солнца, меркурианин сидел непосредственно справа от председателя. До самой последней минуты он неотрывно вглядывался в экран своего компьютера; теперь он снял синхронизирующие очки, с помощью которых читал неведомые никому сообщения, собрал в стопку листки с записями и проворно поднялся на ноги.

— Господин председатель, уважаемые коллеги, я позволю себе начать с краткой характеристики обстановки, сложившейся на настоящий момент...

Услышь они такое из уст иного оратора, слушатели как один отозвались бы на «краткую характеристику» единодушным стоном, однако меркуриане всегда говорили именно то, что хотели сказать.

— Гигантский космический корабль, или искусственный астероид, получивший название Рама, был впервые обнаружен более года назад еще за орбитой Юпитера. Первое время считалось, что это естественное тело, движущееся по гиперболической орбите, и что оно, обогнув Солнце, вновь уйдет в межзвездное пространство.

Когда была выяснена истинная его природа, разведывательному кораблю «Индевор», приписанному к Службе Солнца, было приказано встретиться с пришельцем. Уверен, что

мы от души поздравим капитана Нортона и его экипаж с мастерским выполнением поставленных перед ними уникальных задач...

В свое время многие верили, что Рама мертв, заморожен сотни тысяч лет назад и не способен ожить ни при каких обстоятельствах. Это, быть может, действительно так, но только в строго биологическом смысле. Все, кто изучал этот вопрос, в принципе согласны, что ни один живой организм сколько-нибудь значительной сложности не в состоянии перенести гипотермический сон больше двух-трех веков. Даже при температуре абсолютного нуля остаточные квантовые эффекты сотрут столь значительную часть внутриклеточной информации, что о воскрешении не может быть и речи. Поэтому казалось, что Рама представляет собой лишь громадную археологическую ценность и не вызывает никаких политических проблем.

Сейчас для нас очевидно, что подобная позиция была более чем наивной, хотя нельзя не вспомнить тех, кто с самого начала утверждал, что Рама вышел к Солнцу слишком точно для чисто случайного совпадения.

Однако и при таком условии можно было считать — собственно, так и считали,— что мы наблюдаем результат грандиозного, но неудачного эксперимента. Рама, мол, достиг намеченной цели, а разумные существа, направившие его в полет, погибли. Но и подобная точка зрения, как выяснилось,— простодушное заблуждение, заведомая недооценка интеллекта тех, с кем мы имеем дело.

Мы не приняли во внимание одного — возможности небиологической жизни. Если согласиться с весьма убедительной теорией доктора Переры, которая, безусловно, удовлетворяет всем наблюдаемым фактам, создания, населяющие сегодня Раму, до недавнего времени просто не существовали. Их чертежи или схемы были заложены в какое-то центральное хранилище, а когда пробил час, они были изготовлены из подручных материалов, по-видимому из металлооргани-

ческой взвеси Цилиндрического моря. Подобный замысел, конечно, далеко превосходит наш нынешний уровень технологии, однако не представляет теоретических трудностей. Ведь печатные схемы, не в пример живой материи, способны хранить информацию без потерь в течение практически неограниченного времени.

Таким образом, Рама сейчас переведен в рабочий режим и выполняет волю своих создателей, кто бы они ни были. С нашей точки зрения, безразлично, погибли ли сами рамане миллионы лет назад или они, в свою очередь, будут воссозданы и присоединятся к своим слугам в определенный момент. С участием или без участия раман, их воля будет выполнена, более того, она уже выполняется.

Доказано со всей очевидностью, что на Раме есть работоспособный двигатель. Через несколько дней корабль достигнет перигелия, где, по логике вещей, перейдет на другую орбиту. Возможно, мы вскоре приобретем новую планету, обращающуюся в околосолнечном пространстве, которое находится под юрисдикцией моего правительства. Или, что тоже не исключается, после дополнительных маневров Рама выйдет на иную орбиту на любом расстоянии от Солнца. Быть может, даже станет спутником одной из крупных планет, например Земли...

Следовательно, коллеги-делегаты, мы сталкиваемся с богатым ассортиментом возможностей, и некоторые из них весьма неблагоприятны. Непростительной глупостью было бы считать, что рамане непременно окажутся доброжелательными и неспособными повредить нам. Если они явились к нам в Солнечную систему, значит, им здесь что-то нужно. Даже если им нужны знания и только знания, то кто поручится, что эти знания не будут использованы нам во вред?..

Нам противостоит техника, обогнавшая нашу на сотни, если не на тысячи лет, и культура, с которой у нас, возможно, вообще не найдется точек соприкосновения. Мы тщательно изучили поведение раманских биологических робо-

тов — биотов — по пленкам, отснятым капитаном Нортоном, и пришли к определенным выводам, которыми мне и хотелось бы с вами поделиться.

Нам, меркурианам, в известном смысле не повезло — у нас нет местных форм жизни. Но мы, разумеется, располагаем самыми полными представлениями о земной зоологии, и мы нашли в этих представлениях одну пугающую параллель.

Я говорю о колонии термитов. Как и Рама, такая колония есть искусственный мир, контролирующий внешнюю среду. Как и на Раме, жизнеспособность этого мира зависит от множества специализированных биологических инструментов: от рабочих, строителей, крестьян и воинов. Нам неизвестно, существует ли в колонии раман королева, но разрешите высказать догадку, что остров, названный Нью-Йорком, играет аналогичную роль.

Очевидным абсурдом было бы продолжать эту аналогию слишком далеко, она не выдерживает критики во многих отношениях. Но я все же решил провести ее, и вот почему.

Возможно ли сотрудничество и взаимопонимание между людьми и термитами? Пока наши интересы не сталкиваются, мы относимся друг к другу терпимо. Но если нам или им понадобится территория или ресурсы другой стороны, пощады не жди.

Спасибо нашему разуму и нашей технике, мы, когда серьезно хотим, способны одержать победу. Однако подчас она дается нам нелегко, и находятся люди, верящие, что в конечном счете победа будет принадлежать термитам...

Имея это в виду, взвесьте страшную угрозу, которую Рама может — я не сказал должен — представлять для человеческой цивилизации.

Какие шаги мы предприняли, чтобы парировать эту угрозу в случае, если дело повернется к худшему? Ровным счетом никаких — мы только говорили, строили умозаключения да писали ученые статьи.

Итак, разрешите сообщить вам, коллеги-делегаты, что Меркурий сделал нечто большее. Исходя из положений статьи 34 космического соглашения 2057 года, уполномочивающей нас на любые шаги для защиты неприкосновенности околосолнечного пространства, мы доставили в район Рамы сверхмощное ядерное устройство. Мы будем очень рады, если нам не придется к нему прибегнуть. Но теперь мы, по крайней мере, не беспомощны, как раньше.

Нас могут упрекнуть, что мы приняли решение в одностороннем порядке, без проведения предварительных консультаций. Мы принимаем этот упрек. Но не воображаете ли вы — при всем моем уважении к организации, господин председатель,— что такого решения можно было достичь в согласованном порядке в приемлемый срок? Мы считаем, что действовали не только в собственных интересах, а и в интересах всего человечества. Настанет день, когда грядущие поколения выразят нам признательность за нашу дальновидность.

Мы отдавали и отдаем себе отчет в том, какой трагедией — чтобы не сказать преступлением — будет уничтожить столь удивительное творение разума, каким является Рама. Если существует хоть какой-то путь избежать этого, не подвергая риску все человечество, мы будем счастливы узнать о нем. Мы такого пути не нашли, а время, отпущенное нам, истекает.

До момента, когда Рама достигнет перигелия, осталось несколько дней — за эти дни надо сделать выбор. Мы, разумеется, пошлем дополнительное предупреждение на «Индевор», но советуем капитану Нортону немедля подготовиться к тому, чтобы стартовать в течение часа. Кто поручится, что решающие события не начнутся на Раме с секунды на секунду?..

Я заканчиваю. Господин председатель, коллеги-делегаты, благодарю вас за внимание. Надеюсь на дальнейшее продуктивное сотрудничество.

— Что скажете, Борис? Укладываются ли меркуриане в вашу теологическую концепцию?

— Вполне укладываются, командир,— отвечал Родриго со сдержанной улыбкой.— Существует вечный как мир спор между силами добра и силами зла. И бывают времена, когда человек обязан определить свою позицию в этом споре.

«Ну вот, чего-то в этом роде и следовало ожидать,— сказал себе Нортон.— Для Бориса вся эта история с бомбой должна была оказаться тяжким ударом, но он и не подумал замкнуться в тупой покорности». В критических обстоятельствах космохристиане проявляли себя как люди знающие и решительные — в этом смысле они напоминали меркуриан.

— У вас сложился какой-то план?

— Да, командир. План, по существу, очень прост. Надо обезвредить бомбу.

— Неужели? И как же вы думаете это сделать?

— С помощью самых обыкновенных кусачек.

Будь это кто угодно другой, Нортон решил бы, что собеседник шутит. Но Борис Родриго шутить не умел.

— Постойте! Ракета вся ощетинилась телекамерами. Уж не рассчитываете ли вы, что меркуриане будут сидеть сложа руки и ждать, когда вы совладаете с ними?

— Вот именно. Больше им ничего не останется. Когда радиосигнал дойдет до Меркурия, будет уже слишком поздно. Я спокойно управлюсь за десять минут.

— Понимаю. И они будут грызть себе локти от гнева. А вы не боитесь, что бомба оснащена автоподрывом и ваше вмешательство попросту спустит курок?

— Это крайне маловероятно. Зачем ей такое устройство? Бомба была изготовлена специально для посылки в глубокий космос. Напротив, ракета, вероятно, битком набита предохранителями, гарантирующими, что она не взорвется без прямой команды из центра. А если риск и существует, то я иду на него — можно устроиться так, чтобы «Индевор» был вне опасности. Я все обдумал.

— Не сомневаюсь, что вы действительно все обдумали,— только и ответил Нортон.

Идея была завораживающей, почти неотразимо соблазнительной; особенно прельщала капитана мысль о том, как взбесятся меркуриане, и он дорого дал бы, чтобы увидеть их лица в момент, когда они осознают, но поздно, что случилось с их смертельной игрушкой.

Однако у медали была и оборотная сторона, и она, казалось, все разрасталась по мере того, как Нортон углублялся в раздумья. Он был поставлен перед необходимостью принять самое трудное — и самое ответственное — решение во всей своей жизни. И собственно, сказать так — значило преуменьшить до смешного. Решение, которое предстояло принять, было самым трудным из всех, с какими когда-либо доводилось сталкиваться любому командиру: от этого решения, возможно, зависело будущее человечества. Что, если меркуриане — допустим на мгновение — хоть отчасти правы?..

Когда Родриго ушел, он включил на двери надпись: «Не беспокоить»; он даже не мог припомнить, когда пользовался ею в последний раз, и был слегка удивлен, что она зажглась. Теперь он остался один, совсем один в самом сердце полного людей корабля — один, если не считать портрета капитана Джеймса Кука, взиравшего на Нортона сквозь бездны времени.

Посоветоваться с Землей не представлялось возможным: его уже предупреждали, что любое сообщение будет непременно перехвачено, хотя бы при помощи радиоаппаратуры, обслуживающей бомбу. Вся полнота ответственности ложилась всецело на его плечи.

Где-то он читал об одном из президентов Соединенных Штатов Америки — не то Рузвельте, не то Пересе,— который поместил у себя на столе табличку: «Верховная инстанция, апеллировать не к кому». Нортон не слишком ясно понимал, что имел в виду президент, но прекрасно сознавал, что ему-то самому и впрямь переадресовать ответственность некуда.

Он мог бы ничего не предпринимать, просто ждать, пока меркуриане не предложат уносить ноги. Однако как бы это выглядело в глазах потомков? Нортона не столь уж заботила проблема посмертной славы или бесчестья, но тем не менее ему не улыбалось прослыть в веках соучастником космического преступления, которое он был в силах предотвратить.

А Борис подготовил безупречный план. Как и предполагал капитан, Родриго обдумал все детали, предусмотрел любые возможности вплоть до той, весьма сомнительной, что бомба взорвется при первом прикосновении. Даже в этом случае «Индевор» не пострадает, прикрытый Рамой, словно щитом. Что касается самого лейтенанта Родриго, перспектива мгновенного причисления к лику святых не смущала его, видимо, ни в малейшей степени.

Но и в этом случае, если бомбу удастся благополучно обезвредить, это, пожалуй, еще далеко не конец. Меркуриане могут сделать новую попытку, если никто не изыщет способа остановить их. И все же будет выиграно две-три недели, и Рама давным-давно минует перигелий, прежде чем его настигнет новая ракета. К тому времени, надо надеяться, опасения паникеров окажутся несостоятельными. Или наоборот...

Быть или не быть... Никогда ранее капитану Нортону и в голову не приходило состязаться с Гамлетом. Что бы он сей-

час ни предпринял, потенциальное добро и потенциальное зло уравновешивали друг друга. К какому бы решению ни пришел, этически оно остается труднейшим из трудных. Если он ошибается, ошибка выяснится очень быстро. Если окажется прав, то, может статься, никогда не докажет своей правоты...

Что толку уповать на логику, бесконечно перебирать взаимоисключающие варианты будущего? Так можно ходить по кругу до скончания веков. Пришло время прислушаться к внутреннему голосу.

— Ты прав, капитан,— прошептал он.— Человечество должно сберечь чистую совесть. Что бы ни говорили меркуриане, выжить — это еще не все...

Нажав клавишу селектора, он неторопливо произнес:

— Лейтенант Родриго, прошу ко мне.

Потом прикрыл глаза и, зацепившись большими пальцами за противоперегрузочные ремни кресла, приготовился вкусить хоть пять секунд полного покоя.

Кто знает, сколько времени пройдет, прежде чем ему представится случай побездельничать снова...

Со скутера сняли все, без чего можно было обойтись, осталась голая рама, связывающая двигатели, рули и систему жизнеобеспечения. Выбросили даже сиденье второго пилота — ведь за каждый килограмм лишнего веса пришлось бы расплачиваться драгоценными секундами полетного времени.

Это была одна из причин, хотя и не главная, почему Родриго настаивал на том, чтобы идти в одиночку. Дело, говорил он, такое несложное, что помощники просто не нужны, а полет с пассажиром займет на две-три минуты больше. Облегченный скутер мог теперь развить ускорение свыше одной трети *g;* следовательно, расстояние от «Индевора» до бомбы можно покрыть за четыре минуты. В распоряжении «диверсанта» останется шесть — их хватит с избытком.

Отчалив от корабля, он оглянулся всего только раз, чтобы удостовериться, что «Индевор», как и планировалось, снялся с центральной оси и тихо перемещается к краю северного торца цилиндра. К моменту, когда он доберется до бомбы, между нею и кораблем встанет вся толща Рамы.

Над полярным диском Родриго летел не торопясь. Спешить пока не было нужды: телекамеры, установленные на бомбе, не могли засечь его здесь, и следовало поберечь горючее. Затем он перевалил за изогнутую кромку цилиндра и увидел ракету, сверкающую нестерпимым блеском — солнечные лучи были здесь яростнее, чем даже на ее родной планете.

Программу автоматическому штурману он рассчитал заранее. Теперь осталось лишь ввести ее в действие; скутер стремительно развернулся и через несколько секунд уже шел полным ходом. На миг померещилось, что обретенный заново вес раздробит все кости тела, но не прошло и минуты, как Родриго привык к нему. В конце концов, он не испытывал никаких неудобств внутри Рамы, где весил вдвое больше, а родился на Земле, где сила тяжести была в три раза выше, чем сейчас.

Скутер мчался к цели стрелой, и огромный контур пятидесятикилометрового цилиндра постепенно отодвигался все дальше и дальше. Со стороны нельзя было судить о его истинных размерах — даже трудно было сказать, вращается ли он.

Сто секунд с начала полета; пройдено почти полпути. До бомбы оставалось еще слишком далеко, чтобы различить детали, просто она все ярче горела на фоне черного как смоль неба. Небо было непривычным — ни одной звезды, ни блестящей Земли, ни ослепительной Венеры: их гасили темные светофильтры, защищавшие глаза от убийственного солнечного сияния. Родриго сильно подозревал, что ставит рекорд: еще ни один человек не отважился работать в открытом космосе так близко к Солнцу. Счастье, что солнечная активность невысока...

Через две минуты десять секунд на контрольной панели зарделся мигающий огонек, тяга упала до нуля, и скутер перевернулся на сто восемьдесят градусов. Спустя мгновение двигатели вновь включились на полную мощность, но уже не разгоняя, а тормозя суденышко в том же сумасшедшем темпе — три метра в секунду и даже, пожалуй, скорее, поскольку баки с горючим стали легче наполовину. До бомбы двадцать пять километров — это еще две минуты. Он развил скорость до полутора тысяч километров в час — цифра для космического скутера совершенно безумная, может статься рекордная. Но и выпавшая на долю Родриго миссия — не какая-ни-

будь заурядная рекогносцировка; в чем, в чем, а в этом сомневаться не приходилось.

Бомба росла на глазах; он уже видел главную антенну, неотрывно следящую за неразличимой звездочкой Меркурия. Три минуты назад эта антенна со скоростью света послала своим хозяевам изображение приближающегося скутера. Но пройдет еще две минуты, прежде чем изображение достигнет цели.

Что же, спрашивается, предпримут меркуриане, завидя скутер? Разумеется, оцепенеют от ужаса, поняв, что он приблизился к бомбе на несколько минут раньше, чем они узнали о его существовании. Наблюдатель у экрана, вероятно, прежде всего свяжется с властями — на это уйдет еще какое-то время. Но даже в худшем случае, если дежурный офицер уполномочен дать команду на взрыв и нажмет на кнопку тотчас же, понадобится еще пять минут, чтобы сигнал вернулся сюда.

Родриго не стал бы заключать пари, но внутренне он был совершенно уверен, что такой незамедлительной реакции не последует. Меркуриане трижды подумают, прежде чем решиться уничтожить разведчика, посланного «Индевором», даже если догадаются о его намерениях. Вначале они обязательно попытаются вступить в переговоры — и это означает новую отсрочку.

Для колебаний есть и другая, еще более веская причина: вряд ли меркуриане захотят извести гигатонную бомбу на какой-то скутер. Взорванная так далеко от Рамы, она не причинит ему ни малейшего вреда. Значит, меркуриане обязательно попытаются пододвинуть ее поближе. Но рассчитывать все равно следует на самое худшее. Он должен действовать так, словно сигнал к взрыву придет в кратчайший возможный срок — ровно через пять минут.

На протяжении последнего километра пути Родриго торопливо сопоставлял то, что видел воочию, со снимками, сделанными с дальнего расстояния. Картинки теперь вопло-

щались в твердый металл и гладкий пластик, умозрительные выводы становились беспощадной реальностью.

Бомба представляла собой цилиндр длиной метров десять и диаметром примерно три метра — пропорции, по странному совпадению, почти повторяли цилиндр Рамы. С ракетой-носителем бомбу связывало переплетение коротких двутавровых балок. По каким-то причинам, вероятно связанным с положением центра массы, все балки отходили от носителя точно под прямым углом, и бомба зловеще напоминала молот, поднятый для удара. Это и был молот, молот достаточно мощный, чтобы сокрушить целый мир.

С обоих концов бомбы свисали связки экранированных кабелей; они убегали под цилиндрический ее корпус и исчезали где-то в недрах носителя. Значит, все управление и контроль осуществлялись оттуда — на самой бомбе не было никаких антенн. Оставалось лишь перерезать эти две связки — и она превратится в безобидную груду мертвого металла.

В общем-то, именно этого он и ожидал, и все-таки задача выглядела слишком уж простой. Бросил взгляд на часы — пройдет еще тридцать секунд, прежде чем меркуриане узнают о его существовании, даже если они не отрывают глаз от экрана и заметят его в тот самый момент, когда он обогнул торец Рамы. В течение целых пяти минут никто в целом мире не в силах ему помешать — и на девяносто девять процентов можно ручаться, что времени в запасе гораздо больше...

Как только скутер окончательно остановился, Родриго прикрепил его к ближайшей балке, чтобы оба аппарата составили нерасторжимое целое. На это ушло всего несколько секунд, инструменты давно были наготове, и он выбросился из кресла пилота, почти не обращая внимания на жесткий противорадиационный костюм.

Первым, на что он наткнулся взглядом, оказалась небольшая металлическая пластинка с надписью:

ОТДЕЛ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ
Секция Д
Западный бульвар, 47
Вулканополис, 17464
За справками обращаться к м-ру Генри К. Джонсу

Следовало предполагать, что через несколько минут мистер Джонс будет очень-очень занят.

Тяжелые кусачки рассекали кабель без труда. Отделяя первые проволочные пряди, Родриго даже на минуту не задумывался о геене огненной, запертой в считаных сантиметрах от его рук: если ему суждено выпустить силы ада на волю, он не успеет и узнать об этом...

Он опять взглянул на часы — вся операция заняла меньше минуты, он вполне укладывался в график. Теперь хвостовой кабель — и можно отправляться домой на виду у обескураженных и разгневанных меркуриан.

Но едва он притронулся ко второму пучку кабелей, как ощутил пальцами слабую вибрацию металла. Озадаченный, он оглянулся и ощупал глазами тело ракеты. Один из вспомогательных двигателей, ведающих ее ориентацией в пространстве, был окружен характерным сине-фиолетовым ореолом раскаленной плазмы. Бомба собралась двинуться в путь.

Радиограмма с Меркурия была лаконичной и непререкаемой. Пришла она ровно через две минуты после того, как Родриго скрылся за кромкой цилиндра Рамы.

КОМАНДИРУ КОРАБЛЯ «ИНДЕВОР». КОНТРОЛЬНО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР МЕРКУРИЙ-ИНФЕРНОУЭСТ ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ С ПОЛУЧЕНИЕМ НАСТОЯЩЕЙ РАДИОГРАММЫ ПОКИНУТЬ ОКРЕСТНОСТИ РАМЫ. В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ОДИН ЧАС. РЕКОМЕНДУЕМ ВЗЛЕТ С МАКСИМАЛЬНЫМ УСКОРЕНИЕМ В НАПРАВЛЕНИИ ОСИ ВРАЩЕНИЯ. ПОДТВЕРДИТЕ ПРИЕМ. КОНЕЦ.

Вначале Нортон просто не поверил своим глазам, потом рассердился. Он поймал себя на ребяческом побуждении радировать в ответ, что весь экипаж работает внутри Рамы и что на эвакуацию потребуются часы и часы. Но этим он, конечно, ничего бы не добился, разве что проверил бы, сильна ли воля и крепки ли нервы у меркуриан.

Но почему, почему они решили перейти рубикон за несколько дней до перигелия? Быть может, давление общественного мнения возросло настолько, что они предпочли поставить остальную часть человечества перед свершившимся фактом? Маловероятно: подобная чувствительность, прямо скажем, не в их натуре...

Отозвать Родриго он не мог, даже если захотел бы: скутер находится в радиотени Рамы, и связи с ним не будет до тех пор, пока не восстановится прямая видимость. А этого не случится до самого завершения «диверсии» — или до ее провала.

Придется набраться терпения; времени в распоряжении Нортона еще много, целых пятьдесят минут. И главное, что ему сейчас предстоит,— дать на ультиматум меркуриан наиболее достойный ответ.

Наиболее достойный ответ — ничего не отвечать, а просто ждать дальнейшего развития событий.

Первым чувством Родриго, когда бомба пришла в движение, был не физический страх, а нечто большее. До сих пор он верил, что Вселенная повинуется строгим законам, перед которыми склоняется все и вся, даже Бог, а тем паче какие-то меркуриане. Ни один приказ нельзя передать быстрее скорости света; скутер заведомо обогнал на целых пять минут любую встречную акцию, любое решение.

Значит, это все-таки совпадение — фантастическое, быть может, смертельно опасное, но только совпадение. По чистой случайности радиоимпульс, включивший двигатели, был послан примерно в то же время, когда скутер отходил от «Ин-

девора»; пока Родриго преодолевал пятьдесят, сигнал покрывал расстояние в восемьдесят миллионов километров.

А может, это просто автоматическая коррекция с целью устранить какой-нибудь местный перегрев? Температура поверхностных слоев металла местами приближалась к полутора тысячам градусов, и Родриго неспроста старался по возможности держаться в тени...

Но вслед за первым двигателем заработал и второй, уравновешивая возникшее было вращение. Нет, дело не ограничивалось температурной коррекцией. Бомба изменяла ориентацию, нацеливаясь точно на Раму.

Бессмысленно вопрошать, отчего да почему это случилось именно в данный момент. Одно обстоятельство играло ему на руку: бомба, вне сомнения, разгонялась с невысоким ускорением. Одна десятая g — самое большее. Он не сорвется.

Родриго проверил захваты, крепящие скутер к опорным балкам, и — вдвойне тщательно — собственный страховочный пояс. В сознании вскипал холодный гнев, подкрепляя и без того твердую решимость. Означает ли этот маневр, что меркурианне намерены взорвать бомбу без предупреждения, не дав «Индевору» времени на спасение? Это казалось невероятным — не просто жестокость, а совершеннейшее безумие, сознательный вызов всей Солнечной системе. Что же заставило их преступить клятву, торжественно данную их полномочным послом?

Каков бы ни был их план, ему не исполниться.

Вторая радиограмма с Меркурия походила на первую как две капли воды, но появилась на десять минут позднее. Итак, они продлили срок ультиматума — в распоряжении Нортона по-прежнему оставался один час. И очевидно, что они, прежде чем повторить свой приказ, все-таки дали «Индевору» время на ответ.

Однако теперь в их расчеты вмешался новый фактор: теперь они уже заметили Родриго и, вероятно, предприняли

какие-то решительные действия. Надо думать, их директивы уже в пути. С секунды на секунду радиоволны достигнут ракеты...

Придется готовиться к старту. В любую секунду заполняющая небо громада Рамы может раскалиться по краям и вспыхнуть недолгим яростным сиянием, затмевающим самое Солнце.

Когда заговорил главный двигатель, Родриго был привязан вполне надежно. Двигатель проработал всего двадцать секунд — и смолк. Родриго проделал в уме быстрый подсчёт: приращение скорости не могло оказаться больше пятнадцати километров в час. Понадобится час с лишним, чтобы бомба подошла к Раме вплотную; пожалуй, меркуриане просто решили пододвинуть ее поближе, чтобы при необходимости быстрее поразить цель. Если так, то это разумная предосторожность. Разумная, но слишком запоздалая.

Родриго вновь взглянул на часы, хотя за последние минуты чувство времени обострилось у него настолько, что почти не нуждалось в проверке. На Меркурии уже видели, что он целеустремленно подбирается к бомбе, что их разделяют какие-то полтора-два километра. Насчет его намерений у них наверняка не возникло и тени сомнения; скорее всего, там сейчас гадают, осуществил он их или еще не успел...

Второй пучок кабелей подался так же легко, как и первый; руки у Родриго были сноровистые, а инструмент действовал без осечки. Он обезвредил бомбу — или, вернее, добился того, чтобы ее нельзя было взорвать дистанционным приказом.

Но оставалась иная возможность, которой тоже не следовало пренебрегать. Отсутствие на бомбе внешних взрывателей еще не означало, что нет и взрывателей внутренних, способных на детонацию при ударе. Меркуриане все еще сохра-

няли контроль над движением самой ракеты и могли, если бы захотели, направить ее на столкновение с Рамой. Родриго еще не мог считать свою миссию полностью завершенной.

Пройдет пять минут — и в центре управления, скрытом где-то на Меркурии, увидят, как он сползает по балкам обратно к ракете, сжимая в руке скромных размеров кусачки, обезвредившие самое мощное оружие, которое когда-либо создавал человек. Родриго с трудом преодолел искушение помахать ими перед телекамерой, но все же решил, что это ниже его достоинства; в конце концов, он делает историю, и в грядущие годы эту сцену будут наблюдать миллионы и миллионы людей. Если, конечно, меркуриане не уничтожат запись в припадке бессильной злобы, однако он лично вряд ли вправе осуждать их.

Добравшись до большой антенны дальнего действия, он перебирал руками по стойкам, пока не подплыл к самой ее чаше. Его верные кусачки шутя справлялись со сложной подводкой, с равной легкостью перерезая кабели и волноводы. Едва он рассек последнюю из стальных нитей, антенна принялась медленно вращаться на оси; вращение испугало его своей неожиданностью, но потом он понял, что нарушил систему автоматической ориентации на Меркурий. Еще пять минут — и меркуриане потеряют всякую связь с бывшей своей служанкой. Та теперь не просто обессилела, а стала глуха и слепа...

Не торопясь, Родриго вернулся на скутер, отпустил причальные захваты и, развернув суденышко, уперся передним бампером в корпус ракеты, как можно ближе к предполагаемому центру массы. Затем дал полную тягу и поддерживал ее добрых двадцать секунд.

Вес ракеты вместе с бомбой превышал собственную массу скутера во много раз, и разгон был еле заметен. Но вот Родриго сбросил тягу до нуля и тщательно замерил новые параметры движения бомбы.

Она, бесспорно, разминется с Рамой и разминется далеко, вместе с тем ее положение в пространстве можно вычислить с идеальной точностью в любом отдаленном будущем. В конце концов, бомба — это целый комплекс оборудования, сложного и очень дорогого.

Лейтенант Родриго был человек почти патологической честности. Он вовсе не хотел, чтобы меркуриане предъявляли ему обвинение в утере принадлежащего им имущества.

— Дорогая,— начал диктовать Нортон,— вся эта чепуха задержала нас на сутки с лишним, зато наконец-то дала мне возможность потолковать с тобой...

Я все еще на корабле, но он уже возвращается к своей стоянке у полярной оси. Час назад мы подобрали Бориса, вид у него был такой, словно он просто вернулся с дежурства после спокойной вахты. Думаю, что на Меркурии ни мне, ни ему теперь никогда не бывать, и могу только гадать, как нас встретит Земля — как героев или как негодяев. Но совесть моя чиста: внутренне я уверен, что мы поступили правильно. Интересно, дождемся ли мы хоть какой-нибудь благодарности от самих раман?..

Задерживаться здесь мы можем теперь не дольше чем на два дня: «Индевор» — не Рама, у нас нет километровой брони, оберегающей нас от Солнца. Корпус корабля местами уже раскален до опасных пределов, и нам пришлось выставить защитные экраны. Извини, не хочу докучать тебе своими капитанскими заботами...

Времени осталось как раз на один последний поход в глубь Рамы, и я намерен выжать из этого похода максимум. Однако не волнуйся — я, в сущности, ничем не рискую...

Он остановил запись. По правде сказать, такое заявление можно было принять разве что с натяжкой. В пределах Рамы опасность и неуверенность неизбежно сопровождали каждый шаг, перед лицом недоступных пониманию сил ни один че-

ловек не смел чувствовать себя как дома. А в этом последнем походе он решил рискнуть чуть больше, чем прежде.

— Через сорок восемь часов наша миссия будет завершена. Что потом, до сих пор неясно: как тебе известно, на пути сюда мы сожгли фактически все свое топливо. Я пока не знаю, успеет ли танкер встретиться с нами вовремя, чтобы мы сумели вернуться на Землю, или нам придется садиться на Марс. Так или иначе, к Новому году буду с вами. Передай малышу, что не могу, к сожалению, привезти ему детеныша биота — таких, увы, в природе не существует...

Чувствуем себя хорошо, только очень устали. Я, бесспорно, заслужил продолжительный отпуск, и мы с тобой постараемся наверстать потерянное время. Что бы тебе ни говорили про меня, можешь смело считать, что вышла замуж за героя. Многие ли жены вправе утверждать, что их мужьям довелось спасти целый мир?..

Как всегда, прежде чем снимать с пленки копию, он внимательно прослушал ее и удостоверился, что текст приемлем для обеих семей. Он даже приблизительно не знал, какую из них увидит первой: обычно его личное расписание составлялось по крайней мере на год вперед в соответствии с неумолимым движением самих планет.

Но то было в прежние, «дораманские» времена, теперь ничто и никогда не будет таким же, как встарь.

— А ты не боишься,— спросил Карл Мерсер,— что биоты попробуют остановить нас?

— Не исключено. Собственно, это один из вопросов, на которые я хотел бы найти ответ. Слушай, что ты на меня так уставился?..

Мерсер смотрел на Нортона с затаенной усмешкой; такая усмешка появлялась у Карла на лице всякий раз, когда ему на ум приходило какое-то острое словцо, иногда он изрекал это словцо, а иногда нет...

— Уж не вообразил ли ты, шкипер, что стал на Раме владыкой? До сих пор ты категорически пресекал все попытки проникнуть в здания. Чему мы обязаны переменой в твоем настроении? Меркуриане подсказали новую тактику?

Нортон расхохотался, но тут же сдержал себя. Вопрос с подвохом, и он не был уверен, что самый очевидный из ответов окажется самым правильным.

— Пожалуй, я был осторожен сверх меры, стараясь во что бы то ни стало избежать осложнений. А теперь это наш последний шанс — если нас даже вынудят к отступлению, мы ничего не теряем...

— При условии, что отступление пройдет организованно.

— Разумеется. Но биоты никогда не проявляли к нам вражды. Если уж придется драпать, кроме пауков, нас никто и не догонит.

— Ты можешь драпать, если хочешь, а я намерен удалиться с достоинством. Между прочим, я понял, почему биоты ведут себя с нами так вежливо.

— Тебе не кажется, что для новой теории у нас уже нет времени?

— Тем не менее выслушай. Они считают нас раманами. Просто-напросто не видят разницы между одним существом, поглощающим кислород, и другим.

— Ни за что не поверю, что они настолько глупы...

— Дело тут отнюдь не в глупости. Их запрограммировали строго определенным образом, а мы никак не укладываемся в систему их представлений.

— Может, ты и прав. Но без набега на Лондон этого тоже не выяснить...

Старые фильмы про гангстеров и грабителей всегда приводили Джо Колверта в восторг, но он и в мыслях не держал, что однажды сам станет участником грабежа. Ведь, по существу, нынешняя его роль ничем не отличается от гангстерской.

Пустынные улицы Лондона казались полными угроз, хотя он прекрасно осознавал, что страхи порождены его собственной нечистой совестью. Конечно же, он не думал, что в строениях без окон, окруживших группу со всех сторон, прячутся настороженные обитатели, которые хлынут наружу свирепыми ордами, едва пришельцы поднимут руку на их священную собственность. В общем-то, всем было ясно, что Лондон — как и остальные «города» — представляет собой лишь своеобразный склад.

Но возникали и страхи иного рода, также навеянные древними детективными лентами, однако более обоснованные. Здесь не приходилось ждать ни пронзительных сигнальных звонков, ни истошных сирен, но какая-то предупредительная система на Раме, по всей видимости, была. Иначе как бы биоты узнавали, где и когда требуются их услуги?

— Кто без очков, отвернитесь,— распорядился сержант Майрон.

Резкий запах окиси азота — в луче лазерного ножа горело все, даже самый воздух,— затем пронзительное шипение, как только огненное лезвие коснулось металла. Никакое материальное тело не могло противостоять этому сгустку энергии, и разрез, открывающий путь к раманским секретам, увеличивался буквально на глазах. За считаные минуты нож вырезал плиту в рост человека.

Майрон повременил, но плита не шелохнулась; постучал по ней сначала легонько, потом сильнее, наконец ударил изо всех сил. Плита рухнула внутрь с гулким раскатистым звоном.

И вновь, как и в первые дни знакомства с Рамой, Нортон представил себя археологом, вскрывающим древнеегипетскую гробницу. Нет, он не ждал увидеть мерцание золота и вообще не питал никаких определенных надежд, но ему не терпелось шагнуть в отверстие с фонарем в руке.

Хрустальный замок — таково было первое его впечатление. Строение заполняли ряды прозрачных вертикальных колонн. Сотни колонн, толщиной около метра каждая, а высотой от пола до потолка, убегали от него в темноту, куда не мог проникнуть луч фонаря.

Нортон подошел к ближайшей колонне и посветил в ее глубину. Преломившись, словно в цилиндрической линзе, свет прошел насквозь, развернулся веером, достиг следующей колонны, вновь собрался в пучок и вновь раздробился, и так еще и еще, пока не погас вдали. Капитану почудилось, что он находится в помещении, где проводятся какие-то сложные оптические эксперименты.

— Очень красиво,— заявил практичный Мерсер,— но кому нужен лес стеклянных столбов?

Нортон осторожно постучал по колонне пальцами. Судя по звуку, она была прочной, но это был скорее металл, а не стекло. Озадаченный, он последовал услышанному когда-то совету: «Не понял — не подавай виду и иди дальше».

Добравшись до соседней колонны, которая выглядела точно так же, как и предыдущая, он услышал удивленное восклицание Мерсера:

— Я мог бы поклясться, что колонна была пуста, а теперь там что-то есть...

Нортон стремительно обернулся.

— Где? Ничего не вижу...

Он смотрел в направлении, куда указывал Мерсер, но по-прежнему видел только совершенно прозрачную колонну.

— Не видишь? — недоверчиво спросил Мерсер.— Обойди с этой стороны. Дьявол, теперь и я потерял его из виду...

— Что здесь происходит? — осведомился Колверт.

Прошло несколько минут, прежде чем что-то для них прояснилось.

Колонны казались прозрачными не при любом освещении и не под всяким углом. Стоило не торопясь обойти любую из них, и перед вашим взором возникали странные предметы, утопленные, словно насекомые в янтаре,— они появлялись и тут же исчезали опять. Там было множество разных предметов. Выглядели они вполне реальными и вещественными, но порой занимали, казалось, одно и то же место в пространстве.

— Голограммы,— догадался Колверт.— В точности как в земных музеях.

Объяснение представлялось вполне приемлемым, и потому Нортон отнесся к нему с подозрением. Сомнения крепли по мере того, как капитан осматривал колонны за колонной и сопоставлял образы, замурованные в их недрах.

Инструменты (для рук огромной величины и диковинной формы), сосуды, какие-то маленькие машинки с клавиатурой, требующей не пяти, а гораздо большего количества пальцев, научные приборы и предметы домашнего обихода до неправдоподобия заурядные, например ножи и тарелки, вполне уместные, если бы не их размеры, в любой земной квартире,— там было все и еще сотни вещей менее понятно-

го назначения, чаще всего сваленные вместе, в одной куче. Музей, любой музей, строится по определенной логической схеме: связанные друг с другом экспонаты группируются определенным образом. А здесь в лучшем случае была коллекция всевозможной утвари, сложенной как попало.

Они принялись ряд за рядом фотографировать ускользающие образы в хрустальных колоннах, и тогда полнейшая разнородность предметов наконец навела Нортона на догадку. Что, если это не коллекция, а каталог, составленный в соответствии с внешне произвольной, но по-своему логичной системой? Он подумал о том, какие дикие сочетания рядом стоящих понятий встречаются в словаре или в алфавитном инвентаризационном списке, и поделился своей идеей с товарищами.

— Мысль понятна,— ответил Мерсер.— Рамане пришли бы в не меньшее удивление, обнаружив, что мы ставим рядом, ну, скажем, кинжал с кинокамерой.

— Или книгу — с кнопкой и кнутом,— добавил Колверт после некоторой паузы. «В эту игру можно играть до бесконечности»,— подумал он.

— Именно,— подтвердил Нортон.— Перед нами что-то вроде каталога стереоизображений, вернее, пространственных лекал или трехмерных схем, если вам так больше нравится.

— Итак,— произнес Мерсер задумчиво,— если раманину понадобилась какая-нибудь редкостная безделушка, он набирает определенный кодовый номер, и она изготавливается по припасенному здесь шаблону?

— Что-то в этом роде. Только, сделайте милость, не требуйте от меня подробностей...

Колонны, среди которых они шли, все увеличивались в размерах, и теперь диаметр их превышал два метра. Изображения стали соответственно крупнее — не составляло труда догадаться, что по каким-то, несомненно, серьезным причинам рамане неукоснительно придерживались масштаба один

к одному. «Но если так,— заинтересовался Нортон,— как же они хранят что-то по-настоящему громоздкое?..»

Чтобы охватить как можно большую площадь, четверо людей рассыпались среди хрустальных колонн и снимали, снимали, едва успевая наводить свои камеры на образы-привидения. «Нам удивительно повезло,— твердил себе Нортон, хотя и чувствовал, что заслужил удачу,— даже имея выбор, мы не могли бы представить себе ничего лучшего, чем этот иллюстрированный каталог раманских изделий». И в то же время трудно было вообразить себе что-нибудь более досадное. Ведь там, в толще колонн, не было ничего, кроме неосязаемой игры света и тени: предметы, такие реальные на вид, в действительности не существовали...

Но даже отдавая себе в этом полный отчет, Нортон не раз ловил себя на странном желании полоснуть по колонне лазером, чтобы привезти с собой на Землю хоть что-то материальное. В конце концов он сказал себе сурово, что подобное желание достойно мартышки, хватающей банан в зеркале.

Он был поглощен съемкой какого-то, по-видимому, оптического устройства, когда внезапный крик Колверта заставил его опрометью броситься сквозь строй хрустальных колонн.

— Шкипер! Карл! Уилл! Взгляните-ка вот на это...

Джо грешил подчас беспричинными взрывами энтузиазма, однако эта его находка оправдывала самый буйный восторг.

Внутри одной из двухметровых колонн прятались замысловатые доспехи — или мундир,— созданные, вне всякого сомнения, для прямоходящего существа ростом значительно выше человека. От узкого металлического пояса, предназначенного для талии, торса или чего-то вовсе неведомого земной анатомии, кверху отходили три легких стержня, на которых держался внушительный обруч метрового диаметра и идеально круглой формы. Вдоль обруча равномерно раз-

мещались петли, предназначенные явно для верхних конечностей — для рук. Для трех рук...

И еще на обруче были бесчисленные кармашки, хомутики, подсумки с торчащими из них инструментами (или оружием?), патрубки, контакты и даже маленькие черные коробочки, которые вполне пришлись бы ко двору в любой электронной лаборатории на Земле. В целом доспехи по сложности конструкции напоминали космический скафандр, хотя и защищали своего хозяина только частично.

«Каков же этот хозяин? — спросил себя Нортон.— Этого мы, вероятно, никогда не узнаем. Но кто бы он ни был, он наделен разумом — иначе не справиться с такой сложной аппаратурой...»

— Метра два с половиной,— произнес вслух Мерсер,— это без головы. Интересно, на что она похожа?

— Рук три, ног, должно быть, тоже три. Вроде пауков, только много массивнее. Ты думаешь, совпадение?

— Может, и нет. Мы конструируем роботов по собственному образу и подобию. Почему не допустить, что рамане поступают так же?

Джо Колверт, на редкость присмиревший, взирал на доспехи с почти благоговейным выражением.

— Знают ли они, что мы здесь? Как вы считаете? — прошептал он.

— Сомневаюсь,— ответил Мерсер.— Мы не проникли даже на порог их сознания. Правда, меркуриане на этот счет другого мнения.

Они все еще толпились у колонны, не в силах отойти от нее, когда рация донесла встревоженный голос Питера:

— Шкипер, выбирайтесь скорее наружу!..

— Что стряслось? Биоты пошли в атаку?

— Нет, гораздо хуже. Рама гасит огни.

Когда Нортон в спешке выбрался из вырезанной лазером дыры, ему сначала показалось, что шесть солнц Рамы светят как прежде. «Ну конечно,— подумал он,— Питер ошибся... Хотя это на него вовсе не похоже...»

Но сам Питер предвидел именно такую реакцию.

— Свет ослабевает так постепенно,— объяснял он извиняющимся тоном,— что я сам не сразу заметил разницу. Но ослабевает несомненно — я замерил. Уровень освещенности упал на сорок процентов...

Нортон и сам заметил это, как только глаза после полумрака хрустального замка заново привыкли к свету. Долгий раманский день близился к концу.

Снаружи было по-прежнему тепло, но тело охватывала невольная дрожь. Нортону однажды уже довелось испытать такое ощущение в погожий летний день на Земле. На небе ни облачка, а свет необъяснимо гаснет, словно тьма зарождается прямо в воздухе или солнце утратило силу. Тогда он сообразил, что наблюдает частичное солнечное затмение.

— Ну вот,— сказал он хмуро.— Возвращаемся домой. Оставьте все снаряжение здесь, больше оно нам не понадобится...

Наконец-то хоть одна из мер предосторожности, кажется, оправдалась. Он выбрал Лондон как объект набега потому, что ни один другой «город» не располагался так близко к лестнице: от подножия Беты их отделяли всего четыре километра.

Они пустились в путь быстрыми размеренными прыжками. Нортон предложил темп, который, по его расчету, выведет их на край равнины без переутомления, но в минимальный срок. Капитан без особой радости представил себе восьмикилометровый подъем, который ждет их на Бете, но ему, решил он, станет много спокойнее, когда они начнут восхождение.

Первый толчок нагнал их почти у самого основания лестницы. Толчок был очень легким, и Нортон инстинктивно повернулся к югу, думая увидеть новый огненный спектакль в районе рогов. Но Рама никогда не повторялся — если над вершинами острых, как иглы, гор и скапливались электрические заряды, то на сей раз они были слабы и незаметны.

— На корабле,— вызвал он по радио,— вы что-нибудь заметили?

— А как же, шкипер, небольшое сотрясение. Возможно, новое изменение ориентации. Следим за гирокомпасом — пока ничего. Нет, погодите-ка! Стрелка движется! Еле заметно, меньше микрорадиана в секунду, но определенно движется!..

Итак, Рама начал разворот — почти неуловимо медленно, но начал. Более ранние удары были, может статься, ложной тревогой, но этот — этот имел последствия.

— Угловая скорость нарастает — пять микрорад. Алло, алло, а новый толчок вы заметили?

— Конечно. Переведите все системы корабля на рабочий режим. Не исключена возможность экстренного старта.

— Вы думаете, Рама сменит орбиту? Но до перигелия еще далеко...

— Я прежде всего думаю, что рамане учились не по нашим учебникам. Мы у подножия Беты. Пять минут остановки на отдых...

Пять минут — это было намного меньше, чем требовалось, но и они показались вечностью. Потому что ни у кого не оставалось сомнений, что свет слабеет — и слабеет быстро.

Правда, каждый был вооружен фонарем, однако сама мысль о темноте стала невыносимой: они настолько привык-

ли к бесконечному дню, что с трудом припоминали обстановку, когда впервые проникли в этот мир. Помимо воли людьми овладевало непреодолимое желание спастись, выбраться к лучезарному солнцу, от которого их отделяла километровая цилиндрическая стена.

— Группа наблюдения! — вызвал Нортон.— Прожектор действует? Он может нам срочно понадобиться...

— Так точно, шкипер. Включаем.

Высоко над головами вспыхнула успокоительно светлая искорка. По сравнению с блекнущим раманским днем она выглядела на удивление немощной, но уже сослужила им хорошую службу раньше и, если возникнет нужда, сослужит опять.

Нортон был мрачен; он отдавал себе отчет в том, что восхождение покажется самым долгим, самым невыносимо напряженным из всех, какие выпадали на их долю. Что бы ни случилось, они не вправе спешить, перенапряжение кончится попросту обмороком где-нибудь на середине головокружительного склона и все равно придется ждать, прежде чем восставшие мускулы позволят двигаться дальше. Да, конечно, за это время они стали одним из самых закаленных экипажей, когда-либо работавших в космосе, и все-таки есть пределы, перешагнуть которые людям из крови и плоти не дано.

Через час тяжкого подъема они добрались до четвертого пролета лестницы, примерно в трех километрах над равниной. Дальше дела, надо надеяться, пойдут лучше — притяжение уже составляло менее трети земного. Изредка повторялись слабые толчки, но других необычных явлений не наблюдалось и света по-прежнему было достаточно. В сердцах вновь затеплился оптимизм, даже шевельнулось сомнение: не слишком ли рано они отступили. Но так или иначе, одно оставалось ясным: пути назад уже нет. По равнине Рамы все они прошли в самый последний раз.

На четвертой площадке они сделали десятиминутную передышку — и тут Джо Колверт внезапно воскликнул:

— Что это за звук, шкипер?

— Какой звук? Я ничего не слышу.

— Очень тонкий свист с перепадами по частоте — его просто нельзя не слышать.

— Ваши уши моложе моих, и... Да, теперь слышу.

Свист, казалось, исходил отовсюду. Он стал громким, затем пронзительным, затем быстро ослаб. И вдруг прекратился вовсе.

Через несколько секунд все повторилось снова в той же последовательности. Словно сирена маяка, печальная и требовательная, слала свои сигналы в туманную ночь. Свист нес в себе какое-то сообщение — и притом срочное. Оно не было предназначено для их ушей, но они его поняли. И, удваивая силу призыва, его подхватили огни.

Огни померкли, почти погасли — и начали мигать. По узким долинам, некогда освещавшим этот мир, понеслись ослепительные, как шаровые молнии, нити огненных четок. Они бежали от обоих полюсов к морю в синхронном, гипнотическом ритме, который мог иметь одно-единственное значение. «В море!..— звали огни.— В море!..» Призыву было трудно противиться: среди космонавтов не нашлось человека, который не испытал бы побуждения вернуться и искать спасения в водах Рамы.

— Группа наблюдения! — повелительно произнес Нортон.— Вам видно, что происходит?

Голос Питера, донесшийся в ответ, звучал прямо-таки испуганно:

— Так точно, шкипер. Я как раз смотрю на Южный континент. Там до сих пор полным-полно биотов, включая самых больших. Краны, бульдозеры, много мусорщиков. И все они несутся к морю с такой скоростью, какой я у них никогда не видывал. Вон кран подкатился к краю утеса и — бух через край! Прямо как Джимми, только летит быстрее... уда-

рился о воду — сноп брызг... и откуда ни возьмись акулы, вцепились в него и рвут на куски... хм, зрелище не из приятных...

Смотрю дальше, на равнину. Один из бульдозеров, кажется, сломался, движется все время по кругу... К нему подскочила парочка крабов, режут его на части... Шкипер, по-моему, вам лучше бы вернуться немедля...

— Честное слово,— ответил Нортон проникновенно,— мы делаем все, что в наших силах.

Рама, как корабль перед штормом, задраивал люки. Таково было ощущение, владевшее Нортоном, хотя он и не сумел бы его логически обосновать. Он уже не мог бы поручиться за свой рассудок — душу раздирали два противоположных стремления: необходимость спастись и острое желание подчиниться зову молний, вспыхивающих в небе и приказывающих присоединиться к биотам в их движении к морю.

Еще один пролет лестницы — еще одна десятиминутная передышка, чтобы мышцы освободились от яда усталости. Потом снова в путь — осталось еще два километра, но лучше о них не думать...

От свиста, беспрерывно меняющего частоту, можно было сойти с ума — и вдруг его не стало. В то же мгновение огненные четки, пылавшие в прорезях прямых долин, прекратили свой бег к морю, шесть линейных солнц Рамы вновь превратились в сплошные полосы света.

Однако эти полосы быстро меркли, временами мигая, словно энергетические источники, питающие исполинские лампы, почти истощились. Изредка под ногами ощущалась легкая дрожь, с «Индевора» докладывали, что Рама по-прежнему разворачивается с неуловимой медлительностью, как игла компаса в слабом магнитном поле. Это, пожалуй, был обнадеживающий признак — вот если бы Рама уже закончил разворот, Нортон всполошился бы не на шутку.

Как доложил Питер, биоты исчезли все до одного. Во всем пространстве Рамы не осталось ничего живого, за исключе-

нием людей, с мучительной нерасторопностью карабкающихся по вогнутой чаше северного купола.

Нортон давным-давно забыл о головокружении, испытанном тогда, во время первого восхождения, зато теперь в сознание начали закрадываться страхи другого рода. Здесь, на бесконечном подъеме от равнины к шлюзам, они были так уязвимы! Что, если Рама, завершив маневр, без промедления начнет разгон?

Усилие, очевидно, будет направлено вдоль оси. Если на юг, то это не составит проблемы: их просто прижмет к склону, по которому они поднимаются, немного сильнее. А если на север? Тогда их, чего доброго, выбросит в пространство, и рано или поздно они свалятся на равнину далеко внизу...

Он старался успокоить себя тем, что вероятное ускорение очень и очень невелико. Вычисления доктора Перары крайне убедительны: Рама не может разгоняться с ускорением, большим чем одна пятидесятая *g*, иначе Цилиндрическое море выплеснется через южный утес и затопит целый континент. Но Перера сидел у себя на Земле в уютном кабинете и не знал, что такое километры металла, угрожающе нависшего над головой. И кто сказал, что Рама не приспособлен для периодических наводнений?..

Да нет, это просто смешно. Нелепо и думать, что триллионы тонн способны вдруг ринуться вперед с таким ускорением. И тем не менее на протяжении всего остатка пути Нортон ни на миг не отводил руку от гарантирующих безопасность перил.

Казалось, прошли годы, прежде чем лестница кончилась. Впереди остались лишь считаные сотни метров вертикального, врезанного в плоскость трапа. Трапа, по которому на сей раз даже карабкаться не придется: наблюдатель, перебирая канат, с легкостью вытянет их одного за другим. Притяжение уже не помеха — даже у основания трапа человек весит менее пяти килограммов, а наверху и вовсе ничего не весит.

Так что Нортон мог отдохнуть, устроившись в канатной петле и от случая к случаю хватаясь за перекладину, чтобы совладать с силой Кориолиса, слабеющей, но все еще стремящейся оттащить его тело от трапа. Он почти забыл о судорогах, сводящих каждый мускул,— он смотрел на Раму в последний раз.

Видимость сохранялась примерно такой, как на Земле в полнолуние: общая картина вполне отчетлива, хотя деталей не разглядеть. Южный полюс был частично затянут каким-то светящимся туманом, сквозь который виднелся только Большой рог, но он со стороны вершины казался маленькой черной точкой.

Тщательно нанесенный на карты, но по-прежнему неведомый континент за морем выглядел таким же хаосом лоскутков, как и всегда. Перспектива была слишком искажена, а картина слишком сложна для исследования невооруженным глазом, и Нортон почти не удостоил ее вниманием.

Он обвел взглядом кольцо Цилиндрического моря и заметил впервые, что барашки пены складываются в геометрически правильный рисунок, будто волны натыкаются на рифы через равные интервалы. Он не сомневался, что сержант Барнс благополучно преодолела бы эти волны, попроси он ее переплыть море и верни ей погибший «Резолюшн».

Нью-Йорк, Лондон, Париж, Москва, Рим... он говорил последнее «прости» городам Северного полушария, в душе надеясь, что рамане простят ему причиненный им ущерб. Быть может, они поймут, что все делалось в интересах науки.

Затем неожиданно для себя он очутился в нетерпеливых руках друзей, которые подхватили его и подтолкнули к воздушному шлюзу. Собственные его руки и ноги от перенапряжения неудержимо дрожали, и он был искренне рад, что с ним обращаются, как с немощным инвалидом.

Когда поворотная дверь воздушного шлюза навсегда отрезала его от величественного пейзажа, он успел подумать: «Странно, что ночь наступила здесь именно тогда, когда Рама вплотную приблизился к Солнцу...»

Прошло еще несколько часов — и кокон изменил свою форму. Отражение Солнца стало вытянутым, искаженным. Сфера превращалась в эллипсоид, большая ось которого была развернута в направлении полета Рамы. Именно тогда автоматические обсерватории, без малого двести лет несущие бессменную вахту на подступах к Солнцу, передали первые удивительные сообщения.

В примыкающей к Раме зоне с солнечным магнитным полем происходило что-то странное. Силовые линии в миллионы километров длиной, пронизывающие корону, отбрасывающие жгуты ионизированного газа с такой скоростью, что его подчас не могло удержать даже сокрушительное притяжение,— эти силовые линии закручивались вокруг блестящего эллипсоида. Глаз еще ничего не улавливал, но приборы, вынесенные на околосолнечную орбиту, фиксировали изменение магнитных потоков и ультрафиолетовой радиации.

А затем перемены в области короны стали заметны и невооруженным глазом. Во внешней атмосфере Солнца появилась слабо светящаяся труба или туннель протяженностью в сотни тысяч километров. Туннель слегка изгибался, словно предваряя орбиту Рамы, и сам Рама — а быть может, защитный кокон вокруг него — казался яркой бусиной, летящей по призрачной трубе сквозь корону.

Ведь пришелец по-прежнему набирал скорость; теперь он делал более двухсот тысяч километров в секунду, и никто уже не рискнул бы пророчить, что он останется пленником Солнца. Наконец-то люди поняли стратегию раман: они подошли так близко к светилу просто ради того, чтобы почерпнуть энергию прямо из первоисточника и с еще большей скоростью двинуться дальше, к неведомой конечной цели...

И отнюдь не исключалось, что рамане черпают от Солнца не только энергию. Никто не мог бы поручиться за это — ближайшие наблюдательные приборы были отдалены от Рамы на тридцать миллионов километров,— но по некоторым признакам цилиндр засасывал в себя саму материю Солн-

ца, словно компенсируя те нехватки и потери, которые неизбежно возникли за десять тысяч веков, проведенных в космосе.

Все стремительнее и стремительнее обращался Рама вокруг Солнца, двигаясь теперь быстрее, чем любое тело, когда-нибудь попадавшее в Солнечную систему. Менее чем за два часа направление его движения изменилось более чем на девяносто градусов. И тут Рама окончательно и высокомерно доказал, что начисто не интересуется мирами, чье спокойствие он недавно столь грубо нарушил.

Корабль выскользнул из эклиптики в глубины южного неба, намного ниже плоскости движения планет. Разумеется, и это не было его конечной целью, но курс он взял точно на Большое Магелланово облако, на пустынные бездны вне Млечного Пути.

— Войдите,— рассеянно произнес капитан Нортон, услышав тихий стук в дверь.

— У меня есть для тебя новости, Билл. Я хотела успеть к тебе первой, пока не вмешалась вся команда. И кроме того, это по моему ведомству...

Мысли Нортона, казалось, витали где-то очень далеко. Он лежал с полузакрытыми глазами, заложив руки за голову и притушив свет,— не то чтобы в самом деле дремал, но отдался во власть раздумий. Произнесенные слова вернули его к действительности.

— Прости, Лаура, я отвлекся. О чем речь?

— Не уверяй меня, что ты забыл!..

— Перестань, задира. В последние дни мне, право же, было над чем подумать...

Старший корабельный врач Эрнст взялась за передвижной стул и, подтолкнув его по направляющим, села рядом с капитаном.

— Межпланетные кризисы приходят и уходят, а бюрократические колеса скрежещут с неизменным постоянством. Но наверное, Рама все-таки подтолкнул их. Хорошо еще, что тебе не пришлось испрашивать разрешения у меркуриан...

Ситуация понемногу прояснялась.

— Значит, Порт-Лоуэлл наконец дал добро?..

— Более того, разрешение уже вступило в силу.— Лаура взглянула на полоску бумаги, которую принесла с собой.— Можешь убедиться, внеочередное. Не исключено, что приговор уже приведен в исполнение. Поздравляю.

— Спасибо. Надеюсь, мой наследник не рассердится на меня за эту волокиту...

Как и всем космонавтам, Нортону перед поступлением на флот сделали операцию: годы и годы, проведенные в пространстве, были чреваты даже не опасностью, а стопроцентной уверенностью в возникновении мутаций, вызванных радиацией. Набор генов, только что доставленный за двести миллионов километров на Марс, ждал своей судьбы в замороженном состоянии в течение тридцати лет.

Оставалось лишь гадать, успеет ли он домой к рождению сына. Он заслужил отдых, заслужил покой в лоне семьи — в той мере, в какой это вообще доступно космонавтам. Теперь, когда его миссия была в основном завершена, он начинал понемногу расслабляться, начинал вновь задумываться над своим будущим — и над будущим обеих своих семей. Да, это будет очень славно — погостить дома...

— Слушай,— запротестовала Лаура,— я пришла к тебе сугубо по долгу службы...

— За столько-то лет знакомства,— отвечал Нортон,— можно бы изобрести что-нибудь поостроумнее. Ты же сейчас не на вахте...

— О чем ты думаешь? — осведомилась Лаура Эрнст немалое время спустя.— Уж не становишься ли ты сентиментальным?

— Да я вовсе не о нас с тобой. Я о Раме. Знаешь, мне его, пожалуй, недостает...

— Премного признательна за комплимент.

Нортон сжал ее в объятиях. Ему и раньше приходило в голову, что у невесомости есть свои преимущества, и одно из

них — вот оно: можно не разнимать рук хоть всю ночь, не рискуя затруднить кровообращение. Недаром кое-кто утверждал, что любовь при силе тяжести, равной одному *g*, настолько утомительна, что уже не доставляет радости.

— Это же общеизвестный факт, Лаура, что мужчины, не в пример женщинам, способны думать о двух вещах сразу. Но если серьезно, если чуть-чуть серьезнее — мною владеет чувство потери.

— Могу понять.

— Да не держись ты так сухо — тут не одна причина, а много. Впрочем, какая разница...

Он сложил оружие. Объяснить, что он чувствует, было нелегко даже самому себе.

Он добился успеха превыше всех, конечно трезвых, ожиданий: открытий, сделанных людьми «Индевора» на Раме, ученым хватит на десятилетия. И более того, он сумел совершить все это без единого несчастного случая.

Но если разобраться, то он также и потерпел поражение. Можно строить бесконечные догадки, но природа раман и цель их путешествия так и останутся неизвестными. Они использовали Солнечную систему как заправочную станцию или как трамплин — выбирайте что нравится, а затем презрительно отвернулись от нее, продолжая свой путь к иной, более важной цели. Вероятно, они никогда и не узнают о существовании человечества; такое величавое безразличие было хуже намеренного оскорбления.

Когда Нортон увидел Раму в последний раз, тот казался крохотной звездочкой рядом с Венерой, и капитан понял, что с этой звездочкой улетает часть его жизни. Ему было только пятьдесят пять, однако он сознавал с грустью, что молодость его осталась там, на вогнутой равнине, среди тайн и чудес, отныне и навсегда недостижимых для человечества. Какие бы победы и почести ни готовило ему будущее, на протяжении многих и многих лет ему не избавиться от чувства, что глав-

ное позади, не избавиться от сожалений об утраченных возможностях...

Так он говорил себе. Но даже тогда, на борту «Индевора», он мог бы быть прозорливее.

На далекой Земле доктор Карлайл Перера просто не успел еще никому рассказать, как он очнулся от беспокойного сна, пораженный внезапной мыслью. Однажды возникнув, эта мысль уже не давала покоя, стучала в голове как набат:

Все, что бы они ни делали, рамане повторяют трижды...

Лунная пыль 5
Перевод Л. Жданова

Остров Дельфинов 255
Перевод В. Голанта

Свидание с Рамой 415
Перевод О. Битова